

1933.
А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ
СРЕДНИХ
ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 9 5 5

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

Источниковедение истории средних веков

*Допущено Главным управлением университе-
тов, экономических и юридических вузов Министе-
рства высшего образования СССР в качестве учеб-
ного пособия для государственных университетов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1955

«Источниковедение истории средних веков» соответствует программе высших учебных заведений по этому курсу и является учебным пособием для студентов исторических факультетов, а также справочным изданием для преподавателей вузов и средних школ.

Учебное пособие содержит обзор основных источников по истории поздней античности и стран Западной, Центральной, Северной и Юго-Восточной Европы в эпоху феодализма.

В книге имеются очерк истории изданий средневековых источников и обзор рукописных источников средневековья, хранящихся в собраниях СССР.

Ответственный редактор *В. И. Рутенбург*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие содержит обзор основных источников по истории всех стран Западной Европы в эпоху феодализма (кроме арабской Испании и Турции).

Курсы источниковедения в зарубежной историографии посвящены источникам лишь по истории отдельных стран. Не существовало учебника или обзора средневековых источников в целом и в русской дореволюционной исторической науке.

Главная цель данного пособия заключается в выявлении закономерности появления и развития тех или иных видов исторических источников в тесной связи с общим ходом развития стран Европы в эпоху феодализма, а также в определении, что именно дает тот или иной источник историку-исследователю.

В основу распределения материала по частям и главам положена периодизация, принятая в общих курсах истории средних веков, но с некоторыми изменениями, вызванными спецификой предмета. Во-первых, источники по истории древних германцев и славян, а также поздней Римской империи не включены в раздел раннего средневековья, так как по своему характеру они целиком принадлежат античности и не могут быть подведены под категорию раннефеодальных источников. По таким же соображениям в этот раздел отнесены и источники по истории рабовладельческой Византии VI — середины VII вв., тем более, что не представлялось рациональным рассматривать их дважды: в первый раз — в качестве источников по истории древних славян, вторично — для Византии VI — середины VII вв. Во-вторых, раздел об источниках периода развитого феодализма начат не с XI в., а с X в., когда в основном кончаются источники по истории каролингской и других империй и появляются источники, рисующие все стороны жизни отдельных сформировавшихся в ту пору европейских народностей.

По сравнению с разделами раннего и развитого феодализма главы об источниках XVI — середины XVII вв. имеют небольшой объем. Это объясняется тем, что в XVI — XVII вв. преобладающими источниками, отражающими почти все стороны исторического процесса, являются документальные материалы, поддающиеся групповой и, следовательно, более сжатой характеристике. Что касается многочисленных исторических сочинений периода XVI—XVII вв., то большая их часть имеет по преимуществу историографическое, а не источниковедческое значение.

Чтобы избежать повторений, в начале каждого из разделов помещена общая характеристика основных типов источников данного периода, а в главах, относящихся к источникам отдельных стран, указаны своеобразные особенности этих источников.

Обзор источников повсюду разделен на две большие части: источники по истории социально-экономических отношений и источники по политической истории. Количественное соотношение этих двух частей в каждом отдельном случае зависит от конкретных условий развития той или иной страны и степени сохранности источников. Но следует учесть, что в первой части речь идет, как правило, о характеристике целых групп источников (например, жалованных грамот, цеховых уставов и т. п.), в то время как во второй части описываются отдельные конкретные хроники.

Включение в курс источниковедения произведений художественной и научной литературы средневековья в целом не представляется возможным, так как это чрезмерно увеличило бы его объем. Исключение сделано лишь для эпоса, народных песен и сказаний, изучение которых помогает понять историю народных масс эпохи феодализма.

Главы и части глав о византийских источниках написаны кандидатом педагогических наук, старшим научным сотрудником Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Е. Э. Гранстрем.

Сведения об издании источника следует искать (под номером, помещенным в тексте, в виде мелкой выносной цифры, после имени автора или названия источника) в «Библиографии изданий источников», которая дана по каждой главе отдельно.

В форме подстрочной сноски читатель отсылается к тому месту книги, где помещена основная характеристика источника.

ВВЕДЕНИЕ

Историческим источником называется всякий памятник прошлого, вещественный, письменный или устный, отражающий ту или иную сторону истории человеческого общества. К вещественным источникам относятся археологические памятники, здания, монеты, бытовые предметы; к письменным — надписи, документы, анналы, хроники, мемуары; к лингвистическим — данные истории языка и топонимики (совокупности географических имен). Устное художественное творчество народа — эпические и иные песни, сказания, пословицы, равно как и произведения художественной литературы, созданные писателями и поэтами феодальной Европы, являются своеобразными и весьма ценными историческими источниками. Это можно сказать и о памятниках изобразительного искусства. В этнографических материалах историки также почерпают интересные сведения.

Источниковедение представляет собой вспомогательную историческую дисциплину, задачей которой является подбор исторических источников, их научная систематизация и критическое изучение. Среди всех вспомогательных исторических дисциплин источниковедение занимает центральное место. Оно объединяет результаты, добытые другими дисциплинами при изучении отдельных видов исторических источников. Так, палеография (история письма) имеет дело только с рукописями, дипломатика — с формулами документов, сфрагистика — с печатями, нумизматика — с монетами, геральдика — с гербами, генеалогия — с родословными и т. д. Источниковедение же охватывает весь круг исторических источников и опирается при этом на результаты, добытые остальными вспомогательными дисциплинами. Изучая содержание источников, подвергая их критическому анализу, классифицируя и располагая их в определенную систему, источниковедение доставляет материал для исторического исследования. Неразрывно связанное с исторической наукой, источниковедение растет и развивается вместе с ней.

Огромное значение для научного изучения и систематизации исторических источников имеет марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке. Оно указывает путь к исследованию источников в тесной связи с породившим их общественным строем. Все дошедшие до нас памятники прошлого возникли в свое время в результате общественной деятельности людей, в процессе их общественной жизни. Прежде чем стать источниками для исторической науки, они выполняли для современных им людей функции документов и законов, необходимых для различных сторон жизни, или же являлись записью событий того времени. Поэтому каждому общественному строю присущ свой особый круг исторических источников, содержание которых определяется свое-

образом, свойственным базису и надстройке данного общественного строя, а внешняя форма зависит от соответствующего уровня развития материальной культуры и техники письма. Основанное на марксистско-ленинской методологии источниковедение вскрывает закономерности в появлении, развитии и отмирании отдельных типов исторических источников в связи с развитием общественных отношений, оценивает общественное значение и роль источников в ходе развития той или иной страны, а также в процессе активного воздействия надстройки на базис. Каждый отдельный источник должен изучаться не изолированно, а как часть единого целого и как своеобразное отражение определенных сторон исторического процесса.

Источниковедение западноевропейского средневековья охватывает круг источников, создавшихся в странах Западной Европы в эпоху феодального строя, т. е. с V в. до середины XVII в. Каждому из больших разделов, на которые распадается история этих веков, периодам складывания, расцвета и разложения феодализма свойственно известное своеобразие в типах источников, вызванное общими закономерностями, характерными для того или иного периода. Кроме того, в источниках проявились особенности, вытекающие из конкретных форм исторического развития отдельных стран. Поэтому и при общем обзоре исторических источников, и при конкретном их анализе необходимо учитывать как типические черты (например, общий характер хроник), так и особенности развития отдельных видов источников в той или иной стране (например, наличие или отсутствие так называемых «королевских сводов хроник»).

Использование исторических источников возможно лишь при условии их критического анализа, т. е. установления их достоверности. Историческая наука пользуется разнообразными приемами для осуществления критической проверки источников. Отдельные памятники сопоставляются друг с другом, производится тщательная проверка содержащихся в источниках сведений, учитываются цели и задачи, которые были поставлены в процессе создания тех или иных источников, выясняются классовые и политические тенденции авторов исторических произведений и т. п. Каждый историк должен владеть в совершенстве всеми методами научной критики источников, подобно тому, например, как биолог должен владеть мастерством эксперимента.

В подавляющей своей части средневековые источники относятся к категории письменных. Археологические памятники имеют огромное значение для истории начальной стадии феодализма, от которой осталось мало письменных источников, причем количество археологических памятников все время увеличивается, в то время как фонд письменных источников для истории раннего средневековья остается почти неизменным. Для дальнейших периодов данные археологии важны в плане исследования развития производительных сил, но значение этих данных постепенно уменьшается, так как документы, а также памятники изобразительного искусства (живопись, скульптура) сохранили много ценных сведений и изображений, относящихся к истории сельского хозяйства, ремесла, строительства, средств транспорта и т. п. Архитектурные памятники, бытовые предметы и монеты также интересны для истории материальной культуры и денежного обращения. Но в целом история феодального общества отражена в обширном фонде письменных источников, распадающихся на несколько крупных разделов.

К первому разделу следует отнести документальный материал, в котором различают несколько основных групп: 1) публичные акты, исходившие от представителей власти (среди которых — королевские

княжеские и другие грамоты, издававшиеся по различным поводам, а также документы международных сношений); 2) частные акты, т. е. надлежащим образом оформленные и имевшие законную силу документы различных имущественных и иных сделок между отдельными лицами (акты купли-продажи, закладные, арендные договоры, завещания, брачные контракты, заемные письма, расписки и т. п.); 3) документы хозяйственного значения (описи монастырских и иных поместий, счета и отчеты управляющих поместьями, инструкции управляющим); 4) административная, финансовая, военная и тому подобная документация государственной власти, а также официальная переписка должностных лиц.

Из всех типов источников документальный материал наиболее непосредственно фиксирует различные стороны жизни и поэтому обладает наибольшей достоверностью. Но среди королевских, княжеских и папских грамот (особенно ранних) имеется немало число подложных, пользоваться которыми можно лишь после тщательнейшего их анализа. Вообще документальный материал требует особых приемов исследования и критики, которые установлены особой вспомогательной дисциплиной — дипломатикой. Частные акты и документация государственной власти исследуются обычно большими группами, так как каждый отдельный акт или документ свидетельствует, как правило, лишь об одной сделке или одном факте и для изучения процесса в целом необходимо изучение большого числа документов, доходящего порой до тысяч и даже десятков тысяч.

Второй раздел состоит из юридических источников: 1) различных памятников обычного права, т. е. судебных, аграрных, цеховых и иных обычаев; 2) больших сводов (кодексов) гражданского, уголовного и церковного права; 3) отдельных законов и указов; 4) городских и конституционных хартий; 5) государственных и иных договоров; 6) судебных протоколов, отражающих судебную практику; 7) юридических трактатов, дающих систематизированную картину действующего права, юридических теорий и политических воззрений.

Юридические памятники, оформлявшие право, т. е. часть надстройки феодального общества, имели целью укрепить законами позиции господствующего класса и таким способом активно воздействовать на базис. Степень достоверности правовых памятников неодинакова. Обычное право и судебные протоколы, как правило, ближе к исторической действительности, чем законы, издававшиеся центральной властью, или юридические трактаты. При использовании законов очень важно точно определить тенденцию и интересы законодателя, но следует учитывать, что в феодальном обществе реальные возможности королевской власти не всегда соответствовали ее притязаниям (то же следует сказать и о папской власти). Исследование судебных протоколов и официальной переписки должностных лиц, т. е. источников, отражавших реальную судебную практику, позволяет определить более надежным способом размеры и характер действия королевского законодательства, в ряде случаев оставшегося только на бумаге. Что касается юридических трактатов, авторами которых были преимущественно судьи, то в них интересы господствующего класса выявлены с наибольшей рельефностью, порой в ущерб точному изображению реального положения вещей.

К третьему разделу относятся повествовательные (или нарративные, от лат. *narratio* — рассказ) источники: 1) анналы, т. е. краткие погодные («летописные») записи о важнейших событиях; 2) хроники, содержащие уже связанное изложение событий, расположенное обычно в строго хронологической последовательности; 3) мемуары (т. е. воспоминания)

и дневники; 4) биографии политических и общественных деятелей; 5) жития святых, особенно важные для раннефеодального периода; 6) переписка неофициального характера; 7) публицистика, облекавшаяся в феодальном обществе, не знавшем еще периодической печати, в форму политических трактатов и памфлетов.

В повествовательных источниках в еще большей степени, нежели в документах или в правовых памятниках, отражены события сквозь призму сознания их авторов. Поэтому всем источникам этого типа или в большей мере (например, мемуарам) или в меньшей мере (анналам) присуща субъективность восприятия, переходящая порой в сознательное умолчание о тех или иных фактах или даже в искаженное их изображение. Особенно ярко проявляется классовое сознание средневековых хронистов, когда они повествуют о народных восстаниях. Повествовательные источники, как правило, нуждаются в самой тщательной проверке.

Народные песни, эпос и произведения литературы составляют особый раздел фольклорных и литературных источников, общих как для исторической науки, так и для литературоведения. Но историки используют их под несколько иным углом зрения, чем литературоведы. В первую очередь их интересует, как отражались в сознании народа или писателей те или иные социально-экономические процессы и политические события и как формировалось сознание народных масс. Эти песни и сказания являются главными источниками для истории духовной жизни трудящихся масс эпохи феодализма. Некоторые данные можно извлечь также из истории языка, народного искусства и народных обрядов, сохранявшихся долгое время почти без изменений, особенно в глухих горных областях Европы.

Подавляющее большинство средневековых источников было составлено представителями господствующего класса и это наложило на источники свою печать. Разнообразные документы закрепляли отношения господства и подчинения; той же цели служили законы. Особенно ярко проявились классовые тенденции в повествовательных источниках (анналах и хрониках), в которых речь идет преимущественно о политических событиях, важных в первую очередь для феодалов, церкви и феодального государства. «Представление, будто громкие государственные политические деяния есть решающее в истории, является столь же древним, как и сама историография. Это представление было главной причиной того, что у нас сохранилось так мало сведений о развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений, между тем как оно действительно является движущей силой».* Поэтому история трудящихся масс, которая является главным объектом изучения историков-марксистов, отражена в средневековых источниках далеко не с такой полнотой, как история королей и полководцев. Творчество же самого народа, т. е. песни, сказания и т. п., дающие исключительно ценный материал для истории мыслей и чувств народа, сохранились далеко не полностью и были записаны, как правило, значительно позднее.

Систематизация исторических источников по их содержанию не вполне совпадает с их классификацией по отдельным типам. Большая часть документальных и правовых источников обрисовывает главным образом производительные силы и производственные отношения феодального строя в их развитии. Повествовательные источники содержат преимущественно сведения по политической истории. При описании и

* Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1948, стр. 149.

систематизации источников рациональнее всего исходить именно из этих основных черт их содержания. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что некоторые источники, главным образом древние, т. е. очень редкие и поэтому особенно ценные (например, королевские дарственные грамоты первых веков феодализма), помимо своего основного содержания, рисующего главным образом отношения феодальной собственности на землю, содержат также важные сведения по истории права, а порой и факты политической истории. С другой стороны, в древних анналах и хрониках, рисующих главным образом политическую историю, содержатся некоторые, хотя и скудные, данные по истории социально-экономических отношений. Критический анализ древних грамот и хроник извлекает из них самый разнообразный материал, используемый историками в зависимости от конкретных задач их исследований. Однако даже разностороннее использование древних источников отнюдь не означает, что они при этом совсем утрачивают свою основную характеристику как источников или по истории социально-экономических отношений или же по политической истории. Для периода же развитого феодализма и, еще больше, для периода его разложения и зарождения капиталистического уклада распадение источников по их содержанию на эти две основные группы становится все более резким.

В количественном отношении средневековые источники распределены по отдельным периодам очень неравномерно. От веков отдаленных сохранилось несравненно меньше источников, чем от более близкого к нам времени. Это объясняется в первую очередь гибелью многих древних памятников. Но, кроме того, следует учесть, что сравнительно простые общественные отношения раннего средневековья не нуждались в таком количестве документов, законов, хроник и т. д., как отношения развитого и, особенно, разлагавшегося феодализма. Конкретные условия жизни каждой из стран также наложили свою печать не только на тип источников, но и на их сохранность. Этим объясняется скудость или же обилие тех или иных групп источников по истории отдельных стран.

Немногочисленные дошедшие до нас источники раннего средневековья имеют огромную научную ценность; они издавна привлекали внимание историков, изучались крупнейшими учеными и многократно издавались. Источники эпохи развитого феодализма в целом изучены меньше, хотя использовались многократно. Почти все хроники X—XV вв. изданы, но документальный материал обследован далеко не полностью и опубликован лишь частично. Из огромного количества документов XVI—XVII вв. введено в научный оборот лишь небольшое число, прочая же масса еще ждет своих исследователей. Повествовательные источники этого периода в подавляющем числе были тогда же и напечатаны. Их критическое изучение (за редкими исключениями) далеко недостаточно.

Источниковедение средневековья имеет много точек соприкосновения с тем разделом историографии, в котором исследуются повествовательные произведения, созданные в феодальном обществе. Основным материалом историографии являются в данном случае произведения средневековых анналистов, хроникеров, мемуаристов и т. д., т. е. определенная часть общего фонда исторических источников, изучением которого занимается источниковедение. Однако при анализе повествовательных источников у историографии другие цели, чем у источниковедения. Первая рассматривает развитие исторических концепций феодальных историков, борьбу прогрессивных и реакционных начал в этой отрасли идеологии. Источниковедение исследует те же анналы, хроники и т. д., но с точки зрения достоверности содержащихся в них сведений и той

роли, которую данные источники сыграли в жизни общества. Вместе с тем историография и источниковедение заимствуют друг у друга полученные в результате исследования данные и взаимно дополняют их. Без учета исторической концепции автора нельзя правильно оценить достоверность источника; с другой стороны, точность в передаче фактического материала или его фальсификация совершенно неотъемлемы от пронизывающей все произведение общей исторической концепции.

Источниковедение играет большую и важную роль при критике исторических исследований, так как от правильности использования источников зависит обоснованность суждений и выводов авторов исторических трудов. Эта правильность использования источников проверяется путем выяснения, насколько полон подбор документальных материалов и повествовательных произведений, лежащих в основу исследования, и насколько хорошо автор осведомлен в специальной источниковедческой литературе. Пробелы в той или другой области приводят, как правило, к сужению фактического материала и к некритическому использованию источников. Наконец, тщательное сличение содержащихся в источниках данных с суждениями автора позволяет установить уровень его исследовательского мастерства и, следовательно, качество его выводов.

В реакционной буржуазной историографии нередки случаи искажения смысла и содержания исторического процесса и вместе с тем и смысла исторических источников. Вскрывая ошибочность концепций буржуазных историков, необходимо вскрыть также неправильность их источниковедческих приемов, заключающихся, в первую очередь, в игнорировании отдельных источников и даже целых их категорий, если данные этих источников противоречат мнениям авторов. Буржуазная историография неоднократно прибегала и прибегает к прямой фальсификации источников. Последняя выражается в неправильных толкованиях, в дискредитировании научной ценности тех или иных источников, особенно древних, наконец, в объявлении их фальшивками (например, Салической правды).^{*} Примерами такого рода особенно богата современная реакционная американская историография.

Необходимо отметить, что и в тех работах буржуазных историков, которым отнюдь нельзя отказать в научной добросовестности, исторические источники редко бывают раскрыты и исчерпаны до конца. Методология буржуазных историков воздвигает преграду между ними и данными источников. Маркс заметил по поводу источников, освещающих историю борьбы между Россией и Швецией в начале XVIII в., что эти источники «известны, конечно, всем историкам, но у них нет ключа к пониманию их».^{**} Это отсутствие ключа к правильному пониманию содержащихся в источниках сведений свойственно в той или иной мере всем буржуазным историкам. Сравнение их работ с фактическим материалом источников обнаруживает вольные или невольные искажения последних. Работая над изучением источников и литературы по истории Ирландии, Энгельс на каждом шагу наталкивался на эти искажения. Он писал Марксу: «Безобразие, что не всегда можно пользоваться источниками в оригинале, из них можно почерпнуть гораздо больше, чем из обработок, которые делают туманным и запутанным все, что там ясно и просто».^{***}

^{*} См. стр. 59—60.

^{**} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 114.

^{***} Там же, т. XXIV, стр. 213.

Классики марксизма-ленинизма дали в своих трудах блестящие образцы глубокого и всестороннего изучения и использования исторических источников. Из тех же источников, которые были в распоряжении буржуазной науки, путем анализа, основанного на марксистско-ленинской методологии, они извлекли фактический материал, послуживший фундаментом для гениальных обобщений, раскрывших действие законов общественного развития. Фонд исторических источников в целом остается одним и тем же и для буржуазных историков и для историков-марксистов. Но лишь последние имеют, по образному выражению Маркса, ключ к их пониманию.

Буржуазное источниковедение занимается главным образом формальной критикой памятников прошлого, обращая особое внимание на форму и тип исторических источников. Классификация последних проводится также по формальному признаку. Источники подразделяются на «исторические остатки» (*Überreste*, по терминологии немецких историков), куда входят документы, монеты, археологические и архитектурные памятники, и «историческую традицию», охватывающую различные письменные или устные исторические повествовательные произведения, т. е. хроники, мемуары, былины и т. д. В основу такого деления положен принцип оценки исторических источников не по их содержанию, освещающему ту или иную сторону исторического процесса, а по форме. Эта классификация недостаточна для полного раскрытия содержания источников и для распределения по отдельным периодам всей совокупности наличных источников.

В буржуазной науке не существует общих обзоров и курсов по источниковедению, где были бы рассмотрены все основные типы источников для всех стран эпохи феодализма в Западной Европе, а в обзорах источников по истории отдельных стран не объединены источники разных типов. Обычно в таких трудах освещены только анналы и хроники, о документальном материале по политической истории упоминают лишь вскользь, а источники по истории производственных отношений отсутствуют почти полностью. Обзор источников строится обычно, как перечень их в хронологическом порядке и по жанрам, а анализ источников зачастую сведен к краткому пересказу их содержания. Часто источники рассматриваются в отрыве от развития социально-экономических отношений и в лучшем случае лишь несколько связаны с политической историей страны. Поэтому в буржуазной науке отсутствует научная систематизация исторических источников, учитывающая развитие общественных отношений.

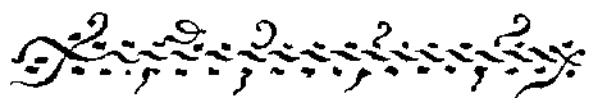
Вместе с тем у буржуазных историков есть большие заслуги в области источниковедения, как и вообще в области вспомогательных исторических дисциплин. Начатый еще в эпоху Возрождения огромный труд выявления, опубликования и изучения средневековых источников выполнен ими в значительной степени.* В результате накоплен обильный фактический материал и выработаны многие критические приемы исследования источников. Буржуазное источниковедение сделало очень много для определения достоверности сообщаемых источниками сведений; особенное внимание было обращено на критику документов, законов, анналов и хроник раннего средневековья. Однако, ограниченность методологии буржуазных историков помешала им в ряде случаев дать убедительные выводы при определении времени составления тех или иных источников и т. п. Исследуя повествовательные источники,

* См. Очерк истории издания средневековых источников, стр. 344—353.

буржуазные историки учитывают обычно только политическую ориентацию авторов хроник, мемуаров, публицистических произведений. Их классовую тенденциозность они почти всегда игнорируют, обращая на нее некоторое внимание лишь в тех случаях, когда она выражена настолько ярко, что не увидеть ее невозможно. В результате они нередко ошибаются в оценке таких источников.

Перед советской исторической наукой стоят большие задачи в области изучения западноевропейских средневековых источников как опубликованных, так и хранящихся в библиотеках и архивах СССР рукописей и документов, освещающих различные вопросы истории средневековья.

ПОЗДНЯЯ
АНТИЧНОСТЬ

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ, СЛАВЯН, ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ВИЗАНТИИ (до середины VII в.)

Источники, позволяющие исследовать общественный строй и развитие «варварских» народов — кельтов, германцев, славян, в эпоху античности весьма разнообразны. Много ценных сведений об уровне материальной культуры дает археология; важны также данные лингвистики и фольклора. Кроме того, уже с I в. до н. э. наука располагает и письменными источниками.

Благодаря тому, что древние кельтские, германские и славянские племена уже на заре своего существования пришли в соприкосновение с более развитыми в ту пору странами Средиземноморья, их ранняя история известна нам с большей достоверностью и полнотой, чем, например, окутанная легендами история первых веков существования Рима. Как только римляне встречались с кельтами и германцами и между ними начались то войны, то мирные сношения, в римской среде появлялись произведения, описывающие военные силы, общественный строй и быт обитателей Галлии и Германии. В VI в. аналогичное явление повторилось в Византии по отношению к славянам. Все сведения такого рода имеют исключительную ценность, так как сами кельтские, германские и славянские народы не могли оставить об этом периоде своей жизни таких подробных и систематизированных данных, какие имеются в сочинениях римских и византийских писателей. Живя родовым строем, они не имели еще в ту пору своей развитой письменности, которая появляется лишь в связи с появлением классов, т. е. на определенной ступени развития общества. У германских же племен во времена Тацита (конец I в. н. э.), по словам Энгельса, «рунические письмена (подражания греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайное письмо и служили только для религиозного колдовства».* Даже через 150—200 лет руническая письменность употреблялась главным образом для религиозных целей.** Руны вырезывались обычно на деревянных палках; буквы имели угловатый характер. Свои собственные письменные источники появились у «варварских» народов лишь много позже.

Германцы С кельтскими племенами римляне столкнулись еще в V в. до н. э., с германцами несколько позже. Первые подлинные сведения о германцах сообщил около 325 г. до н. э. греческий купец из Массилии (Марселя) Питеас. Эти сведения сохранились в сочинениях Плиния Старшего. Проплыв через Ламанш в Северное море к «Янтарному берегу», Питеас обнаружил там (вероятно, в устье р. Эмса) племена тевтонов и гуттонов. Но в целом сведения, содержа-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 119.

** Там же, стр. 375.

вшиеся у античных авторов, обрисовывают главным образом взаимоотношения Рима с галлами и германцами и относятся к истории античности. Здесь же следует остановиться лишь на таких произведениях, в которых имеется материал об общественном строе древних германцев.

К таким источникам в первую очередь относятся «Записки о галльской войне» (*Commentarii de bello gallico*)¹ Гая Юлия Цезаря (100—44 до н. э.) в 7 книгах.* Наместник римской провинции Галлии в 58—50 гг., Цезарь описал ход ее завоевания, а также общественный строй и быт галльских племен, находившихся в стадии господства патриархального рода; но у них уже начинала выделяться родовая знать и появились обедневшие люди. Столкновения с германцами, пытавшимися проникнуть в Галлию с востока, заставили Цезаря дать сведения и о них. Эти данные обрисовывают полуседлый образ жизни и господство у германцев родового строя. Помимо сообщений о войнах римлян с галлами и о походах против германцев, в «Записках» содержатся два так называемых «германских экскурса». Первый помещен в начале четвертой книги (главы 1—3) и посвящен описанию крупного германского племени свевов, нападения которого на другие племена заставили последних в 55 г. до н. э. перейти Рейн и вступить на территорию Галлии. Второй экскурс находится в шестой книге (главы 21—29) и содержит описание общественного строя и быта германских племен вообще, а также природы Германии. Ему предшествует более подробное описание общественного строя и быта галльских племен, с которыми второй германский экскурс связан тематически. При изучении двух экскурсов неизбежно встает вопрос об их соотношении между собой, поскольку во втором имеются некоторые повторения и изменения по сравнению с первым. Этот вопрос находится в тесной связи с вопросом о характере самого произведения в целом. По мнению некоторых ученых, «Записки» составились из ежегодных донесений Цезаря римскому сенату, которые ежегодно же опубликовывались. В таком случае второй германский экскурс является органической частью шестой книги и закономерно дополняет главы, посвященные общественному строю и быту галлов. Другие историки считают, что весь текст «Записок» был составлен одновременно в 52—51 гг. и тогда же опубликован. Если принять эту гипотезу, то второй экскурс следует считать позднейшей вставкой, сделанной в процессе переработки всего материала в целом. Как бы то ни было, второй экскурс (в шестой книге) является более полным и достоверным, чем первый, так как относится к более поздней стадии ознакомления Цезаря с германцами.

При описании военных столкновений римлян и галлов с германцами Цезарь опирался отчасти на собственные наблюдения; что же касается его сведений об общественном строе и быте германских племен, то они основаны главным образом на рассказах галлов и самих германцев. Не следует упускать из вида, что по всем своим воззрениям римлянин Цезарь был чужд обычаям и отношениям, господствовавшим у германцев, не понимал их и потому невольно искажал. Одна из важнейших черт жизни германских племен—совместное пользование землей (по родам) и частая смена пашен — изложена у Цезаря неверно. По этому поводу Энгельс замечает: «указание Цезаря на ежегодную смену пахотной земли не следует понимать буквально; как правило, обычный переход на новую землю происходил по меньшей мере через каждые две или три жатвы. Все место—несвойственный германцам раздел земли

* Восьмая книга написана близким к Цезарю полководцем Авлом Гирцием.

князьями и должностными лицами и особенно подсунутые германцам мотивы этой быстрой смены земель — дышат римскими представлениями. Римлянину эта смена земель была непонятна.* Эти «подсунутые германцам мотивы» таковы: смена пашен не создает привычки к оседлому образу жизни, и никто не желает менять войну на земледелие, нет стимула для расширения землевладения и нет нужды в постоянных жилищах; отсутствует жадность к деньгам; простой народ чувствует себя равным со знатью. В целом труд Цезаря представляет собой червычайно ценный источник, сообщающий очень важные сведения об уровне развития как галлов, так и германских «полукочевых воинственных племен, медленно продвигавшихся по средневропейским лесным равнинам»** в середине I в. до н. э. Но при использовании сведений, даваемых Цезарем (так же как впоследствии Тацитом и другими римскими и византийскими писателями), необходимо учитывать своеобразное преломление реальности сквозь призму римских и византийских представлений авторов той эпохи.

Несмотря на краткость сообщаемых Цезарем сведений, обрисованный им общественный строй германских племен не оставляет сомнений в том, что в то время германцы не знали частной собственности на землю и обрабатывали ее совместно, родовыми общинами.

Эти данные крайне невыгодны для реакционных буржуазных историков, отрицающих общинную и общественную собственность и прославляющих якобы вековечное господство частной собственности. Поэтому они приложили не мало усилий, чтобы извратить смысл сообщаемых Цезарем фактов. Так, например, австро-американский историк Допп и его последователи утверждают, что Цезарь наблюдал германские племена не в мирной обстановке, а во время их военных передвижений, когда, в силу военных условий, они были вынуждены временно обрабатывать землю сообща. Такое истолкование источника является совершенно произвольным и гол-вой выдает авторов, фальсифицирующих древнюю историю германцев в угоду своим классовым интересам. Свидетельство Цезаря полностью подтверждается последующими письменными источниками и археологическими памятниками.

Важные сведения о германских племенах на рубеже новой эры имеются в «Географии» греческого ученого Страбона (около 64 г. до н. э. — 19 г. н. э.). Опираясь преимущественно на греческие, ныне по большей части утраченные, источники, Страбон описал (в IV и в VII книгах) реки, горы, леса и озера Германии, перечислил отдельные германские племена и обрисовал быт некоторых из них, отметив, что главное свое пропитание они получают от скота и часто меняют местожительство. Но сам он в Германии не бывал, и области за Эльбой остались ему совершенно неизвестны.

Знаменитый римский энциклопедист Гай Плиний Старший (около 24—79 гг. н. э.) в 47—51 гг. служил в римской армии, расквартированной в рейнских областях Германии. В его труде «Естественная история», законченном около 77 г., разбросаны, основанные на собственных наблюдениях автора, очень ценные сообщения о флоре и фауне Германии, о методах удобрения земли, о злаках и овощах, возделывавшихся германцами, об их одежде и некоторых обычаях, о добыче янтаря и т. п. Плиний посетил также побережье Северного моря (нынешнюю Фрисландию) и подробно описал образ жизни обитавших там хавков. Особенно важен отрывок из IV книги (глава 99), где Плиний дал распределение германских племен по пяти основным группам и сообщил некоторые сведения об их расселении.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 346.

** Там же, стр. 347

В течение I в. н. э. совершился переход германцев от полукочевого образа жизни к оседлости. Это был, по словам Энгельса, «первый большой отдел немецкой истории—окончательный переход от кочевой жизни к оседлости, по крайней мере для большей части народа, от Рейна до областей, лежащих далеко за Эльбой. Названия отдельных племен начинают более или менее срачиваться с определенными местностями».* Вследствие этого произведение Публия Корнелия Тацита (около 55—120 гг. н. э.) «О происхождении, местожительстве и нравах народов Германии» (*De origine, situ, moribus ac populis Germaniae*),² называемое обычно кратко «*Germania*», содержит уже не только описание общественного строя и быта германцев, но и подробное описание их размещения по обширной территории Германии и Скандинавии. Сам Тацит Германии не посетил, но, возможно, что он побывал близ Рейна и Дуная. Для своего труда (равно как и для других своих исторических работ — «Анналов» и «Историй», — где имеются сведения о войнах с германцами) он использовал произведения своих предшественников: Тита Ливия, Страбона, не дошедшие до нас «Германские войны» (*Bella Germaniae*) Плиния Старшего. Многие он мог узнать от римских купцов и полководцев, а также от германцев, служивших в римской армии или живших в Италии в качестве заложников, рабов-военнопленных и т. д.

Книга Тацита имеет две части. В первой, общей части (27 глав) содержится описание расположения и природы Германии, а также общественного строя, быта и религии германцев, уже перешедших к прочной оседлости и сделавших большие успехи в развитии земледелия и скотоводства. В это время у них уже имеется родовая знать, существуют рабы. Во второй части (главы 28—46) охарактеризованы отдельные племена и их размещение по территории Германии (в направлении от Рейна на восток и северо-восток, вплоть до берегов Балтийского моря). За свевами Тацит помещает венедов (западных славян), но не знает, причислить ли их к германцам или к сарматам. Отдаленность славянских областей от Рима и отсутствие с ними прямых связей объясняют это сомнение.

Подобно Цезарю, Тацит не всегда верно истолковывает отдельные черты жизни германцев, не понимает их религии. В некоторых случаях (впрочем, немногочисленных) текст не вполне ясен, отчасти по вине переписчиков. В особенности это касается знаменитого места из 26-й главы, где речь идет о землепользовании, т. е. о вопросе, имеющем чрезвычайную важность при определении господствовавшего у германцев вида собственности. Вокруг толкования этого отрывка буржуазных историков велись ожесточенные споры. Маркс (в письме к Энгельсу от 25 марта 1868 г.***) и Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»*** дали правильное чтение и истолкование указанного места, свидетельствующего о периодических переделах пахотной земли (*agva*) и о наличии, наряду с ней, земли общинной (*ager*). Энгельс указывает, что за 150 лет, отделяющих рассказ Цезаря от свидетельства Тацита, германцы не могли перейти от совместной обработки земли, описанной Цезарем, к полной частной собственности на землю, поскольку это изменение «за такой короткий промежуток времени и без

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 349—350.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 201.

*** Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1949, стр. 144—145.

зсякого вмешательства извне представляется просто невозможным».* Текст Тацита говорит об обработке земли отдельными хозяйствами с ежегодными ее переделами, т. е. отражает стадию, переходную от общей к частной собственности на землю.

В целом труд Тацита дает очень яркую, цельную и в основном достоверную картину. В средневековой Германии он получил наименование «золотой книжечки» (*libellus aureus*), и действительно, без нее наши сведения о древних германцах были бы неизмеримо скуднее.

В буржуазной исторической науке «Германия» вызвала много споров. Одни историки считали ее политическим памфлетом, написанным с целью отвратить императора Траяна от замышлявшегося им покорения Германии. Другие расценивали книгу Тацита, как сатиру на римские нравы; третьи вообще отрицали ее достоверность, так как содержащиеся в ней сведения были им еще более невыгодны, чем данные Цезаря. Уже упомянутый Допш просто замалчивает многие нежелательные для него данные, сообщаемые Тацитом. Фашистские «историки»-расисты подвергли текст «Германии» новой фальсификации. Так, например, в военных вождах древних германцев они усмотрели истоки «вождизма» (*Führertum*), якобы свойственного народам «высшей нордической расы», который привел к завоеванию германцами Римской империи. Все эти и им подобные измышления ничего общего с наукой не имеют и должны быть полностью отброшены при рассмотрении труда Тацита.

Как самим фактом своего появления, так и собранным в ней материалом «Германия» свидетельствует о большом интересе, существовавшем в Риме к этой теме вследствие общих взаимоотношений Римской империи с германцами. Германские народы становились силой, с которой следовало считаться и которую следовало знать и оценивать по достоинству. Разумеется, Тацит, этот последний представитель староримского патрицианского образа мыслей и защитник идеологии пришедшей в упадок аристократии, не упустил случая, чтобы осудить распущенность римских нравов своего времени, сравнивая их с суровым и простым образом жизни германцев. Но это сопоставление в его произведении является лишь одной из деталей и не может определить собой все содержание «Германии».

Сравнение материалов Цезаря, Страбона и Плиния с данными Тацита наглядно показывает путь развития германских племен. Это важно подчеркнуть потому, что обрисованные в этих источниках этапы имеют типический характер и в своих основных чертах свойственны всем племенам и народам на стадии общинно-родового строя и начала его разложения.

Знаменитый греческий ученый Птоломей (первая половина II в. н. э.) попытался даже разместить на карте германские племена и венедов, пользуясь сведениями, полученными из письменных источников и от римских купцов, которые во II в. уже нередко бывали не только в западной, но и в восточной части Германии (за Эльбой) и знали многие географические названия. Птоломей мог поэтому перечислить около сотни населенных пунктов, и некоторые его сведения имеют чрезвычайную ценность. Но, наряду с ними, в его карте немало неточностей и в целом, как отмечает Энгельс, «его география Германии ошибочна».** Следует отметить, что сведения о славянах в это время были еще крайне скудны. Что касается германских племен, то во II—III вв. интерес к ним в Риме несколько ослабел. После неудачных попыток превратить Западную Германию в одну из римских провинций, империи пришлось отказаться от своих агрессивных замыслов. Рим перешел к обороне и его

* Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 145.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 351.

границы с германцами на время стабилизировались. Поэтому мы не имеем для III—V вв. специальных трудов о Германии. «С Тацитом и Птоломеем, — пишет Энгельс, — прекращаются письменные источники о событиях и условиях внутренней жизни Германии. Но открывается ряд других гораздо более наглядных источников — находки памятников древности».* Археологические памятники III—V вв., найденные в Германии, дают множество ценных сведений о развитии земледелия, ремесла, судостроения, торговли с Римом. Особенно богатые археологические находки были сделаны в восточной и северной Германии, по торговому пути через Моравию и Силезию, а также в шлезвигских торфяных болотах. Найденные в большом количестве римские монеты указывают на оживленные торговые связи с Римской империей, а различные местные работы изделия из железа и драгоценных металлов (кольчуги, шлемы, головные обручи, застежки, кольца, бляхи для украшений и т. п.) свидетельствуют о значительном прогрессе в области обработки металлов. Для плаваний в Балтийском море служили большие дубовые ладьи. Стекланные сосуды и бусы, глиняная посуда, ножны для мечей, сандалии, куски тканей и другие предметы, а также зерна злаков и кости домашних животных дают основание для вывода, что в III—V вв. германцы сделали значительные успехи в земледелии, скотоводстве, судостроении и в различных ремеслах. В это же время у них повсеместно распространилась и усовершенствовалась руническая письменность, используемая (помимо религиозных целей) для надписей и других кратких записей.

**Поздняя
Римская империя
IV—V вв.**

Полный и подробный обзор источников за последние два века существования Римской империи не может входить в задачу источниковедения средневековья. Необходимо ограничиться лишь важнейшими источниками, которые дают основной материал для ознакомления с зарождением элементов будущего феодального строя (колонат), с историей классовой борьбы, потрясавшей в ту пору Римскую империю, а также с историей вторжений «варварских» народов. Кроме того, следует остановиться и на историографическом наследстве античного мира, так как оно было впоследствии использовано в раннефеодальном обществе.

Характер источников в целом остается одинаковым в западной и восточной частях империи не только в IV в., но и после ее раздела в 395 г., несмотря на начавшиеся вторжения германских народов и связанную с этим ломку рабовладельческих отношений на Западе. В V в. в вестготском, остготском и бургундском государствах законы германцев еще сосуществовали с римским правом, а история писалась главным образом христианскими епископами, происходившими из местного римского населения. Языком официальных документов и законов во всех европейских частях империи и в северной Африке продолжал оставаться латинский; греческий язык в ту пору был принят только в азиатских провинциях и в Египте. Повествовательные источники IV—V вв. писались как на греческом, так и на латинском языках, и в среде образованных людей были распространены оба языка. Кроме того, зачастую греческие хроники переводились на латинский, армянский, сирийский и другие языки.

Степень сохранности источников для различных провинций далеко не одинакова. Из документального материала лучше всего сохранились тексты надписей на камне, рассеянных почти по всем областям империи

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 364.

сообщения о победах, о строительстве и украшении городов, тексты законов и распоряжений, надгробные надписи и т. д.). Чтение и изучение надписей составляет предмет одной из вспомогательных дисциплин античности — эпиграфика. Остальной чрезвычайно богатый фонд документов (главным образом частных актов) в подавляющем большинстве не сохранился. Наиболее распространенным писчим материалом античности был папирус, изготовлявшийся в Египте из стеблей нильского тростника (папируса). Его качества вполне удовлетворяли требованиям, предъявлявшимся в ту пору к писчему материалу, но испытания временем он не выдержал; до нас дошли лишь ничтожные обрывки рукописей, писанных на папирусе. Особенно пострадал документальный материал. Тексты же античных авторов, своды законов и т. п. в IV—VII вв. были в большей части переписаны на другой, несравненно более прочный материал — пергамент (изготовлявшийся из бараньей, козьей или телячьей кожи), и благодаря этому сохранились для потомства.

Лишь в одной из провинций — Египте, благодаря исключительно сухому климату, сохранилось большое число написанных на папирусе документов IV—VII вв. (вплоть до завоевания Египта арабами в 641 г.). Эти документы, вследствие того что письмо на папирусе имеет несколько своеобразный характер, а язык насыщен особой терминологией, изучаются особой вспомогательной дисциплиной — папирологией. Число папирусных документов IV—V вв.,* добытых путем раскопок, доходит до многих десятков тысяч и в результате все новых и новых археологических экспедиций постоянно увеличивается. В первую очередь они чрезвычайно ценны для истории аграрного строя, налоговой системы и других сторон жизни самого Египта; в то же время они проливают свет и на проблемы, общие для истории всей поздней Римской империи: разложение рабовладения, развитие колоната, налоговую политику империи, роль общины в Восточной Римской империи и т. п. Среди них встречаются арендные договоры, купчие, поручные записи (поручительства), денежные отчеты по отдельным имениям, переписка по управлению некоторыми имениями, поместные архивы, заемные записи, различные контракты, отчеты о сборе налогов, петиции населения к властям по самым разнообразным вопросам, списки лиц, заключенных в тюрьмы и т. д. Документы свидетельствуют о скоплении в руках крупных землевладельцев и монастырей обширных имений и большого количества земельных участков, о борьбе мелких свободных земледельцев за сохранение земли и свободы, о насилиях, чинимых над ними властями, о развитии колоната.

Огромное значение для исследования социально-экономических отношений во всей империи имеют правовые источники. Обширное законодательство IV—V вв. касается всех сторон жизни империи, но в первую очередь оно важно для исследования таких вопросов, как положение рабов и колонов (прикрепление колонов к земле и рост их личной зависимости), а также рабочих в мастерских, как налоговое обложение, управление провинциями и т. п. Законы рельефно обрисовывают страшное угнетение государством и рабовладельцами народных масс и тяжкие наказания, выпадавшие на долю тех, кто сопротивлялся этому гнету. На основных правовых источниках этого времени следует остановиться и потому, что они оказали сильное воздействие на законодательство некоторых ранних германских государств.

* См. стр. 30.

Уже во II—III вв. были составлены отдельными юристами неофициальные сборники императорских указов (*Pariri Justi* в середине II в., *Codex Gregorianus* при Диоклетиане), дополненные в начале IV в. Гермогенианом (*Codex Hermogenianus*). Первый официальный свод римского права появился при императоре Восточной Римской империи Феодосии II (408—450) и носит его имя (*Codex Theodosianus*). Он был опубликован в 435 г., когда особая комиссия закончила систематизацию и частичную переработку текстов императорских законов, начиная с Константина Великого. Кодекс Феодосия³ (дошедший до нас не полностью) состоит из 16 книг, разделенных на многие титулы (главы), внутри которых составители стремились сохранить хронологический порядок указов. Необходимо упомянуть и об учебнике римского права юриста II в. Гая, озаглавленном «Институции» (*Institutiones*). Этот учебник не только пользовался широким распространением в IV—V вв., но и послужил источником для ознакомления германцев с правом римлян, проживавших под властью новых германских государств.

Христианская церковь, став в начале IV в. государственным учреждением, приобрела широкую законодательную компетенцию. На периодически собиравшихся церковных соборах церковь принимала постановления, обязательные для всех христиан. Акты таких соборов (*Acta conciliorum*) представляют собой один из важных источников не только для истории церкви, но и для истории в целом, так как в них нашли отражение почти все социальные и политические события.

Очень важным памятником является «Описание всего мира» (*Expositio totius mundi*), составленное в 350 г. купцом, который объездил восточные области империи. В этом памятнике подробно и живо описаны Александрия, Эфес, Смирна, провинции Вифиния и Фракия, имеются сведения о природных ресурсах, сельском хозяйстве, ремесле и торговле в этих местностях.

Для ознакомления с администрацией, географией и военным устройством империи существует несколько важных официальных документов. Первый из них представляет собой составленные в начале V в. (не раньше 410 г.) «Сведения о должностях и управлении гражданском и военном в восточной и западной частях (империи)» — (*Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis*)⁴. С этим источником тесно связан другой: «Сведения о провинциях и городах Галлии» (*Notitia provinciarum et civitatum Galliae*). В них содержатся списки должностных лиц в каждой из провинций, названия расквартированных в них легионов, сведения о государственных мастерских и т. п. Эти источники дают картину римской административной и военной системы накануне вторжений германских племен в V в. Географический обзор империи дан в так называемой карте Пейтингера (*Tabula Peutingeriana*), состоящей из 12 листов (в ней недостает самой западной части империи), составленной, вероятно, еще во II в.; затем на нее вплоть до правления Юстиниана наносились добавления. На карту нанесены дороги, названия географических пунктов, областей и населяющих их племен и народов. Карта сохранилась лишь в копии XIII в., найденной в начале XVI в. немецким гуманистом Конрадом Цельтесом и подаренной им секретарю и историографу города Аугсбурга К. Пейтингеру, от которого при издании карта получила свое имя.

История IV в. изложена в трудах нескольких историков—Аммиана Марцеллина, Евнапия из Сард и Зосима. Аммиан Марцеллин, грек по происхождению (около 330 г. — конец IV в.). в 353—363 гг.

принимал участие в войнах Юлиана на Востоке и в Галлии, затем жил в Антиохии и в Риме, где написал по-латыни «Деяния» (*Res Gestae*)⁶ в 31 книге, задуманные как продолжение «Анналов» и «Историй» Тацита. До нас дошли лишь 18 книг, охватывающие 353—378 гг. и написанные около 390 г. В них дан подробный и связный рассказ (единственный для указанных годов) о войнах империи с персами, готами, аламаннами, франками, бургундами и др. В некоторых из этих войн автор сам принимал участие, о других был хорошо осведомлен. Этим объясняется богатство фактического материала и значительная достоверность сообщаемых сведений. Так, Аммиан Марцеллин сам видел гуннов и мог описать по личным наблюдениям их нравы, обычаи и способы ведения войны. Его сочинение является основным и лучшим источником для истории войны Юлиана с аламаннами (357 г.) и борьбы империи с готами. Эти же события, равно как и история конца IV и начала V вв., описаны у грека Зосима (вторая половина V в.), труд которого, составленный на основе хороших (ныне утраченных) источников, доведен до 410 г. У Зосима имеются, хотя и краткие, но очень важные по содержанию сведения о революционных выступлениях рабов и колонов в связи с вторжением вестготов, а также данные о восстаниях в Малой Азии, Сирии, Фракии и т. д.

Историческое сочинение Евнапия из Сард (середина IV—начало V вв.), сохранившееся лишь в отрывках у Зосима и охватывающее события 270—404 гг., менее важно, чем его другое произведение, называемое «Биографии софистов». В нем содержатся биографии многих современников Евнапия, что делает этот источник ценным для истории культуры и особенно истории философской мысли того времени.

Продолжателем Евнапия является греческий языческий историк Олимпиодор из Фив (вторая половина IV в. — после 425 г.), историческое сочинение которого, описывающее события 407—425 гг., посвящено императору Феодосию II. Это сочинение сохранилось лишь в извлечениях у Зосима и у византийского писателя IX в. Фотия.*

Большое значение для развития летописания в раннефеодальном обществе имели официальные погодные записи событий, составлявшиеся в империи. На первое место среди них следует поставить римские консульские фасты (*Fastii consularis* или *Consularia*). Они представляли собой римский официальный список консулов, к которому затем добавлялись краткие записи о важнейших государственных событиях, случившихся в том или ином году. Консульские фасты (анналы) регулярно велись в Риме, а затем в Равенне и Константинополе до конца VI в. Они неоднократно редактировались и получали затем все новые и новые продолжения. Считается, что текст их состоит из нескольких частей, отредактированных последовательно в 445, 456, 493, 526 и 572 гг. Они были основой для всех исторических трудов, составлявшихся в IV—VI вв. По мере распада Западной Римской империи на отдельные полунезависимые провинции, консульские фасты продолжались также и на местах. Из них черпали материал по политической истории не только современные им, но и последующие историки. Так, например, писавший в конце VI в. в Галлии Григорий Турский использовал в своем труде Арльские и Анжерские анналы, которые не дошли до нас.

Консульские фасты послужили основой также и для многочисленных сборников типа календарей. Известно, что один из таких сборников был составлен в 354 г. римским писцом Филокалом. Рукопись с этим текстом еще существовала в XVII в., затем была утрачена. Немецкий историк Т. Моммзен попытался рекон-

* См. стр. 103.

струировать из отдельных отрывков, сохранившихся в разных рукописях, состав этого своеобразного исторического альманаха. Он назывался «Хронограф 354 г.» (*Chronographus anni 354*) и состоял из следующих частей: 1) календаря с указанием дней рождения императоров, заседаний сената и общественных игр; 2) консульских фастов до 354 г.; 3) пасхальных таблиц (т. е. расчетов пасхи и других христианских подвижных праздников) с 312 до 412 г.; 4) списка римских префектов за 254—354 гг.; 5) списка римских пап до 352 г.; 6) топографии г. Рима; 7) всемирной хроники до 334 г.; 8) хроники г. Рима до 354 г. Сохранились отрывки и из других аналогичных сборников V в.

В IV—V вв. сложился новый тип исторического произведения, оказавший огромное влияние на всю раннюю средневековую историографию. Это всемирные хроники, составленные христианскими историками. Они возникли в пору распространения христианства и его утверждения в качестве государственной религии, когда явилась «потребность дополнить мировую империю мировой религией».* Это был также век социальных потрясений, восстаний рабов и колонов, век борьбы церкви с многочисленными ересями, в которых, под религиозной оболочкой, скрывался протест неимущих и обездоленных масс против всего общественного строя. Новая идеология церкви и господствующего класса, возникавшая в этой обстановке, была пропитана церковным духом. Она отразилась и в исторических концепциях. Ядром римской историографии была история Рима, история «вечного города», завоевавшего все Средиземноморье. К IV в. эта концепция утратила свое прежнее значение. Рим перестал быть центром средиземноморского мира и столицей империи. Ослабла его военная мощь, отдельные провинции, ставшие ареной ожесточенной классовой борьбы, приобрели известную независимость. Исчезло политическое единство империи. Она раскололась на две части, с преобладанием восточной половины, включавшей наиболее передовые и старые культурные области эллинистического Востока. Именно там и зародилась новая историческая концепция, в основе которой лежит не история римской державы, а история всего Средиземноморья, охватывающая также и народы ближнего Востока. Хронологические и территориальные рамки исторического процесса оказались широко раздвинутыми и римская история стала не только лишь последним по времени звеном, но и уступила свое прежнее первенствующее по значению место так называемой «священной истории» (*Historia sacra*), т. е. истории еврейского народа, христианства и христианской церкви.

Свое первое воплощение этот новый взгляд на историю прошлых веков получил в трудах епископа Кесарийского Евсевия (около 267—338). Имея в своем распоряжении богатейшую библиотеку, составленную из произведений античных и церковных писателей, Евсевий смог использовать многие, ныне утраченные, письменные источники, выдержки из которых он включил в свои сочинения. Главным из них является «Хроника», греческий оригинал которой не сохранился. Она состоит из двух частей. В первой части («Хронография») содержится сравнительное исследование хронологических систем античности, древнего Востока и библейской системы. Текст этой части сохранился только в армянском переводе. Во второй части изложена всемирная история с сотворения мира** до 325 г. н. э. События истории Палестины, Египта, Ассирии, Греции и Рима расположены синхронистически в параллельных столбцах на основе хронологических расчетов, произведенных в первой части.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 378.

** Это мифическое событие, на основе расчетов по Библии, было отнесено к 5507 году до н. э.

Текст второй части сохранился в армянском, сирийском и латинском переводах, причем латинский и армянский переводы выполнены с двух различных версий греческого текста, составленных самим Евсевием.

Переводчиком хроники Евсевия на латинский язык и автором ее продолжения был один из латинских церковных писателей IV—V вв. Иероним (около 350—420). Родом из Стридона (на границе теперешних Венгрии и Каринтии), он жил сперва в Риме, Трире и Аквилее, а с 374 г. в Палестине и в Константинополе, где около 381 г. составил латинский перевод труда Евсевия и продолжил его до 378 г.⁶ В дальнейшем он составил также новый исправленный латинский перевод библии (так называемую Вульгату), вытеснивший первоначальный дефектный перевод (Италу). Таким образом, в западной части империи, говорившей на латинском языке, хроника Евсевия стала известна в переводе и с продолжением Иеронима и получила затем многочисленные новые продолжения.

Другой труд Евсевия Кесарийского — «Церковная история» был составлен около 326 г. Изложение, богатое фактическим материалом, доведено, так же как и в хронике, до 325 г. Благодаря обширной осведомленности автора это произведение (за вычетом легендарных элементов) составляет основу наших сведений по истории ранней христианской церкви. Латинскому миру оно стало известно в латинском переводе (точнее, переработке) Руфина Аквилейского, сделанном около 400 г. Переводчик продолжил текст Евсевия до 395 г.

Сочинения Евсевия Кесарийского — в греческом оригинале и армянском переводе для Восточной империи и в латинских переводах с продолжениями для Западной империи — явились родоначальниками широко развившейся в IV—V вв. христианской историографии. Включая в круг своего рассмотрения историю народов Ближнего Востока и разрывая тем самым более узкие рамки господствовавшей ранее римской историографии, эта концепция «всемирной истории» была шагом вперед. Но вместе с тем, в противовес античному истолкованию истории, при котором главная роль принадлежала людям, христианская концепция выдвинула на первый план в качестве движущей силы исторического процесса божественное провидение (провиденциализм), что было значительным шагом назад.

Сочинения Евсевия, в особенности «Хроника», заключают одну важную для того времени историко-политическую мысль. Римскую империю Евсевий изображает преемницей и наследницей великих древних империй, развивая так называемую схему четырех монархий, последовательно сменявших друг друга: ассиро-вавилонской, мидо-персидской, греко-македонской и римской. Последняя, Римская империя, не противопоставлялась христианству; наоборот, она поддерживалась и освящалась церковью. Таким образом, историческая концепция Евсевия была призвана обосновать и укрепить союз империи с церковью и притом именно на Востоке, где все народы имели свою историю, которой нельзя было пренебрегать и которую следовало осмыслить с точки зрения интересов церкви и Восточной Римской империи.

В Восточной Римской империи в IV—V вв. были составлены еще три труда, посвященные церковной истории. Сократ Схоластик (конец IV — середина V вв.) имел целью продолжить «Церковную историю» Евсевия: Его сочинение начинается кратким обзором событий политической истории от 305 до 439 гг., а затем следует собственно церковная история, изложенная в хронологическом порядке и расположенная по годам правления восточно-римских императоров. Это расположение придает всему сочинению характер отдельных рассказов. В сочинении Сократа весьма часты ошибки как в изложении событий, так и в датах.

К тому же периоду относится «Церковная история» Созомена (начало V в.), написанная как продолжение истории Сократа Схоластика. Созомен стремился в своем изложении, охватывающем события 324—421 гг., подражать историческим писателям античности. Ценность этого труда заключается в том, что им были использованы не только сочинения предшествующих ему историков, но также и документальные материалы.

Богатое литературное наследие оставил епископ Кирский Феодорит (393—около 465). Ему принадлежат два исторических сочинения: 1) «Церковная история», охватывающая события 325—426 гг., апологетического характера, ценность которой состоит преимущественно в использовании автором многих и разнообразных источников, и 2) сборник рассказов о жизни монахов и аскетов, составленный около 444 г. и дающий ценные сведения по истории монашества V в.

В Западной Римской империи, где не было народов, имевших до римского завоевания своей развитой и записанной истории, концепция Евсевия не могла привиться в чистом своем виде. Для Запада Рим и его история продолжали сохранять большее значение, чем для Востока. Поэтому на Западе труды римских историков продолжали переписываться и комментироваться и в IV—V вв., главным образом сокращенная история Рима Евтропия, доведенная до 363 г. В переработке VIII в., сделанной лангобардским историком Павлом Диаконом, она стала затем основным источником, из которого средневековые черпало свои знания по истории Рима. Что касается концепции Евсевия в Западной Римской империи, то она нашла себе выражение в произведении аквитанского священника Сульпиция Севера (около 365—425). Его «Священная история» (*Historia sacra*)⁷ доведена до 403 г. и представляет собой переработку библии и историю христианства в Риме и в Галлии. Рассчитанная на широкий круг читателей, она должна была пропагандировать новую христианскую историческую концепцию. По своей форме и стилю она примыкает к римской литературной традиции.

Взятие Рима Аларихом в 410 г., осуществившееся благодаря поддержке и помощи, которую рабы и колонны оказали вестготам, произвело огромное впечатление на современников. Однако это впечатление было неодинаковым. Для широких масс гибель «вечного города» означала акт мщения за бесчисленные злодеяния Рима, поработившего народы. Для господствующего класса это событие и разгром, постигший римских рабовладельцев, были страшной угрозой их господству и существованию. Бежавшие в Африку, Египет и Азию римские патриции и богачи принесли с собой панические настроения. Ожесточенная классовая борьба кипела в ту пору и в этих римских провинциях. В такой обстановке появилось на свет знаменитое произведение Августина (ум. 430), епископа Гиппонского (Северная Африка), «Ограде божьем» (*De civitate Dei*)⁸. Оно должно было объяснить смысл происходивших событий, наметить путь выхода, идеологически обосновать и укрепить гибнущее господство рабовладельческого строя.

Произведение Августина оказало громадное воздействие на богословскую, философскую и историческую мысль западноевропейского феодального общества. Поэтому следует дать краткий анализ исторической концепции Августина. В его произведении, написанном между 410—426 гг., т. е. после падения Рима и во время восстаний в самой Африке, где он жил, PROVIDЕНЦИАЛИЗМ принял форму законченной системы. Земное государство Августин считал подверженным и в прошлом и в будущем всяческим бедствиям, особенно же языческий Рим, которому в конечном счете, по мнению автора, уготована гибель. Но христианская церковь не должна связывать своей судьбы с Римом. Возникшее со времени Константина новое христианское государство подготавливает появле-

ние божьего царства и победу добра над злом. История человечества представляет собой осуществление божьего промысла, ведущего людей к вечному блаженству в божьем царстве. Сходные идеи были высказаны и в других произведениях христианских писателей после 410 г., но у Августина они получили наиболее полное выражение. Исторический процесс Августин изобразил в плане различных стадий («возрастов»), замыкающихся христианством. В наши дни Августин является учителем реакционнейших католических «историков» в сутанах, действующих во славу Ватикана и империализма в католических университетах Италии, Бельгии и США.

Таким образом, в произведении Августина проводилась мысль об огромном значении оправдывавшей рабство и эксплуатацию христианской церкви в союзе с истинно христианской властью константинопольских императоров. Необходимо учесть, что этот союз был особенно важен для рабовладельческих верхов Северной Африки, которая была ареной восстаний агонистиков и рабовладельцы которой были настроены сепаратистски по отношению к империи. Представитель ортодоксальной церкви, Августин призывал к единению с Константинополем, видя в единстве церкви и империи единственный путь к спасению.

По мере развития процесса гибели рабовладельческого общества и зарождения общества феодального, христианский провиденциализм принимал различную окраску. На Западе мысль Августина о гибели языческого Рима ступенькалась перед гораздо более важной для королей ранних германских государств идеей непосредственной преемственности их власти от власти императоров Западной Римской империи. Таким образом, учение Августина всякий раз было приспособляемо к потребностям того или иного времени и лишь самое ядро его — о вечности христианства и зиждящегося на нем государства — оставалось неизменным, выражая основные интересы господствующего класса.

У Павла Орозия (конец IV в. — около 417 г.), ученика Августина и Иеронима, учение Августина было положено в основу исторического произведения, названного «Семь книг истории против язычников» (*Historiarum libri VII adversus paganos*)⁹. Характерно, что, несмотря на полемическую заостренность всего произведения в целом, написанного в исполнение просьбы Августина защитить христианство от обвинений в гибели Рима, Орозий не проявил враждебности к нашествию вестготов. Наоборот, он оправдывает завоевание ими римских провинций, ставших от страшного налогового гнета римского государства. Изложение событий доведено до 417 г., т. е. захватывает самые первые годы появления вестготов на родине Орозия, в Испании. Последняя часть хроники Орозия очень ценна как свидетельство современника описываемых событий. Это основной источник по образованию вестготского государства в Испании.

Через двадцать-тридцать лет, около 440—450 гг., в сочинении марсельского священника Сальвиана (ум. около 480 г.) «Об управлении божьем» (*De gubernatione Dei*)¹⁰ мы находим уже не простое примирение с германцами, а восторженное приветствие их как освободителей от ига Римской империи. В патетическом духе Сальвиан резко критикует рабовладельческий строй и римские порядки в Галлии, обличает тех, кто от бедных людей отнимает последнее добро для удовлетворения жадности богачей. «Сальвиан Марсельский, — пишет Энгельс, — возмущается против такого грабежа и рассказывает, что гнет римских чиновников и крупных землевладельцев сделался столь невыносимым, что многие „римляне“ бегут в местности, уже занятые варварами, а поселив-

шившие там римские граждане ничего так не бояться, как очутиться снова под римским владычеством».* Восхищаясь чистотой нравов германцев, особенно готов, Сальвиан восхваляет их образ жизни. Он сообщает попутно много интересных сведений, рельефно обрисовывающих обстановку гибели рабовладельческого строя. Сальвиан — последователь философских идей Августина, однако, в противоположность своему учителю, он иначе разрешает вопрос о будущем христианской церкви. Спасение он видит не в союзе с рабовладельческой Восточной империей, а в слиянии с германцами. От Августина он отличается своим ярко выраженным демократизмом. Именно это обстоятельство является основным при оценке его произведения как исторического источника, а вовсе не риторический характер изложения, который усиленно подчеркивают буржуазные историки, обвиняя Сальвиана в чрезвычайных преувеличениях.

К середине V в. относится появление хроники аквитанца Проспера Тирона (в 445 г., затем, с добавлениями, в 456 г.). Друг Августина и секретарь римского папы Льва I, Проспер Тирон использовал хронику Евсевия — Иеронима и добавил новый материал, относящийся к первой половине V в. Современник нашествия Атиллы и разрушения Рима вандалами, он дал историю своего времени в тенденциозно церковном духе; у него имеются хотя и краткие, но чрезвычайно ценные записи о восстании багаудов в Галлии.

Хроника Проспера была продолжена в VI в. в разных местах несколькими авторами; в Юго-Восточной Галлии епископом Аваншским Марием, в Африке епископом Туннунским Виктором, в Испании епископами Идацем и Иоанном Бикларским.**

Таким образом, всемирная хроника Евсевия Кесарийского послужила основой для изображения в христианском духе истории не только прошлых веков. Каждый из использовавших ее историков, писавших в V—VI вв. в разных частях Западной Римской империи, которые уже начинали собственную жизнь в форме раннефеодальных германских государств, просоединял к хронике свое продолжение. Эти продолжения имели все менее и менее «всемирный» характер, превращаясь в конце концов в политическую историю начального периода того или иного германского государства. Именно эти последние части таких хроник имеют в качестве источников наибольшую ценность, так как они содержат весьма важные сведения. Что касается их общей направленности, то она определялась соответствующими условиями и будет рассмотрена нами далее, при описании источников по истории различных германских государств раннего средневековья. Важно отметить, во-первых, что благодаря такого типа хроникам в осмыслении исторического процесса не утрачивалась связь современной автору истории (хотя бы и в суженных размерах) с историей далекого прошлого народов и стран античного Средиземноморья. Во-вторых, благодаря таким продолжениям наука располагает очень ценным фактическим материалом для истории V—VII вв.

Много немаловажных сведений о событиях социальной и политической жизни рассеяно в самых разнообразных источниках IV—V вв., таких, как надписи, письма политических и церковных деятелей, проповеди и епископские послания, произведения христианских поэтов, панегирики императорам, полководцам и т. п.

В IV—V вв. появляются первые жития святых, главным образом христианских мучеников, погибших во время гонений на христиан. Легендарный характер этих житий делает их весьма недостоверными

* Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 156.

** См. стр. 48, 51—52, 53.

источниками, но порой в них встречаются ценные сведения об отдельных событиях или по истории быта. Расцвет житийной литературы (агиографии) относится к раннему средневековью.

Источники по истории Византии и южных славян до середины VII в.

Процесс разложения рабовладельческого общества происходил в Восточной Римской империи медленнее, чем в Западной, что способствовало более длительному сохранению в Византии пережитков и традиций античной и эллинистической эпохи, особенно в области культуры. Эта преемственная связь византийской культуры с культурой Древней Греции подчеркивалась византийскими писателями и государственными деятелями не только в VI в., когда рабовладельческий строй еще господствовал, но и на протяжении всего многовекового существования Византии.

Документальные византийские источники VI в. сохраняют еще целый ряд особенностей, характерных для документов эллинистического или римского периода, а византийские историки в своих произведениях стараются следовать традициям античной греческой историографии.

Главным источником для социально-экономической истории Восточной империи в VI в. является свод римского права, составленный в 528—534 гг. при Юстиниане и носящий его имя (Кодекс Юстиниана)¹¹. Он состоит из четырех частей. Первая часть — собственно «Кодекс Юстиниана» (529 г.), представляет собой переработанный, в связи с новыми условиями, кодекс Феодосия с добавлением законов, изданных после Феодосия. Во второй части «Дигестах» или «Пандектах» (533 г.) содержится систематизированный сборник высказываний крупнейших римских юристов, мнения которых по самым важным вопросам права приобрели фактически силу закона. Третья часть — «Институции» (533 г.) — является кратким учебным руководством по римскому праву. Эти три части написаны на латинском языке. Затем к ним была добавлена четвертая часть — «Новеллы», т. е. императорские указы, изданные после 534 г. и являющиеся первым памятником собственно византийского права. Большинство этих новелл было написано уже на греческом языке.

Ценность Кодекса Юстиниана как источника заключается в том, что в нем отражены все черты кризиса рабовладельческого общества. Так, например, наиболее обширный материал по истории колоната и вообще по истории крестьянства содержится именно в этом правовом памятнике. Вместе с тем следует учитывать, что он был предназначен для укрепления и даже восстановления рабовладельческих отношений в их прежней форме.

Для характеристики социально-экономического строя империи в VI в. наибольшее значение имеют «Новеллы» Юстиниана, а также последующих императоров, касающиеся разных вопросов — землевладения, рабовладения, колоната, управления провинциями, налогового обложения, административного и военного управления, международных отношений.

Кодекс Юстиниана получил в XII в. наименование «Свода гражданского права» (*Corpus juris civilis*). Когда в странах Западной Европы началось развитие товарно-денежных отношений, он послужил главным источником для ознакомления юристов (легистов) с римским гражданским правом. Они его изучали, комментировали, преподавали в школах и черпали из него формулировки для различных отношений, возникавших вследствие развития товарного производства: купли-продажи, ссуд, долговых обязательств, договоров и т. п.

Законодательные акты императоров по большей части касаются всей империи и потому имеют более широкое значение, чем египетские папирусы, о которых уже была речь. Однако и папирусы очень богаты сведениями о росте личной зависимости колонов, о положении рабов и рабочих в мастерских, об аренде, налоговом обложении, управлении провинциями и т. п. Концом V—началом VII вв. датируются папирусы, касающиеся земельных владений знатной византийской фамилии Апионов. В этих документах содержатся интересные данные о размерах этих владений, об их сложном управленческом аппарате, о сборе налогов, транспортных средствах и т. д. К VI в. относятся папирусы местечка Афродито, хорошо отражающие взаимоотношения между свободными земледельцами и знатью. Жители этого богатого и благоустроенного местечка, находившегося в Антенопольском номе в Нижней Фиваиде, не были в состоянии уплатить огромные налоги, что вызвало разграбление местечка представителями местной власти, напавшими на его жителей с войсками (по словам жалобы «настоящими разбойниками»). При нападении был разрушен канал, орошавший пахотные земли, вследствие чего урожай погиб. В этих беззакониях властям помогали местные крупные землевладельцы.

Аналогичные сведения о подобной же участи некоторых других селений и отдельных мелких собственников сохранились в других папирусах.

Имеются также документы, свидетельствующие о росте церковного и монастырского землевладения, например денежные отчеты отдельных монастырей, завещания частных лиц, отказывавших свои земли монастырям или церквям, арендные договоры, жалобы населения на незаконные действия церкви (в одной жалобе говорится о вооруженном отряде так называемых буцелляриев церкви Гермополиса) и т. д.

В византийских повествовательных источниках VI в. содержатся сведения главным образом о политической истории империи. Особо следует отметить сведения о вторжениях и переселениях славянских племен на территорию Восточной Римской империи. Славяне появились на границах Византии в VI в., но римским и греческим писателям они стали известны почти одновременно с германцами. Правда, Плиний Старший, Тацит и Птоломей* еще очень мало могли сообщить о славянах; тем не менее их краткие сведения имеют чрезвычайную ценность, так как свидетельствуют о глубокой древности поселений славян в Центральной и Восточной Европе. Много данных дает археология. Сельскохозяйственные орудия, керамика, изделия из металла, украшения и т. п. указывают на высокий уровень земледелия и ремесла у древних славян.

Более подробные сведения из письменных источников имеются начиная с VI в. Историк готы Иордан (середина VI в.)**, на основе как ныне утраченных источников, так и собственных наблюдений, пишет и о славянах, так как готы долгое время находились в непосредственном соседстве со славянами и имели с ними постоянные сношения. Рассказывая историю готы, Иордан описывает их столкновения со славянами, указывает области расселения последних и называет три основные группы славянских племен: венедов, антов и склавинов (из которых впоследствии образовались западные, восточные и южные славяне). У Иордана имеются сведения о первом из известных нам политических объединений антов во главе с царем Божей (конец IV в.), эти данные указывают на очень раннее возникновение у славян племенных союзов

* См. стр. 17—19.

** См. стр. 55—56.

и разрушают неверное утверждение некоторых буржуазных историков о якобы неспособности славянских племен к самостоятельным политическим объединениям.

Основные сведения о южных славянах в VI в. содержатся у византийских писателей. В ту пору ни один из них не мог обойти эту тему, так как славянские вторжения и последующая колонизация славянами Балканского полуострова были важнейшими событиями эпохи.

Для истории Византии в VI в., особенно времени правления Юстиниана, наиболее важны произведения трех, продолжавших друг друга, историков: Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и Менандра Протиктора, сочинения которых связаны между собой. В их трудах, написанных по-гречески, изложены события за 527—582 гг.

Прокопий Кесарийский (конец V в. — около 562 г.) принадлежал к высшей бюрократии империи, занимая должность секретаря и советника по юридической части при полководце Велизарии. Вследствие своего высокого общественного положения, а также благодаря тому, что он был очевидцем многих событий и отличался большой наблюдательностью, Прокопий Кесарийский обладал широким кругозором и хорошей осведомленностью. Самое большое его сочинение, написанное в 550—554 г., называющееся обычно «История войн»¹², состоит из восьми книг, из которых две первые посвящены войнам с персами, третья и четвертая — войнам с вандалами, пятая, шестая и седьмая — войнам с готами, а последняя, восьмая, книга содержит обозрение событий до 554 г. Прокопий не ограничивается изложением хода военных действий, описанием сражений и дипломатических переговоров, но сообщает важные географические и этнографические данные относительно народов, с которыми приходилось сталкиваться византийским войскам. Касается он и внутренней истории империи, подробно описывая восстание «Ника» в 532 г.

Другое произведение Прокопия «Тайная история» (иногда называется также «Anecdota») ¹³, относящееся к 550 г. и довольно подробно освещающее внутреннее положение империи, написано в резко враждебном Юстиниану тоне. При этом автор подчеркивает тяжелое положение народных масс, непосильный гнет налогов, злоупотребления администрации и судебных учреждений, упадок ремесла, торговли и армии. Все это зло, по мнению Прокопия, есть результат жестокой и корыстолюбивой политики правительства. Сам Юстиниан, императрица Феодора и некоторые высшие сановники обрисованы Прокопием, как злобные, порочные люди.

«Тайная история» представляет своеобразный источник, в котором, несмотря на правильную картину общего положения империи и народа, чрезмерно выступает на первый план личная вражда и неприязнь автора к императору, благодаря чему получается несколько искаженная историческая перспектива. Резко враждебное Юстиниану содержание «Тайной истории» вызывало сомнение в принадлежности этого сочинения Прокопию, который в других своих сочинениях пишет об Юстиниане в славословящем духе. Поэтому на первого издателя «Тайной истории», Алемани, опубликовавшего это произведение в 1623 г. по найденной им рукописи, пало обвинение в подлоге. Однако авторство Прокопия было доказано на основании как анализа памятника, так и сведений, сохранившихся об этом сочинении Прокопия у позднейших византийских писателей (Свиды и других).

Третье произведение Прокопия — трактат «О постройках», написанный между 558 и 560 гг., характеризует строительную деятельность

Юстиниана в панегирическом тоне. В трактате описываются города и крепости, восстановленные, укрепленные и благоустроенные Юстинианом или же выстроенные заново по его распоряжению. Благодаря обилию сведений по топографии и по истории византийских городов и пограничных укреплений, этот трактат принадлежит к числу важнейших источников VI в.

Продолжателем Прокопия является Агафий Миринейский (около 536—около 582), историк и поэт, сочинение которого «О царствовании Юстиниана» осталось незаконченным. Оно состоит из пяти книг, в которых описаны войны под руководством полководца Нарзеса в 552—558 гг. с готами, вандалами, франками и персами. Подобно Прокопию, Агафий был хорошо осведомлен о событиях и излагает их точно. Его сочинение чрезвычайно важно также для истории сасанидского Ирана в IV—VI вв., так как в нем сохранились, в греческом переводе, отрывки из ныне утраченных персидских летописей.

Труд Агафия, в свою очередь, был продолжен Менандром Протиктором (вторая половина VI в.), написавшим историю империи за 558—582 гг. Это сочинение сохранилось лишь в отрывках в словаре Свиды и у Константина Багрянородного.* Подобно своим предшественникам, Менандр сообщает ценные географические и этнографические данные о соседних с Византией народах.

В сочинениях Прокопия, Агафия и Менандра сохранились наиболее подробные (для VI в.) сведения о древних славянах и о войнах с ними. Первые вторжения славянских племен на Балканский полуостров, осады ими городов и победы над императорскими войсками описаны в «Истории войн» Прокопия, очевидца многих из этих событий. Он же дал и чрезвычайно интересные сведения о наружности славян, их смелости, выносливости, огромной физической силе, об их одежде, военном снаряжении и военных хитростях, верованиях и общественном строе — народоправстве, в силу которого «у них счастье и несчастье в жизни считается общим». В трудах Прокопия имеются сведения о начале процесса классовообразования в славянском обществе. Несмотря на свою враждебность к славянам, которые нередко наносили жестокие поражения византийцам, Прокопий вынужден признать, что они «по существу не плохие люди и совсем не злобные». В трактате «О постройках» перечислены многие укрепления и крепости, находившиеся на северной границе империи и предназначенные для обороны от нашествий славян. В сочинении Агафия также имеются некоторые сведения о славянах, составленные на основании рассказов очевидцев, а отчасти и на основании собственных наблюдений автора.

Менандр сообщает интересные данные о взаимоотношениях славян с аварами и с византийцами во второй половине VI в., что дает возможность обрисовать дипломатическую и военную историю славян в то время.

Конкретная история войн Маврикия со славянами и аварами дана в «Истории» секретаря императора Ираклия (610—641) Феофилакты Симокатты (первая половина VII в.). В целом она является основным и лучшим источником для истории правления императора Маврикия (582—602). Это сочинение содержит довольно точные сведения.

Среди источников первой половины VII в. следует отметить поэтические произведения исторического характера Георгия Писиды, дьякона константинопольского собора св. Софии при императоре Ираклии. В одном из них описан поход Ираклия против персов, в другом — набег аваров на Константинополь в 626 г.; третье — «Ираклиада» — представляет собой панегирик Ираклию по поводу его побед над персами. Ценность этих, весьма напыщенных по стилю, поэм состоит в сообщае-

* См. стр. 268—270.

мых в них фактических сведениях. Для времени правления Ираклия они являются почти единственными современными источниками.

Пасхальная хроника (называемая так вследствие того, что в основе христианской хронологии лежали расчеты праздника пасхи на несколько лет вперед, и известная также под названиями *Chronicon Alexandrinum*, *Chronicon Constantinopolitanum* или *Fasti saeculi*) была составлена современником императора Ираклия, но всей вероятности, духовным лицом, близким к Константинопольскому патриарху Сергию. Эта всемирная хроника состоит из расширенного и дополненного разными вставками и историческими заметками хронологического перечня событий от сотворения мира до 629 г.

События VI в. (с 532 г.) до конца правления Маврикия (582—602) изложены очень кратко и состоят почти только из консульских фаст. Рассказ становится более подробным в изложении современных автору событий VII в. (конец правления Маврикия — первые 17 лет правления Ираклия до 627 г.). Даже эти краткие заметки должны быть учтены ввиду скудости современных источников по истории VII в.

В анонимном «Сказании о чудесах св. Дмитрия», описывающем осаду славянскими племенами города Фессалоники (Солуки) в конце VI — начале VII вв., содержатся интересные, нигде более не встречающиеся сведения о подробностях этой длительной осады. Славяне появились под стенами Фессалоники со своими семьями и имуществом, намереваясь после взятия города поселиться в нем. Примененные ими во время осады военные приемы являются прекрасной иллюстрацией к сообщению сирийского историка Иоанна Эфесского (ум. 585). В написанной им на родном языке «Церковной истории», из которой сохранилась в подлинном виде лишь последняя часть, охватывающая современные автору события, дана краткая, но очень выразительная картина массового расселения славян в провинциях Балканского полуострова. По выражению автора, «они спокойно живут без заботы и страха», владея стадами, золотом и серебром и оружием и «научившись военному делу лучше самих ромеев» (т. е. византийцев). Последнее показание особенно важно, так как свидетельствует о быстром развитии природных способностей славян к военному делу, что обеспечило им в процессе борьбы преобладание над византийцами и закрепило за ними занятые ими земли.

Чрезвычайно подробно эта же тема разработана в «Стратегиконе»¹⁴, сочинении о военном искусстве, ранее приписывавшемся императору Маврикию, но на деле написанном кем-то из его современников (обычно автора называют Псевдо-Маврикием). «Стратегикон» содержит в высшей степени интересные сведения о военной тактике славян, их вооружении и о некоторых чертах быта. Автор, несомненно человек военный, обогатил в своем труде опыт своих предшественников и свой собственный. Он пишет: «Все это я написал, по возможности из своего опыта и из указаний древних, приняв все во внимание; написал я на пользу тем, которые попадут в такое положение», т. е. вынуждены будут обороняться от нападений славян или сражаться с ними. По богатству сведений военного характера этот трактат не имеет себе равных не только для конца VI в., но и для многих последующих столетий. Из него явствует со всей очевидностью, каким опасным врагом были для Византии славяне, как умело они применяли разнообразные тактические приемы и как храбро сражались. Трактат преследует конкретные, практические цели — изучить эти способы ведения войны, научиться бороться со славянами. Автор, несомненно, не раз имел возможность лично наблюдать быт славян и сталкиваться с ними в бою. Он отмечает чрезвычайное гостеприимство славян, особую, смягченную форму рабства (лишь на определенный срок), которая была распространена среди славян, наличие у них богатых запасов продовольствия и многочисленного

скота. Все сообщаемые им сведения рисуют классическую картину родового строя, господствовавшего в ту пору у славянских племен.

В VI в. от общего русла всемирных хроник отделились и начали самостоятельное существование византийские всемирные хроники (так называемые хронографы), имеющие некоторые особенности. Авторами их были по большей части монахи, в то время как исторические труды, посвященные описанию современных событий, написаны по преимуществу представителями константинопольской знати или высшего чиновничества, подражавшими стилю и языку Фукидида или Полибия. Монахи же, как правило, не слишком образованные, писали свои всемирные хроники на обычном разговорном языке. Историю древнего мира они излагали на основе библии и церковной истории с некоторыми добавлениями из греческой мифологии, истории Египта, Ассирии и Рима. Источники и произведения античной литературы использовались этими авторами зачастую в различных переработках, что приводило к грубым ошибкам.

Многие византийские всемирные хроники были в течение многих веков излюбленным историческим чтением греческого монашества, а отчасти и народа (особенно в городах). Этим объясняется то, что некоторые из этих хроник сохранились в многочисленных списках и, начиная с IX в., стали переводиться на другие языки.

Первым образцом византийской хронографии является всемирная хроника уроженца Антиохии Иоанна Малалы (конец V—середина VI вв.). Хроника Малалы (Малала по-сирийски означает ритор), сохранившаяся в своем первоначальном виде только в одном неполном списке, доведена до 563 г. На основании выдержек из хроники, сохранившихся у византийских писателей, можно предположить, что сам Малала довел свой труд до года смерти Юстиниана (565) и что имелось продолжение до 573 г., составленное каким-то неизвестным автором. По собственным словам Малалы, его изложение событий до 474 г. основано на различных письменных источниках, причем не только на частью не дошедших до нас исторических сочинениях многих писателей, но и на документах городского архива Антиохии. В последней части хроники использованы также устные сообщения современников и сведения, собранные самим автором. В основу первых семнадцати книг легла, повидимому, хроника Антиохии. К ней автором были добавлены события всемирной истории. Последняя, восемнадцатая, книга, наиболее ценная как источник, основана на городской хронике Константинополя; она особенно важна для изучения движения димов.* Хроника Малалы является первым историческим трудом, написанным не на литературном, а на народном греческом языке с примесью слов из латинского и восточных языков. В начале X в. она была переведена на древнеболгарский язык. Этот перевод, сохранивший более полный текст хроники, чем единственный дошедший до нас греческий ее список, в дальнейшем лег в основу «Еллинского летописца» — одной из древнейших русских всемирных хроник (хронографов). Сохранились также средневековые переводы Иоанна Малалы на латинский и грузинский языки.

* Димы — цирковые партии, оформившиеся в VI в. как своеобразные политические организации византийского городского населения.

172
8.000

Даннее
средне
вековье

ГЛАВА II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ V—IX вв.

Раннее средневековье включает в себя период складывания феодализма, т. е. становления феодального способа производства и возникновения феодального общества и государства. Одновременно происходит развитие феодальных народностей из племен и союзов племен, зачастую в результате их смешения. В Западной, Центральной и Южной Европе в целом этот период занимает V—IX вв., но в некоторых странах он начался немного позже. Феодальные производственные отношения и соответствующая им надстройка возникли у отдельных европейских народов не вполне одновременно и не на совсем одинаковой основе. На территории Западной Римской империи, где, начиная с V в. стали образовываться новые государства германцев, феодализму предшествовал рабовладельческий способ производства и притом в своей наиболее полной и законченной форме. В этих странах феодализм представлял собой результат разложения рабовладельческого строя (с присущей ему полной частной собственностью на землю) и распада германской общины. Вследствие такого сочетания, которое способствовало быстрому разложению у германцев-завоевателей общинной собственности на землю, феодализм во Франции, Испании и Италии развился сравнительно быстро. Свою классическую форму он приобрел во Франции. В Византии развитие феодальных отношений происходило на основе такого же синтеза, но несколько медленнее и сопровождалось значительными пережитками античного рабовладения. Важное значение имели сохранившиеся там большие города с развитыми ремеслом и торговлей. В других странах (Германии, Англии, Ирландии, Венгрии, скандинавских и славянских государствах) феодальному способу производства предшествовала не развитая рабовладельческая система, а лишь рабовладельческий уклад в форме патриархального рабства. Поэтому распад общинных отношений, развитие частной собственности на землю и складывание феодальных отношений протекали в этих странах более медленно, а политические формы феодализма не приобрели такой полноты и законченности, как во Франции.

Эта весьма существенная разница в конкретных формах развития европейского феодализма имеет немалое значение при характеристике письменных источников данного периода. Во-первых, присущие этой ступени развития источники появляются у разных народов не одновременно. Во-вторых, для истории государств, образовавшихся на территории Западной Римской империи и хронологически непосредственно примкнувших к ее истории, а также для Византии сохранилась значительная группа источников позднеимперского происхождения, отражающих жизнь отдельных частей империи, превратившихся затем в само-

стоятельные государства. Для прочих европейских стран подобные источники несравненно более скудны.

Однако, несмотря на немаловажные отличия в истории стран раннего средневековья, источники этого периода представляют собой вполне определенную группу, отражая повсюду главные черты процесса феодализации. Археология дает для этого периода очень ценные данные, характеризующие уровень развития производительных сил. Письменные источники в целом весьма немногочисленны, не только потому, что многие из них утрачены, но и в силу неразвитости общества вообще. Лишь в Византии, вследствие наличия больших городов и централизованного государства, экономические связи и политическая жизнь отличались большей разносторонностью, а уровень культуры был несравненно выше, чем на Западе. Поэтому там не наблюдается такого оскудения источников, как в «варварских» государствах. По своей форме византийские источники также продолжали традиции античности.

Складывание феодального базиса и появление соответствующей ему надстройки вызвало повсюду потребность в оформлении обычного права, в королевских законах, в актах, закрепляющих рост частной собственности на землю, в идеологическом обосновании возникающей государственности, в записи главных событий текущей жизни и т. п.

К рассмотрению закономерностей появления подобных источников и их ценности мы теперь и перейдем, с тем, чтобы в дальнейшем обрисовать их конкретное наличие в каждой из отдельных стран.

Завоевание германцами территории Западной Римской империи, образование там государств вестготов, вандалов, бургундов, франков, остготов и лангобардов, равно как и проникновение славян на Балканский полуостров и появление первых славянских государств, сопровождалось важными переменами в общественном строе «варваров» и населения Римской империи. В среде германцев и славян ускорился процесс классового образования, усилилась военная знать. На Западе, на развалинах рабовладельческого строя и римского государства, возник новый общественный строй и новые государства, во главе которых встали превратившиеся в королей военные вожди германских племен. Расселение в Галлии, Испании и Италии привело германцев в тесное соприкосновение с покоренным населением, с чуждыми им римскими законами и порядками. Германцы «всюду ввели свой германский марковый строй с общинным владением лесами и пастбищами и с верховной властью марки также и над поделенной землей».* С другой стороны, римская частная собственность на землю, воздействуя на разложение общинного землевладения у германцев, привела к возникновению у них аллода, т. е. свободно отчуждаемой частной собственности на пашню и луга, причем аллод распространился не только в среде знати, но и в массе крестьянства. В дальнейшем происходило развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьян.

Зарождение новых производственных отношений потребовало появления писаных законов, регулирующих взаимоотношения германцев как между собой, так и с населением завоеванных провинций. В дальнейшем в законах получило оформление подчинение эксплуатируемого класса феодалам. Поэтому, начиная с V в., по мере развития классов и образования государств, у германцев возникли свои писаные законы, в которых старые народные обычаи претерпели известные изменения. Эти законы являются для начальной стадии становления феодализма не

* Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии (приложения), 1952, стр. 118.

только важнейшими, но и единственными письменными источниками, отражающими социально-экономические отношения. Будучи по своему назначению судебниками, т. е. таксой штрафов и других наказаний за различные преступления и проступки, они дают богатый и чрезвычайно ценный материал для исследования уровня производительных сил, форм собственности, начинающейся социальной дифференциации, пережитков общинно-родового строя, форм судебного процесса и т. д. в период разложения общины и зарождения феодального строя. В Византии принесенные славянами общинные порядки были оформлены в VIII в. в писаное обычное право, узаконенное государством.

Такие же писаные законы возникли затем и у других кельтских, германских и славянских народов, расселившихся на территориях Северной и Центральной Европы, не знавших рабовладельческого строя и римского владычества. Но в силу того, что процесс разложения общинно-родового строя и складывания феодализма происходил у них медленнее, чем у германцев и славян, переселившихся в римские провинции, запись законов была там осуществлена несколько позже, в VIII—IX вв.

Таким образом, в целом время составления правд охватывает значительный период — от V до X в. По своему характеру они более или менее однотипны, поскольку фиксируют примерно один и тот же уровень развития раннефеодального общества. Однако, возникая не на абсолютно одинаковой ступени развития того или иного народа, они имеют и некоторые различия.

В русской исторической науке большинство этих правовых памятников называются «правдами», по аналогии с названием русского древнего закона. Их обычное латинское наименование (большая часть написана по-латыни): *lex* (т. е. закон) с добавлением названия племени или народа (например, *Lex Saxonum*). Иногда название было иным: *ewa*, *ractus*, *edictus*. Вначале правды представляли собой не законодательные акты королевской власти, а запись обычного права, т. е. правовых норм, выработавшихся в обществе естественным образом. Такая запись осуществлялась путем опроса сведущих лиц, иногда по инициативе короля и от его имени, но с одобрения таких же лиц. Составители позднейших правд нередко имели в качестве образца какую-либо более древнюю запись закона другого народа, из которой они заимствовали формулировки отдельных статей. Но в целом эти памятники возникли естественным путем; по самому своему характеру они не могли быть подражательными. Совпадение в различных правдах отдельных статей объясняется тождеством условий, вызвавших их к жизни. По этой же причине памятник византийского обычного права — «Земледельческий закон» также имеет много черт сходства с правдами народов Западной Европы.

С развитием феодального строя текст правд изменялся и дополнялся. На этой стадии народ уже не принимал участия в законодательстве. Крепнувшая государственная власть, монополизировав законодательную функцию и осуществляя ее в интересах нарождавшегося класса феодалов, издавала законы, изменявшие отдельные постановления старого обычного права. Таким путем правды постепенно отмирали. Они представляли собой правовую основу общества, находящегося в стадии генезиса феодализма, и по мере образования развитых феодальных отношений отходили в прошлое. Период действия правд не мог быть вполне одновременным у различных народов, но в целом они продержались примерно до X в., а при некоторых исключительных условиях

(например, в Испании) и позже. Некоторые их статьи, главным образом уголовного характера, перешли в обычное право последующих веков.

Как правило, текст правд очень сложен по своему составу вследствие позднейших наслоений, вставок и наличия многочисленных редакций (т. е. вариантов). Взаимоотношение различных вариантов и их хронологическая последовательность весьма трудны для исследования и по большей части являются в исторической науке спорными вопросами. Трудности усугубляются тем, что дошедшие до нас рукописи с текстами правд обычно представляют собой позднейшие списки. Правды поделены на титулы (главы), распадающиеся, в свою очередь, на параграфы. Настоящая систематизация судебных казусов отсутствует; порядок расположения титулов более или менее случаен.

Документальный материал раннего средневековья, кроме как по истории Византии, довольно скуден. Помимо того, что до нас дошла лишь малая часть реально существовавших актов, сама общественная жизнь того времени была такова, что ограничивалась сравнительно узкой областью отношений, требовавших официального закрепления в документах. Управление государством было еще примитивным, торговые связи ничтожны. Постановления королевского суда (местные суды были еще бесписменными), акты дарений, продаж и обмена земли, появившиеся в силу возникновения аллода, завещания и, наконец, акты, закреплявшие отношения зависимости, — вот в общих чертах основные типы раннефеодальных грамот, характеризующих важнейшие социально-экономические процессы, происходившие в обществе. Но, помимо немногих сохранившихся документов, наука располагает еще и другим источником, отчасти заменяющим исчезнувшие грамоты. Это сборники формул (иногда они называются формуляриями), т. е. сборники текстов типичных грамот, составленные в светских и церковных канцеляриях в качестве образцов, по которым писались реальные документы различного содержания. В формулах нет имен, дат, конкретных описаний земель и т. п. Они дают представление о всех типах совершавшихся сделок, но в абстрактной форме, без обозначения конкретных людей и вещей и без указания времени. Они являются как бы сгустком живой практики, но без ее конкретных данных. Рисуя лишь общие пути складывания феодальных отношений в той или иной области за более или менее большой срок, они не дают сведений, которые могли бы составить детализированную картину этого процесса во времени. Однако самый факт их появления в том или ином месте в определенное время уже свидетельствует о наличии там процесса феодализации. Для исследования отношений собственности, господства и подчинения и т. д. сборники формул представляют собой очень ценный источник. Они существовали и в дальнейшем, составляя необходимую часть делового аппарата всякой канцелярии, и до нас дошло множество их. Но для последующих веков их значение как исторического источника резко падает, так как возрастающий количественно фонд сохранившихся документов все больше и больше отодвигает абстрактные данные на задний план. Что же касается раннего средневековья, то, вследствие незначительности сохранившегося актового материала, данные сборников формул приобретают исключительное значение.

Для Византии следует отметить скудость документального материала, что объясняется почти полным уничтожением византийских архивов, подвергавшихся неоднократным разграблениям и уничтожениям в результате иноземных завоеваний.

В VIII—IX вв., по мере дальнейшего развития и укрепления феодального способа производства, появляются источники, непосредственное и богаче отражающие состояние производительных сил и производственных отношений, чем правды, сборники формул и документальный материал. В монастырях возникают подробные описи поместий (так называемые полиптихи), книги с копиями грамот и других документов (картулярии); появляются инструкции по управлению крупными поместьями и т. д. Используя эти источники, исследователь может до известной степени отчетливо представить себе прогресс в развитии производительных сил, организацию крупного феодального землевладения, формы эксплуатации зависимого населения в больших церковных и королевских поместьях, основные типы зависимости крестьян и т. д. Но для истории других форм землевладения источники чрезвычайно скудны. Наряду с новыми редакциями правд появляется, особенно в империи Карла Великого, обширное и разнообразное королевское законодательство. В Византии издание императорских указов не прерывалось со времен поздней Римской империи.

Источниками для воссоздания политической и отчасти социальной истории отдельных стран в раннем средневековье являются анналы и «истории» отдельных народов.

Анналы (annales, от annus — год) назывались в Западной Европе летописи. Унаследованные от Рима, они появились в монастырях с VI в. и вначале имели форму кратких и даже кратчайших заметок на пасхальных таблицах, где вперед на несколько лет были указаны дни празднования подвижного христианского праздника пасхи. Первые записи и появились против отдельных годов на этих таблицах, причем далеко не каждый год отмечался каким-нибудь событием. Затем записи становились более частыми и заносились уже в специальные рукописи. В этой первоначальной форме анналы почти не сохранились, так как в подавляющем большинстве случаев были впоследствии переработаны. С конца VII в. во многих монастырях они велись уже систематически из года в год. Следует подчеркнуть, что между ранними анналами существует не только большое родство, но в некоторых случаях и полное совпадение текста, поскольку монастыри систематически обменивались анналами для проверки и пополнения своих записей. Зачастую текст чужих анналов клался в основу летописания во вновь возникших монастырях, дополнялся сведениями о местных событиях и продолжался далее. Наличие комплекса таких местных известий является критерием для установления родины анналов.

Выразительная характеристика, которую Энгельс дал ирландским анналам, пригодна для всей ранней анналистики Западной Европы. «В них (т. е. анналах. — А. Л.) содержатся краткие сухие заметки о смерти или о вступлении на престол того или другого лица, о войнах, битвах, землетрясениях, моровых поветриях, разбойничьих нападениях скандинавов, но весьма мало о том, что относится к социальной жизни народа».* Энгельс делает весьма существенное указание на важность изучения анналов в связи с материалом, извлекаемым из древних законов, так как в сочетании с этими данными краткие заметки летописей приобретают более глубокий смысл.

В дальнейшем, в VIII—IX вв. появляются анналы более широкого территориального охвата. Вместе с тем, в них все ярче и ярче прояв-

* Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 83.

ляется политическая тенденция, характерная для усиливающейся королевской власти в раннефеодальных империях. Такие анналы становятся выразителями феодальной идеологии, проявляющейся в соответствующем осмыслении исторических событий. Возникает официальная анналистика; на континенте при Карле Великом, в Англии — при Альфреде и т. д.

В анналах сохранилась память о всех главных исторических событиях. Поэтому из них черпали сведения авторы всех современных им и последующих исторических произведений. Анналы вместе с «историями», были основой, из которой развились хроники, содержащие уже не отдельные погодные записи, а более или менее связное изложение событий. Впрочем ранние хроники VII—IX вв., а отчасти и X—XII вв. еще очень близки по своей форме к анналам, так как авторы, перерабатывая и комментируя анналы, подчиняли, до известной степени, свое изложение той же форме.

Наряду с анналами, в которых записывались текущие события, в странах Западной Европы с VI в. появились крупные исторические произведения — «истории» отдельных германских племен, расселившихся в провинциях Римской империи. Появление их было обусловлено наличием в обществе раннего средневековья историографических традиций поздней античности, о чем уже шла речь. Как будет показано дальше, в этих произведениях, как правило, истории того или иного «варварского» королевства непосредственно предшествовали более или менее обширные выдержки из всемирных хроник IV—V вв. В «историях» сохранился ценнейший фактический материал, в том числе бытовавшие в то время в народе древние саги, предания о предках, о переселениях, о первых герцогах и королях, народные песни, а также гораздо более подробные, чем в анналах, известия о первых веках истории остготов, вестготов, франков, лангобардов, англосаксов и т. д., в процессе смешения которых с покоренным населением постепенно создавались будущие народности феодального общества Западной Европы. Вместе с тем в этих произведениях, написанных, как правило, епископами и монахами, очень ярко проявилась потребность формирующегося класса феодалов в идеологическом обосновании и укреплении создававшегося феодального базиса и феодального государства. Авторы прославляли королевскую власть, церковь и знать, возвеличивая их значение в обществе и принижая роль народа. Эта тенденция сама по себе представляет интересный исторический факт, знаменующий одну из форм становления новой феодальной идеологии, в которой народу отводилось лишь подчиненное место. Но вместе с тем, как анналы, так и «истории» были очень важным и прогрессивным явлением в жизни раннефеодального общества. Их политическое и воспитательное воздействие было очень велико. В них записывалась история страны и они способствовали формированию исторической мысли того времени, как бы примитивна она ни была в ту пору. В них сохранена для нас седая древность современных европейских народов.

Особый характер имеют повествовательные источники этого периода в Византии. Так же как и документы, они непосредственно примыкают к сохранившейся от античности традиции. Авторы многих исторических сочинений, высшие сановники или монахи, подобно своим предшественникам подражают Фукидиду и Полибию, широко используют античную мифологию и произведения классической греческой литературы. Они обладают более широким политическим кругозором, чем историки Запада, и дают в своих трудах историю не только Византии, но и соседних с ней народов. Это делает подобные сочинения особо

ценными источниками по истории славянских, кавказских и переднеазиатских народов.

Не касаясь других, менее значительных типов источников, остановимся еще на одном, чрезвычайно характерном для раннего средневековья. Речь идет об агиографии (т. е. житиях святых).

Церковь играла в раннефеодальном обществе огромную роль. Она была единственным учреждением античного мира, пережившим этот мир и не только сохранившим свою мощь в раннесредневековом обществе, но и приумножившим ее. Энгельс указывал (речь идет о Галлии; но это замечание верно и для других стран), что, несмотря на значительные богатства церкви в римскую эпоху, «золотой век для галльской церкви наступил лишь с обращением франков в христианство».* Санкционируя своим авторитетом королевскую власть в новых государствах, церковь внедряла в сознание полуязыческих масс не только догматы христианской религии, но и идеологию подчинения и покорности властям светским и духовным. Но вместе с тем церковь сама переживала сильные изменения, становясь крупнейшим землевладельцем и феодалом, втягиваясь во все процессы, характерные для раннефеодального общества, неотъемлемой частью которого она была. А это означало, что она не могла полностью перебороть ту языческую стихию, которую представляли собой народы новой феодальной Европы, в большинстве случаев лишь внешне приобщенные к христианству. «Расчетливые попы в лице святых вернули политеистическому крестьянству его многочисленных богов-покровителей»,** — пишет Энгельс о культуре святых, появившихся в раннем средневековье в бесчисленном количестве. Мелкие местные боги и божки, покровители лесов, вод, чаш, ручьев и т. д. сменились местными же «подвижниками», мучениками, отшельниками или «праведными» епископами, в большинстве случаев известными и чтимыми лишь в более или менее узкой округе. Эти местные святые раннего средневековья были несравненно ближе и понятнее народным политеистическим массам, чем официальное божество христианского культа. Жития святых раннего средневековья представляют собой очень важный исторический источник. В них сохранились многие черты народной жизни того времени, содержатся ценные сведения, рисующие историю церкви и рост ее землевладения; нередко встречаются также и факты политической истории. Для истории быта, нравов, идеологии и религии эпохи раннего феодализма, вообще очень скудных источниками, отражающими эти стороны жизни, древние жития незаменимы. Разумеется они полны чудес и сверхъестественных явлений. В них царит легенда, но и она тоже представляет собой своеобразный исторический источник. В легенде в какой-то мере, хотя и в особенной форме, отразились чаяния народных масс в период быстрого развития новых производственных отношений, которые на разорявшихся крестьян-общинников впервые наложили тяжелое ярмо эксплуатации.

На территории бывшей Западной Римской империи все источники этого периода были написаны по-латыни, но, за редкими исключениями, не на литературном латинском языке, а на общенародных провинциальных диалектах, победивших языки германцев-завоевателей и постепенно развивавшихся в языки романских народностей. Поэтому в этих странах язык анналов, исторических произведений и в особенности законов и документов был понятен всему населению. Для коренных германских

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394.

** Там же, т. XXVII, стр. 201.

областей франкского государства, где господствовали германские диалекты, существовали переводы законов на эти диалекты. В Англии, Ирландии и Исландии законы и некоторые исторические труды писались (последние иногда переводились с латинского языка) на общенародном языке, так как латинский язык был совершенно чужд кельтским и германским народам и оставался только языком церкви.

При Карле Великом язык анналов и особенно исторических произведений несколько приблизился к литературному латинскому языку, который, благодаря некоторому развитию школы, стал понятен более широким кругам знати и вообще играл в то время роль литературного языка, поскольку будущие национальные языки находились еще только в стадии становления.

Византийские источники, как документальные, так и повествовательные, написаны на понятном всем классам населения средневековом греческом языке, особенности которого в отдельных случаях зависели или от стремления некоторых авторов подражать античным писателям, или же, наоборот, от неискушенности авторов в литературном творчестве, что приводило к употреблению разговорного языка (например, Иоанн Малала). Появившиеся в IX в. в Болгарии и Хорватии грамоты, законы и краткие записи событий были написаны на старославянском языке, легшем в основу современных славянских языков.

ГЛАВА III

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ «ВАРВАРСКИХ» ГОСУДАРСТВ

Источники по истории различных германских «варварских» государств более или менее однотипны. К ним относятся правды, сборники формул, анналы, «истории», жития святых. Но вместе с тем известные особенности в развитии и в исторических судьбах этих государств отразились на характере источников. Вследствие этого для каждой из стран сложился свой комплекс памятников, запечатлевших указанные отличия.

Вестготы Первым из «варварских» государств, основанных на территории Западной Римской империи, было вестготское королевство в южной Галлии, а затем в Испании. В самом раннем из германских государств появились и древнейшие (по времени возникновения) правды.

Уже при короле Теодорихе I (419—451) были записаны первые законы, о которых имеются лишь глухие упоминания. Около 475 г., при короле Эйрихе (466—484), возник обширный свод законов, так называемый «Кодекс Эйриха» (*Codex Euricianus*), насчитывавший не менее 340 титулов, но дошедший до нас лишь в отрывках (52 титула, из которых 17 совершенно искажены, так как единственная рукопись, сохранившая этот ценный источник, является палимпсестом, т. е. рукописью с двойным текстом). Реконструкция всего кодекса Эйриха была сделана учеными на основе этих фрагментов и позднейших редакций вестготских законов, а также других германских правд (Бургундской, Салической, Аламанинской и Баварской), составители которых в свое время использовали свод Эйриха. Из него мы узнаем, что в конце V в. у вестготов еще сохранились, хотя и слабо, следы родового строя и некоторые остатки общинных форм землевладения. Земля еще не подлежала свободному отчуждению, но уже существовали зависимые крестьяне, не говоря о рабах и колонах, формы эксплуатации которых по сравнению с римскими были смягчены. Хотя в ту пору завоеватели и побежденные вестготы и римляне, жили как два разных народа, каждый по своим законам, и браки между ними были запрещены, тем не менее вестготские законы испытали на себе сильное влияние римского права. В кодексе Эйриха есть прямые заимствования из кодекса Феодосия, из Гая и т. д.

Кодекс Эйриха в Испании впоследствии был заменен последующими сводами, но в южной Франции он действовал сравнительно долго.

При следующем короле, Аларихе II (484—507), около 506 г. был составлен особый законник для римлян, живших под властью вестготов, — *Lex Romana Visigothorum*, названный впоследствии *Breviarium Alaricianum*¹. Он предназначался

для разрешения тяжб и споров между римлянами и готами и представлял собой сборник дословных выдержек из различных источников римского права (переработке подверглись лишь «Институции» Гая). В таком виде он отразил приспособление старых римских законов к новым условиям, сложившимся в вестготском государстве. Примерно через полтора года в самой Испании он был отменен, так как готы слились с римским населением и потребность в особых законах для римлян отпала. Но в других государствах, где также требовалось регулирование правовых взаимоотношений завоевателей с местным населением, Бревинарий Алариха послужил образцом и с некоторыми изменениями применялся в южной Галлии, Бургундии и Провансе.

Из сочинения Исидора Севильского * известно, что при короле Лиувигильде (568—586) также была произведена запись права.

В основе ее лежал кодекс Эйриха, но из него было устранено все устаревшее и включены законы последующих королей. Эта редакция до нас не дошла. Ученые ее частично реконструировали, опираясь на последующий (уже третий по счету) кодекс, в котором законы, записанные при Лиувигильде, носят название «старого закона» (*lex antiqua*). Впоследствии эта вторая (утраченная) редакция законов была использована в лангобардской Италии при составлении эдикта короля Ротари.

Вышеупомянутая третья редакция и является собственно Вестготской правдой (*Lex Wisigothorum*)². Ее подготовка началась при короле Хиндасвинте, в новеллах которого, обязательных для всего населения государства, уже не делалось различий между готами и римлянами, а при Рецесвинте (649—672) весь обширный законодательный материал был еще раз пересмотрен и около 664 г., наконец, сформирован в систематизированном виде в кодекс, получивший название «Книги судей» (*Liber iudiciorum*). Он построен по образцу кодекса Юстиниана и состоит из 12 книг, распадающихся на титулы и статьи, снабженные примечаниями, которые указывают на происхождение того или иного пункта из кодекса Лиувигильда (*antiqua*) или из новелл кого-либо из последующих королей. С появлением кодекса Рецесвинта всему населению было предписано пользоваться только этими законами, которые отразили слияние готов с римлянами, особенно в верхах общества. Несмотря на очень сильное влияние римского права, в основе законов все же лежало право германское, и при тщательном анализе можно рассмотреть пережитки более древних форм общественного строя, в частности общину. Вестготская правда дает основной материал для истории начального периода процесса феодализации у вестготов в VII в. Влияние римских порядков сказывается и в замене вергельда уголовными наказаниями.

В конце VII в. при короле Эрвигии (680—687) в 681 г. появилась еще одна редакция правды, на которую наслоились затем законы Эгикки (687—701) и Витицы (701—709).

Арабское завоевание, покончившее с самостоятельностью вестготского королевства, прервало и нормальный ход развития вестготского права. Но последняя редакция законов, произведенная при Эрвигии, в сочетании с законами королей конца VII — начала VIII вв. составила так называемую Вульгату Вестготской правды, которая, постоянно дополняясь, продолжала действовать не только в южной Галлии (Септимании), но и в Испании при арабском владычестве в качестве общего права всего христианского населения. По мере развития реконкисты

* См. стр. 48—50.

сфера действия правды постепенно расширялась. В XIII в. она была значительно изменена и переведена на кастильский язык (Fuero Juzgo).^{*} В Каталонии она вышла из употребления в середине XIII в.

История вестготских законов показывает, каким сложным источником является Вестготская правда. В ней сосуществовали элементы германского и римского права и притом на протяжении почти двухсот лет. Единственный полный из дошедших до нас кодексов — «Книга судей» — относится к позднему периоду, отделенному от времени возникновения государства двумя с половиной веками. Естественно, что в нем отражен уже далеко зашедший процесс феодализации и притом с сильными пережитками римских порядков. Это придает Вестготской правде особые черты, которые делают ее ценнейшим источником по истории готской Испании. Но для изучения европейского общества в начальной стадии феодализации она мало пригодна.

Сборник вестготских формул (Formulae Wisigothicae)³ содержит 46 формул разного типа документов, составлявшихся как отдельно для готов или римлян, так и для их совместных сделок. Сборник был составлен между 615 и 621 гг., вероятно кордовским нотариусом. Во второй половине VII в. к нему было добавлено несколько новых формул. В нем имеются ссылки на Бревиарий Алариха и кодекс Лиувигильда. Формулы актов продажи, передачи, отчуждения земли и т. п. рисуют аллод и развитие феодальной собственности на землю. В формулах отражен также процесс потери свободы неимущими людьми (продажа себя в рабство, переход на положение колона и т. д.). Этот материал, так же как и законы, указывает на интенсивный процесс складывания феодального строя.

Гибель испанского вестготского королевства в 711 г. в результате арабского завоевания плачевно отразилась на сохранности источников V—VII вв., из которых многие не дошли до нас. Утраченными оказались некоторые вестготские хроники и мы не имеем произведений, с достаточной полнотой отражающих историю этого народа за период, предшествовавший окончательной консолидации вестготского государства на Пиренейском полуострове в конце VI в.

Разрозненные сведения о вестготах в Галлии имеются у Орозия и Проспера; больше их у Сидония Аполлинария⁴ (430 — около 484). Член знатной лионской семьи, Сидоний Аполлинарий занимал крупные гражданские должности, затем в 472 г. стал овернским епископом. Сперва он боролся с вестготами и был взят в плен королем Эйрихом, затем освобожден и оставлен при дворе, где воспевал в латинских стихах подвиги вестготских владык. Он оставил несколько стихотворных сборников и девять книг писем, опубликованных в 473—484 гг. Сидоний Аполлинарий был последним представителем античной культуры в Галлии. Его произведения, в особенности письма, очень важны для истории последних годов римского владычества в Галлии, для истории завоевания ее территории вестготами, бургундами и франками и для уяснения картины взаимоотношений между завоевателями и покоренными. В его письмах хорошо обрисована также социальная и политическая роль могущественных галльских епископов V в. Сведениями такого же рода богаты письма епископов Фауста Риезского (ум. около 480), Рурция Лиможского (ум. около 507) и др.

Арианство вестготов и бургундов осложнило отношения между их королями и католической церковью. Союз двух сил — церкви и королевской власти — офор-

^{*} См. стр. 232—233.

мился в вестготском королевстве лишь к концу VI в. Это был важный этап в развитии вестготского государства и складывания класса феодалов. К этому периоду и относится расцвет вестготской историографии, подготовленный в предшествующие десятилетия.

Говоря об источниках по истории германских государств на Пиренейском полуострове, надо назвать для V—VI вв. всемирные хроники Орозия, Идация и Иоанна Бикларского, о которых уже упоминалось.* Но в хронике Орозия, написанной в 417 г., имеются сведения лишь о самых первых годах вторжения вестготов в Испанию.

Идаций (около 427—470) был епископом в Галисии, т. е. в свеаском государстве, где господствовало арианство, с которым он усердно боролся. В своей хронике, охватывающей 379—468 гг., он дал очень краткие сведения о вандалах, свевах и вестготах в первые десятилетия их жизни в Испании. Идаций писал частично на основании устной традиции, частично как очевидец. Для ранней истории германских государств в Испании его хроника является ценнейшим источником.

Частично история вестготов VI в. записана в хронике Иоанна Бикларского, бывшего в 599—610 гг. епископом Хероны, а затем аббатом Бикларского монастыря в Пиренеях. Она замечательна по обстоятельности и достоверности изложенного материала. Автор был хорошо осведомленным современником описанных им событий за 567—590 гг. и главное внимание посвятил вестготскому королевству. Как раз в его время совершился переход вестготов из арианства в католичество, вызванный стремлением короля и знати укрепить путем союза с церковью свои позиции против растущего сопротивления закрепощаемых народных масс. Этот союз чрезвычайно усилил обе стороны и в новой обстановке быстро возросла политическая роль епископов, происходивших, как правило, из старой испано-римской знати. Одним из них был Иоанн Бикларский, человек очень образованный, изучивший в Константинополе греческий язык. В начале своей хроники он вел счет годов по византийским императорам, затем по вестготским королям. В этом изменении очень наглядно сказалась перемена его политической ориентации.

Хроника Максима, епископа Сарагосского, до нас не дошла, но заимствованные из нее данные, касающиеся преимущественно северо-восточной Испании, сохранились в трудах самого значительного из ранних испанских историков — Исидора, епископа Севильского⁶ (570—636). Как биография, так и произведения этого плодовитого писателя очень рельефно отражают процесс формирования в Испании верхов феодального класса из сливающейся готской и римско-испанской знати. По своему происхождению Исидор принадлежал именно к этому слою. Член старой испано-римской семьи, он был вместе с тем по матери внуком вестготского короля. Получив лучшее по тем временам классическое и церковное образование, он унаследовал в 599 г. севильскую епископию от своего брата, который приложил много усилий для обращения вестготов в католичество. Занимая одно из крупнейших мест в испанской церкви и председательствуя на церковных синодах, Исидор был влиятельнейшим церковным и политическим деятелем, тесно связанным с королевской властью единством основных классовых интересов. Общая тенденция его исторических произведений заключается в прославлении господства церкви, королей и знати над эксплуатируемым народом.

После завоевания вестготов в Испании сохранились остатки римско-испанской культуры. В испанских библиотеках VI—VII вв. сохранилось много рукописей с произведениями классиков и позднеантичных писателей, из которых испанские писатели того времени извлекли много выдержек. Так как значительная часть этого культурного наследия впоследствии погибла, то многое из произведений поздней античности известно нам лишь по таким отрывкам. Исидор использовал во всех своих произведениях множество работ своих предшественников. Он был преимущественно компилятором и притом не всегда искусным и точным.

* См. стр. 27—28.

Это явствует из тех случаев, когда можно сравнить его работу с использованными им источниками.

Из его исторических трудов наибольшее значение имеет «История готов, вандалов и свевов» (*Historia Gothorum, Wandalorum et Svevorum*; заглавие несколько варьирует в разных рукописях), появившаяся в двух редакциях — краткой, законченной в 621 г., и подробной, доведенной до 624 г. Последняя представляет собой расширенную переработку краткого варианта на основе вторичного обращения к источникам и обширных дополнений морализирующего и церковно-богословского характера. Эта пространная редакция получила, в противоположность краткой, широкое распространение.

В «Истории готов» Исидор использовал труды своих предшественников и современников-испанцев, но он не знал ни сочинения Кассиодора, целиком посвященного той же теме, ни «Истории франков» Григория Турского,* в которой много сведений о вестготском Тулузском королевстве. Это свидетельствует об известной ограниченности круга источников Исидора и вообще о растущей культурной замкнутости отдельных частей Западной Европы в VI—начале VII вв. Помимо письменных источников, Исидор использовал также устную историческую традицию, в которой значительное место занимали народные предания и эпические сказания. Начиная с 590 г. он писал на основе собственных материалов и наблюдений, располагая события по царствованиям вестготских королей. Сведения, приводимые у Исидора, не всегда точны, а хронология зачастую запутана, или же отсутствует. Но все же это наиболее полный источник по истории вестготской Испании конца VI и начала VII вв. О вандалах и свевах сведений несравненно меньше. Что касается вандалов, то Исидор весь свой материал заимствовал из Виктора Туннунского.** Данные о свевах также не дают ничего нового по сравнению с известными нам источниками (главным образом актами церковных соборов).

В качестве введения к «Истории готов» в некоторых рукописях имеется текст под заглавием «Похвала Испании» (*Laus или Elogium Hispaniae*), в котором с сильным патристическим чувством восхваляются природа и народ Испании. Некоторые исследователи отрицают авторство Исидора, считая это произведение добавлением какого-либо монаха-переписчика. Однако как по духу, так и по стилю оно очень близко к заключительной части труда Исидора, безусловно принадлежащей ему и названной «Краткое повторение во славу готов» (*Recapitulatio in laudem Gothorum*). Таким образом, если «Похвала Испании» и не была написана самим Исидором, то во всяком случае повторяет как его мысли, так и поэтический подъем, характерный для заключительной части «Истории готов».

Во всем своем произведении Исидор предстает, как последовательный сторонник союза церкви и королевской власти. Ради укрепления господства верхов общества он приветствует единение готов с покоренным населением, так как это единение ликвидирует смуты и раздоры и обеспечивает власть имущим неизбежность существующего строя. У Исидора мы находим, в этой связи, очень интересную мысль, навеянную, повидимому, не столько воспоминаниями (уже далекими) о приходе вестготов в Испанию, сколько сравнительно недавним (при Юстиниане) временным господством византийцев в Испании. Исидор пишет: «Потому римляне, живущие под готской державой, любят ее власть, что лучше им жить в бедности с готами, чем будучи сильными под римской властью, нести тяжелейший гнет налогов».

* О Кассиодоре и Григории Турском см. стр. 54—55, 63—65.

** См. стр. 52.

Другим историческим трудом Исидора является его всемирная хроника, сохранившаяся также в двух редакциях — краткой (до 627 г.) и пространной (до 615 г.). Как и при сочинении «Истории готов», Исидор составил сперва краткий вариант (*Chronica minora*), включив его в пятую книгу своего труда «Этимологии»; затем переработал текст в сторону расширения и выпустил отдельным произведением (*Chronica maiora*). Оба варианта представляют собой отчасти компиляцию из хроник Евсевия — Иеронима, Проспера, Орозия и из сочинений Августина. Последняя часть, относящаяся ко времени Исидора, написана им самостоятельно. В этой хронике Исидор применил периодизацию, разработанную им на основе учения Августина, которая получила в раннем средневековье повсеместное распространение. Вся история, начиная с сотворения мира, была разделена на шесть «возрастов» (*aetates*) человечества. Первые четыре охватывали еврейскую историю до вавилонского плена, пятый оканчивался рождением Христовым, шестой «возраст» еще длился, и его история излагалась по римским императорам, а затем, в произведении Исидора, по вестготским королям. В этой периодизации знаменательно утверждение преемственности власти германских королей (в данном случае вестготских) от власти римских императоров. Распространение этой концепции в правящих верхах общества раннего средневековья объясняется главным образом общими условиями развития государств германских народов. Среди этих условий важную роль играли как формирование господствующего класса из представителей старой римской и новой германской знати, так и союз католической церкви с королевской властью, о чем уже была речь.

Из прочих трудов Исидора следует указать на его «Начала или Этимологии» (*Originum sive Ethymologiae libri XX*), в которых особенно ярко проявились черты Исидора как компилятора, использовавшего античную и современную ему литературу. «Этимологии» представляют собой своего рода энциклопедию, в которой разъяснено происхождение и значение различных терминов. Последние расположены в систематическом порядке: школа и образование, медицина, право, история, человек, животный мир, архитектура, агрикультура и т. д. Чисто этимологическая сторона в труде Исидора, как правило, фантастична, но в самих описаниях много реальных и живых наблюдений над конкретными условиями жизни в современной ему Испании. Таковы, например, некоторые сведения по агрикультуре, архитектуре, праву и т. д. В пятой книге «Этимологии» Исидор дает интересный обзор истории римского права и общественного строя. Уже было сказано, что «Всемирная хроника» входит в состав «Этимологий». Это произведение Исидора принесло ему большую славу и пользовалось широкой популярностью вплоть до появления в XIII в. новых энциклопедических сборников, отразивших уже новые требования, возникшие в европейском обществе.

История вестготской Испании конца VII — начала VIII вв. характеризуется ожесточенной борьбой за власть между отдельными группами знати, борьбой, явившейся политическим выражением процесса феодализации. Одно из крупных событий этой борьбы отражено в «Истории толедского похода 673 г. короля готов Вамбы» (*Historia de Wambae regis gothorum toletani expeditione anno 673*). Этот поход закончился подавлением восстания в Септимании. Автором является толедский епископ Юлиан, занимавший этот пост в 680—690 гг. Описание похода основано на хорошей информации автора — современника событий, и сопровождается панегириком королю Вамбе. Юлиану принадлежит и один из лучших образцов испанской биографии — житие толедского епископа VII в. Ильдефонса.

Последний период жизни вестготского королевства описан в двух хрониках первой половины VIII в. Первая из них, анонимное «Продолжение» (*Continuatio*) хроники Иоанна Бикларского, была составлена между 720 и 740 гг. где-то в Северной Африке приверженцем арабов, но христианином. В хронике описаны арабские завоевания в Азии и Африке, дополненные сведениями о вестготской Испании, заимствованными из Исидора (для VII в.). Вторая хроника, так называемого «Кордовского Анонима» (иногда ошибочно приписываемая Исидору Паценскому), представляет большой интерес, поскольку история вестготского королевства за конец VII — начало VIII вв. составлена самостоятельно. Автор несомненно был испанцем, но навряд ли писал в Кордове; скорее всего он был членом капитула кафедрального собора в Толедо и имел доступ к актам толедских церковных соборов, которые были им использованы в хронике (об одном из таких соборов мы знаем только из его труда, потому что акты этого собора были уничтожены). Часть хроники утрачена. Как фактический материал, точный и обширный, так и общая тенденция хроники представляют чрезвычайный интерес. Прежде всего (явление редкое в историографии раннего средневековья), автор, будучи членом среднего городского духовенства, не является апологетом знати и королевской власти. Он враждебен к раздорам в верхах вестготского общества, приведшим последнее к гибели. К народу автор относится с явным сочувствием и симпатизирует лишь последнему из вестготских королей, Витице, политика которого была направлена против феодальной знати и высшего духовенства. Благодаря всем этим данным, хроника Кордовского Анонима содержит богатый и достоверный материал, рисующий основные причины гибели вестготского королевства.

Многочисленные акты церковных соборов, происходивших в Испании с 429 по 694 гг., содержат (подобно всем источникам такого рода в пору роста церкви как крупной политической силы и крупного феодального землевладельца) большой материал по церковной, социальной и политической истории Испании V—VII вв. Постановления толедских соборов, утвержденные королями, имели силу законов.

Документальные источники сохранились в небольшом количестве. В их число входят списки вестготских королей (*Chronologia et series regum Gothorum*), составленные уже в конце VIII в. по образцу списков римских пап. Их данные очень точны.

К середине VII в. относится сборник документов за 586—633 гг., так называемые «Вестготские письма» (*Epistolae visigothicae*), рисующие отношения Испании с Византией и с южной Галлией.

Вандалы История недолговечного государства аланов и вандалов в Северной Африке (439—534), завоеванного Византией, очень скупо отражена в источниках. Законы этих народов не сохранились. Как уже упоминалось, их истории некоторое внимание уделял Исидор Севильский.

Во время завоевания африканского побережья вандалскими королями Гейзерихом и Гунриком среди местного населения шла ожесточенная классовая борьба. Народные массы в своих восстаниях против рабовладельцев, проходивших под религиозными лозунгами секты агонистиков, жаждали пришествия и помощи германцев, чем и объясняется быстрота и легкость наступления последних. Единственное произведение, рисующее как эту борьбу, так и германское нашествие и события вплоть до 484 г., принадлежит одному из епископов Северной Африки, Виктору Витенскому. Оно называется «История пре-

следования» (*Historia persecutionis*), написано с ярко выраженных позиций господствующего класса, полно чудес и всякого рода сверхъестественных событий. Хронология в нем мало достоверна.

Житие Августина, епископа Гиппонского, составленное около 432 г. одним из нумидийских епископов Поссидием, содержит некоторый материал по истории римской Африки начала V в. с первых шагов вандалского вторжения. Хроника Виктора, епископа Туннунского, дошла до нас не полностью. Сохранившаяся вторая ее часть начинается с 444 г. и доведена до 567 г. Хроника ценна как источник для истории событий VI в. Но и она больше всего уделяет внимания борьбе с ересями.

Очень важные сведения имеются у византийского историка Прокопия Кесарийского,* который в качестве секретаря Велизария принимал участие в африканской экспедиции 533—534 гг., закончившейся завоеванием Северной Африки византийской армией и уничтожением алао-вандалского государства.

Непродолжительным было существование и самостоятельного государства бургундов в юго-восточной Галлии (443—534); но после франкского завоевания бургунды сохранили свои законы и поэтому текст их дошел до нас. До короля Гундобада (около 474—516) право существовало в устной традиции; затем, повидимому в 490-х гг., было записано и получило название по имени короля *Lex Gundobada* или *Lex Gombata*. В нем есть некоторые заимствования из вестготского Кодекса Эйриха. При Сигизмунде (517—524) была произведена в 517—518 гг. переработка и сделаны некоторые дополнения. Этот текст и является Бургундской правдой (*Lex Burgundionum*)*, действовавшей до IX в. Дошедшие до нас рукописи (все не старше IX в.) разделяются на две группы. Большинство из них содержит текст из 88 титулов, другие — из 105 титулов. Добавлениями, сделанными при Сигизмунде (так называемыми новеллами), являются титулы с 52 по 62 и некоторые из последних титулов.

В некоторых рукописях имеются еще отдельные записи, не вошедшие в текст правды (*Extravagantes*). Две из них относятся ко времени Гундобада, одна к Сигизмунду. Четвертая называется капитулярием, принятым на съезде в Амберье в последние годы самостоятельности Бургундского королевства (вероятно, в 524 г.). Таким образом, Бургундская правда сложна по своему составу.

Бургундская правда имела силу не только для бургундов, но и для их тяжб с римлянами. Кроме того, в ней есть некоторые титулы, общие для обоих народов и имевшие силу общего права для всего населения территории. Дополнением к Бургундской правде является Римский закон бургундов (*Lex Romana Burgundionum*)?, предназначенный для римского населения. Он составлен наподобие инструкции, не в законодательном, а в дидактическом духе и содержит выдержки из различных источников римского права (кодекса Феодосия, новелл, учебника Гая и т. д.). Появился он, повидимому, тоже при Гундобаде, но раньше, чем Бревинарий Алариха у вестготов.

Законы бургундов получили оформление через полвека после оседания этого народа на территории Галлии. Так же как и вестготы, бургунды расселились в среде местного населения, быстро утратили свой язык и свой общинно-родовой строй. Поэтому в Бургундской правде тоже простирается сильное римское влияние, но вместе с тем, в ней нашло

* См. стр. 31—32.

свое отражение своеобразие жизни германцев в среде туземного населения. Некоторые черты старого строя все же сохранились, например члены рода (фараманн) иногда расселялись сообща и сообща расчищали леса. В этом отношении Бургундская правда ближе к древнегерманскому праву, чем Вестготская. В целом рост феодальной собственности на землю и социальная дифференциация прослеживаются по Бургундской правде вполне отчетливо.

Политические события за 455—581 гг. изложены в краткой, но очень точной хронике Марья, епископа Аваншского (около 530—593), продолжившего хронику Проспера Тирона. Сохранился древний эпос бургундов — Песнь о Нибелунгах, сложившийся во время их пребывания на Рейне и отразивший борьбу с гуннами. Он дошел до нас в поздней версии.*

Гунны в Паннонии Сведения о грабительских набегах гуннов в Европе сохранились во многих трудах римских, византийских и франкских историков. Что касается истории кратковременного гуннского племенного союза в Паннонии, сложившегося под владычеством Аттилы в середине V в., то главным и почти единственным источником является «Сказание» византийского дипломата Приска Панийского, ездившего в 448 г. послом к Аттиле. «Сказание» представляет собой отрывки из не дошедшего до нас полностью исторического произведения. Они сохранились в «Константиновском сборнике», составленном в середине X в. по распоряжению Константина VII Багрянородного. Приск подробно описывает свое путешествие ко двору Аттилы, встречи с ним, нравы и быт гуннов, передает рассказы пленных.

Остготы В государстве остготов, просуществовавшем в северной и средней Италии с 493 по 555 гг., компромисс между победителями и побежденными получал, в силу ряда причин, наиболее яркую форму. Готы жили там по своим обычаям (сведения о них не сохранились), для римлян оставалось в силе римское право. Но уже Теодорих I издал (повидимому до 507 г.) Эдикт Теодориха (Edictum Theodorici)⁸, состоящий из 155 небольших глав, охватывающих наиболее часто случавшиеся судебные тяжбы между готами и римлянами. Для большинства случаев эдикт использовал римские правовые источники и римскую юридическую литературу. До нас дошли также отдельные указы Теодориха и Аталариха. Судя по этим законам, у остготов быстро шел процесс социальной дифференциации и образования земельной знати, сливавшейся с римской знатью.

После падения остготского государства в Италии снова восторжествовало римское право, но остатки остготского населения, переселившиеся в Прованс, судя по кратким упоминаниям в источниках, сохранили обычаи своего народа.

Уже при Теодорихе, т. е. почти сразу же после завоевания, была составлена готом Аблавием «История готов», но этот труд до нас не дошел.

Сведения о ходе завоевания и дальнейших событиях содержатся в римских источниках. История Италии за 474—526 гг. отражена в равеннской хронике Анонима Вalezия (по имени первого издателя XVII в.), от которой сохранился только фрагмент. Очень важные подробности о завоевании остготов и мероприятиях Теодориха имеются в сочинениях павийского епископа Энодия (473—521): в составленном

* См. стр. 300.

им около 507 г. панегирике Теодориху, житиях и многочисленных письмах (свыше 300).

Что касается идеологического обоснования и прославления новых правителей Италии, то эту задачу выполнил один из важнейших государственных деятелей при Теодорихе и его преемниках — Аврелий Кассиодор (около 490—575). Член знатной римской семьи, крупный землевладелец и рабовладелец, Кассиодор вместе с тем был последовательным приверженцем готского владычества. В его лице нашел себе живое воплощение тот политический компромисс, на котором зиждилось остготское королевство. Уже отец Кассиодора служил у Одоакра, сам же он при остготах очень быстро поднялся по лестнице чинов и почестей и в 533 г. стал префектом претория. В эпоху острой классовой борьбы, выразившейся в революционных выступлениях рабов и колонов, власть готов была для Кассиодора, как и для известной части римской рабовладельческой аристократии, гарантией сохранения за этой знатью ее экономических и политических позиций. «Лишившись части земли, римлянин зато приобрел себе защитника в лице гота» — в этих словах Кассиодора сформулирована главная мысль, которая на первых порах лежала в основе отношения римской сенаторской знати к новым владыкам Италии.

Первое из исторических произведений Кассиодора — «Хроника» (*Chronica*) была составлена около 519 г. по заказу зятя Теодориха. Источниками ей послужили труды Тита Ливия, Евтропия, хроники Евсевия—Иеронима, Проспера, консульские фасты и др. Для периода 496—519 гг. автор использовал собственные материалы. Уже в этой хронике уделено много места истории готского королевского дома Амалов, из которого происходил Теодорих.

Главный труд Кассиодора «Готская история» (*De rebus gestis gothorum*) в оригинале не сохранился; он известен лишь в сокращении, сделанном Иорданом*. Отсутствие полного текста этого произведения является для науки большой утратой, так как Кассиодор использовал достоверные источники (в частности, «Историю готов» Аблавия и старые народные предания и саги). Полный текст его труда значительно расширил бы наши сведения.

«Готская история» была составлена в 526—533 гг.; именно за нее Кассиодору была дарована должность префекта претория. Король Аталарих заявил, что в своем труде Кассиодор извлек из мрака древности величие королевского дома Амалов и всю древнюю историю готского народа. Эта похвала указывает, что автор успешно справился с возложенной на него королем задачей. Действительно, Кассиодор «доказал» чрезвычайную древность правящей династии, насчитав 17 поколений из дома Амалов, предков Аталариха, наследственные права которого оспаривались готской знатью. Кроме того, в его интерпретации готы оказались народом не менее древним, чем римляне, так как Кассиодор отождествил готов с фракийскими гетами, упоминаемыми уже у Геродота и Фукидида, а амазонок счит готскими женщинами. Таким образом, предками Амалов оказались сказочные герои античности, а древняя история готов была представлена как составная часть греко-римской истории. Произведение Кассиодора имело целью возвеличить готов и особенно правящую династию Амалов. Как римская, так и готская знать должна была, по мнению Кассиодора, примириться с владычеством столь древнего королевского дома, имевшего достаточно прав, чтобы быть преем-

* См. стр. 55—56.

никами римских императоров. Из всех исторических произведений раннего средневековья именно у Кассиодора ярче всего выражены идея преемственности власти германских королей от власти империи и возвышение царствующего дома над племенной знатью, а также проповедь союза знати римской и германской.

Кассиодору принадлежит также сборник официальных документов (*Varia*)⁹, составленный около 537 г. и содержащий указы, распоряжения и письма, составленные им как должностным лицом в остготском королевстве. Шестая и седьмая книги сборника представляют собой формулярный времен Теодориха. Всего в сборнике 468 документов. Это важный источник по внутренней и внешней истории остготского государства, отражающий главным образом методы управления в Италии и южной Галлии, а также отношения Теодориха с другими германскими государствами.

Около 540 г. Кассиодор удалился в основанный им монастырь в Калабрии. Как известно, его политическая линия компромисса при преемниках Теодориха была отвергнута как римской знатью, так и правительством. В монастыре он основал богатую библиотеку и мастерскую письма. Главное его внимание было в тот период посвящено церкви и борьбе с ересями. Этот поворот весьма знаменателен и свидетельствует о поисках новой опоры, которая могла бы поддержать притязания старой римской знати. К последним годам жизни Кассиодора относится его «Трехчастная церковная история» (*Historia ecclesiastica tripartita*), составленная по сочинениям трех греческих историков церкви.* В латинском мире она долго служила учебником по ранней истории христианской церкви. Это произведение Кассиодора имеет чисто компилятивный характер и не представляет ценности, поскольку использованные в нем источники дошли до нас.

Преемником Кассиодора в области истории готов был уже упомянутый Иордан. По женской линии он приходился родственником Амалам и жил в VI в. Факты его биографии очень спорны. Под конец жизни он вероятно стал католиком, может быть епископом, и стремился убедить остготов отказаться от арианства. В своем труде «О происхождении и деяниях готов» (*De origine actibusque Getarum*)¹⁰, сокращенно называемом *Getica*, Иордан продолжил в основном политическую тенденцию труда Кассиодора, который он использовал.

Getica составлена в Константинополе в 551 г., накануне победы рабовладельческой Византии над остготами и их королем Тотилой, которого поддерживали народные массы. Иордан враждебно настроен к Тотиле и спасение готов видит лишь в их мирном единении с Романией, т. е. Восточной Римской империей. Предвидя близкое торжество полководцев Юстиниана, Иордан возлагает надежды и на восстановление прежней династии, т. е. Амалов. Этими данными определяется общая политическая и классовая тенденция его труда.

Но собранный им фактический материал очень ценен. Даже краткое указание на содержание его труда может дать об этом известное представление. Начало посвящено описанию прародины германцев — Скандинавии и переселению готов к Черному морю. Иордан описывает историю и высокую культуру Скифии. Затем следуют генеалогия королей из рода Амалов и история готов до Германариха, вторжение гуннов и разрушение ими готского царства, походы Аттилы и битва на Каталаунских полях. В заключение изложена история готов до 540 г.

Getica Иордана является одним из важнейших источников для истории не только готов, но всего Причерноморья. Автор дает картину расселения племен и народов и сообщает такие сведения, которых нет в других источниках. Только у него оказались записанными древние

* См. стр. 25—26.

сказания готов, относящиеся еще к векам переселения из Германии к Черному морю. Выше уже было сказано о ценности труда Иордана для истории древних славян.

Другое историческое произведение Иордана «О сумме времен или происхождении и деяниях римского народа» (*De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum*), сокращенно называемое *Romana*, представляет собой весьма неискusstную компиляцию, в которой главный упор взят на римскую историю, якобы непосредственно продолженную не только в истории Византии, но и в остготском королевстве. В этом труде Иордан продолжает стоять на той же позиции, что и в «Гетике». Его хроника начинается с сотворения мира и доведена до 551 г. Составлена она, повидимому, вскоре после «Гетики».

Иордан плохо владел литературным стилем, хотя жил в Константинополе в середине VI в., когда официальным языком был еще латинский. Его произведения написаны на таком же диалекте народной латыни, как и некоторые итальянские и балканские надписи VI в.

Завоевавшие в 568 г. Италию лангобарды пришли туда во главе целого союза германских и славянских племен. Родовые связи у них были еще очень сильны; они расселились родовыми группами. Первая кодификация законов была произведена почти через 80 лет, в 643 г., при короле Ротари (636—652). Закон был назван *Liber edictus* и стал известен под именем Эдикта Ротари (*Edictus Rothari*)¹¹. По своему содержанию и значению он является типичной германской правдой, утвержденной королем и знатью и фиксирующей обычное право лангобардов с некоторыми элементами обычаев других племен (готов, герулов, гепидов и т. д.), пришедших вместе с лангобардами. Он составлен по-латыни, но со множеством германских слов. Никаких упоминаний о римлянах в нем нет. Наоборот, он был обязателен для всего населения государства (вплоть до любого пришельца) и не предполагает сосуществования наряду с собой римского права, как то было у вестготов, остготов и бургундов. Это объясняется тем, что лангобардское завоевание, в противоположность остготскому, коренным образом уничтожило рабовладельческий строй и сопровождалось почти полным исчезновением римской знати и римского землевладения.

Эдикт Ротари рисует лангобардское общество в состоянии разложения родового строя и общинных форм землепользования. Население делится на свободных, полусвободных и рабов. Развитие частной земельной собственности, личной зависимости и формирование господствующего класса из родовой и новой военной знати еще только начинается.

При короле Лиутпранде (713—735) была произведена новая запись законов, также обсужденная со знатью (на 15 собраниях) и тоже получившая название эдикта. Она отражает уже известное расслоение среди свободных лангобардов. Их верхние слои имеют двойной вергельд по сравнению с низшими; появились и совсем безземельные люди.

К этой редакции лангобардских законов были затем добавлены отдельные узаконения королей: Гримоальда в 668 г., Ратхиса в 745—746 гг. и Айстульфа в 755 г. Из этих позднейших законов явствует, что в лангобардском обществе в VIII в. начинает складываться феодальная собственность на землю. Появились крупные землевладельцы и зависимые крестьяне. Лангобарды уже слились с местным населением и забыли свой родной язык.

В герцогстве Беневентском, ставшем в конце VIII в. совершенно независимым от лангобардских королей, была произведена специальная обработка лангобардских законов, дополненная законами местных герцогов конца VIII и середины IX вв. Они были действительны для всего населения; это явствует из того, что сохранился фрагмент греческого перевода (повидимому, от конца IX в.).

Аналогичная обработка, под названием Concordia, была сделана во Фриульском герцогстве в начале IX в.

Лангобардское обычное право продержалось в Италии вплоть до XIII в., и даже после возрождения римского права пережитки его долго сохранялись.

Государство лангобардов просуществовало около двухсот лет, но, вследствие указанных причин, оно сложилось и развилось несколько медленнее, чем, например, у вестготов и остготов.

В соответствии с несколько замедленным темпом развития феодальных производственных отношений и феодального государства задержалось составление истории лангобардского государства. Первый труд такого рода принадлежал не лангобарду; он был составлен римлянином, Тридентским епископом Секундом (ум. 612) и доведен до первых годов VII в., т. е. охватывал лишь первые десятилетия пребывания лангобардов в Италии. Этот труд до нас не дошел, и мы знаем о нем лишь по тем заимствованиям, которые были сделаны из него в конце VIII в. в сочинении единственного историка лангобардов Павла Дьякона.

Своеобразная историческая судьба лангобардского народа и государства очень ярко проявилась в жизни и творчестве этого выдающегося писателя. Происходя из знатной лангобардской семьи, Павел (около 720—800) получил на своей родине, во Фриуле, прекрасное, по тем временам, классическое образование, даже знал немного греческий язык. Еще в молодости он переехал в столицу лангобардского государства — Павию, ко двору Ратхиса, затем Дезидерия. В Павии он стал известным поэтом и писателем. Затем, вероятно уже после падения королевства Дезидерия, завоеванного франками, Павел попал в Монте-Кассино, самый крупный и знаменитый из итальянских монастырей, центр итальянской культуры того времени. Павлу довелось пережить трагедию, постигшую его народ, который он горячо любил. Государство лангобардов было при Пипине подчинено франкам, а затем полностью разгромлено Карлом Великим. Эти события отразились и на судьбе монте-кассинского монаха. Брат Павла принял активное участие в восстании, вспыхнувшим в 776 г. во Фриуле против франкского владычества, и после подавления восстания был уведен Карлом Великим в Галлию в качестве одного из заложников. Туда же в 782 г. добровольно отправился и Павел с целью выхлопотать освобождение брату и другим соотечественникам. В конце концов он добился своей цели, проведя в Галлии пять лет (782—787). Павел был, несомненно, одним из самых даровитых и образованных деятелей каролингского возрождения, членом придворного кружка (Академии), был ценителем Карлом и его родственником Адальдом, аббатом Корбийского монастыря. Во время своего пребывания в Галлии он написал много поэтических произведений: посланий, эпитафий, акrostихов и т. д. Повидимому, там же он задумал и свой основной труд «Историю лангобардского народа» (*Historia gentis Langobardorum*)¹², который был им написан, вероятнее всего, уже после возвращения в Монте-Кассино. В буржуазной историографии этот труд считается незаконченным, так как он доведен не до падения королевства лангобардов, а лишь до 744 г. Проф. О. А. Добиаш-Рождественская выдвинула другую, более правдоподобную точку зрения.* Проанализи-

* О. А. Добиаш-Рождественская. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. («Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей, М.—Л., 1937).

ровав произведение Павла и тщательно изучив содержащие этот текст рукописи VIII в. (в особенности знаменитую рукопись с автографом письма Павла к Адаларду, хранящуюся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина), О. А. Добиаш-Рождественская пришла к выводу, что автор сознательно закончил свой труд 744 годом, т. е. смертью последнего самостоятельного короля лангобардов Лиутпранда. По ее мнению, Павел не мог изобразить в профранкском духе подчинение лангобардов Пипину и Карлу Великому — этому мешала его любовь к своему народу, пронизывающая все его сочинение. С другой стороны, не мог он обрисовать и борьбу лангобардов с франками с патристической точки зрения, так как Карл продолжал оставаться всемогущим господином Италии. К этому примешивались также личные и семейные интересы. Выводы О. А. Добиаш-Рождественской хорошо объясняют не только композицию, но и общий характер произведения Павла. Написанное человеком с незаурядным литературным талантом, оно резко выделяется из ряда аналогичных трудов других раннесредневековых историков не только по своему литературному стилю и языку, но и главным образом по своему духу. Павел пережил гибель лангобардского государства, подчинение своего народа иноземному завоеванию и, наконец, разгром восстания, направленного против покорителей. Не раболепствуя перед победителями, он с особой тщательностью записал историю своего народа и притом в такой момент, когда «после падения лангобардской державы, уже навряд ли мог явиться писатель, который заинтересовался бы поконченной историей».* Все эти обстоятельства определили общий тон сочинения Павла. Это не восхваление королевской власти и не апология католической церкви. Воспоминания о подвигах предков, народные саги и сказания, родовые предания, генеалогия семей, переселения племен, завоевания ими Италии, распределение земель, история родного города Фриуля и т. п. — вот что занимает в труде Павла первое место. Разнообразие материала, в котором политическая история перемежается с мемуарами, придает «Истории лангобардского народа» особенный колорит, оттеняемый также и патристизмом автора. На рассказы о чудесах Павел довольно скуп, что также выгодно отличает его от других современных ему историков.

Наряду с устной традицией, Павел широко использовал имевшиеся в его распоряжении письменные источники: труд Секунда, Беневентские и Сполетские анналы и т. д. Почти все они до нас не дошли. Труд Павла является для истории лангобардского государства основным источником.

Помимо условий, которые определили композицию и общее направление этого труда, необходимо отметить то внимание, которое Павел уделял истории родов и генеалогии семей. Это указывает на живучесть родовых пережитков. Записанные Павлом народные сказания сохранили, по большей части, свою старую форму. В силу особенностей среды, в которой автор жил и писал, его произведение отличается многими оригинальными чертами от исторических трудов, рисующих историю вестготского и остготского, а отчасти и франкского государств.

Государство франков, сложившееся в конце V в. в северной части Галлии, охватило вскоре почти всю эту римскую провинцию. От всех прочих германских государств, образовавшихся на территории Западной Римской империи, оно отличается тем, что не только не погибло, как остальные, но

* О. А. Добиаш-Рождественская, ук. соч., стр. 110.

выросло вскоре в громадную империю Карла Великого. Впоследствии оно явилось основой для образования французского феодального государства.

Салические франки переселились в северную Галлию непосредственно из области своего первоначального пребывания на нижнем Рейне, не проделав длительных странствий, которые выпали на долю других германских народов и в течение которых родовой строй подвергался интенсивному разложению. К тому же северная часть Галлии, которая стала одной из основных франкских областей, была сравнительно слабо романизована.

Все эти условия привели к тому, что в конце V в. у франков черты общинно-родового строя были гораздо более живучи и ярче выражены, чем у готов, бургундов, вандалов и др. в период их переселений и образования государств. Кроме того, зарождение феодальных отношений и государства прослеживается на истории франков наиболее наглядным образом вследствие непрерывной линии развития. Наконец, благодаря этому естественному ходу развития франкского общества, не нарушенному и не осложненному иноземным завоеванием, источники для истории франков сохранились в несравненно большем числе, чем источники для истории других завоеванных королевств. Совокупность этих данных обеспечивает возможность отчетливого исследования социально-экономической и политической истории франкского общества как типичного раннефеодального общества, приобретшего свою классическую форму именно во франкском государстве.

В соответствии со сказанным, древний закон салических франков Салическая правда (*Lex Salica*)¹³ является среди прочих германских правд источником, наиболее близким к древнегерманским обычаям. Будучи моложе некоторых правд по времени написания, она превосходит их в том отношении, что отражает такую стадию развития одного из германских народов, которая довольно близко примыкает к стадии, описанной Тацитом.

По своему составу Салическая правда представляет собой очень сложный текст, сохранившийся в нескольких редакциях, последовательность которых не так ясна, как в вестготских и лангобардских законах. Литература о Салической правде огромна. В буржуазной исторической науке до сих пор ведутся споры о соотношении различных редакций между собой и по этому поводу отсутствует единая точка зрения. Буржуазное источниковедение, в котором формальный момент часто является преобладающим, главное внимание уделяет юридическому анализу Салической правды. Толкование, датировка и взаимосвязь отдельных редакций этого памятника очень запутаны в буржуазной исторической литературе.

Необходимо подчеркнуть, что, в силу своих особенностей, о которых уже шла речь, Салическая правда издавна была объектом ожесточенной полемики в среде буржуазных историков. Прогрессивные историки, хотя они и не понимали истинной роли марки в средневековом обществе, признавали ее наличие в частности в Салической правде. Реакционные историки, главным образом Фюстель де Куланж и его последователи, усердно пытались опровергнуть эту точку зрения. Защищая взгляд об исконности частнособственнических начал и о полном отсутствии общинных форм, они искажали и извращали ясные указания, имеющиеся в Салической правде. В настоящее время австро-американским историком Штейном предпринята еще одна попытка дискредитировать Салическую правду как источник, блестяще подтверждающий основные положения марксизма-ленинизма о роли общины-марки. Под маской якобы научной объективной критики Штейн ополчился против своих предшествен-

ников и предпринял радикальный пересмотр всех их взглядов.* На деле этот гиперкритицизм является всего лишь средством для уничтожения источника как такового, для «доказательства» абсурдного положения, будто текст Салической правды был сфабрикован... в IX веке, в период, который вообще примечателен обилием разнообразных фальшивок в области документов. Никаких веских доказательств автор не может привести для подтверждения своего тезиса, хотя он основательно изучил рукописи, содержащие текст Салической правды и историю его издания. Несомненно, что этот важный источник нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Первоначальный текст Салической правды до нас не дошел. Сохранившиеся редакции уже носят компилятивный характер и являются сокращенными или же расширенными обработками исчезнувшего древнего текста. Было предпринято несколько попыток реконструировать утраченный оригинал, но все они являются спорными. Имеющиеся варианты текста можно разделить на пять групп, состоящих из разного числа рукописей. К первой и второй группам относятся списки, содержащие 65 титулов. Они характерны варварской латынью и наличием примечаний (так называемой мальбергской глоссой) на салическом наречии франкского диалекта, иногда чрезвычайно искаженном переписчиками. Считается, что наиболее древний и полный из дошедших до нас текстов сохранился в одном из списков первой группы (рукопись Парижской Национальной библиотеки под шифром *lat. № 4404*). Вместе с тем в них есть и различия. В списках второй группы имеются некоторые дополнения, отражающие распространение среди франков христианства. Третью группу составляют списки с более пространной, оформленной в 764 г., редакцией, состоящей из 99 или из 100 титулов. Мальбергская глосса имеется не во всех рукописях. К четвертой группе принадлежит лишь одна рукопись — *Heroldina* (по имени ее первого издателя немецкого ученого XVI в. Герольда, опубликовавшего ее в 1557 г. в Базеле). По своему составу *Heroldina* ближе всего к спискам последней, пятой, группы, содержащей исправленный при Карле Великом текст из 70 титулов, так называемой Эмендаты (буквально, улучшенной). Наибольшее число рукописей Салической правды принадлежит к группе Эмендат (около 50 экземпляров). Язык этой редакции имеет более литературный характер.

Большинство исследователей считает первую группу (в 65 титулов) наиболее старой редакцией, а вторую и третью группы — компиляциями из первой группы. Что касается четвертой и пятой групп, то, как уже было сказано, они содержат текст правды, отредактированный при Каролингах. В IX в. только Эмендата имела силу закона и существовала также в переводе на франкский диалект.

Предположительным, но наиболее вероятным временем возникновения Салической правды (в ее старейшей редакции) является 507—511 гг. Затем, как и в других германских правдах, к ней были добавлены новые законы (капитулярии) в количестве шести, изданные меровингскими королями, частично с добавлениями, частично с исправлениями отдельных статей. Капитулярии первый (§ 1—4) и шестой носят тот же архаичный характер, что и сама Салическая правда. В них есть и мальбергская глосса и расчет вергельда в солидах-денариях. Параграфы 5—8 первого капитулярия, касающиеся семейного права, представляют собой нейстрийский закон середины VI в., в котором ясно сказывается влияние римских и вестготских законов. Не поддаются точному

* Статья Штейна «*Lex Salica*» помещена в американском журнале «*Speculum*» за 1947 г. См. о ней статью Е. В. Гутновой «Упразднение Салической правды в реакционной буржуазной историографии». (Сборник «Средние века», т. III, 1951).

спределению по времени капитулярии 2, 3 и конец первого. Пятый капитулярий составляет эдикт нейстрийского короля Хильперика (561—584). В нем, между прочим, изменен (для территории Нейстрии) один из важных пунктов Салической правды о праве наследования земли. Согласно тексту Правды (титул 59, § 5) «земельное наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу, т. е. братьям», тогда как эдикт Хильперика обеспечивает наследование земли и за дочерьми, отменяя права соседей-общинников, а это означало разложение прежних отношений. Четвертый капитулярий представляет собой «Договор о соблюдении мира» королями Хильдебертом I (511—558) и Хлотарем I (511—561). По своему характеру этот капитулярий отличен от прочих.

В основном тексте Салической правды ни в чем не сказывается влияние римских порядков. Салическая правда возникла очень рано (вскоре после завоевания) и притом в сравнительно слабо романизованной области Галлии; поэтому она сохранила германское обычное право в почти неприкосновенном виде. В ней хорошо отображен уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве: в полеводстве, скотоводстве, садоводстве и т. д. Она обрисовывает общину-марку, как основу общественного строя франков и притом с пережитками родовых отношений. Однако и во франкском обществе заметен процесс социального расслоения в его первой стадии; так, например, иергельд за королевского дружинника втрое больше, чем за простого франка.

Другая ветвь франкского народа — рипуарские франки, жившие на среднем Рейне, вошли в состав государства уже при Хлодвиге. Их закон, Рипуарская правда (*Lex Ribuaría*)¹⁴, возник во второй половине VI в. совершенно самостоятельно, но имеет много черт сходства с Салической правдой. В самом конце VI в. к нему была добавлена обработка Салической правды и затем королевские эдикты, повидимому Дагоберта I. При Карле Великом была составлена новая редакция (аналогично *Lex Salica emendata*), носящая в одной из рукописей следующее заглавие: «рипуарский закон, обновленный во времена Карла» (*Practus legis rebuariae qui temporibus Karoli renovatus est*). В это же время, около 803 г., Карл сделал к закону дополнение.

В силу этого Рипуарская правда разнородна по своему составу. Если некоторые статьи отражают примерно такой же уровень развития общества, который запечатлен в Салической правде, то зато в других выступают черты развивающихся феодальных отношений (роль церковного землевладения, разные группы вольноотпущенников, возникновение патроната и иммунитета и т. д.). Сфера действия Рипуарской правды была ограничена только областью расселения рипуарцев.

У аламанных, занимавших область верхнего Рейна и также подпавших под власть салических франков, запись права произошла, судя по имеющимся в ней старогерманским словам, на рубеже VI—VII вв. Это так называемый *Practus alamannorum*, от которого сохранилось лишь пять отрывков. В нем отражено существование христианской церкви, но герцогской власти еще нет. Закон был издан меровингским королем. На основе этого древнейшего текста при герцоге Лантфриде I (709—730), повидимому между 716 и 719 гг., с участием народного собрания была составлена Аламанинская правда (*Lex Alamannorum*)¹⁵, в которую вошли также законы меровингских королей, изданные для аламанных в начале VII в., и выдержки из Вестготской правды. Аламанинская правда относится к периоду правления полунезависимых племен-

ных герцогов под верховной властью франкских королей. В первой части (титуды 1—22) перечислены дела, касающиеся церкви; во второй (титуды 23—43) — дела герцога; остальные главы (44—98) относятся к народу, в них использован текст древнего *rustus*.

Запись права у прочих германских племен — баваров, тюрингов, саксов, фризов и хамавов — произошла в каролингскую эпоху, по мере включения их в империю Карла Великого. По своему содержанию они отчасти близки к Салической и Рипуарской правдам, но вместе с тем история их записи тесно связана с событиями уже каролингского периода и поэтому будет рассмотрена в соответствующем месте раздела источников по истории каролингской империи.

Законодательство меровингских королей представляло собой преимущественно дополнения и изменения к Салической правде, но в нем намечается уже, хотя и слабо, иная тенденция. Правды салической и рипуарских франков, аламаннов, бургундов, вестготов были построены по принципу подсудности человека в зависимости от его принадлежности к тому или иному народу. Меровингские короли в некоторых из своих эдиктов вводят принцип территориального права. Таков капитулярный четвертый к Салической правде: «Договор о соблюдении мира государей Хильдеберта и Хлотаря», сыновей Хлодвига (*Rustus pro tepege rasis*). Предписания этого договора (главным образом по борьбе с воровством и разбоем) состоят из двух отдельных декретов королей и относятся каждый только к определенной территории. Такого же рода и декрет Хильдеберта II, принятый на мартовских собраниях 591—595 гг. Для всех народов, населявших франкское государство, предназначались королевские законы о правах церкви и племенных герцогов, вошедшие частично в древние тексты Аламаннской (*Rustus*) и Баварской правды. Но в целом в меровингском королевстве, все более и более расчленявшемся на самостоятельные области, тенденция к общегосударственному законодательству не могла осуществиться сколько-нибудь заметным образом.

Все дошедшие до нас документы меровингского периода выданы королевской канцелярией различным церковным учреждениям или же являются решениями королевского суда. О грамотах других типов мы знаем только из сборников формул. Королевских дипломов сохранилось около 90, из них 37 — оригиналы, остальные в копиях¹⁶. Древнейшим является диплом на папирусе, выданный в 625 г. Все они написаны на галло-римском диалекте латинского языка, но сильно варваризованном. Первая группа дипломов — дарственные грамоты (*praescripta*) — оформляют преимущественно земельные дарения, передачу иммунитета и подтверждение более старых грамот. Ко второй группе относятся решения королевского суда (*placita*). Они сохранились в количестве 23 и представляют собой краткую запись существа тяжбы и вынесенного решения. Дипломы являются одним из интереснейших и важнейших видов источников для истории меровингских учреждений и социально-экономических отношений эпохи.

То же самое следует сказать и о сборниках формул¹⁷. Начиная с VII в. они отражают все процессы, характерные для складывающегося феодального строя; рост крупной земельной собственности, разорение и закрепощение свободных общинников, развитие политической власти знати и т. д. В этих сборниках представлены различные варианты прекранных грамот, акты дарений, обмена и купли-продажи земельных участков, акты отдачи свободного человека в подчинение церкви, кабальные грамоты, королевские дипломы мундебурдия (взятие отдель-

ных лиц под королевское покровительство), коммендации и т. д. Старейшим сборником является Анжерский (*Formulae Andegavenses*), содержащий 60 формул и составленный в начале VII в. (три последние формулы относятся к 678 г.). Наиболее обширный формуляр (*Formulae Marculfi*) был составлен около 700 г. монахом Маркульфом в диоцезе Мо (сев. Галлия). Он разделен на две части: акты публичного права (*cartae regales*) и акты частного права (*cartae pagenses*). Этот сборник пользовался широкой популярностью, был дополнен и в конце VIII в. несколько переработан. Буржский сборник (*Formulae Bituricensis*) составлен в 721 г. и частично уже при Карле Великом. В Турском сборнике (*Formulae Turonenses* или *Formulae Sirmoldicæ* — по имени первого издателя) ясны заимствования из римского права, главным образом через Бревиарий Алариха. Следует подчеркнуть, что все эти сборники относятся к Нейстрин, т. е. той части меровингской Галлии, где феодальные отношения складывались особенно быстро. В других частях франкского государства сборники формул появились позже, в каролингский период.

От меровингского периода не сохранилось анналов в их первоначальной форме, но их записи были использованы впоследствии. Политическая история меровингского государства изложена в знаменитом труде «отца французской истории» Григория, епископа Турского (540—594). Заглавие труда точно не установлено. Сам автор в списке своих произведений обозначил его, как «Десять книг историй» (*Decem libri historiæ*), но сложившаяся в XVII в. издательская традиция закрепила заглавие «Церковная история франков» (*Historia ecclesiastica francorum*)¹⁸, очевидно по аналогии с названием труда Беды Почтенного.* Однако это заглавие не соответствует содержанию произведения Григория Турского, которое охватывает историю франков и их государства. Лучше всего озаглавить этот труд «История франков».

Григорий происходил из знатной галло-римской семьи Оверни (центральная Галлия), семьи, наследственно владевшей многими галльскими епископствами. Самому Григорию в 575 г. досталось одно из важнейших — Турское епископство, пользовавшееся особой славой из-за хранившихся в Туре мощей почитаемого галльского святого Мартина Турского. Как по своему происхождению, так и в качестве влиятельного епископа Григорий принадлежал к правящим верхам и был близок к членам королевского дома. Настоящего классического образования он уже получить не мог. Традиция латинского литературного языка была утрачена, и Григорий, хотя и знал некоторых римских писателей, но писал на разговорной латыни, общепотребительной среди галло-римлян, составлявших основную массу населения по Луаре и вокруг Тура. Таким образом, язык его труда был понятен всем современникам. Следует отметить, что «История франков» имеет для истории языка исключительную ценность.

Дату составления «Истории франков» установить трудно. Автор работал над своим произведением всю жизнь и неоднократно его перерабатывал. Первые четыре книги составляют, повидимому, нечто целое, так как в конце помещена особая хронологическая схема изложенных событий (аналогичная схема помещена и в конце всего труда, охватывающая содержание книг 5—10). Это предположение подтверждается и тем, что первая часть (из четырех книг) посвящена событиям, предшествовавшим деятельности автора, и ей свойственна особая манера повест-

* См. стр. 192—193.

вования. Рассказ не ведется параллельно событиям, он беспорядочен и больше всего похож на запись воспоминаний, среди которых имеются выдержки из трудов других писателей.

Первая книга содержит изложение событий от сотворения мира до 400 г. н. э. и составлена на основе хроник Евсевия—Иеронима, Орозия и др. Вторая книга посвящена деяниям турских епископов, истории первых германских народов, поселившихся в Галлии, нашествию Атиллы и ранней истории франков до смерти Хлодвига. В 3—4-й книгах история франков доведена до смерти Сигиберта (575), когда, напомним, Григорий стал Турским епископом. Начало пятой книги как бы открывает собой новый труд. В отдельном прологе Григорий обращается с красноречивым увещанием к королям из меровингского дома, умоляя их прекратить братоубийственные войны и ссоры, тяжело разорвавшие и истощавшие страну и народ. Далее следует в строго хронологическом порядке, по годам царствования королей, очень подробный рассказ, отредактированный, повидимому, целиком в 587—589 гг. События 587—591 гг. изложены в 9—10-й книгах сравнительно кратко, так как Григорий много ездил в те годы по Австразии и Бургундии и не располагал таким обилием материала, как для предыдущих годов. Он закончил весь свой труд в 591 г. и тогда же снова пересмотрел первые четыре книги, сделав к ним особое дополнение (сохранившееся лишь в нескольких рукописях) агиографического характера. Незадолго до смерти Григорий еще раз отредактировал все свое произведение.

Последние шесть книг Григорий Турский писал как современник и очевидец событий. Для первых четырех им использованы разнообразные источники: всемирные хроники, письма Авита и Сидония Аполлинария, не дошедшие до нас консульские фасты конца V в., а также народные саги и сказания (например, сага о Хильдерике), церковные легенды, жития святых и т. д. Рассказы паломников, приходивших для поклонения гробнице Мартина Турского, дали ему некоторые сведения о событиях в Византии и в Испании. Обычно Григорий называет цитируемых авторов, иногда указывает имена лиц, от которых слышал тот или иной рассказ. Нередко он использует официальные документы и даже вставляет в свой рассказ их текст. Так, например, Анделотский договор 587 г. между королями Гонтрамом и Хильдебертом, очень важный для истории и географии меровингского периода, многие епископские послания и другие материалы известны нам только из «Истории франков». Близость Григория к королям и его собственная активная деятельность в качестве одного из важнейших в государстве духовных лиц способствовали тому, что он был довольно хорошо осведомлен о государственных делах и о событиях во всем королевстве, имея даже доступ к королевскому архиву.

Мотивы, побудившие его написать «Историю франков», изложены во вступлении, где он сообщает, что упадок образования и отсутствие в Галлии ученых историков заставили его, человека малообразованного, взять на себя трудную задачу передачи потомству памяти как о делах прошлых лет, так и о событиях, современных ему, Григорию.

В своем труде, написанном в безыскусственной, очень живой и выразительной манере, Григорий дал по преимуществу сводку политической истории, но вместе с тем его произведение является в значительной степени и широким полотном современной ему жизни франкского общества. Сведения об экономике и торговле, о налогах, о положении различных социальных групп, о восстаниях народа, доведенного до отчаяния вымогательствами чиновников, о церкви и ее политике, о культуре

и быте рассеяны по всему обширному произведению, что делает его очень ценным источником по истории меровингского общества в целом. Фактический материал труда Григория составляет основу наших сведений по политической истории франкского государства VI в. и дополняет многими важными данными наши представления об его социально-экономической структуре.

Церковь и королевская власть являются для Григория столпами общества и властителями над народом. Политический союз церкви и светской власти нашел себе в его лице горячего и талантливое защитника. Этот союз отнюдь не исключал трений и даже столкновений между сторонами. Григорий Турский, как и другие епископы, ревностно защищал права и привилегии церкви и своей епископии от посягательства королей и местных властей. Трения между церковью и королевской властью находили себе отражение и в недовольстве представителей церкви внутренними раздорами правящих верхов, а также требованиями королевской власти, которые тяжелее всего ложились на народные массы, но задевали порой и богатства церкви. Защита церкви и народа от таких посягательства выступает в произведении турского епископа как дело христианской церкви, но, разумеется, в этом стремлении с едет разделять классовые интересы феодализирующихся церковных верхов и исконные, насущные интересы эксплуатируемой, закрепощаемой массы. Григорий ратует за прекращение внутренних смут и раздоров, но ради укрепления мощи и авторитета церковной и светской власти. Процесс феодализации, начавшийся в VI в. во франкском обществе, был основой, на которой выросли эти стремления и чаяния представителей церкви, как одной из мощных сил слагавшегося феодального класса.

В наивном повествовании Григория, как в зеркале, отражаются грубые и жестокие нравы его века. Именно он оставил потомству яркие картины аморальности членов меровингского королевского дома, в среде которых вероломство, предательство и лицемерие были обычным явлением, равно как убийства, изувечения и пытки. Истинным сыном этой среды был и сам автор. Жестокость королей не встречала с его стороны осуждения, ибо ведь в конце концов они отмаливали свои грехи у гробницы Мартина Турского, принося этой обители драгоценные дары, обогащавшие церковь. Политическую роль королевской власти Григорий ставил очень высоко, воздвигая и восхваляя отдельных ее представителей. Восхвалял он и деяния «святых» епископов галло-римской и меровингской церкви. Такова общая тенденция его произведения. Что касается достоверности сообщаемых им сведений, то, за вычетом легендарного материала, неизбежного во всех трудах того времени, Григорий Турский в целом добросовестно излагает известные ему события, не делая, впрочем, различия между легендарным преданием и реально имевшими место фактами.

Непосредственно к «Истории франков» примыкает анонимное произведение, известное под названием хроники Псевдо-Фредегара (Pseudo-Fredegarius)¹⁹. Имя составителя встречается только в первом издании хроники, вышедшем в 1579 г.; ни в одной из дошедших до нас рукописей его нет. Хроника составлена не менее, чем тремя лицами. В начале дано сокращенное изложение первых шести книг Григория Турского; затем идет оригинальная часть, охватывающая 584—642 гг. Хроника составлена в Бургундии; довольно точный по хронологии рассказ ведется по годам правления бургундских королей меровингского дома. Хроника написана на местном диалекте латыни, отличном от языка меровингской канцелярии и Григория Турского. Это единственный дошедший до нас источник по истории франкского государства первой половины VII в. Лучше всего в нем отображены 631—642 гг.; записи за эти годы, точные и ясные, составлены, по видимому, хорошо осведомленным очевидцем. Последний из авторов хроники жил в Авст-

разии, возможно, что при дворе австразийских майордомов. Он пересмотрел текст около 658 г. и вставил в него ряд добавлений.

В хронике Псевдо-Фредегара, по сравнению с трудом Григория Турского, круг интересов заметно суживается. Франкское государство все более и более распадается на различные области — Нейстрию, Австразию, Бургундию и Аквитанию, которые обособляются и враждуют друг с другом. В них появляются свои историки, выдвигающие на первый план местные интересы и отражающие местную политическую тенденцию. Это обстоятельство отчетливо сказывается как в бургундской части хроники, так и в добавлениях, сделанных в Австразии.

Следует отметить, что только из Псевдо-Фредегара мы узнаем о славянском государстве Само; последнего автор называет франкским купцом.* В этой же хронике впервые (из дошедших до нас источников) встречается упоминание о троянском происхождении франков, которое в дальнейшем было развернуто в легенду и прочно укрепились во всех средневековых французских хрониках. Как всякая легенда такого рода, она призвана была выполнить определенный политический заказ. Сказание о пришествии франков из погибшей Трои должно было окружить их ореолом древности и возвысить их среди других германских народов. Кроме того, легендой о троянском происхождении франков заслонялось старое языческое предание о происхождении Меродея, предка меровингской королевской династии, клонившейся в то время к упадку и оттесняемой на задний план майордомами.

Политическая борьба во франкском государстве после смерти последнего значительного меровингского короля Дагоберта I (ум. 639), борьба между майордомами, падение старой династии и возвышение новой, каролингской, очень выпукло отобразилась в хрониках, охватывающих вторую половину VII в. и первую половину VIII в.

Последняя нейстрийская хроника, защищающая старую династию, озаглавлена «Деяния франкских королей» (*Gesta regum Francorum*)²⁰. Она была написана в 726—727 гг., вернее всего в монастыре Сен-Дени под Парижем. Ее оригинальная часть (в начале использован Григорий Турский) охватывает период 642—700 гг. Для 628—700 гг. автор использовал какие-то ныне утраченные источники. Возможно, что это были краткие заметки (*notae breves*) исторического характера, т. е. анналы, составлявшиеся в Сен-Дени. Нейстрийские симпатии автора проглядывают отчетливо. Он знает всех нейстрийских майордомов и избегает титуловать австразийского Пипина.

Так же как и хроника Псевдо-Фредегара, нейстрийская хроника уже в 730-х годах попала в Австразию и была там отредактирована в соответствующем духе. Часть ее, в сочетании с краткими записями за период 724—734 гг., составила начало хроники «продолжателей Фредегара»²¹. Этой хронике, составленной по меньшей мере тремя авторами, присущ австразийский характер, особенно ярко проявляющийся во второй и третьей частях. Второй автор продолжил текст до 751 г. Он был на службе у графа Хильдебранда, брата Карла Мартелла, жил и писал в одной из вилл графа. Впрочем, в этой части нет полного единства. Очень краткие и сухие заметки за 741—751 гг. сочетаются с восторженным и риторическим описанием побед Карла Мартелла, напоминающим героическую эпопею. Возможно, что это творчество не одного лица, а нескольких клириков каролингской канцелярии, писавших под непосредственным контролем каролингских владык. Третий автор, закончивший всю хроникку годом смерти Пипина Короткого (768), сам указал, что написал ее по заказу сына графа Хильдебранда, Ниблунга. Краткая заметка об этом сохранилась только в одной из руко-

* См. стр. 104.

писей под 752 годом. Во всех прочих списках, сделанных впоследствии при Карле Великом, ее нет.

Политическая тенденция хроники, приобретшей во второй и третьей частях почти официальный характер, сказывается как в восхвалении новой, восходящей династии, так и в игнорировании нейстрийских событий. Отсутствуют даже имена последних нейстрийских майордомов. Зато австразийским правителям уже в первой части даны титулы герцогов и князей.

Третий из продолжателей Фредегара был свидетелем полной победы Каролингов, завершившейся принятием королевского титула. Последняя часть хроники отличается ясным языком, пропорциональностью в изложении, точной хронологией и очень хорошей осведомленностью (последнее качество присуще и другим частям). Это обдуманная и политически заостренная апология короля Пипина, которую с полным основанием можно было бы назвать «Деяниями короля Пипина» (*Gesta Pipini regis*). Хроника продолжателей Фредегара является предшественницей официальной историографии при Карле Великом.

Таким образом, политическая история франкского государства с конца V до середины VIII вв. описана год за годом в четырех, следующих друг за другом или дополняющих друг друга трудах: Григория Турского, Псевдо-Фредегара, в хронике его продолжателей и в «Деяниях франкских королей».

Много весьма существенных сведений политического, но более всего культурно-бытового характера дает агнография²², особенно богатая для меровингского периода. К сожалению, большинство меровингских житий было затем в каролингское время переделано в литературно-риторическом духе, что привело к исчезновению первоначальной простоты и многих реалистических черточек. Тем более ценны те жития, которые уцелели от искажений и нивелирующего шаблона. Особенно важны они для обрисовки условий существования и быта низших классов франкского общества, так как большинство этих местных «святых» было создано в ту пору не столько церковниками, сколько воображением еще полуязыческого народа. Это отразилось и на том, что большей части герои таких житий оказываются людьми простого происхождения и в их бесхитростных биографиях, разумеется с громадной примесью различных чудес, отражена до известной степени жизнь простых людей с их горестями и чаяниями. Но в целом эти интересные для историка факты тонут в массе стандартных легендарных сказаний.

Среди массы житий уже очень рано начинает выделяться своими особенностями один их вид — жития епископов и аббатов. В каждом епископстве и аббатстве стремятся составить целую серию биографий своих владык, которых церковь канонизирует весьма охотно. Благодаря большой политической роли галльского епископата, как до франкского завоевания, так и, особенно, после, во франкском государстве, биографии епископов представляют большой интерес. Роль монастырей в складывании крупного землевладения придает известную ценность житиям аббатов и монахов. Так, например, в житии Мартина Турского, составленном Григорием Турским, содержится много интересных фактов, главным образом по истории церкви, быта и верований. Хорошими источниками для истории Галлии первой половины VI в. являются жития епископов Цезария Арльского, Венанция Альбского, Ремигия Реймского, Вестада Арасского и др.

Итальянский поэт Фортунат, живший во второй половине VI в. при дворе меровингских королей, составил несколько риторически напыщенных житий, в том

числе житие королевы Радегунды. Ему же принадлежит свыше 300 поэтических произведений: панегириков франкским королям, описаний празднеств, эпитафий, эпиграмм и т. д., в которых рассыпано множество порой ценных сведений исторического порядка.

Письма Фортуната и епископа Вьеннского Авита (ум. 518) также являются важными источниками. В письмах Фортунат избегает риторических прикрас, которые характерны для его поэтических произведений. Люди и нравы эпохи выступают в них почти с такой же четкостью, как у Григория Турского. Политическая роль Авита, главного деятеля католицизма в гвианской Бургундии начала VI в., придает его письмам особый интерес.

От VI в. дошли до нас сборники и другого рода. «Арльские письма» (*Epistolae Arelatenses*), охватывающие 417—556 гг., принадлежат разным лицам; объединяющим их моментом является борьба арльских и вьенских епископов за первенство в галльской церковной иерархии. В аналогичном сборнике «Вьенских писем» (*Epistolae Vienneuses*) много подложных текстов. В конце VI в. в Меце нотариусом австразийского двора был составлен сборник из 48 писем (*Epistolae austrasicae*), подобранный с целью дать образцы для различных типов писем.

Акты церковных соборов галльской церкви являются важным источником не только для истории церкви, но и для всего франкского общества, в котором церковь играла столь крупную роль.

ГЛАВА IV

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ

Процесс складывания различных племен и народностей в огромную империю Карла Великого, охватившую на короткий срок почти всю территорию Западной и значительную часть Центральной Европы, равно как и процесс распада империи определили собой и характер источников VIII—X вв. Входившие в империю племена и народности имели свою экономическую базу и свои языки. Централизованное управление схватывало лишь сферу военной и административной деятельности и отчасти церковную сферу.

Основное ядро империи составляли исконная территория франков (т. е. собственно «Франция» и Австразия) и северная Галлия (Нейстрия), где франкское население было достаточно плотным. Бургундия сохранила некоторые особенности, но в целом уже с VI в. прочно вошла в состав франкского королевства. В Аквитании, Гасконии, Септимании и Провансе преобладало старое романское население, лишь слегка смешавшееся с готами. На территории франкского королевства, сложившейся в политическое целое еще при Меровингах, процесс феодализации шел более или менее быстро лишь в Галлии (т. е. в Нейстрии, Бургундии и Аквитании). В собственно «Франции» и в Австразии он происходил медленнее, поскольку это были коренные германские области с преобладанием свободного крестьянства, области, лишь слабо затронутые в свое время римским рабовладением и колонатом. Что касается Алеманнии, Баварии, Тюрингии и Фризии, то процесс феодализации в них еще только начинался, равно как и в Саксонии, и в политическом отношении они являлись полусамостоятельными областями, слабо сцепленными с центральным управлением империи. Но в Саксонии в силу непрерывных восстаний саксов политическая власть франков проявлялась в очень жесткой форме.

Полунезависимыми в политическом отношении были также Ломбардия, Сполето, Беневент, Каринтия и все пограничные марки. Что же касается их общественного строя, то уровень феодализации в них сильно отличался в зависимости от характера той или иной области или марки. Этот пестрый состав империи, подлинный «конгломерат племен и народностей», очень рельефно проявляется и в характере и типе источников и, разумеется, в первую очередь источников по социально-экономическим отношениям. С самого же начала следует подчеркнуть, что основные источники, рисующие рост крупной феодальной собственности на землю, прогрессирующее обеднение и закрепощение основных масс крестьянства, появление бенефициальной системы, развитие иммунитета и т. п., нельзя относить одновременно и безоговорочно ко всей территории каролингской империи. Следует постоянно учитывать время

появления этих источников для той или иной части империи. Этот процесс показывает постепенное распространение их из Галлии на восток, в чисто германские области, по мере развития и в них основных черт процесса феодализации.

Этот процесс достиг в Галлии уже в VIII в. сравнительно высокого уровня и создал такие формы социально-экономических отношений и политической организации общества, которые вызвали к жизни соответствующие хозяйственные и правовые документы, а также исторические произведения.

Прежде всего следует отметить, что для VIII в. в нашем распоряжении уже имеются источники, специально посвященные сельскому хозяйству и землевладению, непосредственно отражающие уровень развития производительных сил и социально-экономические отношения франкского общества. Правда, дошедшие до нас памятники представляют собой лишь небольшую часть обширного документального материала, возникшего в результате развития феодального способа производства. Они не в состоянии дать цельной и всеобъемлющей картины этого развития ни на основной территории франкского королевства, ни тем более на его окраинах и во вновь завоеванных областях. Кроме того, они относятся только к крупным монастырским и королевским поместьям. О крестьянском хозяйстве и о магнатском и среднем феодальном землевладении они дают лишь косвенные данные. Тем самым эти источники освещают лишь часть целого. Хозяйство в королевских поместьях Энгельс называет громадным, но почти бесследно прошедшим экспериментом Карла Великого. Что касается монастырей, то их опыты в ведении круглого хозяйства были плодотворны, «но монастыри были ненормальными общественными организмами, основанными на безбрачии; они могли давать исключительные результаты, но должны были именно поэтому сами оставаться исключениями».* Правил же оставалось мелкое крестьянское хозяйство. «Ведь *ведение хозяйства при посредстве крепостных крестьян* означает обработку вовсе не более или менее крупных, а именно *мелких участков* земли, и эта обработка всюду предшествовала крепостной зависимости».** К сожалению, именно о крестьянском хозяйстве мы знаем, вследствие характера имеющихся источников, меньше, чем о монастырском. Со всеми этими оговорками экономические документы каролингского периода представляют значительную ценность. Они рисуют нам агротехнику того времени, сельскохозяйственные орудия, виды злаков и их урожайность, характер удобрений, развитие луговодства, коневодства, садоводства и других отраслей сельского хозяйства. Многие из этого прогресса находило себе место именно в крестьянском хозяйстве. Описи монастырских земель вскрывают перед нами различные формы феодальной эксплуатации и разные степени зависимости крестьян. Эти данные имеют в себе много черт, типичных для той или иной области в то или иное время, и позволяют определить размеры разных видов феодальной ренты (отработочной, продуктовой, денежной) и т. д.

Среди таких памятников чрезвычайный интерес представляют полиптихи («многострунные книги»), т. е. писцовые книги монастырей. Заслуженной известностью пользуется самая обширная и подробная из всех дошедших до нас писцовых книг, так называемый полиптих Ирми-

* Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 160.

** Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 339.

нона¹, аббата богатейшего монастыря св. Германа в лугах (Saint-Germain-des-Près) вблизи Парижа. Ирминон был аббатом этого монастыря между 811 и 823 гг.; следовательно, составленный по его приказу полиптих может быть датирован началом IX в. Этот источник является основным для истории церковного землевладения того времени в Нейстрии и представляет собой своего рода аграрную энциклопедию с богатым и разнородным запасом сведений.

К сожалению, полиптих Ирминона не дошел до нас полностью. Утрачено около двух пятых текста: нет начала, части середины и конца. Мы располагаем подробными описаниями лишь 25 отдельных монастырских поместий (фисков), охватывающих около 33 тыс. га. На деле их было значительно больше, так как монастырь владел огромной территорией (не вполне компактной) в 50—60 тыс. га. Характеризуя рост богатства церкви, Энгельс пишет (имея в виду этот и другие франкские монастыри): «...земельные владения церкви, нахвачанные при помощи дарений, вымогательства, обманов, плутней, поджогов и других способов уголовного характера, приняли в течение немногих столетий прямо колоссальные размеры».*

Для каждого из описанных поместий в полиптихе указано количество господской, т. е. монастырской, земли (пашен, лугов, виноградников, лесов, пастбищ, пустошей и т. д.), а также угодий, строений, мельниц и т. п. Затем следует перечисление мансов (т. е. крестьянских наделов) различного типа, в зависимости от их происхождения, — свободных, литских (лит — вольноотпущенник), крепостных, причем следует отметить, что положение держателей мансов уже не соответствует названию манса. Многие колонны и крепостные сидят на «свободных» (т. е. бывших когда-то свободными) мансах. При описи мансов дана характеристика входящих в них земель (пашни, луга, виноградники), имена живущих на мансах крестьян (включая и детей) и их разнообразные повинности. В числе последних преобладает барщина, по имеющимся также натуральный и незначительный денежный оброк. Занесенные в полиптих сведения являются в какой-то мере результатом опроса населения поместий, которое давало показания о размерах своих держаний и о следуемых за них повинностях. Помимо описей целых фисков, в полиптихе содержатся также описи отдельных земельных дарений, разбросанных в разных местах, иногда достаточно далеко от монастыря. Глава XII полиптиха целиком посвящена описанию таких дарений, расположенных в Корбонской сотне. Монастырь владел множеством таких, по большей частью средних и мелких, земельных участков, с которых взимались по преимуществу натуральные платежи. По этим описям можно составить представление о постоянном приращении монастырских земель.

Полиптих Ирминона не является единственным из числа дошедших до нас висцовых книг. Наука располагает также полиптихами реймского аббатства св. Ремигия, манского аббатства св. Винцентия (составлен в 840 г.), аббатства св. Аманда, св. Мавра, св. Вандрилла (составлен в 787 г.), св. Рихерия (в 831 г.), Прюмского аббатства (на запад от среднего Рейна, составлен не ранее 893 г.), Фульдского аббатства (в Тюрингии) и другими.

Всюду, где возникало крупное церковное землевладение, соответствующие церковные организации должны были составлять подобного рода документы, совершенно необходимые для управления крупными поместьями и регулярной эксплуатации зависимого населения. Очень

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 396.

многие из них погибли в тяжкие годы IX—X вв. от норманских и венгерских набегов. Живую картину таких бедствий, в результате которых монастыри и церкви были сравнены с землей, а их архивы в значительной части уничтожены, дает история Шартрского монастыря св. Петра. Но если погибли самые документы, то содержащиеся в них сведения дошли до нас, так как были тогда же (или впоследствии) внесены в картулярии, т. е. рукописные сборники, куда вписывались копии с имевшихся в монастыре грамот и других документов, в том числе и с описей. Так, например, в составленный в XI в. картулярный того же Шартрского монастыря включено описание части его владений IX в., восстановленное по древним документам, которые, судя по их содержанию, были ничем иным, как типичным полиптихом каролингского времени. Такого рода примеры можно было бы умножить. Один из древнейших картуляриев был составлен в Санкт-Галленском монастыре; в нем есть хартии начиная с IX в. О картуляриях речь будет дальше, так как в массе они возникают в X—XII вв.* Здесь же следует отметить еще один вид документа, который был необходим в крупном монастыре, — «Книги дарений» (*Libri traditionum*), в которых записывались подаренные или переданные монастырю земельные участки, доходы и т. д. Как мы видим, подобные записи составили часть полиптиха Ирминона. В некоторых случаях они оформлялись отдельно, но, по сути дела, представляя собой вариант писцовой книги. Такова, например, книга дарений монастыря св. Петра в Генте (*Liber traditionum S. Petri Blandiniensis*), содержащая опись отдельных дарений, которыми монастырь владел при Людовике Благочестивом. Дарственные записи на земли, передававшиеся монастырю, особенно ценны тем, что характеризуют также светское феодальное и отчасти крестьянское землевладение, так как в тексте всегда имелось хотя бы краткое описание передававшихся церкви земельных участков.

Практическая потребность как в составлении описей поместий, так и в ревизии последних привела к созданию особой инструкции, появившейся вероятно при Карле Великом. Она была составлена для государевых посланцев, выполнявших в данном случае функции ревизоров и объезжавших крупные церковные и королевские поместья. Инструкция называется: «Образцы для описания церковных и королевских земель» (*Brevium exemplar ad describendas res ecclesiasticas et fiscales*)² и содержит образцы описей и примерные отчеты о состоянии поместий. Как правило, такие образцы даны не как обезличенные формулы, а как стрывки из конкретных описей отдельных поместий (сами же описи, из которых брались образцы, были гораздо более обширными). Таковы описи королевских поместий Аснапий и Треола, расположенных в Западной Германии, опись поместья Штаффельзее (в Аугсбургском епископстве) и др. Следовательно, этот источник очень близок к полиптихам, но имеет более суммарный характер. Кроме того, в нем содержатся сведения, в полиптихах отсутствующие: описания построек, подсчеты живого и мертвого инвентаря, а также всякого рода хозяйственных запасов.

Инструкцию другого типа представляет собой «Капитулярный о поместьях» (*Capitulare de villis*)³, изданный около 800 г. В нем очень подробно описаны все обязанности как управляющего большим королевским поместьем, так и его подчиненных, распорядок сельскохозяйственных и иных работ, рабочий и домашний инвентарь, порядок

* См. стр. 127.

снабжения королевского двора разного рода продуктами, конями, повозками и т. д. Источник изображает весь круг жизни большого поместья в период господства натурального хозяйства; он имеет исключительную ценность и для истории агрикультуры. В нем содержатся некоторые данные по социальным отношениям. Капитулярий о поместьях имел в виду те королевские фиски, которые непосредственно находились в ведении королевского двора. Не следует видеть в капитулярии о поместьях совершенно точного отражения реальной действительности. Это инструкция для безупречного во всех отношениях ведения хозяйства, но насколько полно осуществлялись на деле эти предписания — сказать трудно.

Территория, на которую распространялось действие капитулярия, охватывала, надо полагать, основные области франкского королевства, в которых и были по преимуществу расположены королевские фиски.

Необоснованной является попытка реакционного историка Допша изобразить капитулярий о поместьях лишь как местный вотчинный устав для немногочисленных аквитанских вилл (поместий) сына Карла — Людовика, короля Аквитанского, составленный в 794—795 гг. На южное происхождение источника, по мнению Допша, указывает наличие южных сортов растений в имеющемся в капитулярии списке. Эта ревизия источника, чрезвычайно ограничивающая область действия капитулярия, должна быть отвергнута. Текст не дает ясных указаний на какую-либо определенную территорию, а в рукописи он объединен с текстом «Образцов описей», в которых примеры взяты главным образом из описей на аквитанских фисках, а австразийских (из французской и германской частей Австрии).

От начала IX в. сохранился еще один источник, важный для характеристики крупного монастырского хозяйства, — «Статуты Адаларда» (*Statuta antiqua abbatiæ S. Petri Corbeiensis*)⁴. Адалард (751—826), родственник Карла Великого, был аббатом богатого Корбийского монастыря, расположенного вблизи Амьена. Будучи политическим противником Людовика Благочестивого, он был отправлен в изгнание сразу же после воцарения нового короля (814) и вернулся из ссылки через семь лет. Найдя хозяйство монастыря сильно расстроенным, он составил в 822 г. для его упорядочения специальную инструкцию. В ней дана очень детализированная картина экономической жизни большого монастыря: описаны ремесленные мастерские, сгарни-примный дом, мельницы, пивоварни, огороды, плодовые сады, а также перечислены натуральные поборы с зависимых от монастырей крестьян и доходы от монастырских владений. «Статуты Адаларда» не являются списью, поэтому в них нет сведений о размерах монастырского землевладения, как в полиптихах. Но они очень ценны для обрисовки внутренней хозяйственной структуры крупного монастыря и применявшихся в нем методов эксплуатации зависимого крестьянства. В этом источнике содержатся также данные о численном составе монастырской братии; эти данные важно сопоставить с общей картиной хозяйственных ресурсов монастыря.

Интересные сведения о сельскохозяйственных работах находятся в поэме монаха Прюмского монастыря (на Рейне) Вандальберта (около 813—около 850) «О названиях, признаках... двенадцати месяцев» (*De mensium duodecim nominibus, signis...*). В «Книге об обработке огородов» (*Liber de cultura hortorum*) аббата Валафрида Страбона (ум. около 849) описан в стихотворной форме огород с различными овощами, цветами и лекарственными травами, который автор развел в своем монастыре Рейхенау в южной Германии.

Памятниками изобразительного искусства, в которых запечатлены сцены пахоты, косьбы, жатвы и т. д., являются миниатюры каролинг-

ских рукописей VIII—IX вв., дающие чрезвычайно ценный материал для истории сельскохозяйственных орудий.

Законодательные памятники каролингского периода более многочисленны, чем такие же источники меровингского времени или X—XII вв. Это объясняется несколькими причинами. Первой из них является быстрое развитие в VIII—IX вв. феодальных отношений, которые требовалось закрепить в новых законах и в многочисленных добавлениях к уже существовавшим законам. Затем, по мере развития процесса классового образования у германских племен, населявших Центральную Европу и побережье Северного моря, у них также появились свои законы. Наконец, управление громадной империей, сложившейся при Карле Великом, требовало усиленного и разнообразного законодательства. Следует подчеркнуть, что общего в полном смысле слова законодательства в империи, этом конгломерате племен и народностей, не было. Отдельные части империи настолько отличались друг от друга, что Карл Великий и его преемники должны были издавать отдельные законы для итальянских, испанских и некоторых германских областей. Таковы Аахенский капитулярный 801—803 гг., изданный для Нейстрии, Австразии и Бургундии, *Capitula Italica* Карла Великого и его сына Пипина, *Constitutio de Hispanis* 815 г. и *Praeceptum pro Hispanis* Карла Лысого, саксонские капитуляры Карла Великого и др. Лишь на исконной франкской территории (Австразии) с добавлением Нейстрии и отчасти Бургундии была достигнута в VIII—IX вв. известная общность законов.

В каролингский период текст Салической правды был переработан и получил название *Lex Salica emendata*. При Карле Великом и Людовике Благочестивом основной закон салических франков был дополнен новыми указами (*Capitularia ad legem Salicam*). В 803 г. подвергся переработке и дополнению старый текст Рипуарской правды.

Германское племя баваров (к югу от верхнего Дуная), хотя и было подчинено франкам, но до Карла Великого пользовалось почти полной автономией; Бавария окончательно вошла в состав империи лишь в 788 г. Баварская правда (*Lex Baiuvariorum*)⁵ была составлена между 739 и 749 гг. при герцоге Одилоне. Составители использовали при редактировании текста Аламанскую правду и вестготский Кодекс Эйриха. На Баварской правде отразилось также законодательство франкских королей. Христианство было введено в Баварию в 739 г.; поэтому в правде учтены интересы католической церкви и епископов. Закон отражает также подчинение герцога франкскому королю. В дальнейшем (в 756 г., в 770 г. и в 772 г.) к правде были сделаны добавления, утвержденные собраниями. Карл Великий издал в 801—803 гг. дополнительные законы (*Capitula ad legem Baiuvariorum*). Таким образом, в Баварской правде отчетливо проступают постепенные наслоения, соответствующие процессу развития частной собственности и классов.

Саксонская правда⁶ является источником сложным в том отношении, что на ее содержание оказали немалое влияние события, связанные с покорением Саксонии франками. Саксонская правда представляет собой закон, исходящий от Карла Великого. Она состоит из 66 глав, распадающихся на три части. Первые 20 глав целиком посвящены уже сильной в ту пору саксонской знати; если в них и встречаются данные о литах и рабах, то только в связи с землевладением знати. Эта часть очень схожа с первыми главами Рипуарской правды и несомненно является древним обычным правом саксов. Во второй части

(с 21 до 38 главы) рассмотрены случаи, касающиеся знатных, свободных и литов. Эти главы обнаруживают большое сходство с некоторыми титулами специального закона для Саксонии (*Capitulatio de partibus Saxoniae*), о котором еще будет сказано. Две первые части правды датируются примерно 780—782 гг., т. е. они предшествовали восстанию саксов в 782—785 гг., поскольку в последующее время Карлом Великим был издан специальный закон, в котором имеются ссылки на 21—22 главы Саксонской правды. Третья часть правды (главы 39—66) была, повидимому, принята на большом законодательном собрании в Аахене в 802 г.; тогда же был пересмотрен текст первых частей.

Между 780—782 гг., т. е. временем составления первых двух частей Саксонской правды, и 802 г., когда появилась на свет ее последняя часть, Карлом были изданы еще два закона для Саксонии. Один из них (упомянутый *Capitulatio de partibus Saxoniae*) сохранился в единственной рукописи. Он отличается исключительной жестокостью наказаний, предписывая смертную казнь даже за ничтожные нарушения христианских обрядов. Этими драконовскими мерами Карл намеревался терроризировать саксов после восстания 782—785 гг. и сломить их волю к дальнейшему сопротивлению. Второй закон (*Capitulare Saxonicum*) был принят при участии саксов на Аахенском собрании в 797 г., когда острота положения несколько смягчилась. Закон имеет характер записи обычного права с вергельдом за преступление и прощунки вместо смертной казни, введенной по первому закону.

Правда англо-и саксов (*Lex Anglorum et Werinorum, hoc est Thuringorum*), германских племен, живших в северной части Тюрингии, относится ко времени Карла Великого и, повидимому, была принята на Аахенском собрании в 802 г. На этой правде сказались влияние Рипуарской, Саксонской и Фризской правд. Ее текст дошел до нас только в одной рукописи и в одном издании XVI в. Он состоит из 61 короткой главы и обрисовывает более высокую стадию развития, чем Саксонская правда.

Правда франков-хамавов (*Lex Francorum Chamavorum, или Ewa chamavorum*) относится к племени хамавов, осевших в области Нижнего Рейна и Исселы, в так называемом *Nataland*. Текст ее сохранился только в двух рукописях и состоит из 48 кратких титулов. На нем сказывается влияние правд соседних племен — саксов, фризов и салических франков. Текст был составлен имперскими чиновниками на основе опроса местного населения, вероятно в порядке подготовительной работы к Аахенскому собранию 802 г. Образцом послужила Баварская правда.

Такого же происхождения и Фризская правда (*Lex Frisionum*), дошедшая до нас только в издании XVI в. Ее основное ядро (22 титула) относится к срединной Фризии; для западной и восточной частей имеются варианты, причем по времени составления они позднее основной части. Фризская правда не является правдой в точном смысле слова. По своему составу она разнородна. В ней имеются весьма краткие нормы штрафов, детальные указания о формах судебного процесса, мнения двух сведущих в древнем праве людей, Влемара и Саксмунда (*Additio sapientum*), и, наконец, переработка франкского королевского закона. Текст Фризской правды изобилует повторениями и противоречиями. Рассеянные повсюду германские слова относятся к франкскому диалекту, что указывает на то, что окончательными редакторами текста были, повидимому, имперские чиновники, использовавшие действовавшее во Фризии устное обычное право, в котором еще много следов язычества. Образцом при опросе послужила, вероятно, Аламаникская правда.

В Курском епископстве (на верхнем Рейне) в начале IX в. было составлено судебное руководство для светских и церковных властей, названное «Главы Ремедия» епископа Курского (*Capitula Remedii*). Оно содержит 12 глав, касающихся дел уголовного характера. Наличие в местности (бывшей римской провинции Реции) старого населения, жившего по римскому праву, вызвало появление, вероятно в середине IX в., сборника римского права (*Lex Romala Curienensis*), испытывавшего воздействие франкского права и применявшегося также в Истрии и Ломбардии. Некоторые исследователи относят этот сборник к середине VIII в. и рассматривают «Главы Ремедия» как новеллу к нему.

Рассмотренные выше памятники позволяют сделать вывод, что в период с середины VIII и до начала IX вв. у всех германских племен,

населявших северные и восточные части империи, появились свои писаные своды обычного права, действовавшие только на территории данного племени. Эти правды отражали более раннюю стадию развития феодализма по сравнению с тем уровнем, который был достигнут в это время в Галлии и в Австрии.

Королевские законы каролингского периода назывались с 770-х годов капитуляриями⁷, так как текст их был разделен на отдельные параграфы (капитулы); деление это возникло впервые при Пипине Коротком. Капитулярии издавались королями иногда по собственной воле, иногда с одобрения собраний знати (*placitum generale*). Выше указывалось, что дополнения к германским правдам и законы для отдельных частей империи имели форму капитуляриев. Такой же вид имели инструкции государевым посланцам, инструкции по управлению королевскими поместьями и т. д., хотя они и не были законами. Капитулярии, издававшиеся в связи с собраниями в определенных сроки, посвящены обычно самым разнообразным вопросам: светским и церковным делам, государственному управлению, военным порядкам, процессуальному праву и т. д. Уже в начале IX в. в королевской канцелярии намечалась некоторая классификация капитуляриев; различались законы, являвшиеся добавлением к правдам (*Capitularia legibus addenda*), новые законы (*Capitularia per se scribenda*) и инструкции (*Capitularia missorum*). По этой схеме были оформлены постановления собрания 818/819 гг., проведшего большую законодательную работу. Но в дальнейшем, в процессе распада империи это деление на практике не выдерживалось.

Капитулярии издавались в большом количестве. Только для правления Карла Великого их сохранилось около 80. Полного официального собрания капитуляриев в ту пору не существовало. Текст их дошел до нас в различных сборниках, среди других современных им источников. Наибольшей известностью пользуется сборник, составленный в 827 г. аббатом фонтенельского монастыря (в Руанском диоцезе) Ансегизом (ум. 833). В этом собрании (*Capitularium collectio*) содержатся 29 церковных и светских капитуляриев Карла Великого, Людовика и Лютара за 789—826 гг. Оно получало тогда же большое распространение, так что в актах и законах Людовика Благочестивого позже 829 г. старые законы цитировались по сборнику Ансегиза, что придало ему почти официальный характер.

В сборнике Бенедикта Левита, вероятно майницкого диакона, составленном между 847 и 850 гг., к капитуляриям, списанным Ансегизом, добавлены еще некоторые. Капитулярии, изданные начиная с 774 г. для Италии, вошли впоследствии в так называемый *Capitulare*.*

По своему содержанию капитулярии представляют чрезвычайно ценный источник. Они закрепляли правовые порядки в интересах феодализирующейся знати, церкви и государства. Интересы народных масс в законах не учитывались и народ не принимал настоящего участия в их составлении. Теория буржуазных историков, приписывающих реальный смысл выражению «согласие народа» (*consensus populi*), встречающемуся в источниках при упоминании об издании «капитуляриев, дополняющих правды», не выдерживает критики. Никакого «народного права» в ту пору, когда закрепощение крестьян шло полным ходом, быть уже не могло. В этом лучше всего убеждает содержание капитуляриев. Они утверждают старые формы зависимости и вводят новые, санкцио-

* См. стр. 214.

нируют зависимое положение свободных, живущих в королевских поместьях и на иммунитетных территориях, устанавливают разорительную для крестьянства военную повинность, уничтожают остатки старых свобод, в том числе прежние судебные порядки, заменяя выборного тунгина королевским чиновником, и т. д. и т. п. Капитулярии содержат законы, имевшие целью сломить сопротивление крестьян возрастающему закрепощению. Они преследуют крестьянские тайные союзы — гильды и угрожают смертной казнью за неповиновение королевским должностным лицам. Многочисленные крестьянские восстания при Карле Великом и его преемниках отразились в королевских законах: в них содержатся приказы подавлять подобные восстания. Очевидно эта борьба крестьянства привела к тому, что в конце VIII в. и в начале IX в. в капитуляриях были точно зафиксированы не подлежащие повышению повинности зависимых крестьян.* Развившееся в ту пору законодательство церкви, имевшее, правда, ограниченный характер, отражено в многочисленных актах церковных соборов.

Законодательные памятники каролингского периода представляют собой прекрасную иллюстрацию к учению марксизма-ленинизма об активной роли надстройки. Именно такую функцию выполняли в уже сложившемся в главных чертах феодальном обществе VIII—IX вв. законы Карла Великого и его преемников.

Документальный материал, сохранившийся от VIII—IX вв., также более богат, чем для меровингского периода. Следует указать, что сами частные акты, касавшиеся народных масс, до нас не дошли, так же как не дошел аналогичный материал более ранних веков. Несомненно, что в этот период интенсивного разорения и закрепощения крестьянства такие акты, как прекарин, коммендации, самоотдачи в кабалу, замаскированные под дарения передачи земли и т. п. составлялись в большом количестве. Но подлинники их утрачены, и мы знаем о них по некоторым копиям в монастырских «книгах дарений» и картуляриях, а также по формуляриям.

Что касается документов, отражающих отношения в верхах общества, то многие из них сохранились в подлинниках или в современных им копиях. Несмотря на разорения и бедствия от норманских и венгерских набегов IX—X вв., некоторые монастыри сумели сберечь свои ценнейшие грамоты, на основании которых они владели особыми привилегиями и огромными территориями. От времени правления Карла Великого сохранилось 164 подлинных королевских диплома⁸, из которых 154 представляют собой грамоты дарений церквям и монастырям, предоставление им иммунитетов и т. д. По сравнению с меровингскими дипломами, каролингские грамоты отличаются некоторыми особенностями, отражающими перемены в общественном строе. Так, например, среди дипломов становится все меньше и меньше грамот с решениями королевского суда, поскольку при Карле Великом суживается его компетенция и развиваются местные суды.

Наряду с подлинными грамотами, от каролингского периода до нас дошло также много подложных. Монахи не только усердно хранили свои документы; пожалуй, еще усерднее они занимались подделками и, в частности, старые подлинные дипломы были им нужны также для того, чтобы по их образцу искуснее фабриковать фальшивки. Разные типы подложных документов изучает среди прочих особая историческая вспомогательная дисциплина — дипломатика. Здесь же следует указать, что существовали, так сказать, различные степени фальсификации: от небольшой вставки в подлинный текст до составления полностью подложного докумен-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 412.

та. Необходимо отметить, что фальшивая (в любой степени) грамота все же не перестает быть историческим источником, но должна быть рассматриваема под иным, особым углом зрения. Разоблачив полную или частичную лживость ее содержания, историк тем не менее обязан исследовать причину, вызвавшую к жизни подлог, в раскрытие такой причины, как правило, приводит к установлению факта, весьма существенного для истории изучаемого периода. В частности, обилие в каролингский период фальсифицированных грамот свидетельствует о систематическом применении в процессе роста крупного землевладения и закрепощения зависимого населения этой разновидности насилия, облеченной в «законную» форму. В результате этого границы монастырских владений очень быстро округлялись и притом за счет слабых соседей, в первую очередь крестьян. Анализируя пути приобретения церковью богатств, Энгельс указывает, что для выкачивания ценностей из населения монахи пользовались главным образом подделкой документов.*

Как уже указывалось, от каролингского периода сохранилось немало картуляриев, т. е. книг с копиями дипломов и разных актов.** До нас дошло и небольшое число дарственных и иных грамот в подлинниках. Известны картулярии крупных аббатств: Сен-Бертенского (Фландрия), Фульдского (Тюрингия), Лоршского (Средний Рейн), Санкт-Галленского (Швейцария) и др. Позже, в XII—XIII вв., картулярии насчитываются уже сотнями.

На широкое распространение частноправовых актов указывает обилие сборников формул⁸. В меровингский период круг их действия ограничивался преимущественно территорией Галлии. В VIII—IX вв. они появляются в Галлии в еще большем количестве и, кроме того, в восточной, германской, части каролингской империи. Ко второй половине VIII в. относится Овернский сборник (*Formulae Arvernenses*), составленный после похода Пипина в Аквитанию 760—761 гг. Тогда же возник Санский сборник (*Formulae Senonenses*), последняя часть которого относится уже к началу IX в. Сборники, по имени издателей называемые *Formulae Bignonianae* и *Formulae Merkelianae*, в основном составлены в 770-х годах и дополнены в правление Людовика Благочестивого.

К Южной Франции относятся сохранившиеся в отрывках *Formulae Pithoei*, к Бургундии — *Formulae Flaviniacenses*, составленные во второй половине VIII и начале IX вв., в монастыре Флавиньи. На исконной территории салических франков, вероятно в монастыре св. Аманда, в конце VIII в. был составлен сборник, обоим названий по имени издателя *Formulae Lindenbrogianae*. В нем использованы для образцов формул многие баварские документы и он, несомненно, применялся в Баварии уже с 796 г., наравне с другим, тоже западнофранкского происхождения (ошибочно приписанным издателем одному Регенбургскому монастырю). Свой собственный баварский формулярный был составлен в конце VIII в. в Зальцбурге. Небольшой сборник формул Пассауского епископства на Дунае (*Formulae Patavienses*) относится ко времени Людовика Благочестивого.

Аламанский сборник составлен частично в конце VIII, но главным образом в конце IX в. Для науки он не имеет большого значения, так как в картулярии Санкт-Галленского монастыря (Швейцария) сохранилось большое количество полных актов. Существует и отдельный Санкт-Галленский сборник, составленный в конце IX в. монахом Ноткером Занкой. В Эльзасе с конца VIII в. применялись сборники Страсбургский (*Formulae Argentineses*) и Мурбахский (*Formulae Murbacenses*). В монастыре Рейхенау (Швабия) в конце VIII в. были составлены три сборника (*Formulae Augienses*).

Таким образом, к середине IX в. сборники формул применялись уже на всей территории империи, за исключением Фризии, Саксонии и Тюрингии, где они появились еще позже.

Следует указать на наиболее интересный по материалу сборник формул самой имперской канцелярии (*Formulae imperiales e curia*

* К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 395.

** В исторической науке картуляриями или дипломатическими кодексами (*Codex diplomaticus*) называются также издания грамот монастырских и других архивов.

Ludovici Pii), составленный около 830 г. и сохранившийся в единственной рукописи, написанной тиронскими знаками, т. е. унаследованной от античности тайнописью, применявшейся в королевской канцелярии уже при Меровингах.

* *
*

Важнейшим источником для изучения политической истории франкского государства каролингского периода являются анналы.

Анналы меровингского периода широко использовались в исторических трудах того времени, но, поскольку в своей первоначальной форме они не сохранились, с первого взгляда может показаться, что каролингские анналы возникают на пустом месте. Однако эта точка зрения справедлива лишь для летописания в монастырях Австразии, которые были основаны главным образом только в VIII—IX вв. Следует подчеркнуть, что именно в этих новых церковных центрах, а не в старых монастырях Нейстрии и Бургундии расцвела каролингская анналистика, так как Австразия была владением новой династии и играла в каролингской империи главную политическую роль. Естественно, что в австразийских анналах почти с самого начала проявилась тенденция к прославлению Каролингов.

Центром каролингской анналистики сперва становится Лоршский монастырь (вблизи Вормса). В начале VIII в. один из монахов на основе старых записей и текста продолжателей Фредегара составил, начиная с 680 г., погодные записи, представляющие собой, однако, целый рассказ — повествование о росте могущества Пипинидов. В дальнейшем эти анналы были продолжены до 817 г. Они и называются в науке «Малыми Лоршскими анналами» (*Annales Laurissenses minores*)¹⁰, в отличие от «Больших Лоршских анналов» (*Annales Laurissenses majores*), которые на деле писались не в монастыре, а при дворе Карла Великого, где была сосредоточена официальная анналистика. «Б о л ь ш и е Л о р ш с к и е а н н а л ы» называются теперь обычно «Королевскими анналами» (*Annales regii*), или «Франкскими анналами» (*Annales Franco-rum*)¹¹.

Этот источник сложен по своему составу. Анализом его занималось целое поколение ученых, выдвинувших разные точки зрения и предложивших в качестве авторов нескольких лиц, в том числе и биографа Карла Великого, Эйнгарда. Наибольшие трудности представляет тот факт, что для годов 741—801 существует две параллельные редакции, из которых одна выдержана в строго официозном духе, другая же исправляет и дополняет первую, причем эти исправления касаются немаловажных событий. Казалось бы, их сосуществование рядом более чем странно, между тем во всех рукописях они следуют непосредственно одна за другой. Следует отметить, что несмотря на многие исследования, этот источник изучен еще недостаточно, хотя для политической истории каролингской империи он является, пожалуй, наиболее важным.

Первая редакция «Королевских анналов» охватывает период с 741 по 829 гг. и распадается на две части. Ее первая часть доведена до 788 г. Судя по изданию XVII в., сделанному с утраченной ныне рукописи Лоршского монастыря, эта первая часть представляет собой компиляцию из Малых Лоршских анналов, произведенную в 789 г. кем-то из придворных лиц, вернее всего клириком придворной капеллы, под наблюдением и руководством архикапеллана, т. е. главного духовного лица при короле. В анналах использованы официальные документы, не-

которые события записаны по рассказам современников. По характеру сообщаемых сведений источник больше всего подходит под определение придворного дневника. Главное место в нем занимают описания военных походов, приемов послов, судебные собрания, пугшествия короля и его семьи и т. д. Язык этой части анналов представляет собой разговорную латынь того периода.

В объяснение даты составления первой части анналов исследователи выдвинули такого рода соображение: как раз к 788 г. относится окончательное подчинение Карлом Баварии, что знаменовало собой завершение включения в каролингскую империю германских юго-восточных племен. Действительно, в анналах неоднократно подчеркивается значение этого события для укрепления мощи короля и каролингского государства. Общая тенденция этой части анналов не оставляет никаких сомнений. Все произведение задумано как апология королевской власти, как прославление каролингской династии в лице ее славнейшего представителя Карла Великого.

Вторая часть первой редакции анналов, охватывающая 789—829 гг., писалась параллельно событиям, год за годом или за небольшое число лет. Она составлена последовательно несколькими лицами. На это указывают как язык текста, так и рукописная традиция (некоторые рукописи останавливаются на 801, другие на 813 или на 829 гг.). Дробление текста второй части на отдельные куски в зависимости от составителей (не менее пяти), вызвало в науке многочисленные споры. Существует немало гипотез об их авторах, но, по видимому, всем им суждено остаться только гипотезами. Несомненно лишь, что эта часть анналов также писалась при дворе и притом прекрасно осведомленными лицами, вероятнее всего под наблюдением архикапеллана. Таким образом, обеим частям королевских анналов присущ официальный характер. Анализ содержания источника дает много данных для такой оценки. Имевшийся в анналах фактический материал в целом богат и довольно точен. Помимо подробных данных о военной и дипломатической истории, в анналах имеются некоторые сообщения о климате, урожаях, смертности, землетрясениях, астрономических явлениях, кое-какие данные о хозяйстве, торговле, культуре и т. п. По анналам полнее всего восстанавливается военная деятельность Карла Великого и отчасти дипломатическая; другие стороны его политики остались в тени. Вместе с тем материал анналов не только односторонен, но подчас искажает историческую истину.

Наибольшему искажению подверглись записи о военных неудачах в Испании и, особенно, в Саксонии. О неудачном исходе первого испанского похода и о поражении арьергарда в Ронсевальском ущелье в анналах нет ни слова. Что касается поражений франков в Саксонии в 775 и 778 гг., то под пером анналиста они превратились в победы. Совершенно искажен в анналах рассказ о битве при Эйнтале в 778 г., когда франкская армия была полностью уничтожена саксами. Автор сам выдает свою ложь тем, что подробно описывает кровавую расправу Карла над саксами, убитую после этой, якобы блистательной, франкской «победы». В анналах дан краткий и сухой отчет о коронации Карла императорской короной в 800 г. в Риме, причем в этой записи нет и следа о недовольстве Карла ходом церемонии. Лишь впоследствии, в изменившейся политической обстановке, Эйнгарт ввел в свою биографию Карла Великого сообщение, что император был неприятно поражен тем, что папа, а не он сам, возложил корону на его голову. В записях под 792 г. в анналах нет ни слова о заговоре сына Карла, Пипина. Одним словом, подбор фактов и их интерпретация зачастую подчинены в анналах определенной политической идее — прославлению франкского государства и его короля.

Как уже указывалось, сохранилась также и другая редакция анналов, охватывающая 741—800 гг. Автор ее также неизвестен; ни одна из многочисленных гипотез не получила в науке признания. Можно с уверенностью сказать, что эта редакция составлена уроженцем Саксо-

нии, поскольку он не только очень интересуется всем, что имеет отношение к Саксонии, но и исправляет многие умышленные ошибки «Королевских анналов». Так, например, он восстановил истину в вопросе о результатах битв 775 и 778 гг., в его произведении имеются сведения о заговоре Пипина в 792 г., о чем умалчивает официальный источник, и т. д. Он добавил сведения о сношениях Карла Великого с греками и аварами. Его литературный стиль лучше, чем стиль первой редакции. По вопросу о времени составления второй редакции, которая почти лишена официального характера, мнения расходятся. Ее датируют то началом IX в., то около 817 г., то даже годами, следующими за 829 г. Судя по связи текста с биографией Карла Великого, составленной Эйнгардом, вторую редакцию лучше всего приурочить к периоду до 817 г., т. е. до восстания славянского племени ободритов в 817 г., так как автор еще подчеркивает их дружелюбие по отношению к империи. Что касается общей тенденции, то, как мы видели, эта редакция, составленная на восточной окраине империи, обнаруживает некоторую самостоятельность политической мысли, не подчиняясь в истолковании событий официальной версии.

Начавшийся после Людовика Благочестивого распад каролингской империи прекратил дальнейшее развитие единой официальной анналистики.

Очень ценны для политической истории каролингского периода материалы дипломатического характера, от которых, к сожалению, сохранилась только незначительная часть. К ним относятся 52 письма Карла Великого (главным образом к папам) и *Codex Carolinus*, т. е. сборник, составленный по его распоряжению около 791 г. и дошедший до нас в единственной копии конца IX в. В нем содержатся 57 писем пап к Карлу Мартеллу, Пипину и Карлу Великому за 739—791 гг. Вторая часть сборника, состоявшая из писем византийских императоров, до нас не дошла. К этому следует добавить и другие письма пап Адриана I и Льва III к Карлу, сохранившиеся в других рукописях.

Из числа прочих источников, относящихся к правлению Карла Великого и его сына, следует отметить биографии императоров и политических деятелей. Общеизвестным классическим образцом этого историко-литературного жанра является «Жизнь Карла Великого» (*Vita Caroli Magni*)¹² Эйнгарда (около 768—840). Эйнгард воспитывался в Фульдском монастыре (Тюрингия) и в начале 790-х годов был отправлен в Аахен ко двору Карла, где стал членом придворного кружка, так называемой Академии. Его политическая карьера началась только при Людовике Благочестивом, когда он сделался доверенным лицом и секретарем императора, а также воспитателем Лотаря. Около 830 г. он покинул двор и конец своей жизни провел в основанном им монастыре Зелигенштадте. Время написания им «Жизни Карла Великого» некоторые историки относят к первым годам правления Людовика Благочестивого, другие оспаривают эту датировку, отодвигая годы появления труда Эйнгарда к концу 820-х годов.

Эйнгард знал римскую классическую литературу и писал на литературном латинском языке. Несомненно, что «Жизнь Карла Великого» была задумана под влиянием Светония и построена по образцу его «Жизни Цезарей». В своем труде Эйнгард придерживается конструкции, характерной для Светония, а именно: рассказывает о предках Карла, дает очерк его военных кампаний и союзов с другими государями, описывает его личные качества, внешность, домашнюю жизнь, любовь к наукам, наконец смерть и погребение. Это обстоятельство определило во многом подражательный характер биографии Карла Великого, но,

с другой стороны, заставило автора ввести такие темы (внешность, быт и т. д.), которые были чужды современным ему писателям.

Эйнгард писал на основании письменных источников: анналов, хроник (хроники продолжателей Фредегара) и документов из дворцового архива (дипломатической переписки, завещания Карла Великого и т. д.). Много материала дали ему собственные наблюдения. Сравнение сохранившихся источников с текстом Эйнгарда говорит не в пользу последнего. Особенно наглядно это проявляется при анализе данных, заимствованных из анналов. Эйнгард использовал вторую редакцию анналов, но допустил немало искажений и хронологических ошибок ради прославления Карла, хотя бы даже в ущерб его отцу. В таком плане изображены Эйнгардом походы в Италию Пипина и Карла. Почти все приращения территории каролингского государства отнесены также за счет одного Карла и т. д. Искажена и история саксонских войн, которые изображены Эйнгардом как оборонительные, а не агрессивные походы. Дипломатическая деятельность Карла отобразена скуднее, чем в дошедших до нас источниках, хотя у автора были под рукой нужные материалы. Эйнгард не использовал, например, писем Карла к мерсийскому королю Оффе, изобразил в благоприятном для Карла духе отношения с Византией и т. д.

Ценнее та часть биографии, где имеются данные о личности Карла, его быте, одежде, вкусах. Разумеется, и здесь тщательно обойдены или смягчены все недостатки, и Карл обрисован с самой хорошей стороны. Но все же из труда Эйнгарда мы узнаем немало интересных подробностей об образе жизни франкского императора и его окружения. В целом «Жизнь Карла» представляет собой произведение почти панегирического характера и его ценность как источника значительно снижается из-за указанных выше недостатков. У современников оно пользовалось большой популярностью и вызвало много подражаний. Большое количество списков, сделанных и в последующие века, свидетельствует о непрекращавшемся внимании к труду Эйнгарда в течение всего средневековья, когда он был основным источником по истории Карла Великого.

Биография Людовика Благочестивого была написана епископом Трирского округа (хорепископом) Теганом (начало IX в. — около 863 г.). Член знатной франкской семьи, Теган был последовательным сторонником императора Людовика Немецкого, врагом Лотаря и его приверженцев. Эта тенденция пронизывает все его произведение, написанное в 837—838 гг. и опубликованное уже после смерти Людовика. «Жизнь императора Людовика» (*Vita Ludovici imperatoris*)¹³ охватывает 813—835 гг., т. е. опускает юность Людовика, когда он был королем Аквитании, а также последний период его жизни. Теган использовал Эйнгарда и анналы, но не сумел облечь свой материал в литературную форму. Впрочем, в характеристике, данной им Людовику, содержатся интересные данные, и автор проявляет при этом известную независимость. Так, например, он осуждает императора за слишком щедрую раздачу королевских имений, за излишнюю и не подходящую для главы государства религиозность, за отвращение к народным франкским сказаниям, которые он знал с детства, и т. д. Политическая тенденция, — защита императора от его сыновей, — проступает у Тегана с чрезвычайной отчетливостью в многочисленных отступлениях публицистического характера.

Стихотворная биография Людовика, озаглавленная «Четыре книги в честь Людовика» (*In honorem Ludovici libri IV*), была составлена аквитанским поэтом и клириком Эрмольдом Черным. Будучи при дворе аквитанского короля Пипина

и желая ему угодить, он сочинил насмешливые стихи об императоре Людовике, за что последним был подвергнут ссылке. Поэма Эрмольда написана с целью умиловать императора, и это определяет ее общий характер. В ней имеются некоторые данные о войнах Людовика с арабами и о походах в Бретань, а также довольно полная картина придворной жизни.

Подробная история правления Людовика содержится в труде неизвестного автора, получившего в науке прозвище «Астронома» из-за явного интереса к небесным явлениям. Его «Жизнь Людовика Благочестивого» (*Vita Ludovici Pii*) составлена после 840 г. в разгар междоусобной борьбы сыновей Людовика. Содержание обличает в авторе духовного человека, близко стоявшего к императору. В первой части (778—814 гг.) описана деятельность Людовика в Аквитании. В ней содержатся ценные сведения для истории юго-западной части каролингской империи, большая часть которых извлечена из сочинений некоего монаха Адемара. В числе этих сведений имеются данные о борьбе франков с арабами в конце VIII в. Вторая часть (814—829 гг.) представляет собой компиляцию из annalов. Третья часть (830—840 гг.) является оригинальной и, благодаря хорошей осведомленности автора, содержит ценный материал.

Каролингский период характерен появлением серий биографий епископов и аббатов (*Gesta*). В них включена история того или иного епископства или монастыря. Начало им было положено историей мецских епископов (*Gesta episcoporum Mettensium*), составленной известным нам Павлом Диаконом по просьбе епископа Ангильрама. По этому образцу были составлены затем *Gesta abbatum Fontanellensium* (около Руана), *Gesta abbatum Fuldensium* (Тюрингия), *Gesta episcoporum Sepomanensium* (Манс), *Historia ecclesiae Remensis* (Реймс) и мн. др. В них использованы грамоты и другие документы из монастырских и епископских архивов, и они ценны как источники по истории церкви и церковного землевладения.

Агиография каролингского периода несравненно скуднее, чем в меровингские времена. Церковь укрепляет свои позиции и становится самым мощным феодалом, участвуя вместе с императором в освоении (путь христианизации) новых завоеванных территорий. Сильнее сказывается ее воздействие на агиографию. Жития принимают риторическую окраску, утрачивается их связь с народным творчеством. В центре внимания составителей житий становятся крупные деятели церкви, проводники ее политики и представители ее интересов: аббаты, аббатиссы, миссионеры, осуществлявшие христианизацию германских языческих племен и основывавшие там монастыри. Таковы жития миссионеров в Германии Бонифация и Вилиброда, основателя Фульдского монастыря Стурма, первого Бременского епископа Вилегада, первого фризского и вестфальского епископа Лиудгера, первого гамбургского епископа Ансгара, аббатиссы Лиобы и др. Все эти жития содержат интересный материал для истории завоеваний Карла Великого.

Для времени Карла характерно оживление в области образования и литературы, интересом к произведениям античности. Франкское королевство меровингского периода, находившееся на ранней ступени развития государственности, могло удовлетворять свои еще скромные потребности в переписке, используя для этого небольшой круг высшего духовенства. Но для управления огромной империей Карла нужны были более многочисленные кадры образованных людей. Это заставило Карла осуществить ряд мер по улучшению придворной и епископских школ. Организаторами школ и просвещения были группировавшиеся вокруг короля члены придворной Академии: англосакс Алкуин (ум. 804), вестгот Теодульф, лангобард Павел Диакоп, грамматик Петр Пизанский, Эйзгард, Ангильберт и др. Алкуин, ставший в 796 г. аббатом монастыря Мартина Турского, т. е. одним из крупнейших франкских церковных

деятели, основал в Туре знаменитую в те времена школу, откуда вышли учителя следующих поколений клириков и монахов, например Рабан Мавр (776—856), преподававший затем в школе Фульдского монастыря. Алкуин составил несколько учебников по грамматике, риторике и диалектике, очень рельефно отражавших уровень знаний того времени и их богословский характер, теологические и философские трактаты, жития и поэмы. Стихотворные произведения всех членов Академии и в особенности их обширная переписка между собой и с другими политическими и церковными деятелями представляют собой очень ценные источники для истории культуры, быта и нравов господствующего класса каролингского времени. Так, например, письма Алкуина (около 300) за 782—804 гг. к его английским друзьям, Карлу Великому, епископам и т. д. содержат интересные сведения почти о всех событиях тех лет и являются отзвуком мнения церковных верхов и приближенных императора. В стихотворных произведениях встречаются порой сведения, важные и для политической истории. Такова, например, поэма Теодульфа, совершившего в качестве королевского посланца поездку по южной Галлии. В своей поэме Теодульф дал любопытную картину каролингской администрации и суда.

Почти сразу же после смерти Карла Великого о нем самом и о его царствовании возникли многочисленные прозаические и поэтические легенды. Политическая обстановка IX в. — смуты, войны, норманские набеги и т. д. — способствовала идеализации недавнего прошлого, былой поры мощи и славы франкского государства. Эта тенденция исходила отчасти из церковных кругов, но нашла себе отражение также и в народном творчестве. Тяжело страдавшие от набегов и междоусобиц народные массы создали в фольклоре величественный образ императора, грозного как для внешних врагов, так и для знатных смутьянов. Соединением церковной и народной легенд о Карле является произведение санкт-галленского монаха «О деяниях Карла Великого» (*De gestis Caroli Magni*)¹⁴, приписываемое обычно монаху Ноткери Зайке. Составленное между 884 и 887 гг. по желанию императора Карла Толстого, оно преследовало определенную цель — дать образ справедливого и сильного государя, деяния и качества которого Карл Толстый должен был поставить себе в пример. Особенно рельефно проявляется тенденция внушить императору соответственные принципы церковной политики. Автор, монах Санкт-Галленского монастыря, непрерывно враждовавшего с Констанцским епископом, был резко настроен против знатного епископата и хвалит простых монахов и клириков. В его изображении Карл Великий строго преследовал всех чрезмерно усилившихся графов и епископов. Ноткер знал многие источники и использовал их более или менее точно. К ним он добавил также рассказы о походах императора, которые слышал в детстве от старых воинов Карла Великого Адальберта и Веринберта. В этих рассказах была причудливо перемешана с легендой. От сочинения Ноткера сохранились лишь первая книга (о церкви) и часть второй книги (о войнах). В целом это очень своеобразный источник, интересный некоторыми сведениями о культуре, быте, торговле и т. д., ценный более всего как отражение народных представлений о правлении Карла Великого.

В последующие века образ императора получает в народном творчестве дальнейшее развитие. Народная легенда побеждает церковную тенденцию и создает очень живой и выразительный облик Карла. В глазах народа он остается славным воителем и борцом с «тиранами», т. е. непокорными знатными феодалами, обижаящими слабых и безза-

щитных. Иной характер был придан Карлу впоследствии в «Песне о Роланде».*

Процесс распада каролингской империи, из которой к X в. выделились народности немецкая, итальянская и две французских (северно-французская и южнофранцузская), каждая со своим языком, своей более или менее отчетливо отграниченной территорией и своей экономической базой, нашел себе яркое отражение в характере источников IX в.

Для этого периода надо отметить существенные изменения в правовых памятниках и в анналах. К концу IX в. прекращается издание капитуляриев. Сокращается дипломатическая переписка с другими странами. В дипломатике актов (т. е. в формулах) начинают проступать отличия, которые можно определить, как зачатки будущих характерных черт дипломатики французских, немецких и итальянских канцелярий. Но ярче всего процесс распада проявляется в анналах.

Ожесточенная междоусобная борьба сына и внуков Карла Великого очень рельефно отразилась в историографии IX в. Политическая направленность авторов, являвшихся приверженцами той или иной партии, сказалась уже в биографиях Людовика Благочестивого. В дальнейшем она приобрела еще более яркий характер. Она пронизывает собой и последнее крупное историческое произведение каролингского периода, принадлежащее перу внука Карла (по женской линии) Н и т г а р д а (около 790—около 843), полководца Людовика Благочестивого и затем Карла Лысого. Последний поручил Нитгарду составить в издлежащем духе историю междоусобных войн («войны трех братьев») после смерти Людовика. Нитгард успешно справился со своей задачей, но защита дела Карла не привела автора к значительному искажению исторического материала, хотя и сообщила ему определенную политическую тенденцию. Его труд «Четыре книги историй» (*Historiarum libri quattuor*)¹⁵ содержит в первой книге очень ясный и отчетливый рассказ о бесконечных распрях, предшествовавших открытой войне, а в прочих книгах — изложение военных действий Людовика и Карла против Лотаря с июня 840 г. до конца 842 г. Работа осталась незаконченной, так как Нитгард отпраздновал в поход и вскоре умер. Первые три книги составлены в 842 г., последняя — в 843 г. Автор, человек светский, военачальник, по качеству информации и точности сообщаемых сведений является лучшим историком IX в. Он имел доступ к официальным документам и умело их использовал. В его труде сохранился такой ценнейший документ, как текст страсбургской клятвы, составленный на романском и германском языках, первый дошедший до нас памятник, содержащий древние формы этих языков. У него же имеются очень важные сведения о восстании Стеллингга в Саксонии и другие данные о социальных отношениях. Нитгард является основным источником для истории трех лет, приведших к Верденскому договору 843 г., т. е. к первому разделу империи.

Примерно в эти же годы произошло очень симптоматическое явление в анналах. Тенденция к распадению единого русла официальной анналистики проявилась еще за несколько лет до раздела 843 г. Королевские анналы прекратили свое существование как единое целое, а списки их, существовавшие в каждом крупном монастыре, положили начало местным монастырским анналам, которые появились в значительно большем числе, чем до IX в., и уже не подвергались нивелирующему влиянию центрального официального летописания. Интересно отметить, что благодаря такому ослаблению воздействия на анналистику со стороны королев-

* См. стр. 141.

ской власти временно оживают, казалось бы совсем заглушенные, воспоминания о меровингской династии. Около 832 г. в монастыре Сен-Дени была составлена история короля Дагоберта, имеющая панегирический характер. Хотя главной целью составителя-монаха была история своей (основанной Дагобертом) обители, и для этого он использовал богатый архив монастыря, но тем не менее самый факт оживления меровингских традиций весьма знаменателен.

Помимо этого, по большей части местного, летописания, с конца 830-х годов оформились главные группы анналов — Фульдские для Германии и Сен-Бертенские для Франции. Эти наименования условны, так как относятся не столько к месту составления, сколько к месту хранения древнейших списков этих анналов. В искусственно сконструированном и скоро распавшемся королевстве Лотаря также не смогло создаться никакой общей анналистики; как в Италии, так и в Лотарингии в IX в. появились свои местные анналы.

Фульдские анналы (*Annales Fuldenses*)¹⁶ охватывают период 680—901 гг. и были составлены разными лицами. Первая часть, до 838 г., представляет собой малоценную компиляцию из Королевских, Лоршских и других анналов. Вторая часть, от 838 г. и до 863 г., составлена духовником Людовика Немецкого, Рудольфом. Содержащиеся в ней сведения касаются преимущественно Германии и лишь отчасти относятся к западной части, король которой, Карл Лысый именуется «Галльским тираном», поскольку политическая тенденция составителя состоит в требовании воссоединения обеих частей под властью Людовика Немецкого. Следующие части, продолжения до 882 г., 887 и 901 г., составлены в Майнце, в Фульде и в Баварии. В них все большее место начинают занимать связи Германии с ее восточными и северными соседями: западными славянами, Данией, Венгрией.

Таким образом, Фульдские анналы представляют собой историю последних Каролингов в Германии и отражают их политику и интересы.

Сен-Бертенские анналы (*Annales Bertiniani*)¹⁷ за 741—882 гг., в своей первой части, доведенной до 836 г., также являются компиляцией из Королевских и других анналов. В ней отражены политические интересы Людовика Благочестивого. Главную ценность их составляет краткая, но точная история 830—836 гг. Вторая часть, за 837—862 гг., составлена труасским епископом Пруденцием и является официальной и подробной историей этих лет. Третья часть, за 863—882 г., принадлежит перу Гинкмара, архиепископа Реймского (около 806—882), крупнейшего политического деятеля Франции второй половины IX в., главы церковно-аристократической партии. Гинкмар оставил очень подробный рассказ, приближающийся по форме скорее к тенденциозным политическим мемуарам, чем к анналам. В его повествование включены документы, частично подложные, составленные, по распоряжению самого Гинкмара. Поэтому к его произведению следует относиться сугубо критически. Последняя часть Сен-Бертенских анналов осталась незаконченной, так как Гинкмар бежал из Реймса от норманнов и вскоре умер.

Сен-Бертенские анналы проявляют тенденции, прямо противоположные тенденциям Фульдских анналов. Они ратуют за подчинение власти Карла Лысого и германских территорий. Когда северная часть королевства Лотаря в 870 г. отошла к Германии, в Сен-Бертенских анналах отразились претензии французских Каролингов на рейнские области. Необходимо отметить, что в силу вражды между государями западной и восточной частей франкского государства (имена этих частей — Фран-

ция и Германия — в ту пору еще не утвердились), анналисты очень свободно говорят о внутренних междоусобицах и семейных распрях у чужих государей и проявляют сдержанность в сведениях такого рода о своих владыках. Сен-Бертенские анналы дают яркую картину бедствий страны от норманских набегов и быстрого ослабления королевской власти.

Об этом же повествует «Фонтанельская хроника» (*Chronica Fontanellensis*), от которой сохранился лишь отрывок. Составленная около 872 г. в монастыре руанского диоцеза, она рисует бедствия от норманских набегов в Северной Франции. Монах Аббон из парижского монастыря Сен-Жермен-де-Пре написал около 897 г. латинскую поэму об осаде Парижа норманцами в 885—887 гг. и о правлении короля Эда до 896 г. В житиях IX в., особенно в «Чудесах св. Бенедикта» (*Miracula s. Benedicti*) монаха Флерийского монастыря (на Луаре) Арревальда, также имеются сведения о страшном разорении северной Франции от норманских набегов и от междоусобий.

В Лотарингии, области, промежуточной между Францией и Германией, в IX в. была составлена хроника, которой был предпослан общий обзор всемирной истории, начиная с новой эры. Автор ее, аббат Прюмского монастыря в верхней Лотарингии, Регинон (ум. 915)¹⁸ обладал известной широтой политического горизонта и хорошей информацией о событиях как во Франции, так и в Германии. Итальянские дела были ему известны благодаря связям с церковными кругами. Регинон описал последние годы каролингской империи и ее полный распад, борьбу с норманнами, кровавые междоусобия. Первая часть его хроники, доведенная до 741 г., основана на различных письменных источниках, в том числе на произведениях Беды, Павла Дякона и др. Для второй части (741—906) Регинон использовал анналы своего монастыря, Королевские анналы, *Gesta Dagoberti*, жития и еще какое-то, ныне утраченное произведение, о котором он сообщает, что оно было написано на народном наречии. Самая ценная часть хроники охватывает 892—906 гг. Она составлена на основе собственных наблюдений, рассказов современников и некоторых документов. Регинон дает краткие характеристики королей; в церкви и в папстве он надеется найти ту силу, которая ускользает из рук последних Каролингов. Хронология у него часто ошибочна, но в целом это единственный источник, дающий цельную картину событий конца IX—начала X вв.

Источниками для истории борьбы итальянских Каролингов с лангобардскими герцогами являются произведения равеннского епископа Аньелла, монте-кассиинского монаха Эрхемперта и Андрея из Бергамо. Первый из них составил историю Равеннской области до 845 г. (*Libet pontificalis ecclesiae Ravennatis*), в которой дал картину франкского владычества в Италии. Эрхемперт изложил историю лангобардов и герцогов беневентских до 889 г. в качестве продолжения труда Павла Дякона. Но, в противоположность своему предшественнику, он открыто проявил свою враждебность к франкам. Он описал разорения и бедствия лангобардов в связи с франкским завоеванием и владычеством, а затем набеги арабов, в результате которых Монте-Кассино подвергся полному разрушению. В хронике Андрея Бергамского (*Abbreuiatio de gestis langobardorum*) также содержится продолжение труда Павла Дякона до 877 г.

Ожесточенная борьба между последними Каролингами еще ярче, чем в анналах, проявилась в публицистических трактатах IX в. До нас дошла лишь часть таких произведений и притом, главным образом, исходящая от противников императора Людовика. Наиболее крупным из публицистов является архиепископ лионский Агобард (ум. 840), сторонник сыновей императора. Во время их восстания в 830—833 гг. он составил для них манифест и другие произведения (*Epistola deploratoria ad Matfredum* и *Libri duo pro filiis et contra Judith uxorem Ludovici Pii*),

отличающиеся чрезвычайной резкостью нападок на политику Людовика Благочестивого. Ему же принадлежит так называемый *Apologeticus*, т. е. письмо в защиту его партии. Корбийский аббат Паслазий Ратберт (ум. около 860) в биографиях своих предшественников, аббатов Адаларда и Вальи, также отразил позицию крупных феодалов — противников Людовика. В биографии Адаларда эта линия несколько завуалирована, но в биографии Вальи проступает очень резко. Для безопасности автор замаскировал всех лиц, о которых идет речь, что позволило ему проявить сатирическое отношение к императору и его окружению.

Такая же тенденция пронизывает собой политический трактат, принадлежащий автору последней части Сен-Бертенских анналов Гинкмару. Трактат называется «О дворцовом и государственном управлении» (*De ordine palatii et regni*)¹⁹. Он был составлен около 882 г. Гинкмар использовал недошедшую до нас одноименную работу Адаларда, но ввел и новый материал. Трактат написан для обучения Людовика Заики и ставит определенную цель, а именно защитить притязания магпатов, особенно епископата, на руководящее положение в государстве. По мысли Гинкмара король должен быть, по сути дела, лишь исполнителем воли крупных церковных феодалов. Для исторического доказательства этого положения Гинкмар, так же как в анналах, прибегнул к фальсификации документов и фабрикации подложных актов.

Политическая и идеологическая борьба IX в. отражена в многочисленных письмах Гинкмара и тульского епископа Фротария (ум. около 850). Письма последнего дают много сведений для характеристики силы и влияния епископата середины IX в. Письма Лупа, аббата Ферьерского (ум. около 862), одного из приближенных Карла Лысого и хорошего знатока античной литературы, важны не только для политической истории, но и для истории образования и культуры. Письма Эйнгарда отражают главным образом его деятельность по управлению монастырями, данными ему в бенефиций Людовиком Благочестивым. К сожалению, они сохранились в обезличенном виде (без дат и имен адресатов), так что датировка многих из них является спорной.

ГЛАВА V

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АНГЛИИ И ИРЛАНДИИ (до середины XI в.)

Англия

Отсутствие в Англии значительных пережитков античного рабовладения и неоднократные нашествия с континента германских племен (англов, саксов, фризов, ютов, позднее датчан), у которых процесс классовобразования был еще слабо выражен, имели следствием несколько замедленное, по сравнению с Галлией, Испанией и Италией, развитие феодальных отношений в VI—XI вв. С другой стороны, постоянная борьба как покоренного населения с завоевателями, так и последних с новыми вторжениями привела к сравнительно раннему образованию отдельных англосаксонских государств. Поэтому древнейшие законы этих государств отражают еще раннюю стадию разложения общинно-родового строя, в них больше пережитков старых отношений, чем в древнейших германских правдах, составленных на континенте. Другой их особенностью является то, что все они до XI в. составлены на местных наречиях англосаксонского языка.

От самых старых законов ютского Кента, записанных примерно около 600 г., при первом христианском короле Этельберте (560—616), сохранились только фрагменты. В них отражено существование общины-марки; наряду с родовой знатью и массой свободных людей, имелись полусвободные и рабы, преимущественно из покоренных кельтов. Следующие по времени законы были записаны почти через столетие в Уэссексе при короле Ини (688—725) около 690 г. Они были составлены утанами, т. е. знатными приближенными короля, по его приказу. Растущая классовая дифференциация требовала изменения правовых норм. Новая военно-служилая знать (гезиты или тэны) уже заняла особое положение. Вергельд тэнов был повышен, а присущие им привилегии и обязанности закреплены в особых титулах. В законах Ини много места уделено покоренным бриттам, вергельд которых достигал половины вергельда саксов. Эти законы знаменуют собой также закрепление союза короля с церковью, которой было обеспечено исполнение церковных предписаний, в том числе обязательное для всех крещение и празднование воскресенья. Церкви предоставлялось право взимать в свою пользу особые поборы.

Аналогичные законы существовали в конце VII в. и в Кенте, где в то время при королях Эдрике и Вигтреде старые законы также подверглись новой редакции, частично чрезвычайно близкой законам Ини.

Законы мерсийского короля Оффы (788—796) не дошли до нас. Мы лишены возможности проследить на основании законов развитие общественного строя англосаксов на протяжении двух столетий между концом VII в. (законы Ини) и концом IX в. (Правда Альфреда).

Развитие феодальных отношений и борьба с нашествиями датчан привели в IX в. к сплочению англосаксонских королевств под руководством самого западного из них — Уэссекса. При короле Альфреде (871—900), одержавшем ряд крупных побед над датчанами и создавшем войско профессиональных воинов, процесс феодализации сделал значительные успехи, что, в свою очередь, потребовало нового пересмотра уже устаревших законов. «Правда короля Альфреда»¹, составленная, вероятно, около 893 г., не ограничилась простым сведением воедино прежних законов кентских, мерсийских и уэссекских королей. Эти старые законы подверглись пересмотру. Длинное, составленное в библейском стиле вступление гласило от имени Альфреда, что некоторые из старых законов, которые ныне уже нехороши, должны быть отброшены, а другие изменены; из законов Этельберта, Ини и Оффы выбраны лучшие. Правда Альфреда отражает развитие феодальных отношений. Она закрепляет власть лордов (глафордов) над зависимым от них населением и подчиняет лордов королю. Любопытно, что в биографии Альфреда, составленной Ассером, упоминается о паличии в судах того времени бесконечных споров между знатью и простыми людьми (*nobiles et ignobiles*). В результате таких тяжб все стремились апеллировать к королю. Законы Альфреда должны были, очевидно, прекратить подобные споры и утвердить власть феодализирующейся знати над закрепощаемыми крестьянами. Создание общего закона означало также достижение определенной ступени в процессе политической консолидации страны.

Следующим этапом в развитии англосаксонских законов является правда короля Этельстана, составленная около 930 г. и отражающая значительные успехи феодализации. Так, каждый свободный человек должен был иметь над собой господина (глафорда), и власть таких лордов распространялась на крупные территории, населенные зависимыми и полузависимыми людьми.

Новые датские набеги в конце X в. закончились завоеванием Англии и включением ее в государство датского короля Канута (1017—1035), при котором около 1020 г. были изданы новые законы. В своей политике в Англии Канут стремился опереться главным образом на англосаксонскую знать, владевшую крупными поместьями. В законах он сочетал англосаксонские и датские обычаи, в основном закреплявшие возросшую власть лордов с их дружинами и их судебные права над подвластным им населением.

Наряду с законами англосаксонских государств, в независимых и полузависимых кельтских областях (главным образом в Уэльсе) существовали свои законы. Древнеуэльские законы zeichnetели очень ранние формы родовых отношений и семьи. Так же как и ирландские законы, они подверглись внимательному изучению со стороны Маркса и Энгельса.* Последний опирается на них при исследовании рода у кельтов в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». С VII в. начинается систематизация обычного права, оформившаяся в X в. при королях Дионвале Мельмуде и Говеле Добром. Дошедшая до нас запись уэльских законов (на местном наречии) была сделана не позднее XI в. Энгельс указывает, что в этих законах отражены парный брак, еще не вытесненный моногамией, и остатки прежнего обычая обработки земли совместно целыми селами, наряду с наличием отдельных участков для каждой семьи. Сельские общины в Уэльсе представляли собой в ту пору еще родовые организации.**

Дошедший до нас от англосаксонского периода документальный материал² довольно обширен. Как и повсюду, он представляет собой преимущественно грамоты, дарованные церковным учреждениям: земельные дарения, предоставление привилегий и иммунитетов. Старейшие из

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 338—340.

** Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 135—136.

таких грамот относятся к началу VII в. У англосаксонских королей была такая же канцелярия, как и у франкских. Кроме того, сохранились завещания, брачные контракты, грамоты отпуска на волю и т. п., в оригиналах и в копиях, значительная их часть написана на англосаксонском языке (завещания — с первой половины IX в.). Документальный материал рисует социально-экономические отношения эпохи, характер земельных держаний, отношения королевской власти к церкви и знати, суд и его функции.

Англосаксонского сборника формул не сохранилось. Дошли лишь отдельные формулы клятв и т. п., относящиеся к X в. и частично к более ранним векам.

Некоторые сведения о прогрессе в сельском хозяйстве, об организации феодального поместья и о крестьянском труде дают нам источники конца X — первой половины XI вв., когда процесс феодализации сделал уже значительные успехи. «Словарь» (*Vocabularium*), составленный архиепископом Кентерберийским Эльфриком (955—1000), содержит перечисление различных терминов, в том числе относящихся к сельскохозяйственным работам, орудиям, злкам, строениям и т. д. «Беседа» (*Colloquium*) того же автора (оба текста являются приложениями к латинской грамматике) имеет форму диалога между учителем и учениками. Последние очень выразительно описывают труд пахаря, волопаса, овечьего пастуха, кузнеца и др. В XI в. появляются источники, описывающие управление крупными поместьями (манорами). Таков трактат, озаглавленный «Обязанности разного рода вассалов в поместье» (*Rectitudines singularium personarum*)³, составленный около 1025 г. (возможно, что и раньше, около 1000 г.). Неизвестный автор написал его на англосаксонском языке, несколько позднее был сделан латинский перевод. Это первое в Англии руководство для управляющего несколькими поместьями, по видимому церковными, составленное с целью фиксировать обязанности держателей, разнообразных по степени зависимости. Основная масса крестьян несет тяжелую барщину, часть их имеет лишь хижину и небольшой клочок земли. Вместе с тем имеются крестьяне, обязанные лишь небольшими повинностями. В источнике указаны также права и обязанности мелких землевладельцев, которые отбывают военную службу и обязаны участвовать в постройке крепостей и мостов.

Дополнением к этому источнику является составленное тогда же небольшое руководство для управляющего большим поместьем. Наряду с перечнем обязанностей управляющего, в нем указаны сроки сельскохозяйственных работ и описан разнообразный инвентарь поместья, типичного для периода господства натурального хозяйства.

Первое из дошедших до нас исторических повествований принадлежит британскому монаху Гильдасу (около 516—570). Воспитанный еще в традициях римской культуры и хорошо владевший латинским языком, который он называл «нашим языком», Гильдас считал себя членом римского мира, а саксов именовал варварами. От их нашествий он бежал, подобно многим бриттам, в Арморикю (Бретань). В своем произведении «Жалостная книга о разорении и завоевании Британии» (*Liber querulus de excidio et conquestu Britanniae*)⁴, написанном около 560 г., он рассказал очень пышным стилем о бедствиях бриттов во время саксонских нашествий, о разрушении и сожжении городов и сел, о разорении и убийствах местного населения, о бегстве части его за море и о порабощении оставшихся на родине, об обезлюдении Кента, заселенного затем ютами и т. д. Произведение Гильдаса не представляет собой истории Британии в полном смысле слова, в нем мало имен и дат. Скорее

всего это обличительная и пламенная речь патриота, скорбящего о горькой судьбе своего народа. Автор написал свой труд уже в изгнании, в Бретани, в форме послания ко всему британскому народу и в особенности к духовенству. Он обличает политическую близорукость британских вождей, которые нанимали саксов в свое войско, а те в конце концов явились на своих длинных судах уже как завоеватели, потребовали сперва дани, затем стали грабить и, наконец, опустошили и захватили страну. Археологические памятники в целом подтверждают ход завоевания, изложенный у Гильдаса, который является единственным письменным источником для периода саксонских и прочих завоеваний первой половины VI в., но его данные достоверны лишь для юго-западной части острова. Общий же ход завоеваний, возникновение новых поселений и уровень общественных отношений у завоевателей лучше всего восстанавливаются по многочисленным археологическим данным.

В процессе вторичной христианизации Англии, после англосаксонских завоеваний, главными церковными центрами стали монастыри. В церковных школах, главным образом в Кентерберии, обучались английские и ирландские клирики. Из этой школы вышли поэт Альдхельм (около 639—709), происходивший из дома уэссекских королей и ставший затем епископом Шерборнским. Он славился в свое время филологическими произведениями, облеченными в изощренную стихотворную форму. Там же учился и первый английский историк Беда Почтенный (672—735)⁵, монах из нортумбрийского монастыря Ярроу. Его многочисленные произведения обнаруживают хорошее знание автором римской литературы и латинского языка. Сохранилась большая часть трудов Беды (сам он насчитывал 36 своих произведений) исторического и богословского характера, житий, учебников и т. п. Наибольшую ценность представляет собой «Церковная история английского народа» (*Historia ecclesiastica gentis anglorum*), начинающаяся с завоевания Британии Цезарем и доведенная до 731 г. Она написана на основе разнообразных источников, и сам автор сообщает, что записал «все, что мог узнать из старых записей, из рассказов старших и из собственного познания». Он работал среди книг богатой по тем временам библиотеки Ярроусского монастыря и был тесно связан не только с культурными центрами Англии, но и с монастырями Галлии и Италии, откуда получал нужные ему сведения и выдержки из хранившихся там документов. Даже в папском архиве по его просьбе искали письма папы Григория I к английскому духовенству. В пределах условий VII в. Беда обладал широким историческим кругозором. В первой части «Истории», доведенной до 596 г., использованы Евтропий, Орозий и т. д., а также Гильдас со внесением некоторых уточнений и деталей, например, имен вождей, имен, сохранившихся до времени Беды на надгробиях и в устной традиции. Возможно, что эта традиция в тот период уже превратилась в легенду и не обладает полной достоверностью. Последние части «Истории», охватывающие 633—731 гг., очень насыщены материалом. В них использованы ныне утраченные монастырские анналы (преимущественно нортумбрийские) и документальные источники. Субъективно Беда стремился к возможно большей точности сообщаемых им сведений. Он писал, что рассказы современников подвергал «тончайшему исследованию» (*subtilissima examinatione*), хотя и понимал, что не мог избежать погрешностей против истины. Но и объективно его труд, особенно по сравнению с другими историческими трудами тех веков, обладает большой достоверностью и является важнейшим письменным источником по истории Англии и английской церкви (содержание шире заглавия) за

597—731 гг. Большая часть фактов за этот период известна нам только из произведения Беда. Оно было источником, из которого широко черпали все последующие английские хронисты. Позднее, при Альфреде, его перевели на англосаксонский язык, что еще более способствовало его популярности.

«История» Беда не носит того ярко выраженного характера апологии королевской власти и знати, которая пронизывает исторические труды Григория Турского, Исидора Севильского и др. Беда писал еще в раннюю эпоху развития государственности и при наличии сильных пережитков родового строя. Главным предметом его восхваления является церковь. Но следует отметить, что Беда не принадлежал к ее правящей верхушке и всю жизнь провел простым монахом. Все это наложило особый отпечаток на его главное историческое произведение.

Другой исторический труд Беда «Хроника шести возрастов мира» (*Chronicon de sex aetatibus mundi*) дошел до нас в двух редакциях. Одна из них закончена 703 годом и присоединена к его же сочинению «Книга о временах» (*Liber de temporibus*). Другая составлена в 725 г. и приложена к руководству для расчета церковных праздников «О расчете времен» (*De temporum ratione*). В «Хронике» излагается всемирная история по схеме шести возрастов мира, заимствованной у Исидора Севильского. Ясное изложение и хороший латинский язык обеспечили этому труду широкое распространение в качестве учебника истории во всей Западной Европе раннего средневековья. Этому произведению Беда присущ сугубо церковный характер.

К началу IX в. относится хроника валлийца Ненния «История бриттов» (*Historia Brittonum*). Имя и биография этого хрониста очень спорны, он был, по-видимому, учеником Гвинедда (ум. около 809), епископа Уэльского. «История бриттов» дошла в нескольких редакциях, пространной, краткой, включающей предисловие, краткой без предисловия. Она является компиляцией из Иеронима, Исидора, ирландских и англосаксонских анналов, а также устной традиции. Ненний повествует о римском владычестве, о набегах пиктов и скоттов, ютов и саксов, об их борьбе с бриттами. В его произведении содержится генеалогия английских королей до 796 г. Изложение очень бессистемно, а содержание мало достоверно. Преобладают мифологический и легендарный элементы, у Ненния впервые появляется легенда о короле Артуре. Хронология очень сбивчива, иногда для одного события имеется несколько различных дат. Этот источник не может идти ни в какое сравнение с трудом Беда.

Анналы появились в английских монастырях еще в VI в. Старейшими являются анналы Линдисфарнского монастыря, охватывающие 532—993 гг. Наряду с записями о событиях чисто местного характера, в анналы часто вписывались генеалогии королей и отрывки народных сказаний и саг. По мере роста и укрепления отдельных англосаксонских королевств, многочисленные местные анналы постепенно сливались в единое целое. Так сложилась в VIII в. не дошедшая до нас «Нортумбрийская хроника» (*Chronica Northumbriae*), отрывки которой сохранились в написанной в XI в. «Истории английских королей» (*Historia regum Anglorum*) Симеона Дерамского. Нортумбрийская хроника возникла уже в период падения могущества Нортумбрии. Когда гегемония в гептархии перешла к Уэссексу, то уэссекская анналистика, в свою очередь, пережила такой же процесс централизации. Кроме того, ведущая роль Уэссекса в борьбе с датчанами обеспечила уэссекской хронике еще больший размах. Составленная при Альфреде, по-видимому незадолго до 892 г., в главном городе Уэссекса, Винчестере, «А н г л о с а к с о н с к а я х р о н и к а»⁶ является древнейшей летописью на англосаксонском языке и очень ценным историческим источником. По вопросу об ее составе, расчленении и времени написания в науке давно ведутся споры и существует несколько точек зрения, подобно тому как и в отношении «Королевских анналов», составленных при Карле Великом. Наиболее обоснованная, на наш взгляд, версия рассматривает хронику, как сложное произведение. Первоначальное ее ядро составляют винчестерские анналы

VII—VIII вв., расширенные включением в них материалов из других местных анналов (Кентерберн, Вустер, Питерборо и др.). Эта компиляция была сделана многими клириками, но общее направление исходило от короля. Англосаксонская хроника содержит историю королевской династии в связи с общей историей Англии. Первая часть охватывает период от н. э. до завоевания острова саксами. В ней много заимствований из Орозия, труд которого был в то время переведен на англосаксонский язык. Вторая часть доводит изложение до христианизации Англии. Материал взят из Беды, старых анналов и саг. Трудно сказать, когда была сделана эта часть: при Альфреде или же раньше, т. е. в конце VIII в., а при Альфреде лишь включена в Англосаксонскую хронику. Третья часть заканчивается началом IX в. и тоже составлена по Бедде и кентским, мерсийским и уэссекским анналам, но не ранее конца IX в. Для второй половины VIII в. материал очень скуден; имеются только списки королей и епископов. С 823 г. начинается четвертая, центральная, часть хроники и притом в другом духе. Рассказ о набегах викингов и борьбе Альфреда с датчанами содержит подробности, описания битв красочны. Образ короля и его подвиги поданы в героических тонах. Все повествование пронизано чувством гордости военными успехами Уэссекса и древностью его королевской династии. Соответственно этому духу хроники, в ней умалчивается о многих нежелательных для Альфреда событиях, например о неблагоприятных делах его братьев и предков. Власть и могущество короля Оффы и других мерсийских королей по тем же мотивам также не нашли отражения в хронике. До 880 г. нет сведений о событиях на континенте, затем упоминается о набегах норманнов на Францию и о распаде каролингской империи.

Четвертой частью кончается хроника, составленная при Альфреде. Она была тогда же переписана в нескольких экземплярах и списки разошлись по монастырям. Старейшая из дошедших до нас рукописей хроники, рукопись Паркера (Parker Ms *), была переписана в X в. с одного из таких списков. Интересно отметить стремление Альфреда пропагандировать определенную версию истории Англии, версию, подчеркивавшую главенствующую роль короля. Это должно было еще больше укрепить авторитет Альфреда, настоящее и прошлое значение Уэссекса и его королевской династии. В этом отношении политическое значение хроники аналогично такому же значению анналов, составленных при Карле Великом.

После Альфреда Англосаксонская хроника несколько изменила свой характер. Сократился материал, местные уэссекские события выступили на первый план. Если за годы 911—924 еще имеются обильные факты по истории войн, то за период поражений и установления датского владычества (925—975) исторические сведения почти отсутствуют. Этот пятидесятилетний перерыв был впоследствии заполнен поэтическими произведениями: историческими песнями о войнах с датчанами. С 975 г. централизованная анналистика снова распадается на отдельные местные монастырские летописи. К Англосаксонской хронике, копии которой хранились в монастырях, стали составляться продолжения — в каждом монастыре свое. Эти копии как бы начали самостоятельную жизнь, продолжавшуюся в некоторых случаях до XII в. Вследствие этого в сохранившихся рукописях хроники содержатся различные ее редакции. Они чрезвычайно ценны также и для истории развития английского языка в X—XII вв., так как написаны на местных диалектах. В одной фразе

* Ms означает manuscriptum, т. е. рукопись.

ногда имеются английские и латинские слова; с XI в. заметно постепенное внедрение французских слов.

С XI в. даже на родине Англосаксонской хроники, в Винчестере, анналы становятся очень скудными и отражают преимущественно церковные события. То же самое следует сказать о Кентерберийских анналах. Лишь в Абингдоне, центре бенедиктинской реформы, в правление короля Этельреда (983—1018) наблюдается известное оживление и в анналах сохранились данные о страшном опустошении страны датчанами. Продолжение Абингдонских анналов доведено до битвы при Гастингсе. Анналы Вустера и Извема доведены до 1079 г., в них помещен рассказ об этом сражении. Редакция Абингдонских анналов с 1022 г. продолжена в августинском Кентерберийском монастыре, затем с 1121 г. переписана в Питерборо с местными добавлениями и продолжена разными лицами до 1154 г.

В конце X в. Этельвердом, родственником короля Этельверда I, была составлена «Хроника английских событий» (*Chronicon de rebus Anglicis*). Светский человек в качестве автора хроники — факт очень редкий в те века, когда церковь почти монополюно владела образованием и письменностью. Хроника Этельверда, не обработанная по языку и композиции, достоверна по содержанию. Она охватывает период с начала нашей эры до 975 г.; для истории полезна с 450 г. В ее составе до нас дошла одна из редакций Англосаксонской хроники, сохранившаяся только в этой латинской обработке.

Древнейшая история Уэльса записана в «Кимврийских анналах» (*Annales Cambriae*), составленных около 954 г. в монастыре св. Давида. Эти анналы были затем использованы всеми позднейшими хронистами. Сведения по истории Уэльса находим также у Гильдаса и Ненния. Начиная с VI в. появляются жития, главным образом аббатов уэльских монастырей.

Биографию Альфреда, составленную в 893—894 гг. епископом Шерборнским Ассером (ум. после 904), нельзя считать подражанием Эйнгарду, несмотря на чрезвычайную популярность «Жизни Карла Великого». Правление Альфреда пришлось на очень важный этап в развитии Англии, а личность и деятельность этого короля были достаточно значительными, чтобы привлечь внимание биографа, особенно в IX в., когда этот жанр исторического повествования был уже довольно распространен. Кроме того, перед автором жизнеописания Альфреда стояла еще и определенная политическая задача. Простой монах родом из Уэльса, Ассер сделался затем епископом. Труд его «Жизнь Альфреда, короля англосаксов» (*Vita Alfredi anglosaxonum regis*)*⁷ написан на латинском языке и охватывает 855—887 гг., не затрагивая последних 14 лет жизни короля. Эта биография была составлена главным образом для Уэльса и Корнуоля, т. е. еще самостоятельных кельтских областей, с целью пропагандировать в них деятельность Альфреда. Ассер основывается на данных Англосаксонской хроники, но выпускает те записи, где речь идет о победах над бриттами. Упоминание об этих событиях не входило в его задачу. Зато он всячески восхваляет победы короля над общим врагом кельтов и англосаксов — датчанами. Некоторые историки считают труд Ассера подделкой XI в., но вернее, что в то время в него были внесены некоторые вставки.

Следует упомянуть о переводческой деятельности Альфреда. Выучившись уже в зрелом возрасте латинскому языку и письму, он перевел с помощью своих приближенных (Ассера, франка Гримбальда и др.) на англосаксонский язык всемирную историю Орозия, историю Англии Беды, трактат римского философа VI в. Боэция и «Пастырское правило» (руководство для священников) папы Григория I. Переводы не следуют точно текстам оригиналов; это скорее переделки с пропусками и дополнениями. Так, например, к труду Орозия, т. е. автора, весьма мало знакомого с географией и историей Севера, сделаны интересные вставки о путешествиях датчан и англосаксов к Белому и Балтийскому морям. К трактату Боэция был добавлен исторический очерк. Самый круг этих переведенных произведений, расширивший

* Он известен и под другими заглавиями: *Annales rerum gestarum Alfredi*, *Gesta Alfredi*, *Historia de rebus gestis Alfredi*.

объем литературы на англосаксонском языке, хорошо характеризует состояние просвещения в Англии в конце IX в.

До нас дошли и другие биографии английских политических и церковных деятелей донормандского периода: мерсийского короля Кенельма (IX в.), Эдуарда Исповедника, многих епископов. Всем этим биографиям в той или иной мере присущ характер жития (король Кенельм был канонизирован, а Эдуард отличался особым благочестием), но почти во всех имеется материал по политической и культурной истории Англии. К периоду датского владычества относится произведение безымянного монаха из богатого фландрского монастыря св. Бертина, озаглавленное «Деяния короля Канута» (*Spilonis regis gesta* или *Episcopium Eptiae*, по имени жены короля). В нем описаны события за 1012—1042 гг. и особенно подробно деятельность Канута. Ради прославления последнего автор в некоторых случаях допустил неточности, в других — сознательно исказил исторические факты.

Если Англосаксонская хроника является лучшим образцом староанглийской прозы, то среди богатого поэтического наследия тех веков лучшим образцом следует считать сагу о Беовульфе. Это единственная из старогерманских эпических поэм, дошедшая до нас полностью. Она повествует о подвигах героя Беовульфа, в том числе об его борьбе с морским чудовищем, в поединке с которым герой погиб. Первоначальное ядро эпоса сложилось в начале VI в. еще на континенте. Англы принесли его в Британию, где он был разукрашен многочисленными вставками и в VII в. получил окончательную форму (единственная рукопись, сохранившая текст саги, относится к X в.). Некоторые другие саги и баллады, воспевающие подвиги и битвы знаменитых воителей, дошли до нас в составе Англосаксонской хроники, о чем уже упоминалось. Таковы «Песнь о Бреннанбургской битве» 937 г., когда король Этельстан разбил датчан, а также «Баллада о Мельдонской битве» 991 г., в которой воспета героическая смерть эссекского олддермена Бирхтота. Все эти поэмы илагают исторические факты в своеобразном преломлении; для истории же быта, нравов и верований они являются ценнейшими источниками, не говоря о том, что они свидетельствуют о высоком поэтическом чувстве, присущем сложившемуся их народу.

В первых главах своего незаконченного труда «История Ирландии»* Энгельс уделил много внимания древним ирландским источникам. В его переписке с Марксом также имеются очень интересные данные, свидетельствующие об его упорной работе над изучением этих источников.** Общее состояние источников по древней истории Ирландии (до начала английского завоевания, т. е. до XII в.) Энгельс описывает следующим образом: «Писатели греческой и римской древности, а также отцы церкви сообщают очень мало сведений об Ирландии. Зато существуют довольно обширная местная литература, которая, несмотря на гибель во время войн XVI и XVII веков множества ирландских рукописей, все же довольно богата. Она содержит вирши, грамматики, глоссарии, летописи и другие исторические сочинения, а также юридические сборники»***

Рассмотрим в первую очередь древние ирландские законы, рисующие общественный строй народа.

Хранителями и истолкователями ирландского обычного права, сперва в устной традиции, а затем, с конца V в., и письменной, были брегоны, составлявшие особое сословие. Они являлись знатоками законов и юридически обосновывали решение, принятое судом, т. е. народным собранием. Их обязанность заключалась не в том, чтобы судить (*judicare*),

* Архив Маркса и Энгельса, т. X.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 263, 273, 280, 282, 285, 328, 336, 339—340, 342.

*** Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 81.

но в том, чтобы «говорить закон» (*jus dicere*). Письменные юридические сборники назывались трактатами брегонгов и представляли собой запись судебных решений, иногда даже с упоминанием имен тяжущихся и судей, т. е. запись живой судебной практики. С течением времени трактаты пополнялись новыми приговорами и отражали тем самым процесс известного развития общественных отношений и права. Многочисленные сборники такого рода были составлены в разное время. Они отображают все стороны социально-экономической жизни древней Ирландии, в том числе и земельные порядки. Древнейшим из этих сборников является *Сенхус Мор* (*Senchus Mór*)*. Энгельс проделал над этим источником большую исследовательскую работу и разоблачил его искажение в английской историографии.* Дошедшая до нас редакция этого памятника относится к началу XI в. Сенхус Мор содержит стихотворные древнейшие юридические формулы. Во второй половине сборника имеются куски прозаического текста, принадлежащие составителям.

Запись этих законов была сделана, несомненно, задолго до нашествия англичан. Грамматические глоссы написаны по большей части уже после английского вторжения, но они могут быть использованы (с известной осторожностью) как источники и для более древнего периода.

Сенхус Мор содержит залоговое право, т. е. примерно, все судопроизводство; право, касающееся заложников; право, относящееся к различным видам зависимых земельных держаний и семейное право. В письме к Марксу от 29 апреля 1870 г. Энгельс характеризует отраженные в законах ирландские порядки как сложные, а не простые отношения.** Основой для такого суждения является наличие в источнике свидетельств о формах зависимости, характерных для ранней ступени процесса классовобразования, однако при очень сильных пережитках родового строя вообще и особенно в землепользовании. Имеются данные о развитом хлебопашестве (культура пшеницы, ячменя и овса) и скотоводстве. Нет упоминаний о деньгах, и размеры всех штрафов выражены в количестве скота.

Древнейшие ирландские анналы возникли, повидимому, в крупном монастыре Бангоре в VII в. (возможно, что и раньше). В их первоначальной, ныне утраченной, редакции записи об ирландских событиях помещались в особой колонке, параллельной тексту хроники Евсевия — Иеронима с продолжением Проспера Тирона. Впоследствии эта форма исчезла и история Ирландии была сведена воедино. Так возникли анналы Инисфаллена, а также Уолстера, в которых изложение событий начато только с V в. Другие анналы дошли до нас в позднейшей переработке аббата Тигернаха, жившего в XI в., и в очень поздней по времени составлении (XVII в.), но точной по передаче старых текстов, компиляции «четырех магистров» (т. е. хронистов), монахов Донегальского монастыря.

Первые данные, записанные в анналах, относятся к мифической предистории. Это старинные народные предания, приукрашенные поэтами IX и X веков и затем приведенные в хронологический порядок монахами-летописцами. В анналах мы находим (помимо чисто местных событий) сведения о многократных нашествиях на остров иноземных племен и о борьбе с ними местного населения, затем о бесконечных междоусобных войнах областных королей, а также записи о норманских завоеваниях и поселениях. Битва при Клонтарфе (близ Дублина) в 1014 г., в ко-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 328.

** Там же.

торой владычество норманнов было навсегда сломлено, подробно описана как в ирландских анналах (главным образом по рассказам участников), так и в исландской саге о Ниале. Энгельс оценивает эти показания следующим образом: «Принимая во внимание варварство той эпохи, следует сказать, что наши сведения об этой битве достаточно обстоятельны и достоверны; немного найдется сражений в XI в., о которых мы имели бы такие определенные и совпадающие друг с другом свидетельства обеих враждебных стран».*

Ирландские саги и вообще весь богатый кельтский фольклор воспроизводят с чрезвычайной яркостью быт и нравы древних ирландцев. Из этой сокровищницы народной поэзии широко заимствовали свои сюжеты авторы позднейших рыцарских романов, большая часть которых представляет собой модернизацию в духе XII—XIII вв. старых кельтских легенд (романы о короле Артуре, о Тристане и Исольде и др.). Чрезвычайно богата также ирландская агиография, по своему типу тесно смыкающаяся с народным творчеством. Особенно интересны как исторический источник древние жития, отражающие своеобразную культуру ирландского духовенства VI—VIII вв., литературное образование которого Энгельс назвал для тех времен необычайным.** Древнейшими ирландскими житиями считаются жития Патрика (на латинском языке с дополнениями на ирландском) и Мартина. Оба текста были списаны в 807 г. в Армагском монастыре в одну рукопись, «Армагскую книгу», представляющую собой один из старейших памятников ирландской письменности, также очень своеобразной по типу письма и особенно по искусно выполненным цветным украшениям рукописей. Миссионерская деятельность ирландских монахов на островах и на континенте описана в житиях Колумба (умершего в 615 г. в основанном им ломбардском монастыре Боббио), Галла (основателя знаменитого Санкт-Галленского аббатства вблизи Боденского озера в Швейцарии) и многих других.

Что касается Шотландии, то следует отметить, что в этой отдаленной и гористой стране родовой строй держался чрезвычайно долго и упорно, и письменность появилась поздно. Поэтому все известия о древней шотландской истории извлечены из англосаксонских, ирландских и скандинавских источников. Собственная историография появилась там только в конце XII в. в виде «Англо-Шотландской хроники» (*Chronicon Anglo-Scoticum*), составленной безымянным шотландским монахом и охватывающей период от завоевания Цезарем Британии до 1189 г. Древняя часть (до 731 г.) изложена по труду Беды, с 1065 до 1129 г. — по Симеону Дерамскому, затем до конца — по современным автору источникам.

* Архив Маркса и Энгельса. т. X, стр. 98.

** Там же, стр. 92.

ГЛАВА VI

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ (с середины VII в.)

Славянская колонизация способствовала обновлению общественно-го строя Восточной Римской империи. Она возродила еще сохранявшуюся там в некоторых местах сельскую общину и распространила ее повсеместно. На этой основе и в процессе ожесточенной классовой борьбы развилось феодальное византийское общество. Этот процесс сопровождался постепенным превращением Восточной Римской империи, конгломерата племен и народностей в феодальное государство по преимуществу греческой народности, с территорией, включавшей лишь восточную часть Балканского полуострова, Пелопоннес, острова Архипелага и часть Малой Азии. Переселившиеся на Балканский полуостров славянские народы вскоре образовали там самостоятельные феодальные государства (Болгарию, Сербию, Хорватию). История этих государств отражена главным образом в источниках сербских, болгарских и т. п., но немало сведений о них сохранилось и в византийской историографии. В политической истории Византии середины VII—IX вв. главное место занимает напряженная внутренняя борьба, вылившаяся в форму иконоборческого движения. Внешнее положение было в то время весьма опасным из-за многократных нападений болгар, арабов, авар и т. д.

Современные источники для истории этого периода сравнительно скудны, что объясняется не только плохой сохранностью памятников византийской письменности вообще, но и тем, что после победы в IX в. партии иконопочитателей последние с особым усердием уничтожали литературу иконоборческого периода (717—843). Число сохранившихся от этого времени источников столь невелико, что некоторые буржуазные византилисты называют VII—IX вв. «темными веками» византийской культуры и считают, что в это время в Византии совсем прервалась историческая традиция. Это — несомненное преувеличение; но все же для изучения политической истории империи VIII—начала IX в. приходится пользоваться преимущественно произведениями писателей IX в. и даже X в. — хроникой Георгия Амартола, «Бревиарием» патриарха Никифора, исторической энциклопедией Константина Багрянородного, а также житийной литературой.

Отсутствие документального материала очень затрудняет исследование производственных отношений в Византии VII—IX вв. Сохранилось лишь небольшое количество египетских папирусов.

Документальных источников по истории социально-экономических отношений в VII—IX вв. не сохранилось. В связи с этим правовые памятники приобретают первостепенное значение. Важнейшим источником для истории аграрных отношений рассматриваемого периода является «Земледельческий закон»¹ — свод византийско-славянского

обычного права, оформленный и узаконенный в VIII в. (возможно, что во второй его половине). Об его широком распространении свидетельствует множество сохранившихся списков греческого текста, равно как и славянские переводы и переработки.*

«Земледельческий закон» во многом напоминает правды германских народов и тоже представляет собой судебник, т. е. перечень наказаний и штрафов за различные правонарушения. В нем имеются данные, свидетельствующие о широком распространении в византийской деревне хлебопашества, виноградарства, садоводства и скотоводства, сведения о технике сельского хозяйства, о быте сельских общин, об их социальном составе (свободные общинники и рабы), о платежах крестьян землевладельцам и государству и т. д.

В «Законе» отражена жизнь типичной соседской общины; пахотные земли находятся в частном владении свободных земледельцев-общинников; существуют еще неподделанные «общие места» и мельницы, которые принадлежат всей общине. Сельская община выступает в тяжбах с соседними селами по поводу границ земли. В общине началось расслоение крестьянства, так как в законе говорится о земледельцах, не могущих обработать свои участки и даже покидающих их. С другой стороны, зажиточные крестьяне, владеющие не только скотом и орудиями труда, но и рабами, присваивают земли соседей. Община сообща уплачивает государственные подати.

Буржуазные ученые не дали правильной оценки «Земледельческого закона». Одни из них, признавая в нем наличие общинных порядков, считают, однако, эти порядки присущими только славянским народам и не понимают, что свободная община является необходимым этапом в процессе зарождения феодальных отношений.

Другие буржуазные исследователи (например, Острогорский) относят составление «Закона» к VII в. и, отрицая самый факт существования в Византии сельской общины, стараются представить последнюю лишь как организацию, связанную круговой порукой для уплаты податей. Сторонники обеих точек зрения совсем не учитывают борьбы крестьянства, вызвавшей опубликование «Земледельческого закона».

Иной характер имеет другой правовой памятник VIII в. — «Эклога закона»², равно как и последующие сборники законов IX в. Все они представляют собой переработки кодекса Юстиниана. Сохранение в Византии товарно-денежных отношений объясняет длительную жизнь этого свода римского права, составленного еще в рабовладельческой империи. Но в условиях складывания феодализма он не мог остаться целиком неизменным и все время подвергался переработкам или получал добавления. Поэтому весь комплекс таких сборников права является важным источником для истории процесса развития византийского феодализма.

«Эклога» была издана в 726 г. Львом III и Константином V. Этот краткий свод гражданского и уголовного права имеет целью укрепить формирующиеся феодальные отношения и защитить интересы крупных землевладельцев. В «Эклоге» можно проследить прогрессирующую дифференциацию в среде свободных: немущие (апоры) несут более тяжелые наказания, чем состоятельные люди. Вместе с тем видны и пережитки рабства, например признается право господина убить раба. В предисловии говорится о необходимости внесения в законы большего человеческого доброты, о борьбе с незаконными поборами судей, о введении бесплатного суда. Эти характерные для законодательства иконоборческого периода демагогические декларации буржуазные ученые склонны принимать за чистую монету; поэтому они восхваляют социальные реформы императоров-иконоборцев, игнорируя классовый характер их политики и законо-

* См. стр. 105.

дательства. Источниками по истории иконоборчества служат также акты церковного собора 754 г., осудившего иконопочитание (отрывки из этого источника сохранились в актах VII вселенского собора 787 г.).

Записью обычного права, подобного «Земледельческому закону», является «Морской закон»³, из которого могут быть извлечены важные данные о морской торговле в византийском государстве. Этот памятник, сложившийся в VII—IX вв. (точнее датировать его не оказалось возможным), содержит сведения о взаимоотношениях между морями и путешествующими морским путем торговцами и о грузах, перевозившихся морем; так, в «Законе» упоминаются драгоценные металлы и камни, ткани, одежды, утварь, вино, зерно, оливковое масло. Отсутствие в этом источнике каких-либо конкретных указаний на место его действия или возникновения (кроме общего наименования «Родийский», т. е. относящийся к острову Родосу) объясняется его назначением как законодательного акта, статьи которого излагались в обобщенной форме.

Дальнейшее развитие феодальных отношений в IX в. отражено в законодательстве Македонской династии. Наступление динатов (военно-служилой знати) на свободное крестьянство и обострявшаяся классовая борьба заставили правительство издать ряд законов, с помощью которых правительство пыталось несколько оградить притязания динатов и сохранить свободное крестьянство — основу византийской армии и налогоплательщиков. Но эти законы, как правило, оставались только на бумаге и даже не раз отменялись самим правительством. Во второй половине IX в. были изданы два правовых памятника: «Прохирон» («Ручная книга», т. е. руководство) и «Эпанакота» («Добавление»), составленные в 870—879 гг. и в 879—886 гг. на основе восстановленного Василием I (867—886) законодательства Юстиниана. Несколько позже, между 886 и 912 гг., был закончен начатый еще при Василии I сборник «Василики»; в нем отражен процесс разорения и закрепощения крестьянства. «Василики» представляют собой последний свод византийских законов; новеллы XI—XV вв. уже не были кодифицированы. Этот сборник является главным образом компиляцией из кодекса Юстиниана, который в дальнейшем оказался почти полностью вытесненным «Василиками», дополненными при Константине Багрянородном.

Как уже указывалось, источниками для политической истории всего периода середины VII—IX вв. служат преимущественно памятники IX в., так как почти вся литература иконоборческого периода погибла. Тем ценнее те скудные источники VII—VIII вв., которые дошли до нас.

Поскольку история VIII—IX вв., т. е. периода иконоборчества, представлена только в источниках, принадлежащих авторам — представителям враждебной иконоборчеству партии иконопочитателей, сведения этих писателей об иконоборцах, как правило, изложены в открыто враждебном духе. Важнейшее место среди этих источников занимает «Хронография» Феофана Исповедника (середина VIII в. — около 817 г.)⁴, одного из активных иконопочитателей. Феофан продолжил хронику, начатую Георгием Синкеллом (ум. около 810) и составил историю событий от Диоклетяна (284 г.) до 813 г.

При написании первых частей своей «Хронографии» Феофан пользовался рядом исторических сочинений (между прочим, поэтическими произведениями Георгия Писиды), составив на основании их обычную компиляцию. Что же касается важнейшей части его труда, охватывающей VII в. — 867 г. (до восстановления иконопочитания), то для нее был использован (не всегда умело) не сохранившийся исторический труд неизвестного автора, написанный в период иконоборчества в тоне восхвале-

ния императоров-иконоборцев. Феофан, как представитель враждебной партии, устранил из своего сочинения все, что могло послужить к прославлению ненавистных ему иконоборцев.

Для событий VII в. и периода иконоборчества труд Феофана является самым ранним и до известной степени современным источником. Содержащиеся в нем конкретные (хотя и не всегда точные) сведения дают много для понимания иконоборческого движения, хотя, в силу своей тенденциозности, автор подчеркивает и преувеличивает гонения иконоборцев на монашество. Он подробно и старательно описывает нападения на империю внешних врагов и разные стихийные бедствия (землетрясения, моровые язвы, извержения вулканов и т. п.), считая все эти несчастия божьим наказанием, ниспосланным на страну, находившуюся во власти нечестивых императоров.

Несмотря на указанные недостатки, в «Хронографии» содержится немало важных сведений о внутренней и внешней политике империи VII—IX вв., о движении павликиан, а также о славянах: о службе славян в византийских войсках, о восстании славян в Македонской Славнии, в результате которого Юстиниан II (681—695, 705—711) насильственно переселил славян в Малую Азию, о совместной осаде славянами, персами и аvaraми в 617 г. Константинополя, о походах византийских императоров против переселившихся на территорию империи славян.

«Хронография» Феофана была очень популярна, о чем свидетельствует тот факт, что она сохранилась не только в большом числе списков, но также в извлечениях у многих позднейших византийских писателей (например, у Георгия Амартола, Кедрина, Константина Багрянородного)*.

Другим ценным источником для истории иконоборческого периода является «Бревиарий» патриарха Никифора (середина VIII в.—829 г.)⁵, видного политического и церковного деятеля позднейконоборческого периода. Ценность «Бревиария» заключается прежде всего в том, что охватываемый им период истории Византии (602—769 гг.) слабо освещен в других источниках. Этот труд, для написания которого Никифор пользовался тем же неизвестным сочинением, что и Феофан для своей «Хронографии», написан объективнее и в более сдержанном тоне, чем писал Феофан, однако заметно стремление автора замалчивать неудачи во внешней политике. Особенно ценными являются сообщения «Бревиария» о персидских войнах Ираклия, о совместных набегах на Византию аваров и славян, причем даются некоторые сведения о применявшейся этими племенами военной технике (деревянные башни и военные машины «черепахи»).

Хроника Георгия Монаха, или Амартола (IX в.)⁶ составлена в правление Михаила III (842—867). Византийской истории от Константина Великого (306—337) до 842 г. посвящена лишь последняя из четырех книг. Несмотря на то, что эта хроника является довольно неумело составленной и сбивчивой компиляцией из сочинений историков VI—VIII вв. (Иоанна Малалы, Феофана Исповедника, патриарха Никифора, а также из некоторых житий), она получила широкое распространение и известна в большом числе греческих списков, а также в многочисленных извлечениях и переводах на болгарский (X в.), сербский (948 г.) и древнерусский (XIII в.) языки. Популярность хроники Амартола объясняется легкостью изложения и обилием легендарного материала, т. е. качествами, делавшими эту хронику занимательным чтением и привлекавшими к ней внимание средневекового читателя.

* См. стр. 268 и сл.

Для истории первой половины IX в. хроника Амартола (813—842) является почти единственным современным источником, что и заставляет обращаться к ней, несмотря на все указанные недостатки.

Необходимо отметить, что сведения о классовой борьбе IX в. (восстание Фомы Славянина и др.) содержатся главным образом в произведениях историков X в.* Это объясняется, повидимому, тем, что современных материалов этого периода сохранилось немного; некоторые же утраченные сочинения были использованы авторами X в. нередко очень подробно.

Ценными источниками для истории VII—IX вв. являются агиографические памятники.

К VII в. относится житие патриарха Александрийского Иоанна Милостивого, написанное епископом г. Неаполя Леонтием (590—668). Предназначенное для народа, оно содержит много реалистически обрисованных бытовых черт и потому очень интересно для этой стороны истории византийского Египта незадолго до его завоевания арабами в 641 г.

В начале VII в. был написан также палестинским монахом Иоанном Моском «Луг Духовный», или «Лимонарь» — сборник рассказов об аскетических, религиозных и филантропических добродетелях монахов Египта, Синая, Сирии, Малой Азии и Кипра; все эти местности Иоанн Моск объездил около 600 г. со своим другом софистом Софронием. Ценность «Лимонаря» как источника заключается в живой характеристике отдельных лиц, в жизненности изображаемых ситуаций, в бытовом характере рассказов, сюжеты которых взяты из окружающей автора жизни, наконец в топографических сведениях (названиях местностей и монастырей).

Период послееконоборческий (IX и отчасти X вв.) является временем расцвета византийской агиографии. В IX в. победившая партия иконопочитателей употребляла все средства для возвеличивания своих сторонников, пострадавших во время иконоборчества, а в X в. Симеоном Метафрастом был составлен большой свод житий святых, переработанный им применительно к требованиям официальной церкви.

В IX в. были составлены жития патриархов Тарасия и Никифора, царицы Феодоры, Феодана Исповедника, Феодора, Платона и Николая Студитов и др. В этих житиях немало внимания уделяется богословским вопросам, но имеются также и культурно-исторические данные.**

В качестве источников для истории периода иконоборчества следует также назвать литературное (особенно эпистолярное) наследие одного из наиболее активных борцов за иконопочитание — игумена Студийского монастыря Феодора. Ему принадлежат не только сочинения по вопросам богословия, но также монастырские уставы и обширная переписка, в которой идет речь об обстоятельствах жизни самого Феодора, его приближенных и корреспондентов.

Наконец, среди источников IX в. необходимо указать произведения патриарха Константинопольского Фотия (858—867, 878—886) — видного государственного деятеля, ученого, автора произведений по философии, богословию, церковному праву. Ему же принадлежат многочисленные беседы и письма, большей частью касающиеся вопросов церковной догматики и полемики (важно его сочинение «Против павликиан», так как в нем имеются данные и относительно ереси и о самом движении в целом); однако некоторые из них посвящены историческим событиям, например известные беседы Фотия о нашествиях Руси на Константинополь. Очень важна «Библиотека» Фотия (известна под названием «Мириобиблион»), состоящая из отзывов о книгах, прочитанных Фотием и его друзьями; эти отзывы представляют собой иногда беглые заметки, а иногда довольно обстоятельные рефераты с биографическими сведениями об авторах и с выдержками из их произведений. В пестром переплетении, вне систематического порядка, следуют отзывы о сочинениях по грамматике, истории, философии, риторике и медицине, а также о житиях святых и др. Наиболее ценными являются сведения об исторических сочинениях, так как среди них встречаются данные о трудах, полностью или частично утраченных, как античных, так и ранневизантийских историков.

* См. стр. 270.

** К этому же периоду относится составление чрезвычайно важных для истории Руси житий Георгия Амастридского, Стефана Сурожского и Иоанна Готфского.

ГЛАВА VII

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН (с VII в.)

Размещение славянских народов на территории Центральной Европы и Балканского полуострова, их материальная культура и общественный строй (вплоть до IX в., когда у некоторых из них появились свои письменные источники) известны главным образом по археологическим данным, которые свидетельствуют о сравнительно высоком уровне земледелия и некоторых ремесел, о торговых связях с другими народами, о наличии укрепленных городищ, о складывании племенных княжеств и т. д. Некоторые скудные известия, преимущественно по политической истории, имеются во франкских и византийских источниках. Старые полулегендарные предания об основании городов, о родовых старейшинах и о первых князьях сохранились в позднейших чешских, польских и хорватских летописях.

Как уже упоминалось,* во франкской хронике Западные славяне же Псевдо-Фредегара VII в. дошло до нас краткое сообщение о первом из славянских государственных объединений, образовавшемся во второй четверти VII в. — о княжестве Само. Автор хроники знал о славянах, повидимому, из рассказов франкских купцов, занимавшихся торговлей в славянских землях, а также от кого-либо из франков — участников похода против Само. Возможно, что он пользовался письменными источниками северо-итальянского происхождения, содержащими ценные сведения о западных славянах. В 48-й главе четвертой книги хроники рассказывается об успешном восстании славян против аваров и о княжении Само, а также о неудачном походе франкского короля Дагоберта против славян. Автор называет Само франкским купцом, но этому противоречит указание на то, что он был язычником (франки в VII в. были христианами), да и имя звучит более по-славянски, чем по-франкски.

Два позднейших источника: франкская хроника начала IX в. *Gesta Dagoberti regis*** и так называемое «Обращение баваров и хорутан» (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*¹, нечто вроде исторической справки о правах зальцбургского епископа в славянских странах, составленной в 871—872 гг. в Баварии), целиком опираются, прямо или косвенно, на данные хроники Псевдо-Фредегара. Но характерно, что в «Обращении» Само прямо назван славянином, очевидно на основе местной и уже длительной традиции.

За период с середины VII и до начала IX вв. в письменных источниках не сохранилось сведений о западных славянах. В начале IX в., в свя-

* См. стр. 66.

** См. стр. 86.

зи с походами франков в славянские земли, во франкских анналах вновь появляются записи о славянах, сопредельных с каролингской империей. В биографии Карла Великого Эйнгарда* мы находим в главе 12-й сведения о полабских славянах и о войнах франков с ними.

Очень важные сведения о расселении славян в Центральной Европе и в придунайских областях встречаются у «Баварского Географа» (Geographus Bavaricus)². Так именуется в науке безымянный труд, составленный в Баварии между 866 и 890 гг. Автор его преследовал практическую цель — дать баварским купцам в их путешествиях по славянским землям нечто вроде путеводителя. В нем перечислены различные славянские племенные княжества, указаны занимаемые ими области и количество укрепленных пунктов.

Сведения о Великоморавской державе имеются в византийских и франкских источниках, использованных впоследствии в чешских анналах. Важные известия о начале славянской письменности и о деятельности Кирилла и Мефодия содержатся в их житиях³, сохранившихся в нескольких редакциях конца IX в.: «старославянской» (на древнесербском языке), приписываемой ученику Кирилла болгарскому архиепископу Клименту, «папийской», на латинском языке (наиболее подробной), «римской» и в других, более поздних житиях на славянских и латинском языках.

В Фульдских анналах** имеются записи о некоторых событиях чешской истории: под 845 г. сообщено о крещении в Регенсбурге 14 чешских родовых старейшин, под 872 г. поименованы 5 чешских князей и старший над ними Горивой (искаженное имя князя Борживоя) и т. д.

Сведения о южных славянах VII—IX вв. Южные славяне почерпнуты главным образом из византийских источников. Следует отметить тенденциозность последних в сообщении и истолковании некоторых фактов из истории славянских народов. Так, например, от византийских писателей пошло ложное утверждение, будто начало болгарскому государству было положено завоеванием Аспаруха. В действительности славяне уже имели в ту пору свое государство («семь славянских племен»).

Для начала VIII в. имеются изложения содержания политических и торговых договоров Болгарии с Византией. Договор 716 г. обязал всех болгарских и византийских купцов иметь специальные печати.

В Болгарии получил широкое распространение в переводах и в переработках византийский «Земледельческий закон»***, что свидетельствует об одинаковом, примерно, уровне развития аграрного строя в обеих странах. По мирному договору 679 г. Византия признала самостоятельность славяно-болгарского государства.

Для начала IX в. в труде византийца Свиды**** сохранился, к сожалению в полуполюгендарном изложении, пересказ собственно болгарских законов князя Крума (802—814). Этот законник обрисовывает крупные сдвиги в феодализирующемся болгарском обществе. Старое обычное право, державшееся в устной традиции, подверглось в новых законах значительным изменениям в интересах усилившейся знати. Был введен новый порядок судопроизводства (без ордалий), выгодный для феодалов. Жестокое наказание грозило ворами, нищим, бродягам и разрушителям права частной собственности.

* См. стр. 81—82.

** См. стр. 86.

*** См. стр. 99—100.

**** См. стр. 269—270.

Многочисленные археологические данные (глиняные и медные соуды, железные изделия и т. п.) свидетельствуют о быстром развитии в VIII—IX вв. в Болгарии производительных сил, о наличии ремесленников-профессионалов. Развитие земледелия, высокий уровень ремесла и начальная стадия его отделения от земледелия, все это влекло за собой дальнейшее развитие производственных отношений, что нашло отражение в судебнике, составленном в конце IX в., — «Законе судном людем»⁴, древнейшем из сохранившихся памятников славянского феодального права. Он дошел до нас в двух редакциях: пространной и краткой. Составители использовали старые болгарские обычаи и (до некоторой степени) краткий свод византийского права 726 г. «Этолог законов»⁵, но переработали его в применении к болгарским условиям, употребляя при этом лишь славянскую терминологию. «Закон судный людем», охраняя развивающуюся феодальную собственность, устанавливая штрафы и наказания за преступления и проступки, еще более укреплял экономические и политические позиции знати. За покушения на частную собственность, за участие в восстаниях и т. п. полагалась смертная казнь. Христианская церковь и ее установления поддерживались и защищались законом. Знать пользовалась на суде, по сравнению с простыми людьми, некоторыми привилегиями. Из «Закона» явствует наличие в Болгарии в то время обедневших и разоренных крестьян, попадавших в долговую кабалу, а также рабов из военнопленных, должников и преступников.

Другим интересным источником для картины общественного строя IX в. является текст «Ответов лапы Николая». В конце IX в., в связи с христианизацией Болгарии, послы болгарского князя Бориса предложили папе ряд вопросов. В «Ответах» на эти вопросы имеются хотя и отрывочные, но ценные сведения о болгарском праве, о положении отдельных слоев общества (например, о рабах) и о быте болгар.

В составе русских хронографов (так называемого «Еллинского летописца» и др.) сохранился краткий, но весьма важный источник на древнеславянском языке с примесью слов тюркской языковой группы, названный «Именник болгарских ханов». В нем содержится перечень протоболгарских (т. е. еще тюркских) ханов с середины II в. до середины VIII в., указано время их правлений и даны кратчайшие сведения по истории протоболгар. Предания о первых веках носят легендарный характер, с конца VI в. данные точны и по большей части нигде больше не встречаются. Некоторые сведения о знати и дружинниках содержатся в надгробных надписях.

В IX в. в Болгарии велись краткие записи событий, о чем свидетельствуют более поздние источники (середины XIV в.), в которых использованы эти записи.**

Отрывочные сведения о сербах, словенцах и хорватах имеются во франкских и византийских источниках. В IX в. в них упомянуты имена сербских князей, властителей Диоклии, Рашки и т. д. Первыми из дошедших до нас источников по истории хорватского государства IX в. являются ценнейшие грамоты хорватских князей Терпимира (837) и Мутимира (892), пожалованные монастырю Салони. В них есть данные о городах, о положении старшин, о княжеской власти и вечевых собраниях, о рабах и т. п.

* См. стр. 100.

** См. стр. 280—281.

ГЛАВА VIII

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ X—XV вв.

Вторым крупным разделом истории западноевропейского феодального общества являются X—XV вв. — время значительного роста производительных сил и отделения ремесла от сельского хозяйства, время полного развития феодальных производственных отношений и, начиная с XIV в., начального этапа их разложения в связи с развитием товарно-денежных отношений. Феодальная надстройка — государство, право, церковь и т. д. приобрели в этот период законченные формы. Эти процессы проходили в отдельных странах не вполне одновременно и имели ряд своеобразных особенностей, что и привело, в конечном счете, к известным различиям в достигнутом к концу XV в. общем уровне развития этих стран.

Народы Европы прошли в X—XV вв. большой и сложный путь. «Из смешения народов раннего средневековья развивались постепенно новые национальности»,* — писал об этом процессе Энгельс. Сложились народности, их языки и более или менее определенные территории; появились государства отдельных народностей. Появление и развитие на Западе городов и товарно-денежных отношений положило начало будущей экономической общности, стал вырисовываться психический склад народностей и зародились предпосылки для роста их культурной общности. Лишь для Византии XIII—XV вв. были периодом прогрессирующего упадка, закончившегося утратой греческим народом своей государственной самостоятельности.

Все эти явления, имевшие результатом значительное усложнение общественных отношений, непосредственно отразились не только на росте количества исторических источников, но привели и к их качественному многообразию. Последнему немало способствовали и те своеобразные особенности, которые были присущи в это время отдельным странам и которые будут охарактеризованы при описании конкретных источников по истории этих стран. Здесь же необходимо указать на основные типы источников данного периода.

Развитие производительных сил в X—XV вв. прослеживается уже не только по археологическим данным и по косвенным свидетельствам документов и анналов, как для предшествующего периода. На миниатюрах рукописей, на барельефах и витражах соборов и ратушей, на коврах и т. п. сохранилось много изображений как орудий ремесленного и сельскохозяйственного труда, так и различных видов работ: косьбы, жатвы, молотьбы, приготовления вина и масла, ткачества, строительства и многих других. Уже в X в. появился первый трактат по технике некоторых

* Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии (приложения), стр. 156.

ремесел, а в византийском памятнике того же века, «Книге епарха», имеется несколько ценных указаний такого рода. Для XIII в. много интересных данных содержат сельскохозяйственные трактаты, для XIV—XV вв. — трактаты по торговому делу и сукноделию. Очень ценными источниками для истории ремесла являются цеховые статуты. В многочисленных документах разного рода и в хрониках рассыпано немало сведений, характеризующих рост производительных сил, особенно в XIV—XV вв.

Картина феодальных производственных отношений вырисовывается также гораздо отчетливее, чем в период раннего средневековья. Сложившийся феодальный способ производства требовал, в первую очередь, закрепления и узаконения феодальных форм эксплуатации крестьянства. Этой задаче отвечали разнообразные по форме документы, фиксировавшие характер и объем следовавших с крестьян повинностей и их подчинение феодалам. В период всеобщего господства отработочной и продуктовой форм ренты, т. е. в X—XII вв., документы такого рода (грамоты, списки повинностей, государственные переписи и т. п.) являются для истории производственных отношений почти единственными источниками, так как обычное право в те века существовало, как правило, лишь в устной форме. Маркс указывает, что в производственных отношениях периода отработочной и продуктовой ренты традиция должна была играть преобладающую роль.* Эти устные традиционные общеправовые отношения между феодалами и крестьянами реконструируются историками путем научного анализа вышеперечисленных документов. Отношения собственности, дарившие внутри феодального класса, и вассальные связи отражены главным образом в грамотах.

Все эти документы лишь частично сохранились в подлинниках; основная их масса дошла до нас в форме копий или резюме, вписанных в картулярии, о которых уже была речь.

В XIII—XV вв. развитие товарно-денежных отношений вызвало соответствующие изменения в формах феодальной эксплуатации крестьян, обусловив появление денежной ренты и коммутацию прежних форм ренты. Разными путями крепостные крестьяне постепенно превратились в феодально-зависимых держателей (чиншевиков). Эти перемены привели к появлению новых видов документов (а в Византии к некоторому видоизменению типов существовавших актов), являющихся основными источниками для истории аграрных отношений XIII—XV вв., а именно: актов, оформлявших как различные земельные сделки (куплю-продажу, залог, аренду, залог, и продажу земельной ренты и т. д.), так и установление фиксированных повинностей, выкуп крестьян из крепостного состояния и т. д. Основная масса этих документов сохранилась также в копиях — в форме нотариальных минут (т. е. кратких записей в книгах нотариусов; в минутах опущены формулы и записано лишь содержание сделки) или же в составе городских и сеньориальных регистров.

В странах, где развитие товарно-денежных отношений сочеталось с ведением феодалами крупного сеньориального хозяйства, уже с XIII в. большое значение получили различные документы, относившиеся к управлению поместьями (описи, отчеты, счета, инструкции и т. д.). Особенно много сохранилось таких источников в Англии; они настолько обильны, что дают иногда возможность осуществить более или менее точные статистические подсчеты.

Развитие городов вызвало к жизни новые виды источников. Появи-

* К. Маркс. Капитал, т. III, 1953, стр. 806.

лись городские «конституции», т. е. хартии и статуты, регулировавшие внутригородскую организацию и отношения городов с сеннерами. Начиная с XIII в. были записаны уставы, определявшие внутреннее устройство цехов, которое «было не чем иным, как приложением устройства общины-марки, но уже к ремесленным привилегиям, а не к определенной территории».* Усложнявшиеся имущественные и социальные отношения в среде горожан, развитие ремесла и торговли вызвали потребность в актах, оформлявших эти отношения. Возникло бесчисленное количество документов: дарения, купли-продажи, завещания, брачные контракты, закладные, долговые обязательства, кредитные документы и т. п. Все эти документы с XIV в. становятся особенно многочисленными.

Иначе обстоит дело с документальным материалом по истории аграрных отношений и по истории городов в Византии. Несомненно, что этот материал был разнообразен и обилен, но в результате гибели византийского государства он был уничтожен. Все городские архивы также погибли. Единичные документы сохранились лишь потому, что они находились за пределами империи в италийских и других городах Западной Европы. Дошло лишь небольшое число актов по аграрным отношениям, из них большая часть относится к монастырскому землевладению.

В Италии, где уже в XIV в. появились зачатки капиталистических отношений, у торгово-промышленных компаний возникла потребность в ведении торговых книг. «Ведение книг как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса (т. е. производства товаров, — А. Л.) становится тем необходимее, чем более процесс совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер. Таким образом ведение книг более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве...»** В остальных западноевропейских странах такие книги встречаются с XV в., но широкое распространение они получили лишь в XVI в. Для истории торговли, промышленности и денежного обращения начиная с XIV в. сохранился богатый документальный материал (торговые договоры, кредитные документы, квитанции и т. п.).

Для периода XIII—XV вв. характерно появление записей обычного права («зердал» в Германии, «кутюм» во Франции, «фуэрос» в Испании и т. д.), которое, в зависимости от конкретных условий отдельных стран, в известной степени отразило в себе перемены, происходившие в производственных отношениях. В этих записях оформлено право, действовавшее уже не в отдельных сеньяриях, но в пределах более или менее крупных территорий, провинций или областей. Оно регулировало феодальную собственность на землю, судопроизводство, положение отдельных сословий и их взаимоотношения, вассальные связи и имущественные отношения внутри феодального класса. В соответствии с требованиями развивавшегося товарного производства, постепенно выработались точные нормы положительного закона,*** на основе которых, как указывает Маркс, в это время строились также и договорные оброчные денежные отношения между крестьянами и земельными собственниками. Вследствие сохранения в Византии централизованного государства и законодательства, а также в силу длительного господства римского права, неофициальные юридические сборники имели там несколько другой характер. Составленные отдельными судьями на основе опыта, они представляли собой ру-

* Ф. Энгельс. Дополнения к III тому «Капитала» (К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 914).

** К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 131.

*** Там же, т. III, стр. 811.

ководства для юристов в форме изложения отдельных судебных случаев (сборники «Пира» XI в. и др.).

В XIII—XV вв. в городах оформилось свое собственное городское право, отвечавшее антифеодальным интересам городов * и построенное в основном на нормах римского права, которое, как пишет Энгельс «есть законченное право *простого товарного производства*... Стало быть, — именно то, в чем наши горожане в эпоху своего подъема *нуждались* и чего не находили в местном обычном праве»**. Использованное горожанами римское право послужило в дальнейшем рычагом для развития зародившейся в городах буржуазной собственности и основанных на ней производственных отношений.

В государствах с крепнувшей центральной властью в это же время развилось королевское текущее законодательство, внесшее известное единообразие в сферу судопроизводства и обеспечившее нормальные условия для развития торговли и промышленности. Для Византии характерно непрерывное развитие императорского законодательства.

Особо следует отметить появление в середине XIV в. в Италии, Англии, Франции, Испании, Нидерландах рабочего законодательства, удлинявшего рабочий день и фиксировавшего заработную плату появившихся в то время наемных рабочих. Непосредственным поводом к изданию первых рабочих статутов была «Черная смерть», т. е. чума 1348—1349 гг., сократившая население почти всех западноевропейских стран. Но истинной причиной, указывает Маркс, были «притязания капитала в эмбриональном состоянии, когда он еще только возникает и, следовательно, свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда обеспечивает пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти...»*** Поэтому рабочие статуты середины XIV в. открыли собой целую серию законов подобного рода, издававшихся вплоть до XVIII в., несмотря на то, что повод (чума) имел место лишь в XIV в.

Различные правовые памятники — записи обычного и городского права, хартии привилегий, королевские и императорские законы и т. п., а также протоколы (регистры) судебных учреждений всех типов и рангов, начиная с XIII в. становятся, вместе с документами, важнейшими источниками для истории социально-экономических отношений. Право и законы ценны тем, что дают систематизированную, хотя и не всегда полную картину имущественных и социальных отношений, обрисовывая также управление, суд, полицию и финансы феодального государства. Но данные этих источников нуждаются в проверке, основанной на сведениях, почерпнутых из судебных протоколов и других документов, гораздо полнее и точнее отражающих реальную действительность, которая далеко не всегда соответствовала воле законодателей или устаревавшим нормам обычного права.

Важнейшими источниками для политической истории рассматриваемого периода являются вначале (до XIV в.) анналы и хроники; затем анналы исчезают, а составление хроник переходит от монахов к светским людям. С XIV в. хроники постепенно начинают терять свое бывшее значение главных источников для политической истории; их место все более и более занимают документы и официальная деловая переписка органов государственной власти.

* Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии (приложения), стр. 156.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 390.

*** К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 276.

Развитие этих типов источников очень выпукло отражает основные этапы в политической жизни стран феодальной Европы.

Крушение каролингской империи определило судьбу централизованного летописания. Оно вскоре уступило место кратким анналам, расчлененным по отдельным монастырям и другим церковным учреждениям. Таких центров летописания в X—XII вв. было чрезвычайно много; почерпнутые из этих анналов факты дают в сумме значительную часть фактического материала по политической истории стран Европы периода феодальной раздробленности. Хроники этого периода по кругу своих интересов и по своим политическим тенденциям также были типичным порождением феодальной раздробленности. Но все же сообщаемые ими сведения охватывают по большей части более обширные территории, чем анналы; в этих хрониках, как правило, описана история крупных областей. Разумеется, конкретная история каждой из европейских стран наложила свою печать на хроники этого периода, порой сузив, а порой расширив их кругозор. Так, например, борьба империи с папством и, следовательно, история Германии и Италии в целом в той или иной степени отразилась почти во всех хрониках и анналах этих стран.

Примерно в XIII в. (а во Франции еще с XII в.), в связи с ростом городов, церковные анналы постепенно заглохли. В городах появились свои школы и университеты, и церковь начала утрачивать монополию на грамотность и летописание. Городские анналы имели с самого начала иной, светский характер, другой круг интересов, другие политические задачи, чем анналы церковные. Для них характерны антифеодальные тенденции, выработавшиеся в борьбе городов с сеньерами, ясное изложение, деловой подход ко всем вопросам и т. п. Очень быстро после своего возникновения городские анналы превратились в связанные и подробные городские хроники, составлявшиеся преимущественно городскими должностными лицами. Эти хроники являются важнейшими источниками для истории городов и одним из главных источников для политической истории той или иной страны. Их появление означало также окончательное отмирание летописной формы записи событий.

Хроники XIII в., какую бы форму и какой бы объем они не имели, значительно отличаются от хроник предыдущих веков. Крестовые походы, рост товарного производства, расширение экономических, политических и культурных связей, политическая роль городов — все это оказало большое воздействие на жизнь феодального общества и нашло себе соответствующее отражение и в хрониках. Нередко кругозор хроникеров уже обнимал историю всей страны в целом, и они располагали обширным материалом. В Англии, Франции, Испании и в других странах появились своды «королевских хроник», в которых под пером сменявших друг друга авторов создавалась история страны, последовательно освещенная с точки зрения интересов центральной власти. Значение этих хроник как источников очень велико. Как правило, их авторы обладали хорошей осведомленностью, а их прогрессивная для того времени политическая ориентация помогала им подняться до более глубокого осмысления политической истории, чем это было свойственно хроникам предшествовавших веков. Необходимо подчеркнуть, что эти хроники, оразившие начальный этап становления централизованных государств, получили затем, в XIV—XV вв., дальнейшее развитие и широкое распространение, что привело к созданию в XV в. уже во многих странах исторических произведений национального масштаба.

Авторами хроник XIII в. были не только монахи, но и светские люди, главным образом рыцари и крупные феодалы, писавшие на нацио-

нальных языках и предназначавшие свои произведения для более широких кругов читателей и слушателей, чем монахи — авторы латинских хроник. В XIV—XV вв. хроники писались уже, как правило, королевскими советниками, рыцарями, горожанами или городскими клириками и канониками, близкими к горожанам по своим политическим интересам. События этих бурных веков наложили на хроники свою печать. Крестьянские войны во Франции, в Англии, в Чехии и многочисленные городские восстания способствовали обострению классовых тенденций хроникеров. За немногими исключениями, их повествования о народных восстаниях резко враждебны к народу, а факты нередко искажены. Длительные войны уже не местного, а европейского масштаба, которые стояли в центре внимания многих хроникеров XIV—XV вв., способствовали отчетливому проявлению национальных интересов авторов. Междоусобные распри знати и борьба королевской власти с крупными феодалами также в значительной степени определяли собой политические позиции многих хроникеров и подбор ими фактического материала. В хрониках XIV—XV вв. зачастую содержатся очень подробные сведения, так как возрос интерес к детальному и осмысленному изложению событий, главным образом — событий, современных авторам. Характер хроник изменился также и потому, что изменились запросы читателей, для которых писались исторические произведения. Круг этих читателей все время расширялся, и хроники становились одними из самых популярных книг в среде горожан, студенчества и дворянства.

Этот широкий интерес к истории обусловил количественный рост хроник, что имело важное значение для общего развития культуры феодального общества и культурной общности внутри отдельных стран. Но при оценке хроник XIV—XV вв. как исторических источников следует исходить из других соображений.

Их значение в этом плане постепенно уменьшается в силу двух основных причин. Первая заключается в том, что примерно с середины XIV в. количество документального материала увеличивается в такой степени, что именно он становится основным источником для воссоздания политической истории, тем самым оттесняя хроники на второй план. Второй причиной является утрата основной массой хроник XIV—XV вв. важнейшего качества исторического источника, а именно — достоверности и полноты сообщаемых сведений. Характерное для этого периода усложнение социальной и политической жизни и даже засекречивание некоторых сторон деятельности все более разветвлявшейся государственной машины приводило к большим затруднениям в деле получения отдельными хроникерами достаточной по полноте и широте информации. Уже и ранее наилучшими хрониками были те, авторы которых близко стояли к правящим кругам и имели доступ к государственным архивам. В XIV—XV вв. хроники, составленные королевскими советниками, являются вообще единственными, которые могут быть использованы в качестве надежных источников. Кроме них, только еще городские хроники сохраняют свое значение важных исторических источников в силу все возрастающей роли городов и бюргерства, становившегося более необходимым обществу, чем феодальное дворянство.*

Но это не означает полного обесценения прочих хроник. Они сохраняют очень большое значение, как источники для истории общественного мнения отдельных социальных групп, главным образом дворянства и

* Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии (приложения), стр. 153.

бюргерства, для истории классовой и политической идеологии, культуры и быта, наконец для истории языка и литературы.

Иной характер имели хроники в Византии. Историографическая традиция — составление исторических трудов и всемирных хроник — там не прерывалась. Попрежнему авторами первых были близкие к правительству крупные сановники, подражавшие стилю античных историков; авторами вторых — монахи, писавшие на разговорном языке. В них всегда (за редчайшими исключениями) отражалась история империи в целом. Гибель почти всего византийского документального материала делает повествовательные памятники основными источниками по политической истории, в то время как на Западе важнейшим источником для политической истории XIV—XV вв. является документальный материал.

Выступление на первый план документов для того времени вполне закономерно. Разумеется, и до XIV в. государственное управление, дипломатия и т. д. нуждались в различного рода документах — регистрах, счетах, инструкциях и т. д. Но эти источники были тогда еще немногочисленны, да и сохранились они по большей части лишь в отрывках. Начиная с XIV в. число документов очень быстро увеличивается, они лучше хранятся и регистрируются. Сама жизнь вызывает появление все новых и новых документов — протоколов заседаний центральных и местных органов управления, повседневной деловой переписки, многочисленных писем и инструкций руководящих лиц, крупных общественных деятелей и т. д. и т. п. Ценность этих источников для истории Западной Европы очень велика; в сущности, это вообще лучшие по надежности исторические источники. Они непосредственно и точно отражают быстро текущую сложную действительность, фиксируют все перемены в политике правительства и вскрывают ее тайные пружины (особенно документы секретного характера); они детально освещают деятельность многих крупных политиков и общественных деятелей; они надежны в отношении дат, имен и вообще фактического материала. В документальных источниках (главным образом в судебных протоколах, городских регистрах и в грамотах помилования) содержится много ценных сведений по истории классовой борьбы XIV—XV вв. Многочисленные городские и крестьянские восстания отражены в них менее связно, чем в хрониках, но сведения эти более надежны.

Конкретная характеристика документального материала возможна только в применении к каждой из стран, так как он повсюду имел свои особенности. Здесь же следует отметить его значение в целом. Его появление было связано главным образом с развивавшейся консолидацией национально оформленных государств, т. е. с процессом, который, по словам Энгельса, имел «для XV в. всемирно-историческое значение».* Кроме того, преобладающая роль, которую стал играть документальный материал как исторический источник, означала собой начало нового этапа развития самих исторических источников как таковых. Средневековые хроники начали утрачивать свое значение, и документальный материал постепенно становился важнейшим историческим источником для всех отраслей истории тех стран Европы, которые приближались в своем развитии к порогу нового периода, периода зарождения капитализма.

* Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 343.

ГЛАВА IX

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ *

В длительном военно-колониационном движении на Ближний Восток и в Византию, грабительский характер которого был прикрыт религиозным мотивом «освобождения гроба господня от неверных», — приняли участие рыцари почти всех стран Западной Европы и многие средиземноморские города. Этим объясняется тот факт, что в числе источников крестовых походов имеются хроники, написанные представителями разных народов, а документальный материал отражает не только отношения, сложившиеся в государствах крестоносцев, но и связи их с итальянскими и южнофранцузскими городскими республиками. Однако, поскольку главная роль в крестовых походах принадлежала французским феодалам и в «Заморском королевстве» (*royaume d'Outremer*), как тогда называли завоеванные крестоносцами земли, господствовали несколько измененные французские обычаи и французский язык, то и хроникерами походов были по большей части французы.

Еще задолго до начала массового движения на Восток ежегодно в Палестину отправлялось много паломников, следовавших по уже привычным маршрутам. Для них были оставлены особые путеводители (*Itineraia*)¹, широко распространенные в странах Западной Европы. Они содержали указания о дорогах, странноприимных домах, госпиталях, морских портах, способах передвижения и т. д. Рассказы о совершенных паломничествах и описания Палестины также были очень популярны, но в целом народное воображение питалось преимущественно фантастическими слухами о несметных богатствах Ближнего Востока. Массы обездоленных крестьян, отправившиеся в конце XI в. за лучшей долей в «святую землю», не имели никакого понятия о пути и расстояниях и жестоко поплавились, погибая в дороге тысячами от лишений и голода.

Обстановка на Востоке, предшествовавшая первому походу, а также взаимоотношения папства с восточными церквами и крестоносцами освещены в довольно полно сохранившейся переписке римских пап; большинство таких документов относится к 80-м и 90-м годам XI века.

Первый крестовый поход своей необычностью и массовым характером привлек к себе всеобщее внимание и вызвал к жизни небывалое до того времени обилие хроник. Почти с каждым рыцарским отрядом отправился свой летописец: Раймунд Агильский сопровождал войско графа Тулузского, Фульхерий Шартрский — Балдуина, брата Готфрида

* Здесь рассмотрены источники, относящиеся к первым четырем походам и к государствам крестоносцев. Источники о походах Людовика IX см. в главе об источниках по истории Франции, стр. 144—145.

Бульонского, автор анонимной хроники — Богемунда и т. д. Некоторые хроникеры присутствовали на Клермонском соборе (Роберт Монах, Бодри из Бургейля, Фульхерий Шартрский). Каждый из них хорошо знал путь и действия своего отряда и поэтому записал их более или менее подробно. На основании этих записей в начале XII в. были составлены уже другими хроникерами общие истории похода. Обилие хроник первого похода дает возможность восстановить события с большой подробностью; зачастую мы можем проследить действия крестоносцев не только по месяцам и неделям, но даже по дням.

Лучшей по точности является анонимная хроника, озаглавленная «Деяния франков и других путников в Иерусалим» (*Gesta francorum et aliorum Hierosolymitanorum*)². Она охватывает 1095—1099 гг. от Клермонского собора до битвы при Аскалоне в августе 1099 г. Об ее авторе не сохранилось никаких сведений и судить о нем можно лишь по содержанию его произведения. Анализ хроники показывает, что она написана рыцарем из ополчения Богемунда (т. е. из южной Италии). После взятия Антиохии он не остался там, как другие рыцари Богемунда, а дошел до Иерусалима в отряде Раймунда Тулузского. Его сведения до прибытия в Константинополь касаются только его отряда; затем он дает сжатую, но очень насыщенную фактами историю военных действий всего крестоносного войска.

Хроника представляет собой дневник, записанный в пути на больших остановках, когда все факты и впечатления были еще свежи в памяти. Язык ее очень прост и лишен риторических украшений и цитат из библии. Совокупность всех данных характеризует автора как средней руки рыцаря, неискушенного в науках и в богословии, правдивого и точного хроникера. Его произведение ценно еще и тем, что в нем ярко отразились настроения, мысли и суеверия рыцарской массы крестоносного войска. Автор порицает вождей, ссорившихся по пути из-за добычи, и выказывает крайнее недовольство вассальной присягой, которую они принесли византийскому императору. Он отдает должное храбрости турок и восхищается их военной доблестью. К подчиненному местному населению он относится, как к «еретикам»; грабежи и убийства мирных жителей описывает с эпическим спокойствием. Религиозное воодушевление этого рыцаря бесспорно, но оно сочетается с полной трезвостью в оценках и далеко от слепого провиденциализма, которым пронизаны другие хроники, составленные духовными лицами.

Известно, что сразу же после окончания своей хроники автор принес ее в дар храму гроба господня в Иерусалиме, где ее в 1099—1101 гг. видели и читали хроникеры Раймунд Агильский и Эккехард. Затем списки ее попали в Европу, где послужили основой для многих хроник³. Французский священник Тудебод переписал ее в начале XII в. почти дословно. Роберт Монах из Реймса и Бодри из Бургейля, хроники которых составлены около 1107 г., заимствовали из нее почти весь фактический материал. Но под пером монахов простой и ясный язык рыцаря (за который Бодри назвал его труд «деревенской книжонкой» — *libellus rusticanus*) оказался замененным напыщенным риторическим языком с большими цитатами из библии и вложенными в уста героев выдуманными речами. В таком же духе переложил материал анонимной хроники и аббат Гиберт Ножанский* (1053—1124), который дополнил ее данными из других источников. Кроме того, он поставил себе целью показать на истории крестового похода постоянное вмешательство боже-

* См. стр. 139.

ственной воли в людские дела. Наполнив свою хронику чудесами, он изменил и заглавие, назвав свой труд «Деяния бога, совершенные франками» (*Gesta dei per francos*). Ценность его хроники, составленной в 1108—1110 гг., заключается главным образом в описании Клермонского собора, на котором он присутствовал, и в сообщаемых им данных об общей обстановке во Франции накануне похода (голод, дороговизна, крестьянское движение, сборы в дорогу и т. д.).

Хроникер и капеллан Раймунда Тулузского Раймунд Агильский⁴ вскоре после похода составил самостоятельную хронику очевидца, описав путь и действия южнофранцузских рыцарей. Его хроника написана очень плохим языком, а автор отличается крайним суеверием и легковерием.

Фульхерий Шартрский (1058—?) проделал большую часть похода в качестве капеллана Балдуина, при котором остался и дальше, когда тот стал иерусалимским королем. Хроника Фульхерия⁵ была составлена в несколько приемов — в 1105, 1124 и 1127 гг., изложение событий доведено до 1127 г., т. е. включает также историю первых десятилетий государства крестоносцев. Благодаря своей близости к иерусалимским королям, автор был очень хорошо осведомлен о государственных делах, и его хроника представляет собой во всех отношениях ценный источник.

В хронике аахенского каноника Альберта⁶ описаны поход и история основанного крестоносцами государства, доведенная до 1120 г. Первая книга содержит описание общего положения во Франции и в Германии в начале похода (проповедь Петра Амьепского, еврейские погромы и т. д.) и представляет собой наибольший интерес, так как автор частично был свидетелем этих событий. В походе он не участвовал и писал о нем и об истории латинских государств по рассказам очевидцев и по слухам. В его труде много ошибок и неточностей, а хронология почти полностью отсутствует. В нем отражена не столько историческая реальность, сколько существовавшие в широких массах населения Германии представления о походе и о странах Ближнего Востока. Хроника Альберта представляет собой панегирик Готфриду Бульонскому, роль которого автор чрезвычайно преувеличил.

Другой немецкий хроникер, Эккехард из Ауры*, побывал в Иерусалиме уже после похода, в 1101 г., и собрал на месте ценный материал из рассказов очевидцев и официальных документов, позаимствовав многое и из анонимной хроники. Хроника Эккехарда,⁷ составленная между 1112 и 1117 гг., интересна главным образом тем, что содержит впечатления очевидца, побывавшего в Палестине почти сразу же после завоевания.

Помимо этих основных хроник первого крестового похода, сохранилось немало хроник второстепенного значения, представляющих собой краткие или подробные компиляции. Важно отметить, что все хроники имели широкое распространение, а некоторые из них были позднее переведены на национальные языки.

Как во время самого похода, так и после завоевания Палестины от крестоносцев шло в Европу много писем. Они были своего рода бюллетенями с театра военных действий и информацией о положении дел в новом королевстве. В Европе их усердно переписывали, и они широко распространялись по городам и замкам, являясь своеобразным средством агитации для привлечения на Восток новых крестоносцев. Современники часто включали их в свои хроники и иные произведения. Некоторые из писем при научном анализе оказались либо подложными, либо сомнительными (например, письмо к «латинянам» Алексея Комнина с просьбой об оказании помощи Византии). Но большинство писем, например письма к пале графа Стефана Блуасского и других

* См. стр. 196.

вождей похода, письма Ансельма Рибельмонтского, иерусалимского патриарха Дамберта и др., являются подлинными и ценными источниками.

Уже во время похода начал складываться воспевавший его эпос, который вскоре сформировался в целый цикл поэтических произведений, относящихся к «заморской земле» (paus d'Outremer). Большинство их написано на национальных языках. От самой старой провансальской поэмы «Песнь об Антиохии» (*Chanson d'Antioche*) сохранился лишь отрывок. Одновременная поэма артуасского трувера Ришара Паломника (Richard le Pèlerin) дошла до нас в переработке, сделанной в конце XII в. Обе поэмы названы так потому, что описывают главным образом длительную и трудную осаду крестоносцами Антиохии. Наряду с поэтическим вымыслом, в них имеется много достоверных сведений, которые придают им значение исторического источника. Авторы описывают роль народа в крестовом походе, его страдания от голода и жажды, настроения низов крестоносного воинства. В этой же среде были сложены во время похода военные песни, баллады, шуточные стихотворения и т. д. Позднее в латинских государствах на Востоке появился цикл рыцарских романов, прославляющих чрезвычайно идеализированного Готфрида Бульонского и других рыцарей.

Второй крестовый поход, кончившийся позорной неудачей под Дамаском, уже не имел специальных хроникеров. Секретарь и капеллан Людовика VII Эд Дельский (ум. 1162), впоследствии аббат Сен-Дени, сопровождал его в походе и посылал во Францию Сугерию, правившему страной в отсутствие короля, свои записки,⁸ нечто вроде дневника, в котором содержится ценный фактический материал. Но эти заметки обрываются на июне 1148 г., так что экспедиция в Дамаск в них не отражена. История второго похода в целом включена в французские и немецкие хроники — в ту часть «Больших французских хроник», которая посвящена Людовику VII (*Gesta Ludovici VII*)^{*}, и в «Деяния Фридриха» (*Gesta Friderici*) Оттона Фрейзингенского,^{**} а в сокращенном виде почти во все исторические произведения XII в. От второго похода осталось также несколько писем, принадлежащих главным образом Сугерию и Вибальду, аббату Корвейскому, бывшему регентом в Германии в отсутствие Конрада.

Третьему крестовому походу предшествовало несколько лет неудачной для иерусалимского государства борьбы с Саладином, закончившейся потерей столицы. В эти годы в Европу было отправлено много писем от иерусалимских и антиохийских государей и патриархов, гроссмейстеров рыцарских орденов, итальянских консулов и других лиц. В этих письмах содержатся картины тяжелого положения государства и просьбы об оказании срочной помощи. Ко времени похода относится также много писем участников похода, иерусалимских королей, князей и духовных лиц.

История похода Фридриха Барбароссы записана Тагеноном (ум. 1190), сопровождавшим в походе епископа Нассаусского Дитпольда. «Описание азиатского похода Фридриха» (*Descriptio expeditionis Asiaticae Friderici*)⁹ представляет собой составленный в пути дневник, заканчивающийся 21 июня 1190 г., незадолго до смерти автора. Благодаря большей точности этот дневник является ценным источником для истории третьего похода. В хронике австрийского клирика Ансберта «История похода императора Фридриха» (*Historia de expeditione Friderici imperatoris*) изложение событий доведено до 1196 г., и в ней содержится несколько подлинных писем. Много сведений имеется также в хронике Арнольда Любекского^{***}, который использовал некоторые документы. Во всех французских и английских хрониках конца XII в. в той или иной мере отражены походы Филиппа-Августа и Ричарда Львиное Сердце.

* См. стр. 137.

** См. стр. 200.

*** См. стр. 242.

Следует отметить произведения двух участников третьего похода. Один из них, Ги де Базош, французский писатель того времени, оставил описание пути французского флота и событий в Палестине, которое составляет седьмую книгу его «Хронографии». Другой, Амбруаз, был нормандским жонглером и сопровождал короля Ричарда в 1184—1192 гг. Свою длинную поэму «История святой войны» (*L'histoire de la guerre sainte*) он написал, вернувшись из Палестины в Нормандию в 1195—1196 гг. Очевидец событий и притом довольно беспристрастный, Амбруаз оставил самое подробное изложение событий, которое, несмотря на стихотворную форму, является лучшим источником по истории третьего крестового похода. В начале XIII в. поэма Амбруаза была переработана в латинском произведении лондонского каноника Ричарда «Путь паломников и деяния короля Ричарда» (*Itinerarium peregrinorum et gesta Ricardi regis*). О Ричарде и об осаде Акры было сложено много песен и поэм.

Рассмотрим теперь разнообразные источники — хроники, законы, различные документы, содержащие материал по истории государства крестоносцев. Начнем с хроник, поскольку они непосредственно примыкают к вышеописанным источникам и сами содержат сведения о втором и третьем походах. Самой старой из них является хроника Готье (*Guaffertius*), канцлера и правителя Антиохийского княжества. Она называется «Антиохийские войны» (*Bella Antiochena*) и заключает в себе историю княжества до 1119 г., составленную в 1119—1126 гг. Главное внимание автор уделяет войнам князя Рожера, его поражению и гибели.

Наиболее ценная и богатая по фактическому материалу хроника принадлежит архиепископу тирскому Гильому (около 1130—около 1186). Гильом родился в Палестине, но учился в Европе (вероятно, в Италии) и через своих родственников был тесно связан с Европой. Кроме французского, он знал греческий, латинский и арабский языки. Будучи одним из крупнейших церковных феодалов, он занимал в 1174—1183 гг. пост канцлера Иерусалимского королевства и был воспитателем короля Балдуина IV. В политической жизни он принимал самое активное участие и часто бывал с дипломатическими поручениями в Риме и в Константинополе, участвовал в Латеранском соборе 1179 г. Его главное произведение (прочие утрачены) называется «Иерусалимская история» (*Historia Hierosolymitana*,¹⁰ существовали и другие заглавия этого труда); оно было начато около 1169 г. Первые одиннадцать книг были закончены в 1173 г., остальные двенадцать книг писались между 1173 и 1184 гг. Хроника обрывается на 1184 г., так как вскоре после смерти короля Балдуина IV карьера Гильома оборвалась и ему пришлось уехать из Палестины в Рим.

В первых шестнадцати книгах (до 1144 г.) Гильом использовал многие хроники первого крестового похода в «Антиохийские войны» канцлера Готье. Необходимо отметить, что в этой компиляции историческая перспектива оказывается зачастую искаженной. Гильом писал в такое время, когда многое из событий первого крестового похода приобрело легендарную окраску, например личность основателя царствовавшей в XII в. в Иерусалиме династии Готфрида Бульонского. Такой взгляд на историю завоевания Палестины обусловил лишь относительную ценность первой части хроники. Кроме того, не следует забывать, что она была написана по прямому заказу короля. Этим определилась ее общая политическая тенденция.

Оригинальная часть хроники начинается с событий 1144 г. и является важнейшим источником для внешней и внутренней истории Иерусалимского королевства за 1144—1184 гг., а частично и для истории второго похода. Благодаря своему высокому положению Гильом имел доступ ко всем источникам и был прекрасно осведомлен о всех делах. Сообщаемые им сведения достоверны и касаются самых разнообразных сторон жизни; особенно ценны содержащиеся в его хронике данные о нало-

говом обложении, феодальной и церковной организации, о торговле итальянских городов с Левантом и т. д.

Хроника Гильома Тирского пользовалась чрезвычайной популярностью; хроникеры и поэты черпали из нее сведения по истории государств крестоносцев. Почти сразу же она была переведена на французский язык и продолжена под наименованием *Le livre d'Égacles*. Затем появились переводы на итальянский, кастильский, каталонский и провансальский языки. Она же послужила источником для различных поэтических произведений на латинском и национальных языках. В XIII в. к французскому переводу были сделаны различные продолжения; одно из них принадлежит Эрнулю, который составил очень подробное описание третьего и четвертого походов и историю палестинского государства в XIII в. и резко осудил междоусобные распри рыцарей, приведшие королевство к гибели. Сохранившаяся редакция произведения Эрнуля представляет собой выдержки, сделанные в Северной Франции. Другие продолжения к французскому переводу хроники Гильома Тирского были составлены как в Палестине, так и в Европе. Самое интересное написано крупнейшим палестинским бароном первой половины XIII в. Филиппом Новарским. В его «Истории войны между императором Фридрихом и Жаном д'Ибелином» (*Histoire de la guerre qui fu entre l'empereur Frédéric et Jean d'Ibelin*) изложена борьба кипрских и палестинских феодалов с Фридрихом II в 1218—1242 гг. Весь этот обширный и постоянно пополнявшийся цикл хроник к концу XIII в. получил общее заглавие «Книга о заморской земле» (*Livre d'outremer*). Он содержит всю историю крестового движения и палестинского государства с 1095 до 1291 г. и был в течение многих веков любимейшим чтением в замках и городах Палестины и Западной Европы.

Последней крупной историей крестовых походов является хроника Якова Витрийского (около 1180—1240) «Восточная или иерусалимская история» (*Historia orientalis seu Hierosolymitana*)¹¹. Яков Витрийский, один из французских проповедников во время альбигойских войн, сделался в 1216 г. епископом в палестинском портовом городе Акре и участвовал в пятом крестовом походе.

В первой книге хроники дана история Палестины до 1193 г., во второй обрисовано в очень мрачных тонах положение дел в Европе, судари и рыцари которой охладели к крестовому движению. В третьей книге изложена история Палестины за 1211—1218 гг.; некоторые историки отрицают за этой частью авторство Якова. Хроника Якова Витрийского очень своеобразна. Он собрал в ней множество различных сведений по географии, истории, фауне и флоре стран Ближнего Востока, по истории быта, нравов и учреждений, по образованию и наукам и т. д., а также по взаимоотношениям палестинских феодалов с местным населением. Эти сведения представляют собой любопытную смесь верных наблюдений и рассказов с фантастическими представлениями, бытовавшими как во французской, так и в арабской среде Палестины. События пятого крестового похода отражены в многочисленных письмах Якова Витрийского за 1216—1221 гг.

Основным и чрезвычайно важным источником для истории общественного и политического строя в государствах крестоносцев на Востоке являются «Иерусалимские ассизы» (*Assises de Jerusalem*)¹², свод законов Иерусалимского, а затем и Кипрского королевств. Его значение для истории феодального права выходит за узкие территориальные границы, в пределах которых он применялся, так как в силу особых условий феодализм, по словам Энгельса, «больше всего приблизился к своему поня-

тию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка»*.

По своему составу этот источник очень сложен; датировка его отдельных частей трудна и считается в настоящее время спорной. Сохранившееся в Иерусалимском королевстве предание гласило, что еще при Готфриде Бульонском была сделана запись права, общего для всех осевших в Палестине рыцарей, и что эта запись хранилась в храме гроба господня, откуда ее название «Грамота св. гроба» (*Lettres du Saint Sépulcre*).** При взятии Иерусалима Саладином рукопись погибла. Большинство буржуазных историков считает это предание легендой, другие полагают, что «грамота св. гроба» представляла собой лишь список феодалов, полученных крестоносцами. Это мнение представляется обоснованным, особенно если учесть, что подобного рода список был составлен также в Мореe после IV крестового похода, о чем имеются сведения. Но трудно согласиться с другим взглядом буржуазных историков, считающих, что в XII в. отношения феодалов между собой и с королем регулировались только устным обычаем (кутюмой Северной Франции)***. Если маловероятно составление писаного права, согласно легенде, уже при Готфриде, то появление его в первой половине XII в. вполне естественно. Даже и в этом случае «Иерусалимские ассизы» не будут первым по времени кодексом феодального права Европы, так как «Барселонские обычаи»**** относятся еще ко второй половине XI в. Кроме того, нельзя было просто перенести в Палестину севернофранцузскую кутюму. Она должна была быть приспособлена к новой обстановке. Продолжавшееся завоевание и постоянная борьба с турками и арабами, с одной стороны, подчинение и эксплуатация покоренного и враждебного местного населения, с другой, — все это требовало большего, чем в Европе, сплочения феодального класса и регулирования всех вытекавших из этого отношений. Творцами этого постепенно складывавшегося феодального правового кодекса были рыцари, органом, оформлявшим право, — Высший суд (*Haute Cour*), т. е. суд исключительно для феодалов. На основе его решений (ассиз) формулировались, а впоследствии и переделывались, отдельные статьи, составившие «Ассизы Высшего суда» или «Королевскую книгу» (*Le livre au roi*). Горожане судились в «Суде горожан» (*Cour des bourgeois*), где решались все вопросы, не предусмотренные «правом баронов», а также те, которые интересовали (в одно и то же время) и дворян и горожан. На основе решений этого суда создались статьи «Ассиз суда для горожан» (*Assises de la cour des bourgeois*). «Королевская книга» и «Ассизы суда для горожан» являются основными частями Иерусалимских ассиз. К ним были затем добавлены сборники комментариев, составленные в XIII в. крупными баронами, знатоками права Жаюм и Жаком Ибелинами, Филиппом Новарским и др. По мнению издателя «Ассиз», Беньо, самой древней частью являются «Ассизы суда для горожан», составленные около 1187 г. «Королевскую книгу» Беньо датировал 1271—1291 гг. и считал ее продолжением книги Жака Ибелина. На этих датировках основаны исследования почти всех буржуазных историков и историков права. В 1923 г. вопрос подвергся пересмотру со стороны французского ученого Гранклода, который считает древнейшей частью «Королевскую книгу», датируя ее 1197—1205 гг..

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 484.

** Встречающийся в русской литературе перевод «Письма св. гроба» неверен. *Lettres, lettres* (во множественном числе) означает в то время грамоту.

*** См. стр. 131.

**** См. стр. 233.

а «Ассизы суда для горожан» относит к XIII в. (1229—1244 гг.). Таким образом, по мнению Гранклода, древнейшей записью права оказывается как раз та, которая ранее считалась самой поздней. Точка зрения Гранклода представляется более правильной, но вероятнее, что основа «Королевской книги» еще старше и относится к первой половине XII в.

Трудность разрешения этого вопроса усугубляется тем, что все части Ассиз дошли до нас не в своем первоначальном виде. Они были восстановлены в середине XIV в. на Кипре отчасти по спискам, отчасти по устной традиции. Но затем и эта редакция тоже была утрачена и восстановлена уже в XVI в. завоевателями Кипра венецианцами, которые сохранив французский текст Ассиз, перевели их и на итальянский язык.

В каждом княжестве существовали свои Ассизы, составленные по образцу и на основе Иерусалимских. Сохранились лишь Антиохийские ассизы, действовавшие также в Малой Армении (Киликии).

В «Королевской книге» и в трактатах баронов сформулировано феодальное право в его наиболее классическом выражении. С чрезвычайной подробностью в них отражены феодальная собственность, имущественные и вассальные отношения феодалов, права и обязанности королевской власти, порядок наследования и т. д. Ни в одном из феодальных правовых кодексов Западной Европы все стороны феодального строя (за исключением форм эксплуатации крестьянства) не воплощены с такой полнотой, как в Иерусалимских ассизах, что и делает их основным источником по истории феодального права вообще и феодальной собственности в особенности. Однако рассмотрение документального материала, отражающего реальную практику, показывает, что если вассальные отношения, престолонаследие и т. п. в основном соответствовали закону, то зато в сферу феодальной собственности и вообще имущественных отношений властно вторгались товарно-денежные отношения, которые уже начинали подтачивать феодализм. Все это прекрасно подтверждает слова Энгельса, что феодальный порядок лишь в Палестине «достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то — в значительной мер — на бумаге».*

Гибель Иерусалимского королевства тяжело отразилась на сохранности богатого документального материала, отражавшего все стороны жизни. Погибли почти все документы финансового и административного характера, многие картулярии, уставы, различные грамоты и т. д. Уцелевшие источники представляют собой лишь небольшую часть из массы имевшихся документов. Сохранился устав только одного ордена — тамплиеров, составленный в 1130—1131 гг. на французском языке; к нему были затем добавлены новые пункты, решения, принятые орденом по отдельным делам, и запись некоторых эпизодов из жизни ордена. В конце XIII в. все это было соединено в сборник под названием «Устав тамплиеров» (*Règle du Temple*)¹³. Богатейший картулярий тамплиеров утрачен; сохранились лишь картулярии тевтонского ордена, госпитальеров и ордена храма гроба господня, а также частично грамоты аббатства девы Марии в Иосафатской долине. В них содержится богатый материал для истории землевладения в Палестине и некоторые данные о формах эксплуатации крепостного крестьянства. Из финансовых документов сохранился лишь таможенный тариф, действовавший в одном из крупнейших портов, Акре. В соединении с данными, извлекаемыми из «Ассиз суда для горожан», он дает много сведений о характере торговли и о доходах от таможенных пошлин.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 484.

Лучше сохранились грамоты и договоры иерусалимских королей, патриархов и баронов с итальянскими и провансальскими городами, имевшими свои фактории в Палестине, — Венецией, Генуей, Пизой, Амальфи, Анковой, Сьеной, Марселем, Монпелье и т. д. Это объясняется тем, что тексты таких документов или были переписаны в регистры городов-республик, или же в их архивах хранились дубликаты. В этих источниках зафиксированы разнообразные права и привилегии итальянских и провансальских коммун в палестинских портовых и других городах, земельные дарения королей и феодалов в пользу купцов и т. д. Анализ грамот и договоров вскрывает также и политическую роль, которую играли торговые европейские города в жизни Иерусалимского государства.

Источники по истории четвертого крестового похода и Латинской империи немногочисленны. Следует отметить, что вожди, направившие крестовое войско на иной путь, чем тот, который намечался папой Иннокентием III и ожидавшими помощи палестинскими рыцарями, нуждались в оправдании своих действий. Вокруг этой темы вращаются две важнейшие хроники, посвященные истории четвертого похода. Первая из них принадлежит одному из главных вождей, крупному французскому феодалу, маршалу Шампани Жоффруа Вильардуэну (около 1150—около 1214). В Латинской империи он занял очень важный пост «маршала Романии». Около 1207 г. он продиктовал на французском языке свое произведение «Завоевание Константинополя» (*Conquête de Constantinople*)¹⁴, которое, под маской якобы полной объективности в изложении событий похода, представляет собой попытку снять ответственность с вождей и с Венеции и доказать полную случайность в деле захвата Константинополя. Автор систематически умалчивает о целом ряде фактов, противоречащих развиваемому им объяснению, и поэтому фактический материал его книги лишь частично может послужить для изучения истории четвертого похода. Вместе с тем он сообщает много интересных сведений. Его литературный талант беспорен, а язык является лучшим образчиком центральнофранцузского диалекта начала XIII в. Не следует думать, что он был пионером в составлении хроник на национальном языке. Выше говорилось о французских продолжениях хроники Гильома Тирского, появившихся уже в конце XII в. Но это не мешает Вильардуэну занимать почетное место в истории французской литературы и французского языка.

О том, насколько важно было в то время выступить с таким оправданием итогов похода, какое имеется у Вильардуэна, свидетельствует другая хроника, составленная Робером де Кларом под названием «История тех, кто завоевал Константинополь» (*Estoire de chiaus qui conquistent Constantinoble*)¹⁵. Автор был рыцарем из Пикардии и отправился в поход вместе со своими сеньерами, пикардийскими крупными феодалами; он писал на пикардийском диалекте. Будучи рядовым рыцарем, он не имел никаких сведений о том, что делали и замышляли вожди похода. В своей хронике он отразил настроения, царившие среди рыцарей, и выразил их недовольство поведением вождей. Такая оценка совпадает с мнением Эрнуля, который, отражая точку зрения палестинских феодалов, прямо обвинил вождей и Венецию в измене. Робер участвовал в обеих осадах Константинополя; описание его впечатлений об этом богатейшем городе составляет одну из самых интересных частей его хроники.

Для истории четвертого похода имеется немало писем вождей, гроссмейстеров рыцарских орденов, папы и кардиналов и других лиц. Поэтических произведений осталось гораздо меньше, чем от первых походов.

Одним из историков XIX в., Рнаном, был собран очень интересный документальный материал¹⁶, ярко рисующий страшный грабеж, которому крестоносцы подвергли захваченный ими Константинополь. Рнан собрал различные документы и отрывки, письма, грамоты, надписи и т. д., относящиеся к грабежу реликвий, которыми был особенно богат Константинополь, и к торговле ими на Западе. Реликвии в ту пору представляли собой большую материальную ценность и за ними усиленно охотились как вожди, так и рядовые крестоносцы. Любопытную картину такого рода дал в своей «Константинопольской истории» (*Historia Constantinopolitana*) эльзасский монах Гунтер, записав со слов своего аббата историю захвата реликвий и их переноса в Эльзас.

В недолговечной Латинской империи были составлены свои законы, в основу которых были положены Иерусалимские ассизы. Это «Ассизы Романии» (*Assises de Romanie*)¹⁷. История французского владения в Пелопоннесе в первой половине XIII в. содержится в анонимной «Хронике Морей» (*Chronique de Morée*)¹⁸. Автор, полуфранцуз-полугрек, написал ее на французском языке, выразив точку зрения завоевателей.

Хроника была сразу же переведена на итальянский и греческий языки и продолжена, так что в целом она охватывает 1204—1305 гг. Особенно интересны имеющиеся в ней сообщения о распределении земель среди завоевателей, об организации их военных обязанностей, о принесении вассальной присяги византийскими феодалами и т. д. В начале XIV в. была составлена «История Романии» (*Istoria di Romania*)¹⁹. Ее автор, венецианец Марино Санудо Старший (1270—около 1314), усиленно пропагандировал новый крестовый поход; он объездил все средиземноморские страны и собрал о них много интересных сведений. Имеющийся текст «Истории Романии» представляет собой перевод с утраченного латинского оригинала. Санудо составил также обширный трактат по истории и географии Ближнего Востока (*Liber secretorum*, или *Conditiones terrae sanctae*), частично переведенный им же на итальянский язык.

ГЛАВА X

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

«Средоточие феодализма в средние века»* — так определил Энгельс Францию, страну, в которой все основные черты феодального способа производства, базис и надстройка феодального общества приобрели наиболее законченные формы. Развитие феодальных производственных отношений завершилось во Франции в X в., т. е. раньше, чем в других странах Западной Европы, и охватило более или менее равномерно всю страну. Примерно тогда же сформировались две французские народности: севернофранцузская и южнофранцузская, каждая со своим языком и территорией и с известными особенностями в путях развития и в источниках. Развитие товарно-денежных отношений привело затем к слиянию отдельных областей в единое целое, к объединению народностей и к образованию в XV в. национально оформленного государства. Обозревая развитие средневековой Франции, Энгельс подчеркнул редкостную объективную логику во всем ходе процесса.**

Исторические источники, порожденные ходом развития во Франции феодального общества, очень отчетливо отражают, как по содержанию, так и в самой закономерности своего появления, все основные этапы жизни страны.

* *
*

Главными источниками для истории производительных сил и производственных отношений во Франции, и в первую очередь аграрного строя, являются многочисленные грамоты, иногда очень длинные и подробные. В Галлии еще со времен античности укоренилась практика оформления всякой, даже мелкой, сделки в виде официального документа, в противоположность, например, Германии, где частные акты почти исчезли из обихода в X—XII вв. В грамотах содержатся сведения о размерах и типах феодальных сеньерий, о формах эксплуатации крестьян и их экономическом и правовом положении, об отношениях собственности внутри феодального класса, о вассальных связях и т. п. Для периода расцвета феодализма (X—XIII вв.) преобладают грамоты земельных дарений, обмена или дележа земель и крепостных, отдачи себя в крепостное состояние, судебные решения по тому же вопросу, грамоты предоставления земель свободным поселенцам (госпитам), феодальной присяги и т. п. Начавшееся уже с конца XII в. развитие товарно-денежных отношений привело к распространению денежной ренты, к освобождению крестьян

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 189.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 465.

от личной зависимости и к мобильности земель — как цензив, так и фьефов. В связи с этим появляются и затем широко распространяются грамоты освобождения крестьян от личной зависимости и установления повинностей свободных вилланов, акты купли-продажи земельных участков (в сопровождении актов о взимании соответствующих феодальных пошлин), закладные на землю, акты залога или продажи ренты, сдачи земель в вечно-наследственную аренду и т. д. К концу XV в., когда разложение феодального способа производства сказалось уже отчетливо, появились договоры краткосрочной аренды, но широкое их распространение пришлось на XVI в. Отношения собственности внутри феодального класса и структура сеньерий запечатлены в актах инфеодации, возобновлявшихся при каждой смене одного из контрагентов. Французские архивы хранят бесчисленное количество ценных грамот такого типа, так называемых актов «признания и перечисления» (*aveu et dénombrement*), в которых оформлено признание себя вассалом такого-то сеньера и перечислены все элементы, составлявшие фьеф (земли, службы, повинности, ренты и т. д.), равно как доходы с него.

Сохранилось много подлинных грамот X—XV вв., но немалое их число дошло до нас в копиях, в составе картуляриев крупных церковных учреждений, госпиталей, сеньерий и т. д.¹ Наибольшее число сохранившихся грамот и картуляриев относится к церковным учреждениям. В некоторых из них, как, например, в Ключинском аббатстве (Бургундия), Парижском соборе богородицы и др., сохранилось по много тысяч различных грамот, дающих возможность проанализировать все основные формы производственных отношений. В картулярии включались также перечни зависимых феодалов, имена вассалов и их обязанности. В большинстве крупных аббатств для отдельных типов актов и отношений существовали специальные картулярии, например «Книга крепостных» (*Liber de servis*) аббатства Мармутье (Тур). По своей форме картулярии не совсем однотипны. Большая их часть содержит только копии актов (или их резюме), расположенные в хронологическом или в систематическом порядке. В других случаях тексты актов перемежаются заметками по истории монастыря или учреждения; акты оказываются вмонтированными в более или менее подробную хроникку. Таковы, например, картулярий Сен-Бертенского монастыря в Сент-Омере, составленный аббатом Фолкуином около 962 г., картулярий аррасского аббатства Сен-Васт и др. Нередки случаи, когда в картулярии вписывались пространные комментарии к хартиям, обрисовывавшие причины их возникновения. Этот прием был широко распространен на юге. Начиная с XIII в., копии становятся все более полными, точными и зачастую заверяются нотариусами, так что картулярии приобретают силу официальных документов.

В том же XIII в., наряду с картуляриями, появились, постепенно оттесняя их на второй план, нотариальные минуты (на юге они иногда тоже назывались картуляриями). Как указывалось, они представляют собой черновые записи частных актов, составленные публичными нотариусами. Наряду с сохранившимися подлинниками актов, нотариальные минуты отражают почти все стороны имущественных отношений, но наибольший материал они дают для истории недвижимой собственности. В тех случаях, когда минуты нескольких нотариусов относятся к значительной территории и охватывают подряд большой отрезок времени, они являются, благодаря своей полноте, основными и наиболее точными источниками для истории аграрных отношений и городов. В других случаях, когда такая полнота отсутствует, акты, сохранившиеся в нотариальных минутах, дают все же достаточно отчетливое представление о проис-

ходивших процессах. Записи в нотариальных книгах отражают все перемены в городском, крестьянском и дворянском землевладении, рост дифференциации крестьянства, движение цен на земли и т. д. и т. п. Для XVI—XVIII вв. они сохранились в огромном количестве, но немалое их число дошло и от XIV—XV вв. Можно смело сказать, что когда они будут во всем своем объеме исследованы историками-марксистами, история феодальных производственных отношений во Франции в XIV—XVIII вв. сможет получить глубокое и разностороннее освещение. В буржуазной историографии они использованы чрезвычайно мало, как правило лишь в отдельных случаях и в качестве примеров, а не в плане систематического изучения.

Документы, относящиеся к управлению феодальными поместьями, не были во Франции столь разнообразны и многочисленны, как в Англии, так как французские феодалы, особенно светские, уже с XI—XII вв. стали отказываться от ведения собственного хозяйства и превратились в получателей ренты, слерва продуктовой, затем денежной. Платежи по цензу вносились в «цензовые книги» (*livres censiers*), а взимание прочих феодальных пошлин и поборов фиксировалось в ежегодных отчетах управляющих, которые брали их на откуп.

Следует отметить произведение аббата Сен-Денийского монастыря Сугерия* «Книгу о делах своего управления» (*Liber de rebus in administratione sua gestis*)², в которой описаны приемы управления огромными земельными владениями монастыря, а также перестройка сен-денийского храма из романского в готический. Этот труд не имеет себе равных во Франции XII в. по ценности имеющихся в нем сведений, важных для истории архитектуры и для картины хозяйственной жизни целого комплекса крупных церковных землевладений.

С XIV в. появились списки следуемых с крестьян феодальных платежей, *pariers-terriers*. В церковных поместьях дольше удержались натуральные платежи и отработки; поэтому в них и в XIII—XV вв. продолжали вести ежегодные списки всех видов дохода и следуемых с крестьян работ. Типичным образчиком таких списков является «Книга ценза и повинностей», за 1240 г. для двух деревень нормандского монастыря св. Михаила. Очень интересный памятник примерно того же времени — «Поэма о версонских вилланах» некоего Эстуле Гоза³ — обрисовывает тяжелую эксплуатацию крестьян одной из этих деревень и описывает все сельскохозяйственные работы. Это ценный источник и для истории классовой борьбы в нормандской деревне XIII в. Некоторые написанные по-французски английские сельскохозяйственные трактаты** были распространены в Нормандии, но в целом подобного рода источники для Франции очень скудны. Исключение составляет любопытный трактат по овцеводству (*Traité de l'estat... de bergerie*), составленный в 1370 г. Жаном де Бри (около 1349—?). Оригинальный текст утрачен; сохранилась только сокращенная его переработка, сделанная в начале XVI в. Автор родился в крестьянской семье, в детстве и юности был овечьим пастухом, затем стал управителем крупного поместья, перебрался в Париж, учился в университете и сделался приближенным одного из советников Карла V. Свой труд он написал по желанию короля. В трактате запечатлена длительная традиция севернофранцузского овцеводства. Дано описание работы пастуха по месяцам, что позволяет сделать ценные выводы по истории этой отрасли скотоводства.

* См. стр. 136—137.

** См. стр. 162.

Описание источников по истории французских городов следует начать с городских «конституций», т. е. хартий, дарованных феодалами или королем. Фактически они представляли собой настоящие договоры между сеньерами и горожанами и устанавливали их взаимоотношения, права и вольности горожан. Объем и характер этих прав зависел от типа города (коммуна, «буржуазный город», «консульский город» и т. д.). Некоторые из таких хартий получили очень широкое распространение и были присвоены многим городам и местечкам.

Одной из самых древних является Лорисская хартия (Орлеан), пожалованная Людовиком VI в первой половине XII в. и подтвержденная его преемниками (текст ее сохранился в этих грамотах подтверждения). Она рисует город, не получивший коммунальной самостоятельности и по своему быту еще близкий к деревне. Но он получил по хартии важные по тому времени привилегии, охранявшие имущество и права горожан, хотя король оставил за собой всю власть в городе. Лорисская хартия была принята почти во всех городах королевского домена, а частично и вне его. Еще более широкое распространение получила Бомонская хартия (Шампань), дарованная в 1182 г. архиепископом Реймским деревне Бомон, превращенной в город с выборными органами самоуправления, но с сохранением над ним верховных сеньериальных прав архиепископа. Эта хартия была присвоена более чем 500 городам, местечкам и селам в северо-восточных областях. Грамота графа Пуатье Альфонса от 1270 г., данная городу Риому, так называемая «Альфонсиана», послужила образцом для городов Оверни. Большая часть нормандских городов и часть аквитанских жила на основе хартии Руана, «Руанских установлений» (Etablissements de Rouen), дарованных Генрихом II Плантагенетом в качестве герцога Нормандского (между 1160 и 1170 гг.). Руанская хартия подробнее других фиксирует права коммуны, ограниченной в области суда в пользу королевской власти. Хартия Ланской коммуны в 1129 г. была вырвана городом от епископа в итоге яростной борьбы и подтверждена королем; она фиксирует самоуправление и большие права горожан, но ненавистное для феодалов слово «коммуна» было повсюду заменено выражением «установление мира» (institutio pacis). В хартиях других городов-коммун, например, в Сен-Кантенской, горожане, как подчеркивает Маркс, «порой возвышались до пафоса, приглашая крестьян бежать в города»*; в хартии говорится: «всякий, кто захочет вступить в коммуну и оказать ей свою помощь... может в нее вступить, ибо ворота открыты всем».

Южнофранцузские города, управлявшиеся консулатами и имевшие широкое самоуправление, жили на основе очень подробных хартий, принимавших порой форму настоящих муниципальных кодексов и охватывавших все области публичного, частного и уголовного права (например, городские статуты Монпелье или утвержденная в 1288 г. кутюма города Тулузы).

Повседневная жизнь городов отражена в многочисленных документах, составлявших действовавшими в городе организациями, главным образом в регистрах городского совета и городского суда (если город пользовался автономией), королевского или сеньериального суда (если власть принадлежала королю или феодалу) и т. д. В них записаны решения и постановления по всем вопросам городской администрации и финансов, сношения с королевской властью, феодалами и другими городами, судебные решения, процедура и результаты выборов в городские

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 82.

органы; частично отражены и имущественные отношения. В городах-коммунах и в консульских городах магистрат ведал также всеми делами ремесленников и купцов.

В большинстве городов с цеховой организацией ремесла цехи управлялись первое время (до середины XIII в.) на основе устного обычая, который затем был оформлен в цеховые уставы. Важнейшим источником такого рода является «Книга ремесел» (*Livre des métiers*)¹, составленная около 1268 г. по приказу королевского прево в Париже Этьена Буало. Оригинал ее сгорел в XVIII в.; дошедшие до нас копии близки к нему, но текст их уже несколько переделан. В сборнике Этьена Буало содержатся уставы 100 цехов, что составляет менее половины существовавших в то время парижских ремесел, положение которых не было полностью регламентировано и впоследствии, так как в Париже всегда было много отраслей «свободного ремесла» (*métier libre*). К первоначальным записям по мере надобности добавлялись новые пункты и изменялись старые. Ко времени составления «Книги ремесел» некоторые крупные цехи уже обладали писаными уставами, которые и были включены в сборник. В остальных случаях запись была произведена на основе показаний ремесленников и одобрена затем именитыми людьми города. Составление «Книги ремесел» имело целью регламентировать ремесленное производство, цеховую администрацию и городскую юрисдикцию, а также оберечь интересы фиска, поскольку казна получала значительный доход от всякого рода торговых пошлин и сборов за право заниматься ремеслом. Уставы регулировали правила вступления в цех, обязанности цеховых присяжных, взаимоотношения членов цеха, рабочее время, покупку сырья, объем и качество продукции и т. д. Как парижские, так и другие цеховые уставы не устанавливали норм заработной платы (это было предоставлено мастерам) и цен на продаваемые товары и изделия (цены складывались стихийно, а в некоторых случаях определялись королевской властью, сеньером или городским советом). В XIV—XV вв. во Франции появилось много цеховых уставов, по своему типу приближающихся к «Книге ремесел», но все же цеховая организация так и не включила в себя все французское ремесло, которое в некоторых городах (например, в Лионе) вообще не знало цеховых ограничений.

Наряду с уставами цехов, существовали также уставы различных братств и религиозных объединений ремесленников, преследовавших зачастую цели объединения подмастерьев против мастеров, своего рода союзы подмастерьев. Городские власти и королевская власть преследовали подобные организации, или запрещая их совсем или стремясь ограничить их лишь сферой взаимопомощи и благочестия. Дошедшие до нас уставы носят преимущественно такой характер.

В XIV в. появились трактаты по технике некоторых отраслей ремесла, содержащие очень ценные данные для истории развития производительных сил. О многих технических приемах в них не сказано, поскольку авторы стремились оберечь монополию мастеров на полное знание своего дела, в силу чего все искусство высококвалифицированного ремесленника в целом продолжало оставаться профессиональным секретом.

От середины XIII в. сохранился замечательный путевой альбом северофранцузского инженера Вильяра де Гоннекура. В нем зарисованы башни, мосты и т. п., набросаны чертежи архитектурных конструкций и строительных механизмов, геометрические и тригонометрические чертежи.

Несомненно, что такие альбомы были в ту пору уже достаточно распространены.

С XIII в. в крупных французских городах стали возникать торговые товарищества (как, например, в Марселе в 1233 г.) со своими временными уставами. Между городами заключались торговые договоры, на ярмарках организовывались объединения (ганзы) городов (например, ганза 17 суконнопромышленных городов во главе с Лиллем в 1343 г.), отраженные в договорных грамотах. Города получили для своих купцов грамоты с различными привилегиями. В XIII в. широко распространились всякого рода кредитные документы, тарифы городских сборов, а в крупных южных портах — таможенные книги. У богатых лангедокских купцов в XIV в. появились торговые книги (*livres de comptes*), например у монтобланцев братьев Бони. В соединении с документами, исходившими от центральной власти, источники по истории ремесла и торговли во Франции весьма богаты и разнообразны и, начиная с XIV в., сохранились в большом количестве.

Правовые памятники во Франции X—XIII вв. состоят главным образом из записей местных обычаев; с середины XII в. развивается королевское законодательство.

После распада каролингской империи население областей Франции знало лишь свое местное обычное право — кутюму (*coutume* — обычай), состоявшую из правовых норм, сложившихся на основе старых правд и грамот, регулировавших отношения сеньеров с крестьянами (часть этих грамот сохранилась в составе картуляриев). На севере страны местные кутюмы существовали до XIII в. только в устной традиции. На Юге в составе кутюм имелись элементы римского права (приспособленные к местным условиям), поскольку в южных городах даже в X—XI вв. до известной степени сохранились, а затем с XII в. снова расцвели товарно-денежные отношения. Южные кутюмы издавна были оформлены в письменном виде; сперва как добавления к различным спискам Бревиария Алариха, затем как муниципальные статуты, действовавшие на территориях провинций. Таким образом, обычное право двух французских народностей, северной и южной, имело, как по содержанию, так и по форме, значительные отличия и было записано на различных диалектах языка той или иной народности. В отношении права территория севернофранцузской народности называлась областью кутюмы (*Pays de coutume*), южнофранцузской — областью писаного права (*Pays de droit écrit*). Граница между ними соответствовала в основном языковой границе двух народностей.

В X—XII вв., в пору наибольшей феодальной раздробленности, в каждой сеньерии существовал свой обычай (*consuetudo terrae*), о котором можно судить на основе данных, сохранившихся в хартиях картуляриев. С конца XII в., а на юге уже с XI в., в связи с развитием городов и товарно-денежных отношений, стала расшатываться прежняя экономическая и политическая замкнутость отдельных сеньерий. В XIII в. начали укрепляться рыночные связи уже в более широких масштабах, в пределах довольно крупных областей. Соответственно этому процессу, многие мелкие графства стали сливаться вместе; началось постепенное формирование французских провинций, границы которых (за некоторыми исключениями) не совпадали с границами прежних крупных герцогств и графств. Внутренний обмен в пределах таких провинций стирал местные отличия в городах и деревнях и приводил к известной унификации форм феодальной эксплуатации крестьянства. Следствием этих процессов и было появление единообразной администрации и общего для провинции закона в форме провинциальной писаной кутюмы.

Провинциальные кутюмы очень важны, как историче-

ские источники. В них записаны данные, из анализа которых вырисовывается социальная и политическая структура провинции. Кутюма определяла порядок централизованного, в пределах провинции, судопроизводства и состав судебных органов, формы феодальной собственности, феодальные связи и взаимоотношения отдельных групп господствующего класса, положение горожан, крестьян и т. д. В провинциальных кутюмах очень хорошо отражены своеобразные особенности французских провинций, наложившие свою печать на всю их дальнейшую историю в составе французского государства. В этом плане значение кутюм как исторических источников особенно важно.

На севере записи провинциальных кутюм начали появляться с XIII в. Они были осуществлены сперва в *coutumiers*, т. е. судебныхниках, составленных в частном порядке судьями для практических целей. Но эти судебники, как правило, получали затем широкое применение, что по тем временам почти заменяло официальную санкцию. Позже, в XV—XVI вв., были составлены официальные редакции кутюм.

Поскольку Нормандия, в силу конкретных исторических условий, значительно опередила на пути внутрипровинциальной централизации прочие северные французские провинции, то первой по времени записью кутюмы на Севере является очень краткий «Древний нормандский судебник» (*Très ancien coutumier de Normandie*), составленный сперва по-латыни, а затем на нормандском диалекте между 1199 и 1220 гг. Около 1250 г. появились новые две редакции, но уже более пространные, из которых французская, вытеснив латинскую, приобрела широкое распространение и действовала вплоть до государственной редакции кутюм в XVI в., а в области частного права сохранилась отчасти и поныне на англо-нормандских островах. Этот «Большой нормандский судебник» (*Grand coutumier de Normandie*)⁵ отражает все своеобразие провинции. Поскольку нормандское крестьянство было лично свободным (что отнюдь не означает отсутствия тяжелой феодальной эксплуатации, засвидетельствованной в сеньериальных документах), то все население Нормандии подлежало герцогской, т. е. централизованной юрисдикции. Отсюда внимание, уделенное в судебнике горожанам и крестьянам. Личная свобода нормандских вилланов способствовала сравнительно быстрой дифференциации крестьянства и мобильности крестьянской земли, следствием чего явилось развитие зафиксированного в кутюме землевладения горожан. Отраженная в судебнике система феодальных связей уже претерпела известное ослабление вследствие развития сильного аппарата герцогской власти (суд, администрация), перенятого французским королем без значительных изменений.

Остановимся еще на судебнике знаменитого юриста XIII в. Бомануара (около 1250—1296), судьи графа Клермонского, а затем судьи в нескольких областях королевского домена. Около 1280 г. он составил «Кутюмы Бовези» (*Coutumes de Beauvaisis*)⁶, запись права области в северной части Иль-де-Франса. Содержание его труда шире заглавия, так как автор проводил систематическое сравнение местной кутюмы с правом Нормандии, Артуа, Вермандуа, Шампани и др. и хорошо знал судебную практику Парижского парламента. «Кутюмы Бовези» представляют собой очень ценный исторический источник; в нем сообщены интереснейшие сведения о правовом положении всех слоев населения и об их взаимоотношениях. Социальная структура и право феодального общества отражены в ясной, подробной и систематизированной форме. За Бомануаром в буржуазной науке укрепилась репутация приверженца христианских идей справедливости, гуманности и терпимости. На деле истинной

причиной терпимости Бомануара является то, что он описал право провинции, в которой крепостное право находилось уже в стадии разложения. Автор зафиксировал права крепостных на выкуп, на отказ от сеньера, на владение землей вне пределов сеньерии и т. д. Он рассказал историю возникновения серважа, изобразив его как состояние, противоречащее «естественному праву, по которому все свободны» и тщательно перечислил условия, исключавшие возможность нового закрепощения лично свободных крестьян. Отраженные в судебнике Бомануара феодальные связи и феодальное землевладение также уже подверглись известному воздействию денежных отношений, что очень характерно для области, расположенной между Нормандией и Парижским районом. «Кутюмы Бовези» имеют еще особую ценность в связи с тем, что они рисуют состояние области, в которой через 80 лет вспыхнула Жакерия.

В XIII — начале XIV вв. появились записи кутюм Вермандуа, составленные Пьером де Фонтепом (около 1253 г.), кутюмы Орлеанэ (анонимная «Книга правосудия и суда» — *Livre de Justice et de Plei*), Анжу, Турени и Орлеанэ (около 1270 г. — анонимные «Установления Людовика святого» — *Etablissements de saint Louis*, представляющие собой судебник частного лица с помещенными вначале двумя указами Людовика IX), кутюмы Артуа, Пикардии, Шампани, Бретани и т. д. Парижская кутюма, сыгравшая большую роль в распространении в Северной Франции единообразной системы судопроизводства, была записана в конце XIV в. парижским адвокатом д'Аблежем в «Большом французском судебнике» (*Grand coutumier de France*).

Начиная с середины XV в., короли пытались выработать из провинциальных кутюм единое французское право, но разница между отдельными провинциями была еще столь значительна, что эти попытки привели лишь к переработке кутюм в соответствии с изменившимися условиями и к утверждению их центральной властью. Эти редакции XV — начала XVI вв. рисуют французское общество на стадии складывания условий, характерных для абсолютной монархии.

Таким образом, памятники французского обычного права отразили в своем последовательном развитии те изменения, которые повлекли за собой появление и развитие товарно-денежных отношений и начавшееся разложение феодального способа производства.

Тот же процесс, послуживший основой складывания централизованного государства, нашел свое выражение и в королевском законодательстве, постепенно расширявшем круг своего применения. Первоначально королевские распоряжения имели силу лишь в пределах королевского домена и по своему характеру ничем не отличались от аналогичных распоряжений крупных феодалов. Они охватывали области суда, управления доменом и его финансами. Благодаря относительно хорошей сохранности королевских архивов, часть их дошла до нас. Что касается таких же распоряжений баронов, то до XIV в. они сохранились в ничтожном числе. Частично их можно восстановить по кутюмам. Эти распоряжения являются основным источником для истории доменального управления.

В середине XII в. появились первые королевские постановления, касавшиеся правосудия и полиции и предназначенные для северной части страны. В дальнейшем, по мере того как шло образование национального государства, королевские законы становились решающим фактором в сфере публичного права, в то время как провинциальные кутюмы устанавливали нормы лишь частного права. Но к концу XV в. короли стали вмешиваться и в эту область, отменяя некоторые устаревшие пункты кутюм.

Королевские законы, называвшиеся обычно ордонансами², представляют собой очень важный источник для истории складывания французского централизованного государства. Однако их следует истолковывать непременно в свете источников, рисующих их конкретное применение

на практике. Самостоятельность французских провинций (особенно южных) была настолько велика не только в XIV—XV вв., но даже и в XVI—XVII вв., что все местные власти на вполне законном основании принимали и регистрировали законы лишь постольку, поскольку они не противоречили провинциальным привилегиям. В парламентских и городских регистрах имеется тому множество примеров.

Ордоансы касались главным образом судопроизводства, финансов, надзора за ремеслами и рынками и т. д. Особо нужно отметить ордоанс 1350 г., начавший собой законодательство о наемном труде, с самого начала имевшее в виду, как указывает Маркс, «эксплоатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему классу».* Этот ордоанс устанавливал максимум заработной платы для сельских и городских рабочих, а также принудительный наем на работу некоторых категорий рабочих. За нарушение закона назначались тюрьма, плети и клеймение железом. Те же наказания грозили нищим и бродягам, число которых в ту пору, в связи с войной и эпидемией, сильно возросло.

Следует отметить, что знаменитый в буржуазной историографии «ордоанс» Людовика X от 1315 г. об освобождении крепостных королевского домена отнюдь не является ордоансом и не ставит себе таких широких целей. Он представляет собой всего лишь распоряжение по домену, в котором чиновникам предписывалось (ввиду острой нужды в деньгах на фландрскую войну) предложить крепостным откупиться от крепостной зависимости. В другом распоряжении, изданном через два дня, приказывалось обложить крестьян, не пожелавших откупиться, сеньериальной произвольной талей (как крепостных). Таким образом, эти два документа лишены широкого значения. Ценность их как источников заключается в другом: они дают представление о практике отмены крепостничества на королевских землях.

Классовая и политическая борьба, особенно обострившаяся с середины XIV в. в связи с начавшимся разложением феодальных отношений и с разорениями, принесенными Столетней войной, вызвала появление обширных ордоансов, содержащих значительные реформы в центральном управлении и в судопроизводстве. Таковы Великий мартовский ордоанс 1357 г., изданный по настоянию штатов в период восстания Этьена Марселя, и кабошьенский ордоанс 1413 г. Они дают важный материал для характеристики экономической и политической программы парижского купечества и ремесленников середины XIV и начала XV вв. Для истории роста и укрепления королевского аппарата в формирующемся абсолютистском государстве интересны ордоансы о реформе управления и судопроизводства, изданные в конце XV в. после Турских штатов 1484 г.

Конкретная практика такого важного государственного органа, каким был королевский суд, запечатлена в судебных регистрах, т. е. протокольных записях принятых решений. Эти, в высшей степени интересные, исторические источники, как в зеркале, отражают все стороны повседневной жизни и главным образом имущественные и социальные отношения. В буржуазной историографии в таком плане они изучены и использованы в ничтожной степени, так как буржуазные историки интересовались ими лишь с точки зрения суда и права. Наиболее важными являются регистры парламентов и в первую очередь регистры Парижского парламента, первого и самого крупного судебного-административного органа французской монархии. С середины XIII в. в Парижском парламенте велись протоколы заседаний (в форме свитков, откуда их название *rotuli parlamentorum*), которые сохранились лишь в отрывках за 1281, 1288 и 1290 гг. С 1319 г. эта практика прекратилась, так как более удобной оказалась система кратких резюме, вписанных в книги (регистры)

* К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 742.

за время с 1254 по 1328 гг. Эти регистры получили специальное название *Olim*⁸ (по первому слову одной из рукописей регистров) и считались официальными документами. Из семи регистров полностью сохранились четыре; остальные дошли до нас лишь в форме многочисленных отрывков. С начала XIV в. регистры велись регулярно во всех палатах парламента.

Очень большой интерес для истории морской торговли Франции имеет кодекс морского права под названием «Олеронские свитки» (*Rôles d'Oléron*, иногда он называется также «Олеронские решения» — *Jugements d'Oléron*). Он был составлен на острове Олерон (вблизи Ларошели) около 1266 г. на местном диалекте секретарем морского суда. Содержащиеся в нем обычаи древнее XIII в. В кодексе оформлены правила судоходства, отношения между судовладельцами и экипажем и т. д. Он был принят не только в атлантических портах Франции, но и в Англии и в портах Северного и Балтийского морей.

* * *

Политическая история Франции X—XII вв., т. е. периода феодальной раздробленности, распадается на историю отдельных областей как севернофранцузской, так и южнофранцузской народностей. Но уже в конце XII в. на базе развития городов началось объединение земель севернофранцузской народности вокруг королевского дома с центром в Париже, причем оно сопровождалось ожесточенной борьбой Капетингов с их могущественными вассалами и в первую очередь с английскими королями, которым с середины XII в. принадлежали многие французские земли.

Источники, освещающие политическую историю этого периода, почти целиком состоят из местных анналов и хроник. Экономическая и политическая раздробленность отчетливо сказалась в раздробленности летописания и в сужении интересов хроникеров. В X в. главное значение имели анналы, которые регулярно велись во всех монастырях и церковных учреждениях. Но постепенно их записи становились все короче и суше, все более ограничивались кругом местных событий. Такой же характер присущ большинству житий святых и биографий епископов и аббатов (*Gesta episcoporum*, *Gesta abbatum*). Из них наибольшее значение имеют биографии епископов, игравших видную роль в политической жизни страны. В крупных епископских городах анналы тоже отличались большей полнотой.

Эпилог каролингской династии описан в самых значительных анналах X в., составленных в Реймсе. Крупный архиепископский город Реймс был в IX—X вв. политическим центром «Западной Франции», доставшейся французским Каролингам. Реймский архиепископ Адальберон возглавлял группу крупных феодалов и сыграл главную роль в событиях, подготовивших избрание королем Гуго Капета. Поэтому реймские летописцы, находясь в центре политической жизни, обладали хорошей осведомленностью и сравнительно широким кругозором.

Между концом Сен-Бертенских анналов (882 г.) и началом Реймских (919 г.) существует разрыв, восполняемый лишь отрывочными сведениями из местных анналов. В 919 г. начал свои анналы, доведенные до 965 г., реймский каноник Флорд о р д (894—966)⁹. Его записи, точные, ясные и довольно подробные, по форме больше приближаются к дневнику, чем к типичным анналам. По содержанию они являются лучшим и во многих случаях единственным источником для политической истории Северной Франции первой половины X в. Благодаря своей близости к ар-

хи епископам и другим магнатам. Флодоард был хорошо осведомлен: в его анналах есть ценные сведения и по истории Лотарингии и Западной Германии. Он же составил «Историю реймской церкви» (*Historia ecclesiae Remensis*) вплоть до 948 г. Значительная ценность этого труда обусловлена использованием утраченных ныне дипломов, а также переписки реймских архиепископов, игравших, как было указано, крупную политическую роль.

Записи Флодоарда были продолжены в Реймсе монахом Рихером (ум. около 998), приверженцем каролингской династии. В своем труде «История»¹⁰ он изложил события за 882—998 гг. в духе благоприятном для Каролингов. Скучные (в отношении дошедших до нас сведений) годы 882—918 Рихер описал очень кратко, преимущественно по слухам. В основе изложения за 919—965 гг. лежат данные, заимствованные у Флодоарда, но обработанные в прокаролингском духе. Сохранившийся автограф «Историй» отчетливо позволяет проследить эту переработку. Последняя часть, охватывающая 966—998 гг., написана самостоятельно. Наибольший интерес представляет описание событий 987 г., приведших к избранию Гуго Капета, что вызвало перемену политической ориентации Рихера; он стал на сторону капетингской партии. Более точные данные, чем записи Рихера, дает переписка реймского архиепископа Герберта за 984—991 гг., ценная также для истории культуры.

Пролог капетингской историографической традиции, сыгравшей впоследствии крупную роль, был весьма скромным. Первоначально центром капетингского домона была Орлеан, а главным очагом летописания — Флерийское аббатство (вблизи Орлеана), аббаты которого были членами или приближенными капетингского дома. Во Флери велись анналы (до середины XI в.) и жития епископов и была начата монахом Эймониом (ум. 1008) «История франков» (*Historia francorum*), доведенная лишь до 654 г. Она была там же продолжена, затем в начале XI в. попала в Сен-Денийское аббатство (вблизи Парижа), которое в ту пору переняло у Флери роль центра королевской анналистики, и там доведена до 1165 г. Этим было положено начало хроникам, развившимся впоследствии в целый свод «Больших Сен-Денийских хроник» (*Les grandes chroniques de Saint-Denis*, иногда они назывались «Большими французскими хрониками» — *Les grandes chroniques de France*). История Франции излагалась в них с точки зрения интересов королевской власти. Сходную судьбу имела хроника другого флерийского монаха, Гюга, составленная в начале XII в. Ее списали и дополнили в XII в. все крупные монастыри парижского района, в силу чего во всем капетингском домоне создалась известная общность летописания, которая была закреплена в конце XII в. в очень краткой латинской хронике, составленной в Сен-Дени: «Сокращенное изложение деяний французских королей» (*Abbre-viatio gestorum regum francorum*).

Время правления Людовика VI, с которого началось укрепление королевской власти, ознаменовано появлением исторических произведений, в которых обосновывалась необходимость сильного центрального управления. Первым из таких трудов была биография короля, составленная аббатом Сен-Денийского монастыря Сугерием (около 1081—1151), приближенным Людовика VI и ближайшим советником Людовика VII. Написанная между 1138 и 1144 гг., «*Vita Ludovici regis*»¹¹ Сугерия представляет собой панегирик, в котором тщательно обойдены все теневые стороны. Но вместе с тем автор, прекрасно осведомленный о всех государственных делах, сообщает много важных сведений, обрисовывающих политику королевской власти и отношения Франции с Италией, Гер-

манией, Палестиной. Следует указать, что данные подобного рода тем более ценны, что они редко встречаются в других хрониках и анналах. Биография Людовика VI Сугерия и его же заметки для истории Людовика VII (доведенные только до 1151 г.) имели большое значение для развития Сен-Деннйских хроник.

Оценивая начальную стадию капетингского летописания, необходимо отметить, что проводившиеся в нем идеи прославления королевской власти как силы централизующей имели на том этапе прогрессивное значение и непосредственно отражали стоявшие перед Капетингами политические задачи.

В истории других важнейших анналов и хроник X—XII вв. очень отчетливо сказались местные особенности.

Необходимо подчеркнуть, что отдельные области обеих французских народностей представляли собой исторически сложившиеся территории со своими этническими, языковыми и социально-экономическими особенностями, которые, как известно, сохранились отчасти и в дальнейшем, когда эти области превратились в провинции централизованного государства. В XI—XII вв. почти в каждом герцогстве и графстве появились свои местные хроники, и в течение XII в. они почти полностью вытеснили анналы.

В Нормандии местные анналы появились только в XI в. Такое запоздание следует, повидимому, приписать разорению, которое постигло эту область в X в. в результате завоевания ее норманнами и их войн с последними Кароллингами. Характерно, что и автором первой нормандской хроники был не местный уроженец, а сен-кантенский каноник Дудон (около 960—около 1043) из соседнего графства Вермандуа. Он несколько раз побывал в Нормандии с дипломатическими поручениями, и ему, как человеку по тем временам весьма образованному, герцог Ричард I (ум. 996) поручил написать историю нормандских герцогов. Труд Дудона «О нравах и деяниях первых нормандских герцогов» (*De moribus et actis primorum Normanniæ ducum*)¹² был составлен около 1015 г.; он целиком основан на устной традиции — на народных преданиях и на сведениях, полученных от брата герцога Ричарда. В первых частях речь идет о поселении норманнов с их вождем Роллоном на Нижней Сене, о разделе земель между ними, об их дальнейших набегах на окрестную территорию и о захвате ее. Описывая правление герцогов Вильгельма и Ричарда, Дудон восхваляет их заслуги в панегирическом стиле. Несмотря на явные преувеличения и на легендарность многих данных, этот источник ценен тем, что является единственным для ранней истории Нормандии, сыгравшей затем такую важную роль в истории Франции и Англии.

Хронике Дудона продолжил монах Гильом из Жюмьежа (конец XI—начало XII вв.), составивший около 1070 г. «Историю норманнов» (*Historia Normannorum*), которая была затем доведена до середины XII в. другими авторами. В хронике Гильома имеется краткий, но весьма ценный по сообщаемым сведениям, рассказ о восстании нормандских крестьян в 997 г.

История завоевания Англии описана между 1071 и 1077 гг. в «Деяниях герцога Вильгельма» (*Gesta Guillelmi ducis*) Гильома из Пуатье (середина XI в.), который был сперва рыцарем, затем капелланом герцога и очевидцем событий. Это произведение также является панегириком, но содержит некоторые ценные сведения. На основе всех этих хроник и местных анналов около 1160 г. была сложена поэтом Уасом стихотворная хроника «Роман о Роллоне» (*Roman de Rou*), содержащая историю нормандских герцогов до 1106 г. и завоевание Англии. Написанная на нормандском диалекте, хроника Уаса предназначалась для широких кругов слушателей и читателей и имеет много сходства с эпическими поэмами. Вместе с тем она является

ценным историческим источником, так как, помимо заимствований из латинских хроник, автор использовал устные народные предания и собственные наблюдения.

С середины XI в. Нормандия оказалась в составе англо-нормандского королевства и находилась в тесных сношениях с нормандскими владениями в Южной Италии, а затем и в Палестине. Крупнейшим нормандским хроникером первой половины XII в. был Ордерик Виталь (1075—около 1143), родившийся в Англии, но проведший почти всю жизнь в нормандском монастыре Сент-Эвркуль. В монастыре была хорошая библиотека, что позволило Ордерiku внимательно изучить многие хроники, анналы, жития, документы и т. д. Кроме того, он собрал от посещавших Сент-Эвркуль рыцарей, клириков и паломников обширные сведения о событиях в Англии, Франции, Южной Италии и Палестине. В труде Ордерика «Церковная история» (*Historia ecclesiastica*)¹³, составленном в 1120—1141 гг., использованы письменные источники, устные рассказы и народные предания и песни, которые автор, сам будучи поэтом, тщательно собрал и записал. «Церковная история» гораздо шире своего заглавия; отдельные части хроники писались не в последовательном порядке, и она не имеет единообразного и стройного плана. В ней содержатся: всемирная хроника (до 1143 г.), история Франции и Европы за 751—1141 гг., история завоеванных норманнами Англии и Южной Италии, хроника первого крестового похода, история монастыря Сент-Эвркуль. Типично хроникальная манера изложения заменена по большей части очень живым повествованием, имеющим подчас характер личных воспоминаний. Но при всей сложности конструкции, отступлениях, повторениях и т. д. хроника Ордерика пронизывает определенная политическая мысль. Ордерик является единственным хроникером, описавшим разбросанную по Европе и Ближнему Востоку своеобразную нормандскую «державу», отдельные части которой уже получили в его время политическую самостоятельность, но еще не утратили связей друг с другом. Именно с точки зрения этой общности Ордерика интересовали история Англии, Нормандии, нормандских герцогств в Италии, а также первый крестовый поход, в котором бароны и рыцари Нормандии и Южной Италии сыграли едва ли не руководящую роль. В целом сведения, содержащиеся в хронике, точны. Она имеет большую ценность и для истории начального периода борьбы Капетингов с Плантагенетами.

В герцогстве Бретонском монастырские анналы и хроники были очень многочисленны в XI—XII вв. (отчасти и в XIII в.), но сохранились по большей части лишь в отрывках. Полная политическая самостоятельность кельтской Бретани, резко отличавшейся от Франции в этническом и языковом отношении, обусловила раннее появление хроники, охватывающей историю герцогства, а частично и историю соседних областей. «Нантская хроника» (*Chronicon Nannetense*) содержит события за 570—1049 гг.; она была составлена, по видимому, около 1060 г. местным каноником, использовавшим нантские и другие анналы. Первоначальный текст не сохранился, но его удалось реконструировать из различных отрывков и позднейших переложений.

Анжуйская хроника, называвшаяся в XI в. «Деяния анжерских консулов» (*Gesta consulum Andegavensium*), а в XII в. «История анжуйских графов» (*Historia comitum Andegavensium*), излагает историю анжуйского графства и, частично, сопредельных территорий до начала XII в. В четырех последовательных редакциях этого текста рельефно отобразилась борьба графами анжуйскими и блуасскими, а затем и нарастающие противоречия между графами анжуйскими (Плантагенетами) и французскими королями. Первая редакция была составлена в начале XII в. в духе благоприятном для блуасских графов; затем в середине XII в. она была основательно переработана другим автором, приверженцем Анжуйского дома. Третья редакция (утраченная) представляла собой компиляцию из первых двух. Наконец, около 1170 г. появилась официальная история графов анжуйских, составленная для Генриха II Плантагенета, в которой материал еще раз подвергся переработке.

Во всех многочисленных монастырях Артуа и Фландрии в течение X—XII вв. велись анналы, часть которых была начата еще в каролингское время. Из местных

хроник следует отметить хронику Ламберта (конец XII в. — начало XIII в.), каноника из городка Ардра (вблизи Кале), который составил в начале XIII в. «Историю графов Ганских» (*Historia comitum Ghispensium*). Автор использовал народные предания, песни, легенды, некоторые документы, рассказы феодалов и т. д. Ценность хроники заключается в том, что история маленького феодального мирка дана с исключительной для начала XIII в. подробностью и множеством бытовых деталей, которые позволяют очень рельефно представить себе картину повседневной жизни средних и мелких феодалов. Нужно учесть, что в этой картине, несомненно, очень много таких черт и красок, которые были типичны для феодальной Франции того времени.

Очень широкое распространение получила в Северной Франции всемирная хроника монаха из монастыря Жамблу (вблизи Намюра) Сигиберта (около 1030—1112). Она охватывает период от 381 г. до 1111 г. и как исторический источник ценна лишь в своей последней части, относящейся ко второй половине XI—началу XII вв. Сигиберт использовал обширные письменные источники, главным образом по истории Франции и Германии, и свел их в ясный и связный рассказ. В силу этого его хроника представляла собой удобную канву для разнообразных добавлений и продолжений на местах, что и обеспечило ей очень широкую популярность. Ее списывали и дополняли почти во всех монастырях. Эти местные дополнения и продолжения (*auctaria* и *continuaciones*) как источники ценнее самой хроники и для истории Северо-восточной Франции дают в сумме важные сведения.

Чрезвычайную ценность для истории коммунального движения во фландрских городах имеет произведение Гальберта Брюггского (конец XI—начало XII вв.) «Об убийстве Карла графа, Фландрского» (*De multro, traditione et occisione Caroli comitis Flandriarum*). Автор был нотариусом графа и очевидцем всех событий, которые разыгрались во Фландрии в связи с убийством Карла. Сделанные им очень подробные и точные записи охватывают короткий период с марта 1127 г. по июль 1128 г. и обрисовывают социально-экономические отношения, торговлю, восстания в Брюгге, Генте, Ипре и других городах, установление в них коммун, борьбу Франции, Англии и Германии вокруг фландрского «наследства» и т. п. Подробный рассказ Гальберта важен тем, что вскрывает типичные черты коммунального движения, присущие аналогичным событиям и в других городах-коммунах, о чем сохранились гораздо более краткие сведения.

Исключение составляет лишь история установления коммуны в городе Лане, благодаря очень подробному рассказу аббата Ножанского монастыря (вблизи Лана) Гиберта (1053—1124). Содержащая этот рассказ автобиография Гиберта Ножанского (*De vita sua*) вообще стоит особняком среди всех произведений начала XII в. Она представляет собой мемуары, составленные в 1114—1115 гг., в которых речь идет от первого лица, и очень ярко сказывается индивидуальность автора. В первой части рассказано о детстве и воспитании, что дает выразительную и типичную картину жизни французского рыцарства. Вторая часть посвящена истории Ножанского монастыря, третья — истории Лана, включая восстание 1111 г. против епископа Годри. Автор враждебно относится к восставшим горожанам; для него «коммуна — новое и очень скверное слово». Маркс писал по этому поводу: «Забавно, что слово «*communitio*» — коммуна, объединение нередко встречалось такой же руганью, как в наши дни коммунизм».* Вместе с тем Гиберт не умалчивает о вымогательствах и беззакониях, которые творили епископ и его приближенные, что и было непосредственной причиной восстания.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 82.

Особый характер имеют хроники, возникшие в первой половине XI в. в Аквитании, т. е. на территории южнофранцузской народности, и в Бургундии, входившей тогда временно в состав Священной Римской империи.

В хронике ангулемского монаха Адемара Шабанского (около 988—1034)¹⁴, доведенной до 1028 г. и составленной около 1030 г., описана история Аквитании в старом (римском и франкском) широком значении этого термина, т. е. всей территории между Луарой и Гаронной. Первые две книги хроники содержат историю еще всей Франции до 814 г. В них использованы хроники и анналы VII—IX вв., но с многочисленными добавлениями, касающимися Аквитании. Третья книга посвящена только истории Аквитании X—начала XI вв. Материалом для нее послужили местные анналы (частично утраченные) и устная традиция. Адемар долго жил в Лиможе, центре многочисленных паломничеств, и собрал там сведения по истории аквитанских и отчасти пограничных земель. Характерно, что по истории Северной Франции его осведомленность крайне плоха. В хронике Адемара описаны бесчестные междоусобные войны южных графов, строительство каменных крепостей, замков и т. д. Суровые и жестокие нравы, характерные для периода феодальных распрей (калечение, ослепление, отравления, убийства врагов) обрисованы Адемаром с эпическим спокойствием; но нужно отметить, что порой оно ему изменяет, и тогда автор с гневом именует некоторых феодалов свирепыми волками и львами. Адемар сообщил очень важные сведения по истории ересей в Южной Франции, которые затем развились в альбигойскую ересь.

После того как в середине XI в. Аквитания распалась на ряд графств и герцогство Гиень, в каждом из них появились свои хроники, возникшие на основе местных анналов. Типичными примерами являются лиможские хроники Жоффруа из Вижуа (ум. около 1184) и Бернара Итье (1163—1225). В первой из них, охватывающей историю местных феодальных домов до 1183 г., содержатся очень интересные данные о крестьянских ересьях и восстаниях XII в. Вторая написана в конце XII—начале XIII в. и доведена до 1224 г. Материал заимствован из разных лиможских анналов, преимущественно из тех, которые были составлены в монастыре св. Марциала, обладавшем большой библиотекой и школой, куда стекались ученики со всей Южной Франции и отчасти из центральных областей, что обусловило монастырским летописцам известную широту кругозора.

Почти все сохранившиеся анналы и хроники Лангедока относятся уже к XIII в., так как большая часть исторических произведений X—XII вв. погибла во время альбигойских войн. Политическую историю Лангедока X—XII вв. можно обрисовать только на основе немногочисленных житий, грамот, скудных генеалогий феодальных домов, кратких историй монастырей и отрывков из анналов, сохранившихся в некоторых позднейших городских хрониках. Лишь для второй половины XII в. имеется история Тулузского графства.*

Хроника бургундского монаха Рауля Глабера (около 985—около 1047) посвящена истории всех бургундских земель. Глабер писал свои «Истории»¹⁵ в 1030—1040 гг., т. е. в ту пору, когда основная территория Бургундии (включавшая в себя Франш-Конте, Прованс, Дофинс, Савойю и Швейцарию) вошла в состав Священной Римской империи германской нации и лишь герцогство Бургундское (на запад от р. Соны) находилось под номинальным владычеством французских королей. Перебывав во многих бургундских монастырях, Глабер провел большую часть жизни в Клуни, центре клунийского движения, охватившего большинство западноевропейских монастырей, и в Дижоне, крупном городе на пути из

* См. стр. 145.

Италии в Центральную и Северную Францию. И там и здесь он смог собрать из письменных и устных источников довольно обширный материал. Хроника обличает крайнее, даже для того времени, суеверие автора; она переполнена различными легендами и рассказами о чудесах. Вместе с тем в ней имеются очень реалистические описания страшных голодовок 1031—1033 гг. Другое произведение Рауля Глабера «Житие св. Бенигна», аббата одного из дижонских монастырей и крупного прелата начала XI в., содержит очень интересные подробные сведения о постройке монастырской церкви.

Для истории Франции XII в. большое значение имеет деловая переписка государственных и общественных деятелей. К сожалению, она сохранилась лишь в отрывках, но и они дают немало сведений по политической и культурной истории того времени. Особенно ценен как исторический источник сборник 569 писем * Людовика VII и других лиц за 1159—1171 гг., составленный канцлером Гюгом де Шанфлери (сборник парижского монастыря Сен-Виктор). Из переписки других лиц следует указать на письма Сугерия, Абеляра и его врага Бернара Клервосского, клюнийского аббата Петра и т. д.

Для исследуемого периода, еще относительно скудного документальными и повествовательными источниками, большое значение имеют литературные произведения, рисующие быт, нравы и культуру различных слоев феодального общества. Они написаны на различных диалектах северофранцузского и провансальского языков. Особенно интересен эпос. В подавляющем большинстве случаев древние народные эпические песни до нас не дошли; сохранились лишь позднейшие переработки, в которых отражена идеология рыцарства. Характерно, что обе французские народности создали в XI—XII в. свои отдельные эпические произведения. Несмотря на то, что еще в наши дни в Провансе бытуют в устной традиции некоторые местные сказания о Роланде, знаменитая «Песнь о Роланде» в целом представляет собой эпос северофранцузской народности, составленный на центральнофранцузском диалекте. В нем восста в героических тонах неудачная для франков Ронсевальская битва (во время похода Карла Великого в Испанию в 778 г.). Образы императора и его вассалов, особенно графа Роланда, созданы по канонам рыцарского кодекса морали и чести.

В замечательном по своим художественным качествам эпосе южнофранцузской народности запечатлена борьба аквитанских магнатов с Карлом Мартеллом. Историческим прототипом героя эпоса о Жираро де Россильон явился граф Жирар Вьеннский, живший в IX в., но обрисовка некоторых событий восходит к VIII в., к завоеванию Аквитании Карлом Мартеллом. Народный эпос о Жираре, воспевающий борьбу героя с франками, в своем первичном виде (IX в.) не сохранился. До нас дошла лишь редакция XII в., но со следами древнего текста. Другие южные эпические сказания посвящены графам Тулузским, как представителям независимого Юга.

Рыцарские романы на Севере (написанные во многих случаях на сюжеты народных кельтских сказаний), лирика южных трубадуров и северных труверов, городские фавлио и т. д. содержат множество ценных сведений по истории культуры, быта, идеологии господствующего класса и горожан. Большой интерес в этом отношении представляют собой биографии трубадуров, составленные в середине XIII в., в некоторых случа-

* По своей форме это все еще грамоты, но с очень разнообразным содержанием, преимущественно политического характера.

ях на основе достоверных биографических сведений, но в большинстве своем — чисто литературные произведения с вымышленными данными. Народные песни того времени дошли в очень скудном числе. Жизнь бродячих студентов рисуют так называемые «голиардики», т. е. студенческие песни, в которых имеется немало сатирических выпадов против духовенства, папства и феодальных сеньеров.

* *
*

Основным содержанием политической истории Франции XIII—XV вв. является постепенное образование национального государства. В этот период совершается присоединение Юга и подчинение южнофранцузской народности Северу, несмотря на попытки Англии помешать этому процессу. После окончания Столетней войны и борьбы с Карлом Смелым с Францией воссоединяется западная часть Бургундии, чем завершается в основном образование национального государства.

Главными источниками по политической истории Франции XIII—XV вв. являются хроники, особенно многочисленные начиная с XIV в. Указанные выше процессы очень рельефно отображены в самом развитии этого типа исторических источников. В связи с постепенным объединением страны вокруг Иль-де-Франса с его столицей — Парижем, возрастает значение королевских хроник, составлявшихся в Сен-Дени. Местные провинциальные хроники отодвигаются на задний план; хотя в период Столетней войны наблюдается некоторое их возрождение (особенно на юге), но к концу XV в. они совершенно мельчают и почти совсем исчезают. Во время борьбы Людовика XI с Карлом Смелым большое значение приобретают хроники, составлявшиеся во владениях бургундского герцога; затем это значение сходит на нет. Необходимо еще раз подчеркнуть, что примерно с конца XIV в. главным источником по политической истории Франции становится документальный материал, по сравнению с которым как севернофранцузские, так и южнофранцузские и бургундские хроники конца XIV и XV вв. в качестве исторических источников занимают уже второстепенное место.

На первое место среди всех французских хроник XIII—XV вв. следует поставить Сен-Денийские хроники⁶. Выше уже указывалось, что в конце XII в. на основе флерийских и сен-денийских аяналов начал постепенно складываться цельный свод, заканчивавшийся биографией Людовика VI, составленной Сугерием, т. е. 1137 годом. Продолжателями этого дела были Ригор и Гильом Бретонский, описавшие очень важный в истории Франции период правления Филиппа II Августа. Ригор (ум. около 1209) был сперва врачом в Лангедоке, затем, с 1189 г. и до смерти, монахом в Сен-Дени, где в конце XII—начале XIII вв. составил несколько редакций своего труда «Деяния Филиппа-Августа» (*Gesta Philippi Augusti*), доведенного до 1207—1208 гг. Светская профессия автора наложила известный отпечаток на его произведение, которое соответствует по своему духу обдуманной, расчетливой политике Филиппа. Обильный документальный материал, приводимый иногда полностью, письма, собственные точные наблюдения придают хронике Ригора большую ценность. В ней описана деятельность короля и жизнь Парижа, его стены, рынки, здания, мостовые и т. д. Первая редакция труда Ригора (составленная около 1196 г.) носит панегирический характер; в дальнейшем автор проявил известную независимость в суждениях о личности короля. Каноник и королевский капеллан Гильом Бретонский (около 1159—около 1224) продолжил хронике Ригора под тем же загла-

нием. Ядром этого продолжения является описание войн 1213—1214 гг. и особенно битвы при Бувине, во время которой Гильом находился рядом с королем. Затем он дополнил свой труд выдержками из Ригора, переработав их в духе, благоприятном для Филиппа-Августа, и продолжил рассказ до 1220 г. Кроме хроник, он написал также поэму «Филиппиду», которая представляет собой очень ценный источник для истории военного искусства, нравов, верований (особенно бретонских), для истории фландрских и северофранцузских городов, для топографии Северной Франции.

Хроники Ригора и Гильома Бретонского, содержавшие обильный фактический материал, были составлены или переписаны в Сен-Дени, но существовали как отдельные исторические произведения. В середине XIII в. старый свод, заканчивавшийся 1137 г., подвергся новому пересмотру и был дополнен хроникой Ригора и выдержками из Гильома Бретонского и из сен-денийских анналов. В результате этой работы сложился новый свод Сен-Денийских хроник, содержавший историю Франции до 1137 г. и за период 1180—1223 гг. Промежуток между 1137 и 1180 гг. был заполнен только в конце XIII в., когда сен-денийский монах (возможно, что Гильом из Нанжи, ум. 1300) составил биографии Людовика VII и Людовика VIII. Одновременно Гильомом были написаны также биографии Людовика IX и Филиппа III, представляющие собой преимущественно компиляции из разных, ныне частично утраченных, хроник. Лишь последняя часть биографии Филиппа III, за 1277—1285 гг., написана Гильомом из Нанжи самостоятельно.

В результате к концу XIII в. в Сен-Дени существовал обширный латинский свод, доведенный до 1285 г. Но в это же время там же, в Сен-Дени, начал формироваться и другой свод — французский, которому предстояло сыграть еще большую роль во французской средневековой историографии.

Еще в 1274 г. один из сен-денийских монахов, Примат, преподнес Филиппу III составленную им французскую версию истории Франции до 1223 г. Это был перевод латинского свода, но с некоторыми изменениями и, поскольку в 1274 г. латинский свод еще не содержал истории правления Людовика VII (1137—1180 гг.), Примат составил ее сам на основе хроник продолжателей Гильома Тирского и других источников. Французский перевод сен-денийского свода сразу же получил исключительную популярность и был переписан во множестве списков. История родной страны, изложенная на родном языке, стала любимым чтением во всех городах, замках и даже в монастырях, хотя в последних в конце XIII—начале XIV вв. наряду с этим еще продолжали переписывать латинский свод. «Большие французские хроники» (*Grandes Chroniques de France*) — это название прочно закрепилось за французским сводом уже в начале XIV в. и перешло затем в науку — сыграли большую роль в формировании культурной общности французского народа, в распространении по стране центральнофранцузского диалекта. По этим хроникам получали историческое образование, узнавали историю Франции все грамотные слои населения. Но и до неграмотных, т. е. до подавляющего большинства французского народа, доходило кое-что из этой истории родной страны, так как бродячие жонглеры широко использовали текст «Больших французских хроник» для своих рифмованных песен на исторические темы, распевавшихся по городам, селам и дорогам Франции. Разумеется, эти народные версии не были дословным повторением официального королевского свода; в них очень силен легендарный элемент, в известной мере отражающий, как во всяких народных песнях, чаяния широких народных масс.

Популярность сен-денийского свода (особенно французской редакции) была своеобразным выражением одобрения прогрессивной в ту пору деятельности французской королевской власти. По сравнению с другими французскими хрониками XIII в. сен-денийский свод наиболее ярко отражал роль королевской власти, которая была «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации».*

Чрезвычайный интерес к составленному Приматом французскому своду привел к тому, что вскоре к нему были добавлены (тоже в Сен-Дени) французские переводы биографий Людовика VIII, Людовика IX и Филиппа III, составленных Гильомом из Нанжи. В итоге в самом конце XIII в. оба свода, латинский и французский, по охвату материала стали вполне тождественны. В первой половине XIV в., до 1340 г., их продолжали вести параллельно, но оригиналом попрежнему оставался латинский («Хроники продолжателей Гильома из Нанжи»); французская редакция все еще являлась то полным, то сокращенным переводом. В 1340 г. произошла перемена: продолжение латинского текста было временно прекращено и французский текст стал оригиналом. К этому вопросу мы еще вернемся в связи с рассмотренным хроник XIV в.

Другим крупным историческим произведением XIII в. являются мемуары шампанского маршала Жуэнвиля (1225—1317), участника седьмого крестового похода, во время которого он стал другом и вассалом Людовика IX, получив от него феодал-кошелек (*ief de bourse*), выражавшийся в ежегодной денежной оплате. При помощи таких денежных вассальных связей короли стремились подчинить себе не зависевшую от них непосредственно феодальную знать (в данном случае вассала графа Шампанского). Тем не менее Жуэнвиль отказался сопровождать короля в восьмой крестовый поход, а при Филиппе IV и особенно после его смерти активно выступал против усиления королевской власти, участвуя в реакционном дворянском движении 1314 г. Жуэнвиль был типичным представителем феодальной аристократии с реакционной политической идеологией, что в известной мере отразилось и на его произведении.

Мемуары Жуэнвиля, называвшиеся «Книга о святых речах и добрых деяниях Людовика святого» (*Livre des saintes paroles et des bonnes actions de Saint Louis*)¹⁷, были составлены в два приема. Около 1274 г. Жуэнвиль продиктовал основную часть своего труда, посвященную седьмому крестовому походу (1248—1254 гг.), в которой главное место занимают записи об его личных впечатлениях. В конце XIII в., уже после канонизации Людовика IX, в которой Жуэнвиль принял активное участие, он составил, по просьбе вдовствующей королевы, свои воспоминания о короле и присоединил их к мемуарам о крестовом походе, в которых также содержалось немало сведений о Людовике IX. Для большей связности и цельности рассказа в эти воспоминания были вставлены обширные выдержки из соответствующего раздела «Больших французских хроник». Вся работа в целом была закончена в 1305 г. и поднесена будущему Людовику X.

Ценность ее как исторического источника заключается главным образом в чрезвычайно ярком и талантливым изображении французского рыцарского общества XIII в., затем в интересных деталях истории седьмого крестового похода. Личность короля сильно идеализирована; что же касается его государственной деятельности, то последняя не получила в произведении Жуэнвиля подробного и точного изображения. Автор не имел о ней достаточных сведений; кроме того, по своим политическим

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

взглядам он не был последовательным сторонником укрепления центральной власти. Мемуары Жуэвиля являются также замечательным литературным памятником, чрезвычайно ценным для истории французского языка. Их многократно переписывали в XIV—XV вв., причем первоначальный текст постепенно подвергся переделкам и сокращениям.

Особо следует остановиться на хрониках, в которых описана драматическая история альбигойских войн, приведших к присоединению Лангедока к Северной Франции, что представляло собой важный этап в процессе соединения двух родственных народностей и формирования централизованного государства. Первым из этих исторических трудов является хроника П е т р а Монаха, приверженца Симона Монфора и идеолога севернофранцузского рыцарства. Она называется «О деяниях и памятных победах Симона графа Монфорского» (*De factis et triumphis temoabilibus S. comitis de Monteforti*) и доведена до 1219 г. Благодаря близости к вождю северного рыцарства автор был хорошо осведомлен и дал подробный и довольно точный рассказ о событиях первого этапа завоевания, освещенный с точки зрения фанатичного врага альбигойцев.

Другая хроника — «История альбигойцев» (*Historia albigensium*) — принадлежит капеллану графа Тулузского Раймунда VII Гильому Пюилорану (начало XIII в. — около 1273) и содержит историю Тулузского графства за 1145—1272 гг., изложенную с точки зрения независимости Лангедока. В анонимной краткой «Генеалогии графов Тулузских» (с Карла Великого до 1271 г.) много неточностей и неверных дат. Свообразным и ценным источником является стихотворная история альбигойских войн на лангедокском диалекте провансальского языка «Песнь о крестовом походе», охватывающая период за 1208—1219 гг. Ее первая часть (до 1213 г.), составленная клириком Гильомом Тудельским, значительно дополняет вышеуказанные хроники. Что касается автора второй части, то имени его установить не удалось; по своим политическим симпатиям он крайний сторонник независимости Юга. От южных феодалов он собрал много сведений, дополнив их личными наблюдениями и, обладая беспорным талантом, облек свое произведение в подлинно поэтическую форму. В поэме довольно точно отражена ожесточенная борьба Лангедока против северофранцузских рыцарей.

Следует отметить, что в XIII в. во Франции, в связи с расцветом городов и университетов, сильно возрос интерес не только к отечественной, но и к всемирной истории, точнее к истории прочих европейских стран. Появилось несколько всемирных хроник, из которых самой ценной в качестве исторического источника является составленная в начале XIII в. хроника Р о б е р т а О к с е р р с к о г о (1156—1212), получившая впоследствии многие продолжения. Автор использовал хронику Сигиберта из Жамблу, но дополнил ее множеством новых данных и дал самостоятельную, точную и очень богатую по сообщаемым сведениям историю стран Европы и латинского Востока за 1175—1212 гг.

Наибольшее распространение в XIII—XIV вв. получило во Франции «Историческое зеркало» (*Speculum historiale*) доминиканца Винцентия из Бове (1190—1264), представляющее собой часть его же обширной энциклопедия «Зерцало» (*Speculum*). В XIII в., в век альбигойских войн и усиленного развития других ересей, доминиканцы взяли на себя задачу укрепления власти и авторитета папства не только при помощи костров инквизиции, но и путем руководства школьным и особенно университетским образованием. Для этой цели они составили в строго ортодоксальном духе многие учебники. «Зерцало» Винцентия из Бове было частью, и притом очень значительной, этой доминиканской литературы. Стремясь воздействовать на идеологию в желательном для католической церкви направлении, оно давало сводку всех известных в ту пору сведений по богословию, истории и естественным наукам под соответствующим углом зрения. Создание громадной по размерам энциклопедии было по сути делом не одного Винцентия, а целого коллектива монахов, которым был предоставлен доступ к рукописям богатой библиотеки Людовика IX. «Историческое зеркало» дает довольно ясную сводку из предыдущих всемирных и других хроник. Оно было затем переработано в более краткую редакцию; в XIV в. обе версии были переведены на французский язык и получили очень широкое распространение. Ценность «Зерцала» как исторического источника по истории Франции и Европы XIII в. невелика, так как оно является в большей своей части компиляцией из известных нам источников.

Борьба за Фландрию и последовавшая затем Столетняя война сыграли очень большую роль в развитии французских хроник XIV—XV вв. Длительная война между сильнейшими государствами Западной Европы, крестьянские войны во Фландрии, Франции и Англии, восстания Артевельде и Этьена Марселя — все эти события способствовали расширению кругозора хроникеров, по преимуществу светских лиц, заставляли их излагать историю Франции в тесной взаимосвязи с историей других стран, привлекали особое внимание к европейским дипломатическим отношениям и т. д. Усиление классовой борьбы нашло себе отражение и в хрониках того времени, обострив классовые симпатии их авторов. В XIV—первой половине XV вв. во Франции было написано очень большое количество хроник.

Ведущее место в XIV—XV вв. попрежнему занимали «Большие французские хроники»; их переписывали и читали больше всех других исторических произведений, не исключая даже весьма популярной хроники Фруассара. Как уже указывалось, до 1340 г. оба свода, латинский и французский, велись параллельно, хотя и не вполне одинаково. Затем продолжался из года в год только французский текст. За период 1350—1380 гг. «Большие французские хроники» составлялись уже не в Сен-Дени, а непосредственно при королевском дворе и под руководством Карла V. Автором этой части был канцлер и ближайший советник короля Пьер д'Оржемон (ум. 1389), который также пересмотрел и заново отредактировал прежний текст французского свода. Характер сделанных им изменений полностью соответствует той политической обстановке, которая сложилась во Франции на первом этапе Столетней войны и особенно обострилась после мира в Бретиньи 1360 г., когда все юго-западные провинции отошли к Англии. Редактируя «Большие французские хроники», д'Оржемон стремился подчеркнуть исконные права французского короля на всю территорию Франции, его прерогативы как сюзерена и вассальную зависимость от него английского короля. В те годы этот вопрос имел исключительную важность, ибо дело шло о претензиях Плантагенетов на французскую корону и на французскую территорию. Защищая династические интересы Капетингов, д'Оржемон тем самым защищал национальные интересы Франции, ее единство и независимость. Вместе с тем в составленной им части «Больших французских хроник» (1350—1380 гг.) д'Оржемон выступает как враг восставших парижан и крестьян, как ревностный защитник господствующего класса и феодального государства. Его подробный рассказ о восстании Этьена Марселя (д'Оржемон был свидетелем разыгравшихся в Париже событий) и краткое сообщение о Жакерии не только тенденциозны и полны чувства классовой ненависти к народу, но и дают в целом искаженное представление об этих восстаниях. Стремясь во всем обелить и возвеличить Карла V, д'Оржемон совсем умалчивает об известных фактах, а некоторые события излагает неверно. Но по сравнению с прочими хронистами середины XIV в. его труд наиболее богат фактическим материалом; в нем приведено много документов. Им заканчивался в конце XIV в. французский свод. Таким образом, «Большие французские хроники» как цельное, пронизанное единой политической идеей, историческое произведение были оборваны на 1380 г. и в рукописной традиции не получили дальнейшего продолжения. Однако прекращение составления свода как такового отнюдь не означало конца королевской и, в частности, сен-денийской историографии. Она продолжалась, но отдельные хроники долгое время оставались изолированными, не присоединялись к своду, не переписывались вместе с ним и, следовательно, формально не продолжали его. Лишь через сто лет,

в 1477 г., в первом печатном издании «Больших французских хроник» эти хроники, содержавшие историю Франции конца XIV в. и за XV в., составили (в переработанном виде) последнюю часть книги, охватившей, таким образом, всю историю страны с древнейших времен до Людовика XI. Чтобы понять причину такого длительного перерыва, необходимо учесть, что столетие, прошедшее между окончанием рукописного свода (1380) и выходом в свет печатного издания (1477), было чрезвычайно бурным и тяжелым. Франция пережила длительную кровавую междоусобицу бургундцев и арманьяков, новое английское вторжение и оккупацию Парижа, северных и юго-западных провинций, войну с англичанами и, наконец, упорную борьбу с Бургундией. Все эти события не могли не отразиться на официальной историографии. Бургундско-арманьякская междоусобица разделила на враждебные лагеря не только королевский двор и феодалов, но и значительную часть городов. Сами королевские хроникеры были причастны к этим партиям, что сказалось и на их произведениях.

История правления Карла VI (1380—1422) изложена в латинской хронике неизвестного по имени сен-денийского монаха (*Religieux de Saint-Denis*, около 1350 — около 1414)¹⁸. Автор был официальным королевским историографом, много бывал при дворе, был хорошо сведомлен и использовал в своей хронике, писавшейся почти параллельно событиям, богатый документальный материал. По мере углубления междоусобицы (т. е. с первых годов XV в.) он склонился на сторону бургундской партии. Его подробная и в общем точная хроника является лучшей и наиболее полной историей Франции конца XIV — начала XV вв. Характерно, что только в ней мы находим краткое, но очень выразительное и точное описание крестьянской войны 1382—1384 гг. в Лангедоке (восстание тошенов). Однако бургундская тенденция этой хроники сделала ее неприемлемой для королевской власти уже в начале 1430-х годов, после перелома в войне, вызванного победами Жанны д'Арк. Один из приближенных Карла VII, видный политический деятель середины XV в. Жувенель Дезюрсен (1388—1473) в 1431—1442 гг. перевел и переработал труд монаха, изменив при этом его политическую окраску. Но вскоре и эта версия оказалась недостаточно роялистской. В последние годы Столетней войны, после крупных побед над англичанами королевский герольд Жиль Лебувьё (1386—около 1454) еще раз заново написал историю 1402—1422 гг. в духе прославления королевской власти. Он же составил (также на французском языке) историю Карла VII, ценный источник для истории военных действий и дипломатических переговоров. Наконец, королевским хроникером — сен-денийским монахом Жаном Шартье (ум. около 1470) была написана официальная история Карла VII. Возможно, что им же был подготовлен к печати текст опубликованных в 1477 г. «Больших французских хроник». В этом издании французский свод был продолжен хрониками Жувенеля (за 1380—1402 гг.), Лебувьё (за 1402—1422 гг.) и Шартье (за 1423—1461 гг.). Таким образом, только при Людовике XI (и то не ранее решительной победы над бургундским вассалом) оказалось возможным составить в соответствующем духе хроник по истории Франции конца XIV—XV вв. Характерно, что дальнейшего продолжения «Больших французских хроник» уже не получили. Причина заключается в отмирании хроник как жанра. Вместо них в изобилии появились исторические произведения, характерные для эпохи Возрождения, и посвященные уже характер исторических исследований гуманистов.

Вернемся к хроникам XIV в., от которых нас увела необходимость изложить в связном виде историю создания королевского свода. События

бурных 1350-х годов, парижское восстание и Жакерия, занимают в них центральное место. Лучшей является хроника Жана де Венет¹⁹ (около 1307—около 1370), замечательное произведение, стоящее особняком не только среди французских, но и европейских хроник XIV в. Автор родился в крестьянской семье в деревне Венет (около Компьеня), затем стал монахом и приором кармелитского монастыря в Париже. В своих произведениях (хронике и большой поэме) он остался другом крестьянства и записал многие народные легенды и предания. Его латинская хроника была начата, вероятно, в 1345 г. и в 1358—1359 гг. писалась параллельно событиям, но впоследствии была автором пересмотрена. Она охватывает 1340—1368 гг. и вся пронизана ненавистью к жадному и разбойному дворянству, потерпевшему под Креси и Пуатье жестокое поражение и грабившему свой же народ не хуже врагов-англичан. Очень ценны в этой хронике страницы, посвященные мужественной борьбе французского народа против иноземных захватчиков и особенно — восстание Этьена Марселя и Жакерии. Автор почти во всем оправдывает восставших (порицая лишь жестокости) и с гневом обрушивается на господствующий класс. Благодаря его ярко выраженной симпатии к народу мы имеем многие ценные сведения, рисующие тяжелейшее положение крестьянства накануне Жакерии и жестокую расправу над жаками после подавления восстания. Очень ценен его рассказ о восстании Этьена Марселя, хотя под конец изложения автор перешел на сторону короля. Хроника Жана де Венет в буржуазной исторической науке как источник изучена недостаточно, а современные реакционные историки уделяют ей не более нескольких слов.

Очень ценный материал по истории Жакерии и восстания Этьена Марселя содержится в «Нормандской хронике» (*Chronique normande*) и в «Хронике первых четырех Валуа» (*Chronique des quatre premiers Valois*, подразумеваются короли из дома Валуа). Первая из них была составлена около 1372 г. неизвестным по имени нормандским рыцарем, участником военных действий в Нормандии; она охватывает период 1337—1372 гг. и содержит точные и детальные сведения по истории войны. Особенно важны данные о вооруженной самозащите нормандских крестьян против англичан. О Жакерии и парижском восстании автор писал по слухам, но, поскольку Жакерия развилась в пограничной с Нормандией области и задела отчасти и саму Нормандию (волнения в городах и вокруг городов), данные, приводимые в хронике, в целом точны. В «Хронике первых четырех Валуа» описаны события за 1327—1393 гг. Она составлена, вероятно, в конце XIV в., также в Нормандии руанским клириком, приближенным архиепископа, и представляет собой по сути дела историю Нормандии, но автор был хорошо осведомлен о военных действиях, парижском восстании и особенно о Жакерии. Его рассказ об этом крестьянском восстании является наиболее подробным из всех дошедших до нас известий. Автор указывает на связь жаков с Этьеном Марселем и на царистскую идеологию крестьян. Он не чернит восставших и не клеветает на них, как другие хроникеры.

Особый интерес представляют документы, относящиеся к Жакерии и восстанию тюшенов в Лангедоке. Главная их часть состоит из грамот помилования (*lettres de rémission*), выданных правительством амнистированным участникам восстаний. В этих грамотах, составленных на основе поданных в королевские суды прошений, роль амнистированных просителей всегда выставлена в благоприятном свете и поэтому к тексту грамот следует подходить сугубо критически. Но вместе с тем они сообщают множество важных подробностей о датах и местах событий, об участии

ках отдельных эпизодов, речах, выступлениях и т. д. Только по этим источникам можно проследить территориальное распространение восстаний, их длительность, местные особенности, характер требований крестьян. Немало сведений об этих и других крестьянских и городских восстаниях содержится в городских регистрах и в административной переписке королевских чиновников. Для истории восстания Этьена Марселя также имеется богатый документальный материал, мало использованный в буржуазной историографии.

История Столетней войны XIV в. подробнее всего описана не столько французами, сколько жителями Фландрии и соседних с ней областей. Будучи яблоком раздора между Францией и Англией, Фландрия являлась узлом политических противоречий в Северо-Западной Европе. Там в XIV в. было написано много местных хроник, по преимуществу городских (в конце XIV в. на их основе сложился своего рода свод фландрских хроник); там же возникли и хроники, посвященные Столетней войне, в которой Фландрия играла столь важную роль.

Льежский каноник Лебель (конец XIII в. — 1370), член богатой патрицианской семьи, составил свою «Достоверную хронику» (*Les vraies chroniques*) в середине XIV в. на валлонском диалекте. Она охватывает 1326—1361 гг. и посвящена главным образом военным действиям и подвигам рыцарства. Лебель писал на основе преимущественно устной информации, полученной им от местной знати, принимавшей непосредственное участие в военных действиях. Его описания военных действий отличаются значительной точностью, но хронология и география ненадежны.

Преемником Лебеля был Фруассар (около 1337—около 1404), любимец буржуазных историков. Его называли «лучшим из средневековых историков Франции», хронику его многократно переиздавали и перевели почти на все европейские языки. Многие буржуазные историки приводят выдержки из его хроники, особенно знаменитое описание Жакерии, в котором Фруассар с гневом и презрением говорит о восставших крестьянах и чернит их. В целом, хроника Фруассара, как источник по истории войны не может претендовать на хорошую оценку: она очень субъективна, пронизана чисто рыцарской идеологией, неточна даже в описаниях военных действий, не вскрывает основных пружин политической истории.

Фруассар, буржуа г. Валансьена, рано начал литературную деятельность, став придворным при разных знатных персонах — фламандцах, англичанах, французах. Под их защитой и с их рекомендациями он объездил Англию, Шотландию, Францию, Италию, собирая повсюду материал для задуманного им исторического произведения, которое должно было осветить все войны Франции, Фландрии, Англии, Шотландии и Арагона в XIV в. Для первых трех десятилетий Фруассар широко использовал хронику Лебеля, но основным источником служили ему рассказы его покровителей и встречных рыцарей; Фруассар почти не приводит документов, так как он их не знал и не интересовался ими. Он многократно перерабатывал свой труд, озаглавленный «Хроники Франции, Англии, Шотландии и Испании» (*Chroniques de France, d'Angleterre, d'Ecosse et d'Espagne*)²⁰ и охватывающий период 1326—1399 гг. Эти переделки привели к тому, что первая часть хроник, наиболее ответственная, поскольку она доведена до 1370 г. и включает описание решающих событий 1340—1350-х гг., дошла до нас в трех редакциях. Первая из них была составлена в проанглийском духе; битвы при Креси и Пуатье были описаны по рассказам Черного принца и английских рыцарей. Вторую редакцию Фруассар написал в конце 1370-х годов, после того как стал приближен-

ным французского знатного феодала и когда победы Дюгеклена вернули французам значительную часть захваченной врагами территории. В этой редакции многое изменено и притом в профранцузском духе, например описание битв при Креси и при Пуатье и другие события. Третья редакция появилась около 1400 г., когда Фруассар, потеряв в Англии всех своих покровителей, окончательно склонился на сторону Франции. Остальные части хроники написаны в 1387—1400 гг. Ценность труда Фруассара заключается прежде всего в обилии мастерски написанных портретных характеристик многих политических деятелей XIV в. — пап, королей, баронов, рыцарей, даже поэтов (Чосера, Петрарки и др.). Фруассар оставил яркую картину нравов и обычаев господствующего класса всех стран Западной Европы XIV в. Его хроника действительно является «зеркалом рыцарства», что позволяет историку заимствовать из нее много живых и ярких черт для характеристики дворянства XIV в.

Успехи французских войск в 1360—1370 гг. вызвали к жизни многие прозаические и поэтические биографии знаменитых французских полководцев. Наиболее ценной из них является получившая большую популярность стихотворная биография коннетабля Дюгеклена, составленная трувером Кювелье; кроме устной традиции, автор использовал также и письменные источники. Биография Карла V была составлена замечательной ученой женщиной итальянкой Христиной Пизанской (1364 — около 1429). Приехав в 1368 г. во Францию вслед за отцом, врачом и астрологом Карла V, Христина осталась там навсегда и прославилась своей литературной деятельностью. Среди ее многочисленных произведений в стихах и в прозе лучшим является «Книга о делах и добрых нравах мудрого короля Карла Пятого» (*Le livre des faits et bonnes moeurs du sage roy Charles le Quint*), составленная в 1404—1405 гг. на основе личных воспоминаний, рассказов отца и некоторых хроник. Биография короля написана в духе раннего итальянского гуманизма: главное внимание автора привлечено личностью Карла V, его учеными и литературными занятиями, его политикой в целом.

В начале XV в. во Франции появляется новый вид исторических источников, которому впоследствии предстоит большое распространение — дневники горожан. Ценность их как исторических источников исключительно велика; они являются своего рода зеркалом городской жизни того времени. Особенно интересен дневник за 1400—1417 гг. секретаря парижского парламента Николя де Бэ (*de Baye*, около 1364—1419), бывшего крепостного крестьянина из Шампани, выкупившегося на волю и учившегося в Орлеанском университете. Обязанный по своей должности в парламенте вести протоколы заседаний (регистры), он сопровождал их краткими заметками о событиях в стране и в Париже и, кроме того, вел свой личный дневник. Николя де Бэ, последовательный приверженец сильной королевской власти, могущей обеспечить порядок, нормальную жизнь и развитие городов, судит о принципах и других государственных деятелях, вплоть до членов парламента, очень независимо. Дневник прекрасно отражает мнения столичной бюрократии в разгар бургундско-арманьякских междоусобиц, ее недовольство поведением корыстной знати и страх перед народными движениями. Записи рисуют очень красочную картину разорения и нищеты в Париже в начале XV в., тяжелое положение народных масс.

Не менее яркую картину жизни в Париже в 1409—1449 гг. дает дневник неизвестного лица, вошедший в науку под названием «Дневника парижского буржуа» (*Journal d'un bourgeois de Paris*). Автор был клириком Парижского университета, повидимому зажиточным человеком; высказывая в своем дневнике весьма независимые суждения, он умышленно скрыл свое имя. Его политические колебания между бургундской и арманьякской партиями весьма типичны для парижанина этого круга. Ценность дневника заключается в массе сообщаемых кон-

кретных сведений о парижских событиях, о дороговизне, ценах, положении различных слоев населения столицы и т. д. Автор, переживший английскую оккупацию, описал насилия и вымогательства англичан, а затем, после освобождения Парижа, высокие государственные налоги, разорявшие бедноту и ущемлявшие материальные интересы имущих слоев. Дневник этого клирика позволяет судить об уровне жизни, интересах и заботах средних и низших слоев парижского населения первой половины XV в., и в этом плане он представляет собой очень большую ценность.

В период Столетней войны произошел временный отрыв от Севера некоторых земель южнофранцузской народности (Гиени и др.), а лангедокские города приобрели в это время фактическую независимость. В связи с этим, в XIV—середине XV вв. на юге появляется немало городских хроник и историй местных феодальных домов. Анонимная «Гиенская хроника» составлена в середине XIV в. и доведена до 1346 г.; она начата еще по-латыни, затем автор перешел на гасконский диалект провансальского языка. На этом же диалекте написана несколькими лицами очень точная и ценная «Краткая Гиенская хроника», кончающаяся 1442 г. Нотариус и архивист графов Фуа, Мишель дю Берри написал в середине XV в. на основе многочисленных архивных документов и других источников «Хронику графов Фуа и сеньоров Беарна», доведенную до 1445 г.

Очень важны хроники крупных южных городов. «Арльская хроника» за 1365—1415 гг. (наполовину латинская, наполовину на прованском диалекте) ценна для истории всего Прованса. Секретарь консулата (городского совета) Безье, Маскаро составил на лангедокском диалекте интересную хронику за 1336—1390 гг. (*Le livre de memoires de Jaspe Mascaro*), в которой описаны события в Безье и в Лангедоке, в том числе народные восстания. Прочие хроники Безье дошли до нас в обработке XVI в. Они состоят из двух кратких хроник на лангедокском диалекте (первая — до 1259 г., вторая за 1132—1348 гг.) и из так называемой «Консульской хроники» (т. е. списка консулов с примечаниями) с 1352 г. и далее, написанной преимущественно по-латыни.

Особенно интересна консульская хроника за 819—1446 гг. крупнейшего лангедокского города Монпелье, «*Le petit thalamus*», названная, в противоположность городским регистрам («*Grand thalamus*»), и составленная последовательно несколькими городскими секретарями в XIV—XV вв. на лангедокском диалекте. Первая ее часть (IX—XII вв.) представляет собой выдержки из латинских тулузских анналов. Для XIII в. даны имена консулов и краткие сведения. Начиная с 1330 г. в хронике содержится очень богатый фактический материал по истории Монпелье и значительной части Лангедока; много данных по истории Столетней войны.

С середины XV в., когда весь Юг был присоединен к Северной Франции, кончается расцвет местных южных хроник, и в большинстве городов, так же как повсюду во Франции, ведутся лишь обширные городские регистры.

От периода Столетней войны сохранилось огромное количество самых разнообразных, часто мелких (что затрудняет их использование), но очень ценных для истории французской (а отчасти и английской) армии документов: приказы военачальников, вызовы на военную службу (*lettres de convocation*), переписка королевского совета и чиновников финансового ведомства с командирами отрядов и комендантами крепостей, заказы на вооружение и артиллерию, списки гарнизонов, денежные

расписки, счета на ремонт укреплений, списки пленных и убитых и т. д. Большинство этих документов не издано и хранится в французских провинциальных архивах. Особый интерес представляют материалы нормандских архивов, рисующие упорную партизанскую войну, которую вели нормандские крестьяне и ремесленники с английскими оккупантами.

Своеобразным и очень важным источником являются протоколы двух судебных процессов Жанны Д'Арк²¹ — процесса осуждения в 1431 г. и процесса реабилитации в 1456 г. Протоколы первого процесса велись в суде нотариусом Маншоном, записывавшим все юридические формулы по-латыни, а допросы Жанны и свидетелей по-французски. К сожалению, эта самая достоверная запись сохранилась лишь частично. После смерти Жанны судом был составлен дошедший до нас полностью официальный отчет на латинском языке. Но даже и в нем, несмотря на все искажения авторов, стремившихся изобразить дело в желательном для них духе и очернить Жанну, встает во весь рост замечательный образ народной героини Франции. Что же касается первоначальных протокольных записей Маншона, то содержащиеся в них ответы Жанны, повидимому очень близкие к действительности, не только раскрывают ее замечательный ум, мужество и горячий патриотизм, но и дают множество ценных сведений по истории тех лет, когда по зову простой крестьянской девушки весь французский народ поднялся на борьбу с ненавистными захватчиками.

Процессу реабилитации предшествовала работа специальной комиссии, которая собрала показания родных и близких Жанны, а также свидетелей ее жизни, суда и смерти. В 1456 г. был проведен процесс, отменивший решение суда 1431 г., признавшего Жанну еретичкой и колдуньей, и была восстановлена ее честь. Материалы следственной комиссии и протоколы самого процесса сохранились. Они являются очень важным источником не только для биографии Жанны, но и для истории развития национального чувства французского народа, бережно и свято хранившего о Жанне благодарную память, в то время как в верхах общества крестьянская девушка была вскоре забыта.

Для истории Жанны и ее походов сохранилось много счетов, обращений и подписанных ею писем, а также письма к ней, которые шли со всей страны.

Важными источниками для истории Столетней войны являются мирные договоры, бывшие веками в долгой и упорной борьбе французского народа с иноземными захватчиками. Главными из них являются: договор в Бретиньи 1360 г., по которому Франция лишилась западных провинций; в Труа 1420 г., когда был утрачен французский суверенитет и страна стала на время частью англо-французской державы; в Аррасе 1435 г., когда Бургундия превратилась из врага Франции в ее союзника, что явилось следствием успехов, одержанных Жанной д'Арк и в значительной степени предопределило окончательную победу Франции.

Для истории XV в. важна латинская хроника нормандского епископа Тома Базена (1412—1491) «История деяний Карла VII и Людовика» (*De rebus gestis Caroli VII et Ludovici historiarum libri XII*). Автор боролся с Людовиком XI во время войны «Лиги общественного блага», затем бежал из Франции; под конец жизни написал свой труд, опубликовав его анонимно в 1487 году. Базен был сторонником и идеологом феодальной аристократии; его хроника является своего рода манифестом этой реакционной политической группы. Базен стремился всячески развенчать и очернить «тирана» Людовика XI и его централизованную политику; поэтому в его хронике есть много искажений. Вместе

с тем Базен был внимательным наблюдателем и сообщил интересные сведения; многие из них отсутствуют у роялистски настроенных хроникеров. Особенно живо обрисовано тяжелое положение Нормандии в период английской оккупации.

Людовик XI, как и его предшественники, стремился создать официальную историю своего правления для противопоставления враждебной ему официальной бургундской историографии. Обнаружено несколько произведений королевских хроникеров; одно из них было составлено в Сен-Дени, другое хранилось там. Однако ни одна из этих версий, по невыясненной пока еще причине, не получила официального признания. Одной из интересных хроник, рисующих историю правления Людовика XI, является так называемая «Скандалыная хроника» (*Chronique scandaleuse*), содержание которой отнюдь не соответствует ее заглавию, данному издателем текста в начале XVII в. Она представляет собой дневник за 1460—1483 гг. парижского нотариуса Жана де Руа, который почти ежедневно записывал очень подробно все происходившие в столице события и действия правительства. Но, разумеется, главным повествовательным источником для этого времени являются знаменитые «Мемуары» Филиппа де Коммина²² (около 1447—1511), бесспорно крупнейшее историческое произведение из написанных в XV в. во Франции, а может быть и во всей Европе. Во всяком случае ни одному из исторических трудов того времени не выпало на долю такой славы и такой популярности: после первого издания (1524 г.) мемуары Коммина переиздавались более 120 раз и были переведены почти на все европейские языки.

Коммин был родом из Фландрии, из буржуазной семьи, незадолго до того получившей дворянство, и еще юношей попал ко двору Филиппа Доброго, где быстро сделался приближенным графа Шароле, будущего Карла Смелого. Когда последний стал герцогом, Коммин сопровождал его почти повсюду и выполнял ряд дипломатических поручений. В 1468 г., во время «свидания в Перонне», когда Людовик XI фактически оказался в плену у герцога, Коммин ближе узнал короля и в 1472 г. перешел на его сторону, бежав от своего прежнего покровителя. Людовик XI щедро одарил своего нового советника, недюжинные дипломатические способности которого он очень ценил и неоднократно использовал, особенно в переговорах с итальянскими государями. После смерти Людовика XI Коммин понес большой материальный ущерб, так как часть пожалованных ему королем сензьерий была возвращена прежним владельцам. Он примкнул к партии принцев, т. е. к феодальной аристократии, участвовал в заговоре, был арестован, судим и выслан в свое имение. Но при подготовке итальянского похода Карлу VIII и его советникам понадобились итальянские связи и дипломатическая ловкость Коммина. Он был призван ко двору и отправлен в Италию, а в 1507 г. сопровождал Людовика XII в Геную.

Мемуары Коммина распадаются на две неравные части. Первая, наибольшая, охватывает 1464—1483 гг. и была составлена, вероятно, в 1489—1490 гг., т. е. после смерти Людовика XI и после суда. Вторая часть содержит описание только итальянского похода Карла VIII в 1494—1495 гг. с небольшим добавлением о смерти короля и о воцарении Людовика XII. Она была написана в 1495—1498 гг. Труд Коммина исключительно ценен не только как исторический источник, но и с историографической точки зрения. Это уже не средневековая хроника, хотя бы и в усовершенствованном виде, характерном для XV в. Лишь отдельные, второстепенные моменты роднят Коммина с его современниками-хроникерами. В целом его произведение представляет собой настоящие мемуары крупного политического деятеля, умного, проницательного и тонкого дипломата. Коммин хорошо понимал значение разыгрывавшихся на его глазах событий, в которых зачастую принимал активное участие. Он верно оценил могущество и руководящую роль Франции в истории

Западной Европы второй половины XV в., восхищался политическими талантами Людовика XI и рано понял его превосходство над Карлом Смелым. Главное же заключается в том, что богатую событиями политическую историю 1464—1483 гг. он использовал как материал для исторического анализа, пытаясь разобраться в причинах и следствиях и отбирая для рассказа те факты, которые помогали ему в такого рода осмыслении событий. Коммин не только излагал историю своего времени, но и объяснял ее, извлекая из исторической действительности уроки политической мудрости для королей и государственных деятелей. Этим и объясняется небывалый успех его книги, которая являлась, таким образом, не только увлекательно написанными воспоминаниями, но и своего рода политическим трактатом. Можно сказать, что начиная с Коммина во Франции появляется гуманистическая историография, т. е. зачатки исторической науки как таковой.

Благодаря своему умению выделять важное и осмысливать его, Коммин дает чрезвычайно ценный исторический материал. Он оставил яркие образы двух заклятых врагов: французского короля и бургундского герцога, изложил почти все перипетии их упорной вражды, закончившейся победой централизаторской политики Людовика XI. В его книге описано множество фактов и разбросано немало отдельных метких замечаний, трезвых и правильных оценок. Немногочисленные ошибки (главным образом в датах) не могут изменить этой общей картины.

Независимо от того, какого рода оценку его труд находил у буржуазных историков XIX—XX вв., он широко использовался этими последними. Почти в каждом из исследований, посвященных Людовику XI, содержатся целые «пласты» текста Коммина, переведенные с его трудного, расплывчатого, еще не отточенного языка на современный французский язык. Тем не менее, несмотря на многие заимствования из труда Коммина, буржуазные историки подвергли его текст совершенно недостаточной критике, отбросив некоторые фактические его ошибки и субъективные оценки. Между тем эти мемуары, именно в силу своей большой ценности в качестве исторического источника, нуждаются в тщательной критике и оценке по существу.

Как и многие другие феодальные историки, освещавшие историю своего времени и деятельность того или иного крупного государственного деятеля, Коммин во многом уступал Людовику XI. Он оказался не в состоянии понять и оценить по достоинству всю политику короля в целом и ее основные направляющие линии. Коммин знал лишь войны и дипломатию, прочими же сторонами государственного управления не интересовался совсем. Богатый документальный материал и, особенно, обильная переписка Людовика XI рисуют многогранную и энергичную деятельность этого короля так полно, как этого не мог, да и не собирался делать Коммин, все внимание которого было поглощено лишь внешней политикой. Кроме того, он оказался ниже своего государя и по общему направлению политической мысли. Людовик XI упорно и без колебаний шел по пути укрепления королевской власти и союза с городами, т. е. осуществлял прогрессивную в ту пору политику. Коммин же далеко не совсем освободился от устаревших феодальных воззрений и от известной сословной ограниченности. Эти крупные недостатки помешали ему вскрыть до конца основные пружины действий короля даже в той области, которая, казалось бы, была прекрасно известна Коммину, т. е. в области внешней политики. Теснейшая связь и зависимость последней от политики внутренней остались автору по преимуществу неизвестными и в силу этого его мнения и оценки, несмотря на его ум и проницательность, неизбежно носят ограниченный характер, что необходимо тщательно учитывать при использовании этого ценного источника.

Упорная борьба бургундских герцогов с французскими королями нашла себе отражение как в публицистике, так и в появлении особой официальной бургундской историографии.

При дворе Филиппа Доброго и Карла Смелого было составлено немало разных памфлетов, в которых обосновывались претензии бургундских государей на корону Франции. Там же в середине XV в. был переработан текст «Больших французских хроник». Переработка выразилась в том, что для истории 1285—1370 гг., т. е. для периода борьбы Франции за Фландрию, и первой половины Столетней войны, был использован не текст сен-денийских хроникеров, а свод фландрских хроник, в котором события были изложены с точки зрения интересов фландрских графов, наследниками которых являлись бургундские герцоги. Тем самым, история Франции конца XIII—XIV вв. приобрела особую политическую окраску, выгодную для герцогов, и послужила как бы введением к тем хроникам, которые были составлены в самой Бургундии и изображали в пробургундском духе историю бургундско-арманьякской междоусобицы и Столетней войны. Первым из бургундских хроникеров был Ангерран де Монстреле (1390—1453), хорошо образованный фландрский дворянин на службе у Филиппа Доброго. Свою хронику он начал в 1420-х гг., задумав ее как продолжение Фруассара, т. е. как историю преимущественно войн и международных отношений в Западной Европе за 1400—1444 гг. Монстреле включил в свой труд много документального материала — договоры, указы, письма и т. д. Но как подбор этих документов, так и изложение самих фактов очень тенденциозны; автор во всем стремился выставить политику бургундских герцогов в наиболее благоприятном свете, умалчивая, например, о позорной роли Филиппа Доброго в выдаче Жанны д'Арк англичанам и т. д.

Оливье де Ламарш (1427—1502), официальный бургундский хроникер, описал в своих мемуарах за 1435—1489 гг. преимущественно парадную жизнь бургундского двора, в ту пору самого блестящего и пышного из всех европейских дворов, а также военные кампании Карла Смелого. Наиболее важным из всех бургундских историков является Жорж Шатлен (ум. 1475), дипломат и советник герцогов, составивший огромную по размерам историю Европы за 1418—1474 гг., от которой сохранились только отдельные части (нет части за 1431—1451 гг. и некоторых других частей текста). Произведение Шатлена отнюдь не является официальной хроникой и не имеет характера панегирика. Подобно мемуарам Коммина, оно представляет собой скорее размышления на политические темы человека, довольно независимого в своих суждениях и оценках. Благодаря своему положению при бургундском дворе Шатлен был прекрасно осведомлен, особенно по части дипломатических отношений; лично зная многих крупных деятелей той поры, он дал их красочные и выразительные характеристики, использовал богатый документальный материал. Его мемуары являются ценным источником для политической истории Франции и Бургундии XV в.

Письма государственных и общественных деятелей становятся с XV в. все более многочисленными и возрастает их значение как исторических источников. Такова обширная переписка Людовика XI и Карла VIII, являющаяся, в сочетании с письмами других деятелей, чуть ли не главным источником для политической истории второй половины XV в. В этих письмах, хотя и сохранившихся не полностью, отражена повседневная деятельность правительства во всех ее аспектах. Для ее изучения большой интерес представляют собой также регистры заседаний королевского совета, где обсуждались и решались важнейшие государственные дела.

Дипломатические отношения Франции со всеми европейскими государствами отражены в многочисленных грамотах, письмах, диплома-

тических инструкциях, донесениях и т. д. Особенно обилек материал такого рода для времени правления Людовика XI.

Документы по истории сословного представительства — Генеральных и провинциальных штатов — состоят преимущественно из официальных материалов: королевских грамот о созыве штатов, отчетов и переписки королевских комиссаров, наказов, петиций и т. д. Для штатов 1356 и 1357 гг. сохранились краткие дневники сессий. Депутат Турских штатов 1484 г. Маслен²³ оставил очень интересный подробный дневник, прекрасно обрисовывающий позиции и программу третьего сословия. Феодальная реакция 1314 г. (после смерти Филиппа Красивого) отразилась в многочисленных хартиях провинциального дворянства, образовавшего лиги для борьбы с королевской властью и представившего длинные списки своих требований.

Документальный материал по истории французских городов, количественно чрезвычайно обширный, состоит преимущественно из регистров городских советов, которые регулярно велись в каждом городе и сохранились почти полностью. Городские хроники не получили во Франции (кроме как на юге) широкого распространения.

Огромное значение в качестве источников для истории всех сторон жизни Франции XIV—XV вв., и в особенности для истории классовой борьбы, имеют документы финансового характера. Уже с XIV в. государственные налоги стали едва ли не самым тяжелым бременем, лежавшим на трудящихся массах, и одной из главных причин многочисленных восстаний. В истории налогового обложения скрыты причины многих явлений внутренней и внешней политики французского правительства. От финансовых документов XIII и первой половины XIV вв. сохранились отрывки, так как архивы главного финансового учреждения — Счетной палаты, сгорели в XVIII в. Первые финансовые ординасы появились в XIV в.; их число особенно возросло с середины XV в., когда окончательно установились постоянные налоги. Изучение финансового законодательства непременно следует сочетать с исследованием других финансовых документов, отражающих реальную практику, а именно — с отчетами сборщиков налогов, списками налогового обложения, регистрами финансовых учреждений, проектами бюджетов, перепиской королевского совета с парламентами и городами и т. д. Лишь такие источники, которые содержат сведения с мест, рисуют истинную картину тяжелой народной нужды, а также лихоимство, вымогательства и беззастенчивую коррупцию, характерные для французского финансового ведомства в целом.

Появившиеся в XV в. формуляры содержат описание управления государственными финансами и методы составления государственного бюджета. Трактаты о финансах и о монетах дают представление об экономических и политических теориях XIV—XV вв. Особенно интересен один из самых ранних трактатов такого рода, составленный советником Карла V Николаем Оремом (ум. 1382), — «О происхождении монет», в котором автор изложил свои взгляды на происхождение и роль денег, а также на систему государственного обложения во Франции XIV в.

ГЛАВА XI

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АНГЛИИ (с середины XI в.)

История Англии XI—XV вв. отличается рядом особенностей. Нормандское завоевание значительно ускорило протекавший на острове процесс феодализации, так как завоеватели принесли из Нормандии феодальную систему уже в готовом виде и усовершенствовали ее. Это нашло себе выражение в более сильной, чем на континенте, королевской власти, что в свою очередь оказалось в дальнейшем одним из важных условий, способствовавших централизации страны. Этими обстоятельствами объясняется большое количество источников, в которых уже с XI в. отразились разные стороны деятельности королевской власти в масштабах всей страны. Вместе с тем в Англии сохранились некоторые элементы порядков дофеодальных (например, значительный слой свободного крестьянства). Следует указать, что в северных графствах этих пережитков сохранилось больше всего и источники запечатали это своеобразие как в области развития производительных сил и производственных отношений, так и в политической жизни.

Английская народность сложилась еще до нормандского завоевания и последнее не внесло ничего существенного в этом отношении, так как завоеватели сравнительно быстро слились с английскими феодалами и усвоили английский язык.

* *
*

Английские источники по истории производительных сил и производственных отношений XI—XV вв. чрезвычайно многочисленны, разнообразны и в большинстве случаев прекрасно сохранились. Особенно богато представлена группа источников, рисующих аграрный строй Англии. В их числе имеются огромные по масштабам переписи, дающие общую картину для какого-либо определенного периода, грамоты, различные документы по истории отдельных (по большей части крупных) поместий, отчеты, трактаты по агротехнике и манориальному управлению, материалы правительственных расследований и т. д.

В первую очередь необходимо остановиться на источнике исключительной ценности, не имеющем себе равных в других странах Западной Европы,* — «Книге Страшного суда» (Domesday Book, сокращенно DB)¹. Через 20 лет после завоевания, т. е. в 1086 г., особыми королевскими комиссарами была произведена земельная перепись (кадастр) всей Англии.

* За исключением норманского государства на юге Италии; см. стр. 209.

Руководствуясь опросным листом, они обследовали все графства и собрали на местах от населения («по клятве шерифа графства, всех баронов..., священника, старосты и шести вилланов из каждой деревни») нужные им сведения, а именно: «как зовется поместье, кто держал его во время Эдуарда короля, кто теперь держит, сколько в нем гайд, сколько плугов на господской земле, сколько у людей, сколько вилланов, сколько коттариев, сколько рабов, сколько свободных людей, сколько сикменов, сколько леса, сколько луга, сколько мельниц, сколько рыбных ловель, сколько прибавилось или убавилось; сколько давало все вместе раньше и сколько дает теперь, сколько там каждый свободный человек и сокмен имел прежде и имеет теперь».

Из этого перечня явствует, что перепись отмечала почти все элементы аграрных отношений. За пределами внимания комиссаров осталась лишь одна область — перечисление повинностей и платежей, следуемых с крестьян феодалам.

Материал описи был затем несколько сокращен, вероятно перегруппирован и отредактирован под наблюдением епископа Контерберийского Ланфранка, главы английской церкви и ближайшего советника короля. Часть первоначального материала затерялась. Окончательный текст был переписан в двух томах (первый том — Great DB, второй том — Little DB), которые хранились в королевской сокровищнице. Их первоначальное официальное наименование было «Описание» (*Descriptio*), или «Королевская книга» (*Liber regis*), но вскоре за ними утвердилось название «Книги Страшного суда», так как современники называли фигурально (*per metaphoram*) эту перепись «судным днем» (*Dies iudicii*), поскольку лица, дававшие сведения, обязывались под присягой говорить правду как бы на божьем «страшном суде».

В первом томе содержится описание 30 графств, во втором — только четыре восточных: Эссекса, Миддельсекса, Сеффока и Норфока. Нет описаний северных графств: Дерама, Нортумберленда, Кумберленда и Вестморленда; лишь часть территории двух последних присоединена к Йоркширу. Таким образом, в «Книге Страшного суда», содержится описание почти всей территории Англии.

В описи графств к северу от Темзы соблюден следующий порядок: главный город графства, перечень землевладельцев (король, церковные учреждения, бароны и т. д.) и затем описание их землевладений в такой же последовательности. В описи графств южнее Темзы города описаны среди королевских или баронских земель. Отсутствуют описи Лондона, Винчестера и еще нескольких городов. Опись королевских владений в Винчестере (*Liber Wintoniensis*, *Winton Domesday*) была составлена в начале XII в., повидимому на основе материалов переписи 1086 г. Возможно, что имеющиеся в рукописи чистые листы предназначались именно для описей этих городов, но описи по каким-то причинам все же не были внесены. Большой полнотой отличается описание Дувра. В целом основные города описаны отдельно, что свидетельствует о том, что они уже вполне отделились от окружающих их деревень.

В «Книге Страшного суда» зафиксировано состояние Англии не только на 1086 г. Согласно инструкции, производившие перепись комиссары должны были отмечать оценку земель и доходы с них «тройным образом» (*tripliciter*), а именно: во времена короля Эдуарда (т. е. до завоевания), сразу же после завоевания и перераспределения земельного фонда и, наконец, в момент описи. Благодаря этому источник рисует развитие основных социально-экономических процессов, происходивших в стране за двадцатилетие после завоевания, что еще больше увеличивает его ценность. Это обстоятельство, в связи с

полнотой сообщаемых сведений, делает «Книгу Страшного суда» основным и важнейшим памятником для изучения английского общества второй половины XI в. Отсутствие в других странах в тот же период аналогичного по полноте и глубине источника неизбежно влечет за собой и несравненно меньший объем сведений, которым располагает наука для воссоздания картины социально-экономических отношений в XI в. в странах Западной Европы, кроме Англии и отчасти Южной Италии.

«Книга Страшного суда» дает четкое и подробное отображение аграрного строя и социальной структуры Англии. Данные источника позволяют произвести целый ряд статистических подсчетов, выявить соотношение различных групп населения и категорий крестьян, соотношение господской и крестьянской земли, количество скота, угодий, доходность держаний и маноров, позволяет воспроизвести систему феодальных связей в господствующем классе и т. д. Все население Англии достигало в ту пору полутора миллионов жителей, из них горожане составляли около 75 тысяч, т. е. 5%. Крестьянство распалось на несколько слоев: вилланов, бордарнев, коттариев, свободных крестьян. Имелись еще и рабы. По источнику отчетливо прослеживаются поглощение крупным феодальным землевладением множества мелких крестьянских участков и закрепощение крестьянства, особенно усилившиеся в 1070—1086 гг. Материал переписи отчетливо рисует также неравномерность процесса феодализации в различных частях страны. Область датских поселений и северные графства значительно отставали в этом отношении от центра и юга страны. Маноры в Линкольншире были развиты очень слабо; на севере они разбросаны среди множества свободных крестьянских наделов. Наличие сведений такого рода для столь раннего периода особенно ценно, так как эти явления имели очень большое значение для дальнейшего развития феодальной Англии.

Роль и значение переписи 1086 г., зафиксированной в «Книге Страшного суда», чрезвычайно сужены в трудах буржуазных историков. Последние рассматривали ее только как податную книгу, как памятник фискального характера, созданный для упорядочения раскладки королевских налогов. Современная англо-американская реакционная историография вообще отказывается решать вопрос о целях и назначении «Книги Страшного суда», тем самым обнаруживая свое бессилие при рассмотрении этой важной проблемы.

Составление в 1086 г. государственного земельного кадастра имело огромное и всестороннее значение в процессе создания в Англии «усовершенствованной» феодальной системы. «Книга Страшного суда» закрепила и укрепила права феодальных собственников, зафиксировала рассальные связи и отношения. Перепись в значительной степени содействовала процессу закрепощения, так как королевские комиссары записывали в число вилланов представителей еще многочисленного в ту пору полусвободного и даже свободного крестьянства. Она способствовала укреплению королевской власти, в руках которой «Книга Страшного суда» получила значение документа первостепенной важности, обеспечивая учет финансовых поступлений в казну и зависимость от короны непосредственных держателей. Она наложила феодальный облик и на те отношения, которые остались еще от предшествующего периода. Словом, «Книга Страшного суда» была одним из важнейших способов создания законченной формы феодальной организации, которая была совершенно необходима завоевателям для обеспечения себе длительного и прочного господства. Она долго сохраняла свое значение официального документа и поэтому для XII в. имеются лишь частичные списы, восполняющие некоторые ее пробелы. Одна из них, составлен-

ная в 1148 г., содержит описание землевладений епископа Винчестерского (вторая часть уже упомянутой *Liber Wintoniensis*); другая опись была сделана в 1183 г. для владений епископа Дерамского. По имени помещенного в начале Больдонского манора эта опись носит название «Больдонской книги» (*Boldon Book*). Она охватывает епископские владения на северо-востоке Англии и частично в Денло. В отличие от «Книги Страшного суда» в ней перечислены повинности и платежи держателей, следуемые епископу, так что в этом отношении она приближается к манориальным описям. «Больдонская книга» еще более уточняет картину своеобразия манориального строя в Северной Англии, где, как уже указывалось, барщинное хозяйство не достигло полного развития, сохранилось много свободных держаний, зависимость вилланов была слабее и манор являлся более всего хозяйственно-административным центром значительной территории с несколькими деревнями.

Новые всеанглийские обследования были произведены во второй половине XIII в. — в 1254 г., 1274—1275 гг., 1279—1280 гг. Материал этих описей назывался «Сотенными Свитками» (*Rotuli Hundredorum, hundred rolls*, сокращенно RH)², так как в них в форме свитков содержались описания отдельных сотен в графствах. Материалы обследования 1274—1275 гг. сохранились целиком или в сокращениях для большей части графств. Особенно важна как источник большая государственная земельная перепись 1279—1280 гг., когда после баронских смут, сопровождавшихся захватом земель, конфискациями и т. д., правительство вознамерилось ликвидировать злоупотребления феодалов и чиновников и привести в ясность систему землевладения и вассальные платежи. Подобно «Книге Страшного суда», Сотенные Свитки 1279—1280 гг. являются результатом опроса под присягой представителей местного населения. Комиссары описали подряд все деревни, включив в опись следующие сведения: имя лорда, название вотчины, ее размеры и иммунитетные права, опись домена, опись вилланской земли с перечислением следующих феодалу повинностей (иногда очень подробно), опись свободных держаний и общинных угодий. Таким образом, перепись XIII в. является более всесторонней, чем «Книга Страшного суда», фиксируя также и внутриманориальные отношения. К сожалению, от этого кадастра сохранилась лишь десятая часть, охватывающая около 700 деревень Средней Англии. Сотенные Свитки являются очень ценным источником для истории аграрных отношений в конце XIII в., хотя и дают сведения лишь для части территории. Очень важно то обстоятельство, что, поскольку в них содержится опись всех владений подряд, независимо от их размеров и принадлежности, Сотенные Свитки дают сведения не только о крупных, но и о средних и мелких манорах и притом не изолированно, а в соотношении с деревнями и с другими манорами. В целом Сотенные Свитки 1279—1280 гг. позволяют произвести некоторые статистические подсчеты и на основании их определить соотношение вилланской земли и свободных держаний, а также различных видов феодальной ренты, выяснить размеры домена, характер и размер крестьянских повинностей и их коммутацию, процесс захвата общинных земель и т. д. Надо подчеркнуть еще раз, что для истории других западноевропейских стран XIII в. аналогичные источники отсутствуют, в силу чего господствовавшие в этих странах аграрные отношения известны историкам в гораздо более суммарном виде.

В течение XIII в. несколько раз производились описи церковных землевладений и доходов. Важнейшей из них была «Церковная таксация папы Николая IV» (*Taxatio ecclesiastica Angliae et Waf-*

Иае auctoritate Nicolai IV)³, составленная в 1291 г. по королевскому распоряжению. Целью таксации являлось установление оценки церковных имуществ в связи с предоставлением королю временного права взимания церковной десятины.

Сведения, почерпаемые из всех вышеперечисленных описей XI—XIII вв. как полных, так и частичных, представляют, как указывалось, чрезвычайную ценность для целей исторического исследования. Однако эти источники отнюдь не являются единственными для истории английских аграрных отношений. Как и в других странах, от XI—XV вв. в Англии сохранилось большое количество различных грамот, касающихся дарений, завещаний, дележа земель, их купли-продажи, судебных дел, имущественных прав, аренды и т. д. Большинство из таких документов сохранилось в составе картуляриев. Одним из древнейших является составленный в конце XI в. Hemingi Chartularium ecclesiae Wigornensis (в Ворчестерской епархии), содержащий многие хартии королевских пожалований еще IX—X вв. В картуляриях крупнейших монастырей (Рамзейского, Глостерского, Эншемского, Вустерского и многих других) собрано большое количество различных грамот и других документов (земельных описей, инструкций, судебных дел и т. д.), являющихся важными источниками для истории манориальной системы в Англии. Рамзейский картулярий (Cartularium monasterii de Rameseia) содержит документы за 974—1436 гг., в том числе опись землевладений монастыря в XIV в., составленную для ответа на одно из правительственных расследований. Глостерский картулярий (Historia et cartularium monasterii S. Petri Gloucestriae), помимо хартий XII—XIII вв. и многих документов, включает также краткую хронику монастыря за 581—1412 гг.

Помимо этих ценных документов, существует еще одна группа источников, имеющая исключительное значение для истории манориальной системы. Уже в XII в. появились, а с XIII в. стали особенно многочисленными различные источники, очень подробно рисующие внутреннюю структуру английского феодального поместья, что дает возможность во всех деталях исследовать манориальное хозяйство Англии.

Крупное церковное (а отчасти и светское) землевладение отличалось в Англии тем, что оно очень долгое время сочеталось с ведением монастырями, лордами и т. д. собственного крупного барщинного хозяйства, в то время как на континенте феодалы относительно быстрее стали лишь получателями натуральной, а затем и денежной ренты. Поэтому именно в Англии имели чрезвычайно широкое распространение всякого рода документы, возникшие в результате потребности в надлежащей организации крупного хозяйства и необходимого при этом учета. Следует сразу же подчеркнуть, что подавляющее большинство из них обрисовывает порядки и отношения, сложившиеся в крупном, преимущественно церковном землевладении, в силу чего последнее может быть изучено достаточно хорошо. Меньше данных дошло до нас о жизни средних и мелких вотчин, т. е. рыцарского землевладения, которое раньше, чем крупное, подверглось воздействию развивавшихся товарно-денежных отношений.

На первом месте среди источников манориального происхождения стоят описи, так называемые экстенты маноров. Термин экстента (extenta) означает оценку, так как повинности держателей и доход домена давались в описях нередко (однако не обязательно) в денежной форме. Первые описи монастырских маноров восходят к началу XII в. и пред-

³ А. Д. Люблинская

ставляют собой по сути дела полнотики. Они включают опись господской земли и подробный перечень всех держаний, свободных и крепостных, со всеми повинностями. Иногда в них содержатся также указания на прежние, т. е. донормандские порядки. Описи составлялись на основе показаний выборных от крестьян и преследовали административно-хозяйственные цели — регулярность эксплуатации зависимого и крепостного крестьянства. Одной из старейших описей является «Черная книга» (Libeg niger) аббатства Питерборо, составленная в 1125 г. Опись аббатства Гластонбери относится к 1189 г. Опись владений собора св. Павла в Лондоне (Domesday s. Pauli) была сделана в 1222 г.; затем к ней были добавлены другие материалы XII—XIII вв. Наряду с экстентами, составлялись также кустумарии — описи натуральных повинностей, и рентали — описи денежных повинностей крепостных и зависимых крестьян. Начиная с XIII в. экстенты становятся особенно многочисленными. Многие из них входят в состав картуляриев (например, экстенты за 1265—1267 гг. в Глостерском картулярии, экстенты за 1251—1252 и за другие годы в Рамзейском картулярии, и т. д.). Составление экстент продолжалось и в XIV в. Экстенты важны также и как источник для истории манориального обычая, регулировавшего жизнь крестьянской общины и ее отношения с лордом.

Для приказчиков и старост крупных поместий существовали особые инструкции по управлению манорами и ведению отчетности, обрисовывающие все стороны хозяйственной жизни манора. В середине XIII в. появился анонимный трактат «Ведение хозяйства» (Husebonderie), представляющий собой тоже инструкцию для управляющих, которые должны были контролировать работу всех работников и слуг, оплачивать наемных рабочих, отпускать семена на посев, обмерчивать земельные участки, отчитываться в урожае, скоте и т. д. Другой трактат — «Управление поместьем» (Seneschaucie) — относится к концу XIII в. Его неизвестный автор подробно перечислил как обязанности управляющего, приказчика, старосты, пахарей, так и все сельскохозяйственные работы, дав таким образом ценный материал для картины состояния агротехники. Но лучше всего последняя описана в трактате середины XIII в. «Ведение хозяйства» (Husebonderie)¹, принадлежащем Вальтеру Хенли, который сам был приказчиком в крупном имении и тщательно зафиксировал весь опыт, накопленный в ту пору в агротехнике и скотоводстве. Во второй половине XIV в. оба трактата о ведении хозяйства (анонимный Husebonderie и трактат Вальтера Хенли) были переведены с французского языка на английский и, следовательно, получили еще большее распространение.

Все вышеперечисленные трактаты рисуют, разумеется, несколько идеализированную картину хозяйства и управления в крупных поместьях, завышают урожайность хлебов и т. п. Реальное же состояние отдельных конкретных маноров зафиксировано в приказчиьих отчетах (ministers' accounts), которые старостами и приказчиками ежегодно представлялись управляющим королевскими, церковными и лордскими поместьями. В отчетах точно указаны все виды денежных и натуральных доходов (с учетом барщинных работ), а также все расходы. Эти документы дают исключительно интересный и ценный материал; в них содержатся также данные о развитии процесса коммутации, о связи с рынком (ясно обрисованы размеры идущей на рынок продукции) и т. п. В тех случаях, когда отчеты сохранились подряд за много лет, они являются вообще главным источником для истории манориального хозяйства в Англии. На первое место среди таких серий следует по-

ставить отчеты по королевским манорам в Англии, Ирландии и Уэльсе, сохранившиеся с 1216 г. До 1272 г. они составляли часть общих казначейских отчетов (*pipe rolls*)*. Сохранились также длинные серии манориальных отчетов зрла Норфокского и особенно отчеты за 1208—1455 гг. по расположенным в разных графствах шестидесяти манорам Винчестерского епископства.

Очень ценны как источники для истории внутренней жизни манора протоколы манориальных курий (*court rolls*)⁵. Самые ранние из дошедших до нас протоколов относятся к первой половине XIII в. Они представляют собой краткие записи дел, слушавшихся в манориальных судах, и дают сведения о налагавшихся штрафах, пошлинах и т. д. Этот источник рисует обычное право манора, сеньяриальный суд и, что особенно важно, непрестанную борьбу крепостного и зависимого крестьянства против феодальной эксплуатации, против огораживания общинных земель. Классовая борьба в английской деревне лучше всего вскрывается из анализа сведений, содержащихся в протоколах манориальных курий. Хорошо прослеживается по этим же источникам роль общины в жизни английской деревни и ее огромное значение в организации сопротивления крестьянства.

Последняя большая группа источников, обрисовывающая феодальное землевладение, исходила из королевского казначейства, уже в XII в. игравшего большую роль в жизни страны. Разнообразные документы, фиксировавшие деятельность этого учреждения, в большинстве случаев имеют непосредственное отношение к истории английского аграрного строя. Казначейство учитывало все землевладения держателей короны для взимания релъефа (взноса при наследовании земли), шиговых денег (уплачивавшихся взамен военной службы), субсидий, для установления опеки, для набора армии и т. д. На первом месте среди этих источников стоят «Посмертные расследования» (*Inquisitiones post mortem*, сокращенно IPM), сохранившиеся в большом количестве с 1236 г. и относящиеся к светскому землевладению всей Англии. Эти расследования производились особыми королевскими чиновниками (исчислителями) после смерти непосредственных держателей короны для взимания релъефа или для учреждения опеки. Такие же расследования имели место в случае перехода в казну выморочных или конфискованных земель. На основе показаний сотенных присяжных исчислители составляли краткую опись маноров и держаний с указанием повинностей, указывали общую сумму дохода и его составные части, определяли права наследников. Такой порядок существовал еще с конца XII в., но лишь в XIII в. получил полную регулярность и письменную форму.

Главная ценность Посмертных расследований заключается в том, что они содержат материал по истории светского феодального землевладения всех рангов и притом почти во всех графствах, в то время как манориальные документы относятся преимущественно к крупному и даже еще уже — к церковному землевладению, а сохранившаяся часть Сотенных Свитков 1279—1280 гг. охватывает лишь небольшую часть страны. Таким образом, Посмертные расследования служат источником для воссоздания несравненно более широкой картины аграрного строя, чем та, которая может быть обрисована на основе Сотенных Свитков или материалов, касающихся лишь крупных вотчин. Кроме того, Посмертные расследования содержат гораздо более детальные данные,

* См. стр. 179.

чем Сотенные Свитки. Все это ставит их на особое место среди прочих источников по истории аграрного строя Англии.

На основе Посмертных расследований во второй половине XIII в. был составлен в казначействе особый регистр «Книга феодалов» (*Liber feodorum* или *Testa de Nevill*), в котором имеются сведения о всех рыцарских феодах, сержантериях, о находившихся в ведении короны церковных владениях и т. д. Цель составления регистра заключалась в фиксировании сумм щитовых денег и субсидий с каждого вассала. Таковую же цель преследовала опись феодалов в различных частях Англии, произведенная (повидимому, в 1284—1285 гг. по распоряжению казначея Киркби) на основе посмертных расследований и специального обследования. Оба регистра дают материал о количестве феодалов и других держаний.

Особый интерес представляет трактат аббата Александра Неккама (1187—1217) «Об утвари и орудиях» (*De utensilibus*)⁶, составленный около 1180 г. Автор рисует картину крестьянского хозяйства, в котором манориальные источники дают лишь скудные сведения. В трактате имеется описание крестьянской усадьбы, построек, скота, многочисленного и разнообразного рабочего инвентаря (подробно описаны плуг), прочих предметов крестьянского обихода, различных сельскохозяйственных работ и т. д.

Источники по истории аграрного строя XIV в. состоят преимущественно из манориальных документов, так как больших государственных переписей в это время не производилось. В XV в., когда барское хозяйство пришло в упадок, манориальные источники сократились в числе и утратили свое прежнее значение. Многие вотчинные архивы погибли во время междоусобиц XV в. Картина аграрного строя вырисовывается из данных, разбросанных в разных документах, в том числе в арендных договорах.

Среди источников по истории английских городов самыми древними являются (как и в других странах) хартии привилегий, дарованные городам королями или феодалами. Судебные обычаи Лондона (*Judicia civitatis Lundoniae*), касающиеся, повидимому, и лондонской округи, относятся еще к первой половине X в. Около 1000 г. в законе Этельреда II уже содержалась сводка обычаев Лондона. В первое же десятилетие своего правления Вильгельм I даровал Лондону две хартии, подтверждавшие права лондонцев. Сведения о городах XI в. имеются, как уже указывалось, в «Книге Страшного суда». Во второй половине XII в. и особенно в XIII в. чрезвычайно возросло количество городских хартий, так как очень многие города получили самоуправление или ряд привилегий. Так, например, Лондону хартия была дана в 1131 г., Норичу — в 1194 г.; Ливерпуль получил в 1207 г. торговые привилегии, а в 1229 г. право самоуправления; Йорку было предоставлено такое же право в 1212 г. В XIV в. после упорной борьбы получили хартии города, находившиеся ранее под властью церковных феодалов. Некоторым городам (по большей части мелким) хартий были даны лишь в XV в.

Источники, касающиеся внутренней жизни городов, появились в XIII в., но главная их масса приходится на XIV—XV вв. В каждом городе велись книги, обозначавшиеся обычно по размеру, по цвету переплета или по имени должностного лица, например «Большая красная книга» (*Great red book*) города Бристоля. В книги вносились самый разнообразный материал, оформлявшийся городскими властями: протоколы городских советов и городских судов, своды городского права, цеховые уставы, распоряжения городских властей, переписка городов с прави-

тельством и с другими городами и т. д. Туда записывались также акты имущественных отношений: продажи, завешания, закладные. В городских книгах портовых городов заносились тексты таможенных тарифов и охранных свидетельств, выдававшихся купцам на их корабли (с указанием тоннажа и груза). Особенно многочисленны источники по истории Лондона, Бристоля, Ливерпуля, Йорка и других крупных городов. В лондонских городских книгах (*Liber custumarum* около 1320 г., *Liber albus* 1419 г. и др.) имеется множество ценных сведений по социально-экономической и политической истории столицы XIII—XV вв., по городскому праву, связям Лондона с границей и т. д.

История английского ремесла и торговли отражена в разнообразных источниках. Внешняя торговля регулировалась королевскими хартиями и законами. «Купеческая хартия» (*Carta mercatorum*) 1303 г. предоставляла иностранным купцам право свободного въезда в Англию и устанавливала пошлины для ввозимых и вывозимых товаров. «Хлебный закон» 1394 г. разрешил свободный вывоз хлеба из Англии, «Навигационный акт» 1369 г. предписал английским купцам пользоваться только английскими судами. Впоследствии хлебные и навигационные акты издавались неоднократно. Большинство хартий с привилегиями купеческих гильдий и статуты ремесленных гильдий относятся к XIV—XV вв. О «гильдиях йоменов», т. е. тайных союзах подмастерьев, сохранились лишь скудные упоминания. «Торговцы пряностями», одна из старейших лондонских гильдий, известная еще с конца XII в., получила свой устав в 1345 г. К 1373 г. относится устав лондонской «Компании оптовиков-бакалейщиков» (*Compagnie des grossers*). Уставы лондонских суконщиков, виноторговцев и рыботорговцев были составлены в 1364 г. Основная масса уставов ремесленных гильдий относится к XV в.

Многочисленные источники рисуют деятельность английских торговых компаний XIV—XV вв., в особенности крупных. В XIV в. возникла компания стапельных купцов (*Merchants of the Staple* или *Staplers*), имевшая монополию на вывоз английской шерсти через стапельные (складочные) пункты на континенте, главным образом через Кале. Источниками для истории компании являются дарованные ей хартии с привилегиями (1359 г. и хартии начала XV в.), «Трактат о деятельности стапельной компании» (*Treatise concerning the Staple*), хотя был составлен в начале XVI в., дает много сведений и для конца XV в. Сохранились также письма должностных лиц компании, ее официальные акты, петиции в парламент и т. д. К одной из таких петиций (1454 г.) приложен список различных сортов английской шерсти. Для истории компании «купцов-авантюристов» (*Merchant-Adventurers*) имеются хартии 1407 и 1462 гг., а также парламентские акты конца XV в. Большая хартия Елизаветы от 1564 г. придала компании окончательную организационную форму. Сборники протоколов заседаний компании появились в середине XVI в., но составлены на основе старых материалов.

Очень ценными источниками для истории социально-экономических отношений XV в. являются частные архивы. В частности, история английской торговли отражена в дошедших до нас архивах некоторых купцов — членов торговых компаний, например, Сели, Пастонов, Стоноров и др. Эти архивы содержат главным образом торговые книги, счета и деловую переписку. По документам можно восстановить всю систему экспортной торговли, начиная с закупки сырья и изделий в Англии вплоть до продажи их на континентальных рынках, систему кредитных операций, установить пены, норму торговой прибыли и т. д. Документы из этих архивов (особенно из архива Пастонов, представителей нового

дворянства) интересны также для политической истории и быта. Особо следует отметить трактат о весах (*The poimbre of weyghtes*), представляющий собой руководство для купцов, составленное, возможно, кем-то из членов Стапельной компании. Трактат дает множество очень ценных сведений о ценах, счетоводстве, мерах и весах и вообще о всей практике оптовой торговли шерстью.

Из числа правительственных документов, относящихся к внешней торговле, надо указать на лицензии, выдававшиеся для вывоза шерсти в порты пеммо Кале. Особенно интересными источниками являются «Свитки отчетов о пошлинах» (*Enrolled customs accounts*), содержащие данные о всех товарах, проходивших через таможни. В английских портах (Лондоне, Бристоле, Гулле и др.) уже с конца XIII в. велись записи о взимавшихся там пошлинах. На основе этих отдельных отчетов в казначействе составлялись свитки, в которых фиксировались поступления от пошлин в объеме всей страны. С середины XIV в. эти свитки значительно увеличились, так как в это время были установлены пошлины на экспорт шерсти и сукон, на импорт вина и т. д. Эти материалы дают очень ценные сведения как о характере и размерах английской внешней торговли вообще, так и о значительной части государственных доходов.

Систематизированная картина внешней торговли Англии в первой половине XV в. содержится в замечательном для своего времени рифмованном «Памфлете об английской политике» (*Libel on english policy*), вышедшем в 1436 г. и составленном, по видимому, Адамом Молинсом, который стал впоследствии епископом Чичестерским. Автор дал описание английской торговли со всеми странами Европы, даже с Исландией, подчеркнув в каждом отдельном случае выгоды или невыгоды торговых операций. Так, например, он указывает на особые преимущества торговли с Португалией и бранит своих соотечественников за то, что они не берутся за непосредственную торговлю с Испанией. В трактате последовательно проводится мысль о том, что могущество Англии заключается в морской торговле, в господстве на море. Держа под своим контролем Па-де-Кале, Англия имеет возможность управлять всей европейской торговлей. Аналогичные соображения содержатся и в другом анонимном рифмованном памфлете, вышедшем лет на 30 позже. Автор его ратует за запрещение экспорта шерсти, за покровительство отечественному сукноделию, за усиление морского могущества Англии. Оба произведения очень рельефно отображают стремления английского купечества к господству на морях, сулившему крупные барыши.

В связи с широким развитием внешней торговли и мореходства в XV в. в адмиралтействе был составлен сборник законов и обычаев по морскому праву и торговле — «Черная книга адмиралтейства» (*Black book of the Admiralty*), в котором были сведены морские законы английских портов, Голландии, Фландрии, испанские и французские морские кутюмы и т. д., а также королевские указы по флоту, начиная с 1407 г.

Правовые источники по истории Англии не только многочисленны, но и своеобразны. Установление в стране сильной королевской власти привело к более быстрому, чем на континенте, развитию централизованного законодательства, что в свою очередь способствовало и более быстрой выработке общего для всей страны права. Поэтому в Англии раньше, чем в странах континента, появились действительные для всего государства королевские законы, вскоре охватившие почти все области.

судопроизводства. С XIV в. к ним присоединились постановления парламента, которые, наряду с королевскими законами XII—XIV вв., являются ценнейшими источниками для изучения всех сторон жизни средневековой Англии. В большом количестве сохранились источники, отражающие повседневную деятельность королевских судов. Следует также отметить, что упорная оппозиция баронов, а затем и церкви по отношению к укреплению центральной власти приводила не раз к временным политическим успехам светской и церковной знати, чьи привилегии и права обычно оформлялись в хартиях вольностей (*chartae libertatum*).

От законов, изданных Вильгельмом I, сохранились лишь указ об обособлении церковной юрисдикции и фрагменты судебного кодекса, носившего название «Законы Вильгельма» (*Leis Willelme*)⁷. Судебник был составлен частным лицом, повидимому в начале XII в., на нормандском диалекте, затем переведен на латинский язык. Из дошедших до нас отрывков явствует, что старое англосаксонское право еще сохраняло в ту пору свою силу.

В XII—XIII вв. господствовало местное обычное право, отличавшееся некоторыми особенностями чуть ли не в каждой вотчине, так называемый «обычай манора». Так же как в странах континента, английское местное обычное право было неписаным и судить о нем можно лишь на основании его конкретных проявлений, зафиксированных в протоколах манориальных курий и в экстентах.

В XII—XIII вв. было издано несколько «хартий вольностей»: хартия Генриха I от 1000 г., подтверждавшая церкви и баронам их привилегии, а народу законы донормандского периода с изменениями, внесенными Вильгельмом I; две хартии Стефана 1136 г., хартия Генриха II 1154 г. и т. д.

Главным из документов такого рода является знаменитая «Великая хартия вольностей» (*Magna charta libertatum*)⁸ 1215 г., вырванная баронами у Иоанна Безземельного в результате их мятежа против короля. В самом начале переговоров, 15 июня, бароны предъявили Иоанну список основных требований — «баронские статьи», на основе которых с 15 до 19 июня был выработан окончательный текст хартии. Последняя дошла до нас в четырех экземплярах (их было, несомненно, гораздо больше, так как бароны потребовали широкого распространения этого важного для них документа), имеющих на обороте следующую пометку: «Соглашение между королем Иоанном и баронами о предоставлении вольностей церкви и королевству Англии» (*Concordia inter regem Johannem et barones pro concessione libertatum ecclesiae et regni Angliae*). Название «Великой хартии вольностей» было дано этому документу по аналогии с предшествующими хартиями и в силу его обширных размеров. Текст в рукописях не разделен на пункты, разбивку на 63 статьи произвели издатели. С первого взгляда последовательность статей производит впечатление несистематичности, но на деле они расположены примерно в порядке их важности для баронов. Содержание хартии лишь до известной степени походит на предшествовавшие аналогичные хартии вольностей; в целом она представляет собой обширный список прав баронов, выработанный ими с учетом конкретной обстановки 1215 г. Эти права сводятся в основном к точному перечислению вассальных платежей и вообще к урегулированию отношений между баронами и королевской властью. По мысли инициаторов хартии подобный раз навсегда установленный порядок должен был гарантировать баронскую олигархию от усиления королевской власти, а знаменитая 61-я статья хартии удерживала особую баронскую комиссию для наблюдения

за выполнением хартии и предоставляла баронам право вооруженного выступления против короля в случаях ее нарушения. Великая хартия вольностей представляет собой документ, ограничивавший королевскую власть в интересах баронов, т. е. реакционной феодальной аристократии. Права церкви оговорены в хартии на первом месте, так как после попыток наступления королевской власти на церковную юрисдикцию, имевших место при Генрихе II, церковь была очень заинтересована в укреплении своих прав и оказала баронам в 1215 г. существенную поддержку. Но права Лондона оговорены в хартии лишь в общих чертах. Интересы главной массы населения — крепостного крестьянства — не получили никакого отражения. Вместе с тем в хартии есть косвенные сведения, касающиеся рыцарей и свободных крестьян, так что в целом ценность этого источника состоит в том, что он содержит широкую картину социальных и политических отношений в начале XIII в.

В течение XIII в. Великая хартия вольностей несколько раз была подтверждена (за исключением некоторых пунктов). В XIV—XVI вв. в результате общего развития страны она совершенно вышла из употребления и оказалась совсем забытой. Но в середине XVII в., в период английской буржуазной революции, она сыграла важную роль. Английская буржуазия считала ее основной конституцией английских «свобод» и прав парламента. В XIX—XX вв. английская и американская буржуазная историография изображали Великую хартию вольностей как фундамент демократических прав якобы всего английского народа.

Королевское законодательство получило значительное развитие уже в XII в. При Генрихе II было издано несколько ассиз (указов) о реформе судопроизводства, о вооружении, лесах и т. д., а также «Кларендонские постановления» 1164 г., ограничивавшие церковную юрисдикцию. В XIII в. стало вырабатываться английское общее право (common law), постепенно сложившееся из разнообразных элементов: англосаксонских законов, нормандских обычаев, практики королевского суда, отчасти из римского и канонического права. Характерной особенностью Англии было отсутствие в ней письменных местных (провинциальных) сводов обычного права, которые появились в XIII в. в Германии, Франции и т. д. Это объясняется ранней централизацией Англии, быстрым развитием королевской единообразной системы судопроизводства и королевского законодательства, обязательных на всей территории страны. Многочисленные законы, так называемые статуты, издававшиеся сперва с согласия знати, затем, с XIV в., — с согласия парламента, являются ценными источниками для исследования многих проблем и в особенности для изучения процесса централизации страны. Мертонский статут 1235 г., разрешивший лордам огораживать общинные земли, открыл собой длинный ряд характерных для Англии законов об огораживании. При Эдуарде I появился ряд важных законов. Первый Вестминстерский статут, принятый парламентом в 1275 г., узаконил взаимоотношения короля и феодалов, сложившиеся в итоге «Баронской войны» 1258—1265 гг. Вместе с тем он упорядочил практику королевского суда в королевской администрации. Второй и третий Вестминстерские статуты 1285 г. и 1290 г. преследовали цель укрепления королевской власти, ограничения феодальной юстиции, упрочения положения рыцарей и отчасти купцов, защиту свободных держателей от произвола лордов. Кроме того, последним был предоставлен ряд прав: были расширены возможности огораживаний, упрочена система майората (наследования земли лишь старшим сыном), закреплены феодальные права лордов на продаваемую их держателями землю. Знаменитый статут «о мертвой руке» 1279 г. положил предел росту церковного землевладения.

Источниками для истории наемных рабочих, появившихся в Англии в XIV в., является рабочее законодательство. Первым актом такого рода был статут о рабочих от 18 июня 1349 г. «Законодательство относительно наемного труда, с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему классу, начинается в Англии при Эдуарде III Statute of Labourers (Статутом о рабочих), изданным в 1349 г. . . Законом устанавливается тариф заработной платы для города и деревни, для сдельной и педенной работы. Сельские рабочие должны напиматься на год, городские же — на произвольные сроки, «на вольном рынке». Под страхом тюремного наказания воспрещается выдать плату более высокую, чем указанная в статутах, причем лица, получившие такую незаконную плату, наказываются сильнее, чем уплатившие ее».* В XIV—XV вв. было издано еще несколько статутов такого рода, причем с каждым разом меры наказания для рабочих принимали все более и более жестокий характер.

Наряду с законами, большую ценность в качестве источников для жизни английского общества имеют различные документы королевских судов, которые сохранились в огромном количестве. Они содержат ценнейшие сведения о классовой борьбе, о свободном крестьянстве, об отношениях собственности внутри господствующего класса. Свитки с протоколами судебных дел, слушавшихся в центральном королевском суде (*rotuli curiae regis*), начали составляться, повидимому, в 1180-х годах; первый из дошедших до нас свитков относится к 1194 г. Первоначально все тяжбы записывались подряд, но с 1234 г., когда королевский суд был разделен на палаты, появились отдельно свитки с записями суда общих тяжб (*rotuli placitorum coram rege*) и свитки суда королевской скамьи (*rotuli placitorum de banco*). С 1235 г. выделился суд казначейства, затем канцлерский суд, суд по делам евреев, по делам лесов и т. п., каждый со своими протоколами. Протоколы судебных разбирательств по искам короны против феодалов с целью выяснения законности прав последних записаны в особых свитках, так называемых *Placita de quo warranto*. Сохранились весьма многочисленные документы (*brevia, writs*), связанные с судебной процедурой, а также ежегодники (*Year books*) за 1292—1535 гг., в которых содержатся записи судебных дел, составленные юристами-практиками.

В результате быстрого развития королевского законодательства и складывания общего права в Англии очень рано появились специальные юридические трактаты. Первый из них был составлен Ранульфом Гланвилем (ум. 1190), главным юстициарием (судьей) в 1180—1189 гг. В его «Трактате о законах и обычаях английского королевства» (*Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae*)⁹ в систематической форме обрисовано королевское и прочее судопроизводство в том виде, как оно сложилось после судебных реформ Генриха II. Автор приравнивает крепостного крестьянина (виллана) к рабу и весьма решительно отстаивает интересы господствующего класса. Еще ярче классовая точка зрения выражена у Генри Брактона (ум. 1268), автора трактата «О законах и обычаях Англии» (*De legibus et consuetudinibus Angliae*),¹⁰ составленного в 1250—1258 гг. Брактон был разездным судьей, затем сделался деканом кафедрального собора в Эксетере. Изучив римское и каноническое право и будучи юристом-практиком, он дал в своем произведении первое изложение английского общего права. Его трактат

* К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 742.

явился также попыткой юридического обоснования частнособственнических прав лордов на общинные угодья. Незадолго до того, в 1235 г. был издан Мертонский статут, разрешивший лордам огораживать часть общинных земель и обостривший классовую борьбу в деревне. Брактон стремился доказать, что общинные права, являясь якобы добровольным даром лордов, не могут принадлежать крестьянству. Его трактат представляет собой яркий образчик правовой теории, исходящей из интересов феодалов и направленной против крестьянства и их сопротивления захватам общинных земель. Очень ценным источником является также записная книга (*note-book*) Брактона, где содержатся записи почти 200 судебных дел, слушавшихся в королевском суде в середине XIII в. Этот материал был подготовлен для использования в трактате и дает очень важные сведения для истории классовой борьбы в английской деревне XIII в.

Около 1290 г. в тюрьме Флит неизвестным автором был написан трактат под названием «Флета или комментарий по английскому праву» (*Fleta seu commentarius juris Anglicani*), представляющий собой сокращенное изложение труда Брактона с добавлениями из статута Эдуарда I. Ценным источником для аграрных отношений является часть, посвященная манориальной организации. В начале XIV в. появился обзор английского права «Зерцало судьи» (*Miroir des justices*), приписываемый члену лондонского городского совета Эндрю Горну (ум. 1328).

* *
*

Политическая история Англии XI—XII вв. отражена преимущественно в анналах и хрониках. С XIII в. анналы исчезают и основными источниками для политической истории становятся хроники и обширный документальный материал, исходивший от правительственных учреждений.

После завоевания между церковными учреждениями Англии и Нормандии установилась тесная связь, что способствовало распространению в новых монастырях нормандских историографических традиций и латинского языка. Напротив, старые англосаксонские монастыри и особенно те из них, которые были расположены на окраинах и на севере, упорно держались своих старых традиций в анналистике и в агрографии. В Вустерском аббатстве (на р. Северн недалеко от непокоренного Вильгельмом Уэльса) и в аббатстве Питерборо (в болотистой трудно доступной местности в Линкольншире) особенно долго хранилась и вплоть до 1154 г. продолжалась Англосаксонская хроника на местных диалектах, содержащая главным образом события местной истории. Но затем и она была переведена на латинский язык, равно как и многие старые жития. Тем не менее монастыри северных графств продолжали свою обособленную жизнь и составлявшие в них анналы не только продолжали оставаться местными по содержанию, но и по форме (кроме языка) непосредственно примыкали к старой англосаксонской анналистике. «Церковная история» Беда и нортумбрийские анналы и хроники образовали на севере своего рода свод исторических произведений, доведенный до 1120 г. Он был широко использован монахом Вустерского монастыря Флоренцием (ум. около 1117) в его хронике, доведенной до 1117 г. и затем продолженной там же до конца XIII в. Другой монах, бывший сперва в Ярроуском монастыре (где в свое время жил и писал Беда), затем в Дераме, Симеон Дерамский (около 1060—1129) в своей «Истории английских королей» (*Historia*

regum anglorum)¹¹ переработал эти материалы и довел историю до 1129 г. Его труд был затем продолжен в Дереме до 1154 г. Таким образом, можно утверждать, что до середины XII в., т. е. до воцарения Генриха II, на севере Англии существовало особое течение в анналистике, продолжавшее старые англосаксонские традиции и освещавшие преимущественно историю северных графств.

Что касается юга, то там центром новой англо-нормандской церкви стал Кентербери: архиепископ Кентерберийский Ланфранк (ум. 1089) был главным советником Вильгельма I, помогая ему подчинить англосаксонское духовенство. Церковная политика короля и Ланфранка, а затем борьба преемников последнего с королями за сохранение огромных привилегий церкви описаны приближенным архиепископа Ансельма монахом Идмером (около 1060—около 1124) в его «Истории перемен в Англии» (*Historia novorum in Anglia*), составленной в начале XII в. и доведенной до 1122 г.

Как старые, так и вновь появившиеся с конца XI в. монастырские аянналы становились чем дальше, тем все более многочисленными и подробными. Во многих монастырях с XIII в. они превратились в обширные монастырские хроники, просуществовавшие до XV в. В них сохранился богатый фактический материал по истории Англии в целом, например по истории баронских войн XIII в. и т. д. Такое длительное (по сравнению с другими западноевропейскими странами) существование в Англии монастырской историографии объясняется экономическим могуществом и политической ролью английских монастырей и церковных феодалов. Следует отметить аянналы Бертонские, Тьюксберийские, Норичские, Мельрозские, Уинтонские, Уэверлейские, Вустерские, Рамсейские, Йоркские, аянналы лондонского собора св. Павла (*annales Paulini*) и особенно аянналы Сент-Ольбанского монастыря, о которых речь будет в дальнейшем.

С середины XII в. на одном из первых мест среди монастырей выдвинулось старое аббатство Мальмсбери в юго-западном графстве Уилтшир, находившееся в тесных связях с Нормандией и другими англо-нормандскими владениями в Европе. Там в первой половине XII в. сохранилось несколько крупных исторических произведений, принадлежавших Вильяму Мальмсберийскому (ум. 1142)¹². Полуфранцуз, полуанглосакс, Вильям получил хорошее классическое образование. Деятельно собирая рукописи для своего монастыря, он изучил все письменные источники по английской истории и на их основе составил два больших труда по истории английской церкви и Англии в целом. Первый из них, «Деяния английских епископов» (*Gesta pontificum anglorum*), охватывает период 601—1125 гг., а во втором — «Деяния английских королей» (*De gestis regum anglorum*), описана история за 449—1125 гг., продолженная затем самим автором до 1142 г. Хроники Вильяма Мальмсберийского отличаются не только систематичностью изложения; в противоположность северным хроникам, вся история Англии в целом до середины XII в. представлена Вильямом как единый исторический процесс. В оригинальных частях, посвященных правлению Генриха I, изложен важный фактический материал. Характерно, что в «Деяния английских королей» автор включил многие народные песни и баллады.

Другая, составленная в XII в. общая история Англии принадлежит архидьякону Генриху Гентингдонскому (около 1080—1155), приближенному одного из крупнейших английских церковных магнатов, епископа Линкольнского, по настоянию которого и была написана «Английская история» (*Historia anglorum*).

охватывающая события от римского завоевания Британии до 1154 г. Автор добавил к ней также свои поэтические произведения, в том числе эпиграммы, сочиненные при дворе епископа Линкольнского. Оригинальная часть хроники, посвященная подробно и живому изложению баронской смуты при Стефане, принесшей английскому народу страшные бедствия и разорение, переделывалась и дополнялась автором не менее пяти раз в зависимости от перипетий борьбы, в которой приняли участие крупные церковные феодалы, в том числе и покровитель Генриха,

Укрепление королевской власти при Генрихе II Плантагенете сопровождалось появлением официальной королевской историографии. Первым трудом такого рода была анонимная хроника «Деяния королей Генриха II и Ричарда I» (*Gesta Henrici II et Ricardi I regum*), охватывающая 1169—1192 гг. и составленная, повидимому, королевским казначеем, ставшим затем лондонским епископом, Ричардом Фиц-Ниль. В хронике включены многие документы, и она содержит богатый фактический материал, отражающий в соответствующем духе внутреннюю и внешнюю политику английского правительства.

Еще более широкий охват имеет хроника Роджера Говдена¹³ (ум. около 1201). Уроженец Йоркшира и друг епископа Дерамского, Говден стал затем королевским чиновником в северных графствах и выполнил ряд важных дипломатических поручений. Такой род деятельности дал ему доступ к архивам и снабдил его хорошей информацией. Хроника Говдена построена по старому образцу английских хроник, т. е. изложение начинается в 449 г. Последние ее части, за 1170—1207 гг., являются чрезвычайно ценным историческим источником. В хронике включен огромный документальный материал разнообразного характера: договоры с Францией, Шотландией и Сицилией, папские декреты, многочисленные грамоты, письма и т. д. Внешняя политика Генриха II и особенно Ричарда Львиное Сердце, борьба с Францией, план захвата Сицилии, третий крестовый поход и плен Ричарда — все это описано Говденом с большой подробностью, что делает его хроникой ценным источником для истории не только Англии, но и всех европейских стран конца XII в. Много материала для истории англо-французской борьбы содержится в «Исторических картинках» (*Imagines historiarum*) Ральфа Дисето (около 1120—около 1202), француза по происхождению, архидиакона и затем декана Лондонского собора. Подробно излагая историю 1148—1202 гг., особенно отношения с Францией и связи с французскими территориями Плантагенетов, автор использует богатый документальный материал.

Церковная политика Генриха II и его борьба с кентерберийским архиепископом Фомой Бекетом очень ярко отразились в хрониках и других произведениях второй половины XII в. Во многих житиях Фомы Бекета и в хронике Гервасия Кентерберийского проводится резко выраженная церковная тенденция. В трактате Иоанна Солсберийского (около 1120—1180) «*Policraticus*», написанном в 1159 г., автор, приближенный Бекета, защищает принцип верховенства церкви над светской властью. Противоположную позицию занимают Роджер Говден и его предшественник, анонимный автор «Деяний Генриха II и Ричарда I». Поддерживает короля и осуждает папу и Бекета автор очень интересной и ценной хроники монах Вильям Ньюбургский (1136—около 1198). Уроженец Йоркшира и англосакс по происхождению, Вильям порывает со старыми северными историографическими традициями в отношении объема и содержания своей хроники. Первые части его «Английской истории» (*Historia anglicana*) начинаются только с нормандского завоевания и построены на письменных источниках. Для современного автору периода использованы документы и

собственные наблюдения. Вильям дал очень яркую картину анархии и бедствий времен баронской смуты середины XII в., попытался вскрыть ее причины и последствия, исходя из интересов королевской власти.

Могущество английской церкви XII в. отразилось и во многих биографиях епископов (Бекета, линкольнских епископов Гуго и Ремигия, аббата Ньюминстерского монастыря Роберта). Как и все произведения такого рода, они дают немало материала для общей политической истории страны. Важным историческим источником являются многочисленные уже в XII в. письма крупнейших прелатов, королей и других государственных деятелей (кентерберийских архиепископов, Генриха II, хроникера Генриха Гентингдонского и др.).

Английское феодальное общество и придворный быт двора Генриха II нашли себе отражение в интересном сборнике анекдотов и разного рода легенд Уолтера Мапа (около 1140 — около 1216), озаглавленном «Книга о придворных пустяках» (*De nugis curialium*). Этому же автору, повидимому, принадлежит несколько голиардик (сатирических и шутовых студенческих песен) и поэмы на темы кельтских сказаний (так называемого Артурова цикла). С середины XII в., после появления «Истории бреттов» (*Historia britonum*) уэльсца Джофруа Монмаусского (около 1100—около 1152), являющейся не столько историческим, сколько литературным памятником, старые народные кельтские сказания о короле Артуре и его рыцарях получили широчайшее распространение не только в Англии, но и на континенте. Они послужили основой для ряда рыцарских романов — очень ценных источников для истории культуры и быта европейского рыцарства.

С середины XII в. началось завоевание англичанами Ирландии и Уэльса и появились английские источники по истории Ирландии, а также описания Ирландии и Уэльса. Первыми из них были произведения Гиральда Камбрийского (1146—1220), который отправился в 1185 г. вместе с Иоанном (впоследствии «Безземельным») в Ирландию и в последующие годы написал сначала «Топографию Ирландии» (*Topographia Hiberniae*), описание страны и ее жителей, а потом историю первого вторжения («*Hibernia Exugnata*»). «Топографии Ирландии» Энгельс дает следующую оценку: «Написанная на крайне претенциозной латыни, полная самых диких суеверий и всех религиозных и национальных предрассудков того века, в котором жил, и того племени, к которому принадлежал тщеславный автор, эта книга все-таки чрезвычайно важна, как первое сколько-нибудь подробное свидетельство иностранца об Ирландии».* Такой же характер носят «Путешествие по Уэльсу» (*Itinerarium Cambriae*) и «Описание Уэльса» (*Descriptio Cambriae*), составленные Гиральдом. Много любопытных черт и характеристик содержится и в его автобиографии (*Libri de rebus a se gestis tres*), так как автор близко знал английских и французских королей и крупных феодалов, папу Иннокентия III и т. д.

* *

*

Важнейшими английскими хрониками XIII в., века ожесточенной борьбы королевской власти с баронами, века появления английского парламента, являются хроники Сент-Ольбанского монастыря, составлявшиеся в одном из крупнейших и важнейших монастырей Англии, расположенном недалеко от Лондона на большой дороге из столицы на север. Уже с конца XI в. монастырь славился своей библиотекой и мастерской письма. Плантагенеты оказывали ему покровительство и часто его посещали. Роль этого церковного центра отчасти напоминает роль Сен-Денийского аббатства во Франции, а Сент-Ольбанские хроники имеют некоторые черты сходства с французским королевским сводом, хотя они и не оформились в единый комплекс, охватывающий

* Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 86—87.

историю страны до середины XV в., как это имело место во Франции. Но вместе с тем между ними есть и различия, обусловленные разницей в исторических условиях развития королевской власти во Франции и в Англии. Сен-Денийское аббатство было гораздо теснее связано с Капетингами, чем Сент-Ольбанс с Плантагенетами и другими английскими династиями, и политическая линия на укрепление королевской власти проведена в «Больших французских хрониках» гораздо резче, чем в Сент-Ольбанских хрониках. Собрание французских земель вокруг Парижа, борьба с Плантагенетами за французскую территорию — эти темы, составляющие главное содержание французского королевского свода, не находили себе аналогий в английском своде, ибо английское государство было в XIII в. уже объединено и не только не имело нужды защищаться от нападений врагов, но, наоборот, само вело завоевательную политику во Франции и в Ирландии. Вопросы централизации также не стояли в Англии так остро, как они стояли во Франции того периода. Что касается борьбы королей с мятежной знатью, то в этом отношении сен-денийские хроникеры неизменно проявляли враждебность к феодалам, в то время как сент-ольбанские нередко сочувствовали баронам.

Записи исторического характера велись в Сент-Ольбансе с конца XI в., а в XII в. появились анналы с довольно обширным охватом материала. Аббат Иоанн из Целлы довел их до 1188 г., Роджер Вендовер (ум. 1236) — до 1235 г. Последний назвал свой труд «Цветы истории» (*Flores historiarum*), начав его с сотворения мира. Особенно подробно изложены события 1201—1235 гг. В хронике Вендовера отражена история не только Англии, но и других стран, особенно Франции, что было обусловлено наличием у Плантагенетов владений во Франции и борьбой за их сохранение.

Непосредственный преемник Вендовера Матвей Парижский¹⁴ (ум. 1259) бесспорно является крупнейшим из всех английских хроникеров, а его труд — одной из лучших европейских хроник. Матвей учился в Парижском университете (отсюда его прозвище) и был одним из самых образованных людей Европы XIII в. Он хорошо знал классическую литературу, философию, основные европейские и всемирные хроники, не говоря уже об английских. У него был ярко выраженный интерес к науке: он занимался астрономией, геометрией, картографией, медициной, кроме того был каллиграфом и художником-миниатюристом. Вступив в Сент-Ольбанский монастырь в 1217 г., Матвей стал там во главе мастерской письма. Но для него как хроникера гораздо важнее была жизнь, которую он вел за стенами монастыря. Он совершил несколько поездок по Англии, был по поручению папы в Норвегии и главное, часто бывал при дворе, пользовался особым покровительством Генриха III и даже иногда присутствовал на важных заседаниях, собирая и записывая материал для своей хроники. Множество сведений и документов было им получено не только от английских, но и от европейских деятелей, с которыми он переписывался, не говоря уже о том, что он широко использовал документальный материал, хранившийся в самом монастыре.

Матвей исправил и дополнил хронику Вендовера (начиная с 1200) и продолжил ее до 1259 г., приложив к ней в качестве дополнения сборник документов (*Addimenta*). Все вместе взятое носит заглавие «Большая хроника», или «Большая история» (*Chronica majora, Historia major*). Кроме того, Матвей составил также сокращенную версию — «Малую историю», или «Английскую историю» (*Historia minor, Historia*

anglogum), охватывающую 1067—1253 гг. Повидимому, она предназначалась для поднесения Генриху III, так как все изменения против «Большой хроники» несомненно имеют целью смягчить или даже вовсе изъять некоторые резкие суждения о короле, папе и т. д. Характерно однако, что как изложение событий 1215 г., приведших к Великой хартии вольностей, так и отрицательную оценку Иоанна Безземельного Матвей оставил без изменений. Его описание борьбы баронов с королем в начале XIII в. облечено в выразительную форму, а в составленной им же биографии одного из вождей феодальной партии архиепископа Кентерберийского Стефана Лангтона он оправдывает программу и действия архиепископа и баронов. Матвей свободно высказывает как свое осуждение римской курии и ее политики в Англии, так и недовольство французским окружением короля; он также критиковал некоторые стороны политики Генриха III. В целом его труд является ценнейшим источником для истории Англии первой половины XIII в.

После Матвея Парижского в Сент-Ольбансе уже не было хроникеров, равных ему по общей культуре и широкой осведомленности. Но составление хроник не прекращалось, хотя с начала XIV в. они уже не сливались в единый свод, а существовали самостоятельно. Лишь в начале XIV в. было составлено продолжение за 1259—1306 гг. «Большой хроники» Матвея Парижского.

Период 1307—1323 гг. заполнен хроникой монаха Джона из Троклоу. Главным сент-ольбанским хроникером XIV в. является безымянный монах, автор «Хроники Англии» (*Chronicon Angliae*) за 1328—1388 гг. В конце XIV в. глава монастырской мастерской письма Томас Уолсингем (ум. около 1422) начал свою «Английскую историю» (*Historia Anglicana*)¹⁵. С 1272 до 1377 гг. она основана на прежних сент-ольбанских анналах и хрониках, затем до 1422 г. в ней содержится очень подробный и ценный материал по истории всей страны. В предшествовавшую ему анонимную хронику Уолсингем внес много дополнений, заимствовав их главным образом из документального материала, хранившегося в монастыре. Первоначально по своей политической тенденции хроника Уолсингема была враждебна Ланкастерскому дому, но после воцарения Генриха IV текст был переработан в противоположном направлении. При Уолсингеме в аббатстве было составлено также и другое произведение «Деяния аббатов Сент-Ольбанского монастыря» (*Gesta abbatum monasterii S. Albani*), где исторический материал расположен по отдельным биографиям аббатов за 793—1411 гг. Уолсингему в этом труде принадлежит история монастыря за 1308—1381 гг. В «Деяниях», как и в других монастырских хрониках того времени, содержится большое количество документов, рисующих хозяйственную жизнь и управление огромными монастырскими манорами. Этот материал очень ценен для истории социально-экономических отношений.

Последний период сент-ольбанской историографии представлен двумя скудными и сухими сериями записей за 1421—1440 гг. и за 1422—1431 гг. Существуют еще заметки аббата Джона Уэтхемстеда за 1420—1440 и 1451—1465 гг., дающие материал по истории первого периода войны Алой и Белой Розы.

В анонимной хронике и в хронике Уолсингема содержится довольно обильный материал для освещения хода восстания Уота Тайлера и программы восставших крестьян. Автор анонимной хроники включил в нее некоторые документы (например, королевские указы) и воспроизвел такие важные для истории восстания источники, как речь Джона Болла, произнесенная 13 июня 1381 г. перед восставшими крестьянами,

и так называемая «Исповедь» Джона Струа, т. е. показания одного из вождей, сделанные перед казнью. Уолсингем дополнил текст своего предшественника новыми данными о восстании вообще и о восстании крестьян, держателей Севт-Ольбацкого монастыря, в частности. Он привел текст королевской грамоты, выданной крестьянам Хартфордшира после свдидаша в Майль-Энде. Это свидетельство тем более ценно, что аналогичные грамоты, выданные крестьянам других графств, пропали бесследно. Оба монаха преисполнены к восставшим крестьянам острой классовой вражды и именуют их «омерзительнейшими» людьми. Но в целом их повествование не ставит себе задачу исказить и извратить историю восстания. В анонимной хронике даже указывается на насилия феодалов и вымогательства правительственных чиновников, как на причину восстания.

Лучшим источником для истории восстания Уота Тайлера является написанная на французском языке анонимная хроника аббатства св. Марии¹⁶ в Йорке за 1333—1381 гг., разысканная и опубликованная лишь в конце XIX в. Возможно, что она была составлена недалеко от Лондона вскоре после восстания. Автор ее, монах и, повидимому, очевидец событий, осуждает восставших крестьян, но история восстания изложена им с такой подробностью, живостью и красочностью, каких нет у других хроникеров.

В хронике лестерского каноника Генри Найтона, оригинальная часть которой охватывает (вместе с продолжениями) 1336—1395 гг., восстанию 1381 г. отведено не так много места, как в рассмотренных хрониках, но зато автор дает ценный материал по истории лоллардов (к которым он относится отрицательно), сообщает текст имевшихся у восставших крестьян прокламаций, рисует ход восстания в Лестере и т. д. В своей хронике Фруассар рассказывает о восстании Уота Тайлера в таком же духе, как и о Жакерии*. Он дает до известной степени вымышленное изложение, значительно искажающее историю восстания.

Наряду со сведениями, извлекаемыми из хроник, документальные материалы, а именно протоколы судебных комиссий, назначенных королем для следствия и суда над участниками восстания, позволяют с большей полнотой восстановить ход восстания и выявить его характер. Особо следует подчеркнуть, что в судебных протоколах содержатся очень важные данные, непосредственно относящиеся к самим восставшим крестьянам, в отличие от документального материала по истории Жакерии, который освещает восстание лишь косвенно, ибо состоит преимущественно из грамот помилования, выданных по большей части временным и случайным попутчикам восстания.

Особо следует подчеркнуть важность таких источников, как народные песни, баллады и посвященные жизни народа литературные произведения. Они тем более интересны, что только в них дошел до нас из глубины веков голос народных масс, поскольку хроники, за редчайшими исключениями, написаны представителями господствующего класса и пронизаны его идеологией. В многочисленных народных песнях и балладах, сохранявшихся в устной традиции и записанных в XV в. и позже, ярко выражены лучшие качества английского народа: мужество, смелость, чувство собственного достоинства, упорство в борьбе с угнетателями и насильниками. В большом цикле баллад о народном герое Робине Гуде основным содержанием является борьба крестьян с

* См. стр. 149.

феодалами, судьями, сборщиками налогов и т. п. Этой же теме посвящены и другие песни XIV в.: «Песня землепашца», «Песня поставленного закона» и др.

Ценные сведения для общей картины английского общества и особенно крестьянства незадолго до восстания Уота Тайлера содержит поэма Уильяма Ленгленда (около 1332 — около 1400) «Видение Петра Пахаря» (*Visions concerning Piers the Ploughman*)¹⁷, писавшаяся в течение многих лет и сохранившаяся в трех редакциях. Наибольший интерес имеет вторая половина поэмы, где дано красочное описание как помещичьего, так и крестьянского быта и ежедневного труда крестьян. Выведенный в поэме герой Петр-пахарь, зажиточный крестьянин, использующий труд батраков, признает крепостное право. Но в поэме очень сильно выражен протест против царствующей в мире неправды и против несправедливости господ. Это и обеспечило ей широкую популярность в крестьянской среде. В своих прокламациях Джон Болл использовал многие идеи и образы поэмы.

В анонимном стихотворении «О восстании Джека Стру» (*On the rebellion of Jack Straw*), составленном в самый год восстания, описывается невыносимая тяжесть налогового обложения и вымогательства жадных до наживы чиновников. В других стихотворных произведениях содержатся интересные данные о деятелях восстания.

Некоторые данные о социальных отношениях в деревне, о положении вилланов и сельскохозяйственных рабочих можно найти в латинской поэме «Глас вопиющего» (*Vox clamantis*) кентского дворянина Джона Гауэра. Она интересна и как свидетельство страха феодалов перед восставшими крестьянами.

Для истории политической мысли в Англии в XIV в. важными источниками являются произведения Виллефа и в первую очередь его трактат «О светской власти», содержащий критику иерархии католической церкви и требование секуляризации церковных земель.

«Всеобщая хроника» (*Polychronicon*) честерского монаха Хигдена (около 1280 — около 1363) представляет собой чисто компилятивную всемирную хронику до 1352 г., но ее следует отметить, поскольку она получила в середине XIV в. чрезвычайно широкую популярность и вскоре была переведена на английский язык. Сам Хигден был ревностным поборником обучения на родном языке, а переводчик его хроники, писавший в конце XIV в., уже отмечал совершившуюся победу английского языка над французским.

Своеобразной особенностью средневековой историографии Англии является наличие обширных, последовательно сменявших друг друга хроник, составленных членами городского совета столицы королевства Лондона. Городские хроники, охватывающие историю того или иного города за два-три столетия, характерны главным образом для политически раздробленных стран — Италии и Германии. В странах же, где успешно осуществлялись объединение и централизация, например во Франции, отчасти в Испании, удельный вес этих исторических источников незначителен. В Париже, например, вовсе не было своей городской хроники. В Лондоне же они ведут свое начало уже с середины XII в., ибо из текста сохранившихся лондонских анналов за 1195—1330 гг. явствует, что начало их утрачено. Автором этого труда, имеющего в первой части (до 1245 г.) характер компиляции, был, повидимому, один из членов лондонского городского совета. В анналах приведены полностью многие документы. Несмотря на заимствования из других хроник, в целом этот источник, особенно за 1316—1330 гг., дает материал преимущественно для местной истории. Тогда же, в XIII в., была составлена лондонским олддерменом Арнольдом Фил-Тедмаром «Хроника мэ-

ров и шерифов Лондона» (*Chronicles of the mayors and sheriffs of London*), охватывающая 1188—1276 гг. и особенно подробная за 1236—1274 гг. В этой хронике, как и следовало ожидать, последовательно проведена линия поддержки королевской власти против мятежных баронов. В таком же духе составлена в середине XIV в. «Лондонская хроника» (*Chronique de London*) на французском языке, охватывающая 1259—1343 гг. и вышедшая также из кругов городского совета. Неизвестный автор изложил в ней историю всей Англии и сообщил много ценного материала для истории лондонских цехов. Около 1414 г. весь накопленный материал записей был оформлен в большую городскую хронику на английском языке, получившую затем несколько продолжений и несколько редакций. Лондонскому шерифу, затем лорд-мэру, Уильяму Грегори (ум. 1467)¹⁸ и другим лицам принадлежит хроника, охватывающая 1440—1469 гг. Эти многочисленные версии Лондонских хроник являются лучшим и интереснейшим источником для истории Англии XV в. Крупная роль столицы в экономической и политической жизни страны особенно возросла в XV в. в результате образования предпосылок для складывания английской нации. Лондон становится не только политическим, но и экономическим и культурным центром Англии. В то же время долгая феодальная междоусобица привела к временному ослаблению королевской власти. Ожесточенная династическая борьба, втянувшая в себя почти всю английскую феодальную знать, сделала невозможным развитие и завершение королевской историографии как таковой. Этим объясняется длительное существование и характер лондонских хроник, в которых отражена в той или иной мере история страны и которые в силу этого в известной степени заменили собой отсутствовавшую в Англии XV в. королевскую историографию. Значение лондонских хроник как исторических источников велико еще и потому, что прочие английские хроники XV в. представляют собой в большинстве случаев незначительные произведения, хотя и дают в сумме немало фактического материала по истории Англии того времени.

Общее падение хроник как таковых вообще представляет собой закономерное явление в XV в. и, как уже указывалось, находится в тесной связи со всеми переменами, происходящими в феодальном обществе. Громадный документальный материал уже с XIV в. становится основным источником и для политической истории.

Источники по истории английского парламента начинаются с документов, появившихся в процессе баронской войны 1258—1265 гг. Петиции баронов о злоупотреблениях, Оксфордские провизии 1258 г. и Вестминстерские провизии 1259 г. представляют собой, по сути дела, феодальные конституции, выработанные баронской партией. Затем следует третейский суд Людовика IX, так называемая Амьенская миза 1264 г., и подписанная в том же году пленным королем Генрихом III «Форма управления королевством». Кенилсуорский приговор 1266 г. определил мирные условия между королем и парламентом, на основании которых король получил полноту власти. В 1297 г. был издан статут «О неразрешении налогов», которым король обязался не взимать никаких налогов без согласия парламента. Начиная с 1274 г., сохранились королевские грамоты (*writs*) на избрание членов палаты общин и приглашения пэров. Все решения парламента с различными петициями и биллями записаны в парламентских свитках (*rotuli parliamentorum*), охватывающих период 1301—1483 гг. Парламентские статуты, т. е. законы, принятые парламентом и утвержденные королем, стали с 1483 г. тоже включаться в парламентские свитки. Следует отметить, что в XV в.

в статутах и парламентских актах получил полное преобладание английский язык. Интересным источником является анонимный трактат «Порядок ведения парламента» (*Modus tenendi parliamentum*)¹⁹, составленный в последней четверти XIV в. Автор описал состав парламента и процедуру его работы, но следует указать, что в трактате отражена не столько реальная картина деятельности парламента, сколько теоретический взгляд на то, каким он должен быть. Тенденция к преувеличению значения нижней палаты и преуменьшению прав лордов указывает на те круги, интересы которых отстаивает анонимный автор этого произведения.

Последней большой группой документальных источников являются материалы королевской администрации. На первом месте среди них стоят многочисленные документы казначейства. Шерифы и другие королевские чиновники обязаны были ежегодно сдавать отчеты о доходах казны. Эти отчеты записывались в особые свитки, *pipe rolls* (происхождение термина неясно), охватывающие с небольшими перерывами огромный период 1130—1832 гг. В 676 сохранившихся свитках содержится ценный материал по истории английских финансов, освещающий попутно и многие другие стороны. Записи ежедневных поступлений и расходов казначейства велись в так называемых *pelles introitus* и *pelles exitus*. Самой старой из таких записей является фрагмент от 1185 г. Записи доходов сохранились с 1212 г. до 1781 г., записи расходов — за 1221—1479 гг. Специальные отчеты по содержанию королевского двора (*Wardrobe and household accounts*) сохранились с начала XIII в. В свитках субсидий (*Texatio or subsidy rolls*), дошедших до нас начиная с 1216 г., записаны поступления казны от налогов и феодальных платежей (например, щитовые деньги). В «Памятных свитках» (*Memoranda rolls*) за 1198, 1999 и 1210—1848 гг. содержатся материалы, подготовленные для заседаний казначейства. Они представляют собой очень интересный источник, освещающий самые разнообразные вопросы действия английской налоговой системы, сбора пошлин и т. д.

Важным источником для истории казначейства, его внутренней структуры и функций является трактат Ричарда Фиц-Нилля, государственного казначея в 1158—1198 гг. и лондонского епископа в 1189—1198 гг., «Диалог о казначействе» (*Dialogus de scaccagio*), составленный в 1176—1178 гг. в двух книгах. В первой книге описана организация казначейства и обязанности чиновников, во второй — порядок работы, сбор поступлений, отчетность и источники королевских доходов. В трактате содержатся сведения иного характера, например, об отношениях между лордами и крестьянами. В XIII в. к «Диалогу» была добавлена «Красная книга казначейства», в которой содержались хартии, статуты, счета, королевские указы, папские буллы и другие документы, имевшие отношение к королевским финансам. Впоследствии туда же были вписаны списки рыцарских держаний, списки лиц, уплачивавших щитовые деньги и т. д. Вся совокупность источников, отражающих деятельность казначейства, чрезвычайно ценна для исследования истории не только финансов, но и феодальной английской системы в целом.

Дела королевской канцелярии, т. е. бесчисленные исходившие из нее грамоты: распоряжения, привилегии, дары, назначения на должности, мандаты королевским чиновникам, а также секретные инструкции, дипломатическая переписка и т. п., записывались в свитках, распавшихся на две большие группы: свитки патентов (*Patent rolls*) с 1201 г. и свитки грамот (*Charter rolls*) с 1199 г. В сборник «Древние хартии» (*Cartae antiquae*) были внесены в XII—XIII вв. копии с коро-

левских и других хартий XI—XIII вв. (до 1272 г.). После того как при Ричарде II в 1386 от парламента окончательно отделился королевский совет, его решения записывались отдельно (*Acts of the privy council*). Сохранилось также множество петиций, поданных королю, королевскому совету, канцлеру и т. д., распоряжения по армии и флоту, списки на оплату военных отрядов, вызовы в армию. Даже самое краткое перечисление этих разнообразных документальных источников, сохранившихся, как правило, огромными сериями за много сот лет, наглядно показывает, насколько обилён материал, рисующий жизнь английского феодального государства XI—XV вв.

Следует еще указать на два интересных политических трактата канцлера Фортеस्कью (около 1385—1479), приверженца ланкастерской династии и активного участника междоусобных войн. В трактате «О похвале английским законам» (*De laudibus legum Angliae*)²⁰, написанном между 1468 и 1471 гг., автор учит принца Эдуарда, сына Генриха VI, основам политики и анализирует право и общественный строй Англии. Описывая английскую деревню, он подчеркивает зажиточность крестьян. Маркс использовал это свидетельство в 24-й главе I тома «Капитала», указав, что самостоятельное крестьянское хозяйство и расцвет городской жизни в XV в. «создали возможность того народного богатства, которое с таким красноречием описывает канцлер Фортеस्कью».* Трактат является интересным источником для истории политической мысли в Англии в XV в. Автор превозносит английскую конституционную монархию и осуждает абсолютизм Людовика XI. Этой же теме посвящен другой его трактат (первый политический трактат на английском языке) «Управление Англией или различие между абсолютной и ограниченной монархиями» (*Governance of England or the difference between an absolute and a limited monarchy*)²¹, написанный в 1471—1476 гг. Фортеस्कью бывал во Франции и дал в своем труде ряд интересных наблюдений и сравнений по социально-экономическим отношениям и общественному строю обеих стран.

* К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 722.

ГЛАВА XII

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ

В начале X в. Германия окончательно оформилась как самостоятельное государство; оборвались последние ее связи с другими частями совершенно распавшейся каролингской империи. Но это не было государство только немецкой народности. По северо-западной границе находились земли с населением, говорившем на диалекте романского языка (западная часть Лотарингии). В дальнейшем завоевание Италии временно подчинило германским императорам итальянскую народность, а включение в империю Бургундского королевства привело к тому, что до XIV—XV вв. на юго-западе Германии оказались французские области. Походы немецких феодалов на восток имели результатом захват славянских земель. Таким образом, как указывает Энгельс, Германия с самого начала не являлась национальным комплексом.*

Кроме того, в силу более позднего появления в Германии феодализма, немецкая народность находилась в X в. на более низкой ступени своего развития, чем, например, французские народности. Страна все еще распадалась на территории бывших отдельных крупных племен (саксов, тюрингов, франков, аламаннов, баваров), говоривших на различных диалектах немецкого языка. Правившие там герцоги долго сохраняли самостоятельность, и известная обособленность этих областей удержалась и впоследствии, тем более что уровень развития в них феодализма был неодинаков. Этим было положено начало разобщенности провинций, которая так и не была преодолена в течение всего средневековья.

Эти особенности в экономическом и политическом развитии Германии не могли не отразиться и на характере исторических источников.

* *
*

Рассматривая источники, рисующие развитие производительных сил и производственных отношений, необходимо указать, что письменные источники для X—XII вв. состоят преимущественно из описей феодальных поместий и из грамот. И те и другие относятся, как правило, к крупному церковному землевладению и отражают рост феодальной собственности на землю, размеры и формы феодальной эксплуатации крестьянства и ведение барского хозяйства. В их число входят книги копий (Kopialbücher), книги дарений (Traditionsbücher) и урбарии (Urbarien). «Книги копий» появились в Германии с IX в. и представляют собой картулярии; в них вписывались копии с имевшихся в архивах до-

* Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 343.

кументов. С X в. во всех крупных духовных и светских сенъериях эти картулярии (о ценности которых для истории феодального землевладения уже было сказано) были заменены «книгами дарений», в которые вносились уже не копии с документов, а протокольного типа записи о всех сделках по земельным приобретениям феодалов. Появление таких книг обусловлено тем, что на время их широкого распространения (X—XII вв.) приходится почти полное исчезновение в Германии официальных частных актов. Последние лишь временно применялись в период каролингской империи, когда в германские ее области была занесена заимствованная из Римской империи практика составления частных актов. После распада империи частные грамоты начали становиться все более бесформенными, теряя тем самым силу официального документа, и в X в. превратились в простые записи о той или иной сделке, заключенной в присутствии свидетелей. Такого рода записи и составляют содержание «книг дарений», которые, хотя и в иной форме, чем картулярии, также отражают рост крупной земельной собственности и закрепощения крестьянства. Особенно были богаты таким материалом крупнейшие немецкие монастыри (Прюм, Фульда, Лорн, Санкт-Эммерам и т. д.) и церковные капитулы.

В XII в. появляются, а с XIII в. широко распространяются, описи сенъерий, называвшиеся в Германии урбариями; они содержат подробные сведения о земельной собственности феодалов и о взимаемых с крестьян повинностях. Урбарии составлялись на основании старых материалов, содержащихся в картуляриях и книгах дарений, а также на основе показаний крестьян, судебных решений феодалов и приговоров третейских судов. Они закрепляли права феодалов и служили им документами, направленными против стремлений крепостных и зависимых крестьян к облегчению феодальной эксплуатации. В дальнейшем урбарии слились с картуляриями и другими документами; в некоторых крупных поместьях они превратились в настоящие феодальные кадастры (т. е. земельные описи), дающие широкую картину состояния производительных сил, производственных отношений и различных форм феодальной эксплуатации в немецкой деревне. С XIII в. стали систематически составляться отчеты управляющих поместьями; в них сохранилось много ценных статистических данных о хозяйстве крупных феодалов, главным образом церковных.

Для контроля за выполнением обязательств со стороны вассалов в крупных ленах многократно составлялись особые регистры (списки) вассальных ленов, так называемые ленные книги (*Lehnbücher*), отражающие формы феодальной собственности и отношения вассалитета. Рост крупного землевладения, развитие иммунитета и т. д. обрисовывают королевские и императорские жалованные грамоты (дипломы). Еще редкие в первой половине X в., они становятся многочисленными с Оттона I.

При поселении немецких колонистов в славянских землях и в Пруссии оформлялись акты об основании деревень и городов, содержащие перечисление прав и обязанностей поселенцев и предоставленных им льгот. Начиная с XIV в. появились договоры на пожизненную аренду земли, в которых имеются интересные данные о способах ведения сельского хозяйства.

Благодаря позднему развитию феодализма и сравнительно медленному течению процесса закрепощения крестьян в немецкой деревне как в самой Германии, так и в захваченных областях, дольше и гораздо ярче сохранилась старая марковая организация. Она отражена в ценнейших источниках — уставах марки (*Markweistümer*)¹. Реву-

лировавшие жизнь марки уставы долгое время хранились в устной традиции; они были записаны на диалектах немецкого языка начиная с XIII в. «в те времена, когда старое неписаное обычное право начинало оспариваться»², и продержались в постоянном употреблении вплоть до XVI в., а кое-где и дольше. Они являются записями обычного права и укоренившегося в марке хозяйственного распорядка относительно пользования лесами, пастбищами, болотами, водами, дорогами, мельницами и т. д. В них отразился и рост феодальных повинностей, в силу чего они иногда носят характер договоров с сеньерами, устанавливая определенный объем поборов и отработок с крестьян и отражая беспрестанную борьбу марки с земельладельческим дворянством. Уставы марки являются ценнейшими источниками при изучении не только крестьянского хозяйства и господствовавших в немецкой деревне социально-экономических отношений, но и культуры, языка, быта и т. д. Как правило, они составлены самими же общинами и дают возможность представить себе их внутреннюю жизнь.

Чрезвычайно интересны для истории развития производительных сил в сельском хозяйстве Германии два трактата: один из них — «Сад наслаждений» (*Hortus deliciarum*) — составлен в XII в. аббатиссой Гогенбургского монастыря в Эльзасе Геррадой Ландсбергской (ум. 1195) для школьного обучения и представляет собой своего рода энциклопедию наук, в которой много внимания уделено технике сельского хозяйства. Очень ценны миниатюры, украшающие единственную рукопись; в них даны первые для средневековья изображения водяной мельницы, виноградного пресса и т. д. Другой трактат — «О растениях» (*De vegetabilibus*)³, написанный в 1254—1256 гг., принадлежит перу ученого доминиканца Альберта Великого (1193—1280). Автор неоднократно ездил по Германии, особенно по областям Среднего и Нижнего Рейна, беседовал с крестьянами, сам много наблюдал, и потому его труд, несмотря на ученую, схоластическую форму и многочисленные обращения к античным авторам, отражает бытовавшую именно в Германии XIII в. практику ведения различных отраслей сельского хозяйства. Альберт пишет об удобрениях, о злаках и их возделывании, о методах превращения растений из дикого состояния в культурное, об огородничестве, садоводстве и виноградарстве, о сроках и приемах сельскохозяйственных работ. Из его труда явствует, что в XIII в. в рейнской Германии уже применялось полевое травосеяние, в частности клеверосеяние, что было первой попыткой ликвидации черного пара. Огородничество, садоводство и виноградарство находились в то время на высоком уровне развития.

Что касается ремесла, то еще от X в. сохранился замечательный трактат ученого монаха Феофила «Записки о различных ремеслах» (*Schedula diversorum artium*)³. Он представляет собой уникальное для того времени технологическое руководство, включающее большое число ремесленных и художественных рецептов для различных ремесел догородского периода. В нем дана сводка всех известных в то время технических приемов по металлообработке, бронзовому литью (подробно описан процесс отливки бронзовых колоколов), изготовлению стекла, эмалей, красок, по технике миниатюры и т. д. В трактате перечислены также разнообразные инструменты, при помощи которых виртуозно владевший ими ремесленник достигал высокого качества и художественной законченности своих изделий.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии (приложение), стр. 119.

Исключительно богаты и разнообразны источники по истории немецких городов, в силу чего развитие ремесла и товарного производства, а также социально-экономические отношения в городах и их политическая жизнь могут быть исследованы с большой подробностью.*

Старейшими источниками являются жалованные грамоты королей и феодалов, содержавшие разного рода привилегии, главным образом о рынках (первой из известных рыночных привилегий является грамота города Алленсбаха 1075 г.), а также их решения, вынесенные по поводу внутренних споров и столкновений в городах. Большинство так называемых старых городов (т. е. сохранившихся от римских времен), расположенных по главным водным путям Германии, обладали именно такими документами, положившими основу их будущей самостоятельности. Города новые (т. е. вновь основанные) получали привилегии вскоре после своего возникновения или сами составляли свои конституции по образцу уже имевшихся в других городах. В дальнейшем в городах, в более или менее самостоятельном порядке, возникали различные постановления по всем вопросам городской жизни: о правах горожан и об их присяге, о составе и функциях городских советов и бюргермейстеров, о судебных, финансовых и полицейских правах городского самоуправления, о купеческих и ремесленных организациях, о земельных отношениях в городе, о пользовании городскими и пригородными пастбищами, о взаимоотношениях с городскими или пригородными феодалами и т. д. Этот богатый разнообразный материал сводился в городскую книгу (*Stadtbuch*) и дополнялся последующими постановлениями городского совета и решениями городского суда.

Конкретную картину имущественных отношений в городах дают городские регистры. Они появились в середине XII в. в Кельне и с XIII в. широко распространились во всех городах Северной Германии, а затем и в южных областях. Сперва записи протокольного типа оформлялись на отдельных листках, потом их стали сшивать вместе; с XIII в. появились настоящие регистры, которые велись особой комиссией шеффенов или городским судом. В городские регистры заносились самые разнообразные акты и сделки между горожанами: завещания, разделы наследств, ипотеки, продажи, залоговые обязательства и т. д. Запись таких актов придавала им официальную силу.

Необходимо остановиться также на различных источниках, рисующих организационную, хозяйственную и политическую жизнь цехов, гильдий, братств и других организаций в немецких городах. Важнейшими из таких источников являются цеховые уставы, регламентирующие организационные формы цехов, их производственную деятельность и взаимоотношения членов. Цехи оформились в Германии в конце XI в.; первым известным нам цехом был цех кельнских ткачей шерстяных одеял. В XIII в. цеховая система существовала уже повсюду. Цеховые уставы и другие документы, освещающие жизнь цехов, приходятся в основном на XIV—XV вв. Первые записи цеховых уставов сохранились частично. По большей части нам известны более поздние их редакции; так, например, первые два устава кельнских ткачей шелковых изделий (от 1437 и 1461 гг.) утрачены, сохранились лишь последующие уставы, начиная с 1469 г. Утверждение цеховых статуты бывало порой связано с яркими проявлениями классовой борьбы в немецких городах. Так, в Кельне после успешного восстания цехов в 1396 г. новый демократический городской совет утвердил в 1397 г. уставы 34 цехов, в ко-

* См. стр. 202—204.

торых были закреплены их привилегии. Наряду с уставами, большое значение для истории ремесла и цехового строя имеют такие источники, как различные постановления городских советов об отдельных ремеслах, фискальные переписи, таксы на цены, хозяйственные договоры цехов, списки их членов, арендные соглашения, предписания цехов по конкретным хозяйственным вопросам, договоры о найме учеников, свидетельства о прохождении ученичества и о поведении подмастерьев, регламенты пирушек, союзные договоры обществ сотрапезников (*Gafelgesellschaften*), т. е. особых групп цехов и т. д. Очень важен документальный материал, содержащий сведения о борьбе подмастерьев с мастерами: уставы братств и содружеств подмастерьев, призывы к забастовкам, формулы присяги подмастерьев, союзные договоры цеховых мастеров нескольких городов, имевшие целью создать единый фронт против объединений подмастерьев, аналогичного содержания обращения городских советов к другим городам и т. д.

Организация рынков и купеческие объединения зафиксированы в исходивших от королей, феодалов или городских советов уставах рынков и ярмарок, в уставах купеческих гильдий, лавочников, розничных торговцев и т. п.

В XIV в. в богатых немецких городах появляются торговые книги, в которых записывались различные торговые операции. Таковы книги любекских купцов Витенборгов, ростокского купца Тельнера, гамбургского купца Гельдерзена, многих купцов южных городов: Регенсбурга, Аугсбурга, Нюрнберга и др. Особенно важны эти документы для истории широко развившейся в Германии с XIV в. средневековой торговли.

Многочисленные правовые источники X—XV вв. дают ценный материал разнообразного характера, отражающий главным образом социально-экономические отношения и отчасти политическую структуру и историю. В X—XI вв., вследствие развития феодализма и слияния племен в немецкую народность, прекращается в основном действие правд, но влияние их на выработку «земского» (т. е. местного) обычного права (*Landrecht*), в силу длительности процесса развития феодализма в Германии, было очень сильно. Долго вся страна делилась в отношении права на две части: 1) земли франкского права (*jus Francicum*), включавшие бывшую Австразию (т. е. Лотарингию и Франконию), а также Швабию, Баварию и Восточную Тюрингию; 2) земли саксонского права (*jus Saxonicum*), т. е. саму Саксонию, Восточную Фризию и Западную Тюрингию. Тем самым Северная Германия в отношении права была отъединена от средней и южной частей страны, что являлось отражением известных отличий в темпе и характере процесса феодализации.

В X в. кончается время действия каролингских капитуляриев. Распад империи Карла Великого привел к отмиранию законов, действовавших на территории Германии в целом. С X по XIII вв. царил местное обычное право, выросшее на основе племенных правд и в целом отражавшее отношения господства и подчинения, сложившиеся в каждом феодальном поместье-государстве; по своим частностям оно отличалось большим разнообразием. До XIII в. оно держалось в устной традиции, затем было записано и притом сразу на немецком языке. В дальнейшем, с XIII по XV в., происходило его постепенное развитие; реальное воздействие римского права сказалось на нем не ранее XV в.

Наряду с земским обычным правом, включавшим в себя вопросы судопроизводства, уголовного и гражданского права, а также те постановления королевской власти, которые действовали на данной террито-

рии, существовали так называемое служилое право (*Dienstrecht*) и ленное право (*Lehnrecht*). Первое касалось прав и обязанностей министериалов (низших рыцарей), которые в XI в. оформились в особое сословие. Старейшая запись служилого права была сделана в XI в. в Бамберге (Восточная Франкония); до того о министериалах упоминалось в «дворцовом» праве (*Hofrecht*) крупных церковных феодалов, где министериалы рассматривались еще как челядь (*família*). Запись служилого права, сделанная в середине XII в. в монастыре Эберсхейме, уже отделяет рыцарей (*milites*) от чиншевиков и крепостных. Кельнское служилое право в своей древнейшей форме также восходит к середине XII в.; в середине XIII в. была сделана его переработка, переведенная на немецкий язык.

Ленное право охватывало весь круг феодальных отношений и обязанностей; оно отражает внутренние отношения в классе феодалов. В сборниках земского права оно составляло особые части, но иногда оформлялось в виде особого закона. Сильнейшее влияние на выработку форм немецкого ленного права оказала ломбардская книга ленного права (*Libri feudorum*), составленная в конце XII в. в Болонье.*

С начала XIII в. производится запись обычного права в особые судебники (*Rechtsbücher*), в которых излагалось более или менее систематически все действовавшее право. Сперва эти записи являлись работой отдельных судей, затем они получили официальную санкцию, служили руководствами и оказывали влияние на последующее законодательство. Они написаны на различных немецких диалектах и, наряду с постановлениями марки (*Markweistümer*), представляют собой старейшие памятники немецкой прозы. Некоторые из них предназначались для больших территорий, даже герцогств, другие — для крупных феодалов или отдельных городов.

Старейшим судебником является «Саксонское Зерцало» (*Sachsenspiegel*)⁴, составленное судьей Эйке из Репгова между 1215 и 1235 гг. Автор происходил из благородного саксонского рода; около 1218 г. он стал министериалом графа Фалькенштейна и написал по его распоряжению судебник, сперва по-латыни, затем сам перевел его на нижнегерманский диалект, но с включением многих слов верхнегерманского наречия, чтобы текст был понятным и в других областях Германии. Назвав свой труд «Саксонским Зерцалом», автор намеревался дать земское право Саксонии без учета отдельных, чисто местных отклонений. На деле в судебнике изложено право только родины Эйке, Остфалии (восточной части Саксонии). Автор знал каноническое право и имперские законы, но римское право было ему известно только понаслышке. Судебник распадается на книгу земского права и книгу ленного права; служилое, дворцовое и городское право в нем не отражены. В начале «Саксонского Зерцала» имеются стихотворное и два прозаических предисловия, в которых рассказано об его происхождении. «Саксонское Зерцало» основано на хорошем знании судебной практики, но, как и всякий судебник, оно не является вполне точным воспроизведением реальности. Особенно интересен в нем материал об отношениях собственности в среде феодалов и о различных формах крепостного состроения и зависимости.

«Саксонское Зерцало» очень быстро получило большое распространение. Сохранилось более 200 списков, некоторые из них с рисунками. Оно было переведено на верхнегерманские и голландский диалек-

* См. стр. 214—215.

ты, на польский язык и трижды на латинский. В XIV в. его усиленно комментировали, а в XV в. оно было переработано в применении к новым условиям и облечено в более удобную для практического употребления форму. В судах Северной Германии судебник получил силу закона, а в южных областях послужил образцом при записи местного обычного права.

Между 1235 и 1275 гг. было составлено «Немецкое Зерцало» (Deutschespiegel), представляющее собой переработку «Саксонского Зерцала», имевшую целью дать свод общенемецкого права. Однако эта запись является всего лишь фиксацией швабского местного права, сделанной, по видимому в Аугсбурге, духовным лицом и тоже на основе практики судопроизводства, но с привлечением большого запаса письменных юридических источников, чем у Эйке. «Немецкое Зерцало» тоже распадается на две книги, — земского и ленного права.

В непосредственной связи с ним и также в среде аугсбургского духовенства в 1274—1275 гг. возникло «Швабское Зерцало» (Schwabenspiegel)⁵. Сперва оно называлось «Зерцало имперского и общеземского права», но с течением времени судебник стал именоваться более точно «Швабским Зерцалом», так как его содержание уже первоначального заглавия и охватывает только швабское земское право. Он также получил широкое распространение, был переведен на латинский, французский и чешский языки и послужил основой для других записей местного права. В обоих швабских судебныхниках, не в пример саксонскому, папству и церкви предоставлено первое место.

Франконское местное право было оформлено в письменном виде в первой половине XIV в. Подобно своим предшественникам на этом поприще, составитель попытался придать своему труду более широкий характер, включил в него все виды права и назвал свой труд «Малым имперским правом» (Kleines Kaiserrecht). Но он не смог осуществить своего намерения; судебник отражает на деле лишь земское право Франконии. Все же он был широко распространен как в Северной, так и в Южной Германии, вследствие попытки дать общетеоретическую основу различным формам земского права и вследствие своей ярко выраженной проимперской тенденции. В судах этот судебник применялся вплоть до XVI в.

Таким образом, во всех случаях, когда земское право отдельных крупных германских герцогств клалось в основу хотя бы теоретического построения общенемецкого права, такие попытки были безуспешными. Но знаменательным фактом является как наличие таких попыток, так и их постоянная неудача.

В остальных областях Германии земское право также было оформлено в XIII—XIV вв. Во Фризии в первой половине XIII в. появилась «Книга Рудольфа» (Rudolfsbuch); составитель судебногоника придал ему форму якобы императорских указов, приписав их «императору Рудольфу», т. е. королю Рудольфу Швабскому. На основе «Саксонского зерцала» в XIV в. возникли голландский, мейссенский, силезский и другие судебники. В Австрии имелись две редакции земского права, составленные около 1276 г. при участии знати и короля. Верхнебаварское земское право было санкционировано императором Людвигом Баварским в 1346 г. В Штирии появился во второй половине XIV в. судебник, составленный частным лицом. Земское право архиепископства Зальцбургского было оформлено в 1328 г., епископства Вюрцбургского — в 1435 г. Первые нидерландские земские судебники появились в конце XIII в., в XIV—XV вв. они имелись в каждой провинции и в каждом епископстве.

Особо следует остановиться на законах о земском мире (Landfrieden), имевших целью установить карательные и предупреди-

тельные меры против кровной мести, частных феодальных войн и распрей и уголовных преступлений. Постепенно они превратились в уголовные законы, составлявшие ядро земского и имперского законодательства. Сперва они стремились поставить под защиту закона лишь отдельные поместья (церкви, жилые дома, мельницы и т. д.), отдельных лиц (например, женщин, духовенство, путешествующих купцов), сельскохозяйственный инвентарь на полях и т. п. В XI в. это законодательство, осуществлявшееся герцогами и другими крупными феодалами, сомкнулось с церковным, с установлением церковными соборами (впервые во Франции в 1037—1041 гг.) «божьего перемирия» или «божьего мира», запрещающего употребление оружия (для частных войн) в праздники и в определенные дни — с вечера среды до утра понедельника. В Германии это установление появилось впервые в 1083 г. в Кельне, а в 1085 г. было распространено Генрихом IV на всю империю. Старейший имперский закон о земском мире был издан в 1103 г. сроком на 4 года; он сохранился лишь в отрывках. От времени Фридриха I дошли три закона; один был издан около 1152 г., другой представляет собой «ронкальский земский мир», опубликованный в 1158 г. для всей территории империи, включая Италию, третий — в 1186 г., направлен главным образом против поджогов. В XII—XIII вв. издавались такие же законы для отдельных областей Германии. Характерной особенностью всех таких законов являлась их обязательность лишь для тех, кто присягнул им. Правда, отказавшийся от присяги тем самым ставил себя вне защиты земского мира, но это ограничение ясно показывает малую эффективность таких мероприятий, которые в лучшем случае могли лишь несколько ограничить разгул феодальных распрей.

При Фридрихе II в 1235 г. был издан в Майнце общеимперский закон о земском мире, покрывший собой все предыдущее законодательство по этому вопросу и действовавший вплоть до XV в. Это был первый имперский закон на немецком языке. Он содержал самые разнообразные постановления: о порядке судопроизводства, монетах, пошлинах, путях сообщения, церковном суде и т. д.; в этом законе вопрос о земском мире как таковом уже отступил на второй план. С XV в., с ослаблением императорской власти, законодательство о земском мире перешло в руки князей.

Одним из самых ранних и важных императорских законов было «Решение о суверенных правах» (*Sententia de regalibus*), принятое Фридрихом I в 1158 г. на Ронкальском сейме одновременно с вышеупомянутым законом о земском мире. Этот закон установил взаимоотношения императора с итальянскими городами и церковными итальянскими феодалами, поставив тех и других под власть императора. Первоначально закон предназначался только для Италии, затем был распространен и на Германию. Дальнейшие имперские законы имели целью установление порядка избрания императора; они завершились в 1356 г. «Золотой буллой» Карла IV, в которой главное внимание уделено правам курфюрстов, но, кроме того, имеются постановления о земском мире.

С XII в. императорские и королевские указы распадаются на так называемые привилегии, дававшиеся бессрочно, и мандаты или патенты, содержавшие временные или частного рода распоряжения. К актам первого рода относятся привилегия Фридриха I 1156 г., превратившая Австрию в самостоятельное герцогство, и другие привилегии князьям и городам.

Главнейшим правовым источником для истории взаимоотношений империи и папства в X в. является договор Оттона I с папой Иоанном XII от 962 г., *Pactum Ottonianum*. В дальнейшем эти отношения с папством

узаконялись в форме конкордатов: Вормского (1122), разрешившего спор об инвеституре, Констанцкого (1418), так называемого княжеского (1447) и Венского (1448).

Не существовало специальных сборников имперских законов. При Гогештауфенах в имперской канцелярии их приписывали к кодексу Юстиниана.

С XIII в., в связи с развитием городов, возникло специальное городское право (*Stadtrecht*), получившее, в силу раздробленности Германии, исключительно большое значение и распространение. Оно регулировало правовые отношения горожан между собой и городов с феодалами. Иногда оно получало утверждение со стороны императора или феодала. Почти в каждом городе запись права имела ряд последовательных редакций, из которых самые ранние не всегда сохранялись; наряду с официальными редакциями, существовали и множились, иногда обрастая комментариями, различные переработки, составленные частными лицами. До середины XIII в. в этих источниках господствовал латинский язык, в XIV в. он повсюду был вытеснен немецким. Эти источники дают систематизированную картину городского строя.

Наибольшей распространенностью, притом не столько в самой Германии, сколько в захваченных немецкими феодалами славянских областях, а также в польских и чешских городах, в которых было много немцев, пользовалось право Магдебурга, города на Эльбе, т. е. пограничного со славянскими областями. Магдебургское право возникло на основе саксонского земского права. Его старейшей частью являются привилегии, данные городу местными архиепископами; к ним добавлены отдельные статуты городского совета и решения магдебургского шеффенского суда. В середине XIII в. все материалы подверглись переработке в судебники, а те в свою очередь — в «Саксонское право городского округа» (*Sächsisches Weichbild*), распространявшееся не только на сам город, но и на зависимые от него окрестные земли. Оно получило вскоре широкую популярность, было дополнено комментариями и переведено на польский, чешский и латинский языки. Магдебургское право было заимствовано городами Остфалии, колонистами Бранденбургской, Мейссенской и Лужицкой марок, городами орденских земель, Штеттином и др. Магдебург главенствовал над городами, принявшими его право, и решения его суда служили для них руководством.

Другим важным источником для истории северогерманских городов был свод любекского права, принятый во многих приморских ганзейских городах. Первоначально действовавшее в XII в. в Любеке право было составлено из разных частей, заимствованных из конституций других германских и фландрских городов и из привилегий Фридриха I и Фридриха II; от него сохранились лишь отрывки. Первые латинские редакции любекского права относятся к середине XIII в., за ними последовали редакции на немецком языке. В XV в. любекское право было слито с гамбургским, оформившимся в 1270 г. Подобно Магдебургу, Любек господствовал над многочисленными городами, принявшими его право.

Конституция нидерландских городов и действовавшее в них право возникли из сочетания имперских грамот и пережитков Салической, Хамавской и Фризской правд. Старейшим источником для истории нидерландских городов является привилегия Генриха V, данная в 1108 г. Ставорену (Фрисландия). С XIII по XV век во всех нидерландских городах были отредактированы книги городского права. В Утрехте в XIV—XV вв. последовательно сменялось не менее пяти редакций.

Рейнские города имели свои своды городского права. Особенно многочисленными правовыми источниками сохранились для Страсбурга, начиная с середины XII в. и до конца XV в. Первая привилегия Аугсбурга относится к самому началу XII в.

(1184); его городское право возникло на основе швабского земского права. Для верхнерейнских городов большое значение имело право Фрейбурга. В Баварии судебник земского права был в середине XIV в. переработан в городское право Мюнхена и дополнен городскими статутами и привилегиями. Первые привилегии Вены были даны городу в начале XIII в., к середине XIV в. относится свод городского права Вены.

* *
*

Для политической истории Германии X—XIII вв., т. е. периода образования и фактической гибели итало-германского государства (Священной Римской империи германской нации) и наступившей затем феодальной раздробленности, основными источниками являются анналы, биографии епископов и хроники, составлявшиеся в монастырях и епископских центрах. В силу раздробленности Германии в ней не могло создаться постоянного основного центра летоисчисления, где бы составлялся большой свод хроник, последовательно освещающих историю страны с точки зрения интересов центральной власти, подобно тем сводам, которые сыграли важную роль в централизованных государствах Европы. В Германии такие центры общеимперского летописания возникали и возникались с каждой новой династией; затем, после того как последняя сходила со сцены, они снова возвращались к прежнему положению, становясь опять лишь местными центрами. Так, в X—XIII вв. последовательно сменили друг друга анналы и хроники монастырей саксонских, франконских, швабских. С XII в., в связи с походами немецких феодалов на Восток в славянские и прибалтийские земли, особое значение получили северные епископские города и монастыри, служившие опорными пунктами для военных действий в заэльбских областях. В них также появились обширные анналы и хроники.

В первой половине XIII в., в связи с развитием городов, началось постепенное ослабление церковного латинского летоисчисления. Его стали вытеснять прозаические и стихотворные хроники на немецком языке, составлявшиеся в городах и получившие во второй половине XIII в. широкое распространение. Кроме того, сами анналы в некоторых городах, например в Вормсе, приобрели светский характер, стали записями истории города как такового, а не епископства.

Поскольку в X в. ведущая роль в политической жизни страны принадлежала Саксонии, то и среди источников повествовательного характера главное место занимают анналы и исторические произведения, составленные в Северной Германии. Северные крупные монастыри и епископские города были в ту пору центрами летоисчисления, а некоторые из них находились в тесной связи с императорским двором. Следует подчеркнуть особенно активную роль в этом отношении новых, основанных в Остфалии, монастырей и епископств, которые стали вскоре опорными пунктами в наступлении германских духовных феодалов на заэльбские славянские области. Наиболее ценные по материалу анналы происходят из Остфалии: из Хильдесгеймского епископства и Кведлинбургского монастыря. Хильдесгеймские анналы возникли на основе записей, составленных в самых старых немецких монастырях, основанных еще в VIII в., главным образом в Фульде. В X в. эти записи были переработаны в Хильдесгейме в подробные летописи. Из двух редакций — прозаической и краткой — сохранилась только последняя, доведенная до 1137 г. Она была в то время широко известна по всей Германии и легла в основу анналов, составлявшихся в немецких церковных центрах, возникших в X—XI вв.

Основанный в 936 г. Оттоном I для его дочери Матильды, Кведлинбургский женский монастырь (на самой границе со славянскими областями) естественно стал придворным летописным центром. Первая (утраченная) часть Кведлинбургских анналов⁶ была составлена на основе как старых записей, полученных из разных монастырей (Фульды, Херсфельда), так и местных материалов. Сохранившаяся часть (за 985—1025 гг.) приходится на годы правлений Оттона III и Генриха II и отличается хорошей информацией, которую обеспечила составителям (точнее, составительницам) близость аббатисс к императорскому двору. В Кведлинбургских анналах сохранились также некоторые старые саксонские предания; в целом же они представляют собой императорские анналы, которые, подобно Королевским анналам Карла Великого или Англосаксонской хронике Альфреда, отражают официальную тенденцию и прославляют саксонскую династию.

Ее истории посвящены также анналы продолжателя Регинона Прюмского. Некоторые исследователи считают, что автором их был архиепископ Магдебургский Адальберт, что весьма вероятно, если учесть общую политическую направленность анналов. Они были начаты около 960 г. и охватывают 907—967 гг. Материалом для изложения событий за 907—930 гг. послужили анналы Рейхенау и Фульды (последние утрачены); после 930 г. анналы велись самостоятельно. В них отражена деятельность Оттона I в Германии и в Италии и притом, в противоположность Регинону, в проимперском духе. Составитель анналов являлся сторонником главенства императора над папами и немецким духовенством.

Анналы велись и в других монастырях и епископствах. В старых центрах (Рейхенау, Санкт-Галлен, Корвей, Кельн, Трир, Регенбург и др.), в фландрских и лотарингских монастырях и городах (Гент, Мец, Льеж, Верден) повсюду составлялись продолжения и переработки прежних записей. В новых епископских городах, из которых особенно выделяется Магдебург, анналы имели преимущественно форму жизнеописаний епископов (*Gesta episcoporum*). Как правило, в анналах X—XI вв. преобладает местная история; их героями являются местные духовные и светские владыки. Но в них впервые широко используются документы, относящиеся к истории епископства или монастырей. — жалованные грамоты, переписка с Римом и т. п. Такие местные анналы, будучи сложены вместе, дают много сведений о развитии крупного церковного землевладения в X—XI вв., т. е. в века, когда оно играло важную роль в экономической и политической жизни Германии, являясь опорой центральной власти и усиленно способствуя процессу закрепощения крестьянства.

Древняя история саксов и история первых королей саксонской династии Генриха I и Оттона I изложена в произведении саксонского монаха из Корвейского монастыря (на Среднем Везере) Видукинда (около 925—около 980) «Деяния саксов» (*Regum gestarum Saxoniarum libri III*)⁷. Составленное в 967—968 гг. и еще раз пересмотренное в 973 г., оно было посвящено Матильде, дочери Оттона I, аббатиссе Кведлинбургской. В начале первой книги изложена древняя история саксов на основе старых саг, песен и преданий. Автор неоднократно указывает, что заимствовал сведения из песен (*ex carminibus*) и из рассказов старых воинов — вассалов Корвейского монастыря. Войны с тюрингами, с Карлом Великим, воцарение Генриха I и его борьба с магнатами, войны с венграми, славянами и датчанами составляют основное содержание первой книги. Во второй книге описаны события 936—946 гг., т. е. коронация Оттона I, его внешняя политика, распри в королевском роду, личность короля и придворные нравы. Третья книга доведена до 967 г., но для 964—966 гг. сведений почти нет; она содержит данные о победах над венграми, о торговле и сношениях с греками и арабами, об итальянских походах. После смерти Оттона I Видукинд добавил еще несколько глав о последних годах правления императора, об его смерти и погребении в Магдебурге.

Некоторые сведения по истории саксов (в которых он весьма непоследовательно видит то выселившихся из Скандинавии норманнов, то потомков воинов Александра Македонского) Видукинд заимствовал из письменных средневековых и античных источников, но в целом его труд написан на основе личной осведомленности, которая отнюдь не была обширной, особенно в том, что касалось деятельности Оттона I вне Германии — в Италии, славянских землях и т. д. Об империи как таковой Видукинд имел смутное представление. Характерно, что в соответствующем месте своего труда он даже не упомянул о коронации Оттона I императорской короной в 962 г. и лишь после, в связи с Оттоном II, добавил краткий рассказ об этом событии. В сущности Видукинды интересовали только саксонские (даже уже — вестфальские) дела. Местный майнцский архиепископ заслонял от него всю прочую церковную власть, в том числе и папство. Наибольшее внимание автора было привлечено историей войн саксов со всеми окружающими их племенами и народами. Королей саксонской династии Видукинд прославлял именно за то, что они были воинственными саксами, а роль Оттона I преувеличена им настолько, что император изображен как владыка не только всей Европы, но даже Азии и Африки! Вместе с тем автору чуждо слепое преклонение перед императорской властью, и он не умолчал о расприх в императорской семье. Видукинд уделил много внимания полабским славянам и обрисовал их как сильные и политически самостоятельные племена. В его труде имеются также очень ценные сведения об общественном строе саксов и других германских племен в IX—X вв.

Произведение Видукинды является важнейшим источником для древней истории племени саксов и истории первых королей саксонской династии. Оно послужило основой для всех последующих писателей, касавшихся этих вопросов, а через их труды стало известно и почти всем средневековым историкам.

У Видукинды много черт, роднящих его с другими историками раннего средневековья — Григорием Турским, Павлом Диаконом, Бедой. Подобно им, Видукинд сохранил для истории старые народные полубогатырские саги и сказания, которые еще бытовали в его время в устной традиции. Подобно им, он ощущал свою задачу историка, как выполнение долга по отношению к своему народу, храбростью и мужеством которого он гордился (о подчинении саксов франкам он предпочел особенно не распространяться). Несмотря на свое знатное происхождение, Видукинд, подобно Павлу Диакону, не утратил ощущения связи с народом, что находит себе объяснение в относительно замедленном темпе феодализации Саксонии в середине X в., когда масса крестьян не была еще закрепощена. Но, хотя он и получил неплохое классическое образование, его нельзя поставить в один ряд с такими образованнейшими для своего времени людьми, какими были Беда и Павел Диакон. Как по своим знаниям и интересам, так и по политическому кругозору, Видукинд был гораздо ограниченнее этих своих предшественников. Его труд отражает более раннюю стадию развития народности, чем труды других историков раннего средневековья; причиной тому позднее развитие феодализма в Саксонии и замедленный процесс слияния германских племен в немецкую народность.

Несравненно лучше, чем Видукинд, была осведомлена об имперской политике Оттона I замечательная немецкая поэтесса X в. Грота свита (около 935 — ?), значительно превосходившая Видукинды и литературным талантом. Происходя из знатного саксонского рода, она рано вступила в Гандерсгеймский монастырь (в Остфалии), аббатиссой

которого была племянница императора. Гротсвита написала несколько латинских комедий и поэм житийного характера, по ее главным произведениям является эпическая поэма в гексаметрах о подвигах Оттона I (*Carmen de gestis Ottonis Imperatoris*)⁸, законченная в 967 г. и доводящая изложение событий до 962 г. В ней содержится богатый фактический материал об итальянских делах и о борьбе Оттона I с братьями и магнатами. В изложении истории придворных распри Гротсвита о многом умалчивает, так как сведения она получала от членов королевской семьи и материал обрабатывала в соответствующем духе, тем более, что поэма написана по желанию аббатиссы для прославления императора. Зато итальянская политика описана с большей подробностью, что хорошо дополняет труд Видукинда, в котором мало освещена эта сторона деятельности Оттона I. Поэма Гротсвиты сохранилась в единственной рукописи и не полностью; нет куска, относящегося к 953—962 гг. Она была вскоре забыта и не вошла в историографическую традицию средневековой Германии.

В сочинениях Лиутпранда⁹ (около 920—около 972), епископа Кремонского (Ломбардия), содержится важный материал для истории империи Оттона I в целом. Лиутпранд получил хорошее образование и знал греческий язык. Сперва он был секретарем короля Беренгария II Цирейского и в 949 г. побывал в качестве его посла в Константинополе. Затем поссорился с королем и в 956 г. перешел на сторону Оттона I, для которого был очень ценен своими связями в Италии и знанием греческого языка и от которого получил епископство Кремонское. Он оставил несколько исторических произведений. В одном из них, написанном в 958—962 гг. и названном автором по-гречески *Antapodosis*, т. е. «Возмездие», Лиутпранд дал общую историю Европы с 888 до 950 гг. (*Regum reg Europam gestarum libri VI*); ценна лишь вторая половина, в которой много сведений по истории Германии и Ломбардии. Лиутпранд описал также свое путешествие в Константинополь, где он встретился с послом Оттона I, богатым майнцским купцом Лиутфридом. Произведение Лиутпранда пронизано полемическим духом и представляет собой скорее мемуары политического деятеля, направленные против его врагов, главным образом против Беренгария, чем историческое повествование. Деятельность Оттона I в 960—964 гг. и особенно его итальянский поход 963—964 гг. составляют содержание «Книги о деяниях императора Оттона Великого» (*Liber de rebus gestis Ottonis Magni imperatoris*). В этом произведении содержится много сведений по истории Германии, Италии и Византии, а также о взаимоотношениях императора с папством. Лиутпранд дал также интересный анализ положения Италии и ее раздробленности.

Историю всей саксонской династии мы находим в хронике Титмара (975—1018)¹⁰, епископа Мерзебургского, члена саксонского графского рода Вальбеков. Титмар учился в Кведлинбурге и в Магдебурге, в 1009 г. стал епископом Мерзебургским, проведя, таким образом, всю жизнь на самой границе со славянскими землями. Он был тесно связан с Генрихом II и со знатными саксонскими семьями. Хроника он начал составлять в 1012 г. и, работая над ней вплоть до своей смерти, оставил незаконченной. Титмар предполагал написать историю своего города и епископства, но работа переросла намеренные рамки и превратилась в историю Германии и сопредельных с ней народов за время правления саксонской династии, главным образом правления Генриха II, которому посвящена вся вторая половина хроники. Источниками Титмару послужили Видукинд, Кведлинбургские анналы, жития, некоторые документы

и народные песни. Но главный материал для хроники он собрал сам от крупных светских и духовных феодалов, с которыми был связан родственными узами и своим положением в среде немецких епископов. Эти обстоятельства и близость к руководящим политическим кругам обеспечили Титмару хорошую осведомленность, дополненную разнообразными личными наблюдениями. Сохранившийся оригинал хроники (факт для этого времени исключительно редкий) позволяет восстановить весь процесс работы. Хроника была составлена несколькими писцами под диктовку Титмара или по его указаниям. Затем она была просмотрена автором, который сам внес в текст многочисленные исправления и добавления. Последняя часть хроники написана почти одновременно с событиями и представляет собой скорее дневник, в котором соединены вместе самый разнообразный материал без достаточно точной хронологии. Хроника Титмара содержит очень ценные сведения по истории Германии (главным образом ее восточных областей) и Италии. Титмар очень интересовался также славянами; он понимал славянский язык и оставил много сведений о заальбских славянах, а также некоторые данные о поляках, чехах и о Киеве. Дании и Англии в его труде также уделено немало места. Титмар был типичным крупным немецким епископом, т. е. стремившимся к независимости феодалом. Он резко осуждал итальянскую политику императоров, особенно в конце X в., так как его собственные интересы, как и всех остфальских духовных и светских феодалов, были связаны не с Италией, а с агрессией в славянские земли. Последняя как раз в то время была пресечена успешными войнами славян, сбросивших с себя немецкое иго и разрушивших все христианские церкви. Хроника Титмара очень ценна не только для политической истории, но и для истории нравов и культуры, хотя в ней много совершенно фантастических рассказов. Особенно широко она была распространена в Саксонии; но в силу общей политической тенденции и богатству фактического материала по истории Германии ее усердно переписывали и использовали также во всех епископских центрах.

Биографии немецких епископов X в. очень многочисленны и важны как исторические источники вследствие большой политической роли немецкого епископата. Такова биография брата Оттона I архиепископа Кельнского Бруно (953—965), составленная кельнским монахом Руотгером в 966—967 гг. на основе хорошей информации. Бруно принадлежал к тем представителям крупного духовенства, на которых опирался Оттон I в своей церковной политике, так что его деятельность входит частью в политическую историю Германии. Биография интересна и для истории культуры, школы и образованности того времени. Глава капитула в Гильдесгейме Тангмар составил биографию местного епископа Бернварда (993—1022), главная ценность которой состоит в подробном описании строительства собора в Гильдесгейме, замечательного памятника романской архитектуры. В биографиях епископа Аугсбургского Ульриха (924—973), Мейнверка Падерборнского и др. также содержится богатый материал для истории немецкой церкви и политической жизни Германии. Очень интересна для истории культуры биография Иоанна, аббата монастыря в Горзе (вблизи Меца), который побывал на юге Италии и в арабской Испании, изучил греческий, арабский и еврейский языки и привез из своих путешествий греческие и арабские рукописи, которые содействовали ознакомлению Западной Европы с арабской наукой и сочинениями Аристотеля.

Агиография в Германии X в. имеет много черт сходства с каролингскими житиями. Главное место в ней занимают жития «просветителей» — миссионеров, пытавшихся обратить в христианство славян, пруссов, печенегов и т. д.

В XI в. в Германии началось развитие городов, в первую очередь старых римских центров, расположенных по Среднему Рейну и Верхнему Дунаю. В соответствии с этим центр политической жизни страны

передвинулся с севера на юго-запад, во Франконию и Швабию, отчасти в Баварию, что, в свою очередь, привело к оживлению летописания в монастырях и епископствах этих областей, главным образом в Вюрцбурге, Бамберге, Аугсбурге, Рейхенау и т. д. Начало было положено анонимной Швабской всемирной хроникой (*Chronicon Suevicum universale*), от которой сохранился лишь небольшой отрывок, оканчивающийся 1043 г. На основе этой широко распространенной в XI в. в Южной Германии хроники были составлены Вюрцбургская хроника, описывающая правление Генриха III и начальные годы Генриха IV, а также продолжения анналов Аугсбурга (до 1104 г.), Рейхенау, Санкт-Галлепа и др. В старом монастыре Рейхенау (на острове Констанцкого озера) после периода упадка в X в. в середине XI в. вновь расцвело летописание, так как монастырь оказался в районе оживленных торговых сношений между Северной Италией и Юго-Западной Германией. Один из монахов, Герман Паралитик¹¹ (1013—1054), больной от рождения, очень талантливый поэт, математик, механик и музыкант, самый образованный человек в Германии того времени, составил всемирную хронику, используя для первых ее частей все имевшиеся к тому времени письменные источники. Его произведение интересно тем, что автор очень заботился о точной хронологии и, не довольствуясь простым изложением событий, пытался систематически установить между ними причинную связь. Хроника Германа особенно ценна для 1039—1054 г., это обширная история Германии и смежных стран. Она была продолжена до 1100 г.

В придунайских монастырях велись обширные анналы (в Альтайхе до 1073 г. и в Мельке — до 1123 г.).

В монастырях и епископствах Саксонии продолжались анналы, но характерно, что их составители часто пользовались материалом, заимствованным из франконских анналов. Таковы анналы Гильдесгейма, доведенные до 1109 г. на основе Майнских анналов, и до 1137 г. на основе Падерборнских, анналы Корвея (до 1148 г.).

Уже с середины XI в., и чем дальше, тем больше, в анналах и в биографиях епископов начинают сказываться идеи кляузийской реформы, нашедшие себе благоприятную почву во многих немецких монастырях. При Генрихе IV это достигает такой остроты, что вся церковная Германия, в руках которой было сосредоточено летописание, раскололась на два лагеря — имперский и папский. Борьба императора с герцогами внесла в эту борьбу еще дополнительный элемент. Каждая из борющихся сторон очень активно использовала историографию для защиты своих интересов, изображая в соответствующем духе не только текущие, но и прошлые события. Анналы приобретают в то время публицистический характер, который в еще большей степени произливает другие исторические и агнографические произведения этого периода.

Крестьянское восстание в Саксонии в 1074 г. и саксонская война Генриха IV очень ярко отразились в посвященных их описанию исторических произведениях. В целом саксонская историография была резко враждебна по отношению к франконскому императору. Клирик из мерзебургского диоцеза Бруно составил «Книгу о саксонской войне» (*Liber de bello saxónico*), охватывающую 1073—1081 гг., которая ценна включенными в нее документами и сочувствием к восставшим крестьянам, но в целом, ввиду своей резкой пристрастности, искажает факты. Автор стремится оправдать мятежных феодалов, избравших нового короля. Проимперская тенденция проступает в анонимной «Поэме о саксонской войне» (*Carmen de bello saxónico*), освещающей события 1073—1075 гг., и в анонимной биографии Генриха IV (*Vita Henrici IV*), появившейся уже после смерти императора.

Имя автора Герсфельдских анналов Ламперта¹² вводит нас в круг многочисленных и разнообразных источников, освещающих дол-

гий период борьбы за инвеституру. Ламперт принялся за работу над анналами после 1077 г. и обработал материал за 1069—1077 гг. Его труд представляет собой ожесточеннейший выпад против императора и императорской власти вообще. Все в нем построено так, чтобы достичь желаемого результата, а именно — убедить читателя в абсолютной правоте папы Григория VII и в полной виновности Генриха IV. Написанный ясным и изящным языком, наполненный красочными описаниями различных событий, труд Ламперта был рассчитан на широкий круг читателей. В нем содержится знаменитый подробный рассказ о Каноссе, достоверность которого долгое время не подвергалась сомнению. Несомненно, что в нем Ламперт дал волю своей фантазии (особенно по части подробностей), как, впрочем, во всем своем произведении. Фактический материал следует использовать с особой осторожностью, но весь труд в целом ценен как отражение борьбы партий и мнений.

Лучшим хронистом Германии начала XII в. был Эккехард¹³ (ум. около 1125), аббат монастыря Аура (около Бамберга). Он побывал в 1001 г. в Палестине и написал хронику первого крестового похода; в составленной им всемирной хронике изложение событий 1101—1125 гг. сделано им самостоятельно. Для Эккехарда характерен широкий охват событий; помимо истории Германии, в хронике много данных по истории других европейских стран, собранных и обработанных с большим усердием и даже с элементами критики. Эккехард несколько раз редактировал свою хронику, автограф которой сохранился. В начале правления Генриха V он был на его стороне и рассчитывал на примирение императора с папой; но, после того как Генрих V продолжил борьбу, Эккехард изменил свое отношение к нему. Поэтому в различных редакциях хроники встречаются противоположные оценки и мнения автора. Хроника Эккехарда также пользовалась большой популярностью из-за ясности конструкции и изложения.

Помимо анналистики, борьба за инвеституру очень полно отражена как в документах, непосредственно исходивших от пап и императора, так и в многочисленных публицистических произведениях.

Среди документов особое значение имеют постановления пап и церковных соборов о порядке выборов духовных лиц: декрет о папских выборах, принятый на Латеранском соборе 1059 г. и затем фальсифицированный сторонниками императора в желательном для них духе (вставки об участии императора в конклаве кардиналов), а также декреты о выборах аббатов и епископов (1060-е гг.); знаменитая формулировка Григорием VII принципов папского главенства (так называемый «Диктатура папы»), обращения Григория VII к отдельным светским и духовным князьям, тексты отлучения Генриха IV и его клятвы, постановление Wormского собора о низложении Григория VII и обращение Генриха IV к римскому духовенству и народу, письма Григория VII, сохранившиеся не полностью, но все же в количестве 359 за 1073—1082 гг. Акты переговоров и соглашений начала XII в. между папами и императорами отражают длительную борьбу, приведшую к заключению Wormского конкордата 1122 г. Сам текст конкордата состоит из двух грамот — императора и папы, в которых перечислены права каждого и взаимные обязательства вечного мира. Забегая несколько вперед, укажем на акты конца XII — начала XIII вв., сформулировавшие принцип свободного избрания пап: декрет Александра III от 1179 г. и постановление собора 1215 г.

Публицистика периода борьбы за инвеституру представляет собой, как и всякие источники такого рода, любопытнейший памятник, отражающий общественное мнение эпохи. Они требуют, разумеется, сугубо

критического подхода, но богаты ценными и разнообразными данными. Сохранилось более 100 разных размеров трактатов, объединенных издателями XIX в. под общим заглавием «Памфлеты о споре императоров с папами» (*Libelli de lite imperatorum et pontificum romanorum*)¹⁴. Из них 55 написано немецкими авторами, 48 итальянскими, 7 французскими. Все они носят популярный характер и были рассчитаны не только на духовенство и феодалов, но и на горожан, даже на крестьянство, поскольку в борьбу были втянуты в той или иной мере все слои населения. Они распространялись в копиях по монастырям и епископствам, раздавались и читались вслух монахами и купцами на ярмарках, рынках, в церквях, на площадях и т. д. Широкий резонанс, который они получили, придает им как источникам особую ценность. Основными темами, дебатировавшимися в этой литературе, были пороки духовенства, светская инвеститура и вопрос о верховенстве церковной или светской власти. Но попутно в ней затронуты много разнообразных вопросов; самыми интересными из них являются различные политические теории о государстве, власти и т. д.

Папская партия, к которой примкнуло большинство немецких епископов и монастырей, и организация которой была подготовлена клюнийской реформой, дала наибольшее число памфлетов. Враждебные императору сочинения и письма распространялись по монастырям еще задолго до открытого конфликта. Епископу Констанцскому Бернольду принадлежит ряд очень резких трактатов, защищающих реформы Григория VII. Зальцбургский епископ Гебхард, за поддержку папы лишившийся своего епископства, изложил историю борьбы в форме письма к мецкому епископу. Наиболее развернутую аргументацию дал Манегольд Лаутенбахский в большом трактате, посвященном защите политики Григория VII и законченном вскоре после смерти папы. Манегольд развивает теорию о главенстве и божественном происхождении папской власти. Что же касается власти светской, то она носит, по его мнению, только исполнительный характер. Носителем суверенитета является народ, под которым автор понимает избравших короля светских и духовных феодалов. Последние имеют законное право оказать несправедливому королю т. е. тирану, вооруженное сопротивление.

Следует подчеркнуть, что изложенные Манегольдом принципы послужили ядром, из которого в течение всего средневековья выростали различные политические теории реакционных феодально-аристократических партий.

В числе сторонников императора выделяется Наумбургский епископ Вальрам, который считается автором трактата «Книга о сохранении единства церкви» (*Libel de unitate ecclesie conservanda*). В нем провозглашена мысль о равенстве императора и папы, но автор при этом явно склоняется к предпочтению императорской власти, по отношению к которой всякий подданный обязан полным повиновением. Итальянский юрист Петр Красс из Равенны в своем «Оправдании Генриха IV» (*Justificatio Heinrici IV*) разделяет те же взгляды, считая императора верховным владыкой во всех светских делах и предоставляя папе высшую власть только в делах религии. Свои аргументы он черпал главным образом из римского права. В его теории заложено зерно будущих политических концепций абсолютизма.

Компромиссную, примирительную позицию занимали французские писатели: монах Гюг Флерийский в своем «Трактате о королевской власти и о священническом достоинстве» (*Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate*), написанном в 1102—1104 гг. и посвященном английскому королю Генриху I, и Ив, епископ Шартрский, — в письмах к лионскому архиепископу о светской инвеституре.

Вследствие разобщенности отдельных частей Германии политическая борьба при франконской династии сравнительно мало отозвалась на крайнем севере страны, в областях, слабо связанных не только с Южной и Юго-Западной, но даже и с Центральной Германией. На севере, главным образом в Гамбургском архиепископстве, больше всего интересовались ближними и дальними северными соседями — Англией, Данией, Швецией, Норвегией, Славией (так назывались тогда области псковских и полабских славян, Чехия и Польша), Русью. Политические и торговые интересы северо-германских земель, где готовилось и

откуда осуществлялось наступление немецких феодалов в славянские земли, были сосредоточены на северо-востоке Европы. Вследствие этого естественно появление в середине XI в. именно в Гамбурге обширного историко-географического труда—«Деяния гамбургских епископов» (*Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum*)¹⁵, посвященного северу Германии и смежным странам. Автор его, Адам Бременский, был с 1069 г. приближенным гамбургского архиепископа Адальберта, врага саксонских феодалов и сторонника Генриха IV. Свой труд он написал по заказу Адальберта, получив доступ к архиву архиепископства, документы которого он широко использовал. Изложение начинается с завоевания Саксонии Карлом Великим, затем следует история христианизации Саксонии, основание Гамбурга и Бремена, история архиепископства, доведенная до 1072 г., и биография Адальберта. До 936 г. автор основывался на Эйнгарде и монастырских анналах; затем идет самая ценная часть, написанная по архивным документам и материалам автора, который усердно собирал их всеми доступными ему способами и отличался большой точностью в передаче. Четвертая книга посвящена специально описанию Дании и «стран, лежащих за Данией», т. е. Норвегии, Швеции, Оркнейских, Шетландских и Фарерских островов, Исландии и Гренландии. Адам впервые упоминает о колонизации норманнами Северной Америки. В этой части использованы сведения, полученные Адамом от датского короля Свена Эстритсона, от купцов, моряков, рыбаков, миссионеров. Он собрал ценные данные о прибалтийских племенах, их нравах и обычаях, о торговых путях, ведших через Киев в Константинополь и т. д. Адам Бременский является также лучшим источником для истории восстаний полабских славян против немецких порабитителей в 983, 1002 и 1066 гг.

На XII и первую половину XIII вв. приходится кратковременный расцвет империи при Гогенштауфенах, кончившийся провалом их итальянской политики, что привело затем, после смерти Фридриха II, к фактическому распаду итало-германского государства. Тогда же началось наступление немецких феодалов на Восток и на завоеванной славянской земле возникли немецкие колонии Австрия и Бранденбург, сыгравшие впоследствии важную роль в истории Германии. Что касается самих германских областей, то в них произошло фактическое распадение прежних крупных герцогств на отдельные феодальные владения. Города в это время уже начали играть известную роль в политической жизни страны, образовались вестфальский и рейнский союзы городов. Но настоящий их расцвет наступил, как известно, в XIV—XV вв.

В XII в. главная роль в летописании все еще принадлежала монастырям и епископствам Северной и Юго-Западной Германии, где продолжали составляться анналы и «Деяния епископов» (*Gesta episcoporum*): в Магдебурге (до 1188 г.), Мерзебурге (до 1227 г.), Падерборне (сохранились только отрывки в других анналах), Пельде (до 1182 г.), Шнедербурге (до 1195 г.), Гамбурге (до 1265 г.), Хальберштадте (до 1208 г.), Марбахе (до 1238 г.) и др. Многочисленны также епископские хроники, писавшиеся в каждом крупном епископском центре: Месе, Вервене, Льеже, Утрехте, Трире, Кельне, Майнце, Зальцбурге и т. д. Первым из источников, рисующих историю Бранденбургского епископства, является трактат Генриха Антверпенского о взятии Бранденбурга Львом (*Tractatus de captione urbis Brandenburg*). От хроники Бранденбургского епископства XIII в. сохранились только отрывки.

Большинству из перечисленных церковных анналов и хроник присущ главным образом местный характер. Но в некоторых из них, например в Магдебургских анналах, содержатся целые сведения по истории Германии в целом.

Наряду с постепенно исчезающей местной анналистикой, существовали, как и ранее, хроники общеимперского охвата. Избрание в 1125 г.

императором Лотаря II Саксонского повлекло за собой составление истории его правления анонимным саксонским анналистом (*Annalista Saxo*). Повидимому, он был хальберштадтским клириком и написал свою хронику между 1139 и 1152 гг. Она охватывает события с 741 до 1139 гг. и до 1125 г. основана на хронике Эккехарда. Ценна ее последняя часть, содержащая историю царствования Лотаря II; в ней описана борьба с чехами, походы императора в Италию, его коронация. Переход короны к Гогенштауфенам оборвал эту хронику и выдвинул на первый план других историков, связанных с новой династией.

Крупнейшим из них является Оттон Фрейзингенский¹⁶ (около 1111—1158), внук Генриха IV и дядя Фридриха Барбароссы. Он получил в Париже философско-схоластическое образование, но вынес оттуда не приверженность к прогрессивному для того времени рационалистическому учению Абельяра, а сочувствие реакционной мистической ортодоксии Бернара Клервосского. Пробыв затем несколько лет в бургундском цистерцианском монастыре,* в 1137 г. Оттон стал епископом в баварском городе Фрейзинге, где и составил в 1143—1146 гг. свое первое историческое произведение — всемирную хронику, называемую также «Книгой о двух государствах» (*Liber de duabus civitatibus*). События всемирной истории, доведенной до 1146 г., изложены в этой хронике на основе фактического материала хроники Эккехарда, но с позиций последовательного августинианства, т. е. как непрерывная борьба земного и божественного начал. Хроника пропитана глубоким пессимизмом и заканчивается воображаемой картиной конца земного мира. Источник этого пессимизма кроется в социально-политическом кризисе, характерном для Германии того времени. Крупнейшее из европейских государств первой половины XII в., претендовавшее на власть над всем миром, Германия раздиралась борьбой феодальных партий, оспаривавших друг у друга право на императорскую корону. Кроме того, императоры всех династий вели упорную борьбу с папством. Все это не могло не ослаблять позиций феодального класса в целом, особенно в пору подъема городов. Как истый феодал, Оттон Фрейзингенский глубоко презирал крестьян и ненавидел горожан за их упорную борьбу с феодалами. Поэтому, обозревая историю средневековой Европы и особенно историю Германии XI—XII вв., он тщетно искал какого-либо выхода из создавшегося тупика, который грозил Германской империи ослаблением и гибелью. Это определило реакционный характер его исторической концепции.

Но произведение Оттона Фрейзингенского интересно не только с историографической точки зрения, не только как свидетельство кризиса феодальной идеологии. Последняя часть хроники содержит немаловажный фактический материал по внутренней и внешней истории Германии первой половины XII в. Близость автора к правящей династии (хроника написана в правление первого из Гогенштауфенов Конрада III), а также его хорошее образование и острая наблюдательность способствовали выработке более широкого политического кругозора, чем это было свойственно большинству хронистов середины XII в. В хронике Оттона дано широкое полотно политической истории того времени. Но общая концепция автора тесно связана с методом отбора и истолкования фактов. В своем изложении Оттон допускал значительные искажения исторической истины в угоду политическим интересам феодальных верхов Германии.

* Руководителем Цистерцианского монашеского ордена был Бернар Клервосский.

Другое произведение Оттона Фрейзингенского «Деяния императора Фридриха» (*Gesta Friderici Imperatoris*) написано в 1157—1158 гг., когда политическая обстановка в Германии сильно изменилась. В это время Фридрих Барбаросса уже покончил с внутренними феодальными распрями и строил широкие планы полного подчинения всей Италии. В связи с этим он был заинтересован в том, чтобы Оттон, чья известность как историка была широка, написал в соответствующем духе историю Германии не только 1150-х годов, но и предыдущего периода. Фридрих сам прислал в 1156 г. своему дяде необходимые для этого материалы и неоднократно давал ему важные поручения. Таким образом, Оттон оказался активным членом правящей верхушки и целиком принял политическую программу Фридриха, который стал в его глазах идеальным государем могучей Германской империи. Следствием был значительный пересмотр исторических взглядов, изложенных в «Хронике». В «Деяниях» Оттон заново изложил историю Германии, начиная с борьбы Генриха IV с папством и герцогами, а также историю рода Штауфенов, но теперь эти события он осветил, как предисторию славного правления Фридриха Барбароссы. Оттон участвовал вместе с Кондрадом III во втором крестовом походе и поместил в «Деяниях» подробную его историю; следует особо отметить описание Венгрии, через которую пролегал путь крестоносцев. Оттон дал анализ состояния Италии и интересную оценку социально-экономических отношений в богатых ломбардских городах, на которые собирался наложить свою тяжелую руку германский император. Одним из последних значительных событий, описанных Оттоном, было провозглашение на торжественном собрании князей в Регенсбурге в 1156 г. нового герцогства — Австрии. Большое внимание уделено в труде Оттона дипломатии Фридриха.

«Деяния» являются ценным историческим источником для истории Германии и Италии середины XII в., а также международных отношений в Восточной Европе и в восточной части Средиземноморья. Благодаря общению с императором автор имел в своем распоряжении богатый документальный материал и был прекрасно осведомлен. Выше уже был отмечен его широкий кругозор; в «Деяниях» проявился со всем блеском и его незаурядный литературный талант. Но вместе с тем «Деяния» принадлежат к тем историческим произведениям, в которых особенно резко проведена официальная придворная точка зрения. В силу этого Оттон и здесь зачастую прибегал к прямому искажению исторической истины и подвергал документы превратному толкованию.

Необходимо отметить, что буржуазные немецкие историки провозгласили Оттона Фрейзингенского крупнейшим историком, какого только знало все средневековье в целом. Эту точку зрения подхватил современный американский историк Томпсон, заявивший, что в средневековой Европе никто не дал столь глубокого философского истолкования истории, как Оттон в своей «Хронике» и что его ранняя смерть была непоправимой утратой для всей средневековой историографии. Причиной такого мнения является не столько сам факт появления в XII в. цельной историко-философской концепции, сколько ее глубоко реакционный теологический характер, роднящий Оттона с реакционной буржуазной историографией наших дней.

«Деяния» остались незаконченными и после смерти Оттона были продолжены до 1160 г. его секретарем Рахвином на основе имевшегося документального материала. Рахвин изложил новый этап борьбы с папством, походы Фридриха в Италию и Ронкальский сейм. Хроника Оттона также была продолжена в форме анналов до 1209 г. аббатом монастыря Санкт-Блазиен (в Южной Швабии).

История Германии за весь период правления Гогенштауфенов описана в «Королевской кельнской хронике» (*Chronica regia*

Coloniensis), составленной последовательно несколькими монахами кельнских монастырей. Хроника возникла около 1144 г. на основе местных и других анналов и доведена до 1249 г. Она выдержана в основном в примперском духе, но с учетом политической позиции кельнских архиепископов. Поэтому автор оказался в очень затруднительном положении при описании событий 1198 г., когда в Германии было одновременно два короля, а архиепископ примыкал то к одному, то к другому. Лучшей частью хроники является последняя часть, за 1224—1249 гг., которая представляет собой наиболее надежный источник для общей истории Германии за этот период. Как показывают каталоги средневековых библиотек, Кельнская хроника пользовалась в XIII в. большой популярностью даже за пределами Германии.

Правление Фридриха II в Италии описано в итальянских хрониках,* а источники по истории немецких завоеваний в славянских землях составляют особую группу, в общем мало связанную с историей всей Германии в целом.** Здесь следует только отметить, что в одном из основных источников, хронике Гельмольда, общегерманские темы отражены несравненно бледнее и суше, чем история «натиска на Восток» (Drang nach Osten). Но продолжатель хроники Гельмольда Арнольд Любекский (ум. 1212) в своей «Славянской хронике» (Chronica Slavonum), доведенной до 1209 г., уделяет гораздо больше внимания империи, чем славянам, и дает сведения для истории Генриха VI и Оттона IV, основанные на документах, хотя и с очень скудной хронологией.

В связи с развитием городов и подъемом материальной и духовной культуры в XII—XIII вв., в жизни Германии, как и других стран, знаменателен факт все более и более широкого интереса к истории, появление и быстрое распространение популярных исторических произведений на немецком языке. Между 1237 и 1250 гг. появилась анонимная «С а к с о н с к а я в с е м и р н а я х р о н и к а» (Sächsische Weltchronik), которая является старейшим прозаическим историческим произведением на немецком языке. Ее долго приписывали составителю «Саксонского Зеркала» Эйке из Репгова, но на деле автором является несомненно духовное лицо. Хроника пользовалась чрезвычайной популярностью и получила несколько продолжений, составленных главным образом в северных областях Германии и доведенных до середины XV в.

Еще ранее, в середине XII в., также в Саксонии, возникла первая стихотворная «Имперская хроника» (Kaiserchronik) на немецком языке, к сожалению утраченная. Содержание ее восстановлено в основных чертах на основании других источников. Как и следовало ожидать, Генрих IV обрисован в ней самыми мрачными красками. Почти одновременно, но в другом духе была составлена в Регенсбурге другая имперская хроника в стихах: автором ее был переводчик «Песни о Роланде» на немецкий язык священник Конрад. В XIII в. она была переделана, дополнена и получила широчайшее распространение как в рукописной, так и особенно — в устной традиции. Наравне с народными песнями о различных исторических событиях, исполнявшимися (нередко в драматической форме) бродячими актерами и музыкантами, «имперские хроники» относятся к области народного творчества. Они очень вольно подбирали и группировали исторические факты. Ценность их, как исторических источников заключается в том, что они выпукло отражали мысли и воззрения народа на политическую борьбу в Германии XII—XIII вв., борь-

* См. стр. 224—225.

** См. стр. 242.

бу, которая, как и в XI в., задевала в той или иной мере все слои населения и от которой народу приходилось страдать больше всего. На этой почве создался в народе идеализированный образ «императора Фридриха» (Барбароссы), отчасти напоминающий сложившийся в народном творчестве образ Карла Великого. Легенда об императоре, отражением которой в известной мере была «Имперская хроника», наделяла своего героя силой и справедливостью; народ ожидал от него наказания феодалов-разбойников и вообще всех угнетателей. Характерно, что вожди крестьянских восстаний XIII в. часто принимали имя Фридриха, например Фридрих Деревянный Башмак.

Из числа поэтических произведений, носивших также публицистический характер, следует отметить некоторые песни знаменитого немецкого миннезингера конца XII — начала XIII вв. Вальтера фон дер Фогельвейде, в которых отражены национально-патриотическая тема и протест против папской курии, начавшей в XIII в. свою политику систематического ограбления Германии.

Для политической истории Германии XII—XIII вв. очень важны сборники писем государственных деятелей и крупных церковных и светских феодалов. Такова, например, обширная переписка Вибальда аббата Корвейского (ум. 1158), советника Лотаря и Конрада III, регента Германии во время отъезда последнего во второй крестовый поход. В его 470 письмах за 1119—1157 гг. много сведений, в том числе и по истории походов германских феодалов в славянские земли. Ценным источником являются письма Фридриха II и его канцлера Петра де Визча, письма и дневник папского легата в Германии в 1239—1253 гг. Альбрехта Бегаймского и др.

* *
*

В период развития товарно-денежных отношений и начавшегося разложения феодального способа производства, в XIV—XV вв. Германия не сплотилась в национальное государство. По-прежнему в ней царил политическая раздробленность. Фактическая самостоятельность князей имела результатом ослабление центральной власти; династическая борьба достигла своего апогея. Несмотря на то, что экономическая и политическая роль городов чрезвычайно усилилась, все же в условиях политической раздробленности союзы городов (Рейнский, Швабский, Ганзейский) представляли собой разобщенные, не стремившиеся к объединению группировки. В XIV—XV вв. от империи отпала часть территории: образовался Швейцарский союз, Дания захватила Шлезвиг и Гольштинию, а Нидерланды и Люксембург вошли в состав бургундского государства. Воссоединились с Францией французские области на юго-западе.

Политическая история заполнена бесконечными нудными распрями и войнами между князьями. В конце XV в. началось широкое движение среди крестьянства, признак надвигавшейся Великой Крестьянской войны.

В соответствии с основными процессами, происходившими в Германии в этот период, изменился и характер исторических источников. Первое место среди хроник заняли городские хроники. Выше уже указывалось, что богатый документальный материал является для истории Западной Европы XIV—XV вв. основным источником, из которого историки почерпают данные, освещающие не только все стороны социально-экономической жизни, но и значительную часть политической истории. Это в полной мере относится и к Германии. Однако раздробленность страны сказалась в том, что главная масса как документального материала, так и хроник относится к отдельным городам и княжествам, а не к деятельности императорской власти. Политическую жизнь городов отражает богатый документальный материал, сохранившийся в городских

архивах. Многие немецкие города являлись независимыми республиками, которые вели войны, заключали договоры, образовывали союзы, регулярно сносились с другими городами и даже государствами, добивались для своих купцов обширных привилегий. Такого рода отношения зафиксированы в обширной документации, сохранившейся в подлинниках, в копиях или в записях в городских книгах. Во всех городах велись протоколы заселений городских советов, городских судов, составлялись списки городского населения и т. д. Этот перечень дает некоторое представление о том, как отражалась в различного рода источниках не только экономическая и социальная, но и политическая жизнь немецких городов.

Следует сразу же указать, что именно в источниках, появившихся в городах, запечатлены самые важные и интересные страницы жизни средневековой Германии. История свободных городов, наиболее ярких цветов средневековья (по образному выражению Маркса), имеет особое значение для истории двух политически раздробленных стран феодальной Европы — Италии и Германии. В это время анналы исчезают совсем, а монастырские и вообще церковные хроники уступают место городским хроникам. В некоторых случаях можно конкретно проследить, как хроника из рук монахов попадала в руки горожан и продолжалась ими уже в ином духе (например, в Клостернейбурге). В XIV в. хроники появились в каждом городе; они представляют собой ценнейшие источники, ярко отображающие жизнь города и особенно — напряженную классовую борьбу. Подчас авторы городских хроник вставляли в них, как, например, Буркард Цинк в Лүгсбургскую хронику, историю своей жизни и торговой деятельности. В XV в. во многих городских хрониках уже заметны гуманистические влияния.

Авторами городских хроник были по большей части члены городского совета, купцы, цеховые мастера, университетские профессора и т. д., обнаруживавшие зачастую большую образованность и начитанность. Их политические взгляды разнообразны и зависят от общественного положения, а их интересы сосредоточены преимущественно на внутренних городских делах, история которых занимает в городских хрониках главное место. Но, в силу большой политической роли городов в жизни Германии того времени, в городских хрониках содержатся также материалы по истории страны в целом и даже по истории соседних стран. Интерес горожан к истории сказывается и в том, что в некоторых случаях истории родного города предшествует обширная всемирная хроника.

Возьмем в качестве более или менее типичного образца хроники крупного экономического и политического центра — Кельна, города, знаменитого упорной борьбой горожан с архиепископами, а затем внутренней борьбой между цехами и патрициатом. Уже в середине XIII в. появилась рифмованная хроника секретаря городского совета Готфрида Хагена под названием «Книга города Кельна» (*Boech van der Stade Coelne*), описывавшая борьбу с архиепископами. Неудачное восстание ткачей 1369—1370 гг. также было описано в стихах неизвестным автором хроники «Битва ткачей» (*Die Weberschlacht*). В 1396 г., после победы цехов, появилась анонимная «Новая книга» (*Das niuwe Boich*), изложившая в сочувственном цеховой демократии духе историю Кельна за период напряженной классовой борьбы 1369—1396 гг. Единственной полной кельнской хроникой является напечатанная в 1499 г. анонимная хроника, названная по имени издателя Кельгофской (Koelholfsche Chronik). В этой компиляции, начинающейся с сотворения мира, использованы разнообразные источники: документы кельнского городского ар-

жива, местные и городские хроники Западной Германии и Нидерландов, всемирные хроники, жития, памфлеты и т. д. Начиная с XIV в., компиляция приобретает характер городской хроники Кельна и основана на местных источниках. Особый интерес представляет последняя часть, с 1466 г., где автор весьма подробно описывает современные ему события. Он проводит повсюду точку зрения патрициата и враждебно относится к цехам и городскому плебсу. Наоборот, аугсбургские хронисты, писавшие после победы цехов в 1368 г., обнаруживают симпатии к ремесленникам, например в безымянной хронике, охватывающей 1368—1406 гг. и имеющей несколько продолжений до 1447 г. Наиболее интересная аугсбургская хроника написана купцом Буркардом Цинком, который составил историю города за 1368—1468 гг. и вставил в нее свою автобиографию, чрезвычайно ценную для социально-экономической истории.

Хроники крупных рейнских, дунайских и других городов (Майнца, Вормса, Страсбурга, Констанца, Ульма, Регенсбурга и т. д.) также рисуют борьбу горожан с князьями-епископами, нарастание внутренних социальных противоречий, борьбу городов с князьями, например швабскую войну городов в конце XIV в. Среди страсбургских хронистов надо отметить каноника Твингера Кеннгсхофена (1346—1420). В последних частях его всемирной хроники дана история города и рейнских земель. Как в Страсбурге, так и в соседних городах к этой хронике были затем составлены продолжения, дающие в сумме историю почти всех земель и городов по Верхнему и Среднему Рейну.

Городские хроники Нюрнберга, в соответствии с присущим ему политическим преобладанием патрициата, были составлены преимущественно членами знатных родов или отражали их интересы. Самой известной из них является знаменитая нюрнбергская хроника гуманиста Гартмана Шеделля, напечатанная в 1493 г. Кобергером с 1600 иллюстрациями. Так же как кельнская и страсбургская хроники, она представляет собой всемирную историю и подробно излагает историю Нюрнберга на основе предыдущих местных хроник и документов.

Самыми важными источниками для истории Северной Германии, в полном соответствии с крупной ролью Ганзы в истории Германии XIV—XV вв. вообще, являются наряду с документальным материалом (договорами, статутами, различными постановлениями и т. д.)¹⁷ хроники ганзейских городов. На первом месте стоит Любек, в котором почти все хроники уже в XIII в. приняли официальный характер. Первой из них была хроника нотариуса городского совета Иоганна Роде (ум. 1349), сохранившаяся только в отрывках; до конца XIV в. доведено изложение в хронике францисканца Детмара, которая была затем продолжена до 1482 г. разными лицами, по преимуществу членами магистрата. Наряду с этой официальной хроникой, следует отметить пять различных редакций хроники любекского доминиканца Германа Корнера (1365—1438); в этих версиях много внутренних противоречий, но, по сравнению с официальными хрониками, у Корнера можно найти любопытные сведения.

История Бремена до 1430 г. записана в хронике бюргермейстера Иоганна Гемелинга на основе богатого документального материала и городских анналов. Она была продолжена до 1436 г. каноником Генрихом Вольтерсом. Хроника Висмара была составлена до 1384 г. секретарем городского совета Гинриком Бальзее. В Росгоке городская хроника появилась в начале XV в. Магдебургская шеффенская хроника (Schöffenchronik) была написана по заказу городского магистрата (шеффенов) секретарем городского совета Генрихом Ламмешпринге и доведена до 1372 г.; к ней были затем составлены пять продолжений, заканчивающихся 1516 г. Хроника содержит ценный фактический материал для истории не только города, но и всей области.

История отдельных немецких княжеств, этих раздробленных членов феодального государства, отражена в документальном материале и в многочисленных хрониках. Но рисуемые этими источниками события

имеют ограниченный интерес, вследствие мелких масштабов этих владений. Лишь история крупных княжеств и курфюршеств несколько выделяется на общем фоне глубокого политического упадка, начавшегося в Германии в XIV в. Документальные источники, относящиеся к внутренней и «внешней» истории немецких княжеств и феодальных владений очень однотипны: указы и распоряжения «центральной» власти, постановления ландтагов, дипломатическая переписка (сохранившаяся с XV в.), имущественные и феодальные отношения, генеалогические документы, история владетельных родов и т. д. Наиболее полно сохранились архивы крупных немецких духовных феодалов с большим числом документов, отражающих организацию германской церкви, ее связи с Римом и отношения с императорами.

Среди множества хроник, относящихся к крупным территориям, следует отметить лишь самые главные и, в первую очередь, хроники Австрии, которая стала с середины XV в. важнейшей частью Германии. До середины XIII в. доведена хроника Иоанна, аббата Виктрингского монастыря (в Каринтии), рисующая борьбу Габсбургского и Люксембургского домов за обладание Австрией и захваченными южнославянскими областями Штирийей Каринтией и Крайной. Началом XV в. заканчивается хроника хорошо осведомленного профессора венского университета Томаса Эбendorфера (ум. 1464), в котором особую ценность составляют записи за 1440—1463 гг., имеющие характер современных событиям дневника. Историю Австрии второй половины XV в. (1435—1499 гг.) описал в своей хронике с габсбургской точки зрения каринтийский священник Яков Укрест.

Легендарную и фальсифицированную историю баварских герцогств до 1439 г. (*Chronica de principibus terrae Bavarorum*) составил в начале XV в. Андрей Регенсбургский (ум. около 1439), известный своим резко враждебным отношением к гуситам и соответственным извращением истории Констанцского собора и походов против гуситов.

К некогда обильной саксонской историографии в XV в. примыкает произведение Вернера Ролевника (ум. 1502) «Хвала старой Саксонии, называемой ныне Вестфалией» (*Vom Lobe des alten Sachsenlandes, jetzt Westfalen genannt*), единственное очень подробное и интересное описание всей области. Вообще же, поскольку прежняя Саксония в XV в. окончательно распалась на ряд духовных и светских владений, исчезли и повествовательные источники по ее истории в целом. Их место заняли местные епископские хроники (Мюнстера, Оснабрюка, Падерборна и др.) и придворные хроники нижнерейнских графств Марк, Клеве, Юлих и Берг.

Бранденбургские хроники XIV—XV вв. сохранились только в небольших отрывках, так что документальные материалы являются почти единственными источниками по истории Бранденбурга за этот период.

История Пруссии под владычеством Тевтонского ордена записана в хрониках орденового священника Петра Дунсбургского (до 1330 г.) и его продолжателей (до 1435 г.), в которых ради прославления ордена допущены многочисленные искажения фактов. Фальсификацией истории являются «Гроссмейстерские хроники» (*Hochmeisterchroniken*), доведенные до 1466 г.; они отличаются извращением фактического материала, особенно для поры упадка и бесславной гибели ордена.

Что касается областей, начавших в 1315 г. независимое политическое существование под именем Швейцарского союза, то их история XIV—XV вв. записана преимущественно в отдельных городских хрониках Базеля, Берна, Люцерна, Цюриха и др. Из них следует отметить бернскую хронику нотариуса Конрада Юстингера (ум. 1438), доведенную до 1421 г., и Дибольда Шиллинга старшего (до 1484 г.); в последней подробно описаны бургундские войны с Карлом Смелым. Народные предания о борьбе с Габсбургами за независимость и о герое этой борьбы Вильгельме Телле нашли себе место в люцернской хронике Мельхиора Руца (ум. 1509) и в составленной около 1475 г. анонимной «Белой Сарненской книге» (*Das Weiße Buch von Sarnen*). На основе многих городских хроник в начале XVI в. была составлена история Швейцарии Дибольда Шиллинга младшего (до 1509 г.), а в XVI в. появилась «Гельветская хроника» (*Chronicon Helveticum*) Эгидия Чуди (1505—1572), из которой Шиллер заимствовал материал для своей драмы о Телле.

В условиях падения центральной власти естественно почти полное исчезновение имперских хроник. Можно наблюдать лишь временное и бледное их возрождение под пером историков — приближенных того или иного императора. Характерно, что по большей части эти историки

тоже были горожанами. В этих хрониках дан, обычно в довольно сухой форме, перечень событий по истории Германии и отчасти Европы за XIV—XV вв. Широкой известности они не приобрели, но фактический материал в них довольно обилен.

История всей Германии до 1378 г. описана в уже упоминавшейся хронике Твингера Кенигсхофена, составленной в окончательном виде в 1415 г. Характерно, что ввиду большого интереса к историческим произведениям, автор, начав свой труд на латинском языке, перешел затем на немецкий язык, что способствовало широкому распространению его хроники, представляющей собой первую общую историю Германии, изложенную на национальном языке.

Упадок имперской историографии сказался и в том, что последним крупным ее представителем в XV в. был не немец, а итальянец, знаменитый гуманист Эней Сильвий Пикколомини (1405—1464)¹⁸, впоследствии папа Пий II, составивший очень интересное описание Германии (*De ritu, situ, moribus et conditione Theutoniae descriptio*), напечатанное в 1458 г. В нем подчеркивается богатство и красота немецких городов; факты, сообщаемые Пикколомини, соответствуют другим источникам. Еще важнее другое произведение Пикколомини «Жизнь и деяния Фридриха III» (*De vita et rebus gestis Friderici III*), доведенное до 1458 г. Автор поместил вначале описание Вены и Австрии, основной территории Габсбургов, затем дал историю Австрии, закончив подробным изложением правления Фридриха III, в канцелярии которого он работал. В сочинении Пикколомини отражены различные стороны жизни Германии середины XV в.: экономическое положение, социальные отношения, политическая борьба, культура. Написанный на прекрасной гуманистической латыни, этот труд по основным своим чертам примыкает к передовой гуманистической итальянской историографии XV в.

Документальный материал, относящийся к деятельности центральной власти, довольно скуден. В первой половине XIV в. в имперской канцелярии появились регистры, в которые вписывались издаваемые документы — указы, привилегии, патенты и т. п. К документам общеперского характера относятся также материалы, отражающие деятельность имперских сеймов, главным образом их постановления.

Борьба папства с империей в XIV в., особенно обострившаяся в связи с грабительской политикой папской курии в Германии и неудачными итальянскими походами Генриха VII и Людвига Баварского, нашла свое отражение в различных политических теориях о природе и функциях светской и церковной властей. Наибольший интерес представляют публицистические трактаты, в которых опровергаются реакционные теократические притязания папства и формулируются прогрессивные для того времени теории главенства светской власти и свободы национальной церкви. Однако в условиях Германии XIV в. как реальная политика императоров, так и эти теории включали в себя также претензии на мировое господство и на власть в Италии; как замечает Энгельс, «при этом общегерманские интересы все время предательски нарушались»*. В результате политические теории о главенстве императора, разработанные в трактатах Иордана Оснабрюкского «О прерогативах Римской империи» (*De praerogativa Romani imperii*) 1280—1281 гг., Марсилия Падуанского «Защитник мира» (*Defensor pacis*) 1324 г. и др., не могли получить такого значения, которое характерно для аналогичных теорий, появившихся в то время в Англии и Франции,

* Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 344.

где складывались национальные государства. Из трактатов XV в. следует отметить произведение Николая Кузанского «О католическом согласии» (*De concordantia catholica*) 1433 г., пытавшееся наметить пути реформы пришедшей в упадок католической церкви и вместе с тем организационные формы империи. Особый интерес представляет анонимный памфлет «Реформация императора Сигизмунда» (*Die Reformation des Kaisers Sigmund*)¹⁹, составленный в конце 1430-х годов и напечатанный в 1470 г. Он получил в Германии чрезвычайную популярность. Автор разработал обширную программу реформ в интересах радикального немецкого бюргерства, стремившегося преодолеть политическую раздробленность Германии и укрепить ее государственное единство. Характерно, что при этом памфлет ориентирует бюргерство на союз с народными низами и вообще в нем заметно влияние революционных гуситских идей.

История немецких университетов, возникших главным образом во второй половине XIV и XV вв., представляет собой важную страницу в истории средневековой культуры. Основными источниками являются матрикульные записи, в которых содержатся списки всех членов университетской корпорации с указанием этапов прохождения курса и получения ученых степеней. Следует указать также на материалы, рисующие бытовую жизнь студенчества. Сохранившиеся во всех университетских библиотеках рукописи учебников и лекционных записей рисуют характер университетского преподавания, в котором во второй половине XV в. заметны веяния гуманизма.

ГЛАВА XIII

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИТАЛИИ*

Историческое развитие итальянской народности в период X—XV вв. не привело к созданию национального централизованного государства. Италия в конце XV в. осталась страной, в которой не было национального единства. Южная часть полуострова и Сицилия еще в XI в. оказались под властью норманнов и там создано отдельное государство, захваченное в XIII в. французами (Анжуйской династией) и затем Арагоном. В самом центре Италии существовала самостоятельная Папская область. Наконец, главная экономическая и политическая сила Италии—цветущие ломбардские и тосканские города, в течение почти всего указанного периода были самостоятельными независимыми республиками, каждая из которых имела свою историю.

Дробности и распыленности экономической и политической жизни итальянских областей и городов соответствует такое же состояние источников. Кроме того, в зависимости от своеобразия развития Севера, Центра и Юга, источники имели свои оригинальные особенности.

* *
*

История аграрного строя Италии X—XV вв. запечатлена преимущественно в грамотах, причем для Италии характерно наличие, наряду с императорскими, королевскими и герцогскими хартиями, огромного количества частных актов, составлявшихся общественными нотариусами. Нотариальные документы не исчезли в Италии даже в раннем средневековьи; они особенно умножились в числе, начиная с XII в. Некоторые из грамот дошли до нас в подлинниках, другие в копиях или в составе картуляриев, а с XIII в. также и в виде нотариальных минут. Аграрные отношения в Южной Италии и в Сицилии нашли свое отражение, кроме того, в правительственных кадастрах.

Как и в других странах, грамоты разного рода лучше всего сохранились в церковных учреждениях — монастырях, епископствах кафедральных и иных церквях, госпиталях и т. д. Наиболее старые документы относятся к крупнейшим и древнейшим итальянским аббатствам (Фарфа, Рипа, Монте-Кассино) и к епископским городам (Кремона, Милан и др.). Начиная с XI в. и позже грамоты сохранились во многих монастырях, епископствах и церквях всего полуострова. Среди документов X—XII вв. преобладают королевские, императорские и герцогские дипломы с земельными дарениями и иммунитетами (первые грамоты нор-

* Источники по истории папства см. в главе XXII.

манских герцогов на юге Италии и в Сицилии были составлены в конце XI в. еще на греческом и арабском языках), договоры феодалов с крестьянскими общинами, завешания, акты дарений, купли-продажи, обмена и уступки земельных участков, договоры вечнонаследственной аренды, пожалования феодалов и т. д. Из монастырских полиптихов сохранился полиптих Монте-Кассино (вторая половина XIII в.) с перечислением всех видов повинностей и платежей крестьян. Этот материал обрисовывает феодальную земельную собственность и характер крестьянского хозяйства, формы феодальной эксплуатации, внутренний распорядок крестьянской общины и ее роль в борьбе за общинные угодья и против усиления феодальной эксплуатации.

Начиная с XIII в., в связи с ранним разложением в Северной и Средней Италии крепостных отношений, появляются и, чем дальше, тем больше, множатся акты выкупа из крепостного состояния (на юге эти грамоты содержали также перечисление обязанностей лично свободных крестьян и их права на общинные земли, рынки, суд и т. д.), договоры краткосрочной исполнительной аренды, акты купли-продажи земли, закладные на землю и т. п. Очень важными источниками для истории аграрных отношений в Средней Италии являются статуты сельских коммун и законодательные акты городов-республик, о которых дальше. В документах XIII—XV вв. получили отражение главные процессы, происходившие в аграрном строе Италии, с теми особенностями, которые были присущи отдельным частям полуострова. Для наиболее развитых областей характерно начавшееся разложение феодальных отношений, освобождение крестьянства от личной зависимости и связанное с этим его обезземливание.

В Южной Италии и в Сицилии норманские завоеватели ввели, так же как и в Англии, с конца XI в. законченную форму феодальной организации. Одним из средств укрепления их владычества явились земельные кадастры, имевшие некоторое сходство с «Книгой Страшного суда». Норманны переняли у арабов их систему земельных переписей, но приспособили ее к целям упрочения своей феодальной системы. Норманские кадастры (*quatergionis*) хранились в особом учреждении — *dohana de secretis*; они дошли до нас не полностью. В них содержится описание как королевских владений, так и земель всех феодалов с перечнем зависимых людей, сидевших на этих землях, и их повинностей. Землевладельцы имели на руках выписки из кадастров, так называемые *platea* (*platea*), которые возобновлялись и обновлялись при каждом новом короле. Этот порядок учета феодального землевладения и крестьянских повинностей сохранился на юге в XIII—XV вв. Помимо кадастров, в казне хранились также списки всех групп несвободного населения с перечнем следуемых с них повинностей и платежей (*defetarii*). Между 1154 и 1161 гг. был составлен перечень всех феодалов королевства с указанием размеров их территорий и следуемой с них службы, «Каталог баронов». От XIII—XV вв. (особенно от времени правления Фридриха II) сохранилось много документов — инструкций, отчетов, административной переписки, характеризующих управление и хозяйственную жизнь в многочисленных королевских имениях (*доменах*). Имеется также немало картуляриев со множеством различных частных актов, рисующих аграрный строй.

Таким образом, материал по истории аграрного строя Италии распадается на две части. Одна из них охватывает источники разнообразного характера — грамоты, кадастры, административную переписку, законы и т. д., относящиеся ко всему южноитальянскому государству (до

XIV в. «Королевству обеих Сицилий», а затем «Неаполитанскому королевству»). Другая часть, характеризующая поземельные отношения Средней и Северной Италии, состоит преимущественно из грамот, причем очень важным дополнением к последним является законодательство городов-республик. Особенностью всех источников, относящихся к центру и северу полуострова, является их пестрота, так как буквально каждая область и каждый город имели свои специфические черты. Общая картина аграрного строя в этих частях Италии восстанавливается из сложения данных, получаемых для каждой из многочисленных городских областей (контадо) с учетом их характерных особенностей.

Интересным источником для истории аграрных отношений и сельского хозяйства Северной и Средней Италии в начале XIV в. является трактат Пьетро Крешенца (около 1233—1321) «О выгодах сельского хозяйства» (*Opus ruralium commodorum*)¹. Происходя из болонской пополанской семьи, Крешенца большую часть жизни был юристом в разных городах Ломбардии и Тосканы. В конце XIII в. он вернулся в Болонью и занялся сельским хозяйством в своем пригородном поместье. Его труд, составленный около 1305 г., представляет собой сельскохозяйственную энциклопедию, в которой содержатся ценные данные как для истории агротехники, так и для характеристики эксплуатации пополанских имений в Ломбардии, Тоскане и Эмлии. Важным дополнением к трактату являются документы, относящиеся к имени Крешенца: акты покупки земель, декларации по налоговому обложению и завещание Крешенца, в котором он делит имение между сыновьями. Совокупность всех этих источников позволяет изучить как историю складывания, так и методы эксплуатации типичного поместья зажиточного итальянского горожанина в начале XIV в. Имение Крешенца было поликультурного типа (зерновое хозяйство, виноградарство, садоводство, огородничество, скотоводство) и обрабатывалось исполщиками и наемными рабочими; частично применялся еще и труд крепостных. Трактат Крешенца получил широкую популярность, повидимому еще при жизни автора он был переведен на итальянский, а позже и на французский язык.

Исключительно богаты и разнообразны источники по истории итальянских городов-республик. Как и повсюду в Западной Европе, древнейшими из таких источников были хартии с привилегиями экономического и политического характера; они давались итальянским городам императорами Священной Римской империи. Большинство этих хартий относится к XI в. и началу XII в. Так, Мантуя получила свою хартию в 1014 г., Феррара — в 1055 г., Пиза — в 1081 г., и т. д. Кремона еще в 996 г. добилась от Оттона III диплома с крупными привилегиями, но окончательно ее права были закреплены в грамоте 1114 г. В дальнейшем почти все города Северной и Средней Италии завоевали себе в борьбе с императорами, епископами и светской знатью полную свободу и превратились в самостоятельные мелкие государства. К этой поре относится оформление в многочисленных городских статутах внутреннего строя городов-коммун и их власти над населением окрестного контадо. Особо следует отметить законы коммун, касавшиеся освобождения крепостных крестьян. «В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения».*

Самые старые статуты были созданы в Генуе. Статут 1056 г. представляет собой запись старинных обычаев (*consuetudines*), упоминаемых еще в королевской грамоте 952 г. Статуты Падуи относятся к XII в. Первый статут Пизы датируется

* К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 721.

1142 г., а в 1161 г. был уже составлен свод прав Пизанской коммуны (*Constitutio usus Pisanae civitatis*), в котором окрестным крестьянам даровалась личная свобода. Однако по закону 1233 она была отменена, а законы конца XIII—начала XIV вв. уже запрещали освобождение от барщины. В XIII—начале XIV вв. составили свои статуты почти все ломбардские и тосканские города: Милан в 1216 г., Верцелли в 1243 г., Брешиа в 1239 г., Парма в 1255 г., Модена в 1221 г., Пистойя в 1296 г., Мантуя в 1303 г., Лукка в 1224 г., Перуджа в 1286 г. и т. д. В дальнейшем к этим статутам прибавлялись новые постановления или издавались новые статуты.

В Болонье, после полной победы пополанов в 1256 г. был издан в 1257 г. «Райский акт» (*Paradisus*) — торжественная декларация коммуны, начинающаяся заявлением, что природа создала всех людей свободными. Закон принуждал феодалов под угрозой большого штрафа продать городу своих крепостных за определенную плату, после чего крестьяне становились гражданами коммуны. В 1282 г. был составлен свод законов болонской коммуны — «Святые и святейшие установления» (*Ordinamenti sacrali et sacratissimi*). Кодекс венецианских законов был оформлен в 1242 г. под названием «Гражданских статутов Венеции». В 1297 г. был издан закон о закрытии доступа новым лицам в Большой Совет, а в 1315 г. появилась «Золотая книга», закрепившая монополию на политическую власть в руках немногочисленной купеческой олигархии Венеции. Многочисленные статуты XIII в. Флоренции отражают разные этапы борьбы пополанов с магнатами, начиная от конституции 1250 г. (*Primo popolo*) вплоть до «Установлений справедливости» (*Ordinamenti della giustizia*) 1293 г., в которых полная победа пополанов нашла себе законодательное закрепление. По закону 1289 г. Флоренция провела в своем контакто полное освобождение крепостных крестьян без земли. Первые статуты Сиены относятся еще к 1181 г.; затем в течение XIII—XIV вв. они много раз переиздавались в обновленной форме. «Народные статуты» (*Statuti del popolo*) были изданы в 1277 г. после окончательной победы сиенских пополанов. Следует подчеркнуть, что хотя в статутах отдельных городов, в зависимости от разного уровня развития зачатков капитализма, наблюдается большое разнообразие в условиях и формах освобождения крепостных крестьян, смысл этих законов остается неизменным. Освобождение проводилось в интересах представителей городской верхушки, частных и зарождающемуся капиталистическому производству. Развитие этого законодательства в дальнейшем отразило упадок, начавшийся в некоторых центрах уже в XIV в., а в XV—XVI вв. охвативший почти все итальянские города. Статуты отражают также своеобразие внутреннего строя городов в зависимости от характера царившего там производства, степени преобладания цеховой и купеческой верхушки в экономической и политической жизни города.

Цеховые статуты были составлены в большинстве итальянских городов в XIII—XIV вв. Первый цеховой статут Венеции относится к 1219 г. Статуты большинства флорентийских цехов появились в период 1299—1385 гг. В 1328 г. была оформлена единая четкая цеховая структура Флоренции. Созданный в 1309 г. статут Флорентийской торговой палаты («Мерканции») объединил хозяйственную деятельность пяти старших цехов. Статут сиенских шерстяников — главного цеха Сиены — появился в 1298 г. Помимо статутов, деятельность цехов запечатлена в бесчисленных документах, освещающих хозяйственную, административно-полицейскую и политическую жизнь цеховых организаций. Однако с конца XIV в. источники по истории цехов становятся более скудными. Ожесточенная классовая борьба в городах и появление тирании имели своим следствием или полное уничтожение цеховой организации укрепившими свою власть тиранами, или же значительное сокращение прав цехов, ко-

торые утратили свое былое политическое значение, сохранив лишь чисто-экономические функции.

Рост производительных сил и организацию труда в горном деле, где зародились зачатки капитализма, обрисовывает статут медных и серебряных рудников города Массы, расположенного вблизи Сиены (*Ordinamenta super arte fossarum rameriae et argenteriae civitatis Massae*). Статут составлен в конце XIII в., но сохранился лишь в копии 1301 г. В нем подробно описаны все виды работ в рудниках, хозяевами которых были сиенские компании, эксплуатировавшие труд наемных рабочих. Ф. Энгельс определил подобные позднесредневековые предприятия по добыче руды как акционерные общества для ведения дела при помощи наемных рабочих.*

Обильные документальные источники освещают и другие стороны жизни итальянских городов-коммун: торговые привилегии, дарованные иностранными государями, различного рода грамоты и договоры, папские буллы, хозяйственные и политические распоряжения коммун и т. п. Во многих городах подобного рода документы вносились в городские книги; так, например, в Генуе существовала «Книга прав Генуэзской республики» (*Liber iurium reipublicae Genuensis*)². Чрезвычайно богат документальный материал по истории торговли, ремесла и политики Венеции, а также постановления венецианских дождей (начиная с IX в.). Сохранились долговые книги Флорентинской коммуны с записями о распределении городских принудительных займов, книга доходов и расходов коммуны (*Libro dei provisione*), а также неоднократно составлявшиеся списки налогоплательщиков и кадастры. Из последних особо подробным был кадастр 1427 г. Интересные данные содержатся в уставах многочисленных ломбардов, появившихся во второй половине XV в. почти во всех итальянских городах. Сохранились многочисленные купчие на выкупленных коммунами крепостных и вольные грамоты (*instrumenta franchitatis*), выдававшиеся городами отпущенным на волю крестьянам. Ценным источником для социально-экономической истории Флоренции являются списки раздач милостыни (*elemosinarij*), составлявшиеся в XIV в.; они позволяют судить о количестве нищих и маломощных горожан.

Для истории финансов южноитальянского государства имеется много ценных источников, главным образом росписи налогов. Первая такая роспись сохранилась для Неаполя от 1301 г.

Частные акты, сохранившиеся по преимуществу в книгах нотариальных минут, охватывают все стороны имущественных отношений, царивших в городе и в его контадо. Помимо документов, освещающих аграрный строй, о чем уже было сказано, сохранилось множество актов различных сделок купли-продажи, договоры на организацию торговых, банковских и страховых (последние с начала XV в.) компаний, закладные, долговые обязательства, векселя, завешания, разделы имущества, брачные контракты, купчие на рабов и т. п. Совокупность этих сравнительно еще мало исследованных источников представляет собой огромную ценность. Следует еще указать на некоторые дошедшие до нас записные книжки отдельных горожан; в них много интересных сведений о ценах на продукты, различные изделия, землю, скот, о заработной плате рабочих и слуг, о расчетах с арендаторами, о ссудах и т. п.

Особую ценность для экономической истории Италии имеют источ-

* Ф. Энгельс. Дополнения к III тому «Капитала» (К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 917).

ники, рисующие деятельность итальянских торгово-банковских и промышленных компаний. На первом месте среди этих источников стоят различные книги, составлявшиеся членами или служащими компаний. Такие торговые, банковские и промышленные книги отражают все стороны деятельности компаний. Первоначально они появились в главных приморских городах и имели форму примитивных памятных книг, в которые заносились записи о «морских обществах» (коммендах): перечень членов компании, вклады каждого из членов, перечень доходов и убытков и т. п. Нередко в таких памятных книгах деловые записи перемежались записями семейного, бытового или политического характера. Самая ранняя из дошедших до нас счетных книг флорентийских компаний относится к 1211 г. В XIII в. эти книги приняли вид общих приходо-расходных книг с регулярно вносившимися записями. Велась также особые книги должников и вкладчиков, книги по отдельным филиалам компаний, отдельно по торговле вообще и по торговле сукнами в частности. Особенно широкое распространение получили книги компаний в XIV в., в связи с развитием в передовых итальянских городах первых зачатков капиталистического производства. Наряду с торговыми и банковскими книгами, в XIV в. появились различные книги с записями промышленных операций — специальные «Книги шерсти», «Книги рабочих», «Книги красильщиков», «Книги прядильщиков» и т. п. Нередко книги компаний имели секретный характер, так как операции шли в разрез с постановлениями цехов, городских учреждений и церкви. К сожалению, торговые и промышленные книги сохранились далеко не полностью, но все же многие из них охватывают большие периоды, например торговые книги флорентинской компании Перуцци за 1286—1380 гг.

Исключительное развитие итальянской торговли и сукноделия вызвало появление в XIV—XV вв. специальных трактатов, которые отображают капиталистическую организацию труда в мануфактурах. Анонимный «Трактат цеха шерстяников» (*Trattato dell'arte della lana*) был составлен в конце XIV в. и представляет собой практическое руководство для владельцев суконных мануфактур. Он содержит описание почти 30 различных операций по обработке шерсти и выделке суков, выполнявшихся деревенскими и городскими ремесленниками и наемными рабочими — прядильщицами, ткачами, чесальщиками, валяльщиками, стригальщиками и т. д.

Чрезвычайно ценным источником для истории итальянской торговли является трактат флорентийского купца Франческо Бальдуччи Пеголотти (конец XIII в. — около 1347), появившийся в середине XIV в. под заглавием «Книга о различных странах и торговых мерах. Наставление по торговому делу» (*Libro di divisamenti di paesi e di misure di mercatanzie. La pratica della mercatura*)³. Автор трактата объездил по делам флорентийской торгово-банковской компании Барди почти все главные города Европы и Леванта и собрал массу ценных сведений. Труд его преследовал чисто практическую цель: дать в руки итальянских купцов обширный справочник в области торговли и кредита. В первой части трактата приведены данные о всех географических пунктах, куда достигали флорентийские купцы со своими товарами, т. е. почти о всех городах Западной Европы, Причерноморья и Ближнего Востока, а также о торговых путях в страны Юго-Восточной Азии. Для каждого из пунктов имеются данные о принятых там мерах, деньгах, таможенных сборах, характере и качестве сбываемых и покупаемых товаров, условиях торговли и т. д. Во второй части трактата содержатся общие сведения товароведческого характера. Трактат Пеголотти рисует круп-

ный масштаб торговых операций флорентийских компаний, их промышленной деятельности и в значительной степени отображает экономическую жизнь Флоренции вообще.

В первой половине XV в. появился другой трактат на ту же тему — «Наставление по торговому делу» (*Pratica della mercatura*), составленный, повидимому, одним из виднейших членов компании Уццано флорентийским богачом Бернардо д'Антонио Уццано. Этот трактат написан примерно на столетие позже труда Пеголотти и отображает перемены, которые произошли за это время в торговле и промышленности Флоренции. В трактате Уццано очень интересен раздел о мореходстве.

Итальянские правовые источники отличаются большим своеобразием вследствие того, что феодальное право вообще не получило в Италии значительного развития, а в северных и центральных областях, где раньше всего началось изучение и возрождение римского права, города выработали на его основе свое городское право, оформленное в городских статутах и законах. Что касается юга, то там на территории всего государства действовало свое особое право.

Эдикт Ротари, т. е. Лангобардская правда, отчасти сохранился до XIII в. в сфере гражданского права. Дополнений к эдикту и его новых редакций не было, так как их заменяли законы франкских, а затем и германских государей. Эти законы (с 774 г. и до X в. включительно) были собраны в начале XI в. частным лицом в особый сборник под названием *Capitulae*. В XI в. в старой столице лангобардского государства Павии была создана юридическая школа, вскоре ставшая знаменитой по всей Европе. Павийские профессора-судьи и юристы-практики составили в первой половине XI в. собрание законов, расположенное в хронологическом порядке (Эдикт Ротари и законы франкских и германских императоров), сопроводив их комментариями (глоссами) и процессуальными формулами (25 формул, которые назывались *capitularium langobardicum*). Этот сборник, преследовавший учебные цели, получил название «Павийской книги» (*Libet Papiensis*). Около 1070 г. одним из павийских профессоров был составлен комментарий к лангобардским законам, так называемое «Изложение» (*Expositio*).

В конце XI в. «Павийская книга» была переработана. Хронологический порядок был заменен систематическим и текст разделен на три книги. В таком переработанном виде она стала называться «Ломбардой» (*Legis langobardorum libri III seu Lombardia vulgo dicta ex libro Papiensi confecta*)⁴. «Ломбарда» получила широкое распространение, по ней читались курсы лекций в итальянских юридических школах, преобразованных впоследствии в университеты. В XII в. ее дополнили глоссами и суммами (т. е. резюме отдельных глав).

Феодальное право как таковое, т. е. ленное право, составилось в Италии, главным образом из законов Конрада II, Лотаря III и Фридриха I. «Ленный закон» Конрада II, изданный в 1037 г. после победы миланского мелкого рыцарства (вассалов) над феодальной знатью, установил наследственность рыцарских бенефициев, превратив их тем самым в феоды. В дальнейших императорских законах, изданных для Ломбардии, получило свое развитие местное ленное право, отличающееся слабостью феодальных связей, отсутствием оммажа и другими отклонениями от классических форм западноевропейского феодализма. В середине XII в. в другом центре юридической итальянской науки, Болонье, появился свод ленного права «Книги феодов» (*Libri feudorum*), называвшийся в XIII—XIV вв. также «Обычаи феодов»

(*Consuetudines feudorum*). В этом сборнике, составленном известными итальянскими юристами, знатоками права и судьями миланского феодального суда, были собраны законы, их толкования и консультации юристов по различным вопросам ленного права в Ломбардии.

Местное обычное право северо-западной Италии было записано в XIV—XV вв. Кутюмы Изврей датируются 1334 г., статуты сельских общин Пьемонта были отредактированы в XV в.

Наибольшее значение для ломбардских и тосканских городов имело раннее развитие в Италии римского права, из которого усердно черпали составители городских статутов и законов. «Лишь только промышленность и торговля — сперва в Италии, а позже и в других странах — развили дальше частную собственность, как тотчас же было реципировано и возведено в авторитет разработанное римское частное право».* Римское право преподавалось в итальянских школах в течение всего раннего средневековья, но особенно усилилось его изучение с конца XI в., в связи с наметившимся подъемом торговли и ростом товарно-денежных отношений. Центром изучения римского права стала Болонья, где в 1088—1125 гг. читал свои лекции знаменитый в ту пору знаток римского права Ирнерий, положивший начало школе глоссаторов, т. е. комментаторов основных правовых источников позднеримской империи, в том числе кодекса Юстиниана. В середине XIII в. одним из этих глоссаторов, Аккурсием, была составлена систематическая сводка всех глосс (*Glossa ordinaria*), к которой затем добавлялись все новые и новые комментарии.

Все вышеперечисленные правовые памятники являются очень ценными историческими источниками. Помимо того, что они рисуют в систематизированном виде все формы собственности и различные имущественные и социальные отношения, по ним можно проследить весьма важный для истории Северной и Средней Италии процесс разложения феодальных норм под напором развивавшихся товарно-денежных отношений.

Характерной особенностью Италии было раннее развитие специального морского права, оформлявшего все взаимоотношения купцов в портовых городах, капитанов судов и т. д. «Первый же город, который в средние века вел обширную морскую торговлю, Амальфи, выработал и морское право».** Амальфитанский кодекс морского права (*Tabula Amalphitana*), сложившийся в X—XI вв., получил затем распространение не только в итальянских, но и в других средиземноморских портах. Венеция составила в 1255—1256 гг. свой особый морской кодекс (*Statuta navium*).

На юге Италии и в Сицилии обычное право осталось в основе римским. В крупных сицилийских городах (Палермо, Катани, Сиракузах и др.) на его основе были выработаны своды городского права.

Норманские завоеватели издавали свои законы (ассизы). Они касались колонов, рабов, крепостных, отчасти землевладения, закрепляя принесенную норманнами готовую феодальную систему. В середине XII в. при Вильгельме I (1160—1166) были введены «Конституции», которые увеличили повинности крестьян и ущемили их права, установили розыск беглых крепостных, ввели высокие налоги. Тогда же было составлено нечто вроде проекта кодекса законов, куда вошли ассизы норманских герцогов и королей, местные обычаи и римское право. Но этот

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 53.

** Там же.

проект не получил официальной санкции. Лишь при Фридрихе II в 1231 г. был выработан верховным судьей и канцлером королевства Пегром де Винеа официальный свод, «Мельфийские конституции»⁵ (они были изданы в Мельфи), или «Конституции Королевства обеих Сицилий» (*Constitutiones regum regni utriusque Siciliae*), которые сохранились лишь в латинской версии. Этот кодекс, включивший в себя и ассизы норманских правителей, является очень ценным источником для социальной и политической истории южноитальянского государства первой половины XIII в. Законы охраняют привилегии крупных земельных собственников, но урезают политические права церкви и знати и ограничивают вольности городов. По этим законам свободный переход крестьян был воспрещен и беглые крепостные подлежали розыску и возвращению владельцам. В Мельфийских конституциях нашла себе отражение деятельность разветвленного государственного аппарата: суда, армии, финансового управления, администрации. Шкала штрафов за различные проступки и преступления составлена с учетом сословного положения. Буржуазная историография расценивает свод законов королевства обеих Сицилий, как оформление абсолютизма Фридриха II. На деле же он представляет собой один из самых ранних в странах Западной Европы законодательных сборников лишь с некоторыми элементами централизации.

После сицилийского восстания 1282 г., известного под названием «Сицилийской вечерни», которое привело к отпадению Сицилии от южноитальянского государства и послужило началом испанского владычества в Сицилии и в южной Италии, Карл Анжуйский издал в 1283 г. «Постановления св. Мартина» (*Capitoli di s. Martino*). Желая обеспечить себе поддержку южноитальянской знати, он закрепил за ней в этом документе новые привилегии.

* * *

Своеобразие исторических судеб Италии X—XV вв. проявилось и в повествовательных источниках. Раннее и быстрое развитие городов в северной и средней частях полуострова привело к тому, что городские хроники вскоре получили там решительное преобладание над всеми прочими видами хроник. Что касается Юга, то в Королевстве обеих Сицилий создались условия, благоприятные для появления хроник, охвативших в той или иной мере историю этого королевства в целом. С конца XIV в., в связи с зарождением в передовых итальянских центрах зачатков капиталистических отношений и появлением на этой основе элементов буржуазного мировоззрения, в некоторые хроники проникли веяния новых гуманистических идей. В XV в. в передовых итальянских городах появились и первые произведения историков-гуманистов, зародилась гуманистическая историография, представляющая собой начальный этап развития исторической науки. Восприняв многое из античной историографии, у которой они учились и которой они подражали в языке и композиции, историки-гуманисты выразили в своих трудах то новое, что являлось основой гуманистической науки в целом, — начала буржуазного мировоззрения. Тем самым они порывали со средневековыми хрониками и вносили в свои исторические произведения качественно новые элементы, в том числе и элементы научного исследования, критику источников. Но так обстояло дело только в самых крупных и передовых городах. В остальных частях Италии в XV в. хроники еще сохранили в основном свой прежний характер.

Для политической истории Италии конца IX — середины X вв., т. е. периода феодальной раздробленности, наступившего вслед за падением каролингской империи, сохранилось сравнительно мало повествовательных источников. Набеги арабов, венгров и норманнов разоряли страну. Внутренние междоусобицы и проходившая с переменным успехом борьба герцогов из-за королевского титула препятствовали развитию летописания при королевском дворе. Лишь от времени правления короля Беренгария I остались краткие анналы за 887—916 гг. (*Gesta Berengarii*). В крупных монастырях велись сжатые записи о важнейших политических событиях. В дальнейшем на основе этих анналов сложились местные хроники. С начала XI в., по мере роста городов Северной и Центральной Италии, в них возникли, также на базе местных анналов, городские хроники. Лишь в Риме не создано своей хроники; история папства в значительной степени включила в себя историю «вечного города». Вместе с тем деятельность папства, которому была подчинена вся церковь Западной Европы, выходила далеко за пределы небольшой папской территории, и источники, рисующие историю папства и Рима, отнюдь не являются по своему происхождению только итальянскими.*

Важнейшей монастырской хроникой XI—XII вв. является монте-кассинская. Расположенный на южной границе Папской области Монте-Кассино издавна был самым крупным итальянским монастырем, а в каролингской Италии стал одним из культурных центров страны. Дважды разрушенный (арабами в 884 г. и норманнами в 1030 г.) и дважды восстановленный, Монте-Кассинский монастырь сделался в середине XI в. одним из опорных пунктов папства и крупнейшим центром летописания в Южной Италии. Еще около 978 г. в нем была составлена на основе старых анналов хроника, содержащая историю южных лангобардских герцогств IX—X вв., их взаимоотношений с Византией и арабами. В конце XI в. монах Лев из знатного лангобардского рода, впоследствии кардинал Остийский (ум. около 1118), написал по распоряжению аббата Дезидерия хронику (*Chronica monasterii Casinensis*)⁶. Лев часто бывал в Риме и был хорошо осведомлен о политических делах папства и норманских герцогов. Первая часть хроники заканчивается 1056 г. и написана на основе частично ныне утраченных материалов. Во второй части, доведенной до 1075 г., содержится изложенная с точки зрения интересов папства очень подробная история монастыря, а также ценные сведения по истории южной Италии. Хроника Льва была продолжена до 1139 г. монахом Петром Дяконом, многократно выполнявшим дипломатические поручения пап. Хроника Петра выдержана в том же духе; в нее включено немало подложных документов. В дальнейшем монте-кассинские хроники становятся анонимными и более скудными.

История византийского владычества на юге и южных лангобардских герцогств записана в анонимной «Хронике герцогов беневентских, салернских, капуанских и неаполитанских» (*Chronicon ducum Beneventi, Salerni, Capuae et Neapolis*). Составленная в Неаполе около 965 г., она охватывает 518—943 гг. «Салернская хроника» (*Chronicon Salernitanum*) за 747—974 гг. примыкает к «Истории лангобардов» Павла Дякона и важна для истории политики Оттона I в Южной Италии. Анналы монастыря в Бари охватывают 605—1043 гг.; на их основе в начале XII в. была составлена анонимная «Краткая хроника деяний в Неаполитанском королевстве» (*Regum in regno neapolitano gestarum breve chronicon*) за 855—1102 гг., содержащая историю византийского, арабского и норманнского владычества на юге Италии. Сохранилась и другая анонимная хроника за 855—1115 гг. (*Anonymi Barensis chronicon*). Очень скудны анналы монастыря Кава (близ Неаполя) за 569—1034 гг. и монастыря св. Софии в Беневенте за 788—1182 гг. В монастыре Фарфа (близ Сполето) велись

* См. главу XXII.

анналы за 661—1228 гг.; на основе их и других монастырских записей монахом Григорием Катинским была составлена около 1105 г. хроника за 681—1104 гг. (*Chronicon Farfense*). Анналы Амальфи, в X—XI вв. крупнейшего торгового центра Южной Италии, охватывают 747—1294 гг. Из «Амальфитанской хроники», доведенной до 1082 г., сохранились только фрагменты в хронике Ромуальда Салернского.* Анналы монастырей Карпинето в Аbruцских горах (за 962—1159 гг.) и св. Климента в Казурии (до 1182 г.) содержат сведения, позволяющие проследить ход завоевания Южной Италии норманнами.

Среди северных городов на первое место по времени возникновения анналов и хроник следует поставить Милан. На основе старых кратких записей в конце XI в. была составлена хроника «Деяния миланских архиепископов» (*Gesta archiepiscoporum Mediolanensium*), охватывающая 925—1076 гг. Автор ее Арнульф, священник и противник церковной реформы. В его труде содержится подробный рассказ о «патарии», т. е. о начавшемся в 1056 г. длительном движении миланских ремесленников, мелких рыцарей и основной массы городского духовенства против архиепископа и высшего клира. В «Миланской истории» (*Mediolanensis historia*)⁷ за 374—1085 гг. тоже священника Ландульфа Старшего (начало XI в. — 1085) изложены события в тенденциозном освещении, так как автор был врагом «патарии», но имеется много фактического материала и использованы некоторые документы. «Миланская история» была продолжена до 1137 г. его сыном, Ландульфом Младшим.

В годы ожесточенной борьбы Милана с Фридрихом I в миланских хрониках имеется перерыв. Лишь после победы, завоеванной миланцами в союзе с другими городами в результате упорного и героического сопротивления иноземному владычеству, появились «Большие миланские анналы» (*Annales mediolanenses maiores*)⁸ за 1154—1177 гг., составленные несколькими светскими авторами и содержащие интересную политическую и экономическую историю крупнейшего в ту пору ломбардского города. Следует подчеркнуть, что, несмотря на свое название, эти анналы представляют собой по существу настоящую хронику с ярко выраженной чисто городской тенденцией. Характерно, что написанная неизвестным миланцем в это же время другая хроника «Деяния императоров в Ломбардии» (*Gesta imperatorum in Lombardia*), охватывающая те же 1154—1177 гг., подверглась затем из-за своей гибелдинской направленности коренной переработке.

Дальнейшие миланские анналы велись также анонимно и сохранились в нескольких редакциях: подробной (за 1104—1228 гг.), краткой (до 1237 г.) и в форме предварительных записей (*Memoriae*) до 1251 г. В них содержится немало сведений по истории Ломбардии и левантйской торговли. Другая серия анналов охватывает 1230—1402 гг.; в них имеется изложение многих официальных документов и писем и они тоже дают много материала по истории торговли и политической обстановки в Северной Италии в целом.

Установление в Милане герцогской власти (начало этого процесса отражено уже в анналах XIV в.) изменило характер повествовательных источников. Как и во многих итальянских городах, городские хроники уступили место официальным «историям» правителей-тиранов. Авторами таких исторических трудов бывали по большей части приближенные герцогов. Естественно, что в этих «историях» отчетливо сказалась тенденция к апологии абсолютной власти государей, что приводило порой к значительному искажению фактов. В 1479 г. появилась официальная

* См. стр. 224.

История миланского герцогства (*Historia de rebus gestis Francisci primi ducis Sfortiae*) за 1421—1466 гг., написанная по распоряжению Франческо Сфорца его секретарем Джованни Симонетта (ум. около 1491). В самом конце XV в., по просьбе герцога Лодовико Моро, миланский патриций Бернардино Корно (1459—1519) составил «Историю Милана» (*Storia di Milano*) с середины XIII в. до 1499 г.; в этом произведении содержится богатый фактический материал, в том числе и по социально-экономическим отношениям.

Эволюция миланских хроник от церковных к городским и смена последних официальными «историями» правлений герцогов является типичной для многих городов Северной и Средней Италии.

История Генуи записана в «Генуэзских анналах» (*Annales Genuenses*)⁹, охвативших без перерыва 1099—1294 гг. Эта обширная городская хроника состоит из 12 частей, написанных разными авторами; однако все они в той или иной мере были близки к правящим кругам Генуи. «Генуэзские анналы» содержат очень подробную историю республики, уже с XII в. ставшей вместе с Венецией крупнейшей торговой и морской силой не только Италии, но и Европы в целом. В соответствии с этой ролью Генуи в «Анналах» нашли себе отражение широкие экономические и политические связи Генуи с Византией, Палестиной, Египтом, Африкой, а также с папством, итальянскими городами и странами Западной Европы.

Первая часть «Анналов» за 1099—1163 гг. принадлежит перу генуэзского патриция Кафаро де Каскифеллоне (ум. 1166), который был послан в начале XII в. в экспедицию в Палестину, а затем возглавил Генуэзскую республику и ездил послом к папе и к Фридриху Барбароссе. В 1152—1155 гг. он же написал историю завоевания генуэзским флотом левантских городов под названием «Об освобождении городов Востока» (*De liberatione civitatum Orientis*). Это очень ценный источник для истории крестоносных государств на Востоке и роли Генуи в левантской торговле. Вторая, подробная часть генуэзских «Анналов» составлена нотариусом и впоследствии канцлером республики Оберто по поручению сына Кафаро Отто и генуэзских консулов. Она охватывает 1164—1173 гг. Дальнейшие части составлялись главным образом секретарями городского управления и представляют собой официальную городскую хронику. Особо следует отметить раздел 1266—1294 гг., написанный частично или целиком членом одного из знатнейших родов Генуи Джакомо Дориа. Его труд, описывающий Геную в зените ее могущества, является важнейшим источником не только для истории Генуи и Италии, но и вообще истории международных отношений в бассейне Средиземного моря. Для истории завоевания Неаполя и Сицилии Карлом Анжуйским, крестовых походов Людовика IX, войн Арагона и Франции и т. д. в «Генуэзских анналах» содержится много фактического материала. С 1298 г. начинается новая серия генуэзских анналов (*Annales Genuenses*), составленная братьями Стелла. Нотариус Георгий Стелла (ум. 1420) обработал в начале XV в. городские записи за 1298—1409 гг.; вторую часть труда написал его брат, канцлер Генуэзской республики, Джованни Стелла, давший краткое резюме событиям до 1298 г. и подробное изложение за 1409—1435 гг.

История Венеции, начиная с VI в., записана в анонимной «Венецианской хронике» (*Chronicon Venetum*), которая отличается варварским латинским языком и была составлена, повидимому, в IX—X вв. на основе исчезнувших записей, а затем продолжена до начала XIII в.

В ней содержатся очень краткие записи, списки дождей и патриархов Градо, в конце — список крупнейших семей Венеции. Важнейшим источником по ранней истории Венеции, рисуящим первый этап развития будущей «царицы Адриатики», является хроника Иоанна Дякона (*Chronicon Venetum*, называвшаяся раньше *Chronicon Johannis Sagornini*). Автор был капелланом первого значительного дожа Пьеро II Орсеоло (991—1008) и его близким советником, следовательно был в курсе политических дел. Его хроника доведена до 1008 г. и составлена в самом начале XI в. «Краткие венецианские анналы» (*Annales venetici breves*) охватывают 1062—1195 гг. Написанные в начале XIII в., они содержат сведения об основных событиях внутренней и внешней истории Венеции. Возникшая тогда же достаточно подробная анонимная «История венецианских дождей» (*Historia ducum veneticorum*) за 1102—1177 гг., была затем продолжена за 1204—1229 гг.

Настоящие городские хроники появились в Венеции в XIII в., когда окончательно упрочилось экономическое могущество и политическая власть венецианской олигархии. Между 1267 и 1275 гг. была написана на французском языке «Хроника венецианцев» Мартино Канале¹⁰, который возможно, не был уроженцем Венеции, но во всяком случае долго жил там. Автор стремился к тому, чтобы его труд стал известен и за пределами Венеции; этим объясняется выбор им французского языка, который, как он пишет, «известен ныне повсюду». До 1229 г. изложение представляет собой компиляцию из вышеперечисленных хроник; затем идет очень подробный и чрезвычайно интересный рассказ современника о событиях 1229—1275 гг.

В середине XIV в. дожем Андреем Дандоло (ум. 1354) была написана хроника под ставшим уже традиционным в Венеции названием *Chronicon Venetum*. Автор широко использовал как обильный документальный материал, к которому, по своему положению, он имел доступ, так и многочисленные венецианские и другие хроники. Его труд отражает официальную точку зрения венецианского правительства. К сожалению, он доведен лишь до 1280 г. Его продолжение до 1388 г. было составлено венецианским канцлером Рафаэлем Карезини (ум. 1390) в таком же духе и тоже с использованием многих документов.

Ценными источниками являются хроника и особенно дневник члена знатной венецианской семьи Антонио Морозини (ум. около 1434). Морозини много путешествовал и с 1388 г. был членом Большого Совета. Его хроника написана на венецианском диалекте; до 1388 г. в ней использованы хроники XIV в., а за 1388—1403 гг. она содержит изложение событий, современных автору. Дневник (*Diario*) охватывает 1404—1434 гг. и содержит массу ценных сведений разнообразного характера, в том числе и по истории других европейских стран. Характерно, что в своем дневнике Морозини приводит полностью или в выдержках множество писем, получавшихся в Венеции разными лицами со всех концов Европы.

На венецианском диалекте написаны и «Венецианские анналы» Доменико Малипьеро (1428—1515), охватывающие 1457—1500 гг. и обрисовывающие рост итальянской территории Венецианской республики и ее войны с турками.

Общую историю Венеции (*Vite de' duchi di Venezia*) с легендарных времен до 1493 г. составил Марино Санудо Младший (1466—1535), венецианский патриций и собиратель исторических источников. Его труд, оконченный в 1501 г., основан на многочисленных документах и изучении хроник, в том числе и Морозини, данные которых автор, воспитанный на гуманистической итальянской историографии, подверг анализу и критике. Другим интересным трудом Санудо являются его «Дневники»

(Diarii) за 1496—1531 гг. Подобно записям Морозини, они содержат массу ценных сведений по истории не только Венеции и Италии, но и Западной Европы в целом.

В конце XV в. по распоряжению правительства написано и в 1487 г. напечатано в Венеции историческое произведение «Декады венецианской истории» (*Decades rerum Venetarum*) библиотекаря библиотеки св. Марка Сабеллико (1436—1506). Изложение охватывает историю Венеции от начала до 1486 г. и составлено в гуманистическом духе.

Выдающееся положение Флоренции в качестве не только банковского и торгового, но и промышленного центра, где ярче всего проявились зачатки нового капиталистического уклада, обусловило собой особый расцвет флорентийских хроник начиная с XIV в. Наиболее ранней из сохранившихся является анонимная хроника «Деяния флорентийцев» (*Gesta florentinorum*) за 1125—1231 гг., составленная в середине XIII в. одним из флорентийских судей (отсюда ее принятое в науке обозначение: *Senzanome giudicis gesta florentinorum*). Следующим крупным историческим трудом была написанная в начале XIV в. уже на местном флорентийском наречии хроника за 1280—1312 гг. Динчо Компаньи (1260—1324). Автор очень живо и выразительно описал современные ему политические события, в которых принимал активное участие.

Важнейшим источником для истории Флоренции XIV в. следует признать хроника (Cronica) Джованни Виллани¹¹ (1276—1348), доведенную до 1348 г. Виллани побывал во Франции и во Фландрии по делам торговой компании Барди, затем занимал важные должности во флорентийской коммуне. Для своего труда, написанного по-итальянски, чтобы все сограждане могли знать историю родного города, он долгое время собирал сведения и письменные материалы. В результате получилось обширное произведение, по своей тематике вышедшее далеко за пределы чисто городской хроники. Оно представляет собой важную веху в развитии историографии, так как у Виллани имеются уже попытки изучения исторических явлений и анализа источников. Для него характерен реализм в описаниях, внимание и интерес к социально-экономической истории. В качестве исторического источника труд его чрезвычайно ценен. В первых семи книгах Виллани дает сжатое изложение истории Флоренции до 1292 г. с некоторыми данными по истории других стран; в остальных пяти книгах содержится очень подробное изложение до 1348 г., когда смерть от чумы прервала работу Виллани. В этой части подробно описана политическая и экономическая жизнь Флоренции и ее разнообразные связи со всеми странами Европы и многими странами Азии, что сообщает труду Виллани некоторые черты всемирной хроники. Виллани был хорошо осведомлен и использовал в своем труде тексты флорентийских законов, материалы финансового и статистического характера и т. д. Его брат Маттео Виллани продолжил эту хроника до 1363 г., а сын Маттео, Филлиппо (ум. 1405) — до 1364 г.

«Флорентинская хроника» (*Cronica Fiorentina*) Маркионе Стефани (ум. 1386) была написана в 1378—1385 гг. В первых главах, начинающих изложение с начала XIV в., она основана главным образом на хронике Виллани; с 1348 г. автор писал на основе официальных документов и собственных наблюдений и дал очень подробную политическую историю Флоренции, в том числе и историю восстания чомпи. Необходимо подчеркнуть, что в последнем случае ярко проявилось его классовое лицо. Сторонник правящей верхушки, Стефани оклеветал чомпи и допустил в своей хронике ряд извращений.

Среди прочих флорентинских хроник XIV в. особо следует отметить «домашние хроники», в которых семейные события и богатый бы-

товой материал перемешаны с записями делового и политического характера. Таковы, например, семейная хроника рода Веллуги за 1300—1370 гг., составленная Донато Веллуги; хроника Бонаккорсо Питти, дневник за 1358—1389 гг. неизвестного флорентийца — члена одной из компаний (так называемой *Diagio d'anonimo fiorentino*) и др.

Не случайно, что именно во Флоренции в начале XV в. были написаны крупные исторические труды, которые были принципиально иными, чем все предшествовавшие хроники. Государственный секретарь Флорентинской республики Леонардо Бруни (1369—1444), по образованию настоящий гуманист, писал на прекрасном латинском языке и дал в своих сочинениях «История флорентинского народа» (*Historiarum florentini populi libri duodecim*), «История современных событий в Италии» (*Regum suo tempore in Italia gestarum commentarius*), а также в биографиях Данте и Петрарки первые в своем роде исторические исследования. Те элементы нового, которые имелись уже у Виллани, Бруни развил до уровня своего рода системы научного исследования. Но именно это обстоятельство придает его трудам большую ценность для изучения историографической мысли и приемов исторического исследования, чем для источниковедения. Подобно своим собратьям, историкам-гуманистам в Италии и в других странах Европы, Бруни является не хронистом или мемуаристом, а историком и исследователем, и поэтому источниковедческое значение его произведений имеет особый характер.*

Развитие анналов и хроник в других, менее крупных городских центрах Северной и Средней Италии повторяет в основных чертах картину, которая обрисована для крупных центров.

Анналы Кремоны охватывают 1096—1269 гг. На основе этих записей епископ Кремонский Сижард (ум. 1215) составил хронику, доведенную до 1213 г., в которую включены также данные из многих других источников. Поэтому этот труд ценен не только для истории Кремоны, но и для истории Италии, Германии, для истории крестовых походов и крестоносных государств.

Анналы Пизы начаты были в 1004 г. Они использованы в «Пизанской хронике» Бернарда Марангона (ум. около 1188), доведенной до 1175 г. Начатая, как и многие подобные хроники, с сотворения мира, она интересна только с начала XI в., т. е. как городская хроника. Начиная с 1136 г., автор дает очень подробную внутреннюю и внешнюю историю Пизы. Участие пизанского флота в завоевании левантских портовых городов описано в «Триумфальных деяниях пизанцев» (*Gesta triumphalia reg. pisanos facta*), охватывающих 1099—1120 гг. Чрезвычайно подробно написанная на итальянском языке анонимная «Хроника Пизы» с 1089 г. до 1389 г. с продолжением до 1406 г.

Основным источником для истории Болоньи служит очень подробная латинская хроника за 1104—1314 гг. (*Historia miscella Bononiensis*), продолженная до 1471 г. Франческо делла Пульола. В начале XV в. видным болонским политическим деятелем Маттео де Грифонibus (1351—1426) составлена обширная история Болоньи за 1109—1426 гг. (*Memoriale regum Bononiensium*).

Основной хроникой Лукки является хроника за 1164—1423 гг., написанная по-итальянски типичным луккским попом, сыном купца и членом луккской коммуны Джованни Серкамби (1348—около 1424). События конца XIV—начала XV в. изложены в ней чрезвычайно детально и относятся не только к Лукке, но и ко всей Средней Италии.

Очень подробно итальянская хроника Сиены за 1352—1381 гг., принадлежащая Донато Нери и продолженная до 1384 г. его сыном.

Для истории Падуи важна итальянская хроника (*Istoria Padovana*) за 1311—1405 гг. Галеаццо Гаттаро, дополненная его сыном Андреем. Еще раньше, в начале XIV в., падуанцем Альбертино Муссато (1262—1329) была составлена история Северной Италии в начале XIV в. в связи с итальянским походом императора Генриха VII (*De gestis Henrici VII Caesaris historia augusta*).

Краткие анналы Вероны охватывают 1095—1178 г.; затем были составлены две параллельные серии анналов: за 1117—1223 гг. и за 1117—1277 гг.

* См. стр. 313—314.

Анналы Пьяченцы сохранились в гибеллинской редакции (за 1154—1284 гг.) и гвельфской (за 1012—1235 гг.). «Хроника Пьяченцы» (*Chronica Placentina*), доведенная до 1402 г., является гибеллинской.

Анналы Бергамо охватывают 1156—1266 гг.; анналы Брешии доведены до 1273 г., Феррары — до 1264 г., Виченцы — до 1243 г., Асти — до 1293 г. Последние были продолжены до 1325 г. Гульельмо Вентури и касаются всей Северо-Западной Италии. В анналах Лоди, города, разрушенного в 1111 году Миланом, что определило гибеллинскую ориентацию хроникеров, описываются события только 1153—1167 гг. Автором их до 1160 г. является подеста Лоди Отто Морени; затем они были продолжены его сыном. Анналы Фриуля охватывают 1275—1473 гг. По итальянски написаны «История Пистойи» (*Istoria Pistolese*) за 1300—1348 гг. «Хроника города Перуджи» (*Storica della città di Perugia*) за 1309—1491 гг., хроника Римини за 1188—1375 гг., продолженная до 1452 г., хроника Губбио за 1350—1472 гг., составленная Гвернерио Бернио.

Хроника Савойи и Пьемонта была написана по-французски в начале XV в. (*Chronique de Savoie*). Ее первая часть представляет собой нечто вроде эпической поэмы и содержит полупоэтичные сведения. Для XIV в. она очень подробна и доведена до 1383 г. В конце XV в. появилась «Латинская хроника Савойи» (*Chronica latina Sabaudiae*), начало которой является сокращенным изложением Французской хроники. За 1451—1487 гг. Латинская хроника очень подробна, и ее автор, по-видимому приближенный савойского герцога, враждебен к Франции. Среди источников по истории Пьемонта особо следует отметить документальный материал по истории восстания крестьян (тукинов) в Пьемонте в 1382—1384 гг.

Особое место среди массы хроник Северной и Средней Италии занимает хроника францисканского монаха Салимбене Пармского¹² (1221—около 1288), представляющая собой произведение, очень простое по своему содержанию и притом без четкой хронологической или логической последовательности. Хроника Салимбене, охватывающая период за 1167—1287 гг., является одновременно историей францисканского ордена, всемирной хроникой, историей всей Ломбардии и автобиографией. К сожалению, она сохранилась лишь частично (исчезла почти половина текста), да и то в единственной рукописи, что свидетельствует о том, что она не имела никакого распространения. Как исторический источник хроника Салимбене очень ценна начиная с 1221 г. Происходя из богатой дворянской пармской семьи, Салимбене стал с 1238 г. францисканцем и получил образование в разных монастырях своего ордена. Одно время он увлекался прогрессивными для того времени идеями Иоахима Флорского, объявленного католической церковью еретиком. Салимбене побывал при дворе Фридриха II в Пизе и много путешествовал по Италии и Франции, посетил крестоносное войско Людовика IX. С 1258 г. он жил в разных итальянских монастырях, а с 1281 г. в монастыре в Реджио, где и написал свою хронику. На своем веку Салимбене видел множество людей самых различных рангов и был очевидцем многих интересных событий, которые он и описал в своей хронике, например восстание «пастушков» во Франции, классовую борьбу в своем родном городе, борьбу Фридриха II с папой и итальянскими городами, рост экономического и политического могущества Венеции и т. д. Салимбене сообщает ценные сведения из экономической жизни Италии и Франции. В его хронике содержится много интересных и ярких характеристик современников, начиная от императора, королей, пап и кончая людьми из престоародья. Она написана на очень простой латыни, приближающейся по своему синтаксису к народному итальянскому языку.

Первой хроникой, посвященной норманскому государству на юге Италии, является «История норманнов» (*Istoire deli Normant*) монтекассинского монаха Аме (Amé или Aimé), вероятно норманна по происхождению (ум. 1101). Свою хронику он написал около 1075 г. по-латыни, но латинский текст утрачен; сохранился, по-видимому не вполне точный, французский перевод, сделанный в конце XIII в., т. е. после

анжуйского завоевания. В этой хронике описаны история норманнов с IX в., захват ими Нормандии, набеги в Средиземное море и, наконец, их обоснование на юге Италии. По своей форме хроника приближается к эпическим сказаниям, но ее содержание отличается точностью и она ценна тем, что автор описывает современные ему события по свежим данным и впечатлениям.

Важным источником является «Историческая поэма о деяниях норманнов в Сицилии, Апулии и Калабрии» (*Historica poemata epicum de rebus normannorum in Sicilia, Apulia et Calabria gestis*) Вильгельма Апулийского. Написанная в конце XI — начале XII вв. в форме древних баллад о сражениях и войнах, поэма повествует главным образом о походах и завоеваниях Роберта Гвискара (ум. 1085). Автор использовал старые анналы, ныне частично утраченные. Завоевание Сицилии описано в «Сицилийской истории» (Historia sicula) монаха Гауфреда Малатерры на основе рассказов брата Роберта Гвискара, Рожера. Эта хроника также частично облечена в поэтическую форму. Она начинается с 1099 г. и представляет собой панегирик норманским герцогам. К ней было добавлено краткое продолжение до 1265 г.

С точки зрения интересов папства изложена история Юга Италии в хронике папского нотариуса Фалько Беневентского. Написанная в середине XII в., она не сохранилась полностью. Имеется лишь часть, охватывающая 1102—1140 гг.; в ней содержится большой документальный материал и использованы старые анналы.

Крупнейшей хроникой Южной Италии является всемирная хроника Ромуальда, архиепископа Салернского (ум. 1181), ученого врача, дипломата и крупного политического деятеля норманнского государства XII в.¹³ Хроника доведена до 1178 г., ценная ее часть начинается с 1125 г. Автор использовал многочисленные источники, в том числе некоторые важные, впоследствии погибшие документы и дал очень ценный материал по истории не только королевства обеих Сицилий, но и крестовых походов, папства, международных отношений в бассейне Средиземного моря и т. д. Его труд представляет собой апологию норманских королей — владык Южной Италии и Сицилии.

«История сицилийских дел» (*Historia de rebus gestis in Sicilia*) некоего Гуго Фальканды, национальность которого не установлена, касается истории Сицилии только лишь за 1154—1169 гг., но этот источник необходимо отметить, так как в нем имеются чрезвычайно ценные сведения о социально-экономических отношениях в Сицилии середины XII в. Автор долго жил в Палермо и описал главным образом жизнь этого города, в то время столицы государства. Он имел доступ к архивам и воспользовался для своей хроники многими ценными документами. Хроника содержит интересные сведения о развитии ремесла и торговли. Особенно подробны ценные известия о баронском заговоре при Вильгельме I и о народных волнениях в Палермо и во всем государстве в 1160—1161 гг.

Основными источниками для истории Юга Италии в первой половине XIII в., при Фридрихе II и его наследниках, являются две хроники, составляющие единый комплекс как по хронологическому охвату, так и по общей направленности. «Хроника Сицилийского королевства» королевского нотариуса (Фридрих II носил титул сицилийского короля) Рикардо из Сан-Джермано (ум. 1243) сохранилась в двух редакциях: за 1208—1226 гг. и за 1189—1243 гг. Она представляет собой важнейший источник для истории Юга Италии того времени и содержит богатый фактический материал. В таком же духе написана хроника Нико-

лая Ямсильского (*Historia de rebus gestis Friderici II, Conradi et Manfredi*) за 1210—1258 гг., также точная и богатая сведениями. Обе хроники выдержаны в духе возвеличения Фридриха II и являются в сущности официальными.

Очень важный период в истории Юга Италии описан в хронике, которую составил секретарь папы Мартина IV Сабба Маласпина (*Rerum Sicularum libri VI*). Написанная в 1284—1285 гг., она охватывает 1250—1276 гг., затем была продолжена другим автором до 1285 г. Таким образом, в ней отобразена история падения владчества Гогенштауфенов, анжуйское завоевание, захват Сицилии Арагоном. Особенно ценна часть хроники, где описана (с точки зрения интересов папства) «Сицилийская вечерня», — восстание в Сицилии 1282 г., в результате которого сицилийский народ сбросил невыносимо тяжкое французское иго.

Из южных хроник XIV в. следует отметить анонимную «Сицилийскую хронику» (*Chronicon Siculum*), написанную в форме дневника; особенно важна ее последняя часть, за 1393—1396 гг., содержащая очень подробные сведения о Неаполе и Сицилии.

Обострение классовой и политической борьбы в Италии в XIV в. вызвало к жизни ряд политических трактатов, являющихся ценными источниками для истории политической мысли. Одним из первых был латинский трактат Данте «О монархии» (*De monarchia*), написанный в последние годы жизни поэта, в начале XIV в. Данте нарисовал в трактате идеальную политическую систему, о которой он мечтал для раздробленной Италии. Такой системой ему казалась усовершенствованная германо-итальянская империя, осуществления которой он ожидал от императора Генриха VII. В самой Италии Данте не видел силы, способной сплотить воедино враждовавшие между собой города-республики. Что касается папства, то Энгельс указывает, что оно выступало в качестве представителя национального единства только для видимости и вело себя так, «что Данте, например, все же видел спасителя Италии в чужеземце-императоре».*

Следует отметить также трактат «О тиране» (*De tyranno*) гуманиста Колуччо Салутати (1331—1406), канцлера Флорентинской республики. Автор считает лучшей формой политического строя не республику, а монархию, что вытекает из наметившегося в ту пору у флорентинских богачей тяготения к сильной власти, чему очень способствовало восстание чомпи 1378 г. Однако к монарху Салутати предъявляет ряд требований, ограничивающих его власть, и провозглашает право народа (т. е. представителей буржуазии) на убийство «тирана», под которым разумеется государь, превысивший свои полномочия и права. Трактат Салутати интересен тем, что является одним из первых, положивших начало так называемой тираноборческой литературе.

Важное значение в качестве исторических источников имеют многочисленные письма итальянских политических деятелей и гуманистов (Петрарки и многих других), в которых рассыпаны разнообразные сведения по политической истории Италии и отчасти по социально-экономическим отношениям. Сохранился и богатый документальный материал по истории итальянских университетов. Особо нужно отметить опи-

* Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 344.

сания путешествий; первым из таких описаний была знаменитая «Книга Марко Поло»¹⁴, продиктованная им в 1298 г. пизанцу Рустичано, который записал ее по-французски. Сам Марко Поло составил в 1307 г. собственную редакцию. С обеих редакций были сделаны затем многочисленные переводы на латинский язык, тосканское и венецианское наречия; это произведение пользовалось огромной популярностью.

ГЛАВА XIV

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ (с VIII в.)

Своеобразие исторических судеб средневековой Испании определяет начальную грань указанного периода, равно как и его внутреннее содержание. Известно, как глубоко осветил Маркс основные причины этого своеобразия и характерные черты истории феодальной Испании. «Местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны, а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства».* Арабское завоевание нарушило нормальный ход развития испанского и португальского народов на всей территории полуострова; лишь в результате почти восьмисотлетней борьбы были отвоеваны захваченные арабами области.

Это же своеобразие истории Испании и Португалии отчетливо проявляется и при рассмотрении исторических источников указанного периода. В соответствии с общими условиями развития Испании появились некоторые типы источников, которые являются специфическими только для Испании (например, книга о бегетриях); другие получили на всем полуострове исключительное распространение (например, фуэрос) или имели ряд характерных особенностей и т. д.

Особо следует отметить своеобразие в развитии пиренейских народностей, что также наложило свою печать на характер источников. Вскоре после арабского завоевания начался процесс развития трех народностей: кастильской, каталонской и португальской со своими языками, в основе романскими. Реконкиста способствовала тому, что все эти народности до известной степени смешались с маврами, а в языки проникло некоторое количество арабских слов. Кроме того, в Наварре (в Пиренейских горах) жили баски, древний народ иберийского происхождения, с языком, совершенно отличным от романских языков соседних народностей.

* * *

Источники, рисующие развитие производительных сил и производственных отношений, по своему характеру общи для всех народностей полуострова, ибо у всех них происходил один и тот же процесс развития и утверждения феодализма. Отличия касаются лишь особенностей

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 721—722.

каждой из частей, которые и будут указаны в дальнейшем. Эти источники в общем сохранились довольно хорошо, несмотря на гибель некоторой части документального материала в тревожных условиях реконкисты.

Прежде всего необходимо указать, что арабское завоевание пришлось на время, когда процесс складывания феодальных производственных отношений был еще далеко не завершен. В силу этого сохранившиеся от VIII—XI вв. источники рисуют главным образом его дальнейшее развитие на севере полуострова. Различные грамоты фиксируют рост крупного землевладения церкви и знати, процесс закрепощения крестьянства. Вместе с тем в силу развития аллода, получившего в христианской части полуострова (особенно в Каталонии) большое и длительное распространение, сохранилось немало королевских и графских грамот, подтверждавших владельческие права земельных собственников-аллодистов, как крупных, так и мелких. Развитие аллода и документальная его закрепленность вызвали в свою очередь необходимость документального же оформления всех случаев продаж и передач земельных участков. Отсюда наличие многочисленных актов такого рода. Церковные организации (главным образом монастыри) уже в IX в. составляли официальные записи о приобретенных этими путями землях, причем, как и в других аналогичных случаях, некоторое количество таких продаж имело фиктивный характер: незаконные (путем насилия) присвоения церковью отдельных крестьянских участков маскировались актами купли-продажи. Большое распространение получили также королевские грамоты с дарениями земли или с подтверждением прежних дарений. Для Каталонии (равно как и для всей «Испанской марки» в каролингской империи) характерны императорские дипломы IX в. с пожалованием вновь расчищенных земель в качестве заимок (*adpigniones*) или в качестве бенефициев. Грамоты последнего типа появились в IX—X вв. и в прочих испанских областях. С XI в., когда феодальные отношения в основном уже сложились, начинают преобладать грамоты, передававшие в феодалы земли с населявшими их зависимыми крестьянами, пожалования иммунитетов и различных привилегий церкви и знати. Этот документальный материал, а также акты завещаний, дарений и освобождений пленных мавров-рабов, акты, определявшие повинности крестьян и вообще отношения между сеньерами и держателями и т. п., отчетливо рисуют типичный ход развития и завершения процесса феодализации. Вместе с тем следует подчеркнуть, что жесткие формы крепостного права сложились лишь в Старой Каталонии и в Арагоне, отчасти в Северной Португалии; крестьянство Кастилии, Леона и Южной Португалии уже к XIII в. в упорной борьбе добилось личной свободы и получило хартии вольностей, о которых дальше. Особенно важно отметить наличие вольных крестьянских общин-бегетрий в Леоне-Кастильском королевстве и консельос в Португалии. Источниками для их изучения являются особые грамоты, дававшиеся королями при поселении общин на отвоеванной земле, договорные грамоты бегетрий с избранными ими сеньерами, королевские указы, касавшиеся бегетрий, и петиции последних к королям и кортесам. В середине XIV в. был составлен своего рода регистр этих общин «Телячья книга бегетрий» (*Vecerro de behetrias*),* где дано описание прав и повинностей феодальных крестьян каждой бегетрии. Составление описи имело целью зафиксировать и закрепить права короля и различных сеньеров на крестьянские платежи и

* Название происходит от материала переплета рукописи.

зловинности. Все эти источники дают ценный материал для обрисовки внутреннего строя вольных крестьянских общин и их борьбы с феодальным строем, сыгравшей исключительную роль в истории Кастилии, а также Португалии.

Благодаря этой борьбе крестьянство сохранило свою личную свободу.

Отношения внутри феодального класса оформлялись в особых грамотах, определявших вассальные связи. Характерно, что уже с XI в. требовались письменные клятвы вассальной верности. Поскольку вся отвоеванная в процессе Реконквисты территория считалась собственностью короны, то предоставление феодалам новых земель имело форму королевских пожалований, различные виды которых с середины XIV в. стали называться энкомьендами. В этих актах между прочим определялась и часть следуемых королю доходов. Дележ земель и движимого имущества, награбленного в войне с маврами, осуществлялся по особым правилам и оформлялся в списках (*repartimientos*), часть которых дошла до нас (например, списки, составленные при завоевании Мурсии и Севильи в XIII в.). Все эти источники рисуют характер распределения земельной собственности и отчасти — ее внутреннюю структуру. Для Каталонии середины XIV в. наука располагает даже некоторыми статистическими данными; там в 1359 г. была произведена перепись всех домохозяйств на королевских и сеньеральных землях.

Для периода развивающихся товарно-денежных отношений, т. е. для XIII—XV вв., когда и земля начинала постепенно втягиваться в товарный оборот, актов купли-продажи дворянских земельных владений в Испании сохранилось сравнительно немного. Майорат препятствовал свободному и широкому развитию отчуждения сеньерий. Начиная с XIV в. появились договоры вечной аренды. Для XV в., века крупных крестьянских восстаний, характерно чрезвычайное обилие различных актов (сохранившихся в подлинниках, копиях и в нотариальных минутах), фиксировавших повинности крестьян и их владельческие права на землю, а также жалобы крестьян. В этих документах нашла себе отражение непрестанная упорная борьба крестьян против крепостничества и произвола феодалов, а в некоторых случаях и против феодального строя в целом.

Весьма важными источниками для истории аграрных отношений и для истории крупных скотоводческих хозяйств являются документы, относящиеся к «Месте», т. е. объединению кастильских феодалов-овцеводов. Первой королевской привилегией, данной Месте, была грамота 1273 г., затем последовала грамота Альфонса XI от 1347 г. При Фердинанде и Изабелле привилегии были значительно расширены и в 1511 г. их сборник был опубликован.

Исключительно ценными историческими источниками являются многочисленные во всей средневековой Испании хартии вольностей, так называемые фуэрос (в Португалии — фораиш), в которых запечатлено все разнообразие господствовавших на полуострове обычаев и установлений. Своим широчайшим распространением они обязаны Реконквисте. Вначале, в X—XII вв., фуэрос жаловались королями, графами, крупными феодалами, позднее (вплоть до XVI в.) преимущественно королями. В сущности каждый город, крепость, село с правом самоуправления и т. д. имели свое фуэро. В этом явлении чрезвычайно ярко сказалась отмеченная Марксом независимость испанских провинций и коммун, развившаяся исторически в процессе Реконквисты. Фуэрос жаловались также отдельным группам господствующего класса того или иного ко-

ролевства или области, маврам и евреям отдельных городов. Большинство фуэрос появилось в ходе реконквисты; они назывались также «хартиями поселения» (*cartas de poblacion*). В большинстве случаев фуэрос оформлялись в виде актов пожалования вольностей и привилегий или же актов утверждения уже укоренившихся прав. На отвоеванных территориях фуэрос фиксировали многочисленные льготы, предоставлявшиеся как старым, так и вновь возникавшим городам и селениям, а вместе с тем и их обязательства в несении обороны и военной службы (фуэрос городов южного побережья содержали, кроме того, обязательство службы во флоте). Что касается старых территорий на севере, то там многие фуэрос были силой вырваны крестьянами и горожанами в результате упорной борьбы; они оформляли освобождение от личной крепостной зависимости, устанавливали фиксированные повинности и различные права самоуправления, суда и т. д.

Объем прав и привилегий, содержащихся в фуэрос, был различным — от полной автономии до сравнительно небольших привилегий. В них входили права самоуправления, суда, те или иные податные изъятия или точно фиксированные налоговые платежи, имущественные права, права городов на прилегавшие сельские округа, права убежища для беглых крепостных, различные права для проживавших в городах мавров, евреев, французов и т. д.; владельческие права крестьян (при уплате определенного оброка) на наделы и общинные угодья, освобождение от барщины и т. д. и т. п. Иногда фуэро какого-либо города становилось образцом, по которому составлялись фуэрос других, по большей части близкое расположенных городов, чем достигалась некоторая (хотя и ограниченная) унификация городского строя.

Древнейшим фуэро Каталонии является хартия барселонского графа городку Кардоне, данная еще в IX в.; текст ее сохранился в грамоте подтверждения 986 г.* Самой Барселоне были в X в. дарованы графом крупные привилегии; первая из дошедших до нас хартий подтверждения этих вольностей относится к 1025 г. Сборник хартий с пожалованиями привилегий знати представляет собой древнейшее фуэро Арагона и Наварры («Фуэро Собрарбе»). В X—XII вв. получили свои хартии почти все как старые, так и вновь основанные города и селения Леона, Кастилии, Каталонии и Португалии. Характерно, что, например, фуэро Саламанки было составлено самим городским советом (на основе его прежних постановлений) и лишь утверждено королем. В XIII в. были оформлены фуэрос всех крупных отвоеванных городов на юге, в том числе Севильи. Фуэрос арагонских городов и крепостей были утверждены королями в XI в. (фуэро Сарагоссы относится к 1119 г.); там преобладали вольные городские коммуны (*universidades*). Фуэрос городов Наварры и баскских провинций, утвержденные в XI в., наиболее ярко отразили местный сепаратизм; в них были гарантированы полная автономия и многие феодальные вольности. Старейшие форанш Португалии относятся к 1055—1065 гг., когда Фердинанд I Великий предоставил вольности четырем городам. В XII—XIII вв. в Коимбре (1145) и в Кастиль-Родриго и Кастильо-Мельгор (1209) были составлены на португальском языке обширные муниципальные кодексы. При завоевании в XIII в. Арагона, Балеарских островов там были сохранены древние обычаи и даны хартии с различными вольностями.

* В 985 г. Барселона была взята и разграблена маврами, причем погибло очень много документов, в том числе и первая хартия Кардоны.

С течением времени фуэрос подвергались известным изменениям и дополнениям. Официально это должно было узакониваться королевской властью на собраниях кортесов, практически же города (в особенности вольные города и совершенно независимые города северного побережья) зачастую сами изменяли свои фуэрос, не прибегая к санкции королевской власти.

К городским фуэрос тесно примыкают такие исторические источники, как уставы, распоряжения и декларации эрмандад, т. е. федераций вольных городов. Они рисуют структуру и деятельность эрмандад, сыгравших немалую роль в реконкисте и в борьбе городов со знатью. В Леоне-Кастильском королевстве эрмандады возникли в конце XII в., сперва в форме временных союзов; свои постановления и декларации, фиксировавшие их права, эрмандады издавали совершенно автономно. В 1312 г. была основана постоянная «Священная королевская эрмандада Толедо, Талаверы и Вильяреала», санкционированная королевской привилегией. Устав сеговийской эрмандады был утвержден королем в 1473 г.; ее права в судебно-полицейской сфере были чрезвычайно обширны. К сожалению, утрачены уставы эрмандад городов северного побережья, организовавших союзы с конца XIII в. Они имели еще более обширные привилегии и вплоть до конца XV в. самостоятельно заключали торговые и политические договоры с Францией и Англией. В Арагоне, наряду с такими же эрмандадами, существовали на основе королевских грамот союзы городов (*compunidades*) с одинаковыми фуэрос; они преследовали главным образом военные цели.

Ремесленная организация городов в некоторых случаях зафиксирована в городских фуэрос; так, например, фуэро Сан-Себастьяна 1180 г. представляет собой настоящий ремесленный устав, а в фуэрос Саламанки и некоторых других городов есть особые пункты о ремесле и цехах. Но в целом структура цехов, как и в других европейских странах, нашла свое оформление в особых статутах цехов и братств.

Система цеховой организации оформилась в испанских городах в XII в., причем для Испании характерно на первых порах тесное сочетание цехов с братствами, носившими по преимуществу военный характер. В богатых каталонских городах цехи засвидетельствованы раньше всего; они еще долго именовались братствами, но по существу представляли собой уже чисто ремесленные организации. Первый каталонский документ о цехах относится к 1200 г. Статуты каталонских цехов утверждались королевской властью. Аналогичная картина наблюдается в Валенсии, где цехи уже с середины XIII в. организованы наподобие каталонских; с XIV в. их статуты также утверждались королями. В Леоне-Кастильском королевстве цехи многих городов получили в середине XIII в. от короля особые грамоты с привилегиями и вольностями. Это и были цеховые статуты (*ordenanzas de gremios*). Цеховые статуты Бургоса были выработаны городским советом и утверждены королем лишь в конце XIII в. В течение XIV в. цеховые статуты возникли повсюду (сохранились далеко не все). Наряду с ними, кортесы и короли давали привилегии отдельным цехам по их петициям. Сохранились многие цеховые статуты XV в.; в Бургосе, Толедо, Севилье были утверждены королевской властью многие новые статуты или же измененные и дополненные старые. В Арагоне развитые цехи оформились позже, лишь с XIV в.; их статуты вырабатывались самими цехами и затем утверждались королем. Для Наварры характерно долгое господство братств над цехами. В уставах наваррских братств (например, братства Сантьяго в Туделе 1355 г.) военные, религиозные и благотворительные функции

решительно преобладали над чисто ремесленными. Крестьяне наваррских деревень организовали товарищества для совместного орошения полей. Уставы этих объединений показывают, что подобные товарищества очень древнего происхождения. Настоящие же письменные ремесленные статуты появились в наваррских городах лишь с XVI в.

В богатых портах Каталонии уже в XIII в. имелись свои статуты торговли и мореходства. В 1258 г. был издан Хайме I устав, фиксирующий права консулов в иностранных городах и были учреждены морские консульства в испанских портах. Повидимому, в середине XIII в. возник целый свод законов и обычаев по вопросам мореходства и внешней торговли «Книга морского консульства» (*Libro del consulado de mar*), которая вскоре была принята повсеместно в портах Средиземного моря. Несомненно, что к XIII в. относятся также «Обычаи» (*Costumbres*) Тортозы, представляющие собой особый кодекс норм торгового права. Важными источниками для истории испанской и португальской торговли являются торговые договоры, очень многочисленные начиная с XIV в.; как уже указывалось, эрмандады северных портов вплоть до конца XV в. заключали торговые соглашения с иностранными государствами совершенно самостоятельно, на манер немецкой Ганзы. В XV в., в связи с централизаторской и протекционистской политикой королевской власти, появились многочисленные торговые регламенты, указы о пограничных и портовых таможнях 1446 и 1450 гг., пожалования ярмарок и т. д.

При рассмотрении фуэрос мы видели, в каком огромном количестве источников запечатлены чисто местные вольности и привилегии испанских и португальских средневековых городов, селений, сословий и т. д. То же разнообразие, также обусловленное реконкистой, наблюдается и в законодательных памятниках, которые, как уже неоднократно указывалось, являются очень ценными историческими источниками.

В первую очередь следует отметить, что в силу арабского завоевания, несколько замедлившего ход феодализации, в Испании очень долго сохранялись пережитки старых вестготских законов. Множество местных фуэрос закрепляло всякого рода вольности и привилегии, но, за исключением фуэрос некоторых крупных городов, эти хартии не касались сферы гражданского и уголовного права. В этой области еще очень долго продолжала действовать Вестготская правда (*Liber iudiciorum* или *Forum iudicum*; при переводе ее в середине XIII в. на национальные диалекты — «Фуэро Хузго»¹ *Fuero Juzgo*). В VIII—XI вв. она неоднократно дополнялась на собраниях церкви и знати под председательством королей. В XI в. была оформлена новая ее редакция, которая в XIII в. снова подверглась переработке. В этой последней своей форме Фуэро Хузго дает представление о многих изменениях, которые произошли в связи с полным развитием феодальных отношений. Но вместе с тем в нем сохранилось много пережитков старых вестготских обычаев в области наследования, имущественных прав, семейных отношений, судебной процедуры (ордалии, судебный поединок), наказаний (вергельд) и т. п. Кроме того, в разных государствах текст Фуэро Хузго не был вполне одинаков, так как на нем отразились местные фуэрос. В северных областях Фуэро Хузго частично сохранило свою силу вплоть до конца XV в., настолько медленно изживалось в этой части полуострова старое «варварское» наследие. Маркс, подчеркивая это явление, писал: «Медленное избавление от арабского владычества в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы привело к тому, что полуостров, освободившись вполне, получил характер совсем отличный от тогдашней Европы:

е эпоху европейского Возрождения, по своему быту север Испании был готским и вандалским. . .» *

Независимость провинций и коммун и их местные привилегии были лишь в незначительной степени преодолены развитием королевской власти и королевского законодательства, причем в каждом из пиренейских государств этот процесс имел своеобразные черты.

В самой развитой области на севере — Старой Каталонии, с ее богатыми приморскими городами и рано укрепившейся властью барселонского графа раньше всего возник и был оформлен в письменном виде свод обычного права. Уже в середине XI в., около 1058 г., на собрании знати под председательством графа были записаны «Судебные обычаи Барселоны» (*Usualia de curialibus usibus Barchinonae*), в которых был закреплен феодальный режим каталонских земель. Вслед за этим, около 1060 г., граф Рамон-Беренгер I издал «Уставную грамоту», определившую весьма значительный объем его власти. В 1060-х годах появились постановления о «божьем мире» и другие указы. Весь этот материал около 1076 г. был сведен воедино под общим названием «Барселонских обычаев» (*Usatici Barchinonae*, по-каталонски *Usatges*)². Этот памятник является чрезвычайно важным и содержательным источником, дающим систематизированную картину как социальных и имущественных отношений, так и характера графской власти в Старой Каталонии. В нем подробно описаны вассальные связи, взаимные обязанности феодалов и способы разрешения различных конфликтов между ними, значительные права графа в области законодательства, суда, администрации, ведения войны, палогового обложения и т. д. В «Барселонских обычаях» содержатся ценные сведения о социальных отношениях в каталонской деревне, главным образом о довольно многочисленном в ту пору лично свободном крестьянстве, которое еще не было целиком втянуто в сферу действия сеньериальной власти. Характерно, что даже эти лично свободные крестьяне в XI в. уже не обладали многими правами. Источник сообщает и о некоторых «дурных обычаях», обрисовывая тем самым определенный этап в процессе закрепощения крестьянства. Имеются данные об общинном пользовании угодьями, о государственных землях, торговом флоте Барселоны, об охране имущества купцов, о тяжелом положении рабов—пленных мавров и т. д.

Пережитки готских обычаев дают себя знать и в этом кодексе. По-прежнему убийства, ранения и имущественный ущерб выкупались различными по размеру штрафами, причем за убийства и ранения штраф определялся в зависимости от положения убитого или пострадавшего. Шкала этих штрафов обрисовывает уже сложившуюся феодальную иерархию (четыре группы в среде феодалов); горожане приравнивались к простым рыцарям и имели двойной вергельд по сравнению со свободными крестьянами. Как и в Фуэро Хузго, сохранились многие старые нормы судебной процедуры (ордалии, судебный поединок).

В богатых вольных городах Каталонии (Барселоне, Лериде, Тортозе), а затем и в Валенсии в XIII в. были созданы свои местные обширные муниципальные кодексы, в которых уже были значительные заимствования из римского права, регулировавшие развитие товарно-денежных отношений в области торговли и кредита. Эти муниципальные своды прекрасно отражают всю систему городского самоуправления, развитую торговую и ремесленную деятельность, отношения городов с сеньерами и королевской властью.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 719.

В XIII в. закончился в основном процесс дополнения «Барселонских обычаев» новыми указами, королевскими законами и т. д. Впрочем, этот свод вплоть до XV в. не только усиленно комментировался, но отчасти и пополнялся. В XIII—XIV вв. было составлено несколько частных сборников каталонского обычного права, а в 1409 г. на кортесах в Барселоне были предприняты попытки создания официального кодекса всех каталонских законов. Характерно, что королевской власти не удалось преодолеть разнородность многочисленных фуэрос и поставить над ними общие для всех законы. Главенствующее положение осталось за фуэрос, а королевские законы следовали за ними; последнее место заняли нормы «общего права» (римского и канонического, т. е. церковного) в качестве дополнений к фуэрос и королевским законам.

После объединения Каталонии с Арагоном в 1162 г. «Барселонские обычаи» стали действовать и в Арагоне, но, разумеется, с учетом местных обычаев и вольностей. Арагонские фуэрос были сведены вместе в 1247 г. при Хайме I и затем дополнялись законами последующих королей. Столица Арагона Сарагосса в XIII в. получила свод своих обширных фуэрос. К концу XIV в. оформился общий свод фуэрос и законов Арагона; сборники этого обычного права назывались «Обсерванциями». В XV в., будучи дополнены новыми законами и фуэрос, они получили название «Новых обсерваций» и, в конечном счете, составили полный свод арагонских фуэрос и королевского законодательства в 12 книгах. Таким образом, и в Арагоне в XV в. местные фуэрос остались в полной силе.

В Леона-Кастильском королевстве правила «божьего мира» были установлены на соборах в начале XII в., а в середине XIII в. уже была предпринята попытка создания общего свода обычного права, но она не получила завершения. Оформился лишь свод городских фуэрос Кастилии (*Libro de los concejos de Castilla*). При Альфонсе X (1252—1282) был обнародован «Фуэро Реаль» (*Fuero Real*, т. е. «Королевское Фуэро»), составленный на основе Фуэро Хузго (в редакции XIII в.) и законодательных актов. Фуэро Реаль содержит четыре книги и охватывает все области права; на нем основывались решения королевского апелляционного суда. В нем были учтены интересы городов, торговли и т. п., и он получил широкое распространение во многих кастильских городах, содействуя известной унификации городского права. Фуэро Реаль неоднократно дополнялся; характерно, что и этот текст был на местах изменен в соответствии с местными фуэрос.

Во второй половине XIII в. возникло также несколько правовых сборников, составленных частными лицами, из которых следует назвать дошедшее до нас в отрывках «Зерцало» (*El Espejo*).

Самым важным памятником кастильского права XIII в., отразившим объединительную тенденцию в королевском законодательстве, является обширный сборник, составленный в 1256—1265 гг. несколькими юристами под наблюдением Альфонса X. Сперва он назывался «Книга законов» (*Libro de las leyes*), но с XVI в., ввиду своего разделения на семь частей, стал именоваться «Партидами» (*Las Partidas*)³. Этот правовой свод должен был, по мысли составителей, внести значительные изменения в действовавшие порядки. В нем не только излагались в систематизированном виде основные нормы, заимствованные из Фуэро Хузго, Фуэро Реаль, фуэрос Кастилии и Леона, канонического и римского права, но и вводились новые понятия и установления. В прологе и в других разделах сборника проводится мысль, что «Партиды» должны вытеснить все иные законы и фуэрос. В «Партидах» нашли себе отраже-

ние централизаторские устремления королевской власти; в них почти нет упоминаний о кортесах, определены обязанности подданных по отношению к королю, организация королевской армии и т. д. Король объявлен совершенно независимым от императора, разработана теория божественного происхождения королевской власти (в противоположность феодальной теории избрания короля знатю). В отношении движимой собственности, наследования, долгового права и т. д. «Партиды» вводили нормы римского права, т. е. учитывали интересы горожан. В таком же духе обработаны разделы о флоте и о морской торговле.

Но Альфонсу X не удалось добиться официального утверждения «Партид». Они применялись в весьма ограниченном масштабе, только лишь в той мере, в какой не противоречили фуэрос. Всеобщее распространение получил Фуэро Реаль, а не проникнутые новыми веяниями «Партиды». Зато последние изучались и комментировались в университетах, служили справочником и руководством для адвокатов и королевских судей; тем самым постепенно подготавливалась почва для широкого распространения содержащихся в них идей.

При Альфонсе XI в 1348 г. на кортесах в Алькала был урегулирован порядок соответствия между собой многочисленных юридических памятников Кастилии. Во главу угла были поставлены утвержденные тогда же законы («Устав Алькала»), охватывавшие все стороны права и усиливавшие роль королевских судов и администрации. На втором месте стоял Фуэро Реаль, на третьем городские фуэрос (которые король мог изменять и дополнять). Лишь на четвертом месте были поставлены «Партиды», да и то в несколько измененном виде и в качестве дополнения к предыдущим памятникам. В конце помещались фуэрос кастильской знати, в том числе правила дворянских поединков, которые король за несколько лет до этого тщетно пытался запретить.

Эта крайняя множественность различных по своему происхождению и духу правовых источников очень ярко отражала живучесть местных фуэрос и могущество кастильской знати, которое сказывается и в другом правовом сборнике уже частного характера — «Старое Фуэро Кастилии» (*Fuero viejo de Castilla*). Сборник считался сводом, якобы обнаруженным королем в 1356 г., но на деле является компиляцией XV в. Характерно, что в нем очень резко сформулированы привилегии знати и права сеньеров на имущество крестьян.

Особо следует отметить «Ремесленный указ» Педро I, утвержденный на кортесах 1351 г. Он полностью соответствует английскому статуту о рабочих 1349 г. и французскому ордонансу 1350 г., так как был вызван одинаковыми причинами. В нем определена заработная плата наемных рабочих, продолжительность рабочего дня и твердые цены на местные изделия. За ним последовали и другие указы о ценах и заработной плате, выдержанные в том же духе.

В конце XV в. по поручению королевы Изабеллы был опубликован свод «Королевские распоряжения Кастилии», составленный юристом Монтальво. В нем объединены королевские указы с середины XIII в., решения кортесов с 1348 г. и некоторые старые законы. Таким образом, в конце XV в. лишь в Кастилии королевское законодательство в известной мере перевесило местные вольности, что, однако, отнюдь не означало исчезновения последних. Гражданское право было унифицировано и утверждено в 1505 г. на кортесах в Торо. Эти «Законы Торо» в значительной мере противоречивы; несмотря на несомненный перевес принципом римского права для личных и имущественных отношений, в них все же заметна сильная тенденция к сохранению старых традиций и местных вольностей. К началу XVI в. в отдельных провинциях и городах все еще сохранялись различные законы и обычаи, что было выражением отсутствия между отдельными частями Испании прочных экономических связей.

В Португалии при Альфонсе III (1245—1279) был составлен свод законов (*Ordenações*) с целью централизовать страну и укрепить королевскую власть.

*
*
*

Обособленность экономической и политической жизни отдельных народностей пиренейского полуострова, оформившихся в самостоятельные государства, очень ярко проявилась в наличии в каждом из них своих повествовательных исторических источников почти на всем протяжении средневековья. Исключения составляют лишь период VIII—XI вв., соответствующий первому этапу реконквисты и формированию отдельных народностей, когда в анналах и хрониках еще продолжают традиции единства готской Испании, а также конец XV в., после которого, наряду с португальской, начинается общеиспанская историография.

События VIII—XII вв. освещены очень скудно в житиях святых, анналах и эпосе. Но все же содержащиеся в них сведения дают в сумме краткую историю всех завоеванных арабами территорий за указанное время и начало реконквисты.

Основными источниками являются сухие и сжатые записи монастырских анналов, крупнейшими из которых были Альбельдинские анналы IX—X вв., Барселонские XI—XII вв., Родские X—XII в., Лузитанские XI—XII вв. и др. Такой же характер имеет «Краткая история» (*Brevis historia*), составленная королем Леона Альфонсом III. Испанский и португальский эпос, в котором преобладает элемент народного творчества, восходит своими корнями к концу X в., когда появились героические поэмы (*cantares de gesta*) и песни бродячих певцов, воспевавших подвиги героев реконквисты. Отрывки из них сохранились в позднейших хрониках XIII в. «Песнь о Сиде» (середина XII в.) и народные песни всех народностей полуострова представляют собой очень ценный исторический источник. Стражая в поэтической форме реальную суровую жизнь народа и феодалов в начальный период реконквисты, эти произведения до известной степени помогают оживить и расцветить сухие записи анналов.

В XI в. на основе записей анналов начинают формироваться хроники, охватывающие историю Испании с древнейших времен. В них сделана попытка свести события прошлого и настоящего в единую хронологическую линию. Епископ Обиедский Пелайо (ум. 1143) составил большой свод (*Corpus Pelagianum*) из исторических работ Исидора Севильского и хроник: Альфонса III (X в.), епископа Асторгского Сампиро (XI в.) и своей собственной, доведенной до 1109 г.

Начиная с XII в., когда народности окончательно сформировались, хроники распались на кастильские, каталонские, португальские. Поскольку ведущая роль в развивающейся реконквисте принадлежала кастильской народности и, следовательно, крупнейшему из королевств — Леону-Кастилии, то и ведущее место среди испанских хроник XII—XV вв. выпало на долю кастильских хроник, в которых к тому же сохранялась идея преемственности истории Кастилии с историей доаравской Испании в целом.

Крупнейшим кастильским хроникером начала XIII в. был епископ Толедский Родриго Хименес де Рада (1170—1247), один из образованнейших людей своего времени, знакомый с классической литературой и прекрасно знавший труды прежних испанских историков и хроникеров. Эти труды он подверг переработке и около 1243 г. составил первую полную историю Испании с римских времен до начала XIII в. под общим

заглавием «Об испанских делах» (*De rebus Hispaniae libri IX*)⁴. Первые части, посвященные главным образом истории германских народов и арабов, являются компилятивными. Последняя же часть, «История готв», доведенная до 1214 г., представляет собой важнейший источник для истории XII в. Автор сам перевел ее на кастильский язык (*Estoria de los Godos*), а в середине XIII в. она была переведена и на каталонский язык. Этим было положено начало хроникам на национальных языках, которые в Испании очень быстро почти совершенно вытеснили латинские хроники. В начале XIV в. труд Родриго был продолжен до 1305 г. на кастильском языке, но сохранился лишь латинский перевод этого источника.

Начиная с XIII в. в городах, особенно в крупных (например, в Толедо), стали составляться краткие записки, содержащие очень точные хронологические данные.

При Альфонсе X Мудром (1252—1282), который, как указывалось, сыграл большую роль в законодательстве, стремясь ввести единые для всех законы («Партиды»), началось составление большого свода королевских кастильских хроник. Автором первой части «Всёобщей испанской хроники» (*Cronica general de España*)⁵ был сам король, человек весьма образованный, деятельно боровшийся со знатью и проводивший централизаторскую политику. Эти идеи отражены и в хронике; значительное место занимают в ней отрывки из эпических поэм. В XIV в. эта хроника была продолжена; кроме того, были составлены ее сокращенные редакции. История Кастилии с середины XIII в. до начала XIV в. описана в следующих друг за другом хрониках нескольких авторов под общим заглавием «Три хроники» (*Las tres cronicas*). Продолжением их является «Хроника Альфонса XI» (*Cronica de Alfonso XI*), охватывающая 1312—1350 гг. и содержащая ценные сведения о народных восстаниях и борьбе короля с крупными феодалами. Все эти исторические произведения защищают позицию королевской власти и объединительную политику королей.

Важный и полный драматизма период в истории Кастилии — правление Педро I Жестокого (1350—1369) — описан в хронике канцлера Педро Лопеса де Айялы (1332—1407)⁶. Сын бедного кастильского дворянина, Айяла возвысился до высшего поста в королевстве и нажил огромное состояние. Ловкий, алчный и беспринципный царедворец, он изменил королю в момент его поражения, перейдя на сторону его врага, Энрике Трастамарского. После убийства Педро I он продолжал служить королям Трастамарского дома и в угоду им искажил историю правления Педро I в своей «Хронике», охватывающей 1350—1396 гг. Айяла положил начало «черной легенде» о Педро Жестоким, которая была затем подхвачена и другими хроникерами. В этой трактовке прогрессивная деятельность короля, стремившегося к укреплению королевской власти, к умалению независимости областей и городов и к ослаблению знати, подверглась тенденциозному освещению в интересах кастильских грандов, а жестокая расправа Педро I с мятежными феодалами была изображена как злодейства «внешнего тирана». Вместе с тем как на практике, так и в «Хронике» Айяла прикрывал свои реакционные взгляды и действия маской «общественного блага», чем заслужил впоследствии похвалу Макиавелли, восхищавшегося его политической ловкостью и беспринципностью.

Хронику Айялы продолжил до 1454 г. его племянник, Гузман. Последний этап в истории отдельного кастильского королевства, правление Энрике IV (1454—1474), заполненное ожесточенной борьбой короля со знатью, освещено в двух больших хро-

никах противоположных направлений. Автор одной из них, капеллан и приближенный короля Диего дель Кастильо осветил все перипетии этой борьбы с точки зрения интересов короля. Наоборот, историограф вождя кастильской знати инфанта Альфонса, Алонзо де Паленсия выступает в своей хронике защитником реакционных притязаний кастильских грандов.

Каталонские хроники имели своими предшественниками анналы арагонских и каталонских монастырей; эти анналы послужили для них основой. Но каталонские хроники носят гораздо более локальный характер, чем хроники кастильские. В Риппольском монастыре, одном из крупнейших церковных центров Каталонии, основанном в конце IX в. первым барселонским графом (и с той поры тесно связанном с правившей династией), в конце XII в. была составлена хроника «Деяния графов Барселонских» (*Gesta comitum Barchinonensium*). В ней отражен процесс собирания каталонских земель вокруг Барселонского графства, отношения с Францией, первый этап реконквисты и борьба графов с крупными феодалами. Разумеется, события изложены в духе, всегда благоприятном для интересов барселонских графов. В дальнейшем эта хроника была доведена в том же монастыре до конца XIII в.

В XIII в. в истории Арагоно-Каталонского королевства произошел крупный перелом. Завоевание Валенсии и Мурсии значительно расширило его территорию на полуострове, а завоевание Балеарских островов и Сицилии положило начало арагонскому владчеству в западной части Средиземного моря и в Южной Италии. В связи с этим появляется ряд крупных хроник, написанных уже на каталонском языке, описывающих и прославляющих завоевания арагонских королей. Первая из таких хроник, «Книга деяний короля Хайме Завоевателя» (*Libre dels feyts... del senyor rey Jacme lo Conqueridor*), написана неизвестным автором, но несомненно приближенным героя хроники, короля Хайме I (1213—1276). Написанная в форме автобиографии, она считалась долгое время произведением самого короля, но вероятнее, что последний лишь принимал известное участие в ее составлении. Фактический материал подобран и обработан в соответствующем духе, а многие события обойдены полным молчанием. Главное внимание автора сосредоточено на завоевании Балеарских островов и отвоевании Валенсии и Мурсии.

К этому произведению вплотную примыкает следующая из каталонских хроник, написанная Бернатом Дескло, — «Хроника царствования короля Педро III Арагонского» (*Cronica del rey En Pere*), охватывающая 1276—1285 гг. Об авторе не сохранилось никаких сведений, но, судя по его хорошей информации, можно предположить, что и он также был достаточно близок к королю и имел доступ к архивным материалам. Хроника посвящена главным образом сложной дипломатии Педро III и его войнам, в результате которых он оказался властителем Сицилии. Дескло дает краткий, но очень содержательный рассказ о «Сицилийской вечерне», т. е. об успешном восстании сицилийцев в 1282 г. против французских захватчиков. Хроникер не только хорошо информирован, но и излагает в сокращенном виде (как правило, очень точно) многие документы.

Дальнейшая экспансия Арагона уже в восточную часть Средиземноморья, не принесшая результатов, описана в третьей хронике, принадлежащей каталонскому дворянину Рамону Мунтанеру (1255—1336). Автор принял участие в каталонской экспедиции в Морею и провел много лет на Балканах и в Малой Азии. В своем произведении «Хроника и описание деяний... короля Хайме I и многих его преемников» (*Cronica o descripcio dels fets... del rey Jacme I... e de molts de sos descendents*) Мунтанер описал (на основании предыдущих хроник) историю Арагона и Каталонии, начиная с 1208 г.: с конца XIII в. и до 1327 г. хроника представляет собой

очень интересные по содержанию и блестящие по литературной форме воспоминания, главным героем которых является Хайме II (1291—1327), король Сицилии (до 1295 г.), а затем король Арагона и Каталонии.

Последним из крупных хроникеров Арагона — Каталонии был автор «Хроник короля Педро IV» (*Cronica del Rey Don Pedro IV*) за 1336—1387 гг., повидимому секретарь Педро IV Бернат Десколь (ум. 1391), писавший под наблюдением короля, на основании его дневников.

Объединение Кастилии и Арагона при Изабелле Кастильской и Фердинанде Арагонском означало объединение каталонской и кастильской народностей и сплочение Испании в национально оформленное государство; завоевание Гранады завершило этот процесс. На этой основе впервые стали, наконец, возможны и общеспанские хроники. Одна из них принадлежит перу выдающегося испанского хроникера XV в. — секретаря Изабеллы Кастильской Эрнандо дель Пульгара (ум. 1492), который дал в своей «Хронике католических королей» (*Cronica de los reyes catolicos*)⁷ подробное изложение событий, доведенное до 1490. Андрес Бернальдес (около 1450—1513), капеллан севильского архиепископа и инквизитора Диего де Деса, оставил очень содержательные мемуары, доведенные до 1513 г. — «Историю католических королей» (*Historia de los reyes catolicos*)⁸. Поскольку архиепископ участвовал в комиссиях, рассматривавших проект Колумба, и активно содействовал его реализации, Бернальдес имел возможность близко познакомиться с Колумбом и получить сведения о подготовке экспедиции. Его мемуары являются очень важным источником как по этому вопросу,* так и по истории Испании конца XV в., в целом.

В Португалии старые латинские анналы и монастырские хроники в XIV—XV вв. стали подвергаться переработке и послужили основой сперва для кратких, а затем и обширных хроник на португальском языке. Так, например, история завоевания Лиссабона и основания в нем монастыря св. Винцентия была описана в 1088 г. двумя очевидцами событий. На основе этого и других исчезнувших источников в XV в. появилась хроника Винцентия (*Chronica dos Vicentes*). Аналогичный характер имеют хроники об основании и истории монастыря св. Креста в Коимбре (*Chronica breves de S. Cruz* и *Livro da Noa de S. Cruz*); события XV в. изложены довольно подробно. В единственной рукописи конца XIV в. сохранилась так называемая «Краткая хроника национального архива» (*Chronica breve do Archivio Nacional*), содержащая записи о деяниях первых португальских королей за 1150—1325 гг.

Усиление в конце XIV в. королевской власти вызвало, как и в других странах, потребность в составлении королевского свода хроник. Авторами его были в течение XV в. главные хранители государственного архива, люди образованные и хорошо информированные, знавшие античную литературу и исторические произведения родной страны. В их хрониках последовательно проводится тенденция прославления централизаторской политики королевской власти и осуждение мятежей феодальной знати. Вместе с тем они явились историками, описавшими открытия и завоевания португальцев в Атлантическом океане и на африканском побережье. Их труды получили большое распространение. Они хранились в королевском архиве и с них снимались копии для библиотек вельмож и церкви, для городских советов и т. п.

Первым из них был Фернан Лопеш⁹ (1380 — около 1454), считающийся отцом португальской историографии и португальским Фруассаром по живописной манере изложения. В 1434 г. он начал по распо-

* См. стр. 333.

ряжению короля свою первую хроникку о короле Жуане I (1385—1433), основателе новой династии (*Chronica del rey João I*), доведя изложение до 1415 г. Затем он обработал материал по истории правлений двух последних королей бургундской династии, Педро I и Фернандо I (*Chronica de D. Pedro I* и *Chronica de D. Fernando*), и, наконец, подверг переработке краткие записи анналов и старых хроник о первой португальской династии в целом («Первая часть», *Primeira parte*). В итоге получилась почти полная история Португалии с конца XI в. до начала XV в. Историю конца XIV — начала XV вв. Лопеш описал на основе богатого документального материала, писем и личных наблюдений.

Его преемник, Гомер Зурара (ум. около 1479), запечатлел во многих хрониках историю первых открытий и завоеваний португальцев в Африке (*Chronica da conquista de Guiné* и др.). Для правления королей Дуарте и Альфонса V (1433—1481) он лишь собрал материал, который был затем обработан последним из составителей королевских хроник Рюи де Пина (около 1440—около 1521). Свод был доведен до конца XV в. и закончен хроникой правления Жуана II (1481—1495).

Ценными источниками для истории открытий португальцев является переписка королей и официальных лиц (например, Альбукерка).

Документальный материал по политической истории довольно обширен. Большой интерес представляют источники по истории кортесов. Маркс указывает, что с испанскими кортесами «нельзя сравнивать ни Генеральные Штаты Франции, ни британский средневековой парламент», что кортесы «представляли собой преобразованную форму древних готских *concilii*».* Действительно, собрания знати и духовенства Кастилии известны с X в., Арагона — с конца XI в., Португалии — с начала XII в. Первым по времени источником для истории кортесов Кастилии являются правила дворянских поединков, принятые на собрании знати в Нахере в 1137 г. (первое собрание, именовавшееся кортесами). Для истории кортесов Португалии такое же значение имеют постановления кортесов в Коимбре 1211 г. Возможно, что тогда же были утверждены особые *фуэрос* кастильских феодалов. Основными источниками для истории кортесов во всех королевствах полуострова являются указы сословий, особенно петиции и жалобы городов, которые уже в XIV столетии стали самой могущественной частью кортесов, петиции различных корпораций, селений и отдельных лиц, протоколы заседаний и множество принятых кортесами постановлений и законов. В том случае, когда они вносились королем, они назывались «конституциями»; если же их вносили сословия, а король одобрял, они назывались «капитулами» и «актами».

Как и в других странах, документы финансового характера, исходившие от центральной власти, дают ценный материал для истории процесса централизации и отчасти по истории социально-экономических отношений. В Кастилии уже с начала XV в. делались попытки составить государственный бюджет, для чего собирались подробные сведения о доходах короны. Для взимания прямых и косвенных налогов, появившихся с XIII в., составлялись переписи и поземельные кадастры, учитывавшие все движимое и недвижимое имущество.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 718—719.

ГЛАВА XV

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛАБСКИХ И ПОМОРСКИХ СЛАВЯН (до XIII в.)

Продвижение немецких феодалов и католической церкви в славянские земли по Лабе и берегам Балтийского моря, а также в Пруссию и Прибалтику прервало естественный ход развития народов, населявших эти области. Физическое уничтожение местного населения и лоразбошение уцелевшей его части на длительное время помешали появлению у покоренных народов своих письменных источников. Те же памятники, которые, возможно, у них были, оказались уничтоженными в процессе завоевания. Имеющиеся в распоряжении науки письменные источники по истории полабских и поморских славян были составлены в свое время завоевателями—немцами. Они, как правило, тенденциозны и нередко изображают события в искаженном виде.

Археологические памятники свидетельствуют о наличии в Поморье уже в X—XI вв. очень больших и богатых городов, ведущих оживленную торговлю с европейскими странами (Щецин, Гданьск и др.). Много говорит о славянах Видукинд,* описывая походы Генриха I и Оттона I, захват последним Бранибора и других славянских городов, организацию пограничных марок и распространение среди славян христианства, восстания славянских племен. Очень ценны сведения об ободритах, а также о Польше и Чехии в рассказе о путешествии арабского путешественника Ибрагима-ибн-Якуба, жившего в X в. Текст его труда сохранился в выдержках в «Книге путешествий и стран» арабского ученого из Кордовы Аль-Бекри (ум. 1094). Ибрагим-ибн-Якуб посетил в 965 г. (или в 973 г.) Германию и, повидимому, вслед за этим отправился в славянские страны.

В переводе труда Орозия на англосаксонский язык, сделанном по повелению короля Альфреда,** дошла до нас вставка, сделанная в X в., с рассказом о путешествии из Шлезвига в Пруссию купца Вульфстана. Последний описал свои дорожные впечатления, землю пруссов, их занятия и быт.

Очень важным источником для истории славянских земель в начале XI в. является хроника Титмара Мерзебургского,*** доведенная до 1018 г. Титмар сам бывал у славян, знал их язык и многое описал как очевидец (например, землю лютичей, города, религиозные обряды, украшенные искусной резьбой храмы). Он составил рассказ о событиях в славянских землях в начале XI в.

* См. стр. 191—192.

** См. стр. 175.

*** См. стр. 193—194.

Довольно подробное описание Славии (славянских областей на восток от Лабы) имеется в труде Адама Бременского.* Автор дал точную и достоверную картину расселения славянских племен в конце XI в. их городов (особенно Волыни, «самого большого из всех городов Европы»), религии и т. п. Но, рассказывая о событиях истории славян, о княжестве ободритов (государство Готшалка), Адам Бременский проявляет национальную и религиозную тенденциозность, и его данные в некоторых случаях вызывают сомнения.

Самые ценные и подробные сведения о славянах XII — начала XIII вв. содержатся в житиях Оттона Бамбергского и в хрониках Гельмольда и Арнольда Любекского.

По приглашению польского князя Болеслава III Оттон, епископ Бамбергский, дважды ездил со своей свитой в 1124—1128 гг. к только что присоединенным к Польше поморским славянам, чтобы обратить их в христианство. Подробное описание этих поездок было составлено на основе рассказов его приближенных — участников миссий. Оно сохранилось в трех редакциях: одна приписывается Эбону, вторая — известному монаху. Третья, под названием «Диалог об Оттоне, епископе Бамбергском» (*Dialogus de Ottone episcopo Bambergense*)¹, написана Гербордом (ум. 1168) в 1158—1159 гг. Автор дает яркую картину изобилия плодов земных в славянских областях, общественного строя славян, вечевых собраний, религиозных обрядов, сношений поморян с другими славянскими народами.

Гельмольд (ум. 1177), миссионер в Гольштейне, затем священник, жил среди славянского племени вагров, в Босове. Свою «Славянскую хронику» (*Chronica Slavorum*)² он написал, по видимому, около 1172 г., так как она доведена до этого года. Он знал славянский язык и много ездил по славянским областям, сопровождая епископа Герольда. В его труде подробно описаны войны немцев со славянами и разорение страны немецкими феодалами Генрихом Львом, Альбрехтом Медведем и др. На основе труда Адама Бременского Гельмольд дал описание многих славянских областей; историю XII в. он составил по собственным наблюдениям и собранным на месте известиям. Он много уделил места описанию быта и нравов славян, главным образом вагров и их соседей.

Арнольд Любекский (ум. 1212), продолжатель хроник Гельмольда и Адама Бременского, заключает своей «Славянской хроникой»³ этот цикл. Его труд охватывает 1171—1209 гг., но, несмотря на заглавие, является источником более по истории империи, чем славян. В это время славянские земли вплоть до Вислы были уже захвачены немецкими феодалами, была основана Рига и началось завоевание Прибалтики.** Арнольд описал последний этап борьбы славян за свою независимость; его труд также тенденциозен.

* См. стр. 198.

** Хроника Генриха Латвийского, описывающая захват и грабеж Прибалтики в 1199—1208 гг., относится к числу источников по истории СССР.

ГЛАВА XVI

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЧЕХИИ

После распада Великоморавской державы в 906 г. начинается самостоятельное существование Чехии. Быстрое развитие производительных сил и процесса феодализации приводит к объединению в X—XI вв. чешских племен вокруг Праги, центра княжества Пшемьсловичей. Заканчивается начавшееся еще в рамках Великоморавской державы образование чешской народности со своим языком и территорией, со своими экономическими связями и культурой. Все эти процессы прослеживаются для X в. преимущественно по данным археологии. Раскопки могильников конца IX — начала X вв. свидетельствуют о значительном имущественном различии между князьями и знатью, с одной стороны, и народом — с другой. Наряду с могилами, не содержащими почти никаких предметов, имеются богатые княжеские погребения, изобилующие оружием и украшениями. О развитии городов и торговли в X в. говорит Ибрагим-ибн-Якуб,* рисуя картину оживленной торговли в Праге, богатом торговом городе с каменным кремлем и специальным двором для иностранных купцов.

Текста древнейших чешских законов не сохранилось, но у первого чешского летописца Козьмы (начало XII в.) имеется упоминание о законах, изданных в XI в. князем Бржетиславом. Самыми ранними из дошедших до нас источников, рисующих развитие феодальных производственных отношений, являются княжеские жалованные грамоты, по которым церкви и знати предоставлялись крупные земельные владения или право собирать доходы с определенных территорий. Древнейшие из таких грамот относятся к концу X — началу XI вв.; они сохранились лишь в копиях, не всегда точных. Так, учредительная грамота Бржегновского монастыря около Праги, датируемая до 993 г., дошла до нас в искаженной копии XIII в. Копия княжеской грамоты 1045 г., оформлявшей дарение тому же монастырю, относится также к XIII в. Первым чешским актом, сохранившимся в подлиннике, является «Литомержицкая грамота» об основании капитулы в Литомержицах, составленная около 1057 г. Текст ее свидетельствует о наличии в Чехии в середине XI в. феодально-зависимого крестьянства. Грамоты являются ценнейшими источниками для истории роста феодального землевладения князей, знати и церкви. В XII в., в связи с окончательным завершением процесса феодализации, количество грамот с дарениями земель и доходов возрастает. Появляются иммунитетные грамоты, дарованные монастырям: Оломоуцкому (1144 г.), Градищенскому (1160 г.), Кладорубинскому (1176 г.) и т. д.

* См. стр. 241.

Как и в других странах, лучше всего сохранились церковные архивы; поэтому среди таких грамот наибольшая часть касается дарений и имущественных актов церкви. От конца XII в. дошли до нас грамоты крупных феодалов, выданные колонистам, селившимся на расчищаемых землях на основе «немецкого права». В них указаны условия, на которых предоставлялась земля. В XIII в. подобных грамот было выдано очень много. В эту же пору появились описи поместий, составлявшиеся феодалами на латинском языке. Чешская историография применила к ним заимствованный из немецкой практики термин «урбарии». В самой Чехии такой памятник назывался «опись владений» (*descriptio hereditarum*), или «перечень имущества» (*registrum bonorum*), или «книга ценза» (*liber censuum*) и т. п. Если в XI—XII вв. составлялись только краткие списки деревень, принадлежавших отдельным церковным учреждениям или феодалам (старейшим из сохранившихся является список деревень Островского монастыря, составленный около 1000 г.), то в XIII в. появились уже подробные описи с перечислением земельладений и крестьянских повинностей. От XIII — начала XIV вв. дошло около пятнадцати описей, но во многих недостает отдельных кусков текста. Некоторые описи содержат перечисление всех барских земель, крестьянских держаний и повинностей, в других имеется лишь перечень крестьянских барщин и оброков. В одних случаях указано суммарно число держаний и лежащих на них платежей, в других дано описание отдельных держаний. В XIV—XV вв. описи поместий приобрели более упорядоченную и единообразную форму. Наиболее значительными по объему и богатству имеющихся в них данных являются описи огромных поместий (более 350 деревень) магнатов Рожмберков 1374—1389 г., опись имений Тшебоньского монастыря 1378 г., опись чешских и моравских поместий Лихтенштейпов 1414 г., опись деревень Златокорунского монастыря начала XV в. и др. Описи поместий являются основными источниками для изучения феодальных производственных отношений в Чехии в XIII—XV вв. В них отражена смена форм феодальной ренты и, в частности, широкое распространение денежной ренты с конца XIV в. К описям тесно примыкают инструкции для управляющих крупными поместьями и отчеты управляющих.

Жизнь крестьянских общин и их внутренний распорядок отражены в появившихся в XIII в. источниках, аналогичных немецким марковым уставам (*Markweistümer*). В Чехии они составлялись на чешском языке и назывались по-разному (*potazu, zřizení* и т. д.). В них записаны хранившиеся ранее в устной традиции обычаи пользования общинными угодьями и запечатлена борьба крестьян с феодалами за сохранение своих прав и общинных угодий. Общинные постановления сохранили в Чехии свою силу до начала XVII в., хотя феодалы зачастую вносили в них добавления и поправки, ущемлявшие интересы крестьян. С конца XV в. наступление панов на права общины выразилось в том, что феодалы стали сами издавать для своих крестьян особые регламенты, определявшие распорядок хозяйственной жизни в деревне. Но все же и при этих неблагоприятных для крестьян условиях общинные постановления продолжали существовать и лишь в начале XVII в., когда чешское крестьянство было совершенно закрепощено, помещики прекратили действие сборников общинных обычаев.

Наиболее ранними чешскими источниками по истории городов являются привилегии, данные князьями. Первой такой грамотой была «Привилегия немцам, проживающим в пригороде Праги» (*Privilegium theutonicorum in suburbio Pragensi manentium*) 1178 г. В XIII в. уже многие города получили свои хартии. Немецкие колонисты в чешских

городах приносили с собой свое городское право (магдебургское или юрнбергское); приспособленное к новым условиям и дополненное местным чешским правом, оно превратилось в конечном итоге в действовавшее в чешских городах «пражское право», сильно отличавшееся от немецкого. В конце XIII — начале XIV вв. оно было записано частным лицом на немецком языке (*Prager Rechtsbuch*); к этому тексту были затем добавлены постановления пражского городского совета за 1314—1418 гг. Брно получил свою хартию (*Iura originalia*) в 1243 г. Во второй половине XIV в. секретарь городского совета Брно составил на латинском языке «Книгу шеффенов» — систематизированный сборник постановлений городского совета с выдержками из королевских привилегий и с комментариями из римского права.

Очень важным источником для истории социально-экономических отношений являются земские доски (*zemske desky*)². В эти книги в пражском суде и в краевых судах уже с середины XIII в. вносились жалобы и исковые заявления, а также судебные решения. С течением времени в них стали вписываться и частные акты, оформлявшие различные сделки с недвижимым имуществом, завещания, дарения и т. п. С XIV в. в пражские земские доски вносились постановления сеймов. Сохранились лишь отрывки из этих ценных источников, так как большая их часть сгорела в 1541 г. В XIX в. исчезнувшие тексты были частично реконструированы на основе уцелевших книг, а также выписок, сделанных в свое время частными лицами. В архивах чешских городов сохранилось много подлинников различных частных актов.

Источниками для истории чешского ремесла являются цеховые статуты. Первые из дошедших до нас относятся к XIV в. Пражские статуты XV в. касаются 16 цехов (в действительности цехов было в Праге в то время гораздо больше). Интересные данные о развитии денежных отношений и о ростовщичестве содержат статуты, выданные в XIII в. евреям, проживавшим в чешских городах (*Jus judaeorum*). Изданный в 1300 г. сборник постановлений о рудниках (*Jus regale montanorum*) отражает развитие горного промысла, игравшего в экономике Чехии очень важную роль. Многочисленные торговые договоры XIV—XV вв. с Польшей, Литвой, Венецией и немецкими городами обрисовывают развитие внешней торговли.

Первыми из дошедших до нас памятников обычного права являются «Статуты Конрада» (*Iura Conradi*), изданные при князе Конраде Оттоне Зноймском (1189—1191). Текст их сохранился в подтверждении короля Пшемисла I, в трех, несколько отличных друг от друга редакциях 1222 г., 1229 г. и 1237 г. Областью применения статутов была Моравия. В конце XIII в. началось составление частными лицами сводов земского (обычного) права. К этому времени относится «Книга старого папа из Рожмберка» (*Kniha rozmberska*)³ — труд неизвестного автора. В XIV в. появился другой, также анонимный, свод «Порядок земского права» (*Ordo iudiciae terrae* или *Rad prawa zemskeho*). Эти источники отражают развитие феодальной собственности, правовых и политических привилегий феодалов и растущее исчезновение свободного крестьянства. Отношения ленной зависимости (т. е. феодальной иерархии и структуры феодальной собственности) не входили в компетенцию земского суда и в этих сводах не учтены; источниками для них являются судебные регистры (протоколы) «дворского», т. е. придворного, суда и постановления сеймов.

В середине XIV в. в Чехии появился чрезвычайно важный правовой памятник. В 1355 г. по инициативе Карла I (императора Карла IV) был представлен на обсуждение сейма официальный законник, извест-

ный под названием *Majestas Carolina*⁴. Он был подготовлен королем и его ближайшими советниками на основе земского права, записанных в земских досках судебных решений и т. д. Цель его составления, сформулированная во введении, заключалась в укреплении централизованного государства и королевской власти, в противовес крупным магнатам. Это обстоятельство сказалось на составе законника: он не является систематическим и полным изложением земского права. В нем рассмотрены лишь пункты, спорные между королем и магнатами. Но несмотря на это, как и во всяком законнике, в нем имеется богатый материал для исследования социальной структуры общества в целом и взаимоотношений классов и сословий.

В статьях «*Majestas Carolina*» определены права короля: неотчуждаемость домена, в том числе городов и замков, назначения на земские должности, право на выморочное имущество, порядок коронации и т. п. Важная роль отводилась высшему земскому суду — верховному судебному органу королевства, одному из главных орудий в процессе усиления центральной власти. В его ведение переходили дела по государственной измене. Предписывался единый писанный закон, укреплялось единство страны под чешской короной (*Corona Bohemiae*). Наряду с этими статьями, отражавшими объективно прогрессивный процесс централизации в чешском государстве, в законнике имелись пункты, защищавшие имущественные и частично политические права феодалов. Санкционировалась экономически и юридически неполноправность крестьянства, ограничивалось право перехода.

Сейм не утвердил текста законника в полном виде, но принял многие важные его статьи. В конце XIV в., когда в ущерб центральной власти вновь усилились магнаты, появился новый правовой памятник

«Изложение чешского земского права» (*Vykład na právo zemské České*) пана Андрея из Дубы⁵ (ум. 1412), верховного земского судьи чешского королевства в 1370—1380 гг. Этот источник состоит из «Приписки» и основного текста. Составленная в 1380-х гг. «Приписка» обращена к Вацлаву IV; в ней автор ратует за централизацию всей судебной власти в руках короля. Основная часть труда составлялась и дополнялась в конце XIV — начале XV вв. В ней отражено действовавшее в те годы в Чехии обычное феодальное право, пересказаны некоторые королевские указы, подобно предшествовавшим сборникам конца XIII — начала XIV вв. «Изложение» пана Андрея, будучи произведением частного лица, не получило государственной санкции. Как источник оно ценно тем, что содержит систематическую картину имущественного и политического положения феодального класса, конкретных форм феодальной собственности и т. п.

В сочетании с многочисленным и разнообразным документальным материалом XIV—XV вв. правовые памятники являются источниками, обрисовывающими высокий уровень экономического и социального развития чешского общества этого периода.

* *

*

Древние жития святых относятся к старейшим чешским историческим произведениям. В XIX в. старейшими чешскими повествовательными источниками считались древние народные сказания, записанные в «Зеленогорской» и «Краледворской» рукописях. Но источниковедческий анализ показал, что эти рукописи и содержащиеся в них тексты не яв-

ляются подлинными и что они были составлены в начале XIX в. представителем чешской романтической историографии В. Ганкой. Как и другие историки-романтики, В. Ганка идеализировал общественный строй древних чехов и для подтверждения своих взглядов прибегнул к фальсификации. Жития включают немало легендарного материала, искажающего историческую действительность ради прославления святых, но вместе с тем в них содержатся ценные сведения о первых чешских князьях и о христианизации страны. Порою в них встречаются очень важные указания на отдельные черты общественного строя чехов.

Характерно, что уже в первых житиях проявляется борьба чехов с немецким влиянием, которая впоследствии приняла в чешской средневековой историографии отчетливую форму. Древнейшие жития были составлены в первой половине X в. современниками описываемых событий. Они представляют собой жизнеописания княгини Людмилы (ум. 921) и ее внука князя Вацлава (ум. 935). Людмила и Вацлав поддерживали в Чехии католическую церковь и были сторонниками политических и церковных связей с Западом, в то время как их противник князь Болеслав I стремился к самостоятельности Чехии. Став князем в 935 г. после убийства своего брата Вацлава, Болеслав укрепил свою власть, подчинил себе племенных князей и успешно завершил борьбу с Оттоном I; он изгнал из Чехии иноземных священников, чем нанес значительный ущерб папству. Поэтому папы относились к нему очень враждебно, Людмилу же и Вацлава объявили «святыми мучениками» за христианскую веру. Католические монахи, главным образом немецкие и итальянские, составили в соответствующем духе латинские жития княгини и ее внука. Что касается житий, составленных в Чехии на старославянском и на латинском языках, то в некоторых из них отразилось известное сочувствие авторов политике Болеслава по отношению к католицизму. В этих житиях сохранились народные предания о первом христианском князе чехов Борживое, крестившемся в IX в. в Моравии по православному, а не по католическому обряду.

Время составления отдельных житий не всегда можно определить с точностью. Обычно считается, что раньше всего (до 935 г.) в Чехии было составлено латинское житие св. Людмилы (текст его начинается словами «Fuit in provincia Boemorum...»). В 935—940 гг. там же появилась старейшая старославянская легенда о св. Вацлаве, а около 950 г. — первое его латинское житие (начинается словами «Crescente fide christiana...»). Католическая церковь поспешила его переделать в духе своих интересов и вскоре в Баварии появилась латинская же обработка этого жития, преследовавшая цель очернить Болеслава и прославить Вацлава. По повелению Оттона II около 980 г. этот текст был заново отредактирован мунхгаузенским епископом Гумпольдом (ум. 985).

Вероятно в конце X в. появились новые жития Вацлава, авторы которых использовали фактический материал, заимствованный у своих предшественников. Одно из этих житий приписывается брновскому монаху Кристиану, другое было составлено монахом Монте-Кассинского монастыря в Италии Лаврентием, третье, называющееся второй старославянской легендой о св. Вацлаве, представляет собой переработанный и дополненный перевод жития, составленного Гумпольдом.

Кроме житий X в., известно еще житие Вацлава (начинается словами «Oriente iam sole...»), написанное в начале XIII в. на основе текста Кристиана.

Другая группа старых житий посвящена епископу пражскому и миссионеру в Пруссии Войтеху (в латинском наименовании Адальберту, ум. 997). Сохранилось три его жития: первое, анонимное, было написано около 1000 г.; второе составлено около 1004 г. монахом римского монастыря св. Алексея Бруно, впоследствии епископом Кверфуртским (ум. 1009); автором третьего был аббат того же монастыря Иоанн Канабарий, писавший около 1012 г. Такое обилие составленных в Италии текстов, близких по времени и по общей направленности, свидетельствует о пристальном внимании папства к деятельности католических епископов в Чехии и в поморских областях, о стремлении пап укрепить позиции католической церкви в славянских странах. Интересно свидетельство Канабария, что в конце X в. основная масса чехов была христианами лишь по имени и поклонялась камням и деревьям.

Древнейшие чешские анналы появились в Праге при соборе св. Вита, повидимому одновременно с учреждением епископства в 973 г. Эти «Пражские анналы» (*Annales Pragenses*)⁶ охватывают период за 894—1220 гг. События 894—997 гг. записаны ретроспективно (отчасти по данным из немецких анналов); хронология княжений и других фактов восстановлена в них путем расчетов. Начиная с 997 г., записи велись, надо полагать, параллельно событиям; они достоверны, но до 1193 г. очень скудны, затем становятся более подробными. Из другой редакции пражских анналов сохранились только кратчайшие отрывки за 725—1163 гг. На отдельном листке пергамента, сохранившемся в переплете рукописи XIV, дошел до нас еще один отрывок из старых пражских анналов. Кроме того, они были положены в основу других монастырских анналов, начавших свое существование в XI—XII вв. Редакция «Пражских анналов», сохранившаяся в Бамбергской рукописи, является, повидимому, компиляцией, сделанной в начале XIII в. по тексту хроники Козьмы (о которой дальше), т. е. не представляет собой первоначального текста анналов. В древнейших чешских летописях сохранились сведения о первых князьях, введении и распространении христианства, войнах и т. д.

В монастыре св. Стефана в Градице (около Оломоуца) анналы (*Annales Gradicensis*) велись до 1145 г. Их первая часть до 893 г. составлена по всемирным хроникам, главным образом по хронике Экехарда. В 1150 г. монахи премонстрантского монастыря в Опатовицах овладели монастырем св. Стефана и, взяв к себе рукопись анналов, продолжили их до 1158 г. (*Annales Opatowicensis*).

В течение X—XI вв. сложились основы чешского феодального общества и государства и возросло международное значение Чехии. В связи с этим накопилось, главным образом в Праге, большое количество разнообразных исторических источников: житий, анналов, документов княжеского и епископского архивов. В конце XI в. появились императорские грамоты, направленные чешским князьям; в 1086 г. князь Вратислав получил королевский титул. Закономерным следствием этих процессов было появление в начале XII в. первой чешской хроники, содержащей уже связанное изложение истории чешского народа.

«Отцом чешской истории» является Козьма Пражский (1045—1125), декан капитула пражского собора. Феодал по происхождению, Козьма получил очень хорошее по тому времени образование, знал классическую литературу и западноевропейские хроники, изучил чешские и польские анналы. Благодаря своему высокому положению в чешской церкви он имел доступ к документам архива пражского епископства. Свой труд «Хроника чехов» (*Chronica Boemorum*)⁷ Козьма довел до 1125 г. и разделил на три части. В первой книге, содержащей события до 1038 г., сперва изложены многие народные предания чешского племени, еще передававшиеся во времена Козьмы из уст в уста. «Я начал свой труд, — пишет автор, — с первых поселенцев в Чехии, дабы это не исчезло из памяти людей». Козьма сохранил для потомства сказания о занятии территории Чехии славянскими племенами, о вожде Кроксе и трех его дочерях, о правлении Любуши, о вручении власти Пшемыслу, об основании Праги, о борьбе чешского князя Неклана с лужанским князем Властиславом, о правлении князя Борживоя и т. д. Все эти сказания представляют собой легенды, но в основе их лежат верна исторической истины, преломившейся в сознании народа в своеобразные предания, полные поэтического чувства. Так, например, в сказании о первых славянских вождях Чехе и Лехе сохранилась память об

общем происхождении чехов и поляков; в сказании о Любуше и Пшемысле отразился переход от матриархата к патриархату. Легендарный оттенок еще преобладает и в изложении истории IX в.

В первой книге рассказаны, кроме того, события X — начала XI вв., относящиеся к установлению и укреплению княжеской власти в Чехии: борьба Пшемысловичей со зличанскими князьями Славниками, принятие христианства, борьба Болеслава с Вацлавом. Вторая книга доведена до 1092 г., третья — до 1125 г.

Козьма имел в своем распоряжении разнообразные источники, использованные им в целом правильно и добросовестно; иногда он на них ссылается. Для истории IX в. он пользовался, кроме устной традиции, родословной князей Пшемысловичей. В изложении событий X—XI вв. Козьма опирается на жития, пражские и краковские анналы, на документы из епископского архива (впоследствии частично утраченные): папские буллы, императорские грамоты, списки епископов, некрологи, содержавшие даты смерти князей и членов их дома, и т. п. Историю Чехии конца XI — начала XII вв. Козьма написал как современник и очевидец. Его язык, несмотря на некоторую риторику, отличается живостью и выразительностью; иногда текст облечен в стихотворную форму.

В хронике Козьмы, написанной в начале XII в., когда процесс феодализации был почти завершен, когда возросли богатства и влияние церкви и крупных феодалов, осмысление недавнего прошлого чешского народа дано под углом зрения интересов господствующего класса, главным образом интересов церкви. Характерно, например, что в повествовании о борьбе Болеслава с Вацлавом Козьма следовал в общем церковной традиции, изображавшей Болеслава как «жестокоего тирана» по отношению к католической церкви и племенным князьям, а Вацлава как «святого мученика за веру». Но в то же время Козьма проявил в своем труде большую любовь к историческим преданиям чешского народа, бережно собрал их и записал.

Труд Козьмы получил в Чехии широкую известность; его много раз переписывали и продолжали. Первым преемником Козьмы был его друг, пражский каноник магистр Гервазий, которому посвящена первая книга «Хроника чехов». Гервазий дополнил хронику многими вставками из пражских, краковских и мецких анналов и из хроники Регинона; кроме того, он придал изложению более литературную форму. В Сазавамском монастыре хроника Козьмы была продолжена до 1162 г. (с дополнениями по истории монастыря за 932—1162 гг.), в Вышеградском — до 1142 г. В Праге каноник Винцентий Пражский (ум. около 1174 г.) и Герлах, аббат Миловицкий (ум. около 1228 г.), составили обстоятельное продолжение под названием «Анналы или хроника чехов» (*Annales seu chronica Bohemorum*); первый — до 1167 г., второй — до 1198 г. (сохранилось частично). В сочетании с пражскими анналами XIII в., разделяющимися на три части (1196—1278 гг., 1278—1280 гг. и 1279—1283 гг.), все продолжения хроники Козьмы представляют собой как бы большой свод исторических повествований с широким охватом материала по внутренней и внешней истории Чехии XII—XIII вв.

Очень своеобразным источником, свидетельствующим о подъеме национального движения в Чехии в начале XIV в., является доведенная до 1310 г. «Далимилова хроника»⁸, первое историческое повествование на чешском языке. Иногда она называется также Бунцлауской стихотворной хроникой. Свое название она получила по имени предполагаемого автора, Далимила, о котором не сохранилось никаких сведений. Некоторые историки считают его дворянином, другие — священником; высказывалось предположение, что хроника написана епископом Гинексом Жаком из Дубе. Автор изложил в стихотворной форме чешские народные сказания, хронику Козьмы и другие труды. Ценность и интерес «Далимиловой хроники» не столько в фактическом материале, который

по большей части заимствован из других источников, сколько в пронизывающем ее духе протеста против немецкого засилья при дворе, в церкви и в городах, против политики подавления национальных традиций и пренебрежения к национальному языку. Хроника укрепляла национальное самосознание в широких слоях чешского населения, страдавшего от немецкой колонизации и онемечения правящей верхушки. Она быстро завоевала большую популярность и стала в первой половине XIV в. самым любимым и широко известным историческим произведением.

Проживавшие в Чехии немецкие феодалы, монахи и горожане попытались хотя бы до некоторой степени смягчить неприятные для них следствия этой популярности. «Далимилова хроника» появилась около 1320 г. в немецком переводе (частично прозаическом, частично стихотворном) с выпуском мест, где наиболее ярко была выражена антинемецкая тенденция оригинала. В таком же духе она была продолжена до 1343 г.

Но этим не ограничилось стремление немцев противопоставить чешской национальной историографии свою версию истории Чехии. Еще во второй половине XIII в. в основанном Вацлавом II цистерцианском монастыре Кенягсаале (около Праги), являвшемся цитаделью немецкого влияния в Чехии и управлявшемся аббатами-немецками, начали составляться «Анналы королевского дворца» (*Annales aulae regiae*). В начале XIV в. аббат Оттон Тюрингский составил биографию короля Вацлава II, законченную его преемником аббатом Петром из Циттау (1276—около 1339). Последнему принадлежит также переработка всех материалов в «Хронике королевского дворца» (*Chronicon aulae regiae*), которую он (или другой монах) продолжил до 1337 г.

Почти сразу же после появления хроники Петра, отражавшей интересы немцев, она подверглась коренной переработке под пером чешских историков. Пражский епископ Иоанн IV предписал канонику Франтишкему⁹ (*Franciscus Pragensis*, ум. 1362) переработать текст, составленный аббатом Петром, выбросив из него все места, где проявлялась тенденциозность немецкого автора, и дополнить сведениями по истории пражского соборного капитула. Франтишек выполнил эту задачу, доведя изложение событий до 1341 г. Этот труд был вписан в хранившуюся в библиотеке капитула рукопись, где уже имелся текст хроники Козьмы с продолжениями до 1283 г. Таким образом, этот кодекс оказался состоящим как бы из двух частей: первая часть представляла собой хронику Козьмы, вторая — ее продолжения, последним из которых была хроника Франтишека. В 1350-х гг. Франтишек еще раз отредактировал весь текст, дополнил его рассказом о событиях 1341—1353 гг. и поднес Карлу I, причем распространил название труда Козьмы «Хроника чехов» (*Scripta Boemorum*) на весь свод в целом. Произведение Франтишека не только по названию, но и по своему духу примыкало к старым чешским национальным традициям в историографии и представляло собой значительное явление в культурной жизни Чехии середины XIV в. В нем собран обильный и важный фактический материал для истории 1330—1350 гг. Автор хорошо осведомлен о европейских событиях в целом и, в частности, подробно описывает битву при Креси.

История середины и второй половины XIV в., т. е. периода значительного подъема экономики и культуры Чехии, а также роста ее международного значения, отражена в многочисленных источниках. Сохранился богатый документальный материал королевской канцелярии, который обрисовывает как общее положение страны, так и внешнюю политику Карла I. В написанной по заказу короля хронике Прукавы (ум. 1380) имеются интересные сведения, особенно по истории Бранденбурга, присоединенного Карлом I к Чехии. Любопытным историческим источником является автобиография Карла (*Vita Caroli IV imperatoris*), едва ли не единственная автобиография западноевро-

пейского средневекового государя вообще. Изложение, составленное, повидимому после коронации императорской короной в 1347 г., на основе прежних записей, охватывает 1331—1346 гг. и до 1341 г. ведется от первого лица. Карл описывает свою юность, скитания по Франции и Италии, затем возвращение в Чехию и первые годы деятельности в Чехии. События 1341—1346 гг. рассказаны от третьего лица и гораздо суше. Несомненно, что и эта часть была написана если не самим королем, то во всяком случае под его наблюдением. Несмотря на ярко выраженную субъективную тенденциозность этого произведения, оно представляло для чехов интерес, поскольку чешский король стал с 1347 г. германским императором и Чехия играла ведущую роль во всей Центральной Европе. Поэтому автобиография Карла быстро приобрела в Чехии большую популярность и была переведена на чешский и немецкий языки. Ее использовал в своей хронике каноник пражского капитула и доверенный советник короля Бенеш Крабице (ум. 1375). Его труд, начатый около 1371 г., охватывает 1283—1374 гг., т. е., так же как и хроника Франтишека, представляет собой продолжение свода, состоявшего из хроники Козьмы и продолжений, составленных в Праге до 1283 г. Первые части хроники Бенеша заполнены главным образом историей пражского капитула. История 1331—1341 гг. изложена по автобиографии Карла с некоторыми дополнениями. Наиболее ценной частью хроники является последняя, в которой автор, обладавший хорошей осведомленностью, описал историю правления Карла I за 1346—1374 гг. и дал много сведений по истории других стран Европы.

Большой интерес представляют разнообразные источники по истории основанного в 1348 г. пражского университета¹⁰, который в первые годы XV в. начал национальную борьбу чехов против немецко-католического засилья в Чехии и стал центром реформационной деятельности Гуса и его приверженцев. Папские буллы, королевские грамоты, статуты и другие документы содержат сведения об основании университета и отдельных факультетов, постановления университетских властей о порядке чтения лекций и проведения диспутов, об обязанностях должностных лиц и т. д. Национальный и социальный состав членов университета выясняется по спискам студентов и преподавателей. Вышедшие из стен университета публицистические произведения, письма, протоколы переговоров между партиями и другие материалы позволяют восстановить историю борьбы гуситской партии с немцами. Много ценных сведений содержится в «Хронике Пражского университета» (*Chronicon Pragensis Universitatis*), охватывающей 1348—1420 гг. В ней подробно изложена история Кутногорского эдикта 1409 г. и борьба партий в 1409—1412 гг., приведшая к полной победе Гуса и его сторонников, что обеспечило Пражскому университету крупную роль в развитии чешской национальной культуры. В хронике приведен текст папских булл и других документов. По своему общему направлению она отражает взгляды чашников.

Для истории гуситского движения в целом сохранилось много важных и ценных источников. В первую очередь следует назвать произведения великого чешского реформатора. Кроме богословских трактатов, в которых Гус развивал свое реформационное учение, и трактата «О чешской орфографии», где излагается проект реформы чешского правописания, перу Гуса принадлежат многие послания и публицистические произведения, например, памфлет в защиту Кутногорского эдикта, в котором подробно опровергнуты притязания немцев на руководящую роль в Пражском университете.

Драматические события, разыгравшиеся на Констанцском соборе, — осуждение и казнь Гуса и его сподвижника Иеронима Пражского — описаны не только в официальных протоколах собора. Сохранились и другие источники, излагающие фактический материал более подробно и достоверно, рисующие ожесточенную борьбу, происходившую между заклятыми врагами гусизма и сочувствовавшими ему членами собора (чешские паны, некоторая часть духовенства). К числу этих источников относятся письма итальянского гуманиста Поджио Браччиолини (1380—1459) и произведения чеха Петра из Младеновца (около 1390—1451).

Браччиолини присутствовал на соборе в качестве секретаря папской курии и под воздействием выступлений Гуса стал его горячим сторонником. В одном из своих писем он описал бурные прения на соборе по вопросу об осуждении и казни Гуса, привел речи выступавших (в том числе и свою речь в защиту Гуса) и заклеил вероломство и предательство Сигизмунда. В письме к итальянскому гуманисту Леонардо Аретинскому Поджио Браччиолини горячо и взволнованно рассказал о процессе и казни Иеронима Пражского. Письмо было написано в день казни Иеронима. Автор восхваляет его мужество и величие духа, его красноречие и непоколебимую уверенность в правоте своего учения.

Петр из Младеновца, магистр Пражского университета в 1416 г. и его ректор с 1439 г., был другом Гуса и вместе с ним прибыл на Констанцкий собор в качестве секретаря чешского пана Яна из Хлюма. Таким образом, он также был очевидцем событий и присутствовал на допросах Гуса и Иеронима. В своем труде «История судьбы и дел Иоанна Гуса в Констанце в 1414—1415 гг.» (*Historia de factis et actis magistri Johannis Hus Constantiae 1414—1415*)¹¹ он обстоятельно описал последний период жизни Гуса и опроверг клевету, которой враги пытались очернить память великого реформатора. Автор привел в доказательство большой документальный материал: тексты грамот Сигизмунда, показания свидетелей, извлечения из протоколов собора и т. д. Его перу принадлежит также рассказ о жизни и смерти Иеронима Пражского, написанный в двух редакциях — на латинском и чешском языках. Стремясь защитить от клеветы память ученика и последователя Гуса, Петр предназначил свое повествование для широких кругов чешского населения и поэтому придал ему популярный характер.

Хроника магистра Лаврептия (по-чешски В а в р ж и ц а) из Бржезове (1365—1437) «О делах и различных событиях в чешском королевстве» (*De gestis et variis accidentibus regni Bohemiae*)¹² охватывает начальный период гуситского движения (1414—1422 гг.). В ней описаны возникновение Табора, учение таборитов и внутренние порядки в таборитском лагере, присоединение пражских бюргеров к революционному движению, расправа восставшего народа с пражскими богатыми немцами, героическая оборона Праги от крестоносцев Сигизмунда, победа Жижки на Витковой горе. Интересна характеристика Жижки как «чрезвычайно смелого» полководца, «за которым шел и которого весьма охотно слушался сельский люд, плохо одетый, с цепями, дубинами, с самострелами и копьями». Эта хроника является для истории этих лет одним из важнейших источников, в котором приведены некоторые документы. Автор принадлежал к бюргерской оппозиции и по мере перерастания движения в общенародную антифеодалную борьбу все ярче высказывал свои умеренные взгляды и ненависть к таборитам. Он искажил их учение и привел в своей хронике обычные для средневековых писателей нападки на бедноту, обвиняя ее в разврате. Около 1500 г. хроника Лаврептия

была переведена с латинского на чешский язык неизвестным лицом, приверженцем таборитов. Переводчик не был знатоком латыни; некоторые места он или неверно прочел или не сумел перевести. Но характерны и весьма интересны те добавления, которые он сделал к тексту Лаврентия. Он обличает последнего в клевете на пикартов (членов крайних «еретических» сект в таборитском движении), заявляя, что Лаврентий писал о том, чего сам не видел, что он стремился очернить таборитов.

В «Чешской хронике» (*Chronicon Bohemicum*) Бартошека из Драгоница (ум. около 1464) содержится очень краткое, но точное описание событий 1419—1443 гг. Наиболее обильный фактический материал для всей истории гуситского движения изложен в анонимной «Таборитской хронике» (*Chronicon taborigorum*), составленной около 1443 г. и приписываемой некоторыми историками Иоанну из Лукавец и Николаю из Пельгржимова. Кто бы ни был автор этой хроники, он достаточно ясно выражает свои убеждения умеренного реформатора и врага таборитов.

Антигуситская направленность в целом характеризует последнюю часть большого исторического труда итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини* «История Чехии» за 894—1458 гг. Будучи компиляцией в изложении событий до XV в., для истории гуситского движения это произведение дает интересный фактический материал, в частности подробное описание военной тактики гуситов, обеспечившей им многочисленные победы. Для истории походов гуситов в Силезию и соседние земли в 1425—1444 гг. имеются данные в записках немецкого купца Мартина из Болькенгейма «О гуситской войне в Силезии и Лужице» (*Von den Hussitenkriegen in Schlesien und in der Lausitz*). Автор бывал в Чехии в качестве купца и писал частично на основе личных наблюдений.

Очень ценны документы, составленные на различных этапах гуситского движения и отражавшие его программу. Особо следует отметить гуситские манифесты, составлявшиеся чашниками и таборитами сперва совместно, затем отдельно. В манифестах защищалась правота гуситов и формулировалась их программа. «Пражские статьи» 1420 г., содержавшие требования чашников, были представлены Сигизмунду и отвергнуты им. К этим источникам примыкают составленные в 1420 г. таборитские статьи, отражавшие революционную программу восстания. В манифестах чашников 1430 г. и в «Пражских компактатах» 1433 г. оформлено соглашение между чашниками и католической церковью. Для истории таборитского движения огромный интерес представляют письма и прокламации Жижки, а также текст военного устава таборитов. Многочисленные народные песни, призывавшие к борьбе с феодалами («На горы»), прославлявшие победы гуситов («Привет победителям»), воодушевлявшие на бой (гимн таборитов «Кто вы, божи войны»), ярко отражают мужество, героизм и высокое национальное и классовое сознание народных масс. Социально-политическое учение таборитов изложено в трактате декана Пражского университета Яна Пшибрама (ум. 1448)

«Жизнеописание таборитских священников» (*Zivot knězi taborských*). Но это изложение нельзя признать точным. Автор был врагом таборитов и приписал взгляды крайних сект (требование уничтожения частной собственности) всему таборитскому движению в целом.

* См. стр. 206.

ГЛАВА XVII

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

В X в. на территории по Одре, Варте, Висле и Бугу многочисленные польские племенные княжества объединились вокруг нескольких крупных центров в Поморье, Малой Польше, Великой Польше, Силезии, Мазовии. Развилась польская народность, сложилось польское феодальное государство.

* *
*

Развитие производительных сил в X—XII вв. изучается преимущественно по археологическим памятникам, позволяющим судить о характере земледельческих орудий, о злаках и овощах, о домашних животных, о ремесленных инструментах, оружии, ювелирном и гончарном деле и т. п. Раскопки древних городов дают представление об их размерах, об уровне развития ремесла и торговли. У Ибрагима-ибн-Якуба * имеется свидетельство о наличии в Польше уже в X в. трехполюя, говорится о Кракове как крупном торговом центре.

Древнейшие из дошедших до нас польских источников относятся к середине XII в.; они свидетельствуют об оформлении уже сложившейся феодальной собственности на землю. Это так называемые привилегии, т. е. княжеские жалованные грамоты церкви, главным образом монастырям. В первой половине XIII в. такие грамоты давались также светским крупным феодалам, а затем и рыцарям. Раньше всего появились иммунитетные дипломы. В них перечислены не только дарованные феодалу права, но (порой весьма подробно) и поборы, взимавшиеся в пользу князя и феодалов с крестьян, живших на пожалованных землях. Такова, например, грамота князя Мешко, данная им в 1145 г. Лендскому монастырю, и др. В грамотах XIII в. чаще жалуются уже не доходы с земельных владений, а самые владения (деревни, части деревень, поместья из многих селений) в наследственную собственность. Эти документы являются основными источниками для изучения феодальных производственных отношений в XII—XIII вв. Они дают возможность судить о характере феодальной ренты (преобладание поборов зерном и скотом и некоторые отработочные повинности — перевозки, строительство укреплений, а у монастырей и барщина). В XIV в. в них появляются указания на денежные платежи.

В XIII в. к таким грамотам добавляются сперва редкие, затем, в XIV в., все более многочисленные княжеские привилегии, разрешавшие

* См. стр. 241.

колонизацию пожалованных земель на «немецком праве». На основании этих привилегий феодалы заключали локационные договоры с солтысами (лицами, обязывавшимися заселить предоставленные земли). В XIV в. было заключено много локационных договоров с немецкими колонистами и многие польские деревни переведены на немецкое право. Благодаря обилию и точности сведений, содержащихся в этих документах, они представляют собой для XIV в. лучшие источники по истории аграрных отношений в Польше. В них указаны сроки временного освобождения колонистов от всех повинностей феодалу и государству, определены размеры крестьянских наделов и барского хозяйства на колонизируемых землях, перечислены имущественные и судебно-административные права солтысов и очень полно описаны поборы с крестьян. Локационные договоры свидетельствуют о наличии в Малой Польше в XIV в. преимущественно денежной ренты, в Великой Польше — продуктовой.

Во второй половине XIII в. появляются первые описи крупных церковных землевладений. Сперва они имеют форму «книг дарений», называвшихся в Польше «Книгами оснований» (*Libri fundationum*). Старейшей из них является книга цистерцианского монастыря в Генрихове в Силезии (*Liber fundationis claustris s. Mariae in Heinrichow*)¹, основанного в 1227 г. Первая часть составлена в 1269—1273 гг., вторая — около 1310 г. В книге перечислены и кратко описаны пожалованные монастырю земли, поименованы дарители и их права на переданные поместья и участки. Книга Вроцлавского епископства (*Liber fundationis episcopatus Vratislaviensis*) сложилась из отдельных описей, переписанных вместе в 1305—1317 гг. Это уже настоящая опись с перечнем доходов, указанием количества земли в каждом поместье, точным перечислением крестьянских повинностей, описанием барского хозяйства. Такие же описи составлялись и в других крупных монастырях и епископствах. Следует отметить книгу краковского диоцеза, составленную в 1440—1470 гг. польским историком Яном Длугошем.* В ней содержится опись поместий и всего имущества черного и белого духовенства, а также некоторые сведения по истории епископства, сопровождающиеся выдержками из документов.

К этим источникам примыкают отчеты управляющих поместьями. Старейшие из них появились в конце XIV в. и относятся к королевским поместьям. В конце XV в., в связи с развитием фольварка, описи и отчеты управляющих составлялись и во многих имениях светских феодалов.

Некоторые источники уже первой половины XV в. свидетельствуют о тенденции к образованию фольварков. Статуты 1420 и 1423 гг. являются интересными источниками для истории этого процесса. Они признавали за феодалами право в отдельных случаях выкупить хозяйство солтысов, что в дальнейшем облегчило перестройку поместья на барщинных началах.

Документальные источники по истории феодального землевладения включают также многочисленные частные акты купли-продажи земли, обмена, дарений, завещаний и т. п. Многие из них сохранились в копиях картуляриев (*Codices diplomatici*). Краковский капитул имел, например, несколько картуляриев, старейшие из которых относятся к XV в.

Старое польское обычное право не дошло до нас в своем первоначальном виде. Сохранились лишь две позднейшие записи, сделанные

* См. стр. 260—261.

в XIII—XIV вв. и отражающие в целом порядки этого периода, но вместе с тем сохраняющие и некоторые черты более древнего строя.

Первая запись, называемая иногда *Польской правдой*² или Эльблонгской книгой, была составлена, повидимому, около 1270 г. и дошла до нас в незаконченном виде в единственной рукописи XIV в. Ее составитель, немец из Мариенбурга, записал на немецком языке (вероятно, для ознакомления немцев) некоторые правовые нормы, которые действовали в деревнях с польским правом. После стихотворного введения следуют 29 статей, из которых первые 6 посвящены организации суда и судопроизводству. В центральной части текста, в статьях 7—22, перечислены наказания за уголовные преступления; остальные статьи касаются наследования и других вопросов. Специальный пункт предписывает порядок возвращения феодалу беглых крестьян и дворовых людей.

Польская правда является ценным источником для истории польского крестьянства XIII в. Многие статьи свидетельствуют о наличии территориальной общины. Она защищала крестьян, если их подозревали в убийстве, совершенном на земле общины. Община должна была предоставлять коней для послов князя. Крестьянство распадается на два слоя: крепостных — из посаженных на землю рабов, и зависимых — из бывших свободных общинников. Последние пользуются правом перехода и размер их барщины определен обычаем. Существуют и свободные крестьяне, «живущие между полусвободными и несвободными» (на этой фразе текст источника обрывается).

Другая запись была сделана в Ленчицкой земле, вероятно в конце XIV в. В этой стадаленной и не затронутой немецкой колонизацией части Куявии, сохранившей до середины XIV в. почти полную независимость, дольше держались старые правовые обычаи польского народа. Запись дошла до нас в составе частного судебногоника начала XV в., содержащего право Ленчицкой земли (*Constitutiones terrae Lanciensis*). Статьи 3—17 этого сборника очень отличны от прочего текста и составляют как бы единое целое. В них перечислены штрафы за уголовные преступления.

Источники по истории городов появляются в Польше в XII в. О богатстве крупных польских городов говорит в своем географическом произведении «Книга Рожера» известный арабский географ Идриси (1099—около 1164), посетивший Польшу в 1154 г. С середины XII в. города добились предоставления им привилегий свободного рынка, затем завоевали в длительной борьбе более обширные права. В XIII в. развилась целая система польского городского права. В основе его лежали нормы магдебургского права, переработанные в применении к польским условиям. Привилегии с переводом старого города на «новое право» или с пожалованием его вновь основанному городу появились с начала XIII в. в Силезии, а с середины XIII в. в других областях Польши (Познань в 1253 г., Краков в 1257 г. и т. д.). В XIV—XV вв. в их число включились еще многие города (Люблин в 1317 г., Варшава в 1413 г. и т. д.). В привилегиях содержатся права и привилегии городов, их освобождение от княжеского суда и поборов в пользу князя. При основании нового города в привилегии перечислялись как льготы, дававшиеся на определенный срок, так и те повинности и поборы в пользу церкви и князя, которые следовали с города по истечении льготного срока. В конце XIII в. во многих городах были оформлены цехи, но статуты от этого времени не сохранилось. В дальнейшем города получали еще новые привилегии, расширявшие их права (например, привилегия, дарованная

Кракову в 1354 г., в которой были сильно ограничены права иностранных купцов).

При Казимире III (1333—1370) это право окончательно превращается в польское городское право. Специальные привилегии 1336 г. 1346 г. и 1365 г. предоставили Сандомиру, Быдгощи и Кракову право разрешать все судебные дела без обращений в Магдебург, как это практиковалось раньше.

От конца XIV в. для крупнейших городов (Кракова, Познани) сохранились первые городские книги (регистры городских советов), в которые занесены акты имущественных сделок, имена жителей, получивших в городе права гражданства, цеховые статуты, распоряжения городского совета (о ценах, о борьбе с роскошью), тексты обращений к королю и т. п. В городские книги записывались решения, вынесенные городскими судами по различным уголовным и гражданским делам. С XV в. все эти источники появляются почти во всех польских городах.

В результате постепенного слияния отдельных феодальных владений и областей в объединенное государство, в Польше в XIV в. был создан свод обычного права³, переработанного в интересах усиления королевской власти. В начале правления Казимира III особая комиссия из высшего духовенства и ученых юристов собрала материалы по действовавшему в то время неписаному обычному праву и составила на латинском языке текст двух правовых кодексов, отдельно для Великой и Малой Польши, так как различия в общем уровне развития этих основных польских областей и, следовательно, в праве были еще достаточно ощутимы. В 1347 г. в Вислице были утверждены первые 24 статьи Мало-польского кодекса (Вислицкий статут) и в Петркове первые 34 статьи Великопольского кодекса (Петрковский статут). Остальные статьи (всего в Вислицком статуте 106 статей и в Петрковском 51) утверждались в последующие годы. В изложении права Малой Польши, как области экономически и политически наиболее развитой, имеется больше нововведений, чем в Петрковском статуте.

Оба кодекса касаются всех сторон гражданского и уголовного права, прав и привилегий духовенства и шляхты. Как все юридические памятники такого рода, они дают систематизированную картину положения классов и сословий польского общества XIV в.

В целом статуты охраняли интересы феодального класса и стремились к укреплению феодального государства. Вместе с тем в них нашли себе отражение перемены, происходившие в польском обществе в связи с развитием товарно-денежных отношений. В статутах содержится отмена права «мертвой руки», установлены условия перехода крестьян, охраняется личность крестьянина и т. д.

Княжеское и королевское законодательство до Казимира III было развито сравнительно слабо: всего около 30 документов такого рода дошло от периода XII — начала XIV вв. Со времени Казимира III появляется много королевских эдиктов, содержащих ценные данные по истории социально-экономических отношений (законы о монете, беспощинной торговле по всей Польше, торговле солью, соляных коях, церковной десятине и т. д.).

Важными источниками являются судебные регистры. С конца XIV в. появились земские и городские книги, куда вписывались судебные дела, а иногда и тексты королевских законов. Земские книги составлялись в пределах областей (познаньские, калишские, ленчицкие и т. д.) и в целом имели тот же характер, что и городские книги, о которых уже была речь.

* *
*

Повествовательные источники говорят о Польше начиная с X в. У Видукинда* под 963 г. есть первое упоминание о польском князе Мешко I (в связи со столкновением поляков с волынянами, одним из поморских славянских племен). Важные сведения дает Ибрагим-ибн-Якуб, сообщая о большой дружине этого князя. В самой Польше первые исторические записи появились в конце X в. Сперва они имели форму кратких заметок на пасхальных таблицах, существовавших в каждом крупном церковном учреждении (сохранилась лишь одна такая таблица с заметками, относящаяся к XII в.). В Познаньском епископстве в конце X в. такие записи велась, повидимому, уже регулярно. На их основе в XI—XII вв. стали формироваться анналы (по-польски — рочники), также не дошедшие до нас в своем первоначальном виде, за исключением «Анналов св. Креста» (*Annales sanctae Crucis*), составленных, вероятно, в Гнезно около 1122 г. и затем продолженных до 1410 г. (название дано по месту хранения единственной рукописи в Лысоторском монастыре св. Креста).

Все прочие, весьма многочисленные, польские анналы XII в. были затем в XIII в. переработаны и продолжены в XIV в., а некоторые и в XV в. В этих больших сводах XIII—XV вв. текст первоначальных анналов XI—XII вв. может быть выделен, с большей или меньшей вероятностью, путем источниковедческого анализа. Древние анналы начинают историю Польши с 965 г., но в некоторых имеются еще редкие записи за период 730—1000 г., заимствованные из чешских и немецких анналов и житий, принесенных в Польшу. Пражские анналы стали известны в Кракове уже в середине XI в. и из них делались выдержки для польских летописей. Слошные записи в польских анналах начинаются с 1015 г.; с 1031 г. они опираются только на отечественные источники.

Среди польских анналов надо отметить важнейшие: несколько краковских редакций (*Annales Cracovienses breves* 965—1135 и продолжение за 1142—1283 гг.; *Annales Cracovienses compilati* 966—1291; *Annales Cracovienses vetusti* 948—1122, 1136; *Annales capituli Cracoviensis* — от сотворения мира до 1331 г.); Меховские анналы (*Annales Mechovienses* 947—1434); Камениские (*Annales Kamenzenses* 965—1165); Познаньские (*Annales Posnanienses* 965—1311 и *Annales Majoris Poloniae* 730—1309); Куявские (*Annales Cuiavienses* 966—1477); анналы Генриховского монастыря в Силезии (*Annales Heinrichowenses* 977—1293); Вроцлавские (*Annales Vratislavienses* 1238—1308) и др. В Кракове велся список епископов (*Catalogus episcoporum Cracoviensium*).

Некоторые данные о Польше конца X—XII вв. содержатся в житиях св. Войтеха и св. Оттона Бамбергского, о которых уже говорилось.** Составленные в Польше в XIII в. жития польских святых Ядвиги, Саломеи, Станислава (последнее в многочисленных редакциях), жизнеописание силезской княгини Анны (ум. 1265), составленное во вроцлавском женском монастыре, и другие жития содержат некоторые интересные сведения.

Наличие в начале XII в. уже прочной летописной традиции и значительного количества записей и анналов обусловило возможность появления в ту пору в Польше первой большой хроники. Она известна в науке под условным названием «Хроника поляков» (*Chronica polonorum*) Галла Анонима†. Об имени автора и его национальности было высказано много предположений (поляк, француз, итальянец, венгр, кroat и т. д.), но ни одно не доказано. Возможно, что он работал в княжеской канцелярии, затем стал монахом. Во всяком случае он был человеком

* См. стр. 191—192.

** См. стр. 242, 247.

образованным, хорошо знал польский язык и современные ему польские события, а для предшествующего периода мог широко использовать народные сказания и анналы.

Хроника состоит из трех книг, написанных около 1113 г., и доведена до этого года. Первая книга повествует о древней истории ляхов (поляков) в языческие времена, о принятии христианства, о первых княжеских династиях Попелидов и Пястов. Подобно Козьме Пращскому и другим раннесредневековым историкам, автор написал эту часть на основе бытовавшей в его время устной народной традиции, используя легенды и песни. Часть текста первой книги написана стихами. О первых князьях говорится кратко; приводятся ценные сведения о Болеславе Храбром и его войске, о Гнезненском съезде 1100 г., о восстании 1030 г. и т. д. В других книгах подробно описана история XII в., особенно правление Болеслава Кривоустого.

Язык хроники прост и ясен, события описаны подробно. Близость автора ко двору князя Болеслава Кривоустого определила общую направленность хроники, очевидно заказанной князем. Она пронизана восхвалением князя и его объединительной деятельности.

Хроника Галла Анонима представляет собой крупный и значительный источник, сохранивший легенды о глубокой древности польского народа и сведения о первых веках его писаной истории. Для истории Польши начала XII в. и, в частности, общественного строя она является важнейшим источником.

Текст хроники дошел до нас в немногих списках, но авторы всех последующих польских хроник широко ее использовали.

Первым из них был Винцент Кадлубек (ум. 1223), учившийся в Италии и в Париже, краковский епископ в 1208—1218 г., затем в 1218—1223 гг. монах Ендриховского монастыря, где и была составлена его хроника (*Chronica polonorum*)⁶ в четырех книгах. Она охватывает историю Польши от легендарных времен до 1202 г. Первые три книги написаны в форме диалога, последняя книга не имеет конца, так как автор умер, не закончив работу. Для начала Кадлубек использовал материал хроники Анонима, жития св. Войтеха, анналы и некоторые народные предания (например о Краке). Наибольшую ценность представляют данные за период 1113—1202 гг. Хроника написана в дидактическом духе риторическим, цветистым стилем. К изложению событий автор подходит тенденциозно, восхваляя князей и умалчивая об их военных и иных неудачах. Но вместе с тем в его труде продолжена начатая Галлом Анонимом традиция изложения истории Польши как единого целого, а не отдельных областей. Благодаря этому хроника Кадлубека получила чрезвычайное распространение, особенно с конца XIII в., когда начался процесс объединения польских земель в единое государство. Ее многократно переписывали (сохранилось более 50 списков), читали и комментировали в школах. В начале XIV в. неизвестный автор сделал из нее извлечение, отбросив диалогическую форму и несколько дополнив; этот текст был продолжен до 1288 г. («Хроника Мержвы», *Chronica Mierzwae*).

Феодалная раздробленность Польши XII—XIII вв. сказалась не только в области местных анналов, но и в появлении в XIII—начале XIV вв. областных хроник. История Великой Польши отражена в «Великопольской хронике» (*Chronica Majoris Poloniae*) неизвестного автора, составившего свой труд в начале XIV в. и доведенного его до 1271 г. Ранее ее ошибочно относили к XIII в., а автором считали познаньского епископа Богухвала (ум. 1253). В изложении до 1202 г. использованы предшествующие хроники и анналы, период 1203—1271 гг. основан на анналах Познаньского капитула (носящих в науке название великопольских), Краковских анналах и на житии св. Станислава. Общая направленность Великопольской хроники

соответствует периоду феодальной раздробленности. Хроника посвящена истории великопольских правителей, изложенной с точки зрения защиты их самостоятельности и местной независимости. Вместе с тем борьбу с Бранденбургом автор обрисовывает в антинемецком духе, хотя его патриотизм не поднимается еще до общенациональных размеров.

Почти одновременно с Великопольской хроникой появилась (около 1300 г.) аналогичная хроника в Силезии. Неизвестный автор (возможно, Петр из Бычины) был поляком, законно считал Силезию частью Польши и соответственно назвал свой труд «*Chronica polonorum*». События до 1202 г. изложены на основе хроники Кадлубка; затем следует история Силезии до 1285 г. В конце XIV в. неизвестным автором-немцем эта хроника была несколько дополнена и под названием «*Chronica principum Poloniae*» продолжена до 1370 г. Характерно, что и в этом продолжении, несмотря на национальность автора, Силезия рассматривается как польская область и высказывается сожаление о потере силезскими князьями своей самостоятельности.

В XIV в. в польских хрониках начинает сказываться расцвет польской национальной культуры и рост национального самосознания. В хронике проникает польский язык. Очень важны в этом отношении славянские интерполяции (вставки) в «Великопольскую хронику», относящиеся к XIV в. Автор вставок, вероятно монах нищенствующего ордена, представитель городской среды, иначе рассматривает прошлое своего народа, чем автор самой хроники, сторонник феодального сепаратизма. Он дает первоначальную историю славянских народов в широком плане, интересуется языком ляхитов (т. е. поляков) и их географическим размещением. Он указывает на принадлежность поляков к общей семье славянских народов и в первую очередь на языковую и национальную общность с западными славянами. Автор полонизирует географические и личные имена. Таким образом, наряду с историей отдельных правителей, у него имеются некоторые элементы истории польской народности.

Важнейшим источником по политической истории Польши второй половины XIV в. является хроника Янко из Чарнкова⁶ (ум. около 1386), познаньского архидиакона и в 1364—1370 гг. подканцлера Казимира III. Дошедшая до нас часть хроники охватывает 1370—1384 гг., т. е. годы после смерти короля, и дает очень подробное изложение событий. Возможно, что этому же автору принадлежала и первая, пропавшая часть, относящаяся к периоду Казимира III. Сохранившееся краткое обозрение правления этого короля несомненно составлено иным лицом. Янко писал свой труд, не пользуясь другими источниками, но его высокое положение обеспечило ему обширную и достоверную информацию. Он идеализирует деятельность Казимира III, но подобное преувеличение заслуг короля было естественным результатом событий, развернувшихся после смерти последнего из Пястов: борьбы за власть, бескорольевья, усиления панов и шляхты, феодальных усобиц.

XV в. ознаменован появлением крупнейшего польского историка и одного из выдающихся европейских писателей XV в. — краковского каноника Яна Длугоша (1415—1480), ученого, дипломата, ревностного собирателя рукописей и знатока польской истории. Его огромный, очень ценный труд «*Historia Poloniae*»⁷ в 12 книгах написан им в 1455—1480 гг. по просьбе краковского епископа Олесницкого, секретарем которого он был.

Длугош составил полную историю Польши от древнейших времен до года своей смерти (1480), используя огромное количество разнообразных источников: все польские анналы и хроники, русские летописи, чешские, немецкие, венгерские хроники, жития святых, документы коронного архива и архивов церковных учреждений и т. д. Многие документы изложены дословно, и текст их дошел до нас только в этой хронике. Используются также сведения, доставленные автору его патроном, кра-

ковским епископом, и собственные многочисленные заметки о современных ему событиях. Хроника особенно ценна начиная с 1384 г., т. е. с конца труда Янко из Чарикова. Она подробно излагает историю сеймов, столкновения светской и духовной власти, очень важна для истории политической мысли в Польше в XV в. В ней имеется яркий и точный рассказ о Грюнвальдском сражении.

Хроника Длугоша содержит огромный фактический материал, в первую очередь по истории родной страны и затем по истории России и других сопредельных государств. Она пронизана горячим патриотизмом и обладает крупными достоинствами. Автор старается по мере сил осмыслить течение событий, определить позиции отдельных слоев общества, мотивировать политику правящих кругов. Вместе с тем, подражая Ливию, он драматизирует события, сочиняет речи, дает красочные, порой вымышленные, описания. Его близость к главе польской католической церкви сказывается во враждебности к гуситам, в тенденциозности изображения современной ему истории и столкновений королей с церковью, которую он защищает.

Уже в конце XV в. и в течение всего XVI в. хроника Длугоша была известна в списках и широко использовалась, но напечатана была впервые лишь в 1614—1615 гг. (первые 10 книг) и полностью в 1711—1712 гг.

Народные песни на исторические темы — о Грюнвальдской битве (сведения об этой песне сохранились в источниках XVI в.), о татарских нашествиях, о битве с турками под Варной и т. д. — дают возможность понять отношение широких народных масс к важнейшим событиям, касавшимся национальной независимости. Сохранились студенческие песни и стихи, рисующие быт, нравы и социальные устремления польского студенчества XV в. Из шляхетской среды вышли небольшие стихотворные произведения: «Сатира на ленивых хлопов», где речь идет о плохой работе крепостных на баршине. Она интересна картиной жизни польской деревни XV в. «Стих об убийстве Анджея Тенчиньского», в котором рассказывается о реально происшедшем в 1461 г. убийстве краковскими ремесленниками одного шляхтича, — пронизан шляхетской гордостью и презрением к горожанам.

Правовые источники по политической истории Польши появляются в XII в. Статут Болеслава Кривоустого 1138 г. определил политический строй польского государства. Сыновья князя получили свои уделы, но со значительными ограничениями своей власти. Центральный удел, власть и титул великого князя остались за Болеславом вместе с правами суверенного государя (сношения с границей, право объявлять войну и заключать мир, командование всей польской армией и т. п.). Однако развитие феодальной раздробленности привело к нарушению норм этого статута; привилей Казимира II, изданный на Ленчицком съезде церковных и светских феодалов в 1180 г., оформил значительные уступки в пользу церкви и знати.

Многочисленные источники отражают характерную для Польши черту общественного строя — чрезвычайное усиление дворянства, начавшееся с конца XIV в. и приведшее затем к превращению страны в шляхетскую республику с номинальным монархом во главе. Королевские привилеи конца XIV—XV вв. постепенно все более и более расширяли политические и экономические права панов и шляхты. Кошицкий привилей 1374 г. был первым документом, выданным только дворянству и притом всему дворянству, как сословию. Но в нем закреплялись лишь те права дворян, которые естественно сложились в процессе развития феодального класса и давно были присущи дворянству многих западно-

европейских стран (наследственность бенефициев, т. е. превращение их в феодалы, освобождение от государственных повинностей, кроме военной службы внутри Польши и небольших взносов и т. п.). Зато привилегии Владислава II — Чирвинский 1422 г. и Едлинский 1430 г. — предоставили дворянству уже ряд крупных политических прав, а Нешавские статуты 1454 г. закрепили победу шляхты в ее борьбе не только с крупными паннами, но и с королем. Статуты нанесли удар также и политическим правам городов. Законодательная власть перешла в руки шляхетского сейма. Оформилась дворянская республика с выборным королем во главе. Наконец, Петрковский статут 1496 г. предоставил политически уже сильной шляхте крупнейшие экономические привилегии, а именно: монопольное право беспошлинной внешней торговли (вывоз по Висле сельскохозяйственных продуктов и ввоз заграничных товаров), монопольное право собственности на землю (горожане не могли приобретать землю), стеснение перехода и сужение прав крестьянства. Все это содействовало развитию в XVI в. фольварка и вторичному закреплению крестьянства.

В XIV—XV вв. документальный материал становится очень обильным. Папские буллы, императорские и княжеские грамоты, договоры с другими странами и акты уний Польши с Литвой (акты Кревской унии 1385 г. и других) обрисовывают международные отношения и связи с папским Римом. К внутренней истории относятся акты многочисленных, вначале городских, затем шляхетских, конфедераций и документы о правах выборных королей (Краковский акт 1387 г. о правах Ягайлы и его потомков на польскую корону и последующие акты такого же рода). Многочисленны документы сеймов, начиная с Петрковского сейма 1444 г., называвшиеся с середины XV в. «решениями» (*conclusiones*). Регистры королевской канцелярии («Книги польской коронной метрики») сохранились с середины XV в., так как более ранние документы погибли, вероятно во время одного из пожаров Краковского замка, где хранился коронный архив. Очень ценна официальная переписка королей и должностных лиц и т. п.

Польская публицистика XV в. насчитывает несколько политических трактатов, крупнейшим из которых является «Мемориал об устройстве Речи Посполитой»⁸ одного из гуманистов и крупных публицистов Яна Остророга (около 1436—1501). В трактате, написанном в 1474—1477 г., разработан проект политической реформы в духе укрепления королевской власти; он направлен против панов и притязаний католической церкви. Автор требовал прекратить уплату церковной десятины и ежегодной дани папе.

ГЛАВА XVIII

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

В течение X—XV вв. в Византийской империи происходит дальнейшее развитие и укрепление феодальных отношений. Захват Константинополя латинянами в 1204 г. и создание Латинской империи, Никейской империи, Эпирского деспотата и Трапезундской империи повели к ослаблению центральной власти; территория Византийской империи уже никогда больше не восстановилась в прежних размерах. После изгнания из Константинополя латинян в 1261 г. Византийская империя занимала лишь небольшую часть своей прежней территории, а именно северо-западную часть Малой Азии, частично Фракию и Македонию, Солунь, некоторые острова на Эгейском море и некоторые области Пелопоннеса.

Эпирский деспотат и Трапезундская империя оставались самостоятельными, независимыми от Константинополя, а на территории Греции сохранились латинские владения. Эта раздробленность территории несомненно усиливала центробежные силы в империи. Уже с конца XII или начала XIII вв. экономические позиции Византии в восточной части Средиземного моря постепенно переходят к Венеции и Генуе. Несколько позднее и в самой империи эти итальянские республики получили торговые привилегии, наличие которых еще сильнее подрывало собственно византийские ремесло и торговлю.

Все эти тяжелые обстоятельства вели к дальнейшему ослаблению экономической и политической мощи империи, которая, наконец, не смогла далее противостоять все усиливавшемуся натиску турок. Захват Константинополя турками в 1453 г. окончательно прекратил существование империи и на длительное время уничтожил греческое государство. Как в 1204, так и в 1453 гг. при захвате Константинополя и других городов были разгромлены городские и частные архивы, погибло множество рукописей (по подсчету одного современника, в 1453 г. в одном только Константинополе погибло не менее 120 000 рукописей).

Именно уничтожением архивов и объясняется крайняя неполнота документального материала X—XV вв.; сохранились преимущественно акты монастырского землевладения, особенно много их в монастырских архивах Афона. Зато число повествовательных источников по истории X—XV вв. очень велико.

Отдельные периоды политической истории Византии X—XV вв., так же как и история некоторых ее областей, получили в источниках неодинаковое освещение. История X—XII вв. описана довольно хорошо, но лишь немногие источники дают материал по истории Никейской империи или Эпирского деспотата и Трапезундской империи, образовавшихся на территории Византии после ее разгрома крестоносцами в

1204 г.* После же восстановления империи в 1261 г. ее история с середины XIII в. до середины XV в. изложена во многих памятниках.

* *
*

Важнейшими источниками по истории аграрного строя являются акты светского и монастырского землевладения, писцовые книги (так называемые практики), а также законодательные акты императоров. Сведения о размерах отдельных владений, о предоставлении привилегий и т. п. имеются и в некоторых повествовательных источниках. Ввиду относительной скудости документального материала, эти данные представляют порой очень большую ценность.

Документы, относящиеся к светскому и церковно-монастырскому землевладению X—XV вв., могут быть разделены на следующие группы: императорские дипломы (хрисовулы), описи, акты купли-продажи. Источниками, наименее богатыми конкретным содержанием, являются хрисовулы, так как они составлялись в императорской канцелярии по одному определенному образцу и, следовательно, сравнительно мало отражают специфику местных условий, для исследователя весьма существенную. Но это отнюдь не лишает их ценности в качестве исторических источников. Хрисовулы предоставляют монастырям и светской знати иммунитет (эккуссия), в других случаях оформляют земельные пожалования, свидетельствуя о росте крупного землевладения и феодальной раздробленности. В XI в. в хрисовулах стала оформляться раздача земель в пронию (бенефиций); при этом перечислялось население передаваемой земли и ее размеры.

Наиболее ценными источниками являются описи, существовавшие в Византии (как и в Англии, что объясняется наличием в обеих странах сильной центральной власти) в двух видах: государственных и частных. Государственные описи представляют собой земельные кадастры, составленные с фискальными целями (для взимания налогов). Поэтому, как и во всех описях подобного рода, в основу их положен территориальный принцип. Один за другим описывались отдельные земельные участки с указанием следовавших с них сумм налогов. Такова, например, Трапезундская опись конца XIII в.

Другая цель была у составителей частных описей, называвшихся практиками. В них надо было перечислить все повинности и сборы, т. е. фиксировать феодальную ренту. Эти описи сходны с западноевропейскими полиптихами и английскими экстендами. По своему характеру они распадаются на две группы. В описях одной из групп содержатся списки крестьян и членов их семей, количество скота, размеры разного рода земель, входивших в хозяйство крестьянина (пашня, сад, виноградник), а также размер ренты, различные постройки и уголья. Другого типа описи точно описывают границы владений, указывают их размеры. Но между этими двумя группами нет резко выраженной разницы. Некоторые описи соединяют в себе черты и тех и других. Как и на Западе, практики составлялись по преимуществу в монастырях. Богатство содержащихся в них сведений придает им исключительную ценность.

Частные акты купли-продажи земель являются весьма важными источниками, так как в них, как и всегда в такого рода документах, описывается земельный участок, указывается цена, даются имена покупателя, продавца и свидетелей. К сожалению, они сохранились лишь

* Об источниках по истории Латинской империи 1204—1261 гг. см. стр. 125.

в небольшом числе и поэтому не могут дать такого обилия сведений, которыми наука располагает для ряда западноевропейских стран.

В других частных актах, также сохранившихся в ничтожном числе, например в завещаниях, имеется иногда много интересных данных. Таково завещание крупного землевладельца середины XI в. Воилы, где, помимо биографии завещателя, имеется перечень его имущества: земель, рабов, утвари, книг и т. п.

Ценные сведения содержатся в типаках (уставах) некоторых монастырей, так как в них описаны владения и организация труда в монастырских имениях.

Скудость источников по истории производительных сил Византии, особенно в области сельского хозяйства, заставляет с особенным вниманием относиться к каждому памятнику; поэтому необходимо отметить сельскохозяйственную энциклопедию, известную под названием «Геопоника»¹, в которой, как и во всех подобных трактатах средневековья, многое заимствовано из сочинений античных авторов, но вместе с тем имеется немало черт, относящихся ко времени ее составления.

«Геопоника» представляет собой сборник эксерптов в 20 книгах из сочинений древних авторов по сельскому хозяйству, составленный неким Кассианом Бассом на рубеже VI—VII вв., а в X в. переработанный и дополненный. Именно этот исправленный текст X в. и дошел до нас. Наиболее важными разделами «Геопоники» являются: полеводство, садоводство, виноградарство, разведение маслин, цветоводство, пчеловодство, птицеводство, скотоводство, собаководство и рыбоводство.

Аграрное законодательство X—XII вв. — ценный источник для исследования постепенного роста феодального светского и церковного землевладения. Надо отметить попытки византийского правительства бороться с усилением экономической и политической мощи динатов (крупных землевладельцев), приводившим к постепенному исчезновению независимого крестьянства. Византийское правительство руководствовалось при этом такими соображениями: «Крестьянское землевладение удовлетворяет двум существенным государственным потребностям, ибо крестьяне вносят казенные подати и исполняют воинскую повинность. То и другое должно будет сократиться, если сократится число крестьян» (из новеллы Романа Лакапина 934 г.).

В новелле того же императора, изданной в 922 г., устанавливается порядок, по которому при отчуждении крестьянской земли преимущественное право на эту землю имели родственники владельца продаваемого участка или его односельчане. Динатам разрешено было приобретать крестьянскую землю лишь в тех случаях, если они уже являлись собственниками какой-либо земли в данной деревне.

В этом же законе дается указание о сохранении стратиотских земель (т. е. земель, принадлежавших наследственному военному сословию) в том размере, «сколько достаточно для отбывания военной службы».

В новелле 934 г. динатам предписывалось возвращать «убогим» (т. е. мелкому крестьянству) земельные участки, купленные у них в голодном 927 году.

Но все эти новеллы, так же как и новеллы императора Константина VII², свидетельствуют лишь о безуспешности попыток центральной власти приостановить рост феодального землевладения. Последние попытки подобного рода относятся к концу X и началу XI вв. — ко времени правления Василия II Болгаробойцы; его новелла 996 г. требует, чтобы земли, приобретенные динатами от крестьян и стратиотов после новеллы 922 г., были безвозмездно возвращены прежним владельцам; в новелле 1001—1002 гг. вводится ответственность динатов за неуплату податей мелкими землевладельцами.

О таких же колебаниях в политике правительства относительно феодалов свидетельствуют некоторые новеллы других императоров X—XI вв., тесно связанных с династской аристократией. В законе 964 г. Никифора Фоки сделана попытка предотвратить рост церковного и монастырского (но не династского) землевладения. В законе 967 г. ограждаются земельные владения династов и стратиотов.

Своеобразным и очень интересным источником является «Податной устав»³, датируемый 913—1139 гг., т. е. относящийся к X—XI вв. Он представляет собой подробную инструкцию для сбора податей и изобилует разнородными сведениями. В нем указаны названия налогов, принципы, из которых следует исходить при установлении общей суммы налогов для отдельных деревень, методы определения степени возделанности земель и установления налоговых льгот, порядок их предоставления владельцам земельных участков в случае каких-либо бедствий, вовсе «разрушивших» землю или вызвавших лишь «преходящие повреждения», порядок взыскания податных сумм сборщиками и т. п. Этот источник вводит нас в практику сбора государственных налогов с землевладельцев и попутно дает ряд ценных сведений об аграрном строе Византии X—XI вв.

Характерная особенность византийского города в период развития феодализма заключалась в том, что там сохранились некоторые черты городской жизни еще эллинистической эпохи, в том числе и пережитки рабовладения. Многие византийские города, и в первую очередь Константинополь, продолжали оставаться крупными центрами восточно-средиземноморской торговли и в них процветало ремесло. Экономика города и вся его жизнь охарактеризована в некоторых источниках, важнейшее место среди которых занимает так называемая «Книга эпарха»⁴, составленная в X в. (точнее датировать нельзя) с целью обеспечить контроль над ремеслом и торговлей со стороны эпарха, важнейшего чиновника в столице, ведавшего всем управлением Константинополя и, в частности, ремесленными и торговыми корпорациями.

Повидимому, «Книга эпарха» была составлена на основании распоряжений и постановлений, касавшихся отдельных отраслей ремесла и торговли, изданных в правление императора Льва VI (886—912), и была вызвана намерением правительства ввести некоторые изменения в цеховое устройство. Составители сборника не ставили себе целью издание всеобъемлющего кодекса ремесла и торговли, чем и объясняется отсутствие в нем сведений о некоторых важных и несомненно существовавших в Константинополе профессиях (например, о кузнецах). Все же этот источник дает разностороннюю картину византийского цеха (эргастерии), одной из отличительных особенностей которого было приращение рабского труда.

В «Книге эпарха» собраны сведения относительно корпораций портнягов, ювелиров, мясников, торговцев одеждой, ткачей, скупщиков шелка-сырца, перекупщиков тканей, торговцев пряностями и благоуханиями, свечников, мылоторговцев, торговцев товарами широкого потребления, торговцев мясом, скотом и рыбой, хлебопеков, корчмарей.

В двадцати двух статьях «Книги эпарха» содержатся указания относительно тщательного регулирования правительственными чиновниками торговли и ремесла в Константинополе; регулировались цены на товары, обязанности и права корпораций, порядок вступления в корпорацию. В этом памятнике обрисована структура византийского цеха, положение наемных работников (мистиев); в нем содержатся также некоторые весьма важные сведения о ремесленной технике.

Документальный материал, касающийся истории византийских городов и особенно организации ремесла в византийском городе, чрезвычайно скуден; он почти совсем не сохранился. Некоторые хрисовулы византийских императоров XII—XIII вв. рисуют положение торговли в империи. Обычно в них идет речь о предоставлении привилегий купцам итальянских республик — Венеции и Генуи. Таковы хрисовул Мануила Комнина 1148 г. (очень ценен в нем перечень византийских городов), хрисовулы Михаила VIII Палеолога 1275 г. и 1277 г., а также грамоты XIV—XV вв., содержащие привилегии, дарованные испанским купцам и купцам Дубровника.

В договорах X в. Киевской Руси с Византией содержатся очень важные данные об организации внешней торговли в Константинополе, о товарах, ввозимых и вывозимых Византией, а также о правовых нормах, касающихся морской торговли.

Некоторые данные как по аграрному строю, так и по городам могут быть извлечены из житийной литературы, но преимущественно только для X в., так как расцвет агнографии в Византии приходится на IX—X вв., а позднее она приобретает риторический характер и ее значение как исторического источника ступевывается.

В житиях святых встречаются упоминания о самых разнообразных ремеслах — о мелких владельцах эргастерий, где изготовлялись шелковые ткани, о сапожниках, горшечниках, строгильных рабочих, мелких торговцах, поденщиках, в свободное от работы время занимавшихся нищенством, плетельщиках корзин и цыновок, о каменотесах, кузнецах, кожевниках и др. Данные агнографии, как правило, касаются ремесленников-одиночек, обычно живших в крайней нищете.

Как и следовало ожидать, наилучшим образом освещена жизнь Константинополя, столицы империи. Об этом городе имеются сведения в разнообразных источниках — в уже упомянутой «Книге епарха», в агнографии, например в житии Андрея Юродивого, составленном в X в., Феодора Студита (IX в.), Василия Нового (вторая половина X в.), а также в многочисленных описаниях путешественников, например Лютупранда Кремонского* в 949 г. и 968 г., Вениамина Тудельского в 1171 г.; описания Константинополя крестоносцами Эдом Дейльским (середина XII в.) и Робертом де Клари** (начало XIII в.) дают много ценных данных, но достоверность этих описаний не безупречна.

В большинстве исторических трудов имеются некоторые разрозненные сведения по городам. Довольно много сведений можно найти в источниках и о втором по величине и значению городе империи — Солуни (Фессалонике), важном портовом городе на берегу Эгейского моря.

Взятие Солуни арабами в 904 г. подробно описано солунским священником Иоанном Камениатой, о жизни которого нет никаких сведений. Не будучи писателем по профессии, Камениата писал под непосредственным впечатлением пережитых событий, что делает его рассказ весьма достоверным. В нем подробно описано местоположение Солуни и ее окрестностей, ход осады и взятие города. Интересны сведения о поселениях славян в окрестностях Солуни и о торговых отношениях горожан с жителями этих селений.

В анонимном сатирическом диалоге XII в., названном по имени его героя «Тимарион», содержится описание большой ежегодной ярмарки Солуни. Из него явствует, что в городе происходила оживленная торговля самыми разнообразными товарами, привозимыми из разных стран. «Я увидел, — говорит Тимарион, — все на свете, что создается руками ткачей и пряж, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса, все, что торговые корабли везут к эллинам из Италии. Немалую долю вносят также Финикия, Египет, Испания и Геракловы столпы, славящиеся лучшими в мире коврами».

В письмах афинского митрополита Михаила Акомината (конец XII в.) содержатся данные о средневековых Афинах, давно уже утративших свое былое значение. Письма Акомината содержат характеристику бедственного положения жителей Афин, разоряемых набегами морских пиратов и обремененных непосильными и несправед-

* См. стр. 193.

** См. стр. 119 и 124.

ливо налагаемыми на них поборами. Последнее обстоятельство характерно для феодальной раздробленности в империи накануне IV крестового похода, когда династы разоряли провинции, налагая на их жителей тяжелое бремя податей.

* *
*

Период X—XII вв. справедливо считается временем расцвета византийской культуры. К этим векам относится деятельность многих византийских писателей; тогда же были созданы замечательные памятники византийского искусства.

Ряд источников X в. появился в связи с деятельностью императора Константина VII Багрянородного (912—959), который не только был автором некоторых сочинений, но способствовал появлению ряда сборников, своего рода энциклопедий по отдельным отраслям знания — по истории, праву, военному делу, сельскому хозяйству,* медицине и ветеринарии. Из принадлежащих Константину сочинений надо отметить «Историю императора ромеев Василия I», составленную в 945—959 гг. Она основана преимущественно на труде Генесия** и написана в панегирическом тоне, вследствие чего данными этой истории следует пользоваться с осторожностью.

Трактат «Об управлении империей» (другое название — «О народах»); известен также под латинским названием*** «De administrando imperio»)⁵ был написан для сына Константина — Романа в 948—952 гг. с целью обучения и наставления будущего императора в вопросах международной и внутренней политики. Во введении указываются следующие темы трактата: 1) принципы византийской политики в отношении к соседним народам, а именно: «чем они опасны и как их можно удерживать, поднимая против них другие народы»; 2) «несновательные гребования народов и как на них отвечать»; 3) происхождение, нравы, отличия народов, география их стран, а «также о том, что происходило в разное время между отдельными народами и ромеями»; 4) «о различных нововведениях, происходивших в стране ромеев».

При составлении этого трактата Константином были использованы документы императорского архива, донесения послов, исторические сочинения, описания путешествий, что чрезвычайно повышает ценность этого памятника. К сожалению, он остался незаконченным во многих своих частях. В трактате содержатся, имеющие порой очень важное значение, сведения о следующих странах, сопредельных с Византией: Южная Италия, Сербия, Грузия, Армения, Северное Причерноморье, Венгрия, Аравия, Хазария, Северная Африка, Испания, Далмация, Хорватия,² Венеция, Русь.

Вместе с тем необходимо отметить, что это сочинение Константина, как и другие, важно для понимания политических воззрений византийских правителей X в., принципов византийской политики. Сопредельные страны привлекают внимание автора постольку, поскольку они могли быть объектами агрессивной политики правительства, полагавшего, что Византия, будучи всемирной империей, имеет право на все территории, когда-либо ей принадлежавшие. В трактате подчеркивается, что цель внешней политики империи заключается в присоединении потерянных ею областей на Балканах, в Малой Азии и Италии. Эта тенденциозная

* См. стр. 265.

** См. стр. 270.

*** Сочинения Константина Багрянородного, как и многих других византийских писателей, часто упоминаются под латинскими названиями, которыми эти сочинения были озаглавлены в их первых печатных изданиях.

цель трактата — не обстоятельное описание сопредельных стран, а разъяснение наследнику агрессивной внешней политики империи, — приводит к тому, что сведения трактата во многих случаях недостоверны; в нем содержится немало ошибок относительно истории и географии описываемых стран и народов.

Третье произведение Константина, известное под названием «О темах» (*De thematibus*), содержит географическое описание империи времен Юстиниана; к X в. относятся лишь новые названия и деление провинций. Это произведение составлено главным образом на основании утраченных сочинений VI в.

Значительный культурно-исторический интерес представляет составленное Константином в двух книгах описание византийских придворных церемоний, известное под названием «О церемониях византийского двора» (*De cerimoniis aulae Byzantinae*); в нем содержится описание церковных и гражданских византийских праздников, церемоний, сопровождавших назначение чиновников, придворных увеселений. При Константине же было предпринято составление энциклопедий по отдельным отраслям знания, из которых наибольшее значение имеет «Историческая энциклопедия», составленная из сочинений античных и византийских историков.

Вся «Энциклопедия» состояла из пятидесяти трех книг, в которых эксцерпты были подобраны по содержанию. Сохранилось всего четыре книги: 1) о посольствах (сохранилась полностью); 2) о добродетели и пороке (сохранилась неполностью); 3) о суждениях (сохранилась в важных отрывках); 4) о заговорах (сохранились незначительные отрывки). Известны также названия двадцати шести других книг, текст которых не сохранился. Эта энциклопедия должна была заменить собой многочисленные исторические сочинения (как античных, так и византийских авторов), число которых, по мнению составителей, так велико, что «объем истории возрос до бесконечности и непродолимости».

Ввиду того, что многие использованные для составления энциклопедии сочинения полностью утрачены, эти эксцерпты являются весьма важными источниками. Например, книга о посольствах содержит сведения о посольствах других народов к ромеям и сведения о посольствах ромеев к другим народам. В этой книге сохранились важные фрагменты из утраченного исторического сочинения Петра Патрикия (или Магистра, около 500—после 552), касающиеся событий первых веков н. э. В «Исторической энциклопедии» сохранились также отрывки из произведений другого историка VI в. — Менаандра Протиктора*.

Кроме того, по инициативе Константина Багрянородного были составлены сборники эксцерптов по ветеринарии, естественной истории, медицине и военному делу.

Для деятельности Константина и организованной им группы ученых и писателей характерно составление компилятивных трудов на основании произведений античных и ранневизантийских авторов; изучение и использование древнейших памятников способствовало оживлению литературы и науки в Византии X в., стимулировало составление новых компиляций и исторических сочинений, переписывание лучших произведений классической греческой литературы, составление комментариев к этим произведениям и т. д.

Вероятно, в связи с работами по составлению сборников эксцерптов находится и появившийся около 960 г. словарь Свиды, об авторе которого неизвестно ничего, кроме имени; ценность этого словаря не только в богатейшем лексикографическом и грамматическом материале, но также в фактических данных, расположенных по предметному принципу. Статьи словаря касаются самых разнообразных областей знания, но самыми важными являются литературно-исторические и биографические статьи, для составления которых были использованы многие сочинения, впоследствии полностью или частично утраченные. Например, у Свиды сохранились в пересказе законы болгарского князя Крума (802—815),** указания на исторические сочинения Петра Патрикия,

* См. стр. 32.

** См. стр. 105.

отрывки из сочинения Исихия Милетского (середина VI в.) и из «Истории» Менаандра Протиктора. Очень ценны данные биографических статей о произведениях отдельных авторов, так как они сообщают об утраченных сочинениях.

Сведения Свиды собраны из сочинений древнейших византийских писателей, из схолий (примечаний) к античным авторам, из исторической энциклопедии Константина Багрянородного и др.

К X в. относится деятельность и многих других византийских писателей, авторов важных для истории Византии произведений.

Иосиф Генесий⁶, происходивший из знатной семьи, также принадлежит к числу ученых, которых сгруппировал вокруг себя Константин Багрянородный. По поручению императора Генесий написал в четырех книгах историю императоров Льва V (813—820), Михаила II (820—829), Феофила (829—842), Михаила III (842—867) и Василия I (867—886).

Источниками Генесию служили как устные сведения современников, так и некоторые письменные памятники, например биография патриарха Никифора, составленная дьяконом Игнатием, и первоначальная редакция хроники Георгия Амартола. Однако сочинение Генесия, богатое ценным материалом, страдает отсутствием критического отношения к излагаемым фактам. Как представитель победившей партии иконопочитателей, Генесий приводит много небылиц, порочащих память императоров-иконоборцев. Будучи придворным историком Константина Багрянородного, Генесий старается также смягчить темные моменты в жизни Василия I Македонянина, отца Константина (особенно обстоятельства убийства Василием Михаила III).

Подробнее, чем в других источниках, описано у Генесия восстание Фомы Славянина (821—823). Благодаря этому его труд, несмотря на тенденциозность (он ненавидит восставших), является самым обстоятельным источником по истории этого восстания. Более краткие сведения об этих же событиях имеются в «Продолжении Феофана» («Theophanes continuatus» или «Scriptores post Theophanem»); под этим названием объединяют группу большей частью анонимных хронистов, которые по поручению Константина Багрянородного продолжили «Хронографию» Феофана,* описав события за 813—961 гг.

В начале «Продолжения» сказано, что хроника начинается там, где ее кончил Феофан. Все сочинение состоит из шести книг, из которых первые пять были написаны при Константине Багрянородном, вероятно по его поручению; в этих книгах описываются события с 813 по 885 гг. Шестая книга посвящена правлению императоров Льва VI, Александра, Константина VII Багрянородного, Романа I и Романа II, т. е. охватывает 886—962 гг. В первых пяти книгах заметна тенденция сбросить деятельность Македонской династии в самых привлекательных чертах, что снижает ценность этих пяти книг как источника. Для составления шестой книги была использована хроника Симеона Логофета, лишенная панегирического тона по отношению к императорам Македонской династии. Автором этой мало изученной хроники, представляющей собой продолжение хроники Георгия Амартола и излагающей историю империи за 843—948 гг., является Симеон Магистр и Логофет, возможно, тождественный с Симеоном Метафрастом, составившим в X в. большой свод житий святых, переработанных согласно требованиям церкви.**

* См. стр. 101—102.

** См. стр. 103.

Сведения о народном «великом восстании» Василия Медной руки в 932 г. сохранились только у Симеона Логофета.

В «Продолжении Феофана» содержатся ценные данные по внутренней истории империи; очень важны данные о павликианах и о восстании Хрисохира, которое наиболее подробно описано именно в этом источнике.

В пятой книге «Продолжения Феофана» содержится биография императора Василия I Македонянина, где описаны имения его покровительницы пелопоннесской аристократки IX в. Данилиды; это описание дает яркую характеристику хозяйства династов IX—XI вв., владевших обширными земельными участками, множеством рабов и евнухов, драгоценными тканями и сосудами. По словам источника, Данилида принесла императору роскошные дары, «какие до этого никогда ни один из царей чужеземных народов не приносил императору ромеев»; в числе этих даров была «не малая часть Пелопоннеса, которой (Данилида) владела на правах собственности».

События 965—975 гг., главным образом войны Византии с арабскими корсарам на о. Крите, с сарацинами в Малой Азии, с болгарами и Русью, изложены в одном только современном им источнике — «Истории» Льва Днакона (он же Лев Калойский)⁷. Это сочинение, основанное на собственных наблюдениях автора и устных сообщениях очевидцев, содержит ценные указания о поселениях, происхождении и нравах болгар и русских, для истории которых сообщения Льва являются одним из древнейших и достоверных свидетельств.

Жизнь и быт византийских феодалов восточных пограничных провинций Малой Азии конца X — начала XI вв. изображены в памятнике византийского эпоса начала XI в., основой которого является народная поэма о Василии Дигенисе Акрите; исторический фон поэмы образуют постоянные, почти не прекращающиеся стычки жителей этих провинций с арабами. Дигенис Акрит, т. е. «пограничник», принадлежал к числу защитников внешних границ империи, занимавших тогда полунезависимое от императорского двора положение. Таким образом, в поэме описывается обстановка восточных пограничных областей империи. Древние славянские переводы, известные под названием «Девгениева деяния», имеют немалое значение для восстановления первоначального греческого текста, ввиду того что от последнего сохранились только позднейшие обработки.

Политической истории XI—XII вв. посвящены сочинения нескольких авторов, из которых наиболее яркой фигурой является византийский ученый, писатель и государственный деятель Михаил Пселл (1018—около 1078), автор многочисленных сочинений по философии, медицине, физике, математике, астрономии, юриспруденции, грамматике и др. Сочинения Михаила Пселла дают представление об общем характере византийской образованности XI в. Его исторические мемуары, названные им «Хронографией»⁸, охватывают 976—1077 гг. В них ярко выражены интересы автора — доверенного лица членов императорской фамилии, льстивого придворного, интересующегося интригами двора в большей мере, чем внешней политикой империи. Но очень интересны яркие характеристики, даваемые Пселлом некоторым его современникам.

Наиболее достоверными являются сведения, касающиеся событий 976—1059 гг., так как эта часть мемуаров написана в более объективном тоне, чем последняя, посвященная времени правления Константина X Дуки (1059—1067), Романа IV Диогена (1067—1071) и Михаила VII Дуки Паралинака (1071—1078); эта последняя часть была написана по желанию Михаила VII и потому отличается явно выраженным стремлением восхвалять правление как самого Михаила VII, так и его отца Константина X.

В обширной переписке Михаила Пселла, которую он вел со многими образованными и знатными людьми своего времени, также содержатся некоторые данные по внутренней истории империи.

Ко второй половине XI в. относится составление хроники Иоанна Скилицы (около 1018 — после 1081), охватывающей события 911 — 1079 гг. В предисловии к хронике Скилица говорит о своем намерении написать сжатое руководство по истории, свободное от тенденциозности и пристрастия, основанное на сочинениях древних писателей. Источниками Скилице послужили «Продолжение Феофана», Гесий, Константин Багрянородный, Лев Диакон и др.

Труд Скилицы почти целиком был вставлен во всемирную хронику Георгия Кедрина, составленную в конце XI или начале XII вв. Текст Скилицы остался неизданным, так как он почти полностью вошел в издание Кедрин; поэтому ссылки обычно делаются на обоих писателей: Скилица—Кедрин. О Кедрине не имеется никаких сведений; по всей вероятности, он был монахом. Его «Всемирная хроника», начинающаяся с сотворения мира и доведенная до 1057 г., представляет собой компиляцию из Феофана, Георгия Амартола, Пасхальной хроники и т. п. Начиная с изложения событий 811 г. и до 1057 г. произведение Кедрин буквально воспроизводит хронику Скилицы, причем лишь несколько изменено введение и выпущены отдельные места.

Хроника Скилицы—Кедрин является одним из немногих современных источников по истории империи XI в.; в ней содержатся данные не только по политической, но и по социально-экономической истории империи, а также по истории Болгарии IX—XI вв.¹

К концу XI в. относится стоящий особняком среди прочих византийских источников «Стратегикон» Кекавмена. Это сочинение представляет собой сборник советов и наставлений, преподанных отцом своим детям; часть сочинения содержит советы и наставления, обращенные к царю. В «Стратегиконе» заключаются не только наставления по военному искусству, но также правила житейской мудрости, разумного управления хозяйством и семьей, приличного поведения и нравственности. Ценность сочинения Кекавмена не только в ознакомлении с византийскими нравами, со взглядами на семью и общество, но также во множестве эпизодов военной, политической и дипломатической истории, приводимых в качестве поучительных примеров. Часть этих эпизодов относится к концу X в. (ко времени Василия II Болгаробойцы и болгарского царя Самуила), а часть ко второй половине XI в. (к 1042—1071 гг.). Эти эпизоды рисуют историю византийских войн с болгарами, далматинские города в XI в., военные действия норманнов, историю Валахии и Армении и др.

Династии Комнинов, в первую очередь правлению императора Алексея I Комнина, посвящены связанные между собой сочинения Никифора Вриенния и Анны Комнины.

По своему содержанию сочинение Никифора Вриенния (1062—1137), которое он сам называет «историческим материалом», представляет скорее семейную хронику дома Комнинов за 1070—1079 гг., чем историю этого периода в настоящем смысле слова. Автора больше всего занимают придворные интриги, оппозиция знати, причины возвышения Комнинов, а из событий внешней истории — растущая опасность со стороны турок. В общем ценный фактический материал Вриенния нуждается в критической обработке, так как изложение страдает ярко выраженной тенденциозностью.

Сочинение Вриенния продолжила его жена, старшая дочь императора Алексея, Анна Комнина (1083—после 1148) в своей «Алексиаде»². Само название этого произведения указывает на его эпический характер, на то, что автор имел целью написать панегирик своему отцу. Фигура Алексея I Комнина, его подвиги, постепенное усиление дома Комнинов стоят в центре внимания Анны. «Алексиада» является также одним из важнейших источников по истории первого крестового похода.

так как в ней подробно описаны взаимоотношения Византии с крестоносцами, к которым Анна относится с откровенным недоверием. Несмотря на тенденциозный тон автора и неудовлетворительную хронологию отдельных событий, данные Анны Комнины заслуживают доверия, так как она пользовалась не только собственными наблюдениями и устными сообщениями современников, но также документами императорского архива и дипломатической перепиской. Ценны приводимые у Анны факты борьбы императора Алексея с павликианами.

Смертью Алексея I Комнина и вступлением на престол его сына Иоанна Комнина кончается всемирная хроника Иоанна Зонары (конец XI — середина XII в.), отличающаяся от прочих византийских хроник большим богатством фактов, извлеченных автором из использованных им источников, а также более или менее самостоятельной переработкой этих источников. Из 18 книг хроники Зонары лишь последние шесть посвящены византийской истории. Главная ценность этой хроники состоит в сохранении в ней некоторых важных античных источников. Только у Зонары сохранилась часть сочинения римского историка Диона Кассия (книги с I по 21). Для периода 457—565 гг. Зонара пользовался каким-то неизвестным, но очень ценным и полным источником, что делает хронику Зонары важной и для истории Византии V—VI вв. В XIV в. хроника Зонары была переведена на сербский, болгарский и русский языки; позднее Зонара был переведен и на латинский, французский и итальянский языки.

В середине или во второй половине XII в. была составлена всемирная хроника Константина Манассии в стихах, кончающаяся смертью Никифора Вотаниата (1081), переведенная в первой половине XIV в. на болгарский язык, возможно, для болгарского царя Иоанна Александра (1331—1365). Этот перевод хроники Манассии имеет важное отличие от греческого текста, так как на полях рукописи болгарский переводчик дополнил свой труд славянскими глоссами, касающимися истории болгар и их взаимоотношений с Византией.* Несмотря на краткость византийских известий, хроника Манассии широко использовалась в русских летописных сборниках и хронографах.

Конец XII и начало XIII вв., четвертый крестовый поход и разгром Константинополя крестоносцами описаны только в одном современном этим событиям, греческом источнике, именно — в «Истории» Никиты Акомината¹⁰ из Хон (середина XII в. — около 1220 г.). В этом сочинении, разделенном на 21 книгу, говорится о периоде с 1118 по 1206 гг., причем время правления Иоанна Комнина (1118—1143) изложено вкратце, а главное внимание уделено правлению Мануила Комнина (1143—1180). Сочинение Никиты, занимавшего важные должности при императоре и бывшего очевидцем многих событий, является довольно надежным источником, особенно по внутренней истории империи списываемого им периода. Подробно описано Никитой взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г., бедственное положение жителей города и беженцев, причем подчеркивается, что пострадали преимущественно имущие классы, а сельские парики и пастухи, низшие классы, рассматривали бедствия имущих как восстановление справедливости и надеялись на изменение своего положения к лучшему. Говоря о выпавших на долю его самого и его близких несчастьях, Никита пишет: «Таково было положение наше и всех тех, которые были с нами одинакового состояния и образованности. Между тем низкая чернь и уличная

* См. стр. 281.

сволочь обогащались через разграбление святынь, которые распродавали латиняне».

Далее описывается дележ имперской территории между вождями крестоносцев, разорение населения и сельского хозяйства, восстания местного населения против иноземного ига. Немало сведений содержится в «Истории» Никиты о борьбе болгар против византийского господства, а также по внутренней истории Сербии и Болгарии, однако данные об этих народах отрывочны и не всегда достоверны; например, поверхностно и не вполне верно изложены события войны со Стефаном Неманей.

Никите Акоминату принадлежат также некоторые другие труды, из которых следует отметить небольшое сочинение о статуях, разбитых крестоносцами в 1204 г. Это почти единственное сочинение византийского писателя, в котором говорится о произведениях античной скульптуры, украшавших столицу империи.

Истории середины XII в., в особенности правлению Мануила I Комнина (1143—1180), посвящен исторический труд секретаря Мануила — Иоанна Киннама (около 1145—после 1185), излагающий в семи книгах историю Византии с 1118 по 1176 гг., причем правление Иоанна (1118—1143) описано кратко только в первой книге. Автор обращает главное внимание на военную деятельность Мануила, его походы. Для составления своего труда Киннам, видимо, пользовался документами императорского архива, что повышает источниковедческую ценность его сочинения, несмотря на явное наличие в нем стремления приукрасить личность Мануила.

История империи в XIII—XV вв. отражена в сочинениях нескольких историков, однако с неодинаковой полнотой. Лишь немногие источники касаются внутренней истории Никейской империи (1206—1261). Как уже говорилось, скудны сведения о византийском городе позднего периода и лишь очень небольшое число документов касается светского землевладения. Напротив, данные по политической истории многочисленны и разнообразны; немало также данных по истории культуры. Большое внимание уделяют историки XIII—XV вв. вопросам церковной догматики и полемики.

Главным источником по истории Никейской империи (периода, сравнительно мало изученного в историографии) служит труд Георгия Акрополита¹¹ (1217—1282), бывшего наставником наследника престола Феодора Ласкаря, первым министром и доверенным лицом императора Михаила VIII Палеолога (1259—1281). «Летопись» Акрополита включает события 1203—1261 гг. и является продолжением труда Никиты Акомината; в ней довольно подробно описаны события внутренней политической истории Никейской империи, а также ее взаимоотношения с крестоносцами, Эпирским деспотом, болгарскими и турками; особое внимание уделяется постепенному собиранию греческих земель в руках Никейского императора, а также возвышению Михаила VIII Палеолога. При изложении деяний Михаила Акрополит изменяет своему обычному объективному тону и старается представить своего героя в наилучшем свете.

Важнейшими источниками по истории второй половины XIII и до середины XIV вв. являются сочинения двух историков — Георгия Пахимера (1242—1310) и Никифора Григора (1295—около 1360), принадлежавших к числу образованнейших людей своего времени и занимавших ответственные должности.

Пахимер написал «Историю» в 13 книгах, охватывающую события 1261—1308 гг. и являющуюся, следовательно, продолжением «Хроники» Акрополита. Никифор Григора составил «Историю ромеев»¹² за 1204—1359 гг., служащую продолжением и отчасти дополнением труда Пахимера. Кроме того, и Пахимеру и Григоре принадлежат сочинения по другим областям знания — по риторике, философии и богословию, а Григоре, сверх того, — по астрономии и грамматике.

В исторических сочинениях этих обоих писателей довольно подробно излагается политическая история описываемых ими периодов. Имеются сведения и по социально-экономической истории; например, у Пахимера есть данные о восстании крестьян в Вифинии в 1262 г., в результате которого была ослаблена оборона малоазийских провинций против турок-сельджуков. О восстании зилотов в 1343 г. в Солуни у Григоры сообщаются чрезвычайно важные сведения, хотя и окрашенные ярко выраженной личной антипатией автора к восставшим. Оба автора немало внимания уделяют церковной полемике своего времени, в которой они (особенно Григора) принимали активное участие.

Восстание 1341 г. в Адрианополе описано в мемуарах императора Иоанна VI Кантакузина, касающихся событий 1320—1356 гг.; эти мемуары — важный источник для внутренней истории империи XIV в., однако сведения Кантакузина требуют критической оценки, так как автор описывает события пристрастно, ставя себя в центре всего изложения и всячески стараясь очернить своих врагов.

События последних десятилетий существования империи, осада и захват Константинополя турками в 1453 г. и дальнейшее их продвижение на Балканском полуострове и островах Эгейского моря произвели сильнейшее впечатление на современников и были описаны в целом ряде произведений, из которых важнейшими являются труды Дуки, Георгия Франдзи, Лаоника Халкокондила и Михаила Кривоула.

Дука¹³ (ум. около 1462) написал историю событий за 1341—1462 гг.; название его труда, дошедшего до нас в единственной рукописи, не сохранилось. Биографические сведения о Дуке скудны и могут быть извлечены только из его сочинения. Он принадлежал к семье, родственной императорскому дому Дуков, занимал должность секретаря при генуэзском подеста в Фокее и был сторонником унии с Римом, откуда надеялся получить помощь для отпора туркам.

После падения Константинополя Дука был послан властителем Лесбоса Гаттелузи к султану для переговоров относительно притязаний турок на этот остров.

В начале сочинения Дуки помещен хронологический перечень византийских императоров до Палеологов. События византийской истории до 1389 г., т. е. до Коссовской битвы, изложены весьма кратко; зато история последующих лет написана автором-современником очень подробно и живо. Дука был хорошо осведомлен о турках, сам наблюдал их приготовления к осаде столицы. У него имеются некоторые данные о турецкой администрации, о янычарах. Последние три главы посвящены истории Лесбоса за 1453—1462 г., вплоть до захвата Лесбоса турками. Сочинение Дуки, написанное живым языком с элементами уже новогреческого языка, является надежным источником для событий с конца XIV в. по 1462 г.; оно сохранилось не только в греческом оригинале, но также в старом итальянском переводе, несколько дополняющем греческий текст.

Георгий Франдзи¹⁴ (1401—около 1481) занимал важные государственные должности при последних Палеологах и выполнял ответственные дипломатические поручения. Поэтому он лучше Дуки осведомлен о событиях последних лет существования империи. Его «Хроника» (сохранившаяся в распространенном и кратком вариантах) охватывает 1258—1476 гг. и была закончена в 1477 г.; в первой книге содержится история династии Палеологов от Михаила VIII до смерти Мануила II в 1425 г.; со второй книги, включающей события 1425—1448 гг., изложение становится более подробным; в третьей описаны осада и взятие

Константинополя; наконец, последняя книга посвящена междоусобной борьбе Палеологов — деспотов Пелопоннеса, и покорению Пелопоннеса.

Хроника носит автобиографический характер; автор приложил немалые усилия, чтобы получить помощь с Запада, и был в числе защитников Константинополя во время осады. Будучи доверенным лицом императора, он знал и записал в своей хронике численность гарнизона (4973 грека и около 2000 иноземцев), сведения о флоте, имевшемся в распоряжении осажденных, о военной технике осажденных и осаждавших. Ход осады изложен очень подробно, указано расположение войск и военачальников в городе. После взятия города Франдзи со своей семьей был взят в плен, а его дети погибли от рук турок. Как православный грек, горячо преданный последнему императору Константину VIII, Франдзи с гневом и горечью пишет о турках, о равнодушии «латинян», рассматривавших падение Константинополя как божье наказание грекам за их ересь, о малодушных соотечественниках, в страхе бежавших из осажденного города, наконец о мужестве и доблести последнего императора.

Для истории осады Константинополя хроника Франдзи является надежным источником. В языке хроники встречаются турецкие и итальянские слова; он пишет простым народным языком, но без вульгаризмов, свойственных Дуке.

Лаоник Халкокондил¹⁵ (в сокращенной форме Халкондил, около 1447—1511) был родом из Афин. Он первый из византийских историков описал в своей «Истории», охватывающей 1298—1463 гг., не только последние годы гибнущей империи, но и историю турок на Балканах, рост могущества турецкого государства, постепенный захват турками греческих и славянских земель. Особенно подробно изложены происхождение, военная организация и победы турок, причем в рассказ введены также сведения (не всегда, однако, точные) о народах Балканского полуострова и Западной Европы, об обычаях и образе жизни народов Венгрии, Германии, Италии, Испании, Франции и Англии.

Халкокондил не был очевидцем многих излагаемых им событий; как источник его сочинение менее достоверно, чем труд Франдзи. Не будучи туркофилом, он не ставил себе целью написать панегирик турецкому султану, как Кривоул; вместе с тем он не является таким преданным православию греком, как Франдзи.

Михаил Гермодор Кривоул¹⁶ (родился около 1400) отличается от трех вышеперечисленных авторов XV в. ярко выраженной туркофильской направленностью. Его сочинение называется «История Мехмета II» и охватывает 1450—1467 гг., т. е. первую половину царствования этого султана. Фигура Мехмета и его подвиги стоят в центре внимания автора; однако он не ограничивается историей турецкого государства, но касается также внешней и внутренней истории Византии в последние годы ее существования и истории соседних с Византией государств, постепенно захватываемых турками.

Нужно отметить, что во всех сочинениях византийских историков XIV—XV вв. содержатся многочисленные и разнообразные сведения по политической, социально-экономической и культурной истории не только самой Византии в последние десятилетия ее существования, но и других народов Балканского полуострова — сербов, боснийцев, болгар, албанцев, валахов. В этих хрониках описана героическая борьба южных славян с турками и постепенное продвижение турецких войск в славянские земли; в них же содержатся важные данные по внутренней истории балканских стран, материалы для изучения их экономики. Так, у Кривоу-

ла находим описание географического местоположения, природы и экономики Сербии в XV в., причем подчеркивается всеинное могущество Сербии, наличие в этой стране горных промыслов и цветущих городов. Халкокондил сообщает данные о происхождении сербов и болгар, об их географическом распространении, дает краткое описание Боснии; город Рагузу (Дубровник) Халкокондил называет «славянскими Афинами», указывая этим сравнением на культурное значение Рагузы.

Франдзи и Дука ограничиваются описанием военных действий турок в этих землях и борьбы с турками; но и у Дуки имеется краткое описание Белграда, а также некоторые данные по внутренней истории Сербии.

В труде Критовула содержится некоторый материал по истории Албании, описание ее природы, населения и общественного строя. Но, стремясь затушевать неудачи турок в походах против албанцев, автор искажает историю героической борьбы албанского народа с турками и умалчивает о победах Скандербега.

Основным источником для истории Скандербега является его биография, составленная албанцем Мартином Барлезием (вторая половина XV в.), — «О жизни, нравах и деяниях против турок Георгия Кастриота» (*De vita, moribus ac rebus praecipue adversus turcas gestis Georgii Castrioti*)¹⁷. Кроме собственных сведений и народных сказаний, автор использовал труды итальянских историков-гуманистов Энея Сильвия Пикколомини, Павла Джовио и других современников Скандербега. Фактический материал достоверен и точен; это подтвердилось недавно при исследовании итальянских архивных документов, содержащих сведения об Албании и Скандербеге. Труд Барлезия пронизан патриотизмом; автор восхищается подвигами и доблестью национального героя Албании. Биография была переведена в XVI в. на многие языки, в том числе и на польский. Польский перевод в XVII в. был положен в основу русской «Повести о Скандербеге княжате албанском».

ГЛАВА XIX

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН

Для южнославянских стран X—XV вв. характерна чрезвычайная скудость дошедших до нас исторических источников. Виной тому массовое уничтожение древних славянских, особенно болгарских, памятников письменности в период турецкого завоевания и владычества, когда погибло множество грамот, летописей, житий и т. д. Имеющиеся в распоряжении науки источники представляют собой лишь жалкие остатки того богатого фонда различных рукописей, о наличии которого сохранились свидетельства современников. Отсутствием достаточного количества источников объясняются многие пробелы в наших знаниях по истории славянских народов Балканского полуострова X—XV вв. Ценнейшие сведения о развитии производительных сил в Болгарии, Сербии, Хорватии и Далмации доставляет археология. Все растущий фонд археологических памятников свидетельствует о прогрессе в изготовлении сельскохозяйственных орудий и земледелия в целом, о росте городов и растущей дифференциации ремесла, о строительстве каменных дворцов и церквей с богатым художественным убранством, о развитии горного дела и т. д. Рисунки в рукописях XIV—XV вв. и церковные фрески нередко изображают воинов с типичным для того времени вооружением.

История болгарского народа в X—XV вв. была осложнена двумя тягостными для него обстоятельствами. В XI—XII вв. над страной владычествовала Византия, в XV в. над ней на долгие века нависло тяжелейшее турецкое иго.

Иноземное господство весьма пагубно отразилось на состоянии болгарских источников. Особенно тяжело пострадал фонд болгарских грамот. Византийское владычество в XI—XII вв. препятствовало развитию в ту пору болгарского национального законодательства, появлению болгарских грамот и других документальных и правовых памятников, являющихся, как неоднократно указывалось, важнейшими источниками для истории феодальных производственных отношений. Некоторые известия о социально-экономических отношениях в Болгарии XI—XII вв. можно почерпнуть из жалованных грамот (хрисовулов) византийских императоров. Так, для характеристики развития феодальной зависимости болгарского крестьянства в эту пору важны хрисовулы, дарованные болгарским церковным учреждениям. В них перечислены зависимые крестьяне, обязанные работать на монастырь или епископа. Угнетение византийцами болгарских крестьян явствует из хрисовула 1095 г. Алексея I Комнина, где говорится о продаже родителями своих детей в рабство. В уставе монастыря Григория Пакуриана (XI в.), одного из крупнейших землевладельцев, организовавшего монастырь в своих болгарских владениях и составившего для него устав, содержится подроб-

ный перечень многочисленных барщинных и оброчных повинностей крестьян. Это очень ценный источник для истории феодальных производственных отношений. Письма и послания представителей высшего византийского духовенства, возглавлявших тогда болгарскую церковь (архиепископа Охридского Феофилакта, митрополитов Евстафия Солунского и Михаила Акомината и др.) рисуют чрезвычайно тяжелое экономическое и политическое угнетение болгарского крестьянства правящими кругами Византии.

От периода второго болгарского царства (XIII—XIV вв.) сохранилось несколько царских грамот¹. Хотя их очень мало и они носят преимущественно местный характер, но в целом феодальные производственные отношения в крупном монастырском землевладении обрисованы в них очень выпукло. В большинстве случаев это жалованные грамоты (хрисовулы) болгарских царей большим монастырям: Вирпинскому, Зографскому, Рильскому и др. К ним нужно присоединить и грамоты сербских королей конца XIII—первой половины XIV вв. (когда часть Западной Болгарии временно принадлежала Сербии), например грамоту Стефана Милутина болгарскому Вирпинскому монастырю. В грамотах перечислены права и привилегии монастырей: право иммунитета, огромные владения (села, сады, виноградники, леса, пастбища, рыбные ловли и т. п.), зависимые крестьяне (иногда поименно) и следующие с них поборы и повинности, ремесленники («технитариус») — кузнецы, столяры, строители и т. д., обслуживавшие крестьян и монастырское хозяйство. В грамотах говорится об общинных угодьях. В них имеются сведения о налоговой и судебной системах в Болгарии, так как в них содержатся названия всех видов налогов, от которых освобождались монастыри, и перечисляются многочисленные государственные чиновники, из-под ведомства которых изымались монастырские люди.

Размеры и характер болгарской торговли в XIII—XIV вв. отчасти охарактеризованы в царских грамотах. Грамоты Ивана и Михаила Асенея (около 1230 и 1253 гг.) предоставляют дубровницким купцам право беспошлинной торговли в Болгарии; грамота Ивана Александра от 1352 г. определяет права венецианских купцов, уплачивающих со своих товаров 3% таможенных пошлин. Право беспошлинной торговли купцам семиградского города Брашова предоставляет грамота, изданная около 1369 г. Грамотой добруджского деспота Иванка от 1387 г. генуэзским купцам были дарованы многие привилегии: право иметь в болгарских городах своих консулов, уплачивать пошлину лишь в размере 1% и т. д. О развитии внутренней торговли имеются сведения в грамоте Ивана Шишмана Рильскому монастырю от 1378 г., в которой монастырским людям даровано право свободной торговли по всей стране.

Свода законов, подобного сербскому Законнику Стефана Душана, в Болгарии XIII—XIV вв. не сложилось, но Законник действовал в XIV в. на территории Болгарии и поэтому может служить источником и для этой страны.

Тяжкое состояние болгарской экономики в XV в., т. е. после турецкого завоевания, отобразено в турецких источниках.*

Политическую историю Болгарии обрисовывают надписи, жития, болгарские летописи и византийские хроники, апокрифические и литературные памятники и т. д. В X—XIV вв. существовал обычай делать надписи на камнях, столбах или колоннах. Так, надпись царя Симеона от 904 г. дает некоторое представление об управлении страной, об ее раз-

* См. стр. 342.

делении на области. На колонне в церкви Сорока мучеников в Тырнове сохранилась надпись, повествующая о победе в 1230 г. Ивана Асеня в Клокотницкой битве над эфирским деспотом.

Древние болгарские жития появились в X в., когда у болгар уже давно сложилась своя письменность и имелись произведения на родном языке. Ревностным защитником болгарской письменности был Черноризец Храбр,* доказывавший в своем труде «О письменах», написанном около 930 г., что славянское письмо имеет такое же право на существование, как и греческое, римское и др. Жития первой половины X в. были посвящены ученикам Константина и Мефодия, продолжавшим их дело в Македонии и в Болгарии: Клименту, епископу Величскому, (ум. 916) и Науму Охридскому (ум. 910). Они были записаны с их слов кем-то из их учеников. Во второй половине X в. было составлено житие болгарского святого X в. Ивана Рильского. Все эти древние памятники не дошли до нас в своем подлинном виде. В XII—XIII вв. они были сознательно уничтожены византийцами из числа упреждавшего тогда болгарской церковью высшего духовенства, стремившегося искоренить болгарский язык и болгарскую письменность. Житие Климента Величского подверглось тенденциозной обработке со стороны охридских архиепископов. Один из них, уже упоминавшийся Феофилакт (1094—1107), составил на греческом языке пространное житие Климента; другой — Дмитрий Хоматиан (1216—1234) — краткое житие (сохранился его болгарский перевод). В обоих греческих житиях использован фактический материал болгарского жития X в., но форма и дух привнесены из византийской агиографии. В 1170 г. по поручению Мануила I Комнина византийский писатель Иоанн Скилица подверг такой же переработке болгарское житие св. Ивана Рильского. Все рукописи, содержавшие тексты древних болгарских житий, были затем уничтожены.

Но даже в пору тяжелого угнетения и несправия в болгарском народе бережно хранилась память о славном прошлом. Свидетельством тому является анонимное произведение XI в. «Сказание Исая пророка», в котором использованы устные народные предания и легенды.

Расцвет в XIV в. болгарской культуры и возрождение национальных традиций содействовали изгнанию из житийной литературы византийского влияния, возвеличению памяти Константина и Мефодия и их учеников. Появились новые жития Константина («Успение Кирилла» и «Солунская легенда») и Климента Величского², так называемая «Охридская легенда», основанная целиком на болгарских материалах и выдержанная в национальном духе. Несколько житий болгарских святых (в том числе новое житие Ивана Рильского) написал патриарх Евфимий Тырновский (около 1320—около 1393). Они важны для характеристики некоторых исторических деятелей, для истории культуры и быта. Константинопольский патриарх Каллист (1350—1363) составил житие Феодосия Тырновского³; в нем, как и в некоторых других житиях XIV в., содержатся исключительно ценные сведения для истории богомилского движения в то время.

Краткие летописные записи появились в Болгарии очень рано,* но их развитие было прервано в XI—XII вв. византийским владычеством. В XIII в. они возобновились; период их расцвета приходится

* Вопрос о личности Черноризца Храбра остается до настоящего времени спорным.

** См. стр. 106.

на середину и вторую половину XIV в. В 1340-х гг. для царя Иоанна Александра (1331—1371) было изготовлено несколько рукописей, в том числе богато иллюстрированный список всемирной стихотворной хроники византийца XII в. Константина Манассии и сборник с текстами различных произведений, среди которых особый интерес представляет перевод этой хроники на болгарский язык, сделанный в те же годы. Перевод сопровождается болгарскими глоссами, т. е. приписками, имеющими исключительную ценность, так как в них использованы исчезнувшие древние болгарские летописи. Они содержат материал по истории Болгарии с конца V в. до падения первого Болгарского царства в 1018 г. В краткой форме даны сведения о первых переселениях славян и протоболгар на севере Балканского полуострова, о войнах с Византией и с венграми, о принятии христианства и т. д.

Еще в XVIII в. существовала в Болгарии в своем полном виде большая Терновская летопись, составленная в середине XV в. (до 1453 г.) каким-то духовным лицом, болгаринном, писавшим на родном языке. До нас дошла лишь ее часть за 1296—1417 гг. Она представляет собой уже не краткие записи, а настоящую хронику с довольно точной хронологией, основанную на письменных источниках и устных известиях.

В византийских хрониках X—XV вв. очень много ценных сведений по истории Болгарии; описаны главным образом политические события, но встречаются некоторые сведения о городском ремесле, о социальном составе болгарских городов и т. д. В трудах историков X—XII вв. Гелесия, Иоанна Камениаты, Льва Диакона, Никифора Вриенния, Анны Комнины, Иоанна Киннама и других,* данные о Болгарии носят несколько односторонний характер и касаются преимущественно взаимоотношений Византии с Болгарией, которая интересовала этих авторов лишь как подчиненная Византии страна. Характерно, что большинство из них не употребляло даже названий «Болгария», «болгары», считая, что болгарский народ под владычеством Византии потерял всякую самостоятельность и полностью эллинизировался.

Ценные данные о крестьянской войне в Болгарии в 1273—1280 гг. под руководством пастуха Ивайла содержат хроники XIII—XIV вв. Никифора Григоры и Георгия Пахимера.** У византийских историков XIV—XV вв. Иоанна Кантакузина, Дуки, Франдзи и Михаила Критовула имеется немало интересных данных не только о внутреннем положении Болгарии но и о сопротивлении болгар напору турок.***

О восстании болгарского народа против турок в начале XV в. имеются краткие, но очень ценные упоминания в сербском «Житии Стефана Лазаревича»****

Особую и очень важную группу исторических памятников составляют источники по истории богомильского движения X—XIV вв., родиной и главной ареной которого была Болгария. Почти все произведения самих богомилов, как и других средневековых еретиков, были уничтожены преследовавшими их духовенством и правительством. Из числа немногих уцелевших богомильских сочинений наиболее интересным является «Книга св. Иоанна», называвшаяся у богомилов «Тайной книгой». Сохранился лишь латинский перевод, сделанный с утраченного

* См. стр. 270 и сл.

** См. стр. 274—275.

*** См. стр. 275 и сл.

**** См. стр. 285.

славянского оригинала. В источнике изложены основные положения учения богомилов.

В письме Константинопольского патриарха Феофилакта к болгарскому царю Петру (927—969) содержатся ценные сведения о начале богомильского движения в Болгарии.

В большинстве случаев известия об еретиках дошли до нас в искаженном виде, в официальных актах или в трудах их врагов. Поучения — «Беседы»⁴ некоего Козьмы пресвитера (о котором известно только, что он жил в середине X в.) содержат описание обычаев и правил, принятых у богомилов, но все касающееся их образа жизни и их воззрений изложено в крайне враждебном и тенденциозном освещении. В таком же духе составлено полемическое сочинение византийского богослова Евфимия Зигабена «Против богомилов», написанное около 1114 г. Очень интересным источником является «Синодик»⁵ царя Борила III (1207—1218), принятый на Тырновском церковном соборе 1211 г., когда богомилы были осуждены и подвергнуты суровым наказаниям. Главная ценность этого источника заключается в том, что в нем сообщены сведения об учении богомилов, их проповедях и обрядах. Кроме того, в «Синодике» содержатся предписания, касающиеся болгарской церкви, и анафема (проклятие) всем покушающимся на церковные земли и имущество, т. е. свидетельство о борьбе крестьян (а возможно и светских феодалов) с ростом церковного землевладения.

Богатый болгарский эпос, песни, легенды отразили различные эпизоды борьбы с Византией и затем с турками. В народе хранились и были затем записаны апокрифы, т. е. сказания о библейских и новозаветных лицах, отвергнутые православной церковью и близкие к учению богомилов. К их числу относятся протоевангелия Иакова, послания Пилата в Рим, сказания о смерти Авраама, деяния апостолов Матфея и Андрея и т. п. В них нашла отражение народная идеология феодального периода Болгарии; все они так или иначе направлены против феодальных порядков. Ценность их как источников велика еще и потому, что в них рассеяно множество интересных черточек из жизни и быта крестьянства и городских ремесленников. К ним примыкают различные «гадательные» книги, содержащие интересные метеорологические наблюдения, нужные для сельскохозяйственных работ.

Среди литературных памятников, которые необходимо отметить ввиду общей скудости сохранившихся болгарских источников, выделяется «Шестоднев» писателя X в. Иоанна Экзарха, содержащий историю сотворения мира по библейскому преданию. Самой интересной частью «Шестоднева» является целиком принадлежащее автору введение (основной текст представляет собой компиляцию из трудов византийских писателей), в котором очень живо описаны нищета болгарского крестьянства (смердов) и роскошь царского дворца и церквей в столице Болгарии г. Преславе. Интересно, что археологические раскопки последнего времени подтвердили свидетельство Иоанна Экзарха. Раскопанные остатки дворца сохранили следы богатого декоративного убранства.

«Бдинский сборник» был составлен в середине XIV в. для царицы Анны, жены Ивана Странника, и представляет собой собрание житий и похвальных слов добродетельным женщинам.

В сообщениях некоторых иностранных путешественников разбросаны порой весьма ценные данные о Болгарии. Путешественники XII в. араб Идриси и участники третьего крестового похода Арнольд Любекский* говорят о величии и богатстве болгарских городов. Проехавшие через Болгарию в XV в. француз де ля Брокьер** и итальянский гуманист Буонакорси указывают на тяжелое положение болгар под владычеством турок и на их горячее желание сбросить ненавистное иго.

* См. стр. 242.

** См. стр. 286.

Сербия

Для самого раннего периода сербской истории, охватывающего X—середину XII вв., сохранилось очень мало известий, преимущественно в иноземных источниках. Византийский император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей», составленном в 948—952 гг., пишет о земледелии и скотоводстве у сербов, о распространении христианства по православному обряду, перечисляет области и укрепленные города. Арабский писатель первой половины X в. Аль-Масуди называет сербов грозным и независимым народом. Хорватский летописец XII в., Дуклянский пресвитер* сообщает о княжении Чеслава (середина X в.) и о распаде сербского княжества после его смерти. Несмотря на скудость и отрывочность сохранившихся сведений, они свидетельствуют о том, что к середине X в. отдельные славянские племена северо-запада Балканского полуострова слились в один народ под названием сербов, что послужило основой для развития сербской народности и сербского феодального государства. Сербские письменные источники, сохранившиеся с середины XII в., отражают уже сложившиеся феодальные отношения и развитую политическую структуру сербского общества.

Основным источником для истории производственных отношений в Сербии XII—XIV вв. являются княжеские и королевские жалованные грамоты (хрисовулы). Древнейшие из дошедших до нас крайне немногочисленны; они относятся ко времени великого жупана Стефана Немани (1160—1196) и касаются дарений монастырям многих сел с крестьянами, обязанными работать на монастырь. Хрисовул 1196 г. Студеничскому монастырю содержит редкие для того времени и поэтому особенно ценные сведения о форме феодальной ренты (преобладание ренты продуктами). Хрисовулы конца XII и первой половины XIII вв. также относятся, равно как и последующие, к монастырскому крупному землевладению (о поместьях светских феодалов не сохранилось почти никаких источников). Грамоты обрисовывают рост монастырских владений и углубление классовой дифференциации. Особенно ценна в этом отношении Жичская грамота краля Стефана Первовенчанного (1196—1224), в которой юридически оформлено сложившееся еще ранее деление сербского общества на властелей, воинов и убогих. В хрисовулах Владислава (1234—1243) и Милутина (1282—1321) содержатся данные, свидетельствующие о развитой системе феодальной собственности на землю — об аллодах (баштинах) и бенефициях (прониях), об иммунитете («свободе»), прекариях, феодально зависимых крестьянах (меропхах), свободных крестьянах и потомках рабов (отроках). В некоторых грамотах дано подробное перечисление крестьянских повинностей, упомянуто и о ремесленном производстве (железные и кожаные изделия, сукна и т. п.). Особенно много грамот (свыше 80) сохранилось от времени Стефана Душана (1331—1355); в некоторых из них перечислены сотни даримых крестьянских семей.

От второй половины XIV в. сохранились дарственные грамоты, данные монастырям крупными феодалами (властелями).

При наличии у монастырей огромного количества земель в Сербии, как и повсюду, появились особые описи поместий, но, к сожалению, они сохранились лишь в незначительном количестве. В описи Хтетовского монастыря содержатся ценные сведения как о подаренных («задушники»), так и купленных («купленицы») землях.

* См. стр. 287.

Во второй половине XIII в. в связи со значительным ростом производительных сил расцветает сербская торговля. Главными источниками являются договоры с Дубровником.* Уже при крале Уроше Великом (1243—1276) были заключены торговые договоры, уравнившие права сербских и дубровницких купцов в беспощинной торговле. Тексты договоров Милутина и особенно Стефана Душана содержат ценные сведения о характере и объеме сербской торговли и вообще о тесных экономических и политических связях Сербии с Дубровником.

Главным источником для исследования сербского общества середины XIV в. служит замечательный памятник сербского феодального права — Законник Стефана Душана⁶. До появления этого свода сербское обычное право существовало в устной традиции; в письменных источниках встречаются лишь отдельные сведения о некоторых правовых нормах. Так, например, в хрисовуле Уроша от 1254 г. перечислены наказания за убийство, за помощь рабу в бегстве и т. п.; в хрисовулах Милутина говорится о клятвах, о границах сельских общин. Церковное право было записано в принятой в Сербии византийской «Кормчей книге». К середине XIV в. развитие феодальных отношений и усиление феодальной эксплуатации поставило в порядок дня их юридическое закрепление законом. Еще в 1330-х гг. были переведены на сербский язык и прокомментированы памятники византийского феодального права — «Закон царя Юстиниана» и другие судбники. Затем было записано сербское обычное право, и в 1349 г. собору знати и церкви в г. Скопле был представлен текст законника, который был одобрен и утвержден собором.

Законник Стефана Душана представляет собой отчасти запись обычного права, отчасти собрание указов сербских кралей, в том числе и Стефана Душана. Имеются некоторые заимствования из византийского права, но приспособленные к сербским условиям.

Источник содержит систематизированную картину сербского феодального общества. Крестьянство с большими семьями — задругами расчленено на несколько групп. Основную массу составляют меропки, от которых Законник отнимает право перехода; имеются свободные крестьяне и бесправные потомки рабов. Для крестьян всей Сербии установлена норма барщины — два дня в неделю. Укреплены и точно описаны права феодалов на баштины и пронии, обрисована феодальная иерархия (властели и властеличи). Закон запрещает сборища крестьян и охраняет интересы феодалов. Шкала штрафов за убийства подчеркивает классовое деление общества.

В 1354 г. были приняты дополнительные статьи к Законнику, усилившие крепостнические порядки и борьбу с побегам крестьян.

Сербские летописи начали составляться во второй половине XII в., об этом имеются известия в источниках начала XIII в., но сами летописи не сохранились. Древнейшими из дошедших до нас повествовательных источников являются жизнеописания королей и архиепископов, появившиеся в конце XII в. и составившие затем целый цикл житийной литературы, посвященной главным образом членам династии Неманичей. Первые два — «Жизнеописания св. Симеуна» (т. е. Стефана Немани) — были написаны его двумя сыновьями: первым сербским архиепископом Саввой (1169—1237) и кралем Стефаном Первовенчанным. Авторы прославляют великого жупана как основателя сербского государства, распространителя православия и искоренителя ереси богомилов. Ученики

* См. стр. 288.

Саввы, монахи Феодосий и Доментян, составили жития своего учителя, Стефана Первовенчанного и его сыновей. К этому своду жизнеописаний в начале XIV в. примкнул «Родослов» или «Цароставник» архиепископа Даниила II (ум. 1336)⁷. Член знатной семьи, человек образованный и влиятельный, Даниил написал жития кралей Драгутина и Милутина; его ученик дьякон Даниил и другие продолжатели «Родослова» довели этот свод до 1376 г., включив в него и жития сербских патриархов.

Все жития «Родослова» представляют собой панегирики кралям и духовным владыкам. О темных сторонах их деятельности авторы жизнеописаний умолчали, а некоторые события сознательно исказили (например убийство Стефана Дечанского). Но в житиях встречаются важные сведения по хронологии сербской истории; в них рассеяны сведения о некоторых чертах быта и социально-экономических отношений. Среди житий выгодно выделяются два, посвященные Стефану Дечанскому. Первое составлено монахом Феохтистом и отличается более богатым содержанием и точной передачей событий без риторических прикрас, второе принадлежит игумену Дечанского монастыря, впоследствии киевскому митрополиту, Григорию Цамблаку (ум. 1419) и содержит интересное описание процветания Сербии в начале XIV в.

Краткое «Житие князя Лазаря» посвящено главным образом битве на Коссовом поле 1389 г. Очень достоверные и важные сведения об этом трагическом для Сербии событии содержатся в русском источнике «Хождение митрополита Пимена в Царьград». Посетившие в 1389 г. Балканский полуостров русские духовные лица, спутники Пимена, составили записи о своем путешествии, включив в них собранные ими сведения о Коссовском сражении. На основе этих записей смоленский дьякон Игнатий написал текст «Хождения».

Очень ценным источником по истории начала XV в. является «Житие деспота Стефана Лазаревича»⁸ (ум. 1427), составленное в 1431 г. переселившимся в Сербию болгаринцем Константином Философом. Гуманистически образованный автор значительно расширил рамки традиционных житий. Он собрал богатый и достоверный материал, используя также грамоты, изданные деспотом. В начале труда имеется описание Сербии, ее гор, климата, почвы, рек, причем автор подчеркнул обилие природных богатств страны. Говоря о населении, он разделил его на простой народ, духовенство и господ. Описаны строительство городов, отношения с турками, охарактеризованы личность и деятельность Стефана.

Старейшие из дошедших до нас летописей были составлены не ранее второй половины XIV в., но сохранились они лишь в списках XV в. и более поздних. Летописи были составлены на основе как исчезнувших древних записей, так и житий, отдельных заметок современников в богослужебных книгах и устных сведений, собранных летописцами. Для древней истории славянства и для известий по истории Сербии XI—XII вв. были использованы болгарские летописи и византийские хроники, переведенные в конце XIV—начале XV вв. на сербский язык.

Копривницкая (или Крушедольская) летопись, переписанная в 1453 г., содержит только родословную Неманичей и краткий перечень их деяний до 1371 г. Сеченицкая летопись 1501 г. доведена до 1473 г.; она является наиболее точной. Карловецкая летопись 1503 г. составлена, по видимому, епископом Максимом Бранковичем, использовавшим житие Стефана Лазаревича и давшим довольно подробную историю Сербии конца XV в.

Прочие списки относятся к XVI—XVIII вв. и представляют собой или краткие извлечения из древних летописей или летописные своды с продолжениями. В конце XIV—начале XV вв. появились сербские хронографы, содержавшие переработку всемирных византийских хроник с некоторыми добавлениями по сербской истории.

Драгоценным историческим источником является богатейший сербский эпос. В народных песнях, посвященных главным образом национальным героям, борьбе с турками, Коссовской битве и т. п., отражены сила и величие народа, отстоявшего свой язык и свою культуру даже в период тяжелейшего турецкого владычества. В эпосе обрисован гнет феодальных отношений, повседневная жизнь трудового народа, его заботы, чаяния и надежды.

Некоторые данные о Сербии XIV—XV вв. содержатся в трудах французских путешественников, доставлявших сведения о положении в Сирии и Палестине в связи с проектами крестовых походов. Доминиканец Броккар, долго живший на Ближнем Востоке, составил в 1332 г. для французского короля Филиппа VI «Наставление для заморского похода» (*Directorium ad passagium faciendum ultra mare*). Описывая богатства Сербии, ее золотые и серебряные рудники, автор подсказывал королю идею захвата этой страны. В 1455 г. был сделан французский перевод для бургундского герцога Филиппа Доброго, намеревавшегося отправиться на борьбу с турками.

Советник бургундского герцога Бертрандон де ла Брокьер (ум. 1459) посетил Палестину в 1432 г. и на обратном пути во Францию проехал через Македонию, Болгарию и Белград. В своем «Заморском путешествии» (*Voyage d'outremer*) он, между прочим, описал границы Сербии, ее богатства и сообщил некоторые данные об отношениях Сербии с Турцией и Венгрией.

Хорватия, Далмация Краткие сведения по истории этих стран в X в.
Босния имеются в немецких анналах и у Константина Багрянородного, который рассказывает о хорватах со времени их прихода на Балканы и до середины X в. Особенно ценны сообщаемые им сведения о принятии хорватами христианства, о разделении их земли в X в. на 14 жуп (округов). Организацию хорватской церкви обрисовывает вечевой устав 914 г. Постановления Сплитского собора 924—928 гг., на котором князь Томислав (910—928) стал хорватским королем, состоят из 15 статей и дают очень ценный материал, рисующий роль церкви, ее союз с государством и процесс закрепощения крестьянства. Одна из статей запрещает употребление славянского языка в богослужении.

Одним из основных источников для истории общественного строя является обширный актовый материал: многочисленные жалованные и иные грамоты XI—XV вв., исходившие от хорватских королей и боснийских банов, венгерских королей и венецианских дождей, а с XIV в. и от жупанов и воевод. Они дарованы главным образом церквям и монастырям и характеризуют рост церковного землевладения. Частные акты оформляют продажу земель и другого недвижимого и движимого имущества. Много данных содержится в записях судебных дел по имущественным спорам. Некоторые грамоты писаны глаголицей, т. е. особым славянским письмом, отличным от общепринятой кириллицы. В грамотах XIV—XV вв. оформлены права и привилегии монастырей, перечислены повинности зависимых крестьян и т. п.

Довольно полную и систематизированную картину общественного строя содержат статуты отдельных хорватских и далматских областей, составленные в XIII—XV вв. Они представляют собой памятники местного обычного права, как правило с течением времени дополнявшиеся и изменявшиеся. Экономическая и политическая изолированность небольших прибрежных или гористых областей северо-западной части Балканского полуострова способствовали длительному сохранению в них

местных обычаев и, следовательно, длительному действию местных статутов. Последние содержат нормы уголовного и гражданского права, перечисление штрафов и наказаний, права и обязанности князей и их слуг, права знати и т. п.

Статут Винодола⁹, небольшой прибрежной полосы на юге от Истрии, был принят в 1288 г. в Новом Граде на собрании духовенства и знати, записан в книгу, и копии разосланы по всем городам области. Памятник свидетельствует о наличии территориальной общины, развитом земледелии и торговле. Как и всегда в случаях кодификации права, последнее защищает интересы «племенных людей», т. е. знати.

Статут прибрежной области Полицы (на юг от Сплита) дошел не в своем первоначальном виде и представляет смесь из древних и более новых статей. Первая его часть относится к 1440 г., но он не раз перерабатывался, и статьи следуют друг за другом не в хронологическом порядке. Возможно, что первые 29 статей — наиболее старые. Статут отражает довольно высокий уровень развития сельского хозяйства и торговли (главным образом с Венецией), наличие богатой знати и зависимых крестьян, но вместе с тем в нем много следов старых патриархальных отношений. Сохранились и другие статуты: острова Цреса (1283 г.), острова Крка (1388 г.), Вербанский статут 1362 г. и т. д. Аналогичный характер имеют статуты и законы городов: Загреб, Сплита, Трогира и др.

Из древнейших памятников политической истории Хорватии надо указать на договорную грамоту венгерского короля Коломана от 1102 г. Грамота содержит условия, на которых 12 хорватских жупанов (князей) признали верховную власть короля.

Древнейшие погодные записи утрачены. На основе старых народных преданий и погибших впоследствии письменных источников некий безымянный автор, возможно болгарин по происхождению, составил свой труд на славянском языке, повидимому в первой половине XII в. До нас он дошел лишь в отрывках, но сохранился его перевод на латинский язык под заглавием «О государстве славян» (*De regno slavorum*), сделанный в середине XII в. Дуклянским пресвитером (*Diocleus presbyter*).¹⁰ В этом произведении рассказывается о хорватах со времени их переселения на Балканы и до XII в. Несмотря на сбивчивое изложение, источник ценен сообщениями о наделении жупанов землями, о разорявших народ налогах и т. п.

«История Сплита» (*Historia Spalatina*) архидьякона Фомы Сплитского¹¹ (ум. 1268) написана в середине XIII в. и доведена до 1260 г. Она содержит главным образом историю сплитской церкви, но в ней есть ценные сведения о далматинских городах (Сплите и других), о приходе славян в Далмацию. Автор принадлежал к романизованному населению Далмации и учился в болонском университете; к славянам он относился с неприязнью, что сказалось в тоне его хроники.

Из хроники горицкого архидьякона Ивана (около 1280—около 1350) сохранился лишь отрывок и некоторые ссылки у позднейших хорватских писателей, но содержащиеся в этих фрагментах данные очень ценны. Они рисуют характер феодальной эксплуатации крестьянства и дают материал по отношениям с венграми, татарами, сербами. В основе появившейся в XIV в. анонимной «Хорватской хроники» лежит текст Дуклянского пресвитера с некоторыми добавлениями автора. Во всех венгерских хрониках XIV—XV вв. содержатся сведения по истории Далмации и Хорватии.

Дубровник Источниками для истории адриатической славянской республики, достигшей в XIV—XV вв. необыкновенного расцвета и занявшей в средиземноморской и сухопутной торговле одно из первых мест, являются статуты, уставы, договоры, грамоты и хроники.

У Константина Багрянородного содержатся ценные сведения об основании Дубровника и о славянских поселениях на побережье, а также о первых событиях истории города. Дарственные грамоты хорватских королей и боснийских банов XI в. свидетельствуют о закреплении за ним окрестных территорий и островов. Местные источники, в том числе и статуты, сохранились лишь с XIV в., так как более древние погибли во время пожаров 1013 и 1297 гг. или были уничтожены венецианцами во время владычества над Дубровником (до середины XIV в.). Старейший законодательный памятник Дубровника — статут 1272 г. дошел до нас в редакции XIV в. (*Liber statutorum civitatis Rha-cusii*)¹². Из имеющихся в нем 8 книг к 1272 г. бесспорно относятся лишь первые две книги; прочие являются добавлениями конца XIII в. и могут быть датированы лишь приблизительно. В некоторых статьях имеются ссылки на древние обычаи; поэтому статут содержит некоторые данные для суждения об общественном строе более ранних веков. В статуте определены прерогативы и доходы графа (венецианца) и архиепископа, даны тексты присяги городских должностных лиц и сословий и т. д. В 1310, 1358 и 1462 гг. статут пополнился новыми статьями (*Reformationes*). Все статьи в совокупности дают богатый материал для истории общественного строя республики за XIII—XV вв., развития ее торговли и мореходства. Описаны порядок судопроизводства, долговые и кредитные обязательства, постановления о торговле солью, вином, деревом, судами, меры и веса, отношения судовладельцев с экипажем и купцами, жалование и содержание послам республики в городах Далмации, Боснии, Италии и т. д.

К статуту примыкает сохранившийся в оригинале таможенный устав (*Capitolare della dogana grande*), датированный 1413 г. В первых 37 статьях (из 70) воспроизводится устав 1277 г.; затем к нему вплоть до конца XVII в. прибавлялись статьи по мере заключения новых торговых договоров. В уставе подробно изложены права иностранных купцов, взимаемые с их товаров пошлины, правила торговли с дубровницкими купцами и т. п. Статьи XIII в. содержат особые привилегии для венецианцев, отмененные после 1368 г., когда венецианские власти были окончательно изгнаны из Дубровника. Таможенный устав и многочисленные торговые договоры республики с Сербией, Болгарией, Венгрией, Сицилией, Венецией, Истрией, Пизой, Анконой, Бари, Византией и т. п., появившиеся в XI в. и особенно многочисленные с XIII в., имеют исключительную ценность для изучения характера и объема дубровницкой торговли. Особый морской устав (*Regolamenti della Repubblica di Ragusa per la navigazione*) дает интересные сведения о мореходстве.

К статутам и уставам самого Дубровника примыкают латинские и итальянские статуты входивших в состав республики островов Корчулы, Млета и Ластова. Статут Корчулы 1213 г. с дополнениями до середины XVI в. обрисовывает развитой общественный строй. В добавлении 1427 г. содержится кадастр всех земельных владений на острове. Статут Млета, сохранившийся и в сербском переводе, был составлен в 1345 г. с дополнениями до 1524 г. Статут Ластова датирован 1310 г. с дополнениями до середины XVI в. Последние два статута дошли не в своем первоначальном виде.

Древние анналы Дубровника на латинском языке появились еще в VIII в. и содержали очень краткие записи о немногочисленных событиях VI—VIII вв. С начала IX в. они приобрели регулярный характер и были продолжены, надо полагать, до XI в. В своем первоначальном виде анналы не сохранились, но имеется несколько редакций итальянских анналов, настолько схожих между собой в описании событий до XI в., что они, повидимому, представляют собой переводы с одного исчезнувшего латинского оригинала. В повествовании о событиях XI в. и в последующих частях эти итальянские переводы несколько расходятся. Написаны они, вероятно, секретарями Дубровницкой республики, придавшими им официальный характер.

Первая хроника Дубровника была составлена примерно в конце XIII в. в латинских стихах неким Милецием, о котором не сохранилось никаких сведений. Отрывки из нее дошли до нас в хрониках XVI в. Она начинается с древних преданий об основании города, основана на летописях (*pagina prisca*, по выражению автора), отличается точностью в хронологии и в передаче событий. Прочие хроники были составлены главным образом в XVI в.*

Важными источниками по политической истории Дубровника служат также регистры государственных органов республики (*Libri del gran consiglio*, *Libri del minore consiglio* и др.), в которых имеются сведения и по социально-экономическим отношениям. Папские буллы, указы венецианского сената, переписка с Византией, Венгрией и т. д. обрисовывают внешнюю политику Дубровника.

* См. стр. 342—343.

ГЛАВА XX

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЕНГРИИ

В первое столетие пребывания венгров в Европе у них еще не завершился процесс классовобразования и не было своих письменных источников. Их общественный строй в ту пору известен нам отчасти по археологическим данным, отчасти из иностранных источников. Византийские авторы (главным образом императоры конца IX и X вв. Лев Мудрый и Константин Багрянородный) оставили в своих трудах ценные сведения о военном искусстве венгров, о занятой ими территории и расселении племен, об их общественном строе, объединении племен и т. д. Во многих немецких анналах и хрониках X в. содержатся известия о страшных опустошительных набегах венгров на Германию и Восточную Францию.

По мере разложения общинно-родового строя, перехода к оседлому земледелию и появления классов, в венгерском обществе возникла потребность как в писаных законах, закреплявших права имущих слоев, так и в записях историко-повествовательного характера (анналах и хрониках). Поэтому, как и повсюду при соответствующих условиях, начальный этап развития в Венгрии феодальных производственных отношений и феодального государства запечатлен в памятниках обычного права и в анналах.

Древние венгерские правовые источники, аналогичные правдам, написаны на латинском языке и оформлены в виде законов, исходящих от короля, знати и духовенства¹.

От первого из христианских королей, Стефана I (997—1038), до нас дошли две книги законов. Первая, в 35 главах, была обнародована, повидимому, вскоре после воцарения Стефана, вторая, в 21 главе, — в последующие годы. Законы укрепляли венгерское государство и королевскую власть, восторжествовавшую над племенными князьями, защищали частную собственность и господство над рабами. В них нашли отражение и некоторые следы старого строя; так, например, часть штрафов поступала в пользу общины. Во многом дополняет эти законы поучение Стефана I своему сыну «Об устройении обычаев» (*De togitur institutione*)², в котором идет речь и о различных общественных группах — духовенстве, воинах, ишпанах (королевских чиновниках) и др.

Законы Владислава I (1077—1095) относятся к следующей ступени развития венгерского общества. Они состоят из трех книг; в первой содержатся постановления, принятые в 1092 г., в двух других — различные указы и распоряжения. Формирование феодальной собственности на землю и классовая дифференциация прослеживаются по этому источнику вполне отчетливо. В нем говорится о безземельных, бездомных людях, впавших в зависимость от знати церкви и ишпанов и сидев-

ших на господской земле. Они уплачивали королевские налоги и были подвластны суду ишпанов. Наказания за преступления против частной собственности чрезвычайно суровы: смертная казнь грозила за кражу любой вещи, стоящей дороже гуся или курицы.

Законы Стефана и Владислава сохранились не в своей первоначальной форме, но в составе позднейших сборников XII в.

Законы, изданные при короле Коломане (1095—1116), позволяют проследить значительные изменения в социально-экономических отношениях. Первая книга законов, из 84 глав, является записью постановлений 1096 г.; вторая, из 15 глав, содержит выписки из различных постановлений. Законы Коломана завершают собой группу памятников древнего обычного права. Феодалная собственность на землю сложилась, оформились классы; в соседской общине зависимых крестьян исчезли черты родового строя. Начали развиваться ремесла и торговля, чему способствовало выгодное географическое положение Венгрии на Дунае и на перепутье дорог из Западной Европы в славянские земли, Византию и Левант. В законах Коломана налоги и штрафы взимаются уже деньгами, а не скотом, регулируются различные торговые и денежные сделки.

Дальнейшее развитие феодальных производственных отношений обрисовывают источники местного характера. Опять-таки, как и повсюду, обычное право продолжало видоизменяться, но в зависимости от конкретных условий в каждой феодальной сеньерии, а отношения господства и подчинения находили себе выражение в жалованных грамотах и в сеньериальных документах.

От XII в. сохранилось несколько жалованных грамот, закреплявших королевские дарения земель церкви и знати. В грамоте аббатству Дэмэш от 1138 г. перечислено население подвластных монастырю деревень и все следуемые с крестьян повинности; эта грамота является первой из описей такого типа, ставших с середины XII в. более частыми. В XIII в. появились урбарии, по которым можно отчетливо воссоздать картину феодального хозяйства и эксплуатации крестьян, но количество этих источников еще ограничено. Многочисленнее они становятся лишь со второй половины XIV в. В урбарии, составленном в Линдве в 1350 г., записаны все натуральные оброки, денежный ценз и приношения, взимающиеся с отдельных полных наделов, указаны сроки платежей и определено количество баршинных дней (или уроков), требовавшихся с каждого надела. Последующие урбарии и статуты монастырских капитулов XIV—XV вв. составлены примерно так же; наряду с другими сеньериальными документами, в том числе отчетами управляющих, королевскими указами и грамотами, они являются главными источниками для истории феодальных производственных отношений в Венгрии и в подвластной ей тогда Трансильвании, обрисовывая начавшийся с середины XV в. постепенный рост барщины и других повинностей.

Источниками для истории городов являются, прежде всего, городские хартии, появившиеся в XIII в. и дававшиеся королями и крупными магнатами. Венгерские и трансильванские города нередко заселялись колонистами из Германии, приносившими с собой немецкое городское право, но оно подвергалось на венгерской почве сильному воздействию местных обычаев и превращалось в венгерское городское право. Старейшие хартии были даны Секешфехервару, Буде, Шельмецбану и др.; впоследствии по их образцу составлялись хартии новых городов. Особенно распространилась в результате этого хартия г. Буды. Различные документы городских учреждений, появившиеся с XV в. цеховые уста-

вы, акты имущественных сделок, королевские грамоты, письма городских властей и другие источники обрисовывают жизнь города, историю ремесла и торговли. Особо следует отметить источники, освещающие рост товарного производства в стране в XIV—XV вв. В этом отношении очень интересен документ, содержащий решения, принятые в 1405 г. совещанием представителей венгерских городов. В нем определены налоги с городов, закреплены их права на беспошлинную торговлю внутри страны, ограничены права иностранных купцов и т. д.

Правовые памятники, сложившиеся в Венгрии в период утверждения феодальных производственных отношений и феодального государства, содержат, подобно аналогичным источникам других стран, систематизированные и очень ценные данные для истории общественного и политического строя. Важнейшим из таких памятников XIII в. является «Золотая булла» 1222 г., изданная Андреем II. Отчасти она сходна с Великой хартией вольностей, но имеет и важные отличия, характеризующие более низкий уровень развития феодализма. В 33 главах этого документа обрисовано завершение феодальной системы: бенефиции превращены в феодалы, феодалы освобождены от налогов и их военная служба ограничена пределами Венгрии. Знати и дворянству была предоставлена власть на местах (в комитатах) и в центре (ежегодные сеймы), а также право восстания против короля.

«Золотая булла» была изготовлена в семи экземплярах, но все они утрачены; текст сохранился в копиях, старейшая из которых относится к 1318 г.

Дальнейшее усиление магнатов и церкви отражено в последующих законах XIII в. (в декретах Андрея II 1231 г., Белы IV 1267 г., Андрея III 1290 г. и др.), изданных в форме постановлений сеймов. По законам XIV—XV вв. прослеживается также развитие в стране товарно-денежных отношений, рост городов и укрепление королевской власти.

Особенно важен в этом отношении принятый на сейме 1351 г. при Людовике Анжуйском «Единый декрет» (*Decretum unicum*), который оформил соглашение короля с феодалами. Последние получили землю в монопольную собственность и судебную власть над своими крестьянами, повинности которых были увеличены. Вместе с тем за королевской властью были закреплены важные прерогативы. Ее дальнейший расцвет отражен в законах Матвея Корвина (1458—1490), особенно в «Великом декрете» 1486 г. Этот обширный закон, охватывавший все стороны жизни и управления, должен был играть роль свода права; он был составлен на основе как декретов Матвея и его предшественников, так и заново отредактированного обычного права. «Великий декрет» был предписан ко всеобщему употреблению и распространен по всей Венгрии в печатном виде. Но после смерти Матвея магнаты добились его отмены и восстановления своих прав («Великий декрет» Владислава II, 1492 г.).

Древнейшие венгерские анналы относятся к периоду введения христианства; они составлялись в наиболее крупных церковных центрах. Сохранились Секешфехерварские анналы за 997—1127 гг., Пожоньские за 997—1203 гг. и др. Но большинство анналов XI—XII вв. дошло до нас только в отрывках, в составе позднейших текстов. В анналах сохранились самые краткие записи такого же рода, как и в других странах. Очень важным источником для XI в. является агиография. В древних житиях нашли себе отражение введение в Венгрии христианства и упорная борьба народа против новой, принесенной из Германии религии,

против католического духовенства и немецкого рыцарства. Интересны в этом отношении житие короля Стефана I, сохранившееся в трех главных редакциях (анонимной пространной, анонимной краткой и третьей, компилятивной с некоторыми дополнениями, составленной епископом Гартвигом в начале XII в.), от которых затем пошли прочие версии; житие св. Герарда, епископа Чанадского (ум. 1046), в двух редакциях (более достоверной считается краткая, но возможно, что в пространной редакции использован исчезнувший оригинал жития); житие короля Владислава I (в двух редакциях) и др.

В XII—XIII вв. на основе анналов стали возникать первые хроники, иногда в тех же церковных центрах. Так, в Секешфехерваре местная хроника появилась около 1200 г., в Пожоне в XIII в. и продолжена до 1330 г. Многие ранние хроники, так же как и древние анналы, утрачены в своем первоначальном виде, но они послужили основой для последующих. По-видимому, древнейшей венгерской хроникой были «Деяния венгров» (*Gesta ungarorum*) неизвестного автора (возможно, монаха Дэмшского аббатства), составленные в XII в. и затем пропавшие. Автор описал начальную историю венгерских племен и венгерского государства; из его труда черпали затем сведения все летописцы следующих веков.

Из последних до нас хроник в первую очередь следует остановиться на «Деяниях венгров» анонимного нотариуса короля Белы (*Anonymi Belae regis notarii gesta ungarorum*)³. Несмотря на длительные поиски, имя автора установить не удалось; долгое время велись в науке споры о том, к правлению которого из четырех королей, носивших имя Белы, следует отнести автора хроники. В настоящее время установлено с максимальной вероятностью, что хроника составлена в конце XII в. вскоре после правления Белы III (1172—1196) и что единственная рукопись с ее текстом относится ко второй половине XIII в.* Это важнейший источник для раннего периода истории Венгрии. Хроника содержит сведения о расселении венгров, о покорении славянского населения, о междоусобных войнах между племенами и о войнах венгров с соседями, о начале объединения племен и т. д. Автор опирается главным образом на устную традицию, народные предания и легенды.

Хроника клирика короля Владислава IV (1272—1290) Симона Кезая «Деяния гуннов и венгров» (*Gesta hunnorum et ungarorum*) доведена до 1280 г., но главную ее часть составляет история гуннов, которых автор считал предками венгров. В ней записаны сказания об Аттиле и о падении гуннского царства, затем рассказано о появлении венгров, которые в качестве потомков гуннов «вернулись» на принадлежавшую им территорию, об их истории до конца XIII в. Кезай использовал богатый материал устных и письменных источников. Очень интересны два дополнения: о венгерских знатных родах в период поселения в Европе и о министралах (*udvornők*), рабах и других группах зависимого населения.

Среди прочих хроник следует отметить Дубницкую хронику, доведенную до 1356 г. с добавлениями до 1479 г., Загребскую и Варадскую хроники (до 1342), рифмованную хронику, приписываемую Генриху фон Мюгельн (до 1332 г.), Венскую иллюстрированную хронику (*Chronicon pictum*), написанную около 1358 г. и близкую к тексту Кезая. Одной из первых печатных книг в Венгрии была широко распространенная анонимная хроника от древнейших времен до 1458 г., напечатанная в 1473 г. в Буде и называющаяся поэтому Будской хроникой (*Chronicon Budense*).

Во второй половине XV в., когда при дворе Матвея Корвина развилось гуманистическое движение, жил выдающийся хронист Венгрии, протонотарий короля Иоанн Туроци. Его «Хроника венгров» (*Chro-*

* Немецкие и австрийские историки относили автора ко времени Белы IV (1235—1270), написание хроники — к 1278—1282 гг., а ее рукопись к XIV в.

nica Hungarorum)⁴, доведенная до 1464 г., особенно ценна интересным материалом по истории XV в. У него, как и у других авторов XV в., имеются данные по истории крестьянских и городских движений, которые освещены также в документальном материале: в королевских грамотах, письмах местных властей, епископов и горожан, в городских регистрах и т. п.

Для истории крестьянской войны в Трансильвании 1437—1438 гг. чрезвычайную ценность имеют тексты двух соглашений восставших крестьян с феодалами, в которых содержатся требования крестьян и имена их вождей. Для истории гусизма в Венгрии и в Трансильвании источниками являются письма епископов и инквизитора к папе.

От XIV—XV вв. дошел обширный документальный материал по внутренней и внешней истории: грамоты, письма, международные договоры, дипломатическая переписка и т. д.

ГЛАВА XXI

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ИСЛАНДИИ

Позднему развитию скандинавских стран соответствовало и позднее появление в них своих письменных исторических источников. До XII в. история этих стран, а также история многочисленных набегов и поселений норманнов на Оркнейских и Шетландских островах, в Ирландии, Восточной Англии, Исландии, Гренландии и т. д. восстанавливается главным образом по древним песням и сказаниям, сохранившимся в устной традиции в Исландии и записанным там же в XII—XIII вв. Сохранились сведения в английских, ирландских, северонемецких и других анналах, в хрониках (особенно в хронике Адама Бременского) и в житиях миссионеров. Особый интерес представляет житие франкского монаха Ансгара (ум. 865), ставшего впоследствии гамбургским архиепископом; оно составлено по-латыни после 876 г. его учеником Римбертом и переведено в конце XIV в. на немецкий и старошведский языки. Автор описывает путешествие в Центральную Швецию, совершенное Ансгаром в 829—831 гг., нападение пиратов, длинный путь до гавани Бирка, проповедь там христианства, постройку церкви. Второе путешествие Ансгар совершил через тридцать лет и снова организовал в Швеции христианскую церковь, так как к тому времени христианство было там уничтожено.

Очень важным источником являются археологические памятники. Благодаря все новым и новым раскопкам они очень возрастают числом и значительно обогащают наши знания об этом древнем периоде истории Скандинавии. Предметы вооружения, большие суда викингов, монеты, утварь, драгоценности и т. п. позволяют судить о путях распространения культуры, о развитии производительных сил, о начавшейся социальной дифференциации, о связях скандинавских народов с другими странами Европы. Развалины древних каменных церквей свидетельствуют о путях проникновения христианства. Раскопки на месте древних городов (Бирки, Сигтуны) дают представление об их былом значении. Многочисленные рунические надписи* встречаются на севере (чаще всего в Швеции) на камнях. Это надгробные надписи, дающие порой весьма интересные сведения по истории отдельных семей, тексты заклинаний, надписи, сделанные в память каких-либо сооружений или при размежевании земель и т. п.

Характерно, что некоторые письменные скандинавские источники XII—XV вв., в особенности записи местного обычного права, составлены на диалектах скандинавских, т. е. германских, языков, подобно древним законам англосаксов в Англии или «Зерцалам» в Германии.

* См. стр. 15.

Одним из первых источников, свидетельствующих об успехах процесса феодализации, является установленное около 1174 г. церковное право (*Kirkeret*), предоставившее католической церкви полную экономическую независимость. Развитие феодального способа производства привело к появлению с конца XI в. королевских жалованных грамот, закреплявших права церкви и светских феодалов на земли и сидевших на них крестьян. Первой грамотой является диплом Канута II от 1085 г., данный Лундскому кафедральному собору. Грамоты служат основными источниками для истории феодализма в Дании в XI—XIII вв. В 1231 г. при Вальдемаре II (1202—1241) была составлена правительственная опись всех земель (*Liber census Daniæ*)¹, похожая во многих отношениях на «Книгу Страшного суда» и содержащая ценные сведения о феодальном и крестьянском землевладении. Для каждого округа (сотни) обозначены повинности, уплачиваемые в казну. В дополнении имеется описание королевских поместий, перечисление доходов и подробный кадастр острова Фальстер. В крупных церковных поместьях феодальные повинности крестьян записывались в особые книги (например, «Регистр повинностей, следуемых Роскильдскому епископу», составленный около 1370 г.; «Книга ценза владений Шлезвигского епископа», около 1420 г. и др.). В 1241 г. при Вальдемаре II было записано на датском языке обычное право Ютландии и островов («Земские уложения»). Уложение крупнейшего из островов, Зееланда (*Saellandske Lov*) представляет собой самостоятельно возникший сборник обычаев, сложившихся в XI—XIII вв., но своими корнями уходящих в более древние времена. В конце XII в. было составлено уложение права южных областей Швеции (*Skånelagh*), находившихся в ту пору под владычеством Дании. Оно написано на местном диалекте шведского языка. В начале XIII в. там же появилась вторая редакция, на этот раз латинская (*Liber legis Scaniae*), приписываемая Андрею, архиепископу Лундскому. Эти местные законы действовали в Дании до XVII в. Как и в других скандинавских странах, они являются ценными источниками как для истории общинных распорядков и крестьянского хозяйства, так и для картины социальных отношений в целом².

Вследствие конкуренции Ганзы датские города развивались медленно, и источники по их истории немногочисленны. Городское право Шлезвига было записано в 1200 г.; его приняли затем и другие датские города. Запись права г. Фленсборга относится к 1284 г. Сохранились подробные уставы купеческих гильдий. В ганзейских документах много данных по истории торговли и ремесла во всех скандинавских странах.

Для истории датско-английской державы Канута I (1017—1035) важным источником является сага о Кануте, записанная около 1260 г.

В XII в. в датских монастырях и епископствах возникли анналы, составлявшиеся монахами на латинском языке. В Витескольском монастыре анналы (*Annales Vitescolenses*) охватывают 1130—1300 гг. Другие анналы начинаются обычно с н. э. (на основе всемирных хроник и Беды) и доведены до середины или конца XIII в. Составленные при Вальдемаре II анналы (*Annales Waldemariani*) заканчиваются 1219 г.

На основе записей анналов в середине XII в. появились хроники. Одной из старейших является «Датская хроника» (*Chronicon Danicum*) за 826—1157 г. безыменного роскильдского монаха (*Anonymus Roskilcensis*), продолженная затем до 1202 г.

С победой христианства в Дании остались незаписанными и затем постепенно исчезли языческие традиции и древний эпос в своем перво-

начальном виде. Лишь отголоски его сохранились у крупнейшего датского историка Саксона Грамматика (1150—1216) в его «Датской истории» (*Historia danica*, или *Gesta Danorum*)³. Саксон был вероятно клириком, приближенным Абсалона, архиепископа Лундского (ум. 1201), и одним из наиболее ученых и сведущих людей своего времени. Его произведение охватывает историю Дании с седой древности до 1185 г.; оно было начато в 1185—1186 г. по поручению Абсалона и писалось под его наблюдением. Первые книги посвящены изложению саг и древних сказаний (в том числе сказания о Гамлете). Последние шесть книг (10—16) представляют собой историю Лундского епископства, а также историю короля Вальдемара I. Саксон широко использовал труды Беды, немецких хронистов, исландские саги; он тщательно собрал и записал все, что в его кругу знали о прошлом и настоящем датчан и других северных народов. Его труд представляет собой ценный источник для истории обычаев, литературы и истории скандинавских народов. В нем обрисованы социально-экономические отношения, политические учреждения, законы, нравы, похоронные обряды и т. п. Особо следует отметить важность сообщаемых им сведений по истории поморских славян.

Усиление крупных феодалов привело к появлению многочисленных документов, закреплявших привилегии знати. В 1282 г. королем Эриком Глиппингом была дарована магнатам хартия, напоминающая во многом Великую хартию вольностей. Начиная с XIV в. (с 1320 г.) установился обычай, обязывавший каждого короля издавать при вступлении на престол «капитуляцию», т. е. грамоту, подтверждавшую права знати и церкви. «Капитуляции» рисуют рост власти магнатов и постепенное подчинение им королевской власти.

Важным источником для политической истории всех трех скандинавских стран является текст Кальмарской унии 1397 г., по которой Дания подчинила себе до известной степени Швецию и Норвегию. На совещании представителей стран был выработан проект конституции объединенных государств, по которому каждое должно было полностью сохранять свои законы и управление. Текст этого проекта, написанный на бумаге, снабжен печатями лишь нескольких представителей и затем должен был быть оформлен в виде официального документа. Однако такого оформления не последовало; сохранившаяся пергаментная грамота с печатями всех представителей содержит лишь текст присяги Эрику, королю объединенных государств. Дальнейшие события показали, что Дания использовала унию лишь в своих интересах.

Швеция Вследствие позднего и вообще слабого развития феодализма в Швеции документы, отражающие феодальные производственные отношения, очень немногочисленны. В XII в. появляются королевские жалованные грамоты, оформившие феодальную собственность на землю.

Древнейшим правовым памятником является фрагмент «Языческого закона», в котором устанавливаются правила судебных поединков. К началу XIII в. относится первая из дошедших до нас редакций правды древней Западной Швеции — «Вестгётский закон» (*Westgötalag*)⁴. Вторая редакция была составлена в конце XIII—начале XIV вв. и получила затем многие дополнения. Жизнь сельской общины отражена в законе довольно подробно. Сохранялось еще много пережитков родовых отношений. Так, большая часть вергельда за убийство поступала всему роду пострадавшего. Но в общине уже проступает экономическая дифференциация. В законе содержится также древнейшее свидетельство о государственном строе — о порядке выборов королей.

В конце XIII—начале XIV вв. появились земские уложения для отдельных областей. Замедленное течение процесса феодализации и живучесть пережитков общинно-родового строя привели к тому, что в этих уложениях в ряде случаев запечатлены и более древние порядки. В 1296 г. король Биргер Магнуссон утвердил уложение Упланда (*Uplandslag*), области к северу от Маларского озера. Уложение было отредактировано на основе древнего, не дошедшего до нас текста.

Первая из сохранившихся редакций Эстйётского уложения (*Ostgotalag*) относится к 1285—1303 гг.; оно действовало в области на восток от Веттерского озера и в некоторых соседних областях.

Из появившегося около 1300 г. уложения области Смоланд (на юг от Веттерского озера) сохранился только отрывок о церкви.

В 1327 г. король Магнус Эрикссон утвердил уложение Седерманланда (область к югу от Маларского озера). В северной области Далекарлии первая редакция земского уложения относится к началу XIV в., вторая была сделана в середине XIV в.

Все эти записи сделаны на различных диалектах шведского языка; в их составлении участвовали представители зажиточных крестьян, главным образом старосты общин.

Уложения обрисовывают порядки, царившие в свободных крестьянских общинах, порядок выборов короля и т. д. Города еще не фигурируют. В течение XIII—XIV вв. появляются королевские законы об охране мира, о привилегиях дворянству, о городах, об отмене рабства. В XIV в., в связи с развитием феодализма, старые законы подвергаются переработке (в каждой области отдельно). Около 1350 г. при короле Магнусе Эрикссоне был создан единый кодекс права для всей Швеции, «Устав о праве короля». В нем сделана попытка унифицировать до известной степени обычное право отдельных областей. Как всякий источник такого рода, он дает систематизированную картину положения различных слоев общества. В разделе, посвященном королевской власти, описан порядок избрания короля и приведены тексты присяги короля и феодалов. Законы XV в. являются источником для истории усиления аристократии и ее стремлений ограничить королевскую власть.

Относительно богаты источники по истории городов. Около 1300 г. было оформлено городское право Стокгольма. В XIV в. большинство городов получили хартии с известными правами самоуправления. В Стокгольме, Арбуге и других городах велись городские книги с записями судебных дел, постановлений городских советов и т. д.

Древнейшими повествовательными источниками в Швеции были анналы. В «Датско-шведских анналах» (*Annales Dano-Suecici*), охватывающих 916—1263 гг., содержится хронология шведских и датских королей. Анналы монастыря Вадстена, начатые в 1040 г., были обработаны в XV в. монахом Эриком Иоганном и закончены в 1450 г. (*Chronologia brevis*).

Около 1321 г. канцлером Рагвальдсоном, учившимся в парижском университете, был составлен трактат «Об управлении королей и государей», интересный памятник политической мысли. Трактат составлен в духе произведений французских легистов (юристов) того времени и ратует за усиление королевской власти.

Интересным источником для XIV в. являются «Откровения св. Бригитты» (*Revelationes s. Brigittae*), переведенные в XV—XVI вв. на все европейские языки. Бригитта (около 1303—1373) происходила из знатной семьи и основала женский монашеский орден в Вадстене, получивший в Швеции большое распространение. В «Откровениях», пронизанных мистицизмом, есть ценные сведения о состоянии шведской церкви и об ее реформе, а также некоторые данные о взаимоотношениях церкви и государства, о социальной и политической истории Швеции того времени.

В XIII—XV вв. в Швеции наблюдается значительный расцвет хроник. Первым большим историческим произведением была стихотворная «Хроника Эриков» (Eriks-Krönikan)⁵, написанная неизвестным автором в 1320—1330 гг. на шведском языке. В нее занесены события 1230—1319 гг., история династии Фолькунгов и особенно герцога Эрика, второго сына короля Магнуса, походы ярла Биргера и Торгильса Кнутссона на Русь и другие захватнические войны шведских феодалов в XIII в. Хроника была затем продолжена и в сочетании с «Хроникой Карла» (Karl's-Krönikan) составила «Большую рифмованную хронику», основной источник для политической истории Швеции XIII—XV в. «Хроника Карла» написана несколькими придворными поэтами и посвящена главным образом правлению Карла Кнутссона (ум. 1470). Ее старейшей частью является «Хроника Энгельбректа» (Engelbreds-Krönikan) за 1389—1436 гг. Около 1410 г., т. е. уже после восстания и гибели Энгельбректа, она была переработана и продлена до 1452 г. в духе восхваления централизаторской политики Карла.

Помимо этой хроники, сохранились и другие источники для истории восстания Энгельбректа. Очень ценным документом является письмо данцигского купца Бернарда Озенбрюгге от 1 августа 1434 г., адресованное данцигскому городскому совету; в нем описано начало восстания и изложена программа восстания. Важны также письма самого Энгельбректа и его современников. Особый интерес представляет «Поэма об Энгельбректе» епископа Томаса из Стрегнеса (ум. 1443), один из лучших образцов средневековой шведской поэзии, сохранившийся в памяти народа вплоть до наших дней. Автор с возмущением описывал тираническое владычество датчан и призывал к борьбе за свободу. Сведения о восстании имеются также в любекской хронике Германа Корнера.

Норвегия Особенности географического положения и исторического развития Норвегии имели следствием сохранение в стране в течение всего средневековья свободного крестьянства. Энгельс особо подчеркивает, что «норвежский крестьянин никогда не был крепостным»,* что придало всему развитию Норвегии особый характер. Отразилось это и на характере источников. Почти единственным источником для истории общественного строя является обычное право.

Древние саги и археологические раскопки дают возможность установить области расселения отдельных норвежских племен и их общественный строй.

Памятниками начавшейся феодализации являются церковное уложение, составленное при Олафе II святом (1015—1024) в связи с введением христианства, а также «Грамота Золотого пера» 1174 г., даровавшая церкви право сбора десятины и полную самостоятельность. За это церковь короновала королей, а права народа на их избрание были уничтожены.

До XIII в. в каждой из четырех областей Норвегии существовали свои обычаи; возможно, что они были записаны уже в середине XI в. При короле Магнусе «Исправителе законов» в 1263 г. было составлено общее для всей страны «Уложение», принятое в 1274—1276 гг. на местных собраниях. Оно оформило общественный и политический строй страны с господством мелкого крестьянского землевладения. В Уложении был узаконен порядок престолонаследия без выборов, отменены

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 420.

кровная месть и вергельд, смягчены некоторые наказания. Законы укрепляли власть короля, его судей и ближайших советников.

При том же короле в 1276 г. было пересмотрено городское право Бергена и в таком виде распространено на другие города. Очень интересными источниками являются королевские саги, записанные при короле Сверре (ум. 1202), особенно сага о царствовании объединителя Норвегии Гаральда Прекрасноволосого. Знаменитая прозаическая «Сага о Фридрихе Смелом» была сложена в конце XIII—начале XIV вв., но рисует события VIII—IX вв. Она дошла в двух редакциях: краткой (более древней) и распространенной (позднейшей). Очень ценны содержащиеся в сагах сведения о социальных отношениях, быте и политической истории.

На основе старых саг и кратких annalов, содержащих перечень норвежских королей, в конце XII в. (между 1177 и 1180 гг.) возникла первая норвежская хроника «История о древности норвежских королей» (*Historia de antiquitate regum Norwagiensium*), составленная в 1183—1188 гг. монахом бенедиктинского монастыря в Надхольме Теодриком, на хорошем латинском языке и в литературной форме. В ней описано время с Гаральда Прекрасноволосого (885—930) до начала междоусобиц в 1130-х годах. Автор касается преимущественно истории церкви и проводит церковную точку зрения.

В XIII в. появился очень интересный источник для истории норвежского общества и быта — «Королевское Зерцало» (*Konungskuggsjá*)⁷, в котором описаны правила рыцарского обхождения и нормы поведения для других сословий. В известной части он представляет собой компиляцию из французских произведений такого рода, но, кроме того, в нем есть много интересных и разнообразных сведений о всех скандинавских странах, Исландии, Гренландии, Ирландии. Именно эти данные и составляют основную ценность памятника.

Особый интерес для истории, как всех скандинавских народов, так и Исландии, имеют исландские саги, т. е. народные сказания. Саги складывались повсюду, где жили или вновь поселялись норманны. Но в Исландии, куда во второй половине IX в. из Норвегии выселилось одновременно много семейств, пережитки родовых отношений сохранялись особенно долго. В силу этого именно на этом острове создались благоприятные условия для длительного и пышного расцвета устного народного, еще языческого, творчества, запечатлевшего исторические события, общественный строй, быт, культуру и религию скандинавов. Хранителями и создателями саг были многочисленные сказители-скальды. Такая устная традиция просуществовала до XII в. (первое упоминание о письменности встречается в 1116 г.), когда около 1140 г. началась запись важнейших саг, продолжавшаяся до середины XIII в.

Саги являются основным источником также для изучения германской мифологии и древнего германского эпоса, так как из самой Германии и из Англии до нас дошли только скудные и отрывочные сведения или же эпос, переработанный в последующие века, например «Песнь о Нибелунгах». Последняя стала известной на Севере уже в VI в. и саги сохранили ее в древнем виде («Сага о Волсунгах»).

По содержанию саги можно разделить на мифологические, исландские родовые саги (о деяниях родоначальников и членов знатных исландских семей за период 900—1030 гг.), саги о норвежских королях, о датских королях, саги, сложенные на Оркнейских островах за период с конца IX в. до начала XII вв. и т. д.

Из перечня содержания саг видно, что они являются вместе с тем и пеннейшим историческим источником вообще, источником, отражающим очень многие черты развития северных народов и государств.

Большие сборники саг назывались Эддами⁸. Песни «Старшей Эдды» представляют собой стихотворные саги о богах и героях, сложенные в IX—XII вв. Часть этих саг норвежского происхождения, но основная масса была создана в Исландии, а также в Гренландии. На «Старшей Эдде» сказались влияние античных мифов, христианских легенд и кельтских сказаний; оно проникло главным образом из Ирландии, через ирландских сказителей, а также было воспринято викингами во время их набегов.

Первоначальный текст «Старшей Эдды», составленный в XIII в., и первые его списки утрачены. В старейшей рукописи («Codex regius» конца XIII в.) содержится 29 саг и несколько отрывков. Есть еще отдельные песни в других рукописях. Всего сохранилось 34 саги. Во многих исторических сагах содержатся прозаические вставки, комментирующие текст песен.

«Младшая Эдда» называется также «Прозаической Эддой», или «Эддой Снорри», по имени автора, Снорри Стурлусона. Она была составлена около 1220 г.; затем к ней были сделаны многие дополнения. Она состоит из прозаического пересказа стихотворных мифологических саг и из руководства по поэтике для скальдов; в последнее включено много отрывков из старых саг и названы по имени многие скальды. В нее же входит поэтическое произведение самого Снорри «Háttatal» — похвальная песнь в честь норвежского короля Гакона (ум. 1263) и ярла Скули с историческими комментариями.

Кроме того, сохранилось немало прозаических исландских саг, сложенных в X—XIV вв., среди которых надо отметить исторические сказания о колонизации Исландии, об открытии Гренландии и берегов Северной Америки («Сага об Эрике Красном»).

Отцом письменной истории норманнов в Исландии по праву считается исландец Ари Торгильсон (1067—1148). Его труд на исландском языке «Книга исландцев» (Islenddigabók)⁹ содержит очень богатый исторический материал за 874—1120 гг. В нем описаны колонизация Исландии, история первых поселений в ней, первые законы и календарь, колонизация Гренландии и Северной Америки, введение христианства и начальная история исландской церкви. Точная хронология и ясное изложение увеличивают ценность этого труда. К сожалению, до нас дошла только вторая его редакция, значительно сокращенная по сравнению с первой и составленная не ранее 1134 г. Ари писал на основе старой устной традиции; саги Эдды не были еще записаны и даже многие законы хранились только в устной передаче. Первая и более полная (утраченная) редакция «Книги исландцев» послужила основой для других исторических произведений: «Книги королей» (Konungabók), «Книги землевладельцев» (Landnamabók) и «Христианской саги» (Kristnisaga). «Книга королей» также не сохранилась, но послужила многим последующим хронистам для истории норвежских и датских королей. «Книга землевладельцев» содержит ценные сведения о землевладении в Исландии. Что касается «Христианской саги», описывающей раннюю историю христианской церкви в Исландии, то она сохранилась лишь в очень поздней и искаженной редакции.

После распространения христианства появилась агиография, но северные жития, даже будучи написаны на латинском языке, сильно отличаются от континентальных житий своей близостью к фольклору, по-

скольку в Исландии христианская культура захватила лишь совсем незначительный верхний слой общества. От XII в. сохранилось также несколько биографий норвежских и датских королей, составленных епископами и аббатами.

Вторым крупным историком Севера был также исландец Снорри Стурласон (1178—1241), юрист, писатель, ученый, политик и скальд, сторонник норвежского владычества в Исландии. Уже упоминалось, что он был составителем прозаической Эдды. Его историческое произведение «Круг земной» (Heimskringla)¹⁰ для древних веков основано на «Книге исландцев» Ари, но включает и много новых сведений; изложение охватывает весь Север, но больше всего внимания уделено — согласно политической ориентации автора — Норвегии. Снорри рисует стадии развития северных народов в зависимости от типа погребений. В его труде содержится характеристика всех слоев населения Севера: крестьян, мелкой и крупной знати. Изображен и процесс подчинения народа крупной знати и королям, сопротивление народа и его жалобы, борьба язычества с христианством. Его источники очень обильны. Он писал в век расцвета саг, когда отдельные семьи еще хранили фамильные предания и генеалогии, и была возможность собрать нужные сведения. «Круг земной» доведен до правления норвежского короля Магнуса Эрлингсона (ум. 1177).

Племянник Снорри, Стурла Тордсон (1214—1284), третий и последний историк-исландец, пережил завоевание Исландии Норвегией и умер в Норвегии. Он написал «Сагу Стурлунгов» (Sturlunsaga)¹¹ — историю Севера начиная с правления норвежского короля Гаральда Прекрасноволосого (с 855 г.) до падения независимости Исландии в середине XIII в. Из-за богатства исторического материала его труд называли «Большой исландской сагой». Стурла использовал все наличные в его время источники, письменные и устные. Его описания красочны и в некоторых случаях величественны; автор обладал настоящим литературным талантом.

В конце XIII в. начинается упадок Исландии, а вместе с ним и упадок историографии; саги также теряют былое значение.

Первые исландские законы были записаны в первой половине XII в., но они не сохранились. Дошедшая до нас запись «Сборник Грагас» (Lodvok Gragas)¹² была сделана в XII в., но в ней отражены и более древние обычаи. Содержание законов очень важно для характеристики исландского землевладения и хозяйства. Описано распределение земель и границы участков, порядок сельскохозяйственных работ, взаимоотношения землевладельцев и слуг, цены на скот, меры и веса и т. д. В сочетании с данными, имеющимися в исторических трудах, законы дают отчетливую картину общественного строя Исландии в XIII в.

Источниками для истории присоединения Исландии к Норвегии служат главным образом договоры. Первый из них — «Старый договор» 1264 г. — гарантировал Исландии сохранение старых законов и освобождение исландцев от норвежских таможенных пошлин при условии уплаты Норвегии определенных сумм налога. «Новый договор» (Jonsbok) 1281 г. дал норвежскому королю право присылать на остров своих уполномоченных. С этих пор вплоть до нового времени история Исландии отражена преимущественно в норвежских источниках.

ГЛАВА XXII

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПАПСТВА И ЦЕРКВИ

Рассматриваемые в этом разделе источники относятся главным образом к политической истории папства и церкви в целом, так как экономическая и политическая история монастырей и других церковных учреждений отражена в материалах по истории отдельных стран. Источники по экономической истории папства состоят преимущественно из различных документов, обрисовывающих управление финансами папской курии. Они чрезвычайно многочисленны и дают яркое представление об эксплуатации папством всех стран Европы.

Главными документальными источниками для истории папства и католической церкви в целом являются папские грамоты, официально именовавшиеся «апостолическими грамотами» (*litterae apostolicae*), а с XIV в. обычно называвшиеся буллами (булла — свинцовая печать, подвешенная на шнурке к папской грамоте). Ранние буллы (до середины IV в.) не датированы и в подавляющем числе случаев в той или иной степени подложны (или целиком фальшивы, или же содержат позднейшие вставки). В последующие века также составлялось немало подложных булл. В середине VIII в. в папской канцелярии появился сборник формул, так называемая «Каждодневная книга» (*Liber diurnus*).

Буллы сохранились в огромном количестве в подлинниках, копиях, в составе различных картуляриев или же в специальных сборниках булл (буллариев). С XIII в. появились регистры, причем некоторые буллы были выделены особо, например посвященные отношениям с германскими императорами за 1199—1210 гг. (*Registrum domini Innocentii super negotio Romani imperii*). Обычно буллы обозначались по первым 2—3 словам текста, например знаменитые буллы периода борьбы Филиппа IV и Бонифация VIII: «*Clerici laicos*», «*Ausculta fili*» и т. п. Буллы разделялись на несколько групп: конституции (общие постановления догматического характера), энциклики (послания епископам), декреты (постановления разного рода для всей церкви), декреталии (постановления по отдельным вопросам, но имеющие значение для всей церкви) и т. д. Особый интерес в качестве источников имеют бреве (малые грамоты), особенно увеличившиеся в количестве с XV в. Они издавались по поводу различных конкретных событий и представляют собой политическую переписку пап со всеми государствами, городами, епископами, монастырями и т. д.

Буллы и бреве очень детально обрисовывают все стороны деятельности папской курии и историю католической церкви в целом. Они являются также важными источниками для истории всех стран Западной и Центральной Европы, поскольку папская курия вмешивалась во все области жизни и стремилась контролировать и направлять политику

королей и императоров. Особенно ярко реакционная роль папства сказалась в буллах, призывавших к крестовым походам против славянских и прибалтийских народов.

Источники по истории возникновения папской территории, т. е. светского государства пап, состоят из дарственных грамот франкских королей. Грамоты Пипина Короткого и Карла Великого не сохранились, и главное значение имеет грамота Людовика Благочестивого «Пакт подтверждения» (*Pactum confirmationis*), в котором подтверждается дарение Карла с перечислением городов и областей, входивших в папскую территорию. Текст грамоты дошел только в одной рукописи XI в.; за исключением одной позднейшей вставки, он является достоверным. Знаменитая фальшивая грамота «Дар Константина», якобы передавшая папам в начале IV в. верховную власть над Западной Римской империей, была изготовлена в папской курии во второй половине VIII в. (повидимому, уже в 753 г.) Старейшая рукопись с ее текстом относится к началу IX в. Она имела целью придать незабываемый характер притязаниям папства на верховную власть во всей Западной Европе. Подлог был разоблачен в XV в. итальянским гуманистом Лоренцо Валла. Как уже указывалось, изготовление подложных документов широко практиковалось монахами, особенно в период раннего средневековья, но, пожалуй, нигде не фабриковалось столько фальшивых грамот, как в самой папской курии.

Важнейшими источниками по истории церкви являются акты церковных соборов¹. До VI в. последние носили преимущественно вселенский характер; затем стали собираться отдельно по странам или же для Западной церкви в целом. На ранних соборах (VI—VII вв.) в заседаниях участвовала и светская знать, а постановления соборов касались разных вопросов. В них содержится много данных по истории отдельных стран и поэтому о них уже была речь при описании источников раннего средневековья. Соборные акты становятся особенно обильными в XV в. в период соборного движения, когда католическая церковь предприняла попытки реформы изнутри. Как известно, попытки эти провалились и большие соборы XV в. лишней раз продемонстрировали разложение феодальной церковной организации. Акты Пизанского (1409 г.), Констанцского (1415—1418 гг.) и Базельского (1431—1447 гг.) соборов представляют собой протоколы заседаний; самыми важными из них являются протоколы Констанцкого собора, содержащие допросы и осуждение великих чешских реформаторов Яна Гуса и Иеронима Пражского. Деятельность соборов отражена также в многочисленных письмах участников соборов, в дипломатических донесениях, инструкциях послам, памфлетах и т. п. О Пизанском и Констанцском соборах есть много сведений в трудах крупных церковных и политических деятелей того времени, особенно в произведениях французов: епископа Пьера д'Альи (1350—1420) и канцлера Парижского университета Жана Жерсона (1363—1429). Оба они голосовали за осуждение Гуса. От «Истории Базельского собора» (*Historia concilii Basiliensis*) секретаря собора Энея Сильвия Пикколomini, в будущем папы Пия II,* сохранились первая и третья книги, содержащие большой фактический материал.

Документальными источниками, обрисовывающими управление местными церковными организациями, являются различные документы, внесенные, как правило, в епископские регистры: папские буллы, королевские и иные грамоты с различными привилегиями, документы епископских судов, списки лиц, посвященных в духовные

* См. стр. 206, 253.

чины, и т. п. Все эти источники в той или иной мере касаются не только церкви, но и светских лиц. Особо надо отметить дневники, составлявшиеся епископами во время объездов их епархий. Они рисуют очень яркую картину жизни сельского духовенства, а отчасти и крестьянства. Таковы, например, дневники руанского архиепископа в 1248—1269 гг. Эда Риго (*Visitationes Odonis Rigaudi*), содержащие немало интересных сведений о жизни нормандского духовенства.

Особое значение в качестве источников имеют памятники канонического, т. е. церковного права. Церковь жила и управлялась по своим законам; первоначально каноническое право охватывало не только все сферы деятельности церкви и духовенства, но и многие области жизни светских лиц (рождение, брак, смерть, завещания, наследства и т. п.). Лишь постепенно, по мере развития феодальных государств, права церкви стали ущемляться и церковь потеряла иммунитет в области уголовных и гражданских преступлений клириков. Но в целом до XVI в. каноническое право сохранило действие во всех католических странах. В силу своего широкого охвата памятники канонического права отражают не только структуру церкви и жизнь церковных организаций, но и многие стороны жизни феодального общества в целом.

Каноническое право сложилось из законодательства пап (декреталий) и соборов (канонов). Собрания таких церковных законов назывались «каноническими сборниками» (*Collectio canonica*). Первым из них был сборник монаха Дионисия Малого, знавшего греческий и латинский языки. В середине VI в. в Риме он собрал постановления соборов восточной и западной церквей — так называемое «Дионисиево собрание» (*Collectio Dionysiana* или *Codex canonum*), который был затем, с добавлением канонов местных соборов, принят в качестве официального сборника во многих странах (например, Карлом Великим для франкской церкви). В Испании действовал особый сборник — *Collectio Hispana*. Кроме того, многие епископы и аббаты сами составляли сборники для своих надобностей.

В середине IX в. в церковных кругах каролингской империи, вероятно в Реймском архиепископстве, была сфабрикована знаменитая фальшивка — «Лжеисидоровы декреталии»² (по псевдониму составителя, Исидора Меркатора). В своем сборнике папских декретов последний добавил к нескольким подлинным документам изрядное число фальшивых. Его цель заключалась в том, чтобы при помощи измышленных фактов, сообщаемых в подложных грамотах, укрепить власть франкских епископов и освободить их от светского суда. Уже при Карле Лысом (в 852 г. для западной части империи и в 868 г. для восточной) эта фальшивка считалась подлинной и официально цитировалась. Папство признало ее в 865 г.

В XI в. в Германии был составлен сборник (*Decretum*) Бурхарда Вормского, в Италии — сборник кардинала Деуседита (*Collectio canonum*), во Франции — сборники Ива Шартрского (*Parvonia* и *Decretum*). К XII в. накопилось множество зачастую противоречивых постановлений, что вызвало настоятельную потребность в пересмотре и кодификации канонического права. Итальянский монах Грациан составил около 1150 г. новое, огромное по размерам, собрание под названием «Согласование противоречивых канонов» (*Concordantia discordantium canonum*)³, в котором стремился путем сопоставлений и сравнений сгладить и затушить особо вопиющие противоречия, согласовать ранние постановления пап и соборов с последующими, значительно отходящими от обычаев раннехристианской церкви. Источниками для труда Грациана послужили постановления пап, соборов, капитулярии франкских

королей и некоторые заимствования из римского права. Сборник Грациана не был официальным сводом, но он быстро вытеснил из употребления все прежние собрания. Об его широкой популярности свидетельствуют сотни списков со множеством глосс (комментариев). Он был положен в основу преподавания канонического права в университетах. В дальнейшем к этому своду добавлялись все новые каноны и декреталии. С конца XII в. знатоки канонического права стали располагать материал собрания Грациана в систематическом порядке. В XIII в. появилась официальный заново отредактированный свод канонического права. Погрешность в нем была вызвана чрезвычайным развитием в XIII в. ересей, в которых нашел свое выражение протест бюргерства и городских низов против всех форм гнета феодальной церкви. «Свод канонического права» (*Corpus juris canonici*)⁴ был опубликован в 1234 г. при папе Григории XIII. Первую часть кодекса составляет материал до XIII в., подвергшийся новой редакции; во вторую часть входят декреталии Григория IX. В XIII—XIV вв. появились третья и четвертая части кодекса, составленные из новых постановлений.

Древнейшим повествовательным источником по истории папства с древнейших времен является «Папская книга Римской церкви» (*Liber pontificalis ecclesiae Romanae*).⁵ Первоначально это был всего лишь список пап, затем в него стали вносить краткие записи об их деятельности и в конечном счете получился краткий, но связный рассказ о правлениях отдельных пап, весьма сходный с распространенными впоследствии во всех западноевропейских странах «Деяниями епископов» (*Gesta episcoporum*), своего рода анналами епископств. Текст «Папской книги» составлялся ближайшими советниками пап и носил официальный характер. Дошедшая до нас редакция первой части, до 483 г., была составлена в начале VI в., вторая часть заканчивается 682 г. После этого записи делались, повидимому, ежегодно. «Папская книга» до конца VII в. основана на ныне утраченных источниках; ее содержание далеко не всегда достоверно, так как составители не стеснялись исказить историческую истину во имя славы папского престола. Ежегодные записи доведены до 891 г. После этого, в связи с ослаблением папской власти и подчинением папства германским императорам, «Папская книга» пришла в упадок; записи вновь стали очень краткими. С середины XI в., когда власть пап начала укрепляться, это отразилось и на «Папской книге». В XII в., в период наибольшего могущества пап, текст папской летописи утратил прежнюю форму «Деяний епископов» и превратился в серию подробных биографий пап (аналогично биографиями французских королей XII в.). Особенно подробны жизнеописания Адриана IV (1154—1159) и Александра III (1159—1181). Биография самого могущественного из пап, Иннокентия III, составлена неизвестным близким к папе лицом. «Деяния папы Иннокентия III» (*Gesta Innocentii III papae*) охватывают только первые 11 лет понтификата (1198—1208); в них использованы регистры папской канцелярии и изложен текст многих булл. Этот источник является важнейшим для своего периода, но он крайне тенденциозен по своему изложению и подбору фактов.

В XIII—XIV вв. биографии пап снова стали очень краткими, особенно во время Авиньонского пленения. Во второй половине XIV в., когда готовилось возвращение пап в Рим, капеллан Урбана V (1362—1370) Амори Оже из Безье составил серию биографий пап до 1321 г., назвав ее «Деятельность римских пап» (*Actus pontificum Romanorum*).

История пап нашла себе отражение и во многих всемирных хрониках, о чем уже шла речь. Много биографий пап содержится, например, в хронике Мартина из Троппау. Неизвестный доминиканец из Пармы составил около 1320 г. «Хронику пап и императоров» (*Chronicon pontificum et imperatorum*), доведенную до 1294 г.; она была затем продолжена до 1344 г.

Общую историю церкви содержат «Церковные анналы» (*Annales ecclesiae*) за 1061—1303 гг. доминиканца Бартоломео Луккского (ум. 1327), использовавшего архивы многих итальянских и французских монастырей.

Хроники многочисленных монашеских орденов католической церкви составлены в подавляющем большинстве членами этих орденов и из всех средневековых хроник являются самыми недостоверными; они изобилуют легендами, а их авторы зачастую сознательно извращают фактический материал во славу своего ордена. Древнейшими источниками, использованными в этих хрониках, послужили жития основателей орденов и их учеников, статуты орденов, папские буллы, списки аббатов отдельных монастырей, жития и письма аббатов и монахов и т. п. Списки клюнийских аббатов охватывают 910—1244 гг.; на их основе, с привлечением житий, писем и статутов ордена в XIV в. была составлена «Клюнийская хроника» (*Chronicon Cluniacense*) за 910—1328 гг. Для истории цистерцианского ордена наибольшее значение имеют статуты ордена и письма Бернара Клервосского; его многовселенные жития носят по большей части легендарный характер. Такого же типа источники обрисовывают историю нищенствующих орденов. История доминиканцев полнее всего изложена Бернаром Ги (ум. 1331), одним из руководителей ордена и главным инквизитором в Лангедоке. Его труд остался незавершенным и автор не дал ему заглавия. Начало представляет собой компиляцию из предшествовавших хроник доминиканского ордена; затем на основе богатого фактического материала описана история доминиканских монастырей Южной Франции в XIII—начале XIV вв. с большим количеством сведений по истории церкви вообще и по истории инквизиции в Лангедоке. Кроме того, имеется список всех доминиканских монастырей и постановления ордена. Тому же автору принадлежит одно из руководств для инквизиторов — трактат «Практика расследования еретических заблуждений» (*Practica officij inquisitionis hereticae pravitatis*), составленный в 1321—1323 гг. В нем изложены результаты долгой деятельности Бернара Ги в качестве главного инквизитора, кровавого судьи альбгойцев и других еретиков. Интерес трактата как исторического источника заключается в том, что автор дает в качестве примеров подлинные акты инквизиционных процессов, а также подробное изложение различных еретических учений, из которого вырисовываются картина тайных организаций еретиков, их идеология и борьба с католической церковью. Частично сохранились архивы самой инквизиции: протоколы допросов в судебных заседаниях, доносы, приговоры и т. д.

Большой интерес в качестве источников для истории папства и Рима на рубеже XV—XVI вв., в частности папы Александра VI Борджа, имеют дневники двух хорошо осведомленных лиц: Стефано Инфессуры (ум. около 1500 г.) и Иоганна Бурхарда (около 1450—1506). Первый был членом римского магистрата, приверженцем одного из знатных римских родов Колонна и ярким противником пап, правивших в конце XV в. Его труд охватывает историю папства за 1294—1494 гг., но до 1404 г. представляет собой незначительную компиляцию. История же XV в. очень ценна, особенно в последней своей части, где она имеет характер дневника, основанного на хорошей информации. Автор писал частично по-латыни, частично по-итальянски; соответственно этому его труд известен под двумя заглавиями: *Diarium urbis Romae* или *Diario della citta di Roma*⁶. Инфессура дает яркую картину истории папского Рима, картину чудовищного разврата и продажности, царивших в Ватикане и в римских верхах.

Уроженец Страсбурга, Бурхард в 1481 г. переселился в Рим и с 1483 г. стал папским церемониймейстером. Его «Дневник римской курии» (*Diarium curiae Romanae*)⁷ охватывает 1483—1506 гг.; в нем использованы давние Инфессуры. Главное внимание автора уделено различным церемониям, но вместе с тем его дневник содержит много интересных и ценных сведений о политике пап и их связях с государями всей Европы.

ГЛАВА XXIII

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ XVI — СЕРЕДИНЫ XVII вв.

Зарождение в XVI в. капиталистического уклада в некоторых странах Западной Европы сказалось и на характере исторических источников, относящихся как к развитию производительных сил и производственных отношений, так и к надстроечным явлениям в данных странах. В процессе своего роста буржуазия нуждалась в усовершенствовании орудий производства и в новой организации производственного процесса, что нашло себе отражение в специальных технических и торговых трактатах. Она нуждалась также в многочисленных и разнообразных документах, оформлявших новую систему эксплуатации, в законах, закреплявших эту систему, в привилегиях со стороны центральной власти. Появились документы, отражавшие классовую борьбу нарождавшегося предпролетариата. Проникновение капиталистического уклада в аграрные отношения также вызвало к жизни новые виды актов. Однако капиталистический уклад вызревал в недрах феодального строя. В деревне в XVI — середине XVII вв. (кроме Голландии) еще продолжали существовать феодальные производственные отношения, а в городе цеховое ремесло еще далеко не полностью было вытеснено мануфактурой. Продолжало существовать феодальное государство и действовало, хотя и в изменяющемся виде, феодальное право. Поэтому не могли исчезнуть и старые, еще феодальные, типы источников: документы, оформлявшие феодальную земельную собственность и феодальную эксплуатацию, памятники феодального права и т. п.

Эпоха Возрождения была важным этапом в развитии национальной культуры каждой из европейских стран и оказала огромное воздействие на характер исторических повествовательных источников, чему чрезвычайно способствовало бурное развитие книгопечатания. Средневековые хроники отошли в прошлое. В повествовательных исторических источниках стали заметны элементы научного исследования; началось формирование буржуазной идеологии, в том числе и исторических концепций нового поднимающегося класса. Оно происходило в обстановке борьбы с идеологией и историческими взглядами феодальных сословий, в первую очередь в обстановке реформационного движения против католической церкви, что и нашло себе отражение в исторических трудах гуманистов и протестантов. Появился новый тип исторических повествовательных источников: мемуары политических и общественных деятелей, отразившие борьбу двух идеологий — буржуазной и феодальной. Но наиболее яркое выражение эта борьба получила в развившейся в XVI в. публицистике, чутко реагирующей на все проявления классовой борьбы в политике и в идеологии.

Так в источниках, как и в самой жизни раннего периода развития буржуазии, сказывалось переплетение нового со старым, причем порой на новом еще лежала печать старого; зачастую внешний вид и структура текста документов были еще средневековыми, в то время как по содержанию они уже были следствием появления новых отношений.

Наряду с процессом зарождения буржуазного строя в одних странах Западной Европы, в других (на восток от Рейна), после кратковременного развития некоторых элементов капиталистического уклада с середины XVI в. обозначился поворот в иную сторону. Там утвердилось «второе издание крепостничества», задушившее ростки начавшегося было капиталистического уклада. Укрепилось и развилось крупное помещичье землевладение, основанное на эксплуатации барщинного труда крепостных крестьян. Затормозилось развитие промышленности. Вследствие этого исторические источники в целом не претерпели тех изменений, которые характерны для стран с развивавшимся капиталистическим укладом. Усиление крепостничества привело лишь к умножению тех типов документов, которые имелись и раньше, но в меньшем количестве и которые закрепляли порядки, царившие в крупных церковных и дворянских поместьях, эксплуатацию крепостного крестьянства и его борьбу против помещиков. Относительно, а порой и абсолютно, оскудел фонд источников по истории городов и товарного производства. В новостовательных источниках сохранилось много черт старого; сравнительно долго жили городские и даже церковные хроники.

Наряду с этой весьма важной разницей в типе источников между странами Западной и Центральной Европы, особенно резкой с середины XVI в., надо отметить и то общее, что с XVI в. стало присуще историческим источникам всех стран.

В XVI в. книгопечатание развилось чрезвычайно широко не только в смысле территориального охвата, но и в отношении самого характера печати. Печатная книга окончательно победила книгу рукописную и за последней осталась лишь сравнительно узкая сфера применения. Дошедшие до нас рукописные книги XVI в. (речь идет не о рукописях вообще, а именно о книгах) представляют собой либо роскошные украшения рукописи из королевских и т. п. собраний, либо списки с запрещенных цензурой произведений и с очень дорогих и редких печатных изданий, либо авторские черновики и беловики, либо сборники копий с различных документов и т. п. Внедрение печати во все отрасли литературы и науки привело и к широкому распространению исторических произведений и тем самым обеспечило их лучшую сохранность. На пропажу печатных исторических трудов XVI в. исследователь может жаловаться только в исключительных случаях.

Победа книгопечатания сказалась и на несравненно более широком развитии публицистики. В XVI в. появилось множество печатных брошюр и листовок («памфлетов», как их называли в то время), сыгравших огромную роль в классово-политической и конфессиональной борьбе и являющихся драгоценными историческими источниками не только для социальной и политической истории, но и для истории культуры, для истории формирования новой буржуазной идеологии. В силу того, что современники, как правило, не прилагали особых усилий для сохранения этих «летучих листовок», кое-что из них пропало, некоторые дошли в одном-двух экземплярах и представляют теперь величайшую библиографическую редкость. Но в целом публицистика XVI—XVII вв. сохранилась в удовлетворительном состоянии.

К концу XVI в. в некоторых передовых странах создались предпосылки для возникновения периодической печати, которая также стала возможна лишь при наличии широко развитого типографского дела.

В XVI в. очень отчетливо сказался перевес в пользу документального материала не только для истории производственных отношений, но и для политической истории. Он наметился еще в XIV—XV вв. и о причинах этого явления уже было сказано.* В XVI в. до невиданных ранее размеров увеличилась сфера деятельности государства и чрезвычайно возросло количество документов по политической истории. Если до XIV в. сведения по политической истории содержались в основном только в анналах и хрониках, а в XIV—XV вв. — и в хрониках и в документах, то в XVI в. документальный материал окончательно победил повествовательные источники и занял первенствующее место в области источников по политической истории.

Чрезвычайно возросло число и разнообразие документов, исходящих от государей и органов государственной власти, как центральных, так и местных. Официальная правительственная переписка (зачастую секретная), протоколы заседаний различных правительственных учреждений, донесения и отчеты местных властей и т. п. — весь этот документальный материал разросся до очень больших, по сравнению с XV в., размеров и охватил все стороны политической жизни. Весьма обогатился фонд документов по истории дипломатических отношений и внешней политики в целом. Международные договоры и особенно донесения послов и правительственные инструкции, облекавшиеся нередко в шифрованную форму и приобретшие в XVI в. регулярный характер, дают возможность исследовать внешнюю политику с большой подробностью и глубиной. Необходимо отметить, что донесения послов своим правительствам о внутреннем положении той страны, в которую они были посланы, нуждаются в очень тщательной проверке. Как бы ни были проницательны эти дипломаты (в том числе и самые образцовые из них — венецианцы), все же они смотрели на порядки и нравы чужих стран глазами иностранцев, многого не понимали, многое неверно истолковывали, и в результате нередко ошибались. Не всегда была точной и собиравшаяся ими отовсюду информация о текущих событиях; министры зачастую в беседах с послами умышленно и весьма умело искажали истину в своих интересах. Сопоставление данных из донесений послов со свидетельствами других более авторитетных источников зачастую приводит к необходимости отвергнуть или во многом исправить фактический материал из дипломатических донесений.

Характеристика обширного и разнообразного документального материала по политической истории XVI в. должна быть дополнена указанием на его хорошую сохранность. Более тщательное и бережное хранение документов (еще не в качестве исторических источников, но в качестве деловых документов, необходимых для практических целей) привело к тому, что даже при весьма примитивной организации архивов различных учреждений документальный материал XVI в. дошел до нас без особых изъянов.

Наличие его оказало большое влияние на характер повествовательных исторических источников того времени. Историки, жившие в XVI в. и оставившие нам весьма солидные и обширные «Истории своего времени», сами пользовались, порой очень широко, современным им документальным материалом. Элементы научного исследования в про-

* См. стр. 115.

изведениях историков-гуманистов заключаются, во-первых, в том, что эти авторы начинают искать смысл происходивших событий в отношении нарождавшейся буржуазии к окружавшему ее феодальному миру, что делает труды этих историков весьма важными источниками для истории общественной мысли XVI в. Во-вторых, историки-гуманисты обладали новым подходом к источникам. Они не просто вставляли в свой текст документальный материал, как это бывало в средневековых хрониках, а обрабатывали его, подвергая анализу его достоверность, полноту и т. п. В большинстве случаев такая обработка еще весьма примитивна и часто наивна, но тем не менее у лучших представителей гуманистической историографии она составляет основу их исследования. Некоторые документы дошли до нас только в составе исторических произведений. Есть, однако, одно обстоятельство, которое значительно понижает значение исторических трудов XVI в. как исторических источников. Оно заключается в том, что наука в наши дни располагает почти полностью тем же (а иногда и большим) документальным материалом, который был в распоряжении этих историков. В результате зачастую отпадает потребность в использовании содержащегося в их трудах фактического материала. Последний может быть добыт непосредственно из тех же самых источников, которые лежат в основе исторических произведений XVI в. (это обстоятельство скажется еще резче в XVII—XVIII вв.) Вооруженный марксистско-ленинской методологией и несравненно более тонким, чем в XVI в., методом критического анализа источников, историк наших дней найдет в этих документах неизмеримо больше данных, сможет изучить их гораздо глубже и разностороннее, чем ученый XVI в., и притом в сочетании со многими другими источниками. Характерно, что буржуазные историки в XIX в. и особенно в наши дни редко предпринимают попытки конкретного и детального изучения документального материала по политической истории XVI в., предпочитая использовать уже готовую ткань событий, а зачастую и их трактовку из работ историков XVI в. Этим отчасти объясняется своего рода шаблон и неподвижность в изучении истории XVI в. в буржуазной историографии.

Однако было бы неправильно совершенно изъять исторические произведения XVI в. из области источниковедения. В некоторых случаях они сохраняют свое, хотя и сильно ограниченное значение в качестве интересных источников. Во-первых, без них нельзя обойтись в случае исчезновения тех или иных документов. Для документов XVI в. возможность пропажи не исключена, хотя несравненно более ограничена, чем для документов XIV—XV вв., не говоря уже о предшествовавших столетиях. Во-вторых, далеко не весь документальный материал по истории XVI в. опубликован. Можно сказать, что изданная его часть значительно меньше неизданной. Следовательно, бывают случаи, когда по тем или иным конкретным причинам исследователь не может пользоваться архивным материалом и поэтому вынужден обращаться к их передаче в трудах XVI в., зная о неполноте и дефектах такой передачи. В-третьих, источниковедческая ценность исторических произведений XVI в. (и XVII—XVIII вв.) заключается не только в использованных в них документах, но и в имеющихся в этих трудах личных воспоминаниях. Большинство исторических трудов XVI в. в той или иной степени является вместе с тем и мемуарами.

Мемуары (т. е. воспоминания, записи личных наблюдений, зачастую с весьма сильной примесью автобиографического момента) появились в полной своей форме только со времени Возрождения и неразрыв-

но связаны с характерным для гуманизма интересом к человеческой личности. В некоторых средневековых хрониках и автобиографиях (например, у Гиберта Ножанского, Жуанвила, Фруассара, Карла IV, Коммина и др.) встречаются в зачаточном виде черты будущих мемуаров (наиболее ясно это видно у Карла IV и Коммина), но в целом и над этими произведениями довлел безличный характер средневекового исторического повествования. В XVI в. в этой области происходит перемена.

В мемуарах, особенно с середины XVI в., личный момент решительно становится преобладающим. Автор не только пишет преимущественно о том, что он видел и слышал, чему сам был свидетелем; он сознательно и откровенно ставит себя в центр всего рассказа. Отсюда проистекает три главных положительных свойства мемуаров в качестве исторических источников. Первое заключается в необычайном (сравнительно со средневековьем) обилии деталей, в конкретной и зачастую весьма красочной картине быта и нравов, в ярких характеристиках отдельных лиц и т. п. Эти черты мемуаров роднят их с произведениями художественной литературы; порой история и история литературы в равной мере, и с полным к тому основанием, считают их своими источниками. Вторым свойством мемуаров является их большая ценность для истории классовой идеологии, политических программ классов и сословий общества XVI в. Именно в силу присущего мемуарам личного характера они содержат богатый материал, позволяющий отчетливо представить интересы социальной группы, к которой примыкал автор, а иногда и взгляды и программы врагов его сословия. Поэтому мемуары представляют собой ценный источник для истории весьма сложной политической борьбы в XVI в., по истории общественного мнения той эпохи. Третье положительное качество мемуаров заключается в том, что, если автор был действительно крупным политическим деятелем, он сообщает и о таких фактах, которые не находили (и даже не могли найти) себе места в документах, например о секретных совещаниях, о частных беседах и мнениях руководящих политиков, о тайных пружинах, действовавших при принятии тех или иных решений и т. п. В таких случаях свидетельства мемуаристов (при условии их правдивости) бывают зачастую в своем роде единственными и чрезвычайно ценными.

Но вместе с тем мемуарам в несравненно большей степени, чем хроникам или историческим трудам XVI в., присуща недостоверность. Как правило, от мемуаров нельзя ждать точной хронологии, строгой последовательности в изложении фактов, наконец элементарной правдивости. Последнее качество присуще далеко не всем мемуарам; даже в лучших из них авторы нередко о многом умалчивают, преувеличивают свою роль в событиях и т. п. В ряде случаев встречаются сознательные и порой весьма тонкие искажения действительности, являющиеся для неискушенного исследователя очень опасными.

В силу недостоверности мемуары (за редкими исключениями) должны быть использованы преимущественно в качестве дополнительных, своего рода иллюстративных, источников. Основа же исследования должна покоиться на документальных источниках.

Как неоднократно указывалось, большую ценность имеют письма. Эпистолярный материал до конца XV в. сохранился преимущественно в исключительных случаях и имеет, как правило, официальный характер (письма государей, крупных государственных и церковных деятелей, некоторых представителей науки и литературы). От частных писем, весьма многочисленных уже с XIV в., дошли до нас жалкие крохи. Развитие образования в эпоху Возрождения, больший интерес к пись-

мам, как к своего рода литературным памятникам, а отчасти и историческим источникам, появление фамильных архивов и т. п. способствовали лучшей сохранности писем не только политических деятелей, ученых, литераторов, но и мало примечательных частных лиц. Нужно сказать, что богатый фонд эпистолярных источников XVI в. оказывает исследователю огромную услугу. Письма — лучшее зеркало общественной жизни во всей ее непосредственности и злободневности. В них встречаются гораздо более точные, чем в мемуарах, ценнейшие сведения по социально-экономическим отношениям, по классовой борьбе и т. п.

Для истории географических открытий и колониальных захватов источниками являются дневники мореплавателей, отчеты и рассказы о путешествиях, трактаты о новых землях и переписка властей метрополий с властями колоний.

Немаловажное общее замечание об источниках XVI в. (и последующих столетий) состоит в том, что развитие капиталистического уклада постепенно нивелирует содержание, типы и форму документов (особенно частных актов), стирая национальные особенности последних, ярко выраженные в эпоху развитого феодализма в XIII—XV вв. По своей форме документы все более и более упрощаются. Их средневековый, внешне «трудный» облик постепенно утрачивается, уходят в прошлое длинные и сложные формулы, язык становится более близким к современному и поэтому более понятным. Уже в XVI в. различия в документальном материале, отражающем капиталистические отношения, свелись в основном к языку и к сохранению некоторого (небольшого) количества средневековых формул. В дальнейшем это приведет к еще большей унификации типов и форм документов вообще. Национальное их происхождение будет в основном определяться языком.

Вследствие постепенной унификации, при характеристике документов XVI в. в целом уже нет нужды в таком подробном рассмотрении специфики отдельных групп документов по странам, к которому вынуждала пестрота и своеобразие форм и темпов развития феодализма в разных странах Европы за шестивековой период X—XV вв. Для XVI в. можно ограничиться указаниями на наиболее резко выраженные особенности документальных источников по истории отдельных стран.

Наоборот, в повествовательных источниках в XVI в. национальные особенности сказываются несравненно ярче. Иначе и не могло быть в эпоху зарождения буржуазных наций и складывания национальной культурной общности. Но и эти источники могут быть охарактеризованы суммарнее, чем хроники предшествующих веков. Как уже указывалось, значение этих источников для истории XVI в. сужено. В основном они представляют собой предмет исследования не источниковедения, а преимущественно историографии. Будучи в первую очередь источниками для истории исторической науки, они и рассматриваются обычно под этим углом зрения. Немалое значение заключается в том, что в результате возросшего интереса к истории, в XVI в. появилось великое множество исторических трудов, причем нередко наиболее крупные и знаменитые из них обязаны такой репутацией своему историографическому, а не источниковедческому значению. Далеко не всегда именно они являются лучшими в своей области источниками по истории XVI в.

Все это, однако, не означает упрощения или облегчения изучения источников XVI в. Их обилие и новый характер создают для исследователей и нового рода трудности. Частные акты изданы в ничтожном количестве; поэтому при исследовании почти всех сторон социально-экономических отношений необходимо обращаться к неопубликованным

архивным материалам, разыскивать и списывать (порой в весьма большом количестве) трудные для чтения рукописи. То же самое следует сказать и о документальном материале по политической истории. Изданы главным образом письма государей и крупных политических и общественных деятелей (Лютера, Карла V, Филиппа II, Генриха VIII, Елизаветы Английской, Вильгельма Оранского, Гранвеллы, Екатерины Медичи, Генриха IV, Ришелье и др.), отчасти донесения послов. Официальная переписка должностных лиц опубликована в весьма малом объеме. Зачастую даже опубликованные источники рассеяны по разным изданиям, что затрудняет их использование. К тому же источники XVI в. в целом исследованы в меньшей степени, чем источники периодов раннего и развитого феодализма. В ряде случаев историк, сталкиваясь с вовсе неисследованным материалом, должен сам выяснить биографии авторов мемуаров или публицистических произведений, подбирать и систематизировать документальный материал и т. п.

Важнейшей проблемой в социально-экономической истории передовых стран Западной Европы XVI в. является зарождение и развитие капиталистического уклада. Соответственно наиболее важной группой источников являются документы, связанные с новыми производственными отношениями. К сожалению, делопроизводство самих мануфактурных предприятий в XVI в. оно вообще не могло быть обширным. Основными источниками по истории мануфактур являются договоры (главным образом краткосрочные) промышленных компаний, где точно определены доли участников в капитале и в прибылях и иногда описано мануфактурное оборудование. Организационные формы мануфактур, различные привилегии их владельцев, а порой и новые технические приемы перечислены в королевских грамотах-патентах,* тексты которых нередко сохранились лишь в регистрах королевских советов. Ценные сведения (хотя и косвенного порядка) о росте промышленного и торгового капитала содержат документы налогового обложения (большой частью списки городских налоговых поступлений), где указана взимавшаяся с каждого налогоплательщика сумма налогов, исчисленная в определенной пропорции от его доходов или от оценки имущества.

Характер и размеры мануфактурного оборудования и помещений выясняются из описей имущества, завещаний, брачных контрактов, судебных документов и т. п. Некоторые сведения об этом же содержатся в коммерческой переписке и в торговых книгах. Усовершенствование орудий производства и техническое изобретательство отображены в документах (регламентах), определявших качество мануфактурной продукции, в протоколах торговых палат, рассматривавших также и эти вопросы, в специальных, зачастую иллюстрированных, трактатах. В некоторых случаях сохранились сами инструменты, применявшиеся в мануфактурах XVI—XVII вв. (оборудование типографий, металлургических мануфактур и т. д.).

Экономические притязания нарождавшегося капитала хорошо вскрываются из обращенных к правительству или к органам сослов-

* Термин «патент» происходит от дипломатического обозначения типа королевской грамоты, предоставлявшей разного рода привилегии, так называемой «открытой грамоты» (litterae patentes).

ного представительства петиций мануфактуристов и купцов, в памфлетах и трактатах экономического и политического характера, особенно в трактатах, посвященных торговле.

В цехах продолжали составляться прежнего типа цеховые документы (уставы, договоры, петиции и т. п.); появились (или умножились) королевские грамоты на звание мастера.

Поскольку в XVI в. торговый капитал еще преобладал над промышленным, источники по истории торговли более многочисленны, чем по истории мануфактуры. В первую очередь надо отметить повсеместное и широкое распространение торговых книг,* позволяющих исследовать (порой весьма точно) обороты торговых капиталов, размер торговой прибыли, сферу и масштабы деятельности торговых компаний, их связь с мануфактурным производством, с одной стороны, и с банковскими операциями, с другой, и перевес тех или иных элементов в их деятельности, наконец — динамику их бурного роста или же упадка (последнее, например, у Фуггеров с середины XVI в.). Регистры торговых бирж и торговых судов, договоры торговых компаний, уже упоминавшиеся протоколы торговых палат, коммерческая переписка и трактаты по торговле содержат множество ценных сведений. Эти же источники, а также документы, отражающие деятельность банков и ярмарочных комитетов (денежные расчеты приурочивались обычно ко времени крупных ярмарок), позволяют изучать объем и характер кредитных операций. Данные о ценах на различные товары, особенно важные для изучения процесса революции цен, содержатся в самых разнообразных источниках, главным образом в постановлениях городских советов, в законах, в счетах и отчетах крупных учреждений (монастырей, университетов и т. п.), в дневниках. Эти сведения настолько многочисленны, что на их основе можно составлять таблицы ежегодного движения цен почти во всех странах.

Вызванное революцией цен расстройство в монетном обращении изучается на основе монетного законодательства и специальных трактатов о монетах и о денежном обращении.

Характерный для периода первоначального накопления рост государственных налогов и государственного долга может быть изучен по ряду источников: по государственным бюджетам, отчетности казначейства, законам и налогам, постановлениям о выпуске рент и займов и т. д.

* См. стр. 111.

ГЛАВА XXIV

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Англия XVI в. Источниками по истории аграрного переворота в Англии в первую очередь являются статуты против огораживаний и материалы обследований, произведенных специальными правительственными комиссиями. Они дают как общую картину развития процесса огораживаний (статуты), так и большой, конкретный материал по отдельным частям страны (протоколы обследований).

Статуты против огораживаний¹ издавались Тюдорами неоднократно по соображениям фискального, военного и полицейского порядка. Правительство стремилось сохранить в стране мелкое самостоятельное крестьянство как налогоплательщиков и солдат. Кроме того, оно боялось восстаний экспроприированных крестьян. Однако реальная сила статутов была невелика, так как начавшееся капиталистическое развитие сельского хозяйства в Англии нельзя было остановить при помощи законодательства.

Первые статуты относятся к 1488—1489 гг.; их структура характерна и для последующих. Ценность их как источников заключается в том, что во вводной (мотивировочной) части, как правило, дается картина разорения крестьян, причиненного огораживаниями, указываются характер и размеры огораживаний. Затем идет перечисление мер по восстановлению разрушенных крестьянских усадеб: возвращение участков и усадеб, возмещение понесенных убытков, ликвидация договоров на аренду больших ферм, установление штрафов за неисполнение и т. п. Первый статут 1488 г. относился только к острову Уайту; правительство было очень озабочено тем, что огораживания грозили его обезлюдить (остров был важен с точки зрения обороны южных берегов Англии). Статут 1489 г. имел силу уже для всего королевства. Из последующих статутов явствует, что он применялся только в королевских поместьях и на землях непосредственных держателей короны; лорды уклонялись от его выполнения.

В начале правления Генриха VIII, когда огораживания приняли значительные размеры, было издано несколько актов. В 1514 г. появилась правительственная прокламация (указ) против укрупнения ферм, превращения пахотной земли в пастбища и сгона крестьян. В 1516 г. правительство провело через парламент новый статут, подтверждавший и дополнявший статут 1489 г. Для его претворения в жизнь были созданы в 1517 г. особые комиссии по расследованию огораживаний в 35 графствах (из имевшихся тогда в Англии 40 графств). Подробная инструкция, данная этим комиссиям, служит очень ценным источником, так как содержит интересное описание производившихся огораживаний, перечисление задач и методов работы комиссий. Протоколы последних

о проведенных в 1517—1518 гг. обследованиях по сотням и приходам² дают множество точных сведений и являются важнейшим источником для конкретной истории огораживаний. В них приведены цифровые данные о размерах огороженных территорий и превращенной в пастбища пашни, о количестве разрушенных крестьянских усадеб, о числе экспроприированных крестьян. К сожалению, оригинальные протоколы комиссий на латинском языке, так называемые «Канцлерские отчеты» (Returns to shire) сохранились только для 10 графств, да и то со значительными пропусками. Некоторым возмещением не дошедших до нас протоколов могут служить сокращенные записи на латинском языке, сделанные в середине XVI в. на основе подлинных «Канцлерских отчетов». Но в них отсутствуют сведения о количестве изгнанных крестьян, характеристика земли до огораживания и данные о держателях и фермерах. В совокупности материалы «Канцлерских отчетов» и кратких записей охватывают 19 графств из различных частей страны, а в сочетании с другими (крайне отрывочными) данными эти цифры доходят до 23 графств. Вследствие этого даже такие важнейшие источники, несмотря на свою огромную ценность, не дают возможности получить совершенно точные сведения для всей Англии в целом.

В 1526—1529 гг. последовал ряд прокламаций, предписывавших ликвидацию произведенных огораживаний.

Статут 1533 г. предназначался для 14 графств Центральной и отчасти Восточной и Южной Англии, где огораживания имели большой размах; он распространялся и на церковных лордов. Запрещались увеличение овцеводства за счет сокращения пашни и аренда более чем двух ферм. В тексте закона имеются ценные цифры: указаны размеры овечьих стад у лордов и богатых фермеров, приведены цены на овец и на шерсть. Под угрозой штрафа установлен максимум овец у одного хозяина (2 тысячи). Следующий статут 1536 г. требовал строгого выполнения статута 1533 г., грозя виновным судебным расследованием и большим штрафом.

Для новой комиссии, созданной в 1548 г., была составлена интересная инструкция, но в результате сопротивления со стороны лордов, комиссия вскоре прекратила работу и не оставила таких протоколов, как комиссия 1517—1518 гг.

В заключение надо отметить статут 1577 г. о восстановлении разрушенных крестьянских усадеб и прекращении огораживаний; он также остался только на бумаге.

Весьма ценными источниками, рисующими практику королевского судопроизводства в тяжбах по огораживаниям и, следовательно, содержащими сведения и по самим огораживаниям, являются протоколы Звездной палаты (суда, созданного в 1487 г. при королевском Тайном совете) и Палаты прошений³. Крестьяне нередко подавали в суд, жалуясь на нарушение статутов против огораживаний, но эти высшие королевские судебные учреждения чаще всего решали дела в пользу помещиков. Важными источниками являются жалобы-петиции, подававшиеся крестьянами правительству или парламенту.

Немало сведений для истории аграрного строя в целом содержится в местных манориальных источниках, особенно в описях, составленных весьма подробно и дающих сведения о площади манора (раздельно домена и огороженной земли), о числе держателей и величине их держаний и т. п. Развитие капиталистической аренды прослеживается по многочисленным арендным договорам. Очень интересны два агрономических трактата А. Фицгерберта (1470—1538). Первый — «Руководство по надзору и улучшениям в сельском хозяйстве» (The Boke of Surveyynge and Improvements), появившийся в 1523 г. и пять раз переизданный в XVI в., предназначен не для земледельца, а для лэндлорда и призывает к введению нового землеустройства (обмен участков для создания крупных земельных массивов) и к интенсификации сельского хозяйства.

В нем есть ряд советов по увеличению доходности имения, по севообороту, повышению урожайности и т. п. Второй трактат «Руководство по сельскому хозяйству» (*The Boke of Husbandry*) пользовался такой популярностью, что был издан в XVI в. 8 раз. Он содержит интересный материал по агротехнике (описание орудий, упряжи, всех видов земледельческих работ) и скотоводству. Большой отдел посвящен садоводству. Поэма Т. Тэссера «Сто советов по сельскому хозяйству» (*A hundreth good pointes of husbandrie*) состоит из описания земледельческих работ по отдельным месяцам.

Процессы секуляризации церковных земель, их продажи или пожалования освещены в диссольюционных (от лат. *dissolutio* — уничтожение) статутах 1536, 1539 и 1541 гг., в королевских грамотах и в актах купли-продажи.

Проанализированное Марксом в 24-й главе I тома «Капитала» «кровавое законодательство» является вместе со статутами о понижении заработной платы, о рабочих домах, о налогах на бедных, о ремесле и промышленности и т. д. основным источником для истории экспроприации народных масс и для положения наемных рабочих в XVI в. «Чудовищно террористические законы» Тюдоров (статуты 1530, 1547, 1572, 1597 гг. и др.) имели целью принудить к труду за ничтожную оплату насильственно изгнанных из деревень крестьян.

Для истории народных движений основными источниками являются правительственная переписка, программные документы восстаний («Лонкастерские требования», выдвинутые во время восстания на севере Англии в 1536—1537 гг., «Экзетерские статьи» крестьян, восставших в 1549 г. в Девоншире и Корнуэлле, программа восстания Роберта Кета в 1549 г. и др.), статуты, издаваемые после восстания 1549 г. Некоторые сведения о ходе восстаний имеются в хрониках.

Источники по истории промышленности состоят главным образом из документального материала.* Среди них надо отметить трактаты о мануфактурах (особенно суконных), о торговле, проекты развития горного дела и угледобычи, трактаты о развитии мореплавания, рыболовства, об устройстве колоний (например, «Трактат о необходимости и выгоде устройства английских колоний в Северной Америке» — *Discourse of the necessity and commoditie of planting English colonies upon the North parts of America*, by Peckham, 1583). В выдававшихся правительством патентах на устройство той или иной мануфактуры содержатся ценные сведения. Источниками по истории крупных торговых компаний служат протоколы собраний членов компаний. Во многих романах Томаса Делони (около 1543—1600) описаны различные мануфактуры; наиболее интересен роман «Джек из Ньюбери» (*Jack of Newbery*, 1594), в котором восхваляется энергия и богатство мануфактуриста и есть интересный, хотя и очень слащавое описание крупной суконной мануфактуры, где применялся труд и взрослых и детей.

Для истории английской реформации имеется большой фонд источников: законы о церкви, папские буллы, молитвенники (*Prayer Books*) англиканской церкви, богословские трактаты, церковные документы по приходам, протоколы собраний кальвинистов, проповеди и обширная переписка.

Начавшуюся во второй половине XVI в. колониальную экспансию Англии обрисовывают многочисленные описания путешествий Виллоуби, Ченслера, Джилльберта, Фробишера, Хаукинса и др. В этих произведе-

* См. стр. 317—318.

ниях, равно как и в многочисленных памфлетах, посвященных той же теме, последовательно проводится пропаганда захвата земель в Северной Америке, устройства там колоний, разработки природных богатств и т. п.

Документальный материал по политической истории чрезвычайно обширен и содержит множество данных.

Английские исторические труды XVI в. сравнительно немногочисленны; некоторые из них еще сохраняют прежнюю форму хроник. Для правления Генриха VII имеется латинское сочинение итальянского гуманиста Полидора Виргилия (1470—1555) *Historia Angliæ*, 1534. История Генриха VIII описана Холлом (ум. 1547) в «Союзе двух благородных и славных домов Йорков и Ланкастеров» («*The union of the two noble and illustre families York and Lancaster, 1542*»). Это лучший по материалу повествовательный источник для первой половины XVI в., хотя изложение носит панегирический характер.

Два историка Холлинshed (ум. около 1580) и Стоу (1525—1605) писали почти одновременно и много друг у друга заимствовали. В хронике Холлиншеда⁴, доведенной до 1586 г., дана история Англии, Ирландии и Шотландии. Наиболее ценна часть, посвященная правлению Елизаветы. Первое издание вышло в 1577 г., а из второго (1587 г.) по приказу правительства было изъято много кусков, касавшихся англо-шотландских отношений, заговора Лейстера и т. д. В «Своде английских хроник» (*A sumptage of Englyshe Chronicles, 1565*) Стоу имеется обширнейший фактический материал в точном хронологическом порядке.

Примерно такую же форму имеет латинский труд «Анналы»⁵ (1615 г.) Кемдена (1551—1623), приближенного лорда-казначея Берли, почти сразу же переведенный на английский язык. Кемден широко использовал хранившиеся у Берли документы и на их основе хорошо осветил внутреннюю и внешнюю историю правления Елизаветы.

Чрезвычайно обильна и разнообразна английская публицистика XVI в., освещающая все стороны жизни общества: огораживания, реформацию, колонизацию и т. п. В ней содержится зачастую очень ценный фактический материал. К этим источникам примыкает знаменитый труд гуманиста Томаса Мора (1478—1535), его «Утопия»⁶ (1516 г.). В первой части содержится очень яркая картина социальной и политической жизни Англии начала XVI в. (в том числе и огораживания, разоряющие крестьян), которую Мор резко критикует и которой он противопоставляет во второй части счастливый общественный строй жителей острова Утопия.

Надо отметить очень интересные народные баллады об огораживаниях, в которых выражен протест против сгона крестьян и разрушения крестьянских усадеб.

Наиболее важными источниками по истории аграрного строя являются частные акты, сохранившиеся в огромном количестве частично в подлинниках и в копиях, но главным образом в составе нотариальных минут и архивных инвентарей того времени.* Они еще сравнительно мало изучены. В них нашел свое отражение начавшийся во Франции в XVI в. процесс экспроприации беднейшей части крестьянства, имевший форму массовой скупки крестьянских земель (цензив) представителями чиновничества и одворянива-

* В нотариальных минутах (см. стр. 110) опущены формулы; в архивных инвентарях имеется только краткое резюме акта.

шейся буржуазии, а также зажиточными крестьянами. Поэтому основную массу этих документов составляют акты залога и в особенности продажи цензив. К ним примыкают акты продажи (целиком или по частям) дворянских земель (фьефов), утывавших из рук разорывшегося родового дворянства. В XVI в. получили массовое распространение договоры срочной (денежной или исполнительной) аренды, в которых обычно подробно перечислены все обязанности арендаторов, в силу чего эти акты дают очень конкретную картину новых форм эксплуатации, переходных к капиталистическим. Вместе с тем, поскольку еще сохранялась основа феодализма — феодальная собственность на землю, продолжали составляться все оформлявшие ее документы: акты вассальной присяги с приложенными к ним описями фьефов, списки уплачиваемого крестьянами ценса и других повинностей и т. п. Но при оценке общего состояния французского аграрного строя XVI—XVII вв. эти источники должны изучаться в сочетании с вышеперечисленными актами, рисующими разложение феодального строя в деревне.

Из сельскохозяйственных трактатов следует отметить два наиболее крупных. Первый — «Агрикультура и сельское поместье» (*L'agriculture et la maison rustique*) Ш. Этьена и Ж. Льебо, вышедший в 1574 г., содержит подробное описание агротехники и немало советов по организации поместья, в котором труд арендаторов-испольщиков играет важную роль. Знаменитый труд Оливье де Серра «Театр агрикультуры и полевое хозяйство» (*Théâtre d'agriculture et mesnage des champs*)⁷ появился в 1600 г. по желанию Генриха IV, стремившегося приучить французское дворянство к прибыльному ведению сельского хозяйства. Автор тщательно описывает все отрасли: полеводство, скотоводство, садоводство и т. п. Особенным его вниманием пользуется шелководство, для распространения которого во Франции он приложил немало усилий. Главный интерес представляет первая часть трактата, где речь идет о методах ведения хозяйства. Автор, типичный представитель только что одворянившейся буржуазной семьи, настойчиво рекомендует вести обработку барской земли, то сдавая ее в срочную аренду, то применяя наемный труд, причем последнему способу он отдает предпочтение. Подробно описаны все формы срочной аренды, существовавшие тогда на юге Франции.

Большой фонд источников по истории французской промышленности и торговли вполне соответствует вышеприведенной характеристике источников такого рода,⁸ которая приложима ко всем странам с развивавшимся капиталистическим укладом. Особо следует сказать о протоколах заседаний Торговой палаты при Генрихе IV. В них описаны представленные в Палату проекты механизмов, двигателей и разного рода технических усовершенствований, проекты развития торговли и мануфактур и т. п. Очень важен вышедший в 1615 г. «Трактат по политической экономии» (*Traicté de l'economie politique*) А. Монкретьена⁸. Автор побывал в Англии и в Нидерландах и хорошо знал состояние не только французской торговли, но и английской и голландской, равно как характер и организацию мануфактур в этих странах. Его труд представляет собой плод многих наблюдений и дает очень яркую картину состояния французской промышленности, торговли и колонизации в начале XVII в. Он интересен также и для истории экономической мысли, как один из самых ранних трактатов, обосновывающих необходимость последовательно проводимой меркантилистской политики.

* См. стр. 317—318.

«Новый всеобщий устав для всех видов товаров и изделий, полезных и необходимых для королевства» (*Nouveau règlement général sur toutes sortes de marchandises et manufactures qui sont utiles et nécessaires dans ce royaume*) был составлен по заданию Ришелье советником Ла Гомбердьером и напечатан в 1634 г. В нем не только описано положение промышленности и торговли в то время, но и дана их краткая история с конца XVI в. Автор стремится доказать, что промышленность Франции, ее мануфактуры настолько развиты, что страна могла бы обойтись без иностранного импорта. Он требует усиленного протекционизма в области внешней торговли и защиты отечественного производства.

Интересным источником для истории революции цен во Франции в середине XVI в. служит трактат крупного историка, политического писателя и экономиста Жана Бодена (1530—1596). В опубликованных в 1568 г. «Ответах Жана Бодена г. де Мальтруа» (*Responses de Jean Bodin à M. de Malestroit*)⁹ содержатся выраженные в полемической форме соображения автора о причинах роста цен и обесценения денег. Боден первый из современников понял связь этих явлений с наплывом в Европу драгоценных металлов из Америки.

Процесс первоначального накопления сопровождался во Франции, так же как и в Англии, кровавым законодательством против экспропрированных. Первый закон (эдикт) был издан в 1534 г. только для Лангедока, где раньше всего сказались последствия этого процесса. Дальнейшие эдикты относились уже ко всей стране. Уклоняющимся от работы нищим и бродягам грозила тюрьма и каторжные работы на галерах (гребных морских судах). Целая серия эдиктов, начиная с 1545 г., касалась принудительного взимания милостыни для содержания бедных. Эдикты 1544 г., 1567 г., 1577 г., и т. д. стремились регулировать заработную плату рабочих в интересах предпринимателей. Первые в истории Франции стачки наемных рабочих лионских и парижских типографий произошли в 1539—1541 гг. Главными источниками для них является документальный материал: регистры лионского муниципалитета, переписка должностных лиц и петиции рабочих, поданные в Парижский парламент. Кроме того, со времени этих первых классовых боев нарождавшегося французского пролетариата начинается во Франции законодательство против союзов рабочих. В ордонанс, изданный в 1539 г. в Вилле-Котре и посвященный судопроизводству, было вставлено в конце дополнение (статьи 185—192), запрещавшее под страхом ареста и конфискации имущества «все братства рабочих и цеховых ремесленников во всем королевстве» и любые сборища рабочих. После этого последовали многие другие эдикты (1541 г., 1542 г., 1544 г. и т. д.) такого же рода. В 1612 г. к одному из эдиктов против бродяг и нищих был приложен статут работного дома для нищих, предписывавший тюремный режим и жестокую эксплуатацию труда не только взрослых, но и детей.

Для политической истории Франции XVI—середины XVII вв. главными источниками являются исключительно обширный документальный материал, в первую очередь переписка должностных лиц и протоколы заседаний различных центральных и местных учреждений (Королевского совета, парламентов, муниципалитетов, финансовых органов и т. п.). Большое значение имеют в качестве источников все умножающиеся в числе законодательные памятники, охватывающие почти все стороны жизни общества и государства. Можно сказать, что нет таких событий в истории этого периода, которые не были бы с той или иной полнотой освещены в разнообразном документальном материале, о ценности кото-

рого в качестве исторического источника говорилось неоднократно. Очень важны они и для истории многочисленных (особенно в 1630—1640-х гг.) народных движений.

История французской реформации отражена в многочисленных и разнообразных источниках: в теологических и полемических произведениях Кальвина и его учеников и последователей, в их проповедях и в огромной по размерам переписке, в протоколах собраний гугенотских общин и синодов, в неоднократно издававшихся королями эдиктах религиозно-политического характера, из которых Нантский эдикт 1598 г. является наиболее важным.

Обширный фонд разного рода документов отодвигает исторические произведения и мемуары, как исторические источники, на второй план. Эти труды появились во Франции в XVI—XVII вв. в чрезвычайно большом числе. Одно их перечисление заняло бы десятки страниц. Они содержат подчас богатый фактический материал и без их изучения не может обойтись ни один исследователь этого периода. Следует только учитывать, что начавшиеся в середине XVI в. религиозные распри, вылившиеся вскоре в ожесточенную междоусобицу, наложили глубокий отпечаток на историографию и публицистику. Последние стали ареной идеологической борьбы между гугенотами, католиками и «политиками» (защитниками абсолютизма). Поэтому во многих исторических произведениях XVI в. события нередко искажены в угоду политическим и религиозным взглядам автора. Примером могут служить «Всеобщая история» (*Histoire universelle*) и мемуары видного деятеля гугенотской партии Агриппы д'Обинье (1552—1630). Его поэтический талант обеспечил ему почетное место в истории французской литературы, но исторические труды нуждаются в самой тщательной проверке в силу их малой достоверности в качестве источников. В них множество хронологических ошибок; документы и труды предшественников и современников использовались поверхностно и с искажениями.

Иной характер имеет «История моего времени» крупного парламентского чиновника и сторонника абсолютизма де Ту (1553—1617),¹⁰ изданная сперва по-латыни, затем переведенная на французский язык. В этом сочинении содержится интересный и добросовестно изложенный материал по истории Франции за 1543—1607 гг. Но даже это наиболее беспристрастное из всех исторических произведений эпохи не выдерживает сравнения с документальным материалом. Сопоставление наглядно убеждает исследователя в том, что ход событий и их смысл отражены в документах гораздо шире и глубже, чем в сочинении де Ту. Зато оно очень интересно в плане развития историографии и в качестве источника по истории общественной мысли XVI в.

Из исторических трудов первой половины XVII в. надо вкратце остановиться на мемуарах двух крупнейших политических деятелей этого времени — Сюлли и Ришелье.

Мемуары участника гражданских войн и сюринтенданта финансов при Генрихе IV, герцога Сюлли (1560—1651) называются «Принципы государственного хозяйства» (*Mémoires des sages et royales résolutions d'Etat*). Они были составлены в 1611—1617 гг., затем переработаны в 1638 г. и тогда же напечатаны в собственной типографии герцога в двух томах, охватывающих события до 1606 г. Следующие два тома (события 1606—1610 гг. и история Франции после смерти Генриха IV) вышли в свет уже после смерти Сюлли, в 1661 г. Основной целью всего произведения было прославление Генриха IV и его верного министра. Изложение имеет форму речей секретарей Сюлли, обращенных к нему,

что дало автору возможность восхвалять себя не от первого лица. Долгое время (особенно в XVIII и в XIX вв.) репутация труда Сюлли в качестве источника по истории правления Генриха IV и регентства Марии Медичи стояла очень высоко. Но критические исследования конца XIX—начала XX вв., опиравшиеся на изучение сохранившихся документов, свели ее на нет. Многие из приводимых автором в тексте писем Генриха IV оказались подложными; были вскрыты многочисленные искажения фактов и т. п. Финансовая и иная деятельность Сюлли изучается теперь не на основе его недостоверных мемуаров, а по многочисленным документам, позволяющим критически оценить ее характер и размеры.

С источниковедческой судьбой мемуаров Сюлли весьма схожа участь мемуаров крупнейшего представителя французского абсолютизма, кардинала Ришелье (1585—1642)¹¹. Достоверность их также долгое время не возбуждала сомнений и они широко использовались историками. Затем, в связи с их научным изданием, начатым в 1907 г., была проделана большая критическая работа. В течение многих лет французские историки оживленно дебатировали вопрос об авторстве Ришелье применительно к этим мемуарам. В результате оказалось, что мемуары Ришелье не являются таковыми в точном смысле слова. Это нечто вроде апологии кардинала, составленной с использованием подлинных документов по его приказанию и под его наблюдением, а частично и при его прямом участии. Факты в них подобраны с таким расчетом, чтобы оправдать тенденцию мемуаров, клонящуюся к восхвалению деятельности Ришелье. Поэтому нельзя доверять этому сочинению при изложении хода событий. Оно представляет интерес в другом отношении — в качестве источника для изучения замыслов кардинала, направленных на создание благоприятного для него общественного мнения.

Длительную историю имеет изучение другого труда, связанного с именем Ришелье, — его «Политического завещания» (*Testament politique*)¹². Но история эта имеет другой характер, чем судьба мемуаров Сюлли и Ришелье. «Политическое завещание» не предназначалось для печати. Оно было составлено кардиналом (вероятнее, под его непосредственным руководством) между 1637 и 1642 гг. и предназначалось в наставление королю Людовику XIII после смерти Ришелье. Впервые оно увидело свет в 1688 г. и с той поры неоднократно переиздавалось. Вольтер в целом ряде статей чрезвычайно энергично оспаривал его подлинность, основываясь не на источниковедческом анализе, а на априорном убеждении, что такого рода важный документ должен содержать суждения о самых важных для государей предметах, а не о тех «тривиальных мелочах», какие он усматривал в «Политическом завещании». Но аргументация Вольтера была тогда же очень удачно разрушена Фонсеманем, а исследования XIX—XX вв. подтвердили правильность точки зрения последнего и ошибочность суждения Вольтера.

«Политическое завещание» в своем роде единственный и чрезвычайно ценный источник. Вначале дано краткое изложение государственной деятельности Ришелье до 1637 г. Затем весьма подробно изложены соображения относительно политики в отношении церкви, дворянства, чиновничества, простого народа, торговли. В конце имеется финансовый проект Ришелье, предусматривающий проведение крупных реформ в области налогообложения. Все свои соображения и советы Ришелье излагает очень конкретно и детально, стремясь оградить недалекого короля от возможных ошибок. Вместе с тем он формулирует с присущей ему ясностью некоторые основные положения своей политики. Поэтому этот

источник незаменим для выяснения идеологии и классовой сущности абсолютизма.

Большое развитие получила во Франции XVI в. и особенно в XVII в. публицистика. До нас дошла тысячи брошюр и больших трактатов, посвященных самым разнообразным злободневным политическим, социальным, религиозным и историческим вопросам. Борьба классов, сословий, различных политических и религиозных группировок отразилась в них очень ярко, что должно привлекать особенное внимание к этого рода источникам, тем более что в буржуазной историографии они изучены и используются в недостаточной степени.

В начале XVII в. стали выходить ежегодники «Французского Меркурия» (*Mercurie françois*), обзревавшие довольно полно события за истекший год. В 1631 г. была основана Т. Режодо по указанию Ришелье первая французская газета «Gazette». Оба издания носили официальный характер. В них много весьма ценного материала по внутренней и внешней истории.

Так же как и во Франции, источниками для истории аграрного строя служат почти исключительно частные акты купли-продажи земли и договоры краткосрочной аренды. В то же время для более отсталых восточных и южных провинций, где феодальные отношения оставались почти неизменными, сохранились документы, обрисовывающие феодальную эксплуатацию крестьянства.

Законодательство против бродяг и нищих открывается указом 1501 г., за которым последовало много других. По своему содержанию они тождественны английским и французским законам.

Чрезвычайно обширен фонд источников, относящихся к истории торговли, промышленности, судостроения и рыболовства. Основную его массу составляют разнообразные документы частного и публичного характера. Особенно много источников (главным образом государственных постановлений) имеется для истории рыболовства, занимавшего в экономике Нидерландов одно из первых мест. В них отражены все технические и организационные стороны этого промысла. Для истории судовой и вообще текстильной промышленности в городах Фландрии и Брабанта главными источниками остаются, как и до XVI в., акты городских муниципалитетов.

Деловая переписка многочисленных нидерландских, итальянских, немецких и других торговых компаний (например, письма агентов Фуггеров) содержит ценные сведения не только по экономической, но и по политической истории. Особо следует отметить «Описание Нидерландов» (*Descrittione di tutti i Paesi Bassi*, вышедшее в 1567 г. и переведенное на все европейские языки) Лодовико Гвиччардини (1523—1589), племянника флорентийского историка Франческо Гвиччардини. Автор долго жил в Нидерландах в качестве коммерсанта и тщательно собрал обширный материал. Его труд — очень важный источник для общей картины состояния торговли, промышленности и биржевого дела в Нидерландах.

Множество ценных сведений по экономике рассыпано в обширной переписке государственных деятелей.

Источниками для истории нидерландской реформации, а затем и революции являются (помимо источников типа указанных для Англии и Франции) многочисленные указы — «плайбаты» Карла V и Филиппа II против еретиков.

Огромен документальный фонд источников по истории нидерландской революции: протоколы провинциальных и генеральных штатов, городских советов и «Кровавого совета» Альбы, письма и распоряжения Карла V, Филиппа II, Вильгельма Оранского, кардинала Гранвеллы, Маргариты Пармской, Маргариты Австрийской. Альбы и многих других государственных и общественных деятелей. Возникшие в ходе революции договоры и унии («Гентское умиротворение», Утрехтская и Аррасская унии), прокламации и воззвания, дипломатические донесения иностранных послов, письма Елизаветы Английской, Екатерины Медичи и др., многочисленные документы военного характера — таков далеко не полный перечень различных видов документальных источников, имеющих в распоряжении исследователей.

Весьма интересная публицистика по большей части окрашена в религиозные тона, что очень характерно для нидерландской революции в целом.

Из повествовательных источников надо отметить мемуары современников, например председателя Тайного совета при Маргарите Пармской Виглиуса (1507—1577) и министра Филиппа II Голпера. Оба источника интересны для начального периода революции. Первая газета «Франко-бельгийский Меркурий» (*Mercurius Gallo-Belgicus*) выпускалась в Кельне (но для Нидерландов) двумя издателями: одно издание охватывает 1588—1608 гг., другое 1596—1610 гг. В них имеется фактический материал для последнего периода борьбы с Испанией за независимость, освещена роль Франции в дипломатических переговорах. Большой труд известного правоведа Гуго Гроция (1583—1645) «Анналы и история бельгийских дел» (*Annales et historiae de rebus Belgicis*) охватывает 1566—1609 гг., но был написан уже в XVII в.

Италия
Вследствие политической раздробленности Италии источники по ее истории XVI — середины XVII вв. попрежнему относятся лишь к отдельным герцогствам и республикам, образовавшимся вокруг крупнейших центров Северной и Средней Италии (республики Генуя и Венеция; герцогства Тосканское, Миланское, Моденское, Пармское; Пьемонтское княжество), к Папской области и к королевству обеих Сицилий, находившемуся под властью Испании.

Историческое развитие Италии в это время — застой в росте элементов капитализма, не сопровождавшийся, однако, вторичным закрепощением крестьянства в том виде, как это произошло в Германии, Чехии, Польше и т. д., — отразилось на источниках в том смысле, что по своему характеру они почти не отличаются от источников XIV—XV вв.

Главными источниками по истории аграрного строя остаются частные акты (акты купли-продажи земель, дарения, залоги, арендные договоры, завешания, брачные контракты и т. д.) и законодательство. Новым моментом является введение в некоторых герцогствах (например, в Тоскане) системы феодальных вассальных связей по земле, оформлявшихся в особых актах. Хорошими источниками для развития в XVI в. интенсивного земледелия и особенно садоводства и огородничества являются сельскохозяйственные трактаты Агостино Галло (1550), Торелло (1556), Африко Клементе (1572), поэмы Луиджи Аламани (1546) и Ручелли (1539).

Для истории торговли и промышленности основными источниками служат торговые книги, деловая переписка торговых и банковских компаний, различного рода частные имущественные акты и законодательство, документы налогового обложения. Некоторые данные встречаются также в дипломатических донесениях и в исторических произведениях.

Документальный материал по политической истории очень богат. Помимо официальной документации итальянских государей, пап, герцогов и огромного количества донесений итальянских послов, нунциев и легатов (папских послов), в правительственной и в дипломатической переписке Франции и Испании имеется множество сведений по истории Италии, судьбы которой оказались в XVI — середине XVII вв. тесно связанными с этими двумя странами.

В каждом из итальянских государств появились в XVI в. свои исторические труды, как правило составлявшиеся по заказу и под наблюдением государей или правительств и имевших вследствие этого официальный характер. Таковы «История Венеции» кардинала Бембо (1470—1547), одноименная работа официального венецианского историографа Парути (1540—1598) и многие другие.

Остановиться следует на двух крупнейших флорентийских историках начала XVI в. — Макиавелли и Гвиччардини.

Канцлер Флорентийской республики в 1499—1512 гг., Никколо Макиавелли (1469—1527) был крупнейшим представителем итальянской гуманистической историографии. Главная его работа «История Флоренции» (*Istorie fiorentine*, 1532)¹³, которую Маркс назвал шедевром,* по своему содержанию относится еще к XV в. (доведена до 1492 г.) и основана главным образом на трудах предшественников (Биондо, Виллани, Бруни и др.). Крупному месту, которое она занимает в историографии, она обязана в первую очередь замечательным качеством Макиавелли как историка, стремившегося вскрыть причинную связь событий общественной жизни и с этих позиций обрисовать прошлое своего родного города. Источниковедческое значение этого труда несравненно ниже его ценности с точки зрения историографии. В качестве источников гораздо важнее другие произведения Макиавелли, относящиеся к началу XVI в.: дипломатические донесения из Франции, Рима и др., письма и особенно трактат «Государь» (*Il principe*), составленный в 1514 г. и впервые напечатанный в 1535 г. В нем Макиавелли рисует образ сильного правителя, не стесняющегося в выборе средств (отсюда понятия «макиавелизм», «макиавеллистическая политика»). О таком государе он мечтал для Италии, раздираемой внутренними усобицами и иноземными захватчиками, так как основную причину постигших ее бедствий он видел в политической раздробленности. Трактат Макиавелли является важным источником для общей политической картины Италии начала XVI в. и одним из самых выдающихся памятников политической мысли того времени. Он оказал значительное воздействие на политику и идеологию французского, испанского и английского абсолютизма.

Франческо Гвиччардини (1483—1540), флорентийский политический деятель, дипломат на службе у пап, принадлежал к одной из самых богатых аристократических семей Флоренции, что очень сказалось на общей концепции его исторических трудов. Его «История Флоренции»¹⁴ за 1378—1509 гг. и особенно «История Италии» за 1494—1534 гг. ценны не только в плане развития историографии, но и как источники, так как автор, благодаря своему положению сперва флорентийского, а затем папского посла, имел отличную информацию и доступ к архивным материалам. Он уделяет много внимания экономической жизни, дает меткие оценки и характеристики, хорошо разбирается в политических событиях.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 93.

Замечательным памятником утопического социализма является трактат «Город солнца» (*Civitas solis*)¹⁵ Томасо Кампанеллы (1568—1639), написанный в 1602 г. в тюрьме в Неаполе, куда автор был заточен после неудавшегося восстания 1599 г. против испанского владычества. Как исторические источники интересны другие его труды, особенно трактат «Об испанской монархии».

Испания и Португалия Уже с конца XV в. в Испании и Португалии, помимо источников по истории этих стран, появляются источники для истории испанских и португальских заморских колоний, особенно колоний в Америке.

Основными источниками по истории аграрных отношений на Пиренейском полуострове продолжают оставаться частные акты того же типа, как и упоминавшиеся выше для Франции, Нидерландов и Италии. Много сведений (главным образом о прогрессирующем упадке сельского хозяйства) содержится в петициях и постановлениях кортесов, в королевских законах. Кодифицированные в 1511 г. привилегии «Месты» и законодательство о пастбищах являются источниками для истории свеводства.

Для истории торговли и промышленности имеется довольно значительный документальный материал по отдельным городам, например, городские уставы, пересмотренные в XVI—XVII вв. в связи с развитием абсолютизма, а также петиции и постановления кортесов, докладные записки, поданные правительству, описания и трактаты современников (например, «История Севильи» Алонсо Моргадо, где есть много сведений о торговле, или трактат Томаса де Меркадо о торговых сделках), статуты цехов, уставы торговых компаний и портовых консульств, торговые договоры и т. п. Обширное законодательство по торговле и промышленности превосходит по объему французское. Сохранилось много указов, регулировавших промышленную и торговую деятельность, указы о товарных и денежных биржах и т. д. Особо следует отметить очень важные для истории революции цен (не только в Испании, но и во всей Европе) годовые отчеты Торговой палаты в Севилье, куда только и прибывали из Америки драгоценные металлы. Эти документы позволяют точно установить как общие размеры импорта золота и серебра, так и динамику его роста, а также соотношение количества золота и серебра. Добытые из годовых отчетов точные данные позволяют не только прояснить полсчета за весь XVI в. в целом, но и представить движение цифр импорта по годам, выделить периоды и т. п., что очень важно для подробной истории экономики Испании и других европейских стран в период бурной революции цен. Городские, монастырские, университетские и другие регистры позволяют не менее точно установить рост цен на продукты питания и промышленные изделия по разным городам и областям Испании.

Документы налогового обложения дают немало сведений не только о налогах, но по социально-экономическим отношениям в целом. Так, например, фискальные переписи населения важны как источники для исчисления населения и отдельных его слоев.

Различия в законах отдельных частей Испании продолжали существовать и в XVI—XVII вв.; отсюда наличие в каждой из них своего свода законов. В 1527 г. были узаконены фуэрос Бискайи, в 1547 г. был составлен сборник арагонских законов, в 1557 г. — наваррских, в 1567 г. — кастильских («Новый свод»), в 1580 г. — валенсийских, в 1588—89 гг. — каталонских. В них вошла часть фуэрос, постановления кортесов, королевские указы и т. п. В дальнейшем они неоднократно

дополнялись и отчасти перерабатывались. Эти правовые памятники содержат много сведений о своеобразных отличиях в жизни испанских провинций.

Особо нужно отметить многочисленные постановления против морисков (потомков мавров) и аягы испанской инквизиции, жестоко преследовавшей еретиков, евреев и мусульман.

Для политической истории не только пиренейских государств, но и стран, находившихся под их властью (Королевство обеих Сицилий, Милан, Нидерланды, американские колонии), главным источником, как почти повсюду в Европе XVI—середины XVII вв., является правительственная документация (особенно обширная переписка Филиппа II), дипломатические донесения, постановления и петиции кортесов, донесения наместников и вице-королей и т. п. Восстание «коммунерос» в Кастилии в 1520—1521 гг. отражено в петициях повстанцев, в правительственной переписке, в хронике Алькосера и в других исторических трудах того времени.

Источники по истории великих географических открытий и завоеваний, совершенных испанцами и португальцами, состоят из документов, писем и исторических произведений¹⁶.

Самыми ранними документами являются папские буллы 1452, 1455 и 1456 гг., даровавшие португальцам «права» на земли западного африканского побережья. Затем в 1493 г. последовала знаменитая булла «*Inter Caetera*» папы Александра VI о разделе Атлантического океана между Испанией и Португалией. В дальнейшем эти страны обходились уже без вмешательства папского престола: по заключенному ими Тордесильяскому договору 1494 г. граница португальской части океана была проложена значительно западнее прежней линии (захватывая и большую часть Бразилии), а по Сарагосскому договору 1529 г. демаркационная линия разрешила также и Тихий океан. Эти большого значения дипломатические документы запечатлели первый раздел мира между двумя крупнейшими в ту пору колониальными державами. Ценными источниками являются географические карты и глобусы XV—XVI вв.

Договоры португальской и испанской короны с мореплавателями и конкистадорами, отправлявшимися на открытие и завоевание новых земель, появились еще в 1470-х гг. и назывались капитуляциями.* В капитуляциях правительство оставляло за собой верховные права над новыми территориями (верховная юрисдикция, сбор податей, посылка ревизоров, казначеев и т. п.). Подобного рода соглашение было заключено 17 апреля 1492 г. с Колумбом в Санта-Фе (лагерь у осажденной Гранады). Ему предоставлялись титулы адмирала, вице-короля и губернатора (предоставление этих титулов было затем оформлено королевской грамотой от 30 апреля 1492 г.), а также десятая часть всех добытых сокровищ и товаров, право суда в торговых тяжбах. «Генуэзские документы» о Колумбе представляют собой нотариальные акты об его предках, родителях и о нем самом и содержат точные данные для первой (итальянской) части биографии Колумба.

Первым по времени источником об открытии Нового Света было письмо Колумба от 4 марта 1498 г. (на обратном пути, у Канарских островов) к чиновникам дворцового управления Арагона Сантанхелю и Санчесу. В нем описано первое плавание Колумба, найденные им острова, быт туземцев. Письмо навряд ли написано самим Колумбом, так как он плохо писал по-кастильски. Вероятнее всего оно было им про-

* Название происходит от того, что текст был разбит на пункты (капитулы).

диктовано секретарю, который его подверг литературной обработке. Оригинал не сохранился; дошли лишь многочисленные копии (некоторые были списаны в том же 1493 году). Письмо сразу же приобрело широкую популярность. Появилось множество его изданий на каталонском, французском, латинском, немецком языках. О других плаваниях Колумба имеются сведения в его переписке с испанскими королями, в инструкциях королей и Колумба. Мемориал (памятная записка) Колумба королям содержит отчет о событиях на острове Эспаньоле с октября 1493 г. по конец января 1494 г. На сохранившемся оригинале этого документа имеются пометки с текстом замечаний и решений Фердинанда и Изабеллы. Интересны для открытий и биографии Колумба его завещание 1506 г., а также материалы судебного процесса 1511—1563 гг., который вели его наследники с испанской короной.

Что касается дневника первого плавания Колумба, составленного от его лица, то он не является подлинным в точном смысле слова. Из других источников видно, что Колумб действительно вел дневник во время своих плаваний, однако дошедший до нас текст является всего лишь переработкой. Это пересказ (притом в конспективной форме), составленный близким к Колумбу лицом — Лас Касасом*, — имевшим доступ к бумагам адмирала и снабдившим эту переработку своими вставками. Тем не менее и в этой форме до известной степени сохранилась первоначальная канва изложения, и его ценность как источника для первого плавания очень велика.

Врач Чанка, участвовавший во второй экспедиции Колумба, описал ее в письме к городским властям Севильи. О четвертом плавании много сведений в завещании одного из его участников Диего Мендеса де Сегуры, составленном в 1536 г. Очень интересны письма придворного Фердинанда и Изабеллы Петра Мартира Ангиеры (1457—1526), к разным лицам в Испании и в Италии в течение 1490-х годов. Они содержат впечатления современника от произведенных Колумбом открытий.

В труде Ангиеры «О Новом Свете» (*De Orbe Novo decades*), вышедшем в 1530 г., дана первая сводка географических открытий.

Служник Кортеса Берналь Диас (конец XV в. — 1560) оставил очень интересные записки о завоевании Мексики, об общественном строе и быте ацтеков — «Истинную историю завоевания Новой Испании» (*Verdadera historia de la conquista de Nueva Espana*)¹⁷, являющуюся и поныне одним из главных источников по истории завоевания Мексики.

Документальный материал по истории завоеваний отдельных частей Америки и владычества там испанцев довольно богат. Наряду с уже упоминавшимися капитуляциями, составлялись «асъенто» (тоже соглашения короны с завоевателями), акты «репартимъенто» (буквально — раздел), оформлявшие раздачу земли и индейцев испанским поселенцам, и акты «энкомьенды», т. е. пожалования испанцам «свободных» (подданных испанской короны) индейцев с правом эксплуатации их труда в течение определенного срока при условии уплаты в казну четвертой части доходов. Репартимъенто и энкомьенда явились по сути формами рабовладельческой эксплуатации завоевателями туземного населения. Любопытен акт «рекеремьенто». Это документ, составленный в Испании около 1508 г. и представляющий собой формулу якобы «добровольного» признания индейцами власти испанского короля. Конкистадоры обязаны были оглашать его на завоеванных территориях.

* См. стр. 333.

Законодательным памятником для истории испанских колоний является сборник «Новые законы» (*Leyes Nuevas*), утвержденный Карлом V в 1542 г. В нем сказывается стремление правительства несколько ограничить безудержный произвол колонизаторов и обеспечить административные и финансовые права испанской короны. Но обнародование этого сборника вызвало протест со стороны испанских переселенцев и большая часть содержащихся в нем законов была отменена.

Биография Колумба, вышедшая на итальянском языке (*Historie della vita e de fatti dell'Amiraglio Christoforo Colombo*) в Венеции в 1571 г. как труд его сына Фернандо, навряд ли принадлежит последнему. Вероятнее, что она составлена каким-то иным лицом, имевшим доступ к семейному архиву Колумба, но использовавшим документы пристрастно, со многими их искажениями; поэтому этот источник отнюдь не является надежным и достоверным.

Повествовательные источники XVI в. содержат обширный и в основном достоверный материал об открытиях и завоеваниях колоний. Уже упоминавшийся Бернальдес* записал в своем труде ценные сведения, основанные на личных сообщениях Колумба и его спутников. Самыми интересными и своеобразными источниками являются сочинения доминиканца Бартоломе Лас Касаса (1474—1566), проповедника, администратора, крупного испанского историка того времени и пламенного защитника индейцев, угнетенных и поработанных завоевателями. Он сам жил несколько лет на Эспаньоле и на Кубе и был свидетелем всех бесчинств и жестокостей испанцев по отношению к индейцам. Его памфлеты в защиту последних, особенно трактат «Кратчайшая история разрушения Индий» (*Brevissima relación de la destrucción de las Indias*), вышедший в 1552 г. Севилье, содержат гневные обличения и обвинения конкистадоров в нечеловеческом обращении с индейцами. «История Индий» (*Historia de las Indias*) составлена им на основе архива Колумба и его потомков. Она осталась незаконченной и была опубликована только в XIX в.

Лопес де Гомара (1510—около 1560) посетил Америку и составил первое связное изложение завоевания Вест-Индии и Мексики (*La historia de las Indias y conquista de Mexico*). В нем много неточностей, но в свое время оно имело большое распространение. Много данных имеется в труде Овьедо-и-Вальдес (1478—1557) «Естественная и общая история Индии» (*Natural y general historia de las Indias*).

Крупнейший испанский историк второй половины XVI в. Антонио Эррера (1549—1625) был при Филиппе II «историографом Кастилии и обеих Индий», затем государственным секретарем. Его главный труд «Общая история деяний кастильцев на островах и материке моря-океана» (*Historia general de los hechos de los Castellanos en las islas y tierra firme del mar oceano*) составлен на основе многочисленных архивных документов (донесений конкистадоров и представителей испанского правительства в колониях). Введением к нему является особое «Описание Западной Индии». Другие его сочинения относятся к общей истории правления Филиппа II за 1554—1589 гг., истории испанского владычества в Италии, истории захвата португальцами Азорских островов и т. п.

Сведения о путешествиях и захватах португальцев содержатся в аналогичных источниках. О первой экспедиции Васко де Гамы 1497—1499 гг. сохранились записки одного из его спутников. Перед отплытием Магеллана в кругосветное путешествие с ним была заключена в 1518 г. такого же рода калитуляция, какие заключались испанским правительством. Само путешествие описано в дневнике его участника итальянца Антонио Пигафетты (1491—1534). История португальских путе-

* См. стр. 239.

шестьствий имеется в труде каталонца Риваденеяры (около середины XVI в. — 1606) «История островов архипелага...» (Historia de las islas del archipelago...), выпущенной в Барселоне в 1601 г.

* *
*

Как уже указывалось, источники в странах на восток от Рейна во многом отличны от источников, сложившихся в Англии, Франции, Нидерландах, Италии и Испании. Правда, кратковременное развитие элементов капитализма в начале XVI в. в Германии и в Чехии привело и там к появлению соответствующих памятников. Примером тому может служить документальный материал, относящийся к крупным немецким и швейцарским типографиям, к чешским, штирийским, силезским и тюрингским горным рудникам, к судостроительным верфям ганзейских городов, к европейской и даже американской деятельности крупнейших немецких торгово-промышленных компаний Фуггеров, Вельзеров, Гохштеттеров и т. д. Но, поскольку дальнейшее развитие этих стран пошло по другому пути, документы такого рода не могли получить широкого распространения. Источники по истории стран на восток от Рейна в основном сохранили феодальный характер, в особенности источники по истории аграрного строя. Урбарии, инвентари поместий, отчеты управляющих и их переписка с помещиками становятся весьма многочисленными. Наряду с законами и постановлениями сеймов, они фиксируют рост барщины и усиление крепостнической эксплуатации в целом. Сельскохозяйственные трактаты обобщают опыт ведения крупного барского хозяйства на основе не наемного, а барщинного труда. Жалобы крестьян и судебные документы дают материал для истории классовой борьбы.

Основными источниками для исследования начавшейся уже в XV в. феодальной реакции в аграрном строе, приведшей затем ко вторичному закрепощению крестьянства, являются марковые уставы (Markweistümer).^{*} В это время характер этих источников изменяется. Если в XIII—XV вв. они были по преимуществу записью обычного права, то в XVI в. они стали превращаться в сборники господских распоряжений. Феодалы использовали крестьянскую общинную организацию в своих интересах. В марковых уставах появились новые статьи, увеличивавшие размер крестьянских платежей и повинностей и ухудшавшие правовое положение крестьян. Об этом же процессе свидетельствуют многочисленные крестьянские жалобы (Beschwerden), судебные материалы, законодательные акты императоров (для Австрии) и князей, материалы ландтагов, частные акты, касающиеся земельной собственности, программные документы Крестьянской войны и т. п.

Своеобразной агрономической энциклопедией, отражающей аграрные порядки и крупное барское хозяйство Австрии середины XVII в., является труд Гохберга «Занимательное земледелие» (Georgica curiosa)¹⁸. Хозяйство построено на жестокой эксплуатации барщинного труда, но с известным уклоном в сторону предпринимательской деятельности. Автор советует помещикам устраивать пивоварни, лесопилки, кирпичные заводы, заниматься в широком масштабе овцеводством.

Экономическую и политическую историю городов, а также городские восстания обрисовывают местные городские документы, характер которых не изменился по сравнению с предшествующим периодом (про-

^{*} См. стр. 182—183.

токолы городских советов и судов, переписка с другими городами, с императором и с князьями, регистры частных актов, а также сами эти акты в подлинниках и в копиях и т. д.). Они сохранились в большом количестве.

Для истории немецкой реформации источниками служат знаменитые Виттенбергские тезисы Лютера, папские буллы, письма Карла V, имперские эдикты, «протестация» 1529 г., составленная лютеранскими князьями и городами (от названия этого документа пошло название «протестантов» сперва для лютеранского, затем и для других реформационных течений), тексты религиозных договоров, главным из которых является Аугсбургский религиозный мир 1555 г. Многочисленны трактаты и памфлеты богословского характера, проповеди, обращения и послания деятелей реформации (Мюнцера, Лютера, Цвингли, Меланхтона и других), их обширная переписка, а также автобиография Лютера и его биографии, составленные Меланхтоном, Матезием и др. Много фактического материала по истории реформации в Германии в труде протестанта Слейдана (1506—1556) «Комментарии о положении религии и государства при императоре Карле V» (*Commentarii de statu religionis et reipublicae Carolo V Caesare*) и в трудах других немецких историков XVI в. Надо отметить, что во многих источниках этого рода содержится ценный материал по истории классовой борьбы того времени, особенно Крестьянской войны 1525 г. Таковы проповеди и письма Мюнцера, проповеди, памфлеты, послания и письма Лютера и т. д.

Наибольшую важность в качестве источника для выяснения программы Крестьянской войны имеет «письмо-тезисы» (*Artikelbrief*), составленное если не самим Мюнцером (чего нельзя сказать с уверенностью), то во всяком случае на основе его социально-политических взглядов. Этот программный документ революционной партии возник еще до весеннего восстания крестьян 1525 г. (в конце 1524 г. или в январе 1525 г.) и речь в нем идет об уничтожении существующего строя. Характерна и религиозная оболочка «письма-тезисов»: «божественное право» рассматривается в нем как власть народа (т. е. крестьян и городской бедноты) над всем обществом. По своей форме этот документ представляет собой письмо (или записку), вероятно прилагавшееся к различным, распространенным в то время крестьянским статьям (но не к «12 статьям»).

В ходе восстания в швабско-шварцвальдском районе весной 1525 г., т. е. после появления «письма-тезисов», возникли «12 статей» — документ не столько программный, сколько компромиссный, нащупывавший платформу соглашения с феодалами. Отсюда его умеренный характер. «12 статей» были составлены на основе многочисленных местных крестьянских жалоб (*Beschwerden*). Конкретным требованиям крестьян отдельных деревень и поместий, касавшимся чисто местных условий, была придана общая форма и были сформулированы пути выполнения обще-крестьянских требований. Составители «12 статей» обосновали их ссылками на священное писание. «12 статей» были напечатаны и получили широкое распространение не только в Юго-Западной Германии. Так, например, они фигурировали в крестьянском восстании в Пруссии в 1525 г.

«14 тезисов» зальцбургских крестьян и рудокопов сходны с «12 статьями» и появились одновременно с ними. «12 тезисов» эльзасских крестьян, оформленные несколько позже (в апреле 1525 г.), имели более радикальный характер (отмена всякой десятины, право смещать и избирать должностных лиц, отмена ростовщического процента).

Текст программы немецкого бюргерства — «Гейльброннской программы» — дошел до нас в составе хроники Лоренца Фриса. Главным ее автором был примкнувший к крестьянской войне рыцарь Гиплер. Эта программа, приспособившая крестьянские интересы к задачам бюргерской централизации империи, была составлена в мае 1525 г. в Гейльбронне, где тогда находились делегаты крестьянских отрядов, обсуждавшие предложения, которые должны были быть представлены императору от имени всех восставших крестьян.

Другими источниками для выяснения программ и тактики восставших являются договоры; заключающиеся крестьянами с феодалами и с австрийским правительством в ходе военных действий (например, Оффенбургский договор брейсгауских крестьян от 18 сентября 1525 г., договор шваривальдских крестьян от 13 ноября и др.), призывные письма, выпускавшиеся от имени отдельных крестьянских отрядов, прокламации ко всему населению, распоряжения начальников отрядов и т. п. К сожалению, они сохранились в небольшом количестве. Очень интересны народные песни исторического характера.

Остальной документальный материал по Крестьянской войне и другим восстаниям в Германии XVI—середины XVII вв. состоит главным образом из переписки городов и князей, показаний подсудимых (например, Мюнцера), протоколов судебных процессов, документов переговоров восставших с правительством. Много ценных сведений, отражающих ухудшение положения крестьянства после поражения в Крестьянской войне, содержится в юридических памятниках (указах, сводах местного права).

Повествовательные источники по истории Крестьянской войны весьма интересны. Много фактического материала содержится в городских хрониках, которые в условиях политической раздробленности Германии существовали еще очень долго. Особенно ценны хроники городов, связанных с восставшими крестьянами или пережившими свои городские восстания (хроники Мюльгаузена, Франкфурта-на-Майне, Страсбурга и др.). В хронике поэта-сатирика и базельского книгоиздателя Памфлия Генгенабахера (ум. около 1525) имеется весьма интересный рассказ о заговоре «Крестьянского башмака» 1513 г., содержащий изложение программы заговорщиков. Упомянутая хроника секретаря вюрцбургского архиепископа и хрониста Вюрцбурга Лоренца Фриса (1491—1550) называется «История Крестьянской войны в Восточной Франконии» (*Die Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken*)¹⁹ и представляет собой обстоятельное изложение событий, сделанное современником и свидетелем. В качестве секретаря одного из крупнейших духовных князей Германии автор имел возможность ознакомиться с разнообразными документами — письмами, посланиями, показаниями подсудимых, программами и т. п., которые он или привел в своей хронике текстуально (например, Гейльброннскую программу) или подробно изложил.

Самыми замечательными историческими трудами, появившимися в Германии в первой половине XVI в., являются, бесспорно, произведения Себастиана Франка (1499—1542)²⁰, важные в плане развития немецкой гуманистической историографии и общественной мысли. Общественно-политические взгляды Франка отличались демократической окраской. Он писал на немецком языке, предназначая свои труды для широких масс и стремился воспитать в своих читателях патриотизм и любовь к свободе. Вместе с тем в его мировоззрении сказалась и незрелость немецкого бюргерства того времени.

Наибольшее значение в качестве источника (и вообще) имеет напечатанная в 1531 г. и несколько раз переиздававшаяся (но только в первой половине XVI в., т. е. до окончательной победы княжеской реакции) «Хроника, летопись и историческая библия» (*Chronik, Zeitbuch und Geschichtsbibel*) Франка, точнее та ее часть, где автор рассказывает о событиях 1525 г. и о кровавой расправе с побежденными крестьянами. В другом сочинении Франка «Всемирная книга» (*Weltbuch*), изданном в 1534 г., имеется яркая картина социального строя Германии. Характерно, что после описания положения и образа жизни духовенства, дворянства и бюргерства (которое названо третьим сословием) автор говорит о «четвертом сословии» — крестьянах, угольщиках, пастухах и т. д., об их трудолюбии и об угнетении их барщиной, налогами и т. п.

Ценна в качестве источника по истории Германии эпохи Крестьянской войны «Баварская хроника» Авентина (1477—1534), который написал свой труд в ярко выраженном антицерковном и демократическом духе, изобличая князей в насилиях и в жестокой расправе с крестьянами.

Политическая история Германии в XVI—середине XVII вв. в целом лучше и полнее всего отображена в обширном документальном материале: в переписке Карла V и других императоров, в протоколах различных имперских (австрийских) учреждений, в дипломатических донесениях. Для истории Тридцатилетней войны имеются богатейшие фонды документальных источников не только немецких, но и чешских, французских, шведских, английских, итальянских, испанских и т. д. Особо следует отметить текст Вестфальского мирного договора²¹, подписанного 24 октября 1648 г. Он распадается на две части: договор между императором и Швецией, оформленный в Оснабрюке, и договор между императором и Францией, подписанный в Мюнстере.

Очень ценна в качестве источников публицистика, особенно антипапские памфлеты Ульриха фон-Гуттена, а также все произведения немецкого гуманизма.

Чехия Источники по истории аграрного строя Чехии XVI—середины XVII вв., вследствие общего сходства в ходе развития, во многом сходны с аналогичными источниками в Германии. Это — марковые уставы, которые тоже превратились в своды господских распоряжений, инструкции помещиков своим управляющим и слугам, урбарии, постановления законодательных органов, крестьянские жалобы и ответы на них. Кроме того, нужно отметить описи, составленные в начале Тридцатилетней войны при конфискации поместий чешских повстанцев, а также государственные списки налогоплательщиков 1603 и 1615 гг.

В трактате о ведении хозяйства «Эконом» (*Hospodár*), написанном Бртвином и изданном в 1587 г., обобщен опыт управления крупными дворянскими поместьями. В нем говорится не только о разведении рыбы, пивоварении, контроле за служащими и крестьянами, но и о рудниках, металлургических и металлообрабатывающих предприятиях, о продаже и сплаве леса и т. п. Эти источники обрисовывают экономику крупных барских хозяйств.

Документальный материал по истории чешских городов в XVI в. по своему характеру мало изменился по сравнению с XV в. Политика Габсбургов в отношении Чехии обрисовывается по документам, исходящим от имперских (австрийских) центральных учреждений, постановлениям сеймов и особым грамотам; главной из них была «Грамота ве-

личества» 1609 г., по которой Чехия получила полную свободу вероисповедания, а дворяне и города — свои сословные вольности.

Для истории чешского восстания 1618—1620 гг. основными источниками являются документы: переписка, воззвания, постановления членов директории, обширная и очень интересная публицистика (главным образом в защиту восстания), находившая себе широкий отклик в Германии и во Франции. Мемуары Вилема Славаты (1572—1652), одного из крупнейших политических деятелей первой половины XVII в., имперского наместника, а после поражения чехов при Белой Горе канцлера и палатина, пронизаны враждебным отношением к восставшим, но в них имеется большой фактический материал.

Польша Развитие в XVI—XVII вв. фольварка определило преобладание в качестве источников по аграрному строю таких документов, как описи поместий, инструкции управляющим и их отчеты. К ним следует добавить материалы по управлению коронными поместьями: люстрации (документы периодических ревизий, проводившихся по отдельным староствам), инвентари (описи составлявшиеся при сдаче коронных имений в аренду), а также частные акты: дарственные грамоты, арендные договоры, акты купли-продажи земли и т. п.

Рост барщины и крепостничества прослеживается по многочисленным законам (особенно по законам о беглых крестьянах) и сеймовым постановлениям. К середине XVII в. почти во всех областях Польши крепостное право было закреплено в правовых памятниках. Трактат Гостомского «Хозяйство» (*Gospodarstwo*)²² является интересным источником, позволяющим исследовать царивший в фольварке внутренний распорядок, основанный на жестокой эксплуатации крепостного крестьянства. Опубликованный в 1588 г., он был затем неоднократно переиздан.

Источниками для истории классовой борьбы крестьянства являются крестьянские жалобы, судебные протоколы, воззвания восставших крестьян (например, воззвание 1651 г. и т. п.). В городские и в земские книги продолжали вписывать различные документы, вследствие чего эти источники содержат материал по экономической, социальной и политической истории не только городов, но и всей страны. С середины XVI в. книги стали делить на разделы городского управления и городского суда. В раздел управления вписывались частные акты (завещания, доверенности, различные сделки с движимым и недвижимым имуществом) и публичные акты (конституции, универсалы, статуты, привилегии, тарифы налогов и т. д.), в раздел городского суда — судебные решения городского суда, решения городского совета, цеховые статуты.

Очень интересный материал по истории социальных отношений в целом и в особенности по истории крестьянства содержит прогрессивная польская публицистика XVI—XVII вв. В памфлетах, сатирах и литературных произведениях Николая Рел (1505—1569), Андрея Фрич-Моджевского (1503—1572), Станислава Ожеховского (1513—1583), Себастьяна Кленовича (1545—1602) и других содержится яркая картина страшного угнетения крестьянства, бесправного положения горожан и бедствий городских низов, картина политического строя шляхетской республики. Эти передовые публицисты требовали смягчения крепостнической эксплуатации и выдвигали проекты реформ, которые должны были покончить с наиболее нетерпимыми сторонами крепостничества, мешавшего прогрессивному развитию страны. Представители реакционной публицистики, главным из которых был иезуит Петр Скарга (1536—1612), защищали власть магнатов и католической церкви.

Документы по политической истории Польши состоят из обширной правительственной документации, дипломатических донесений, дневни-

ков сеймов, а также из таких крупных по своему значению политических документов, как Люблинская уния 1569 г. и Генриховы артикулы 1573 г. (условия, на которых был избран королем Генрих Валуа, впоследствии французский король Генрих III), сохранявшие силу до середины XVIII в.

Многочисленные польские историки XVI в., продолжая труд Длугоша, дали в своих произведениях богатый фактический материал. Из них нужно отметить гуманистического типа хронику Мацея из Мехова (1457—1523), первую в Польше всемирную хронику Марциана Бельского (около 1495—1575), «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всея Руси» Мацея Стрыйковского (1547—конец XVI в.).

И здесь главными источниками истории аграрных отношений являются урбарии и отчеты управляющих поместьями.

Для истории Крестьянской войны 1514 г. документальные источники состоят из писем короля и воевод, королевских приказов и циркуляров к знати и родам, материалов судебных расследований, королевских грамот, амнистий. На сейме 1514 г., после кровавого подавления крестьянского восстания, был принят закон в 71 статью, целиком направленный против крестьян. Он провозгласил полное закрепощение крестьянства, увеличение барщины и других повинностей, меры наказания крестьян за участие в восстании. Жестокость этого закона такова, что принявший его сейм получил название «дикого».

Тогда же был представлен на рассмотрение правовой кодекс «Трехчастный свод обычного права Венгерского королевства» (*Tripartitum opus juris consuetudinarii regni Hungariae*)²², составленный королевским протонотарием Вербеци. Труд этот не получил официальной санкции, но очень быстро распространился в качестве судебника, подобно «Зерцалам» в Германии и сборникам кутюм во Франции. В нем дано систематизированное изложение действовавшего в Венгрии обычного права и королевских законов с некоторыми заимствованиями из римского и канонического права. Как и всякий судебник, свод Вербеци является важным историческим источником, как бы подытоживающим общественное и политическое развитие Венгрии к началу XVI в. В нем утверждалось резкое сословное деление и привилегии единственных полноправных сословий — дворянства и духовенства. Некоторые права сохранялись за богатыми горожанами; крестьянство оказалось в полном подчинении у дворянства.

Из повествовательных источников надо отметить последнюю часть труда далматского аббата гуманиста Туберо (1459—?) «Комментарии по истории своего времени», написанного в 1520-х годах. В нем есть ценные сведения по истории Крестьянской войны 1514 г. Менее ценна в качестве источника «Стауромания» Иштвана Таурина, написанная в риторическом стиле с вымышленными речами и т. п.

Источники для истории аграрного строя в Дании и в Швеции имеют много сходства (особенно в Дании) с источниками, характерными для стран Центральной Европы. Что касается Швеции, то несмотря на то, что там крепостничество не получило развития и сохранилась мелкая крестьянская собственность, наличие крупных дворянских поместий обусловило появление соответствующих документов. Поэтому основными источниками являются отчеты управляющих поместьями, переписка помещиков, агрономические трактаты. Наряду с ними следует отметить частные акты купли-продажи земель, арендные договоры и т. п., а также законодательные акты,

протоколы судебных и правительственных учреждений, кадастровые (писцовые) книги. Они обрисовывают распределение земельной собственности, характер барского хозяйства и известное развитие польской аренды. Особенно интересен шведский трактат «Хозяйство» (*Oeconomia*) С. Россеянхана²⁴, написанный в 1660-х годах. Автор советует помещикам обращать внимание, наряду с зерновым хозяйством, коневодством и овцеводством, и на организацию таких прибыльных отраслей хозяйства, как железоделательное производство, устройство рудников, заготовку леса и т. п., т. е. увеличивать товарность своего имения. Из трактата явствует, что в некоторых шведских поместьях применялся наемный труд, имела место польская аренда.

Политическая история Дании и Швеции в XVI—XVII вв. и история реформации лучше всего отражена в довольно обширном документальном материале. Начиная с XVII в., вследствие вовлечения этих стран в широкую общеевропейскую политику, сведения о них имеются и в дипломатической документации почти всех европейских стран.

Из исторических трудов надо выделить большую книгу Олава Магнуса (1490—1557), архиепископа Упсальского, покинувшего Швецию в 1526 г. после победы в ней реформации. Его «История северных народов» (*Historia de gentibus septentrionalibus*), вышедшая в 1554 г. в Риме и почти сразу же переведенная (полностью или в переработках) на многие языки, впервые познакомила европейские страны с историей и культурой скандинавских народов. Автор много внимания уделил описанию природных условий и хозяйству (например, вся 13-я книга посвящена описанию сельского хозяйства). Он резко осуждает реформацию и политику Густава Вазы.

Церковь Главными источниками по истории католической реакции XVI—XVII вв. являются папские буллы и бреве, донесения папских легатов, нунциев, письма в Рим от европейских государей, а также уставы ордена иезуитов и биографии его основателя и членов. Очень богат документальный материал по истории Тридентского собора — протоколы, дневники участников, дипломатические донесения. Из многочисленных посвященных ему сочинений выделяется «История Тридентского собора» (*Istoria del concilio Tridentino*) врага папства Паоло Сарпи (1552—1623). Многочисленные трактаты и памфлеты в защиту папства были написаны преимущественно иезуитами и направлены как против реформации, так и против защитников прав национальных церквей (например, галликанской церкви во Франции). Они носят ярко выраженный реакционный характер.

* *

Особый характер имеют источники по истории балканских стран XVI—XVII вв. — Греции, Болгарии, Сербии, Хорватии.

Покорение турками славянских государств и падение Константинополя в 1453 г. не означали гибели болгарского, сербского, греческого и других балканских народов. Их история продолжалась и под турецким владычеством. Однако тяжелое иго завоевателей пагубно отразилось на исторических судьбах этих стран, задержав естественный ход их развития. Сказалось это и на судьбе источников. Турки преследовали национальную культуру славянских и греческого народов, всячески стремились их отуречить. Старания эти потерпели поражение; даже в самые тяжелые времена балканские народы сохранили свой язык и свою культуру. Но множество памятников письменности как старых, так и XV—XVII вв. было уничтожено.

Греция Материал для социально-экономической истории крайне беден. Это почти исключительно акты монастырского землевладения, преимущественно афонских монастырей, так как их архивы сохранились лучше других.

Повествовательные источники представлены главным образом «вульгарными» хрониками, т. е. написанными не на литературном, а на разговорном новогреческом языке. Многие из них до сих пор еще не изданы. Состав этих хроник и взаимосвязь изучены мало, но несомненно, что они находятся в тесной связи с византийскими всемирными хрониками; подобно им, они начинают от сотворения мира и материал располагают по правлениям византийских императоров и позднее — турецких султанов. Исторические сведения, сообщаемые в этих хрониках, очень скудны и касаются только политической и церковной истории. Одна из таких хроник была излюбленной исторической книгой греческого народа, начиная с первой половины XVII и до XIX вв. включительно; сохранилось немало ее списков и печатных изданий XVII—XVIII вв. Эта хроника, называемая «Историческое сочинение, содержащее различные истории, начиная от сотворения мира до падения Константинополя и далее», составлена на основании различных точных сведений митрополитом Монеувасийским Иерофеем (конец XVI—начало XVII вв.). В первом печатном издании имя автора указано ошибочно «Дорофей»; эта ошибка повторилась потом во всех последующих печатных изданиях и во множестве списков хроники; раскрыта она лишь во второй половине XIX в. Поэтому нередко в литературе эта хроника называется хроникой «Псевдо-Дорофея». Последние главы хроники, посвященные событиям конца XVI в., написаны довольно подробно и представляют собой важный и довольно надежный источник по истории греческой церкви этого времени, так как митрополит Иерофей был не только очевидцем, но и участником многих событий. Он сопровождал патриарха Константинопольского Иеремию II в Москву в 1580-х годах, куда Иеремию ездил в связи с учреждением патриаршества на Руси; для истории этих событий хроника Иерофея является одним из важнейших источников. История константинопольских патриархов митрополита Дамаскина Студита (ум. около 1580) была почти полностью (от 1454 до 1578 гг.) издана в Базеле в 1584 г. немецким ученым Мартином Крузием—первым из западноевропейских ученых, занявшихся историей греческого народа под властью турок. Это издание Крузия называется «Туркогречия» (Turcograecia) и содержит, кроме истории патриархов, еще другие документы, благодаря чему в нем собрано много данных по истории греческого народа, греческой церкви и греческого языка во второй половине XVI в. Однако труд Дамаскина в этом издании Крузия приписан некоему Мануилу Малаксе из Навплии, написавшему всемирную хронику, доведенную до 1573 г.

Наконец, источниками для истории греческого народа середины XV—XVII вв. могут служить документы, касающиеся истории церкви — в первую очередь Константинопольского патриархата: переписка греческого духовенства по различным вопросам религиозной полемики и церковной организации, акты соборов, происходивших в течение XV—XVII вв., просьбы к властителям сопредельных стран (например, к русскому царю) о помощи и т. п.

Болгария Турецкое иго не только препятствовало дальнейшему развитию литературы болгарского народа, но явилось причиной гибели ценнейших памятников болгарской письменности. Известно множество фактов уничтожения рукописей, хранившихся

з болгарских монастырях и церквях; эти рукописи уничтожались и турками и невежественным греческим духовенством, с пренебрежением относившимся к болгарскому народу. Поэтому число болгарских источников, относящихся ко времени турецкого владычества, очень невелико. Сохранилось лишь небольшое число церковных рукописей, как правило написанных на Афоне, где издавна (с XI в.) существовал болгарский Зографский монастырь, являвшийся центром болгарской культуры в это трудное время.

Своеобразный характер приняла в Болгарии под турецким игом житийная литература. В ней очень ярко отразился патриотизм народа и его ненависть к завоевателям. Героями этих житий являются болгары мученики за веру, отвергнувшие требования турок перейти в мусульманство. Наиболее значительным из таких житий, получившим большую популярность в народе, было «Житие св. Николая Софийского», составленное болгарским писателем XVI в. Матвеем Грамматиком. Автор сообщает ценные сведения о городе Софии, об отношениях болгар с турками, о стремлении последних отуречить покоренные ими народы и т. п.

Тяжелое положение болгарского народа явствует из турецких источников: из частных актов (на турецком языке), касающихся земельных сделок, из судебных актов и из турецкого законодательства (общий свод законов о землевладении и налогах «Кануи-намэ» и такие же местные сборники), а также из неоднократно составлявшихся кадастров земель и имущества.

Источники для истории Сербии XVI—XVII вв. **Сербия и Дубровник** несколько многочисленнее болгарских того же периода. Сохранились некоторые хрисовулы (преимущественно акты земельных дарений) сербских деспотов сербокому Хиландарскому монастырю на Афоне.

Повествовательными источниками по истории Сербии являются дубровницкие хроники, так как в них записана история не только самого Дубровника, но и других славянских стран на Балканах — Сербии, Хорватии, Далмации, отчасти и Болгарии. Эти хроники написаны частью на сербо-хорватском, частью на итальянском и латинском языках. К сожалению, не все они сохранились, некоторые же дошли только в отрывках.

Один из наиболее крупных исторических трудов был составлен Николаем Раньиной (1536—1607); он сохранился в извлечениях историка XVIII в. Серафима Червы. «Анналы Дубровника» Раньины начинались от основания Дубровника (526 г.) и были доведены до 1545 г.; наряду с легендарными рассказами, в них содержится ценный материал, собранный на основании актов дубровницкого архива; например, сообщаются сведения о доходах Дубровницкой республики.

Флорентинец Серафим Рацци (середина XVI в. — после 1595 г.) закончил в 1590 г. свою «Историю Рагузы» (*La Storia di Ragugia*), охватывающую события от основания Дубровника до 1588 г.; последняя часть этого сочинения посвящена описанию Дубровника и его области, характеристике нравов и обычаев его жителей, а также финансов. В предисловии ко всему сочинению имеется описание Далмации. Труд Рацци основан на летописях Раньины, а также на собственных наблюдениях и рассказах современников. «Церковная история Дубровника», также написанная Рацци, особенно важна в последней своей части, посвященной событиям 1544—1588 г.

Особенно важен исторический труд Орбини (ум. после 1614) по истории славян, изданный им в 1601 г. Это сочинение представляет собой первую попытку составить историю всех славянских народов;

при этом автор понимает под «славянами» также вандалов, готов, гепидов и др. Чрезвычайно богатый материал, собранный Орбини-чем на основании византийских, немецких и венецианских источников, а также русских летописей, использован без всякой критики; хронология запутана, встречаются противоречия. Сведения о самом Дубровнике довольно отрывочны и скудны. К сочинению приложены материалы по геральдике южнославянских княжеских домов. Следует также указать историческое сочинение Якова Луккарича (1551—1615), ректора Дубровницкой республики в 1613 г. и составившего историю ее до 1598 г. Особенно ценны данные Луккарича о событиях 1581—1598 гг., так как он был их современником и очевидцем. Несмотря на недостаток критики и системы в использовании источников, в труде Луккарича содержится много сведений, неизвестных из других источников, например сведения о сношениях Дубровника с Востоком и Испанией, некоторые данные по экономической истории (о неретвинских солеварнях), по внешней и внутренней истории республики.

ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Издание (т. е. напечатание) исторических источников сыграло большую роль в развитии исторической науки. С него началось известное разделение труда в этой области знания. Весьма трудоемкую и требующую особой подготовки работу по собиранию, чтению и критическому изучению рукописей с текстами законов, анналов, хроник, а также грамот и других публичных и частных актов взяли на себя ученые издатели текстов, бывшие, как правило, крупными специалистами в области палеографии, дипломатики, источниковедения. Опираясь на результаты их трудов, т. е. на массу опубликованных источников, историки не только экономят очень много времени. Они могут использовать очень обширный фонд источников, который, к тому же является доступным в той или иной мере всем исследователям, а это означает возможность критиковать труды других исследователей, т. е. проверять их выводы путем самостоятельного обращения к фонду источников.

Издания источников могут быть различны по своему качеству. Если в основу печатного издания легла лишь одна рукопись, то издание представляет собой просто опубликование содержащегося в ней текста. В большинстве случаев таким образом поступали первые издатели исторических источников в XV—XVI вв. (а порой и позже). Подобные издания сохраняют свою ценность лишь в том случае, если рукопись, с которой оно было сделано, впоследствии исчезла (например, редакция *Heroldia* и Салической правды).^{*} В таких случаях исследователь не гарантирован от всякого рода недостатков, так как рукопись могла содержать текст с пропусками и с ошибками. В наши дни этот метод издания источников отвергнут. В тех же редких случаях, когда какой-либо текст и теперь издается по единственной рукописи (поскольку других списков не было или они не сохранились), то эта рукопись подвергается такому тщательному изучению, которое было невозможно в условиях работы ученых издателей до XX в.

Постепенно в течение многих веков выработался метод критического издания источников. Он основан на изучении рукописной традиции того или иного текста. Ученый (или группа ученых), подготовляющие критическое издание, стремятся изучить все доступные рукописи, которые содержат издаваемый текст. Прежде всего, необходимо с максимальной точностью определить время и место написания рукописей, число которых бывает иной раз очень велико (до 100 и более). Затем надо сопоставить их тексты, выявив все отличия. Это называется *коллацией* текста.

^{*} См. стр. 60.

На основе полученных данных изучается соотношение отдельных рукописей друг с другом, их связь с наличным или утраченным оригиналом. Иногда, в случае если оригинальный текст не сохранился, удастся даже восстановить его с большей или меньшей степенью вероятности. В результате такой кропотливой работы получается своего рода генеалогическая таблица, где каждая рукопись, содержащая издаваемый текст, занимает свое определенное место и получает определенное наименование (обычно по первой букве города, где она хранится, например Р — парижская, V — венская и т. д.). Такая классификация имеет целью отобразить из всех рукописей именно ту, текст которой может быть признан наилучшим. Он обычно кладется в основу издания, а все варианты и отличия других рукописей отмечаются в примечаниях. Поэтому в критических изданиях текст занимает не всю страницу; большая или меньшая ее часть отведена вариантам, обязательно сопровождаемым указанием, в какой рукописи они находятся.

Благодаря критическому изданию источника пользующийся им исследователь располагает всей суммой сведений о рукописной традиции данного источника. Он может учесть и критически оценить все варианты текста. При таком методе издания ученый вооружен для критики содержания источника.

Результаты работ, сделанных при издании источника, обычно излагаются во введениях к публикуемому тексту. Такие введения бывают очень обширными и дают много ценного материала для критики источника по содержанию.

Критические издания, как правило, сопровождаются более или менее обширными комментариями: реальными (касающимися упоминаемых лиц, местностей, событий и т. п.) или филологическими. К изданию прилагаются указатели (индексы), библиографические списки литературы по данному источнику и т. п.

Многие средневековые источники уже изданы таким образом и пользоваться ими очень удобно. Они входят, как правило, в большие серии изданий источников, о которых речь будет дальше. Однако есть много таких источников, которые со времени своих первых изданий в XVI—XVIII вв. и даже в XIX в. еще не переизданы в хороших критических изданиях. В этих случаях необходимо заранее более или менее ясно представить себе качество этих изданий, а для этого пужно быть знакомым хотя бы в общих чертах с историей изданий источников.

Издания исторических источников появляются в первый же период существования книгопечатания. На его родине, в Германии уже в начале XVI в. было издано много хроник (Оттона Фрейзингенского и др.), биография Карла Великого, составленная Эйнгардом и т. д.

Первые критические издания появились в Италии, где гуманистами был накоплен известный опыт в критике текстов. Достаточно назвать Лоренцо Валлу, доказавшего подложность знаменитого «Константинова дара».* В Венеции крупнейшим венецианским типографом Альдо Мануцием была основана в 1500 г. так называемая «Альдовская академия» для изданий греческих и римских классиков. Привлеченные к работе в академии гуманисты, знатоки античной литературы, разыскивали, изучали и сравнивали между собой тексты различных рукописей, стремясь дать в издании наилучшую редакцию текста. Издания Альдо до сих пор не потеряли научной ценности, так как в его распоряжении были такие рукописи, которые впоследствии пропали.

* См. стр. 304.

Таким образом, критическое исследование рукописной традиции для целей издания того или иного произведения сперва применялось только к трудам античных писателей. В XVI в. в этой области много сделали французские гуманисты-филологи Скалигер, Казобон, Бюде, Юст Липсий в испанских Нидерландах, и другие. Параллельно критическому изучению и изданию текстов с обширными комментариями ученые начинали несколько ориентироваться во вспомогательных исторических дисциплинах (палеографии, дипломатике, исторической хронологии), составляли словари и справочники.

В начале XVI в. этот метод стали прилагать и к священному писанию. Эразм Роттердамский издал в Базеле в 1516 г. на основе критического изучения рукописей греческий текст Нового Завета и сочинения одного из отцов церкви, св. Иеронима. Для того времени это было очень смелым шагом, так как Эразм подходил к тексту священного писания, как к тексту любого другого произведения, считая, что в нем могут быть искажения, вызванные длительным его существованием в рукописной форме. Такое же отношение к еврейским текстам было у Рейхлина. Не удивительно, что оба гуманиста подверглись нападкам со стороны как католической церкви, так и реформаторов (Лютера и Кальвина). Однако, если деятели реформации запрещали касаться текста книг священного писания, то по отношению к произведениям католических отцов церкви и постановлениям папского престола, т. е. к тому, что, в отличие от священного писания, называлось «священным преданием» и к чему реформаторы относились критически, они проявили большую смелость. Они изучили большое количество таких текстов. В Магдебурге под руководством профессора еврейского языка далматинца Матвея Власича Иллирийского были изданы в 1559—1574 гг. тринадцать томов «Истории церкви» (*Historia . . . ecclesiae . . .*) с I до XIV вв. (поскольку каждый том был посвящен одному веку, это издание получило название «Магдебургских центурий»). Издатели разоблачили немало фальшивок и легенд.

Ответом на этот коллективный труд со стороны католической церкви были «Церковные анналы» (*Annales ecclesiastici*) кардинала Барония, вышедшие в 1588—1607 гг.; протестанты в свою очередь ответили на них многотомными опровержениями.

Эту полемику важно отметить потому, что, во-первых, в ней речь шла уже по преимуществу о средневековых источниках, во-вторых, в процессе спора были выработаны некоторые методы критики источников. В-третьих, стремясь подкрепить свои утверждения, противники весьма усердно искали доказательств в исторических источниках, разыскивая и извлекая их из забвения. Так, например, с большой для себя пользой протестанты «открыли» сведения об ересь и антицерковных движениях в средние века. Католические авторы собрали и издали в первой половине XVI в. сборники житий святых, акты церковных соборов и т. п. Постепенно увеличивался фонд изданных источников.

В результате первые критические издания средневековых источников в XVI в. появились именно в Германии, где для этого создалась наиболее благоприятная обстановка, имелись крупные типографии и были подготовлены кадры ученых издателей. Были изданы многочисленные сборники средневековых немецких хронистов (получившие тогда же наименование *Scriptores regum germanicarum*, т. е. «Немецкие писатели») и законов (*Leges*), например Салическая правда в издании Герольда.*

* См. стр. 60.

Во Франции критические издания французских средневековых хронистов появились во второй половине XVI в. Надо отметить Пьера Питу, издавшего большие сборники анналов и хроник до конца XIII в. (*Appellium et historiae francorum ab anno 708 ad annum 990 scriptores.* . . , 1588; *Historiae francorum ab anno 900 ad annum 1285 scriptores.* . . , 1596), и Бонгара, опубликовавшего первый свод хроник по истории крестовых походов (*Gesta dei per francos*, 1611).

Аналогичные сборники средневековых хроник и законов были опубликованы в XVI—XVII вв. во всех европейских странах.

Качество этих изданий различно, но даже лучшие из них уже не соответствуют теперешним требованиям издания источников. Это объясняется тем, что ученые XVI — первой половины XVII вв. еще не имели солидных и прочных знаний по вспомогательным историческим дисциплинам и вследствие этого зачастую неверно датировали используемые для издания рукописи, не могли правильно прочесть те из них, которые были написаны трудными почерками. Наконец, число имевшихся в их распоряжении рукописей было сравнительно невелико, не потому, что в ту пору рукописей было вообще меньше, чем в наши дни, наоборот, но вследствие того, что далеко не все они были для ученых доступны. Монастырские, королевские, княжеские библиотеки и собрания частных лиц (иногда весьма богатые), как правило, не имели каталогов или имели плохие и неполные каталоги; доступ к ним был затруднен. Наконец, ученые того времени работали по большей части в одиночку, что нередко отрицательно сказывалось на качестве выпущенных ими изданий. Не существовало более или менее общепринятых правил издания источников.

В середине XVII в. в этом отношении произошел известный перелом. Появились крупные коллективные организации, осуществившие издание средневековых источников в большом масштабе и на более солидной научной основе. Их достижения в этой области были затем использованы и другими учеными.

Характерно, что почти все эти крупные организации были учреждениями католической церкви и главную свою задачу при издании источников видели в прославлении католицизма. Поэтому на первом месте у них стояло издание больших серий томов, заключавших источники по истории католической церкви. Таким образом, научно-издательская деятельность этих церковных коллективов входила в общее русло католической реакции и была направлена своим острием против гуманистических и реформационных течений, т. е. носила реакционный характер. Но вместе с тем объективные результаты этой деятельности, как будет видно из дальнейшего, были в ряде случаев весьма положительны.

Первое место среди таких церковных коллективов занимают мавристы — монахи конгрегации св. Мавра (преобразованной в 1627 г. части бенедиктинского ордена), обосновавшиеся в древнем парижском аббатстве Сен-Жермен-де-Пре. В 1648 г. они составили обширный план изданий, в который, наряду с источниками по истории французской церкви и бенедиктинского ордена, вошли источники по истории отдельных французских провинций и по литературной истории Франции; было предусмотрено также составление трудов по вспомогательным историческим дисциплинам.

Для осуществления этого плана мавристы собрали во Франции и в других странах (Италии, Германии) большое количество рукописей. В их руках сосредоточился обширный материал, что позволило им опираться при издании источников на многие критически изученные рукописи.

Некоторые издания мавристов были выполнены еще в XVII в. К их числу относится труд, которому они уделяли главное внимание,—

«Жития святых бенедиктинского ордена» (*Acta sanctorum ordinis s. Benedicti*), вышедший в 9 томах в 1668—1701 гг. и включающий источники до XII в. Основную работу по подбору и изучению источников выполнил с большим критическим чутьем один из крупнейших эрудитов Ж. Мабильон (1632—1707). Ему же принадлежит первый капитальный труд по латинской дипломатике и палеографии — *De re diplomatica*, вышедший в 1681 г. Вскоре, в 1708 г., появился такого же типа трактат по греческой палеографии — *Palaeographia graeca* Б. Монфокона. В этих трудах изложены основные принципы датировки и критической проверки рукописей. Эти работы до сих пор не утратили научной ценности.

Из других изданий мавристов, начатых уже в XVIII в., надо отметить издание источников по истории французской церкви (*Gallia christiana*) и труды по истории отдельных французских провинций (Лангедока, Бретани, Бургундии и др.). В обширных приложениях, занимающих порой большую часть издания, напечатано множество документов. Вследствие того, что оригиналы многих из них потом погибли, эти издания имеют и теперь большую ценность.

«Литературная история Франции» (*Histoire littéraire de la France*), начатая мавристами и продолжающая выходить в наше время, представляет собой не издание источников, а сборники статей о всех французских авторах (историках, юристах, богословах, поэтах и т. п.); но в этих статьях много сведений о рукописях, содержащих тексты тех или иных произведений, и много цитат из них. Издание построено по хронологическому принципу.

В XVIII в. мавристом Буке (1685—1754) было начато издание «Собрание историков Галлии и Франции» (*Recueil des historiens des Gaules et de la France*), продолжающееся и в наши дни. Оно представляет собой как бы монтаж некоторых документов, законов, анналов и хроник. Таким образом, историк получает сразу весь материал, относящийся к тому или иному периоду. Но единство источника при этом исчезает; он распадается на столько частей, сколько периодов охватывает. Осуществить критику источника в целом при пользовании только изданием Буке невозможно. Но в настоящее время, когда изданные у Буке источники критически уже изучены и оценены, его издание в ряде случаев оказывается очень удобным, так как оно сводит вместе очень обширный материал источников.

Итак, заслугой мавристов является создание вспомогательных исторических дисциплин, без чего нельзя было критически освоить огромный фонд рукописных материалов. Выработка правил критического издания текстов и составление больших многотомных серий изданий источников по истории церкви, французских провинций, Франции в целом и французской литературы в самом широком значении этого слова, также имели большое значение. Это был крупный шаг вперед в деле критического освоения исторических средневековых источников. Для своего времени издания мавристов были лучшими.

Но в них есть и серьезные недостатки. Изученные ими многочисленные рукописи были все же только частью существовавшего в ту пору рукописного материала, так как далеко не ко всем собраниям рукописей, даже церковным, мавристы имели доступ. Составленная Мабильоном схема рукописных почерков средневекового письма была статичной, не допускала развития письма. Поэтому выведенные им правила датировки рукописей отнюдь не безупречны. Устарели во многом его

соображения по дипломатике. Наконец, в критике источников мавристы были связаны своей церковной идеологией.

Почти одновременно с ними начали издавать средневековые источники обосновавшиеся в Антверпене иезуиты, получившие затем по имени своего главы Ж. Болланда (1596—1665) название болландистов. В 1643 г. начало выходить их издание «Жития святых» (*Acta sanctorum*). В первых томах издатели до известной степени придерживались критических методов издания, за что подверглись преследованиям со стороны инквизиции. В дальнейшем они не только отказались от всякой критики, но стали удалять из текстов то, что могло нанести ущерб католической церкви. Поэтому их издания по своему качеству хуже изданий мавристов.

Материал состоит из бесчисленных житий и легенд о святых. Он расположен по дням года, начиная с 1 января. Под каждым днем собраны все жития всех празднуемых в этот день святых. В результате очень ценное житие VII в. может оказаться рядом с какой-нибудь легендой XVIII в., не имеющей никакого научного интереса. Издание, насчитывающее теперь свыше 60 томов, еще не закончено. Жития меровингского периода, имеющие наибольшее значение в качестве исторических источников, переиздаются заново.

В политически раздробленной Германии, где католическая церковь уже не имела прочных позиций, все попытки наладить крупное коллективное предприятие по научному изданию источников терпели крах. Такова, например, судьба проекта фон Бойнебурга, советника майнцского курфюрста, задумавшего в 1670 г. учредить в Майнце, где хранился имперский архив, «Всеобщую коллегию ученых». Одному из крупнейших немецких ученых XVII в. Лейбницу (1646—1716) пришлось работать в одиночку. В качестве придворного историографа герцогов Брауншвейгских он проделал огромный труд по изданию источников. Вышедшее в 1707—1711 гг. в трех томах его издание *Scriptores rerum brunsvicensium* по содержанию гораздо шире заглавия, так как Лейбниц понимал свою задачу очень широко и включил многие источники по истории Германии в целом.

В Италии историограф моденских герцогов д'Эсте, Муратори (1672—1750) издал в 1723—1751 гг. большую серию итальянских источников — *Regum italicarum scriptores* в 21 томе. Задуманное как собрание источников по истории дома д'Эсте, это издание разрослось до свода, в который вошли почти все повествовательные источники средневековой Италии. Муратори осуществил такой метод издания источников, который позволил ему справиться с обширной задачей довольно быстро. Установив, что в начале многих хроник повторяются (буквально или в компилятивной форме) сведения, заимствованные из предшествующих трудов, Муратори отбрасывал эти компилятивные части и включал в издание лишь «оригинальную» часть. В результате историк, пользующийся этим изданием, имеет в распоряжении не весь текст произведения, что не дает возможности всесторонне проверить достоверность источника. В начале XX в. началось критическое переиздание собрания Муратори.

В Англии в XVII—XVIII вв. также начинается издание хроник и документов (в большинстве случаев переизданных в XIX в.). Королевский историограф Раймер выпустил в 1704 г. большое собрание международных договоров и других документов (*Foedera, conventiones... etc.*), до сих пор не утратившее своего значения.

В Польше, Чехии, Испании в это же время издается немало хроник, но в большинстве случаев, так же как и в Англии, эти издания не имеют критического характера.

В особом положении оказалось издание источников по истории Византии. В самой Греции, страдавшей под турецким владычеством, не было условий, необходимых для собирания и издания исторических источников. Еще в XIV в. начинается вывоз в Италию (позднее также и в другие западноевропейские страны) византийских рукописей; их вывозили как сами греки, искавшие в Италии убежища от возрастающего натиска турок, так и итальянцы, отправлявшиеся, особенно после падения Византии, на ее территорию с целью приобретения ценных рукописей. В эпоху Возрождения благодаря деятельности гуманистов, собиравших памятники византийской письменности, были спасены от гибели многие произведения классической греческой и византийской литературы.

Также в связи с деятельностью итальянских гуманистов в начале XVI в. появляются печатные издания памятников классической греческой и византийской литературы. Первым издателем греческих книг был знаменитый венецианский типограф Альд Мануций. В течение XVI—XVII вв. был издан целый ряд произведений византийских историков, напечатанных в типографиях Италии, Франции и Германии. На основе этих изданий в 1648 г. в Париже, в Луврской типографии, было предпринято издание большого свода византийских историков (так называемый Парижский или Луврский свод — *Corpus Parisiensis*, или CP). Это издание, начатое под руководством иезуита Филиппа Лаббе и вышедшее при участии выдающихся филологов XVII в., состояло из 42 томов и было закончено в 1711 г. Парижский свод, вскоре ставший библиографической редкостью, был перепечатан сперва в Венеции в 1729—1733 г. (*Corpus Venetianus*, или CV), довольно небрежно, но с добавлением некоторых сочинений (например, хроники Малалы), затем в 1828—1897 гг. в Бонне (CB) уже со многими добавлениями.

Важным этапом в развитии критического метода издания средневековых источников является деятельность образовавшегося в 1819 г. в Германии «Общества для изучения ранней немецкой истории» (*Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*). Возникшее в эпоху национального подъема начала XIX в. по инициативе крупного политического деятеля барона фон Штейна, оно ставило себе патриотическую цель содействовать изучению немецкой истории. Не найдя поддержки у правительств германских государств, общество на собранные у частных лиц средства начало с 1824 г. готовить издание источников. Под руководством историка Г. Пертца, ставшего затем многолетним директором всего коллектива хорошо подготовленных сотрудников, был выработан план издания, сохранивший в общих чертах свое значение и поныне.

Все издание получило название «Немецкие исторические памятники» — *Monumenta Germaniae historica* (сокращенно MGH). В 1875 г. оно было взято государством на свой счет. Издание продолжается и в наши дни. Оно состоит из пяти крупных разделов: I — «Исторические писатели» (*Scriptores*, сокращенно SS*), куда входят анналы и хроники, возникшие у франков, лангобардов и в самой Германии, а также писатели поздней античности, у которых есть сведения о германцах (*Auctores antiquissimi*); II — «Законы» (*Leges*, сокращенно LL, включают варварские правды, капитулярии, законы немецких королей и императоров, акты собраний (*concilia*) и сборники формул); III — «Грамоты» (*Diplomata*, сокращенно DD); IV — «Письма» (*Epistola*, сокращенно Ep); V — «Древности» (*Antiquitates*, сокращенно Ant), т. е. надписи и т. п.

* Прием удваивания первой буквы слова для сокращенного обозначения его во множественном числе был выработан еще в античности и сохранился до наших дней (т. — граждане, тт. — товарищи и т. д.).

Этот план в конце XIX в. претерпел некоторые изменения. Появилось издание хроник на немецком языке, папских булл XIII в., трактатов и памфлетов периода борьбы за инвеституру в XI—XII вв. (*Libelli de lite imperatorum ac pontificum romanorum*) и другие тексты.

Сотрудники MGH собрали во всех странах колоссальный, во многих случаях исчерпывающий рукописный материал, перед которым бледнеет фонд, бывший в распоряжении мавристов. Они работали в несравненно более благоприятных условиях, чем их предшественники. В библиотеках и в архивах к их услугам были каталоги и описи, иногда весьма подробные. Они были прекрасными палеографами и дипломатами и сыграли очень крупную роль в развитии в XIX—XX в. вспомогательных исторических дисциплин. Работа по подготовке текстов к изданию зиждилась на известном разделении труда и в то же время весь коллектив обсуждал подготовленные к печати издания и отвечал за их качество.

Выработанные в процессе более чем вековой работы MGH правила критического издания средневековых источников содержат много ценных моментов. Сохраняется обязательное единство источника. Он издается на основе всей доступной рукописной традиции, учитываются все варианты текста, издание сопровождается комментариями и указателями, во введении излагается характеристика рукописей и их соотношение друг с другом и т. д. Большинство из этих правил нашло себе широкое распространение. На их основе уже в конце XIX в. сотрудники MGH начали переиздание тех источников, которые были изданы Пертцем и перестали удовлетворять возросшим требованиям. В результате деятельности сотрудников MGH, несмотря на незавершенность издания в целом, историки располагают первоклассными изданиями почти всех источников по истории раннего средневековья (поскольку в MGH включены источники не только самой Германии, но и тех стран, куда переселились германские народы), а также значительной части источников по истории средневековой Германии и отчасти Италии.

По образцу MGH было организовано издание источников по истории Австрии в Венской Академии наук и в других немецких академиях и научных обществах.

Издание источников во Франции получило по инициативе государства особый размах в 1830—1840 гг., когда министром просвещения, а затем премьер-министром стал крупный историк Ф. Гизо (1787—1874). Созданная им специальная комиссия организовала публикацию большой серии «Неизданные документы по истории Франции» (*Documents inédits relatifs à l'histoire de France*), в которую вошли многие хроники и собрания документов (более 300 томов), например, собрание документов по истории третьего сословия (*Recueil des monuments inédits de l'histoire du tiers-état*, 4 v., Paris, 1850—1870), изданное другим крупнейшим историком того времени О. Тьерри. С 1841 г. начало выходить «Собрание историков крестовых походов» (*Recueil des historiens des croisades*). Появились огромные серии средневековых западноевропейских и византийских писателей. Составитель, аббат Минь, назвал их «Полный свод трудов отцов церкви» (*Patrologiae cursus completus*), но под термин «Отцов церкви» он подвел не только богословов, но и историков, поэтов, философов и т. п. Сочинения на латинском языке входят в «латинскую серию» (*series latina*, 1857—1879, 221 т., сокращенно MPL); византийские писатели — в «греческую серию» (*series graeca*, 1857—1866, 180 т., сокращенно MPG). По своему качеству издание Минь уступает другим изданиям того времени. Оно является перепечат-

кой с уже существовавших, зачастую совсем некритических, изданий,* и удобство его только в том, что в нем сведено вместе огромное количество текстов.

В течение XIX в. во Франции была осуществлена обширная работа по упорядочению и инвентаризации всех парижских и провинциальных (департаментских) архивов и рукописных собраний в библиотеках. Начали выходить печатные инвентари департаментских и городских архивов — *Inventaires sommaires des archives départementales* (или *communales*), а также печатные каталоги рукописных собраний. Некоторые документы или группы документов описаны в них более или менее подробно. Такое описание может до известной степени восполнить отсутствие публикаций этих источников.

С конца XIX в. и во Франции появляются прекрасные критические издания источников. Таковы начатая в 1882 г. большая серия «Собрания текстов для исследования и преподавания истории» (*Collection des textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire*), издания «Французского исторического общества» (*Société de l'histoire de France*) и др.

В Англии, после реорганизации в 1852 г. Государственного архива (*Public record office*) началось издание его документальных фондов, принявшее своеобразную форму каталога (*Calendar*), т. е. краткого изложения документа со включением порой довольно обширных цитат из него, что позволяет пользоваться таким изданием как частичной публикацией документов. Издание *Calendars of state papers* охватывает почти весь XVI в. и разделено на несколько серий: внутренняя политика (*domestic series*), внешняя политика (*foreign series*) колониальная политика (*colonial series*). Издание повествовательных источников в серии «Английские средневековые писатели...» (*Scriptores rerum Britannicarum medii aevi*) началось в 1863 г.

Во всех остальных странах Европы в XIX в. появились свои большие серии изданий средневековых источников, большей частью повествовательных, обычно носящие широко распространенное название — *Scriptores rerum...* (далее следует название: *polonicae, belgicae* и т. п.). Чем ближе отдельные их тома к XX в., тем лучше качество издания.

В настоящее время повсюду продолжается работа по изданию средневековых источников, выходящих в различных сериях или отдельными изданиями. Это, как правило, хорошие критические издания. Незавершенность работы объясняется тем, что необходимость иметь критические издания заставляет постепенно переиздавать тексты на основе нового изучения рукописей, привлекаемых в несравненно большем количестве, чем при прежних несовершенных изданиях. Это относится в первую очередь к повествовательным источникам. Совершенствуется научный аппарат изданий (указатели, примечания, библиография и т. п.). В больших размерах, чем до XX в. публикуется документальный материал. Следует отметить, что повествовательные источники и некоторые законодательные памятники стали издаваться чуть ли не с конца XV в. В XVI в. и далее современные исторические труды опубликовывались сразу же или вскоре после их составления (т. е. с самого начала авторы стремились их напечатать). Наоборот, документальный материал в подавляющей своей части для печати совсем не предназначался. Лишь с появлением периодической печати (с начала XVII в.) некоторые документы по политической истории стали более или менее си-

* «Греческая серия» является перепечаткой Боннского свода.

тематически публиковаться. Прочие же документы, особенно по экономической истории, стали предметом издания лишь тогда, когда они начали играть роль исторического источника, т. е. сравнительно недавно.

Пока эта огромная по размерам работа не будет завершена, исследователи неизбежно должны иметь дело с разными по качеству изданиями и это нередко вынуждает обращаться к рукописным текстам. Кроме того, имеется немалое количество еще вовсе неизданных источников, главным образом документов.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В СССР

Многовековая работа по изданию исторических источников, изложенная в предыдущей главе, привела к тому, что в распоряжении исследователей в наши дни имеется огромное количество критически изданных текстов. Это обеспечивает возможность пользоваться многими источниками, не обращаясь к рукописям.

Однако имеется еще немало рукописных материалов по истории средних веков, совершенно не введенных в научный оборот (т. е. никем не исследованных), или же в какой-то части использованных, но не опубликованных. Основная их масса относится к периоду XIV—XVII вв. и особенно к XVI—XVII вв. и представляет собой главным образом документальный материал. История изданий средневековых источников объясняет, почему именно этот фонд исторических источников еще не раскрыт и не использован до конца и в наши дни.

Вследствие такого состояния с изданием исторических источников историку нередко приходится пользоваться рукописными материалами. Если он имеет дело с ценными фондами, его работа приобретает особый характер. Основанная на свежих, дотоле не использованных источниках, она привлекает новизной фактического материала.

Следует сразу же отметить, что в дальнейшем речь будет идти только о таких рукописях — рукописных книгах и отдельных документах, — которые являются историческими источниками в точном смысле слова.

Основную массу дошедших до нас средневековых рукописей составляют книги церковного характера (евангелия, псалтыри и т. п.), текст которых давно известен. Ценность таких рукописей заключается в том, что они являются зачастую очень редкими памятниками письменности. Немалое число остальных рукописей содержит тексты богословских, философских, литературных и научных произведений; они интересны и по содержанию, но исследуются главным образом специалистами по истории религии, философии, литературы и науки. Историки же интересуются в первую очередь документами и анналами, хрониками, биографиями и т. п., т. е. тем комплексом памятников, о которых шла речь во всех главах данной книги.

Документы и рукописи, содержащие исторические повествовательные произведения и юридические сборники, ценны в следующих случаях: если они еще не изданы (что для периода до XIV в. бывает сравнительно редко); если они не учтены при издании (тогда в них могут быть более или менее интересные отличия от изданного текста); если издание данного текста (даже учитывающее рукопись) сделано неудовлетворительно, что заставляет исследователя вновь обращаться к рукописному источнику.

В коллекциях западноевропейских рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах СССР, имеется немало число неизданных или плохо изданных исторических источников. Некоторые из них изучаются советскими историками, другие еще ждут своих исследователей.

Наиболее ценным в этом отношении является собрание средневековых рукописей на латинском и западноевропейских языках, хранящееся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Это собрание сложилось исторически из разных коллекций.

В первую очередь надо остановиться на лучшей по качеству и самой крупной по размерам коллекции П. П. Дубровского (1754—1816), служившего в конце XVIII в. в русском посольстве в Париже. Там он и оставил свое собрание, проданное им в 1805 г. русскому правительству для императорской Публичной библиотеки. Дубровский был тогда же назначен хранителем «Депо манускриптов» библиотеки и оставался на этом посту до 1812 г.

Коллекция Дубровского неоднородна по своему составу и по происхождению отдельных частей. Не касаясь ее целиком, рассмотрим только те рукописи, которые ценны в качестве исторических источников.

Наибольшую и вполне заслуженную известность имеют документы по истории Франции XVI—XVII вв. Общее их число достигает 10 500 и подавляющее их большинство является официальными письмами королей и различных государственных и военных деятелей, а также донесениями и ремонстрациями (т. е. заявлениями) парламентов и других судебных учреждений, городских муниципалитетов, провинциальных штатов и т. п. Почти все документы такого рода происходят из коллекций двух крупнейших французских политических деятелей XVI—XVII вв. Арле и Сегье.

Первый президент Парижского парламента в 1689—1707 гг. Ашиль Арле унаследовал коллекцию рукописей и книг от своего прадеда, Ашиля I Арле, в XVI в. занимавшего тот же пост. Эта великолепная коллекция включала очень большое количество подлинных документов XVI в. (письма французских королей, принцев, губернаторов, парламентов и т. п.). Она могла быть составлена только благодаря высокому служебному положению Арле и его большим связям с придворными и парламентскими кругами, а отчасти благодаря тому обстоятельству, что до середины XVII в. вся официальная переписка оставалась в частной собственности чиновников. Можно смело сказать, что документы такой ценности и в таком количестве не могли быть собраны во Франции XVI в. кем-либо другим, кроме Арле, и поспорить с его собранием могли бы только архивы крупнейших французских вельмож или министров вроде Сюлли. Но и они не имели такого разнообразия документов, не говоря уже о подборе рукописей по истории и праву, какие имел Арле.

Все эти рукописи в 1716 г. попали к генеральному адвокату Парижского парламента Шовелену, а от него в 1755 г. перешли к парижскому эббатству Сен-Жермен-де-Пре, которое в ту пору обладало лучшим во Франции собранием рукописей. В это же хранилище в 1735 г. вошла коллекция рукописей, собранная другим известным коллекционером, французским канцлером Пьером Сегье (1588—1672). В этой коллекции преобладали ценнейшие рукописные книги на разных языках. Нас, однако, в первую очередь интересует архив самого канцлера, т. е. официальные письма и донесения, адресованные ему со всей Франции и из-за границы, а также подаренные ему архивы (точнее — части архи-

вов) крупнейших французских деятелей XVII в. (например, архивы французского посла в Венеции Леона, французского посла в Турции Сези и др.).

В библиотеке Сен-Жермен-де-Пре оба собрания, Арле и Сегье, составили отдельные огромные фонды, но, после того как часть их после 1791 г. попала в коллекцию Дубровского, последний соединил письма из обоих собраний в единое целое и распределил их по 131 томам. За основу был взят или персональный момент (письма какого-либо лица, даже целой фамилии, письма адресованные какому-либо лицу), или хронологический (письма деятелей XV, XVI, XVII вв.), или территориальный (например, Испания, Савойя, Англия и т. д.). В силу этого лишь некоторые большие группы писем коллекции Дубровского могут быть отнесены отдельно к фонду Арле или к фонду Сегье, остальные же представляют собой их тесное соединение. Все же в целом документы XVI в. относятся преимущественно к фонду Арле, а материалы XVII в. к фонду Сегье.

Из этого множества документов опубликована лишь небольшая часть, главным образом письма королей и королев (Генриха IV, Екатерины Медичи) и крупных деятелей (Мазарини). В изданиях встречаются ошибки в чтении, многие письма не включены (по большей части это трудные для чтения шифрованные письма). Некоторое число писем опубликовано в сборниках, вышедших во Франции во второй половине XIX в., которые ныне представляют собой библиографическую редкость. Качество этих изданий тоже заставляет желать лучшего. Советским историком проф. Б. Ф. Поршневым опубликованы 79 писем, относящихся к 1630—1640 гг.

Конец XV в. представлен письмами Людовика XI, Карла VIII и крупных государственных деятелей, а также письмами французских герцогов, губернаторов, епископов, городских муниципалитетов, итальянских государей, наваррских королей и т. д.

История Франции первой половины XVI в. освещена в документах коллекции Дубровского очень скудно. Основная их масса приходится на вторую половину XVI и первую половину XVII вв.

Подавляющее большинство писем относится к периоду гражданских войн XVI в. и освещает все их стадии: напряженное положение в провинциях и в Париже в конце правления Генриха II и особенно в 1559—1560 гг., волнения среди гугенотов, первую гражданскую войну, рост гугенотской партии и образование гугенотской конфедерации, военные действия и дипломатические переговоры правительства, роль парламентов и городских муниципалитетов и т. п.

Большое значение имеет то обстоятельство, что письма королей и многих крупных деятелей составляют численно большие комплексы, например более 200 писем Карла IX, около 400 писем Генриха III, более 200 писем членов Лотарингского дома, более 400 писем и документов парламентов, муниципалитетов, провинциальных штатов и т. д. Это позволяет в ряде случаев класть в основу исследования эти рукописные источники, лишь дополняя их изданным материалом.

Внешняя политика Франции этого же периода освещена в переписке французских королей с государями и политическими деятелями всех крупных и мелких стран Западной Европы, начиная с Филиппа II и кончая немецкими князьями.

Для внутренней и внешней истории Франции XVII в. имеется много материала чрезвычайной ценности. Письма государей и министров, иногда за несколько лет почти без перерывов, дают связную и цельную

картину событий; письма и донесения с мест содержат множество ценных сведений по истории народных движений, налогового обложения, политической борьбы периода Фронды и т. д. Дипломатическая переписка освещает внешнюю политику французского правительства при Генрихе IV, Ришелье, Мазарини.

Надо отметить также группу интересных документов по истории Франции XIV—XV вв. В нее входят акты купли-продажи земли, арендные договоры, судебные решения по земельным тяжбам, списки феодальных повинностей, отчеты о сборе налогов и о постройке укреплений во время Столетней войны.

Помимо документов и писем, в коллекции Дубровского имеются в большом количестве рукописные книги, содержащие неопубликованные трактаты правового и финансового характера, юридические сборники, инвентари дворянских поместий XVII в., материалы по истории Генеральных штатов и т. д. Большинство из них относится к Франции XV—XVII вв.

Из числа рукописей, приобретенных Дубровским не во Франции, надо выделить материалы по истории Польши XV—XVII вв.: универсалы, инструкции, привилегии и патенты польских королей, дипломатическая переписка польского правительства с Францией и странами Западной Европы.

Другая коллекция западноевропейских рукописей, также хранящаяся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, была составлена в начале XIX в. русским послом в Швеции графом П. К. Сухтеленем (1751—1836). В его огромном собрании писем различных знаменитых людей имеется немало материалов, относящихся к истории стран Западной Европы XVI—XVII вв., но, в противоположность коллекции Дубровского, они имеют разрозненный характер. Наиболее интересную и более или менее компактную группу образуют лишь голландские и шведские документы.

Из числа византийских рукописей ленинградской Публичной библиотеки и других библиотек СССР надо отметить Вазелонские акты, относящиеся к Вазелонскому монастырю Иоанна Предтечи (около г. Трапезунда). Они касаются монастырского землевладения XIII—XVIII вв. Интересны некоторые хроники (Глики, Франдзи, несколько «вульгарных» греческих хроник XVI—XVII вв.) Среди болгарских рукописей надо отметить болгарские переводы византийских хроник Манассии (с миниатюрами) и Симеона Логофета, а также жития святых.

Большое собрание западноевропейских рукописей, хранящееся в архиве Ленинградского отдела Института истории Академии наук СССР, было составлено в конце XIX — начале XX вв. известным русским историком и палеографом акад. Н. П. Лихачевым (1862—1935 г.). В этой огромной коллекции (около 23 тысяч рукописей) наиболее ценны в качестве исторических источников материалы по истории Италии X—XVIII вв., составляющие примерно 40% всего собрания и относящиеся к папству, отдельным городам и мелким итальянским государствам, а также некоторые документы по истории Испании, Португалии, Франции, Польши, Германии и т. д., хотя в большинстве своем они разрознены. Что касается итальянских рукописей, то их ценность как исторических источников определяется тем, что в ряде случаев они образуют более или менее связанные группы, например акты Кремоны, и могут послужить основой для исследования отдельных частных вопросов истории средневековой Италии, тем более что документальный материал такого рода вообще опубликован лишь в очень малом количестве.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве хранится большая коллекция рукописных материалов (оригиналов и копий), относящихся к внешней истории Франции первой поло-

вины XVI в. Она была составлена первым президентом Парижского парламента Ламуаньоном (1617—1677) и приобретена в конце XVIII в. графом Строгановым. В настоящее время она еще очень мало изучена.

В библиотеке Тартуского университета имеется большой архив шведских графов Делагарди. Помимо документов, относящихся к управлению многочисленными поместьями в Швеции и в Прибалтике и интересных для истории аграрных отношений XVII в., надо отметить ценнейший материал по истории Тридцатилетней войны и вообще стран Западной Европы в середине XVII в. Архив этот также еще мало изучен, особенно в части документов по политической истории XVII в.

Во многих крупных библиотеках (в Библиотеке СССР имени Ленина, библиотеках некоторых университетов и т. п.) имеются отдельные рукописи, представляющие иногда известный интерес в качестве источников. Данные о них в печати еще не сведены.

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Издания указаны для наиболее важных источников. Сведения об изданиях остальных источников имеются в справочниках: 1) *Pothast. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters*. Berlin, 1896. 2) *Molinier. Les sources de l'histoire de France*. Paris, 1901—1906. 3) *Dahlmann-Waitz. Quellenkunde d. deutschen Geschichte*. 9. Ausg., 1931. 4) *Gross. The sources and literature of english history*. London, 1915 и др.

Условные обозначения:

MGH — Monumenta Germaniae historica

MPL — Migne Patrologia latina

MPG — Migne Patrologia graeca

К главе I

1. *C. J. Caesar. Commentarii de bello gallico* (многие издания); Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне. Пер. М. М. Покровского. М., 1948.
2. *P. C. Tacitus. Germania*. Оригинал и перевод в книге: *Древние германцы*. Сборник документов под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937.
3. *Codex Theodosianus*, ed. Th. Mommsen et P. Meyer. Berolini, 1905—1906;
4. *Notitia dignitatum. Notitia provinciarum*, ed. O. Seeck. Berlin, 1876.
5. *Ammianus Marcellinus. Res gestae*, ed. Gardthausen. Leipzig, 1874—1875; *Аммиан Марцеллин*. История. Пер. Ю. Кулаковского. Киев, 1906—1908.
6. *Eusebii chronicorum libri duo*, ed. A. Schoene. Berlin, 1856—1875.
7. *Sulpicii Severi historia sacra*, ed. Halm. Wien, 1865 (Corpus script. eccles., t. I).
8. *Augustini Aurelii Hipponensis de civitate dei*, ed. B. Dombart. Lipsiae, 1877.
9. *Pauli Orosii historiarum adversus paganos libri VII*, ed. K. Zangenmeister. Wien, 1882 (Corpus script. eccles., t. V).
10. *Salviani de gubernatione dei*, ed. Pauly. Wien, 1883 (Corpus script. eccles., t. VIII).
11. *Corpus juris civilis*, v. I—III. Berlin, 1928—1929.
12. *Procopii Caesariensis opera omnia*, rec. J. Hauriy. Lipsiae, 1905—1913; *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.
13. См. № 12; *Прокопий Кесарийский*. Тайная история. Пер. С. П. Кондратьева (Вестник древней истории, 1938, № 4).
14. *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, ed. J. Scheffer. Uppsala, 1664; *Маврикий*. Тактика и стратегия. Пер. Цыбашева. СПб., 1903.
15. *Joannis Malalae chronographia*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831. (Corp. script. hist. byzant.).

К главе III

1. *Codex Eurici*. MGH Leges, t. I, 1902.
2. *Lex Romana Visigothorum*. MGH Leges, t. I, 1902.
3. *Formulae merovingici et carolini aevi*. MGH Legum sectio V.
4. *Sidonii Apollinaris opera*. MGH Auct. antiq., t. VIII.
5. *Isidori Hispalensis opera*. MPL, tt. 81—84.
6. *Die Gesetze der Burgunden*, hsg. von Fr. Beyerle. Weimar, 1936.
7. *Lex Romana Burgundionum*. MGH Leges, t. III.
8. *Edictum Theodorici*. MGH Leges, t. V.
9. *Aurelii Cassiodori varia*. MGH Auct. Antiq., t. XII.

10. *Jordanes. De rebus geticis.* MGH Auct. antiq., t. V.
11. Die Gesetze der Langobarden, hsg. von Fr. Beyerle, Weimar, 1947.
12. *Pauli Diaconi historia langobardorum.* MGH Script. rerum langob.
13. Die Gesetze des Merowingerreiches, hsg. von K. A. Eckhardt. Pactus legis Salicae. Weimar, 1935; Die Gesetze des Karolingerreiches, hsg. von K. A. Eckhardt, I. Lex salica: recensio pippina. Weimar, 1953; Салическая правда. Пер. Н. П. Грацианского. М., 1950.
14. Die Gesetze des Karolingerreiches, hsg. von K. A. Eckhardt. I. Salische und ribuarische Franken. Weimar, 1934.
15. Die Gesetze des Karolingerreiches, hsg. von K. A. Eckhardt, II. Alemannen und Bayern. Weimar, 1934; Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права, под ред. Виноградова и Владимирского-Булакова, вып. 2. Киев 1908.
16. Lauer et Samaran. Les diplômes originaux des mérovingiens. Paris, 1908.
17. *Formulae merovingici et karolini aevi.* MGH Legum sectio V.
18. *Gregorii Turonensis historia francorum.* MGH Script. rerum merov., t. I.
19. *Pseudo-Fredegari chronicon.* MGH Script. rerum merov., t. II.
20. *Gesta regum francorum.* MGH Script. rerum merov., t. II.
21. *Fredegari continuatores.* MGH, Script. rerum merov., t. II.
22. Жития святых см. *Pothast. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters*, t. II.

К главе IV

1. Polyptique de l'abbé Irminon. Nouv. éd. par A. Lognon. Paris, 1886—1895.
2. *Brevium exempla.* MGH Capitularia, t. I.
3. *Capitulare de villis.* MGH, Capitularia, t. I; Перевод в Хрестоматии по истории средних веков, под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. I, 1949.
4. *Adalhardi statuta antiqua abbatae s. Petri Corbeiensis.* MPL, t. 105; Перевод в кн. Атрикультура в памятниках западного средневековья. М.—Л., 1936.
5. Die Gesetze des Karolingerreiches, hsg. von K. A. Eckhardt, II. Alemannen und Bayern. Weimar, 1934.
6. Die Gesetze des Karolingerreiches, hsg. von K. A. Eckhardt, III. Sachsen, Thüringer, Chamaven und Friesen. Weimar, 1935.
7. *Capitularia regum francorum.* MGH Capitularia, t. I.
8. *Diplomata Caroli Magni.* (Bouquet. Recueil t. V).
9. *Formulae merovingici et karolini aevi.* MGH Legum sectio V.
10. *Annales Laurissenses minores.* MGH Scriptorum t. I.
11. *Annales Laurissenses maiores.* MGH Scriptorum in usum scholarum, 1895.
12. *Einhardi vita Caroli Magni.* MGH Script. in us. schol., 1880.
13. *Thegani vita Hludovici imperatoris.* MGH Scriptorum, t. II.
14. *Monachi Sangallensis de gestis Caroli Magni,* ed. Jaffé (Bibl. rer. germanicarum, t. IV).
15. *Nithardi historiarum libri quatuor.* MGH Script. in us. schol., 1870.
16. *Annales Fuldenses.* MGH Script. in us. schol., 1891.
17. *Annales Bertiniani.* MGH Script. in us. schol., 1883.
18. *Reginonis chronicon.* MGH Script. in us. schol., 1890.
19. *Hincmari de ordine palatii,* p. p. M. Prou. Paris, 1885.

К главе V

1. The laws of the earliest english kings, ed. by Attenborough. Cambridge, 1922.
2. Thorpe, *Diplomatarium anglicum aevi saxonici.* 1865.
3. *Rectitudnes singularum personarum,* ed. Liebermann (Die Gesetze der Angelsachsen B. I).
4. *Gildas. Liber querulus de calamitate.* MGH Auct. antiq., t. XIII.
5. *Venerabilis Bedae Historia ecclesiastica,* ed. Ch. Plummer. Oxford, 1896.
6. Anglo-Saxon chronicle, ed. Ch. Plummer. Oxford, 1889.
7. *Asserii vita Alfredi anglo-saxonum regis.* Monumenta historiae britannicae, t. I.
8. Ancient laws and institutes of Ireland, Senchus Mor. London, 1865—1880.

К главе VI

1. *Nomos georgikos,* ed. W. Ashburner. (Journal of hellenic studies, London, v. 30, 1910; v. 32, 1912); Земледельческий закон, пер. Е. Э. Липшиц (Сборник докум. по соц.-экон. истории Византии. М., 1961).

2. *Ectoga privata aucta*, 1865 (*Jus Graeco Romanum*, ed. Zachariae v. Lingenthal, p. IV); Эклога (Предисловие и некоторые статьи), пер. Е. Э. Липшиц (Сборник докум. по соц.-экон. истории Византии, М., 1951).
3. *Nomos nautikos*. В кн.: W. Ashburner. *The Rhodian sea law*. Oxford, 1909.
4. *Theophanis chronographia*, rec. C. de Boor. Lipsiae. 1883—1885 (*Corpus script. hist. byzant.*); Летопись византийца Феофана. Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1887.
5. *Nicephori patriarchae breviarium historicum*, ed. de Boor. Lipsiae, 1880.
6. *Georgii monachi dicti Hamartoli chronicon*, ed. Muralt. Petropoli, 1859.

К главе VII

1. *Libellus de conversio Bagoariorum et Carantanorum*. MGH Scriptorum, t. XI.
2. *Geographus Bavarus seu descriptio pagorum slavorum* (*Codex diplomaticus Moraviae*, t. I).
3. *Лавроз И. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
4. Закон судный людем. Русские достопамятности, ч. II. М., 1843.

К главе IX

1. *Tobler et Molinier. Itinera latina Hierosolymitana bellis sacris anteriora*. Genève, 1877—1880.
2. *Anonymi gesta francorum*, hsg. von Hagenmeyer. Heidelberg, 1890.
3. *Tudebodi, Roberti Remensis, Baldrici Burguliensis, Guiberti Novigensis historiae* (*Recueil des historiens des croisades, histor. occid.*, t. III—IV).
4. *Raimundi de Agiles historia francorum* (*Rec. des hist. d. crois.*, hist. occid., t. III).
5. *Fulcherii Carnotensis gesta francorum* (*Rec. des hist. d. crois.*, hist. occid., t. III).
6. *Alberti Aquensis liber christianae expeditionis* (*Rec. des hist. d. crois.*, hist. occid., t. IV).
7. *Ekkehardi Uraugiensis libellus de expugnatione hierosolymitana* (*Rec. des hist. d. crois.*, hist. occid., t. V).
8. *Odonis de Diogilo de Ludovici VII profectioe in Orientem*. MPL, t. 185.
9. *Tugenonis descriptio expeditionis asiaticae Friderici* (*Reum germanicarum scriptores*, t. I).
10. *Guillelmi archiep. Tyrensis historia Hierosolymitana* (*Rec. des hist. d. crois.*, hist. occid., t. I).
11. *Jacobi de Vitriaco historia orientalis* (*Bongars. Gesta Dei*, t. I).
12. *Les assises de Jerusalem*, p. p. Beugnot. Paris, 1841—1843 (*Rec. d. hist. des crois.*, lois).
13. *La règle du Temple*, p. p. de Curzon. Paris, 1886.
14. *Villehardouin. La conquête de Constantinople*, p. p. Bouchet. Paris, 1891.
15. *Robert de Clary. Estoire de chiaus que conquissent Constantinoble*, p. p. Hopf. Berlin, 1873.
16. *Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae*. Genève, 1877.
17. *Les assises de Roumanie*, p. p. G. Recours. Paris, 1930.
18. *Chronique de Murèe*, p. p. Longnon. Paris, 1911.
19. *Marino Sanudo. Istoria di Romania*, p. p. Hopf. Berlin, 1873.

К главе X

1. *Stein H.* Bibliographie générale des cartulaires français ou relatifs à l'histoire de France. Paris, 1907.
2. *Sugeri liber de rebus in sua administratione gestis* (*Oeuvres complètes de Suger*, p. p. Lecoy de la Marche. Paris, 1867).
3. [Поэма о версонских виллах]. — В кн.: *L. Delisle. Etudes sur la condition de la classe agricole et l'état de l'agriculture en Normandie au moyen âge*. Evreux, 1851. Пер. в кн.: *Агрικультура в памятниках западного средневековья*. М. — Л. 1936.
4. *Livre des métiers de Paris* par. Etienne Boileau, p. p. Depping. Paris, 1838.
5. *Coutumiers de Normandie*, p. p. E. Tardif. Rouen, 1881—1903.
6. *Beaumanoir. Les coutumes de Clermont en Beauvaisis*, p. p. Salmon. Paris, 1899—1900.
7. *Isambert. Recueil général des anciennes lois françaises*. Paris, s. a.
8. *Registres du Parlement de Paris ou Olim*, p. p. Beugnot. Paris, 1839—1848.
9. *Flodoardi annales*. MGH Scriptorum, t. III.
10. *Richerii historiae*. MGH Script. in us. schol., 1877.
11. *Sugeri Vita Ludovici VI regis* (*Oeuvres complètes de Suger*, p. p. Lecoy de la Marche. Paris. 1867).

12. *Dudoni de moribus et actis primorum Normanniae ducum*, p. p. Lair (Mém. de la Soc. des antiq. de Norm., XXIII. 1865).
13. *Orderici Vitalis Historia ecclesiastica*, p. p. A. Leprévost et L. Delisle. Paris, 1838—1855.
14. *Ademari Cabannensis chronicon*, p. p. Chavanon. Paris, 1897.
15. *Glaberi Rodulphi historiarum libri quinque*, p. p. M. Prou. Paris, 1886.
16. Les grandes chroniques de France, p. p. P. Paris. Paris, 1836—1840.
17. *Joinville*. Le livre des saintes paroles et des bonnes actions de saint Louis, p. p. N. Wailly. Paris, 1881.
18. Chronique du religieux de Saint-Denys, p. p. Bellaguet. Paris, 1839—1852.
19. *Jean de Venette*. Chronicon (D'Achery, Spicilegium, t. III).
20. *Froissart* Chroniques, p. p. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1867—1877.
21. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, p. p. Quicherat. Paris, 1841—1849.
22. *Commines*. Mémoires, p. p. Mandrot. Paris, 1903—1905.
23. Journal des Etats généraux de France, tenus à Tours en 1484. rédigé en latin par J. Masselin, p. p. A. Bernier. Paris, 1855.

К главе XI

1. Domesday Book, ed. Farley and Ellis. London, 1783—1816.
2. Rotuli hundredorum. London, 1812—1818.
3. *Taxatio ecclesiastica Angliae et Walliae auctoritate papae Nicolai IV*. London, 1811.
4. *Walter of Henley's husbandry* together with an anonymous Husbandry, Seneschaukie and R. Grosseteste's rules, ed. by E. Lamond. London, 1891. Пер. в кн.: Агррикультура в памятниках западного средневековья. М.—Л., 1936.
5. Select pleas in manorial and other seigniorial courts. London, 1889.
6. *Alexandri Neckami de utensilibus*, ed. Th. Wright. London, 1857.
7. Lois de Guillaume le Conquérant en français et en latin, p. p. Matzke. Paris, 1899.
8. Mc Kechnie. Magna Carta. Glasgow, 1915. Оригинал и перевод в кн.: Памятники истории Англии XI—XIII вв. М., 1936.
9. *Ranulphus de Glanvilla*. Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae (G. Phillips. Englische Reichs- und Rechtsgeschichte t. II. Berlin, 1828).
10. *Henricus de Bracton*. De legibus et consuetudinibus Angliae, ed. Travers Twiss. London, 1873—1878 (Rev. brit. med. aevi script., t. 70).
11. *Simeoni Dunelmensis historia regum Anglorum*, ed. Th. Arnold. London, 1885.
12. *William of Malmesbury*. De gestis regum, ed. W. Stubbs, 1887—1889.
13. *Rogerus de Hevedene*, ed. W. Stubbs. London, 1871.
14. *Matthaeus Paris*. Historia anglorum, ed. F. Madden. London, 1866—1869 (Rev. brit. med. aevi script., t. 44).
15. *Walsingham Th*. Historia anglicana, ed. Riley. London, 1863 (Rev. brit. med. aevi script., t. 28).
16. The anomalle chronicle 1333—1381, ed. by Galbraith. London, 1927.
17. *Langland*. Vision of William concerning Piers the Plowman, ed. Skeat. Oxford, 1886; *Ленгленд*. Видение о Петре пахаре. Пер. Д. М. Петрушевского. М.—Л., 1941.
18. *Gregory W*. Chronicle of London, ed. Gairdner. London, 1876.
19. *Modus tenendi parliamentum*, ed. Hardy. London, 1846.
20. *Fortescue J*. De laudibus legum Angliae, ed. and transl. by Chrimes. Cambridge, 1912.
21. *Fortescue J*. The governance of England, ed. by Ch. Plummer. Oxford, 1885.

К главе XII

1. *Weistümer gesammelt von J. Grimm*, bearb. von R. Schröder. Cöttingen, 1840—1843, 1863—1878.
2. *Alberti Magni de vegetabilibus*, ed. E. Meyer und C. Jessen. Berlin, 1867. Пер. в кн.: Агррикультура в памятниках Западного Средневековья. М.—Л., 1936.
3. *Theophilus presbyter*. *Diversarum artium schedula*, hsg., ubers. und erl. von W. Theobald. Berlin, 1936.
4. Der Sachsenspiegel, hsg. von R. Hildebrand. Leipzig, 1882.
5. Der Schwabenspiegel, hsg. von Lassberg. Tübingen, 1840.
6. *Annales Quedlinburgenses*. MGH Scriptores, t. III.
7. *Widukindi Corbeiensis res gestae Saxonicae*. MGH Script. in us. schol., 1882.
8. *Hrotsvithae carmen de gestis Oddonis I*.—В кн.: K. A. Burack. Die Werke der Hrotsvitha. Nürnberg, 1858.
9. *Liutprandi Cremonensis opera*. MGH Script. in us. schol., 1882.
10. *Thietmari Merseburgensis chronicon*. MGH Script. in us. schol., 1889.

11. *Herimanni Augiensis chronicon*. MGH Scriptorum, t. V.
12. *Lamberti Hersfeldensis annales*. MGH Script. in us. schol., 1894.
13. *Ekkhardi Uraugiensis chronicon*. MGH Scriptorum, t. VI.
14. *Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI et XII conscripti*. MGH, 1891.
15. *Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. MGH Script. in us. schol., 1876.
16. *Ottonis Frisingensis chronicon*. MGH Script. in us. schol., 1867; *Gesta Friderici imperatoris*. MGH Script. in us. schol., 1884.
17. *Hansische Geschichtsquellen*, hsg. vom Verein für Hansische Geschichte. Halle 1875—1894; Berlin, 1899.
18. *Aenei Sylvii Piccolomini opera*. Francofurti et Lipsiae, 1707.
19. *Die Reformation des Kaisers Sigmund*, hsg. von Werner. Berlin, 1908.

К главе XIII

1. *Petri de Crescentiis opus ruralium commodorum*. Argentorati, 1486. Пер. в кн. *Агркультура в памятниках западного средневековья*. М. — Л., 1936.
2. *Liber iurium reipublicae Januensis*, ed. Ricotti. Torino, 1854.
3. *F. Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura*, ed. Evans. Cambridge, Mass., 1936.
4. *Legis langobardorum libri tres, vulgo dicta Lombarda*. MGH Leges, t. IV.
5. *Constitutiones et acta publica imperatorum et regum*, t. II. MGH Legum sectio IV.
6. *Leo Marsicanus. Chronica monasterii Casinensis*. MGH Scriptorum, t. VII.
7. *Landulphus senior. Mediolanensis historia*. MGH Scriptorum, t. VIII.
8. *Annales Mediolanenses*. MGH Scriptorum, t. XVIII.
9. *Annales Januenses*. MGH Scriptorum, t. XVIII.
10. *Martino da Canale. La cronaca dei Veneziani*, ed. Polidori (Archivio storico italiano, t. VIII, 1845).
11. *Villani G. Historie fiorentine* (Muratori. Rer. ital. script., t. XIII).
12. *Salimbene. Chronicon*. MGH Scriptorum, t. XXXII.
13. *Romualdi Salernitani chronicon* (Muratori. Rer. ital. script., t. VII).
14. *Le Iture de Marco Polo*, p. p. G. Pauthier. Paris, 1865.

К главе XIV

1. *Fuero Juzgo. Los Codigos Espanoles concertados y anotados*. t. I. Madrid, 1847.
2. *Usatges de Barcelona*, ed. R. d'Abadal. Barcelona, 1913.
3. *Siete Partidas*. Madrid, 1807.
4. *Roderici toletani archiepiscopi chronica Hispaniae* (Rer. hispan. script., t. I).
5. *Crónica general de Espana*. Madrid, 1791—1792.
6. *Ayala. Crónica del rey do Pedro*. Madrid, 1779—1780.
7. *Pulgar. Crónica de los reyes católicos*. Valencia, 1780.
8. *Bernádez. Historia de los reyes católicos*. Granada, 1856.
9. *Lopes. Coronica* (Collecção de livros ineditos de hist. portug., t. IV).

К главе XV

1. *Herbordi dialogus de Ottone episc. Bambergensi* MGH Script. in us. schol., 1868.
2. *Helmoldi chronica slavorum*. MGH Script. in us. schol., 1868.
3. *Arnoldi Lubecensts chronica*. MGH Scriptorum, t. XXI.

К главе XVI

1. *Registrum bonorum Rosenbergicorum*, ed. Truhlar, Pragae, 1881; *Das Urbar der Liechtensteinischen Herrschaften*, bearb. von Bretholz. Reichenberg, 1930; *Urbar z roku 1378 a акты klásteru Trebonskeho vyd. Krejčík*. 1949.
2. *Emler. Reliquiae tabularum terrae regni Bohemiae*. Praha, 1870.
3. *Kniha starého pana z Rozmberka* (Codex juris Bohemici, t. II, p. II, ed. Jireček. Praha, 1870).
4. *Majestas Carolina* (Codex Juris bohemicus, t. II, p. II, ed. Jireček. Praha, 1870).
5. *Codex juris Bohemici* t. I, p. II. ed. Jireček. Praga, 1870.
6. *Annales Pragenses*, ed. J. Emler (Fontes rer. Bohem. t. II).
7. *Cosmas Pragensis. Chronica boemorum*. MGH Scriptorum, N. S., t. II.
8. *Dalimil. Kronyka Boleslawska*, ed. Jireček (Fontes rer. Bohem., t. III).

9. *Franciscus Pragensis. Cronica boemorum*, ed. Emler (Fontes rer. Bohem., t. IV).
10. *Monumenta historica Universitatis Pragensis*. Praga, 1830—1849.
11. *Petrus de Mladenowicz. Historia de fatis et actis magistri Johannis Hus Constanciae* (Höfler. Geschichtschreiber d. hussitischen Bewegung, t. I).
12. *Vaurinac z Brezove. Kronyka* (Fontes rer. Bohem., t. V).

К главе XVII

1. Księga Henrykowska. Poznań — Wrocław, 1949.
2. Heleel. Starodawnie prawa polskiego pomniki, t. II. Kraków, 1870.
3. Statuta Kazimierza Wielkiego. W opracowaniu O. Balzera. Poznań, 1947.
4. *Anonima t. zw. Galla kronika*, wydal K. Maleczynski. Kraków, 1952.
5. *Kadlubek, Vincentius. Historia polonica*, ed. Bielowski (Monum. Pol. hist., t. II).
6. *Johannes de Czarnkowo. Chronicon polonorum*, ed. Bielowski (Monum. Pol. hist., t. II).
7. *Długossius. Opera omnia*, ed. A. Przędziński. Cracoviae, 1863—1887.
8. *Ostrorog J. Monumentum pro reipublicae ordinatione congestum*, ed. Bandtkie. Warszawa, 1831.

К главе XVIII

1. *Geoponica*, ed. H. Beck. Leipzig, 1895.
2. *Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt*. Lipsiae, 1857 (Jus Graeco-Romanum, ed. Zachariae v. Lingenthal, p. III).
3. *W. Ashburner. A byzantine treatise on taxation* (Journ. of hellenic studies v. XXXV, 1915) Податной устав, пер. Е. А. Липшиц. — В кн.: Сборник докум. по соц.-экон. истории Византии, М., 1951.
4. Nicole S. *Le livre du préfet. Genève, 1893*; Книга эпарха, пер. М. Я. Сюзюмова (Ученые записки Сверсл. гос. пед. ин-та, вып. VI, 1949).
5. *Constantinus Porphyrogenitus imperator. De thematibus et de administrando imperio*. Bonnae, 1840 (Corp. script. hist. byzant.).
6. *Genestius*, rec. C. Lachmann. Bonnae, 1834 (Corp. script. hist. byzant.).
7. *Leontis diaconi Caloensis historia*. Bonnae, 1828; История Льва дьякона Калойского. Пер. Д. Попова. СПб., 18 0.
8. *Michael Psellos. Chronographia* (Saitas Bibliotheca graeca medii aevi, t. IV. Venetiis — Parisiis, 1874).
9. *Anna Komnena Alexiadis*, ed. A. Reiffers-Scheid. Lipsiae, 1884.
10. *Nicetae Choniatae historia*. Bonnae, 1825; *Никита Хониат. История*. СПб., 1860 (Византийские историки переведенные с греч. при СПб. дух. акад., т. 4—5).
11. *Georgius Acropolites. Opera*, ed. A. Heisenberg, Lipsiae, 1903; *Георгий Акрополит. Летопись*. СПб., 1863 (Византийские историки, переведенные с греч. при СПб. дух. акад., т. 10).
12. *Nikephoros Gregoras. Byzantina historia*, ed. L. Schopen. Bonnae, 1829—1855 (Corp. script. hist. byzant.); *Никифор Григор. Римская история*. СПб., 1862 (Византийские историки, переведенные с греч. при СПб. дух. акад., т. 7).
13. *Michaelis Ducas historia byzantina*. Bonnae, 1834 (Corp. script. hist. byzant.); *Дука. Византийская история*, гл. 35—40, 42. Пер. А. С. Степанова. — В сб.: Визант. временник, т. VII. М., 1953.
14. *Phrantzes Georgius. Chronicon*, ed. Becker. Bonn, 1838 (Corp. script. hist. byzant.); Францис Георгий. Большая хроника кв. III, гл. 3—9. Пер. А. С. Степанова. — В сб.: Визант. временник, т. VII., 1953.
15. *Chaicocondylas. Historiarum libri decem*. MPG, t. 78.
16. *Critobulos Imbriota. Libri quinque de rebus gestis Mechemetis*, ed. C. Müller (Fragmenta historicorum graecorum, t. V, p. I. Paris, 1870).
17. *Bartezius. De vita... Georgii Castrioti*. Argentorati, 1537.

К главе XIX

1. *Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей*. М., 1911.
2. *Vita s. Clementis*, ed. F. Miklosich. Vindobonae, 1847.
3. *В. Киселков. Житие на св. Теодосий Търновски като исторически паметник*. София, 1926.
4. *Козма Пресвитер. Изд. М. Г. Попруженко. София, 1936.*
5. *Синодик царя Борила. Изд. М. Г. Попруженко. София, 1928.*
6. *Закольник Стефана Душана. СПб., 1913.*
7. *Животи кралева и архиепископа Српских. Загреб, 1866.*

8. Житие господина деспота Стефана. — В кн.: А. Полов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, М., 1869.
9. Kostrenić M. Vinodolski Zakon... Zagreb, 1923.
10. Летопис попа Дуклянина. Београд — Загреб, 1928.
11. *Thomas archidiaconus. Historia saloniitana. Zagrebiae, 1894 (Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, v. XXVI).*
12. Statuta confraternitatum et corporationum Ragusinarum (ab aevo XIII—XVIII). Zagrebiae, 1899 (Monumenta historica-juridica slavorum meridionalium, t. VII).

К главе XX

1. *Marczali. Enchiridion fontium historiae hungarorum. Budapest, 1902.*
2. *Stephani regis libellus de institutione morum (Script. rer. hungar., t. II).*
3. *Anonymi Batae regis notarii historia hungarica, ed. C. Fejérfataky. Budapest, 1892.*
4. *Johannes de Thurocz. Chronica hungarorum, ed. Schwandtner (Script. rer. hungar. t. I).*

К главе XXI

1. Kong Valdemars Jordebog, ed. Aakjaer. Kjøbenhavn, 1926—1945.
2. Danmarks Gamle Landskabslove, ed. Brøndum—Nielsen. Kjøbenhavn, 1933.
3. *Saxo Grammaticus. Gesta danorum, ed. E. Holder. Strassburg, 1886.*
4. Sveriges Gamla lagar, ed. Schlyter. Stockholm, 1827—1877.
5. Eriks-Krönikan (Klemming. Svenska medeltidens Rim-Krönikor, t. I).
6. Norges Gamle Love, ed. Keyser. Kristiania, 1846.
7. Konungskuggsjå, ed. Jonsson. Oslo, 1920—1921.
8. Die Lieder der Edda, ed. B. Sijmons. Halle, 1906—1931.
9. *Ari Thorgilsson. Islendingabók, Landnámabók, ed. V. Asmundarson. Reykjavík, 1891.*
10. *Snorre Sturleson. Heimskringla, ed. Jonsson. 1893—1901.*
11. *Sturla Thordsson. Sturlunga saga, ed. Vigfússon. Oxford, 1878.*
12. Gragas, ed. V. Finsen. 1852—1870.

К главе XXII

1. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae et Venetis, 1759—1798.
2. *Isidorus Mercator. Collectio decretalium. MPL, t. 130.*
3. *Gratianus. Decretum. MPL, t. 187.*
4. Corpus juris canonici, ed. Richter. Lipsiae, 1879.
5. Liber pontificalis, p. p. L. Duchesne. 1886—1892.
6. *Stephanus Infessura. Diarium urbe Romae, ed. Tommasini. Roma, 1890; С. Инфессура и И. Бурхард. Дневники. Вводная статья и прим. С. Г. Лозинского. М., 1937.*
7. *Burchardus Argentinensis. Diarium curiae Romanae, p. p. L. Thuasne. Paris, 1863—1885 (перевод см. № 6).*

К главе XXIV

(Для большинства источников в тексте главы указан год их первого издания)

1. Statutes of the realm of England, v. II—III. London, 1818—1819.
2. The inquisition of 1517, ed. by J. S. Leadam (Trans. of the Royal Hist. Soc., n. s., v. VI—VIII).
3. Select cases in the Star Chamber, ed. by J. S. Leadam. London, 1903—1911; Select cases in the Court of Request, ed. by J. S. Leadam. London, 1898.
4. *R. Holinshed. Chronicles, ed. H. Ellis. London, 1807—1808.*
5. *W. Camden. History of Elizabeth, 1688.*
6. *The Utopia of sir Thomas More in latin from the edition of 1518, ed. Lupton. Oxford, 1895; Томас Мор. Утопия. Пер. и комм. А. И. Маленка и Ф. А. Петровского. М., 1953.*
7. *O. de Serres. Théâtre d'agriculture. Paris, 1804—1805.*
8. *Montchrétien. Traicté de l'oeconomie politique, p. p. Funck-Brentano, Paris, 1889.*
9. *Les responses de Jean Bodin à M. de Malestroit, nouv. éd. par H. Hauser. Paris, 1932.*
10. *De Thou. Histoire universelle. La Haye, 1740.*
11. *Richelieu. Mémoires, p. p. la Société de l'histoire de France. Paris, 1907—1929.*
12. *Richelieu. Testament politique. Edition critique p. p. L. André. Paris, 1947.*
13. *N. Machiavelli. Opere complete. Napoli, 1876.*
14. *F. Guicciardini. Istoria d'Italia, ed. Botta. Milano, 1875.*

15. *T. Campanella*. La città del sole, ed. Solmi. Modena, 1904; *Т. Кампанелла*. Город солнца. Пер. и комм. Ф. А. Петровского. М., 1953.
 16. Путешествия Христофора Колумба (Дневники, письма, документы). М., 1952. Библиография, стр. 520—524.
 17. *Bernal Diaz del Castillo*. Verdadera historia de la conquista de Nueva Espana. México, 1935; Записки солдата Берналя Диаса. Л., 1924—1925.
 18. *W. H. Hohberg*. Georgica curiosa aucta oder adeliches Landleben. Nürnberg, 1716.
 19. *L. Fries*. Die Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken. Würzburg, 1883.
 20. *S. Franck*. Chronica, Zeitbuch. Berlin, 1531; *S. Franck*. Weltbuch. Weimar, 1534.
 21. Instrumenta pacis Westphalicae. Bern, 1949.
 22. *Gostomski*. Gospodarswo, wstępem i objaśnieniami zaopatrzył S. Inglot. Warszawa, 1951.
 23. *Tupattim Opus juris consuetudinarii regni Hungariae*, ed. Bartonick. Budapest, 1929
 24. *S. Rosenhané*. Oeconomia. Stockholm, 1944.
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторов исторических произведений, издателей источников и названий безавторских трудов

- Аббон, монах 87
Абеляр 141
Августин, епископ Гиппонский 26—27
Авентин, Иоганн 337
Авит, епископ Вьеннский 63
Агафий Миринейский 32
Агобард, архиепископ Лионский 87
Адалард 73
Адам Бременский 198
Адемар Шабанский 140
Алревальд, монах 87
Айяла, Педро Лопес де 237
Акоминат, Михаил 267, 279
Акоминат, Никита 273
Акты церковных соборов 22, 51, 68, 101, 304
Аламанн Луджи 328
Алкуин 83—84
Альба, герцог 328
Альберт, аахенский каноник 118
Альберт Великий 183
Альбрехт Бегаймский 202
Альхельм, епископ Шерборнский 92
Альд Мануц й 315, 350
Альн, Пьер д', епископ 304
Альфонс X Мудрый, испанский король 234, 237
Амбруаз, жонглер 120
Амсе, монах 223
Амниан Марцеллин 22—23
Амри Оже из Безье 306
Ангера, Петр Мартир 332
„Англосаксонская хроника“ 93—95
Андрей, архиепископ Лундский 296
Андрей из Бергамо 87
Андрей из Дубы 216
Андрей Регенсбургский 205
Анна Комнина 272—273
Анналы 41—42, 79—80, 85—87, 93, 97—98, 135—137, 170—171, 174, 190—191, 195, 217—218, 236, 248, 258, 292—293, 296
Ан-яим Валезий 53
Ансберт, клирик 119
Ангериз, аббат 76
„Англохийские ассизы“ 123
Анжел, епископ Равеннский 87
Апокрифы 282
Арле, Ашиль 355
„Армагская книга“ 98
Арнольд Любекский 119, 242
Арульф, священник 218
Ассер, епископ Шерборнский 90, 95
„Ассизы Романии“ 125
„Астроном“ 83
„Баварский Географ“ 104
Базен, Тома, епископ 152—153
Бальдуччи Пеголотти, Франческо 213
Балдасе, Гинрик 204
Барлезий, Мартин 277
Бароний, Цезарь, кардинал 346
„Барселонские обычаи“ 233
Бартоломео Луккский 307
Бартошек из Драгонац 253
„Бдинский сб. рник“ 282
Беда Почтенный 92—93
Бельский, Марин 339
Бембо, кардинал 329
Бенедикт Левит 76
Беньо 122
Берналь Диас 332
Бернальдес, Андрес 239
Бернар Ги 307
Бернар Клервосский 141, 307
Бернино, Гвернерио 223
Бернольд, епископ Констанцкий 197
Боден, Жан 324
Бодри из Бургейля 117
Болланд, Жан 349
„Большонская книга“ 160
«Большие французские хроники» 136, 142—143, 146—147, 155, 174
Боманур, Филипп де 132—133
Бонгар, Жак 347
Бракзон, Генри 169—170
Бранкович, Максим, епископ 285
Бриччолони, Поджио 252
Бриварий Алариха 45—46
Бри, Жан де 128
Бригитта, св 298
Броккар, доминиканец 285
Бртваи, Ян 337
Бруни, Леонардо 222
Бруно, клирик 195
Бруно, монах 247
Буке, Марин 348
Бурхард, Иоганн 307
Буде, Гильом 346
Валафрид Страбон, аббат 73
Валла, Лоренцо 345

- Вальрам, епископ Наумбургский 197
 Вандальберт, монах 73
 Вас см. Уас
 „Василики“ 101
 „Великая хартия вольностей“ 167—168
 „Великий декрет“ 292
 Веллутти, Донато 222
 Вендовер, Роджер 174
 Венет, Жан де 148
 Вентури, Гульельмо 223
 Вербеци, Стефан 339
 Вибальд, аббат Корвейский 119, 202
 Виглиус 328
 Видукнид, монах 191—192
 Виклеф 177
 Виктор, епископ Витенский 51—52
 Виктор, епископ Туннунский 28, 52
 Виллани, Джованни 221
 Виллани, Маттео 221
 Виллани, Филиппо 221
 Вильардуэн, Жоффрау 124
 Вильгельм Апулийский 224
 Вильгельм Оранский 317, 328
 Вильям Мальмсберийский 171
 Вильям Ньюбургский 172
 Вильяр де Гоннекур 130
 Винеа, Петр де 202, 216
 Винцентий из Бове 145
 Винцентий Пражский 249
 Вислицкий статут 257
 Вольтерс, Генрих 204
- Гай, римский юрист 22, 45
 Галл Аноним 258
 Галло, Агостино 328
 Гальберт Брюггский 139
 Гартвиг, епископ 293
 Гаттаро, Андреа 222
 Гаттаро, Галеаццо 222
 Гауэр, Джон 177
 Гвиччардини, Лодовико 327
 Гвиччардини, Франческо 329
 Гебхард, епископ Зальцбургский 197
 Гельмольд 242
 Гемелинг, Иоганн 204
 Генгенбах, Памфилий 336
 Генесий 270
 Генрих VIII, английский король 317
 Генрих III, французский король 356
 Генрих IV, французский король 317, 356—357
 Генрих Антверпенский 198
 Генрих Гентингдовский 171—172
 „Геопоника“ 265
 Георгий Акрополит 274
 Георгий Монах или Амартол 102
 Георгий Писада 32, 101
 Георгий Синкелл 101
 Герберт, архиепископ Реймский 136
 Герборд 242
 Гервасий Кентерберийский 172
 Гервасий, пражский кононик 249
 Герлах, аббат 249
 Герман Паралитик 195
 Гермогеннан, римский юрист 22
 Герольд, издатель „Салической правды“ 60, 3.6
 Геррада Ландсбергская 183
- Ги де Базош 120
 Гиберт, аббат Ножанский 117—118, 139
 Гизо, Франсуа 351
 Гильдас, монах 91
 Гильом, архиепископ Гирский 120—121, 143
 Гильом Бретонский 142
 Гильом Жюмьежский 137
 Гильом из Нанжи 143—144
 Гильом из Пуатье 137
 Гильом Тудельский 145
 Гикмар, архиепископ Реймский 88
 Гиральд Камбрийский 173
 Глабер, Рауль, монах 140—141
 Главвиаль, Ранульф 169
 Говден, Роджер 172
 Гомара, Лопес де 333
 Гоппер 328
 Гори, Эндрью 170
 Городские хартии 111, 129, 164, 189—190, 210—211, 244—245, 256—257, 288, 291, 296, 298
 Гостомский 338
 Готье, концлер 120
 Гольберг, В. 334
 Гранвелла, кардинал 317, 328
 Гракклад 122
 Грациан, монах 305
 Грегори, Уильям 178
 Григора, Никифор 274—275
 Григорий, епископ Турский 23, 63—65, 67
 Григорий Катинский 218
 Григорий Пакуриан 278
 Грифонibus, Маттео де 222
 Гротсвита 192—193
 Гроций, Гуго 328
 Гумпольд, епископ Мантуанский 247
 Гунтер, монах 125
 Гус, Ян 251
 Гуттен, Ульрих фон 337
 Гюг, монах 197
- Далимия 249
 Дандоло, Андрей, дож 220
 Даниил II, архиепископ 285
 Данте Алигьери 225
 Делаярди 358
 Делони, Томас 321
 Дескло, Бернат 238
 Десколь, Бернат 239
 Де Ту 325
 Деуслеит, кардинал 305
 Деяния епископов и аббатов 83, 135, 175, 191, 194, 198, 306
 Джоффрау Монмаусский 173
 Дионисий Малый 305
 Дисето, Ральф 172
 Длугош, Ян 255, 260—261
 „Дневник парижского буржуа“ 150
 Доментнан, монах 285
 Дориа, Джакомо 219
 Дубровский, П. П. 355—357
 Дудон Сен-Кантенский 137
 Дука 275
 Дуклянский пресвитер 287
 Дю Берни, Мишель 151
- Евнапий из Сард 23
 Евсевий Кесарийский 24—25

- Евстафий, митрополит Солунский 279
 Евтропий 26
 Евфимий Тырновский, патриарх 280
 Екатерина Медичи 317, 328, 356
 Елизавета Английская 317, 328
- Жанна д'Арк 152
 Жерсон, Жан 304
 Жижка, Ян 253
 Жития 43, 67, 83, 98, 103, 247, 258, 267, 280, 284—285, 301—302, 307
 Жоффруа из Вижуа 40
 Жувенель Дезюрсен 147
 Жуэвиль, Жан 144—145
- „Закон судный людям“ 106
 „Законник Стефана Душана“ 284
 „Законы Вильгельма“ 167
 „Законы Торо“ 235
 „Земледельческий закон“ 99, 104
 Земские доски 245
 Земские уложения 189, 245—246, 256, 287, 296—302
 „Зерцала“ 111, 170, 186—187, 234
 „Золотая булла“ 188, 292
 Зонара, Иоанн 273
 Зосима 23
 Зурара, Гомец 240
- Ибелин, Жак д' 122
 Ибелин, Жан д' 122
 Ибрагим ибн-Якуб 241
 Ив, епископ Шартрский 197, 305
 Иван, горицкий архидьякон 287
 Игнатий, дьяков 285
 Идаций, епископ 28, 48
 Идмер, монах 171
 Идриси 256
 Иероним, отец церкви 25
 Иерофей, митрополит Мопевасийский (псевдо-Дорофей) 341
 „Иерусалимские ассизы“ 121—123
 „Именник болгарских ханов“ 106
 Инфессура, Стефано 307
 Иоанн, епископ Бикларский 28, 48
 Иоанн, аббат Виктрингский 205
 Иоанн Диакон 220
 Иоанн из Лукавец 253
 Иоанн из Целлы 174
 Иоанн Камениста 267
 Иоанн Канабарий, аббат 274
 Иоанн Мосх 103
 Иоанн Солсберийский 172
 Иоанн Экзарх 282
 Иоанн Эфесский 33
 Иордан 55—56
 Иордан Оснабрюкский 206
 Исидор, епископ Севильский 48—50
 Исидор Меркатор 305
 Итье, Бернар 140
- Кадлубек, Винцент 259
 Казобов, Исаак 346
 Каллист, патриарх 280
 Кальвин, Жан 325—346
 Кампанелла, Томмазо 330
 Канале, Мартино 220
- Капитулярии 52, 60, 74, 76—77
 „Капитулярный о поместьях“ 72—73
 Карл IV, император 246
 Карл V, император 317, 328, 335, 327
 Карл VIII, французский король 356
 Карл IX, французский король 356
 „Карта Пейтингера“ 22
 Картулярии 72, 78, 127, 161, 255
 Каскифеллоне, Кафаро де 219
 Кассиодор, Аврелий 54—55
 Кастильо, Диего дель 238
 „Каталог баронов“ 209
 Кедрин, Георгий 102, 172
 Кезан, Симон 293
 Кекавмен 272
 Кемден, Уильям 322
 Кенигсхофен, Яков Твингер 204, 206
 Киннам, Иоанн 274
 Кленович, Себастьян 338
 „Книга прав Генуэзской республики“ 212
 „Книга ремесла“ Этьена Буало 130
 „Книга Страшного суда“ 157—159
 „Книга феодалов“ 164
 „Книга ценза Дании“ 296
 „Книга епарха“ 266
 „Кодекс Феодосия“ 22
 Кодекс Эйриха 45
 „Кодекс Юстиниана“ 29, 215
 Козьма, пресвитер 282
 Козьма Пражский 248—249
 Колумб, Христофор 311—332
 Коммин, Филипп де 153—154
 Компания, Дио 221
 Конрад, священник 201
 Константин VII Багрянородный 102, 268—269
 Константин Философ 285
 „Константинов дар“ 304
 Консульские фасты 23
 Кордовский Аноним 51
 Корно, Бернардино 219
 Корнер, Герман 204, 299
 Крабице, Бенеш 251
 Красс, Петр 197
 Крешенца, Пьеро 210
 Кристиан, монах 247
 Критовул, Михаил Гермолор 276—277
 Крузий, Мартин 341
 Кутюмы 111, 131—133
 Кювелье, трувер 150
- Лаббе, Филипп 350
 Ла Брокьер, Бертрадон де 285
 Лаврентий (Вавржинец) из Бржезове 252
 Лаврентий, монах 247
 Ла Гомберьер, де 324
 Ламарш, Оливье де 155
 Ламберт Ардрский 139
 Ламмешринге, Генрих 204
 Ламперт Герсфельдский 195—196
 Ландульф Младший 218
 Ландульф Старший 218
 Лас Касас, Бартоломе 332—333
 Лебель, Жан 149
 Леувье, Жиль 147
 Лев Диакон (или Калойский) 271
 Лев, кардинал Остинский 217

- Лейбниц, Годфрид 349
 Ленгленд, Уильям 177
 Леон, французский посол в Венеции 356
 Леонтий, епископ Непольский 103
 Летониси 281, 284—286
 „Лжеисидоры декреталии“ 365
 Лиутпранд, епископ Кремонский 193
 Лихачев, Н. П. 357
 „Ломбарда“ 214
 Лопеш, Фернан 239
 Луккарич, Яков 342—343
 Луп, аббат Ферьерский 88
 Льебо, Ж. 323
 Людовик XI, французский король 356
 Лютер, Мартин 317, 335, 346
- Мабильон, Жан 348, 357
 Магнус, Олай 340
 Мазарини, кардинал 356
 Макиавелли, Николо 329
 Максим, епископ Сарагосский 48
 Малала, Иоанн 34
 Малакпина, Саба 225
 Мальтерра 224
 Малипьеро, Доменно *220
 Манассия, Константин 273, 281
 Манегольд Лиутенбахский 197
 Мап, Уолтер 173
 Марангон, Бернард 222
 Маргарита Австрийская 328
 Маргарита Пармская 328
 Марий, епископ Авантский 28, 53
 Марьовые уставы 182—183, 214, 334, 337
 Марсилиус Падуанский 206
 Мартин из Болькенхейма 253
 Маскаро из Безье 151
 Маслен, депутат Турских штатов 1484 г. 156
 Матвей Власич Иллирийский 346
 Матвей Грамматик 342
 Матвей Парижский 174—175
 Матезий 335
 Мацей из Мехова 339
 Меланхтон, Филипп 345
 „Мельфийские конституции“ 216
 Менандр Протиктор 32
 Меркадо, Томас де 330
 Мицеллий 289
 Минь, аббат 351, 352
 Молнис, Адам, епископ Чичестерский 166
 Моммзен, Т. 24
 Монкретьен, А. 323
 Моистреле, Ангерран де 155
 Монтальво, крист 215
 Монфокок, Бернар 348
 Мор, Томас 322
 Моргадо, Алонсо 330
 Морени, Отто 223
 Морозини, Антонио 220
 Морские уставы 101, 135, 215, 232, 288
 Мунтанер, Рамон 238—239
 Муратори 349
 Мусато, Альбертино 222
 Мюгельн, Генрих фон 293
 Мюнцер, Томас 35—336
- Нейний 93
 Нери, Донато 222
 Никифор, патриарх 102
 Никифор Бриенний 272
 Николай из Пельгржимова 253
 Николай Кузанский 203
 Николай Ямский 225
 Нитгард 85
 Нотариальные минуты 110, 127—128, 322
 Ноткер Занка 84
- Оберто, генуэзский канцлер 219
 Обинье, Агриппа д' 325
 „Образцы описей церковных и королевских земель“ 72
 „Сблещение баяров и хорутан“ 104
 „Обязанности разного рода вассалов в поместье“ 91
 Овьедо-и-Вальдес 333
 Ожеховский, Станислав 338
 Озенбюге, Фернанд 299
 Олимпидор из Фив 23
 „Описание всего мира“ 22
 Опили поместий 161—162, 182, 244, 255, 264, 291, 296
 Орбиниц, Мавро 342
 Орденик, Риталли 137
 Орм, Николай 156
 Оржемон, Пьер д' 146
 Орозий, Павел 27
 Остророг, Ян 262
 „Ответы ппм Николая I“ 106
 Отгон, епископ Фрейзингенский 199—200
 Оттон Тюрингский, аббат 250
- Павел Днакон 57—58
 Памфлеты 166, 197, 206—207, 322, 327, 328, 337
 Паленсии, Алонзо де 238
 „Панская книга Римской церкви“ 306
 Папские буллы 301—302
 „Партиды“ 34—235
 Паруги 329
 Пастоны (архив купцов) 165
 Пасхазий Рагберг, аббат 88
 Пахимер, Георгий 274
 Пелайо, епископ Овьедский 236
 Пертц, Г. 350—351
 Песни, баллады, эпос 84, 6. 141—142, 176, 202, 230, 253, 261, 271, 282, 286
 Петр, аббат Кляунийский 141
 Петр Дунбургский 205
 Петр Днакон 217
 Петр из Бычины 260
 Петр из Младномен 252
 Петр из Циттау, аббат 250
 Петр Монах 145
 Петрарка 225
 Петровский статут 257
 Пигафетта, Антонио 333
 Пикколоми н, Эвей Сильвий 206, 253, 304
 Пина, Рюи де 240
 „Пира“ 112
 Пигас 15
 Питти, Бонакорзо 222
 Питу, Пьер 347
 Плиний Старший 15, 17
- Нэйтон, Генри 176
 Неккам, Александр, аббат 164

- „Податной устав“ 266
 Подидор Виргилий 322
 Политики 41, 70—71, 249
 Поло, Марко 226
 Поршнев, Б. Ф. 356
 „Порядок ведения парламента“ 178—179
 Посмертные расследования 163—164
 Поссидий, епископ 51
 „Постановления св. Мартина“ 216
 Правды 38—39, 45—47, 52—53, 56—57, 59—62, 74—76, 89—90, 290—291, 297
 Приказчиьи отчеты 162—163
 Примат, монах 143
 Приск Павийский 51
 „ро. олжатели Фр-дегара“ 66 67
 „Продолжение хроник Иоанна Бикларского“ 51
 „Продолжение Фефана“ 20—271
 „Продолж. Кеса и... кий 31—32
 ро пер Тирон 18
 „русский епископ Груакский 86
 „сево-лаврикий 33—34
 „севдо-Фредега“ 65—66, 104
 „Посл. Михаил 271
 „Птоломей 19—20
 Пулкава, Прибик 250
 Пулар, Эрнандо дель 239
 Пульона, Франчесо дельла 222
 Путив дитени 116
 Пуэр м. Ни 253
 Пюлоран, Гильом 145
- Рабан Мавр 84
 Рабочие законодатель тво 119 169. 35
 Рагальте и. канцлер 298
 Рад. Хименес де 236—237
 Раймер 349
 Раймунд Альский 118
 Рабьяна, Николай 342
 Рахвин 200
 Рацци, Серафим 342
 Редон, абба 87
 Рей, Николас 338
 Рейхин, Иоанн 346
 Риан 124—125
 Рив донейри 334
 Риор, монах 142
 Ригго, Эд, архиепископ Руанский 305
 Рикрдо из Сан-Джермоно 224
 Риброг, монах 295
 Рихер, монах 135
 Рича, д. каноник 121
 Ринлар Шальмник 119
 Ришелье, кардинал 317, 326, 357
 Робер де Клари 124
 Роберт Монах 117
 Родс, Иоанн 204
 Родвинк, Вернер 205
 Ромальд, архиепископ Салернский 218, 224
 Россехне, С 340
 Руа, Жан де 153
 Руотсер, монах 194
 Рурикий, епископ Лиможский 47
 Рус, Мельхиор 205
 Руфин Аквилейский 23
 Ручелан 328
- Сабелико 221
 Савва, сербский архиепископ 284
 Саксон Грамматик 296—297
 Саги 98, 300—302
 Саксонский анналист 119
 Салимбене Пармский 223
 Салутати, Колуччо 225
 Сальвиан 27
 Сампиро, епископ Асторгский 236
 Санудо, Марино, Младший 220
 Санудо, Марино, Старший 125
 Сарпи, Паоло 340
 Сборники формул 40, 47, 62—63, 78—79
 Свидя 105, 269—270
 „Свод канонического права“ 306
 Сегье, Пьер 355
 Сези, французский посол в Турции 356
 Сехувд, епископ Тридентский 57
 Сели (а хив купцов) 165
 Сен-анский монах 147
 „Сенхус Мор“ 97
 Серкаччи, Джованни 222
 Серр Онье д 323
 Смиберт из Жамблау 139
 Сидоний, Аполлинарий 47
 Сикард, епископ кременский 222
 Симеон Дерамский 98, 170—171
 Симеон Магистр и Логофет 270
 Симеон Метафласт 103, 270
 Симокатта, Феофилакт 32
 Симонетта, Джованни 219
 „Синодик царя Борила“ 282
 „Сказание о чудесах св. Дмитрия“ 33
 Скалингер, Юст 346
 Скарга, Петр 338
 Скилица, Иоанн 272
 Слагата, Вилем 338
 Слейдан, Иоанн 335
 Снорри Стурлусон 301, 302
 Созомен 25
 Сократ Схоластик 25
 Сотенные Свитки 160
 „Статут медных и серебряных рудников
 г рода Массы“ 212
 „Статуты Конрада“ 245
 Стелла, Георгий 219
 Стелла, Джованни 219
 Стефанн, Маркионе 211
 Стонопы (архив купцов) 165
 Стоу 322
 Страбон 17
 Стрыйковский, Мацей 339
 Студит, Дамаскин, митрополит 341
 Стурла Торлсон 302
 Сугерий, аббат 119, 128, 136—137
 Судебные регистры 134—135, 163, 169, 320
 Сульпиний Север 26
 Сухтелен П. К 357
 Сюлли, Максимилиан де 325—326
- Тагенон 119
 Тагмар Гильдесгеймский 194
 Таурин, Иштван 339
 Тацит 18—19
 Теган 82
 „Телячья книга бететрий“ 228

- Теодрик, монах из Надхольма 300
 Теодульф 84
 Тигернах, аббат 97
 Тимарион* 267
 Титмар, епископ Мерзебургский 193—194
 Томас из Стрегнеса, епископ 299
 Торгильсон, Ари 300
 Торговые книги 111, 131, 185, 213, 328
 Тубарон, аббат 339
 Тулебод 117
 Туроци, Иоанн 293
 Тэссер Т. 321
- Уас, пост 137
 Унии 262, 297
 Уивест, Яков 205
 Уолсингем, Томас 174
 Урбарни см. Описи поместий
 „Устав тампайеров“ 123
 Уццано, Бернардо д'Антонио 214
- Фальканд, Гуго 224
 Фалько Беневентский 224
 Фауст, епископ Риезский 47
 Феодорит Кирский 26
 Феодосий, монах 285
 Феофан Исповедник 101—102
 Феофил, монах 183
 Феофилакт, архиепископ Охридский 279
 Филипп II, испанский король 317, 328, 331
 Филипп Новарский 121—122
 Фидгерберт, А. 320
 Фид-Ниль, Ричард, лондонский епископ 172, 179
 Фид-Тедмар, Арнольд, лондонский олдермен 177
 „Флега или комментарий по английскому праву“ 170
 Флодоард Реймский 135
 Флоренций, монах 170
 Фогельвейде, Вальтер фон дер 202
 Фома Сплитский, архидиакон 287
 Фонтен, Пьер де 133
 Формулярии см. Сборники формул
 Фортестью, канцлер 180
 Фортунат 67—68
 Фотий, патриарх 103
 Франдзи, Георгий 275—276
 Франк, Себастьян 336—337
 „Франко-бельгийский Меркурий“ 328
 „Французский Меркурий“ 327
 Франтишек, пражский каноник 250
 Фрис, Лоренц 336
 Фрич-Моджевский, Андрей 338
 Фротарий, епископ Тульский 88
 Фруассар 149
 Фульхерий Шартрский 118
 Фуэрос 111, 229—235
- Хаген, Готфрид 203
 Халкокондил, Лаоник 276
 Хенли, Вальтер 162
 Хигден, монах 177
 „Хождение митрополита Пимена в Царьград“ 285
 Холиншед 322
 Холя 322
 Хоматиан, Дмитрий 280
 Храбр, Черноризец 280
 Христина Лизанская 150
 „Хронограф 354 г.“ 24
- Цамблак, Григорий 285
 Цвингли 335
 Цезарь 16—17
 „Церковная таксация папы Николая IV“ 160—161
 Цеховые уставы 111, 130, 184—185, 211, 231, 245
 Цинк, Буркард 203, 204
- Чуди, Эгидий 205
- Шартье, Жан, монах 147
 Шатлен, Жорж 155
 Шедель, Гартман 204
 Шиллинг, Дибольд, Младший 205
 Шиллинг, Дибольд, Старший 205
 Штейн, Карл барон фон 350
- Эбевдорфер, Томас 205
 Эд Дейльский 119
 Эдды см. Сага
 Эйке, судья из Релгова 186
 Эймоин, монах 136
 Эйнгард 81—82, 88
 Эккехард из Ауры 118, 196
 „Эклога законов“ 100
 Экстенты см. Описи поместий
 Эльфрик, архиепископ Кентерберийский 91
 Энодий, епископ Павийский 53
 Эразм Роттердамский 346
 Эрмольд Черный 82
 Эрнуль 121
 Эррера, Антонио 333
 Эрхемперт, монте-кассинский монах 83
 Эсту ле Гоз 128
 Этельверд 95
 Этьен, III. 323
- Юлиан, епископ Толедский 50
 Юстингер, Конрад 205
- Яков Витрийский 121
 Янко из Чарькова 260

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
Поздняя античность	
<i>Глава I.</i> Источники по истории древних германцев, славян, поздней Римской империи и Византии (до середины VII в.)	15
Раннее средневековье	
<i>Глава II.</i> Общая характеристика источников V—IX вв.	37
<i>Глава III.</i> Источники по истории «варварских» государств	45
<i>Глава IV.</i> Источники по истории каролингской империи	69
<i>Глава V.</i> Источники по истории Англии и Ирландии (до середины XI в.)	89
<i>Глава VI.</i> Источники по истории Византии (с середины VII в.)	99
<i>Глава VII.</i> Источники по истории западных и южных славян (с VII в.)	104
Развитой феодализм	
<i>Глава VIII.</i> Общая характеристика источников X—XV вв.	109
<i>Глава IX.</i> Источники по истории крестовых походов	116
<i>Глава X.</i> Источники по истории Франции	126
<i>Глава XI.</i> Источники по истории Англии (с середины XI в.)	157
<i>Глава XII.</i> Источники по истории Германии	181
<i>Глава XIII.</i> Источники по истории Италии	208
<i>Глава XIV.</i> Источники по истории Испании и Португалии (с VIII в.)	227
<i>Глава XV.</i> Источники по истории полабских и поморских славян (до XIII в.)	241
<i>Глава XVI.</i> Источники по истории Чехии	243
<i>Глава XVII.</i> Источники по истории Польши	254
<i>Глава XVIII.</i> Источники по истории Византии	263
<i>Глава XIX.</i> Источники по истории южнославянских стран	278
<i>Глава XX.</i> Источники по истории Венгрии	290
<i>Глава XXI.</i> Источники по истории скандинавских стран и Исландии	295
<i>Глава XXII.</i> Источники по истории папства и церкви	303
Позднее средневековье	
<i>Глава XXIII.</i> Общая характеристика источников XVI—середины XVII вв.	311
<i>Глава XXIV.</i> Источники по истории отдельных стран	319
Очерк по истории издания средневековых источников	344
Рукописные источники по истории средних веков в СССР	354
Библиография изданий источников	359
Именной указатель авторов исторических произведений, издателей источников и названий безавторских трудов	367

Люблинская Александра Дмитриевна
Источниковедение истории средних веков

Редактор *Н. Н. Денисов*
Художник *Ю. Я. Терентьев*
Техн. редактор *А. В. Иванова*
Корректоры *Г. М. Юдина* и *Н. П. Коннова*

Подписано к печати 2 XI 1955 г. М-51948.
Печ. л. 32,02. Уч.-изд. л. 31,32. Бум. л. 11,69.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Тираж 4000.
Заказ 1106.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград,
Университетская набережная, 7/9.